
И 267/28
т. 2

Василій Сидоровъ.

ПО РОССІИ.

2.

КАВКАЗЪ.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ и ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

ПРАКТИЧЕСКІЯ СВѢДЕНІЯ ДЛЯ ТУРИСТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Акинфіева и И. Леонтьева, Бассейная, 48.
1897.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПО РОССІИ.

2.

КАВКАЗЪ.

I.

Степи.

Встрѣча съ товарищемъ. Въ степяхъ Предкавказья.

Не то, что мните вы, природа—
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Тютчевъ.

На вокзалѣ въ Ростовѣ толпился народъ. Суета была невообразимая, хотя до отхода поѣзда во Владикавказъ оставалось еще болѣе получаса.

Я сидѣлъ у маленькаго столика и пилъ кофе. Кто-то хлопнулъ меня по плечу. Я быстро оглянулся.

— Туманьянцъ! воскликнулъ я, совсѣмъ пораженный этой неожиданной встрѣчей.

— Онъ самъ, проговорилъ онъ, подсаживаясь ко мнѣ. Туманьянцъ или Тумановъ, какъ попросту мы его звали, былъ моимъ университетскимъ товарищемъ. Мы съ нимъ вмѣстѣ работали и по химіи, и по физіологіи, были всегда въ хорошихъ и пріятельскихъ отношеніяхъ, симпатизировали другъ другу, а по окончаніи курса разстались, разъѣхались въ разныя стороны и въ настоящую минуту, послѣ многолѣтней разлуки, судьба насъ снова соединила.

1

Тумановъ былъ армянинъ и его фамилію передѣлали ему товарищи и по гимназіи и по университету, почему и я называлъ его всегда на русскій ладъ Тумановымъ.

— Что сей сонъ значитъ? спросилъ онъ, внимательно разглядывая меня своими великолѣпными черными глазами. Что занесло васъ сюда въ Ростовъ?

— Я ѣду на Кавказъ.

— Я ѣду тоже въ Тифлисъ, я тамъ живу. Я пріѣзжалъ сюда въ Ростовъ по дѣламъ. А вы ѣдете прокатиться?

— Я ѣду, чтобы ознакомиться съ Кавказомъ, проникнуть въ его сокровенные уголки. Таже страсть видѣть свѣтъ, которая всю жизнь гоняла меня по бѣлу-свѣту, повлекла меня на Кавказъ, въ ваши горы. Я хочу близко ознакомиться съ ними, чтобы описать ихъ. Кромѣ того я заработался въ Петербургѣ зимой и меня прогнали на югъ. Теперь я ѣду прямо въ Баку къ моимъ роднымъ, съ которыми собирался недѣлю пожить въ Ленкорани. Мы списались телеграммами и вотъ я здѣсь.

— Такъ до Тифлиса мы съ вами попутчики, сказалъ Тумановъ, я вамъ все покажу, что есть интереснаго, вѣдь здѣсь моя родина, но можетъ быть я навязываюсь.

— О нѣтъ, нѣтъ, воскликнулъ я, отлично понявъ его мысль. Я съ удовольствіемъ принимаю ваше общество и дорожу имъ.

Онъ сжалъ мою руку.

— Я зналъ это, вы всегда въ университетѣ хорошо относились ко мнѣ, не обращая вниманія на мою

національность. Да, да не возражайте. До сихъ поръ еще и среди университетской молодежи много такихъ, которые отворачиваются отъ насъ—армянъ.

— Изъ Баку я возвращусь вновь въ Тифлисъ, сказалъ я, мы можемъ встрѣтиться.

— Мало того, воскликнулъ Тумановъ, если мы не надоѣдимъ другъ другу и сойдемся опять, какъ въ былыя времена, я постараюсь такъ устроиться, что поѣду сопровождать васъ далѣе въ вашихъ экскурсіяхъ по Кавказу. Мнѣ будетъ очень пріятно проѣхаться съ такимъ всесвѣтнымъ туристомъ и показать ему мою родину. А вы не женились? спросилъ онъ, пристально посмотрѣвъ на меня.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я.

— Я тоже холостой. Носильщикъ, крикнулъ онъ, мои вещи и вещи этого барина положишь вмѣстѣ въ одинъ вагонъ.

Я радъ былъ этой встрѣчѣ, радъ былъ, что Тумановъ будетъ сопутствовать мнѣ по Кавказу и покажетъ все, что нужно видѣть. Я радъ былъ ему, какъ крайне милому, хорошему, простому товарищу, веселому человѣку, воспоминанія о которомъ съ университетской скамьи остались въ самомъ радужномъ свѣтѣ. Онъ мало измѣнился въ теченіи этихъ лѣтъ, оброcъ бородой и еще болѣе загорѣлъ, а его большіе глаза сохранили все тоже милое, ласковое выраженіе. Это былъ типъ красиваго армянина.

Мы усѣлись въ вагонъ и поѣздъ помчалъ насъ изъ Ростова.

— Глядите на городъ, сейчасъ будетъ мостъ черезъ Донъ.

Донъ превратился въ настоящее море, а громадный Ростовъ разсѣлся по высокому береговому скату, поднялъ свои колокольни церквей и каланчи надъ хаосомъ домовъ и садовъ и растянулся на безконечное разстояніе вдоль рѣки.

— Хороша панорама! восхищался Тумановъ. Красота!

Я не могъ не восхищаться этимъ колоссальнымъ городомъ, особенно послѣ однообразія дороги въ степяхъ. Отъ самаго Воронежа, такъ красиво лежащаго надъ Вороной, мы долгіе часы неслись по скучнымъ степямъ, однообразіе которыхъ нарушалось рѣдкими хатами съ соломенными кровлями и вѣтренными мельницами съ поломанныхъ отъ весеннихъ бурь крыльями. Однообразіе степи давило и угнетало и дивная панорама Ростова, одного изъ самыхъ блестящихъ русскихъ городовъ,—поражала теперь, глядя на желѣзнодорожный мостъ, по которому летѣлъ нашъ поѣздъ.

Донъ остался за нами. Ростовъ слился съ горизонтомъ и мы неслись по новымъ безконечнымъ степямъ. Повсюду мелькали огненные цвѣты тюльпановъ и лиловые пѣтушки касатиковъ.

— Смотрите тюльпаны, воскликнулъ я, поражаясь огненнымъ ковромъ, раскинутымъ по степи. Какая ихъ масса!

— О, вы по прежнему увлекаетесь цвѣтами, засмѣялся Тумановъ, я помню, вы всегда были ярымъ ботаникомъ и неумолимы были на прогулкахъ. Что касается меня, я все позабылъ.

Поѣздъ остановился на Кагальницкой станціи. Дѣвушки съ букетами ландышей и разнообразныхъ

тюльпановъ, бѣлыхъ, желтыхъ, розовыхъ, пунцовыхъ, расписныхъ, осаждали вагоны.

— Развѣ здѣсь есть ландыши? удивился я.

— Нѣтъ, эти ландыши онѣ достаютъ изъ горъ и привозятъ сюда по желѣзной дорогѣ на станціи, объяснилъ Тумановъ.

До чего безконечны, однообразны, унылы и скучны эти громадныя степи, которыя разлеглись отъ Дона до Кавказскаго хребта и отъ Чернаго моря до Каспійскаго. Куда ни глянешь—все ровная и однообразная мѣстность, ширь и гладь. Рѣдко, рѣдко промелькнетъ ничтожный кустишка, да и тотъ какъ-то робко поднимаетъ свои вѣтки, чувствуя, что онъ лишній,— здѣсь, въ этой гладкой, безграничной степи, въ этомъ царствѣ однихъ травъ и весеннихъ цвѣтовъ. Здѣсь раздолье безчисленнымъ отарамъ овецъ, здѣсь носятся громадные табуны лошадей. Кое-гдѣ подняли свои золотыя звѣздочки горицвѣты, да луговые малиновые піоны, эти «воронцы» южныхъ степей, и поля тюльпановъ покрыли большія пространства. Весною степь прелестна. Это море цвѣтовъ, гдѣ сплелись метла шалфеевъ съ бѣлыми султанами донника, гдѣ поднялись цвѣты зонтичныхъ, солнышки девясилей и гдѣ колышется серебрясь длинноволосый ковыль. Я люблю степь. Она навѣваетъ раздумье и уноситъ далеко, далеко отъ земли. Этотъ безконечный просторъ мчитъ въ неопредѣленную даль и замираешь въ какомъ-то сладкомъ, неописуемомъ оцѣпененьи. Гдѣ-то за зеленью степи взвился дымокъ, но не видно костеръ-ли это или хуторъ. Дымокъ тихо подни-

мался надъ степью и стоялъ въ воздухѣ. Поѣздъ перелетѣлъ черезъ мостъ.

— Это Урупъ, сказалъ Тумановъ.

— Рѣчка?

— Да, рѣчка. Это бѣшеный потокъ. Онъ вѣчно полонъ карягъ, пней, обломанныхъ стволовъ. Теперь въ немъ мало воды, а во время таянья снѣговъ и дождей онъ страшно вздувается и превращается въ ужасную пучину. Здѣсь въ прибрежныхъ кустахъ водится много кабановъ.

— Вотъ и Тихорѣцкая, сказалъ Тумановъ. Здѣсь отдѣляется вѣтвь на Новороссійскъ.

Позже мнѣ случилось познакомиться и съ этой боковой вѣтвью, прорѣзавшей степь, перешедшей Кубань у самого Екатеринодара, городка, потонувшаго въ садахъ, и подошедшей къ самому морю у скучнаго и сквернаго Новороссійска. Вся вѣтвь до моря невѣроятно скучна. Поѣзда тихо тащутся по степямъ, жара царитъ невозможная и только одинъ зеленый Екатеринодаръ, весь въ плодовыхъ садахъ, въ кудряхъ вишенъ и грушъ, въ стройныхъ пирамидальныхъ тополяхъ и бѣлыхъ акаціяхъ на нѣсколько минутъ освѣжаетъ васъ. За то послѣ дорога кажется еще болѣе невыносимой, душной и пыльной. Громадныя зонтичныя, репейники, шалфеи, чудовищные щавели и скабіозы торчатъ по степямъ, наслаждаясь лѣтнимъ зноемъ, и увеличиваютъ своимъ однообразіемъ тяжелое впечатлѣніе и жары и усталости.

Все степь и степь. Порою высятся курганы, эти старые молчальники, хранящіе тайны прежнихъ вѣковъ въ своихъ глубокихъ нѣдрахъ. Довольно рѣдкія

станціи Владикавказской дороги, красныя кирпичныя зданія, завитыя виноградомъ, окруженныя садиками, выплывали, словно оазисы, въ безконечной степи. Публика дѣлалась все черномазѣе, носы стали удлинняться, появились бурки, башлыки, папахи, кинжалы, послышалась твердая, своеобразная для Кавказа русская рѣчь.

Вотъ и станція Кавказская съ боковой вѣтвью на Ставрополь.

— Вы бывали въ Ставрополѣ? спросилъ я Туманова. Оказывается онъ всюду бывалъ и такъ расхвалилъ мнѣ красоту садовъ Ставрополя, что позже я соблазнился и посѣтилъ этотъ городокъ. Онъ показался мнѣ и благоустроеннымъ, и тѣнистымъ, и старый Воронцовскій паркъ подкупилъ меня въ пользу города, но все-же кромѣ тоски я ничего изъ него не вынесъ и поспѣшилъ поскорѣе убраться изъ этого города, основаннаго болѣе 100 лѣтъ назадъ съ стратегическою цѣлью и окруженнаго укрѣпленіями.

Здѣсь на Кавказской станціи я впервые увидѣлъ арбу, удивительный экипажъ съ двумя громадными колесами. Собственно говоря, это два колеса съ жердочкой между ними для сидѣнья и двѣ оглобли, придѣланныя къ колесамъ. Арба стонетъ, визжитъ, воетъ, надрывая душу, медленно двигаясь по степной дорогѣ, и этотъ плачъ арбы надолго остается въ ушахъ...

Тумановъ разсказывалъ массу исторій изъ Кавказской жизни, о своихъ работахъ, экскурсіяхъ и въ теченіи этого суточнаго переѣзда, мы снова сблизились съ нимъ. Я рѣшилъ посѣтить минеральныя

воды и всѣ группы ихъ. Тумановъ вызвался мнѣ сопутствовать.

Мелькнула большая станица Прочзино съ двумя церквями и, когда надъ степью спустился вечеръ, мы подъѣхали къ Армавиру. Темнота скрывала широкія пыльныя улицы городка съ его многочисленными каменными домами и садиками. Проѣзжая здѣсь днемъ, видишь въ туманномъ маревѣ степей— цѣпи холмовъ, покрытыхъ лугами. Эти холмы громоздятся все выше и выше, образуя зеленыя горы, которыя тонутъ за степью въ полуденныхъ дымкахъ. На станціи суетились пассажиры и я съ жадностью приглядывался къ этимъ характернымъ южнымъ лицамъ въ папахахъ и башлыкахъ и съ черлеными серебряными кинжалами за поясами.

— Это кто такой? спросилъ я Туманова, указывая на небольшаго человѣка, съ смуглымъ цвѣтомъ лица, одѣтаго въ заплатанную черкеску съ сдвинутой небрежно на сторону папахой.

— Это казакъ, отвѣтилъ онъ, черноморскій казакъ, лихой охотникъ на кабановъ.

— Не пластунъ-ли? переспросилъ я. Не помню гдѣ, но я читалъ, что здѣсь жили пластуны.

— Можетъ быть и изъ пластуновъ, сказалъ Тумановъ, только какіе-же теперь пластуны! Впрочемъ, можетъ быть.

Я былъ увѣренъ, что это былъ пластунъ, можетъ быть и рѣдкій и очень измѣнившійся типъ въ настоящее время. Пластунъ! Именно такіе были эти люди, переселенцы съ Днѣпра, лихіе запорожцы рыцари, черноморскихъ степей, ползавшіе, какъ

змѣи, среди кустовъ и камышей, среди степныхъ травъ и береговыхъ зарослей Кубани, переносившіе патроны въ зубахъ и державшіе при этомъ въ рукахъ ружья, за что и получили названіе пластуновъ. Такіе были эти грозные воители и враги горцевъ, съ которыми они вели долголѣтнюю, непримиримую войну, считая удалью всякое преступленіе и жестокость, эти оборонители нашихъ первыхъ военныхъ линій на Кавказѣ, когда наши границы проходили по степямъ и Кубани.

Я съ любопытствомъ глядѣлъ на этого «слѣдопыта» нашихъ степей, на этого спокойнаго отважнаго малаго, укрывателя собственныхъ дорогъ и слѣдовъ. Теперь онъ давно пересталъ быть рыцаремъ степей, онъ давно обратился въ мирнаго жителя и гражданина громадныхъ станицъ, онъ спокойно засѣваетъ свои поля, разводитъ виноградъ и сливу и его воинственный видъ утратилъ прежнюю грозность. Правда, онъ по прежнему темнаго цвѣта, но его загаръ,—уже не загаръ отъ пороховаго дыма, а отъ сельскихъ работъ и теперь онъ усердно вырываетъ для своихъ кровель Кубанскіе камыши, въ которыхъ когда-то скрывался и ползалъ, выслѣживая и выжидая врага.

Звѣздное небо раскинулось надъ степью и заставило меня вспомнить такое-же небо надъ Атлантическимъ океаномъ. Звѣзды необычайно ярко горѣли на куполѣ неба и глядѣли въ черную, потонувшую во мракѣ ночи, степь. Мы долго стояли съ Тумановымъ рука объ руку на площадкѣ вагона и оба смотрѣли куда-то въ даль, въ темную ночь. Меня

тянуло туда, на Кавказъ за горы, и я чувствовалъ, какъ поѣздъ мчалъ меня къ подножію этого изумруднаго хребта Кафа, какъ его называли въ древности, къ горамъ, черезъ которыя пролегала дорога въ сказочную Индію, за которыми струятся златоносный Фазисъ и гремящій Ріонъ, за которыми стоятъ памятники всѣхъ этихъ былыхъ царствъ и ханствъ, гдѣ обитали безчисленные народы съ ихъ особыми нравами, одеждами и языками. О, какъ я мечталъ всегда объ этихъ горахъ, какъ онѣ рисовались моему воображенію! Черная ночь и даль скрывали ихъ отъ моихъ глазъ, а я ужь чувствовалъ, что горы недалеко, что сказочный хребетъ Кавказа, уже тянется за степями, скрывая царство царицы Тамары и царя Давида, этихъ двухъ полулегендарныхъ героевъ Кавказа.

Мы молчали, подавленные тишиной степи. Только звѣзды вспыхивали надъ нами, да порой гдѣ-то вдали раздавался тревожный крикъ испуганной ночной птицы.

* *
*

Я проснулся очень рано. Безконечная голая степь тянулась по прежнему во всѣ стороны. Теперь весной она была прелестна, но какъ томительна она позднимъ лѣтомъ, какъ она уныла, желта и душна и съ какимъ нетерпѣніемъ ждешь окончанія мучительной дороги, тѣмъ болѣе, что въ вагонахъ всегда тѣсно, на протесты публики не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, поѣзда ходятъ невѣроятно тихо

и несоразмѣрно долго стоятъ на станціяхъ, неизвѣстно въ угоду кому, но, конечно, не замученнымъ и истомленнымъ пассажирамъ.

Въ третьемъ классѣ не только нѣтъ ни малѣйшихъ удобствъ, особенно для больныхъ, которые ѣдутъ лечится, но кондуктора и начальники станцій словно сговорились замучить несчастныхъ пассажировъ. На два мѣста сажаютъ троихъ. Тѣснота и духота невыразимыя. Истомленные пассажиры ждутъ, какъ благодати, станціи Минеральныхъ водъ, а степь тянется во всѣ стороны, полная травъ, цвѣтовъ, насѣкомыхъ, залитая яркимъ солнцемъ, но все безконечная степь. И вотъ показалась гора. Одинокая, скалистая съ острой, точно съ отточеннымъ лезвіемъ, вершиной торчитъ она среди степи.

— Это Кинжалъ-гора, сказалъ Тумановъ, видите, всѣ зашевелились, скоро станція и пересадка. Глядите, вонъ Змѣиная гора, а правѣе это Верблюдъ-гора. И онъ указывалъ мнѣ на горы, которыя такъ странно и одиноко поднялись среди степей.

— Станція Минеральныя воды! Мы поспѣшили выйди, сдали наши вещи носильщику и направились въ буфетъ, гдѣ усѣлись за столикомъ.

— Компотъ изъ персиковъ, крикнулъ Тумановъ въ догонку лакею, которому заказалъ завтракъ. Вы знаете, обратился онъ ко мнѣ, это мѣстная достопримѣчательность. Нигдѣ не достать такого поразительнаго компота изъ персиковъ.

Я былъ въ эти минуты полонъ ожиданія увидѣть Пятигорскъ, Кисловодскъ, въ моей головѣ звучали имена княжны Мэри, Печорина, передъ глаза-

ми носился образъ Лермонтова, котораго я обязательно перечелъ и книжка «Герой нашего времени» котораго лежала у меня въ карманѣ, и вдругъ мысли объ ѣдѣ.

Но когда я попробовалъ компотъ изъ персиковъ, я согласился съ Тумановымъ, что компотъ восхителенъ. Мы распили бутылку кахетинскаго, которая еще болѣе заставила меня почувствовать, что я на Кавказѣ.

2.

Минеральныя воды.

Станція «Минеральныя воды». Желѣзноводскъ. Пятигорскъ, Эссентуки. Кисловодскъ.

Весенній вечеръ на равнины
Кавказа знойнаго стетѣлъ;
Туманъ медлительный одѣлъ
Горъ дальнихъ синіи вершины.

—

Бывало, добрый и безмолвный
Казакъ на пагубныя волны
Вперяетъ взоръ сторожевой:
Нерѣдко волнъ знакомый ропотъ
Таилъ коней татарскихъ топотъ
Передъ тревогой боевой.

Полежаевъ.

Мы усѣлись въ легкіе, веселые вагончики другаго поѣзда, который помчалъ насъ по степямъ мимо всѣхъ этихъ отдѣльныхъ горъ на минеральныя группы.

Въ слѣдующіе года мнѣ пришлось не разъ побывать здѣсь и удалось близко познакомиться съ этими прославленными мѣстами. Сколько разъ мнѣ приходилось слышать, что больные не только изъ Петербурга и Москвы, но даже съ Кавказа предпочитали уѣзжать на заграничныя воды и, побывавшіе на кавказскихъ, проклинали ихъ и безконечно жало-

вались на ужасную дороговизну всего, на вопіющее неустройство и полную недобросовѣстность администраціи водъ къ пріѣзжимъ. Наши кавказскія группы Минеральныхъ водъ—драгоцѣнный уголокъ, обѣтованная земля, гдѣ струятся источники живой воды, несущей исцѣленіе больнымъ и страждущимъ. Здѣсь на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга брызжутъ самые разнообразные ключи минеральныхъ водъ, превосходящіе силой и составомъ самые прославленные ключи западной Европы. Петръ Великій, геній котораго всесторонне коснулся всѣхъ богатствъ Россіи, первый ввелъ леченіе минеральными водами у насъ и велѣлъ устроить открытые имъ Липецкіе и Олонецкіе источники, а затѣмъ во время Персидскаго похода были изслѣдованы и кавказскіе ключи. Здѣсь на сорока-верстномъ разстояніи находятся и горячія сѣрнистыя воды Пятигорска, не уступающія по составу ни Ахенскимъ, ни Пиренейскимъ, здѣсь соляно-щелочные и сѣрно-щелочные ключи въ Эссентукахъ, которые подходятъ къ источникамъ Виши и Оберъ-Зальцбрунъ, горячіе источники у Желѣзной горы и знаменитая Грязнушка, подходящая по составу къ Карлсбаду. Тамбуканское соленое озеро, разсолъ котораго такой же, какъ въ Крейцнахѣ и, наконецъ кисловодскій Нарзанъ, не имѣющій себѣ соперниковъ даже въ западной Европѣ, этотъ единственный цѣлебный ключъ по своему составу, вкусу и массѣ жизни и здоровья, которыя онъ струитъ изъ черныхъ нѣдръ земли на ея поверхность. Я столько слышалъ и за и противъ про Минеральныя группы, столько посѣщалъ всѣ заграничные курорты, что го-

рѣлъ нетерпѣніемъ ознакомиться съ нашими четырьмя Минеральными группами, полными поэзій уже благодаря имени Лермонтова.

Станція «Минеральныя воды» съ ея садикомъ и царской, довольно красивой бесѣдкой, осталась позади, скрылась и острая Кинжалъ-гора и мы летѣли снова по степямъ, полнымъ цвѣтовъ и душистыхъ травъ. Кругомъ высились отдѣльныя горы, словно вулканы, шапкообразно приподнятыя надъ степью. Ярко-синіе рыцарскіе шпоры и шалфеи заполонили степь, а тысячи кузнечиковъ трещали чуть не изъ подъ каждаго листка. Поѣздъ сталъ подниматься въ гору и вдали показалась Желѣзная гора, совершенно полукруглая, вся зеленая, выступившая на фонѣ другой восхитительной горы, полной игры и красокъ, тоже отдѣльно поднявшейся среди степей.

— Это Бештау съ ея голыми вершинами, сказалъ Тумановъ. Видите, она поднялась изъ густыхъ лѣсовъ и до половины сама ими покрыта, а надъ лѣсами торчатъ три голыя вершины. Желѣзная гора и Бештау образуютъ долину, въ которой лежитъ Желѣзноводскъ. А вонъ Змѣиная гора, вся въ складкахъ, точно въ змѣяхъ, поднялась отдѣльнымъ конусомъ. Вонъ Разналъ-гора съ сѣдломъ на вершинѣ, а та Верблюдъ-гора. Вотъ глядите теперь на нее, развѣ она не производитъ впечатлѣнія бѣгущаго по степи верблюда?

Поѣздъ шелъ медленнѣе, поднимаясь въ горы и врѣзался въ тѣнистый и густой кленовый лѣсъ. Вскорѣ мы остановились у красивой Желѣзноводской станціи, полной шума и гама. Разфранченныя барыни

спѣшили занять мѣста въ вагонахъ, отправляясь въ Пятигорскъ и Кисловодскъ, часть пріѣхавшей публики устремилась къ фаэтонамъ, чтобы продолжать путь до далеко лежащаго отъ станціи Желѣзноводска.

Я не разъ пріѣзжалъ гулять въ Желѣзноводскъ, устроившись въ Кисловодскѣ. Поѣзда ходятъ по этой линіи чуть не каждые полъ-часа, да и поѣздка по группамъ представляетъ самое интересное развлеченіе для публики.

Мнѣ нравился Желѣзноводскъ и своимъ положеніемъ въ высокой долинѣ между Бештау и Желѣзной горой, по откосамъ которой устроенъ паркъ въ густомъ лѣсу, въ который не проникаетъ солнце. Здѣсь царство лѣса и, когда ѣдешь отъ желѣзнодорожной станціи, поражаешься этой густотѣ кленовъ и ясеней, этой прохладѣ и тѣни послѣ знойнаго Пятигорска и Эссентукъ.

— Прежде фаэтонщики драли ужасно, разсказывалъ мнѣ Тумановъ, теперь администрація отлично устроила, взявши всѣ фаэтоны и продавая въ спеціальной кассѣ на вокзалѣ и въ конторѣ въ самомъ селеніи билеты по 30 коп. за заднее и 25 коп. за переднее мѣсто.

Насъ, дѣйствительно, удобно и дешево провезли эти нѣсколько верстъ отъ вокзала до селенія и я наслаждался ароматомъ и тѣнью густаго лѣса.

Желѣзноводскъ напомнилъ мнѣ заграничные горные курорты. Таже одна улица по долинѣ, такіе же два ряда домиковъ съ двухъ сторонъ и повсюду восхитительные виды на поэтичную Бетшау и Желѣзную гору, одѣвшія свои зеленые мѣха лѣса. Все

селеніе лежитъ на высотѣ 2070 футовъ надъ уровнемъ моря и, благодаря обилію снѣга, представляетъ довольно мрачное и влажное мѣсто. Тихія, но прелестныя дорожки изрѣзали всю Желѣзную гору, полную желѣзныхъ источниковъ, разбросанныхъ на довольно большое разстояніе одинъ отъ другаго. Пріѣзжіе ходятъ по этимъ дорожкамъ то къ источнику Великаго Князя Михаила, запрятанному въ мрачный гротъ въ таинственномъ уголкѣ лѣса, то къ Маріинскому источнику, богатому углекислотой, то къ знаменитой Грязнушкѣ, лежащей въ глубинѣ завитой виноградомъ галереѣ около терассы, выступающей на большой вышинѣ и открывающей восхитительный видъ на Змѣиную гору. Всѣ деревья были сплошь увиты виноградными цѣпями; аромат цвѣтущихъ его кистей упоительно разносился по окрестностямъ. Что за очаровательный уголокъ эта площадка передъ Грязнушкой съ задумчивыми скамеечками, съ бесѣдкой, сдѣланной изъ древесныхъ стволовъ, крытыхъ соломой, которая совсѣмъ позеленѣла отъ одѣвшаго ее мха, съ темными кущами деревьевъ, перевитыхъ виноградомъ такъ густо, что солнце только въ рѣдкихъ мѣстахъ проникаетъ на песокъ дорожекъ! Видъ отсюда прелестенъ. Вся Змѣиная гора, какъ на ладонѣ. Ея пятна зелени и голыя скалы тонутъ и прихотливо играютъ, а за ней видна безконечная даль степей до самаго Кавказскаго хребта, который, какъ мечта, высится гдѣ-то далеко, далеко. Подъ моими ногами на отрогахъ Желѣзной горы—море лѣса. Есть еще Архіерейская бесѣдка, заползшая еще выше, еще въ болѣе непроницаемую густоту, куда ведутъ каприз-

ныя дорожки прорубленныя въ чащѣ лѣса, оттуда видъ еще лучше, еще молчаливѣе, еще обширнѣе. Цѣлый лабиринтъ дорожекъ приводитъ васъ то къ зданіямъ ваннъ, то къ источникамъ, которыхъ здѣсь такъ много. Но главное мѣсто, главный сборный пунктъ Желѣзноводской публики—это площадка, гдѣ играетъ музыка, гдѣ сосредоточены зданія ваннъ и гдѣ находится Казенная гостинница, служащая и рестораномъ, и концертной залой, и кабинетомъ чтенія для мѣстечка. Здѣсь во время музыки толпится мѣстная публика почти исключительно состоящая изъ дамъ.

— Здѣсь дамскія воды преимущественно, объяснилъ Тумановъ, а молодые люди, вотъ, какъ мы съ вами, живутъ въ Пятигорскѣ и въ Кисловодскѣ и пріѣзжаютъ сюда только погулять, подышать лѣснымъ воздухомъ, а другіе поухаживать за дамами. Здѣсь публика умираетъ съ тоски и отъ невозможныхъ условій жизни.

Мнѣ пришлось поближе познакомиться съ Желѣзноводскомъ и я вполнѣ понялъ, что какъ онъ ни живописенъ, какъ ни очаровательна гора Бештау, какъ ни хорошъ паркъ, это прямо разбойничье гнѣздо, гдѣ не только нельзя выздоровѣть больному человѣку, но гдѣ здоровый неминуемо долженъ заболѣть отъ всѣхъ тѣхъ непріятностей и ужасныхъ условій жизни, которую создали мѣстные эксплоататоры. Начать хоть съ ваннъ. Когда я пріѣхалъ въ первый разъ въ этотъ уголокъ, я плѣнился всѣми этими очаровательными домиками, какъ оригинальное зданіе Калмыцкихъ ваннъ, бѣлое, какъ снѣгъ, восьмиугольное, съ красно-коричневыми разводами, какъ

Барятинскія ванны, питаемыя Грязнушкой и лежащія въ поэтическомъ уголкѣ. Но стоило заглянуть внутрь въ эти мрачныя, ветхія зданія, съ темными, душными комнатами, полныя неудобствъ и неустройства, чтобы поразиться и придти въ негодованіе.

— Квартиры въ Желѣзноводскѣ прямо невозможны по цѣнѣ, говорилъ мнѣ одинъ больной, отсутствіе мебели и всякихъ удобствъ. Я плачу за крошечную комнатку 100 рублей за мѣсяцъ и считаю дни, когда можно будетъ уѣхать отсюда. Здѣсь все дорого, за все дерутъ безбожно и всѣ жители смотрятъ на пріѣзжихъ, какъ на людей, которыхъ можно законно грабить. Читальня при Казенной гостинницѣ скверная, магазиновъ нѣтъ, только въ паркѣ продаютъ брошки изъ жуковъ. Единственная оригинальность.

Тоже самое говоритъ большинство больныхъ. Всѣ жалуются, всѣ плачутся на грустное положеніе дѣлъ, но всѣ хвалятъ новое частное зданіе ваннъ Островскаго и чудное положеніе мѣстечка. Островскія ванны производятъ сильное впечатлѣніе своимъ блестящимъ и фантастическимъ видомъ. Это настоящій, сказочный мавританскій дворецъ съ четырехъугольными башнями съ громадными, серебряными, плоскими куполами, покрытыми ажурными украшеніями, съ прихотливыми восточными окнами, прорѣзавшими полосатыя стѣны, пестро разрисованныя красными и желтоватыми поперечными полосами, съ цѣлой галереей прихотливыхъ арокъ, полной восточной витіеватой красоты, съ пестрыми трубами, точно минаретами, и длинными серебряными иглами съ полулуніями на вершинахъ, которыя вѣнчаютъ купола. Все это прелестное зда-

ніе улеглось въ глубинѣ долины, у подошвы Желѣзной горы, среди пестраго цвѣтника съ фонтаномъ. Оно не только ласкаетъ глазъ своей красотой, но и внутри представляетъ всѣ необходимыя удобства. Тутъ и души и прекрасныя 28 ваннъ, изъ которыхъ 4 грязовыя, а остальныя изъ обыкновенной воды.

Еще лучше это видъ на Бештау съ ея вершинами. Я пріѣзжалъ сюда только для того, чтобы посмотрѣть эту гору при закатѣ. Меня поразили неописуемые эфекты при переходѣ голыхъ вершинъ изъ розоваго цвѣта въ оранжевый и постепенное превращеніе ихъ въ фантастическіе силуеты на фонѣ вечерняго неба, когда моря лѣсовъ сливались въ какія-то таинственныя массы и узкая долина уходила въ глубь, терялась въ сумракѣ подходящей ночи, а я самъ, стоя на площадкѣ парка, глядѣлъ окованный чарами, превращенный въ статую, унесенный душой далеко, далеко къ золотящимся облакамъ...

Публика на водахъ постоянно разъѣзжаетъ съ группы на группу, что при крайне частыхъ поѣздахъ очень удобно и пріятно, и я съ удовольствіемъ пріѣзжалъ изъ Кисловодска въ Желѣзноводскъ, выпить чашку кофе или пообѣдать, полюбоваться переливами Бештау и затѣмъ уѣзжалъ обратно.

— Помилуй, чего лучше, говорилъ Тумановъ. Ѣдешь 4 версты въ какія нибудь 15 минутъ до вокзала, а тамъ поѣздовъ сколько угодно.

Мы собирались съ нимъ пробраться верхомъ на вершину Бештау, что обязательно предпринимаютъ всѣ обитатели Желѣзноводска, но судьба намъ попрепятствовала и мы не очень-то жаловались на это.

* *
*

Отъ Желѣзноводска поѣздъ, пробѣжавши лѣса, помчался снова по степямъ, обходя подножія Бештау, остановился на минуту у станціи Каррасъ, большой нѣмецкой колоніи, и подошелъ къ Машуку, тоже отдѣльной шапкообразной горѣ, у подножія которой показался городокъ Пятигорскъ. Крутясь по степи, огибая Машукъ, поѣздъ спустился съ неимовѣрной быстротой съ горы и остановился у оживленнаго Пятигорскаго вокзала. Жара была ужасная, пыль носилась клубами, широкія пустынныя улицы уныло смотрѣли на меня. Мы, благоразумно оставивъ багажъ на вокзалѣ, захвативъ самое необходимое, мчались въ городъ по совсѣмъ пропыленной и сѣрой каштановой аллеѣ. Городъ произвелъ на мемя въ эти первыя минуты самое безотрадное впечатлѣніе.

Извощикъ привезъ насъ къ Казенной гостинницѣ, въ которой свободныхъ номеровъ не оказалось. Поѣхали въ Центральную.

— Есть комнаты?

— Пожалуйте.

Насъ ввели не въ номеръ, а въ какую-то вонючую дыру съ отвратительной мебелью, съ обоями, забрызганными пивомъ.

— Но намъ надо съ двумя кроватями.

— Это ничего-съ, на диванѣ постелить можно.

— Сколько?

— Пять съ полтиной безъ бѣлья и за вторую кровать особо.

Я и разговаривать не сталъ.

Пріѣзжаемъ въ Европейскую гостинницу. За полутемный номеръ съ такой вонью, что невозможно было дохнуть, потребовали 7 рублей въ сутки, правда, въ комнатѣ было двѣ кровати и бархатный диванъ.

Я выходилъ изъ себя. Наконецъ мы остановились въ меблированныхъ комнатахъ Тупикова.

О, эти меблированныя комнаты Тупикова! Я потерялъ надежду найти что нибудь лучшее и мы взяли тѣ конуры, которыя еще были свободны. Моя комната выходила на галерею, окружавшую дворъ, сюда-же глядѣло и крошечное окно. Среди полутьмы я разглядѣлъ кое какую мебель и низкій потолокъ. Душно, скверно было въ этой комнатенкѣ, за которую просили 2 р. 50 к., но я остался. Тумановъ устроился лучше.

— Какъ же устраиваются здѣсь больные? воскликнулъ я. Вѣдь это прямое безобразіе и грабежъ!

— Успокойся и не волнуйся, сказалъ Тумановъ, устраиваясь въ комнатѣ, ты привыкъ къ заграничнымъ удобствамъ, отвѣдай и наше безобразіе. Здѣсь въ Пятигорскѣ, въ лучшемъ русскомъ курортѣ, — все такъ удобно и хорошо, вотъ какъ эти комнаты. Здѣсь дерутъ со всѣхъ, дерутъ всѣ, кто можетъ, за все, за что можно. Больные живутъ больше по квартирамъ, конечно, жалуются, хозяева обдираютъ ихъ, какъ липку. А какая мебель! Все сломано, разбито! И за комнатенку дерутъ по 50 и больше рублей въ мѣсяцъ, а смотря по сезону мѣняются и цѣны.

— Но въ Казенной гостинницѣ цѣны же разъ навсегда установлены, возразилъ я.

— Мѣняются, какъ повсюду. Казенная гостинница находится давно въ частныхъ рукахъ и тамъ грабежъ, какъ всюду.

— Пойдемъ обѣдать, предложилъ я.

Въ нашихъ номерахъ ресторана не оказалось и намъ пришлось идти въ Казенную гостинницу, гдѣ за 1 рубль намъ дали сносный обѣдъ въ 4 кушанья.

Трехдневное мое пребываніе въ Пятигорскѣ и слѣдующіе мои пріѣзды вооружили меня противъ этого города, такъ живописно лежащаго на берегахъ рѣчки Подкумка, на отрогахъ Машука и по склону Горячей горы. Какъ хороши, какъ богаты наши цѣлебныя мѣста, но до чего невозможна жизнь въ нихъ!

Защищенный отъ сѣвера Машукомъ, Пятигорскъ поднимается отъ Подкумка въ гору, окружаетъ Горячеводскую долину съ ея источниками и своими дорожками заползаетъ на вершины Машука. Сѣрные источники Пятигорска составляютъ его неоцѣненную драгоцѣнность, само положеніе города и южный мягкій климатъ привлекаютъ тысячи больныхъ, но большинство уѣзжаетъ, жалуясь на неустройства водъ. Центръ города —это Соборная площадь съ большимъ зданіемъ собора, прорѣзанная бульваромъ, и небольшой, но хорошенькій садикъ съ цвѣтниками, кіосками, ресторанемъ и музыкой, гдѣ собираются всѣ больные. Тутъ царитъ такая толчея, такая пестрота туалетовъ и лицъ, что, кажется, будто бродишь по маскараду. Здѣсь толпится народъ у кіосковъ съ видами Минеральныхъ водъ и ихъ ок-

рестностей, здѣсь продаютъ цвѣты, здѣсь гуляютъ послѣ ваннъ, зданія которыхъ находятся тутъ же. Это самое оживленное мѣсто и здѣсь въ галереѣ находится Михайловскій горячій сѣроводородный источникъ, около котораго постоянно шумитъ многочисленная толпа.

— Правда, что Пятигорскъ похожъ съ виду на заграничный курортъ? спросилъ меня Тумановъ, когда мы сидѣли съ нимъ, слушая музыку, на скамейкѣ въ саду и разглядывали эту пеструю, шумящую толпу изъ больныхъ и здоровыхъ людей.

— Правда, отвѣтилъ я, съ виду Пятигорскъ походитъ на заграничный курортъ, и музыка, и цвѣты, и гостинницы, и бульвары, но что это за безпорядокъ повсюду. Бульвары жидкіе, всюду неприбрано, недодѣлано, куда ни сунешься—повсюду произволъ, никакихъ удобствъ.

Памятникъ Лермонтова мнѣ очень понравился. Поэтъ сидитъ на высокой терассѣ, и задумчиво глядитъ въ даль черезъ Соборную площадь. Хорошенькій скверъ раскинулся на терассѣ, съ которой открывается чудный видъ на степи, нá двѣ горы — Юцы и на далекую Кавказскую степь.

Побывать въ Пятигорскѣ, объѣздить его окрестности, насладиться чудными видами и не знать всей грязной и горькой стороны жизни обреченныхъ пріѣзжихъ-больныхъ, это — одно удовольствіе. Я старался заходить домой только поздно вечеромъ, а день бродилъ по окрестностямъ. Самъ городъ, пыльный и жаркій, никакого интереса не представляетъ, за то склоны Машука и Горячая гора, раздѣленные доли-

ной и соединяющіеся у Елизаветинской галереи, перенесли меня въ заграничные курорты.

Въ первый же день мы облазили всѣ терассы, бесѣдки и укромные уголки на Горячей горѣ и на Машукѣ. Тутъ мы зашли въ мало интересный гротъ Діаны, отъ котораго вьются крутыя дорожки по склонамъ Горячей горы, мало покрытой зеленью съ глубокой трещиной въ камняхъ, изъ которой выдѣляются сѣрные пары. Виды съ горы прелестны и чѣмъ выше забираешься, тѣмъ обширнѣе становится горизонтъ. Самъ Машукъ, словно чудная декорація, поднялся за городомъ, который отовсюду очень живописенъ и красивъ. Елизаветинская галерея, высоко залѣзшая въ гору съ длинными каменными лѣстницами, которыя спускаются въ долину, заключаетъ сѣрные углекислые ключи. Сюда ходятъ больные пить воду Елизаветинскаго источника и брать въ ней ванны. Отсюда открывается поразительный видъ на весь Пятигорскъ съ его слободами, отсюда видны живописные уголки отроговъ Машука съ ихъ бесѣдками. Вдали по утрамъ виднѣется снѣжная цѣпь горъ съ красавцемъ Эльбрусомъ въ его серебряно снѣжныхъ ризахъ. Онъ показывается только по утрамъ и съ 9 часовъ бѣлыя марева скрываютъ его божественную красоту, которая не можетъ не приковать самый равнодушный взоръ. Еще лучше виды отъ бесѣдки: «Эолова арфа», напоминающей по виду бесѣдку въ Тріанонѣ, залѣзшую на высокую и крутую горку, и съ вершины самого Машука.

Подкумокъ серебрится гдѣ-то далеко внизу, слободы: Константиногорскъ и Горячеводскъ, у подножія Ма-

шука превратились въ игрушечныя селенія съ крошечными домиками, потонувшими въ садахъ. Юцы, эти двѣ степныя горы, раздвинулись какъ разъ на столько, чтобы раскрыть дѣвственный Эльбрусъ и Кавказскую цѣпь, которая, словно нарисованная на небѣ, сіяла и сверкала своими снѣгами.

Можно часы просидѣть въ этихъ уголкахъ этого роскошнаго парка, разбитаго Эмануелемъ по склонамъ Машука, который повсюду высовываетъ то свои скалы и свои бѣлые камни, то свои зеленыя ясеневыя рощи, полныя треска кузнечиковъ, полныя розовыхъ гвоздикъ и длинныхъ султановъ прелестныхъ блѣдно-голубыхъ рыцарскихъ шпоръ. Я долго сидѣлъ въ бесѣдкѣ: «Эолова арфа», съ уныло звучащей арфой надъ крышей, и не могъ оторваться отъ чудныхъ видовъ.

— Спускайтесь сюда, крикнулъ мнѣ Тумановъ, развѣ вы не хотите взглянуть на гротъ Лермонтова?

Я спустился къ запертому рѣшеткой гроту и заглянулъ въ его прохладныя нѣдра, гдѣ такъ любилъ сиживать поэтъ. Тамъ на стѣнѣ на доскѣ вырѣзано стихотвореніе помѣщика Козлова, который въ память поэта водрузилъ и привѣсилъ эту доску.

«Подъ сѣнь твою онъ приходилъ,
Пріютъ для сладкаго мечтанья,
И ты одинъ свидѣтель былъ
Его сердечнаго страданья»...

Такъ начинается это стихотвореніе и имя Лермонтова, особенно здѣсь на мѣстѣ, дѣйствуетъ такъ обаятельно.

Долгіе часы я бродилъ по Эмануелевскому парку,

восторгаясь его чудными, тихими уголками и хорошимъ устройствомъ дорожекъ и скамеекъ.

Въ концѣ парка находится мѣстечко: «Кафе-Провалъ», куда мы отправились въ фаэтонѣ по прекрасной и тѣнистой дорогѣ, пролегающей мимо Елизаветинской галереѣ и зданія Сабанѣевскихъ ваннъ, стоящихъ совершенно уединенно на Машукѣ и питающихся сильнымъ сѣрнымъ источникомъ.

Мы поѣхали послѣ обѣда и безконечно наслаждались видами и переливами неба и степей.

Мы выѣхали на площадку, съ которой открывался дивный видъ на окрестность. Небольшое, но красивое кафе въ восточномъ стилѣ выставило массу столиковъ вдоль балюстрады надъ обрывомъ Машука и привлекло массу гуляющихъ. Другая сторона площадки круто поднялась кверху и въ скалистой стѣнѣ зіялъ своимъ отверстіемъ тунель съ надписью надъ нимъ: «провалъ». Мы прошли этотъ небольшой тунель, прорубленный въ горѣ, и попали въ самый провалъ, который напоминаетъ цилиндрическую залу и освѣщается свѣтомъ сверху сквозь воронку провала. Когда я вышелъ изъ темноты тунеля, какой-то сѣро-голубой цвѣтъ охватилъ меня всего и сильный запахъ сѣры далъ себя знать. Когда-то весь провалъ былъ покрытъ горячей сѣрной водой, которая стекала по каменной трещинѣ Горячей горы, но теперь вслѣдствіе осыпей, бассейнъ сѣрнаго голубаго озера занимаетъ только часть этой подгорной залы и кипитъ, покрываясь милліонами крошечныхъ пузырьковъ.

— Вода здѣсь то прибываетъ, то убываетъ, ска-

залъ Тумановъ, словно въ морѣ приливы и отливы.

Ужасно странное и таинственное впечатлѣніе производитъ это полутемное мѣсто съ бѣлыми отвѣсными, плойчатыми отъ известняковъ стѣнами, съ этой кипящей синей водой, съ колодцомъ минеральной воды, надъ которымъ передъ мрачной иконой теплится лампада, съ воркованьемъ многочисленныхъ голубей, которые водятся здѣсь, и массой спящихъ здѣсь днемъ летучихъ мышей.

Въ народѣ это мѣсто слыло и слыветъ за проклятое и стоитъ повидать этотъ таинственный уголокъ, чтобы вполнѣ согласиться съ этимъ.

Мы вышли обратно на площадку. Восхитительный ароматный вечеръ встрѣтилъ насъ. Усѣвшись за столикъ и спросивъ кофе, мы стали болтать. Тумановъ разсказывалъ, что озеро въ провалѣ около 6 саженъ глубиной, и сообщалъ мнѣ разные таинственные разсказы про это мѣсто, но группа сазандаровъ, пестро одѣтыхъ, съ какими-то невѣроятными инструментами, стала играть національныя пѣсни, а затѣмъ и пѣть ихъ. Что-то дикое, удалое, необычайное было въ этой кавказской музыкѣ, въ плачѣ однообразной зурны, въ ударахъ инструмента въ родѣ барабана и въ рыданіяхъ какой-то длинной скрипки. Дикія мелодіи совсѣмъ охватили меня и я унесся съ ними далеко за гигантскую Горячеводскую станицу, полную огоньковъ, и за ленточку Подкумка, катившаго далеко подо мной свои волны, и за степи, туда, къ той полосѣ теперь совсѣмъ невидимыхъ горъ.

Мы въ нѣсколько дней изучили всѣ окрестности.

Обошли и объѣхали весь Машукъ, пили чай въ небольшой бесѣдкѣ, завитой хмѣлемъ, у Перкальскаго источника, собственно говоря, никакаго интереса не представляющаго, лазали на плойчатыя скалы на отрогахъ Машука, гдѣ была дуэль Лермонтова, ѣздили на большое и очень скучное соленое озеро «Тамбуканъ» и къ горамъ Юцамъ, гдѣ сооруженъ водопроводъ, и подымались на вершину Машука, чтобы полюбоваться видами. Эта послѣдняя прогулка дѣйствительно была прелестна и дивный видъ вознаградилъ насъ вполнѣ за подъемъ. Но какъ долженъ надоѣсть и опротивѣть этотъ душный и пыльный Пятигорскъ больнымъ, неволей здѣсь прикованнымъ. Меня претили уже на второй день всѣ эти бараки съ разной прадаваемой въ нихъ дрянью, со всѣми этими сувенирами, за которые дерутъ страшныя цѣны, и которые гроша не стоютъ. Меня томила и душила ужасная пыль и жара, отвратительное помѣщеніе въ номерахъ Тупикова, полное всевозможныхъ ароматовъ, мнѣ рвали уши оркестры въ трактирныхъ садикахъ и только Лермонтовскій скверъ съ чуднымъ видомъ удовлетворилъ меня вполнѣ. Позже я посѣтилъ Казенный садъ, полный восхитительныхъ уголковъ, рѣдкихъ деревьевъ и пестрыхъ цвѣтниковъ, съ темными густыми аллеями, съ задумчивыми скамейками, съ фонтанами, съ кафе среди прихотливыхъ цвѣточныхъ ковровъ. Здѣсь есть, гдѣ нагуляться, и этотъ большой садъ служитъ однимъ изъ лучшихъ украшеній всего городка.

—А вы видѣли домикъ Лермонтова? спросилъ меня одинъ знакомый въ Кисловодскѣ. Я даже покраснѣлъ

отъ стыда. Про домикъ Лермонтова я совсѣмъ забылъ и на другой же день я укатилъ въ Пятигорскъ и отправился къ домику поэта. Домикъ—крошечка, въ три окошечка—буквально. На стѣнкѣ доска, гласящая, что здѣсь жилъ Лермонтовъ отъ 1837-го до 41-го года и о святотатство! Меня въ домикъ не пустили. Я не хотѣлъ вѣрить глазамъ, но долженъ былъ убѣдится, что въ домикѣ жили. Его сдавали въ наемъ. Такъ чтитъ память знаменитаго поэта городъ Пятигорскъ. Я былъ оскорбленъ до глубины души и съ слѣдующимъ же поѣздомъ уѣхалъ въ Кисловодскъ.

* *
*

Я не остановился въ Эссентукахъ и прямо проѣхалъ въ Кисловодскъ, глядя изъ окна душнаго вагона на унылыя степи и плойчатыя скалы, внезапно выступившія у Кисловодска. Въ Эссентуки я ѣздилъ на день погулять и чуть не задохся тамъ отъ пыли. Миновавъ красивую многоглавую церковь Св. Пантелеймона, недавно выстроенную у вокзала, я подкатилъ къ дверямъ парка. Паркъ и станица Эссентуки это разные полюсы, хотя и то и другое мнѣ страшно не понравилось. Безвкусные цвѣтники, кіоски, ресторанъ съ галерейкой, затянутой хмѣлемъ и виноградомъ, и многочисленные пресловутые источники, въ бесѣдкахъ, бюветахъ и гротахъ, разбросались влизи главной очень казарменной галереи, съ читальной и бильярдной. Тутъ рядомъ стѣна объ стѣну съ галереей въ ажурномъ чугунномъ павильонѣ плещетъ знаменитый источникъ № 17, равный ключамъ Виши, полный животворной

силы, вѣчно привлекающій лечащихся. Конечно, я захотѣлъ его попробовать. Дѣвушка въ бѣломъ платьѣ съ голубымъ передникомъ и голубыми лентами поднесла мнѣ стаканъ шипящей воды. Мнѣ напомнила эта вода крѣпкую зельтерскую, сильно бьющую въ носъ.

Больные медленно двигались отъ павильона къ павильону съ стаканчиками и стеклянными палочками. Особенно интересно зрѣлище въ этой части парка, когда появляются разфранченныя дамы, въ самыхъ модныхъ шляпахъ и нарядахъ, и эта часть парка подъ грохотъ музыки превращается въ шумный и блестящій раутъ. Весь этотъ шумный beau-monde живетъ въ Кампанейской гостинницѣ, находящейся здѣсь же въ паркѣ, окруженной цвѣтами, завитой вьющимися розами и виноградомъ. Здѣсь платятъ по 8 рублей за номеръ въ сутки, приплачивая за бѣлье, самовары и всякую мелочь. И темная часть парка, ясеневая роща, и эта блестящая гостинница въ балконахъ, съ которыхъ звучитъ французская рѣчь, и всѣ ветхія и плохенькія зданія ваннъ, и мало завлекательные виды на неудачно повернувшуюся къ Эссентукамъ Бештау и на Машукъ, и галерейка съ источникомъ № 4 въ трельяжахъ, которой здѣсь всѣ гордятся, особенно двумя шахматными куполами надъ этой галереей, все мнѣ не понравилось, все нагоняло удручающую тоску. Но что меня особенно бѣсило—это безвкусіе цвѣтниковъ. Трудно себѣ представить что либо болѣе безобразное и некрасивое, словно, садовникъ задался мыслью поразить видомъ цвѣтниковъ каждаго проходящаго. Я пошелъ пройтись по станицѣ и ежеминутно жалѣлъ, что Тумановъ

остался въ Кисловодскѣ. Эссентуки—это казацкая станица, улегшаяся среди степей, подъ самымъ солнцепекомъ, вблизи болотъ, которыя образуетъ Подкумокъ. Безотраднѣе, душнѣе трудно себѣ что-либо представить. Всѣ эти крошечные домики, съ маленькими окнами, съ грязными и душными комнатами, съ ужасной мебелью, безъ самыхъ примитивныхъ удобствъ, берутся на расхватъ за громадныя деньги. Нерѣдко больные, не найдя квартиры, уѣзжаютъ въ Кисловодскъ или Пятигорскъ и оттуда наѣзжаютъ въ Эссентуки. Нигдѣ нѣтъ ни садика, ни рощицы. Пыль, ужасная пыль или въ дожди невылазная грязь, изъ которой почти невозможно выбраться. Я бѣжалъ изъ Эссентуковъ въ совершенномъ негодованіи.

— Вы въ Кисловодскъ? спросилъ меня молодой человѣкъ, сидѣвшій со мной въ вагонѣ.

— Да, отвѣтилъ я, очевидно вы—тоже.

Я высказалъ ему, какое впечатлѣніе произвело на меня это мѣстечко.

— Здѣсь всѣ воры и разбойники, воскликнулъ онъ, я уже не говорю про казаковъ, тѣ прямо разбойники. Мою комнату сдали за болѣе дорогую цѣну, и я принужденъ былъ уѣхать. Теперь живу въ Кисловодскѣ и ѣзжу сюда пить воды и брать ванны. Не къ кому обратиться, васъ же еще затравятъ. А доктора! Ахъ, лучше не будемъ говорить о нихъ, они ѣздятъ на воды только, чтобы нажиться. Я въ этихъ Эссентукахъ чуть сума не сошелъ.

Мы сошлись съ спутникомъ и рѣшили даже вмѣстѣ предпринять далекую поѣздку—на Бермамутъ, чтобы полюбоваться Эльбрусомъ.

* *
*

Я великолѣпно устроился въ Кисловодскѣ въ Центральной гостинницѣ и вполнѣ былъ доволенъ послѣ номеровъ Тупикова въ Пятигорскѣ. У насъ была большая хорошая комната съ видомъ прямо въ паркъ, удобная, чистая и не дорогая и мнѣ очень нравилось по вечерамъ пить у окна чай, слушая доносившуюся къ намъ музыку, и вдыхатьароматъ зелени и ночныхъ цвѣтовъ. Кисловодскъ меня плѣнилъ совершенно и великолѣпнымъ своимъ паркомъ, расположеннымъ въ узкой долинѣ порожистой и вѣчно клокочущей Ольховки, и богатыми виллами и дачами вокругъ парка, и удивительнымъ Нарзаномъ и тѣми необходимыми удобствами, которыя мы здѣсь нашли.

Не смотря на то, что Кисловодскъ лежитъ на громадной вышинѣ надъ моремъ, что и климатъ и растительность здѣсь вполнѣ горныя, всѣ окрестности его на громадное разстояніе—голыя, холмистыя степи, которыя обрываются въ трещины и балки слоистыми и крутыми скалами, нерѣдко образуя поэтичные уголки. Голытьба окрестностей Кисловодска всегда поражала меня, а однообразіе степей давило, за то самъ Кисловодскъ съ его восхитительной аллеей изъ громадныхъ пирамидальныхъ тополей, съ громаднымъ зданіемъ новаго курзала, съ красивой, хотя старинной галереей Нарзана, съ плескомъ фонтановъ въ его цвѣтникахъ — положительно прелестенъ. Весь городокъ окруженъ лысыми холмами, изъ которыхъ нѣкоторые поднимаются довольно высоко и на своихъ скатахъ несутъ массу прихотливыхъ по

архитектурѣ дачъ, потонувшихъ въ садикахъ. Гвоздь всего Кисловодска — его Нарзанъ, который поднимается, пѣнясь и играя, въ своемъ роскошно отдѣланномъ колодцѣ. Многіе пьютъ воду Нарзана съ сиропами и услужливыя дѣвицы съ ловкостью удовлетворяютъ толпу, подавая стаканы. Громадная, тяжелая галерея, съ острыми башенками по наружному фасаду, точно старинный замокъ, весь завитый виноградомъ, скрываетъ драгоцѣнный источникъ. Здѣсь вѣчная толпа, а въ дождливые дни здѣсь не протолкаться. Какъ мнѣ нравилась эта бѣлая, громадная галерея съ своими скамеечками по утрамъ, когда подъ ея пустыми еще сводами рѣзко раздавались шаги и голоса. Бывало, купишь въ кіоскѣ газету и просидишь здѣсь съ нею незамѣтно долгое время. Передъ галереей разлегся чудный цвѣтникъ съ группами великолѣпныхъ пирамидальныхъ тополей и съ изящнымъ фонтаномъ на лужайкѣ. По вечерамъ снопы электрическаго свѣта вырывались изъ подъ арокъ галереи, обрамленныхъ неровно и пушисто зеленью винограда и причудливо ложились на цвѣтники, жемчужныя струи фонтана и на темные тополя.

По утрамъ у Нарзана толпятся посланные за водой. Нарзанъ пьютъ всѣ въ Кисловодскѣ вмѣсто простой воды и я также находилъ его вкусъ крайне пріятнымъ.

Я долгіе часы бродилъ по прелестному тѣнистому парку, до того тѣнистому, что въ нѣкоторыя его аллеи солнце не могло заглянуть сквозь густо сдвинутыя вѣтви вязовъ и ясеней. Повсюду мостики, скамейки, бесѣдки, прелестные уголки, и по вече-

рамъ, когда горятъ электрическіе фонари, темнота нѣкоторыхъ уголковъ кажется еще таинственнѣе, еще поэтичнѣе. Самое блестящее мѣсто—площадка у галереи Нарзана, гдѣ играетъ музыка, гдѣ въ тѣни каштановъ и дубовъ пріютились рестораны, гдѣ царитъ всегда шумное оживленіе. На этой площадкѣ вѣчно толпится народъ, а въ часы, когда играетъ музыка, сюда сходятся всѣ пріѣзжіе, и, кажется, что попалъ на костюмированный балъ. Что за лица! Что за костюмы! Здѣсь же высоко взобравшись на гору, словно романическій домъ стараго времени съ рядомъ толстыхъ колонъ по фасаду, выглядываетъ изъ за густой зелени деревьевъ казенный ресторанъ, гдѣ большинство пріѣзжихъ обѣдаетъ. Тутъ же рядомъ тянется цѣлый рядъ лавченокъ со всевозможными кавказскими сувенирами, вещами съ бирюзой и серебряными бездѣлушками, на которыхъ написано: «Кавказъ», «Кисловодскъ» и т. п. слова; тутъ же вблизи и изящный домикъ — читальня, гдѣ постоянно людно.

— Видите, какъ все это красиво, сказалъ Тумановъ, а въ читальнѣ на тысячи пріѣзжихъ всего одинъ экземпляръ «Новаго Времени», а «Новости» получаютъ только дешевое изданіе. И такъ здѣсь все. Да вотъ хоть бы вся эта публика, блестящая, модная, пестрая. Она живетъ въ лучшихъ гостинницахъ: «Паркъ», «Нарзанъ», гдѣ цѣны совсѣмъ недоступны намъ—простымъ смертнымъ, она пріѣхала сюда повеселиться и погулять, и порастрясти карманы, а каково тѣмъ, которые пріѣхали лѣчиться и не могутъ достать ваннъ по цѣлымъ недѣлямъ! Снаружи и

здѣсь все блестяще, а рядомъ неустройство и грабежъ, какъ и въ Пятигорскѣ, если не получше.

Обыкновенно мы съ Тумановымъ приходили утромъ на площадку къ Нарзану, усаживались за одинъ опредѣленный столикъ въ тѣни густаго каштана и пили кофе. Здѣсь присоединялся къ намъ молодой человѣкъ, котораго я встрѣтилъ по дорогѣ изъ Эссентукъ, и мы коллективно рѣшали вопросы о прогулкахъ, куда ѣхать и какъ отправляться: пѣшкомъ, верхомъ или въ фаэтонѣ.

Первой нашей прогулкой была Крестовая гора, поднявшаяся лысой шапкой сейчасъ же за галереей Нарзана и снизу одѣтая прелестными дачами, между которыми находится старинный домъ княжны Мери. Это сѣрый домъ съ зелеными полинялыми ставнями, съ большими бѣлыми колоннами, между которыми находятся два балкона. Такой стариной вѣетъ отъ этого зданія, гдѣ жили Вѣра и княжна Мери, даже неуклюжее старинпаго фасона кресло, стоящее на нижней терассѣ, говоритъ вамъ о прежнихъ обитателяхъ дома. Большая сѣрая плакучая ива свѣсила свои вѣтви около дома, да живописная группа тополей и каштановъ таинственно скрыла его отъ глазъ проходящихъ. Здѣсь въ Кисловодскѣ нерѣдко можно встрѣтить гуляющихъ съ «Героемъ нашего времени» въ рукахъ. Я тоже перечелъ его здѣсь въ аллеяхъ Кисловодскаго парка, гдѣ весь разсказъ получилъ какой-то особенный душистый ореолъ.

Крестовая, гора съ двумя каменными старыми аляповатыми крестами на вершинѣ, открываетъ великолѣпный видъ на все мѣстечко. Еще красивѣе видъ,

если взобраться на голыя степныя горы, поднявшіяся за Крестовой горой. Весь паркъ, какъ на ладони, въ глубокой лощинѣ, всѣ окрестныя горки съ дачами и садами—лежали предо мной. Слобода съ церковью, лежащая за паркомъ, хаосъ домиковъ на громадномъ разстояніи и кругомъ декорація пустынныхъ горъ, изрѣзанныхъ балками,—все образовало крайне живописную панораму.

Ѣздили мы смотрѣть очень красивую скалу «Кольцо гора», которая представляетъ изъ себя продыравленную насквозь пещеру. Путешествовали мы пѣшкомъ къ Лермонтовскимъ скаламъ, на которыхъ произошла дуэль между Печоринымъ и Грушницкимъ, и которыя Лермонтовъ будто-бы описалъ въ своемъ «Героѣ нашего времени». Любовались мы дикой долиной Ольховки и ея небольшимъ, но очень живописнымъ водопадомъ, скакали верхомъ и въ бродъ черезъ массу рѣчекъ и по душистымъ степямъ, пестрымъ отъ массы горныхъ цвѣтовъ, къ замку Коварства и Любви, который оказался вовсе не замкомъ, а нагроможденіемъ скалъ, очень искусно источенныхъ водами, придавшими нѣкоторый видъ руинъ этимъ камнямъ въ долинѣ, между двумя рѣчками Аликановкой и какой то другой, образовавшихъ нѣсколько гремящихъ водопадовъ. Мы лазали по головоломной тропѣ въ этотъ: «замакъ», какъ гласитъ надпись на одномъ перекресткѣ, ѣли мѣстную форель, за которую съ насъ содрали такую цѣну, что мы разинули рты отъ удивленія, любовались самимъ замкомъ, очень красивымъ, поросшимъ хмѣлемъ, громадными зонтичными и кустами кизиля.

Однажды, сидя въ шашлычной, которыхъ здѣсь такая масса на тополевой аллеѣ, распивая бутылку кахетинскаго, вкушая люлля-кэбабъ и шашлыкъ, мы пришли къ убѣжденію, что въ Кисловодскѣ заживаться нечего, но непозволительно уѣхать не посѣтивъ два водопада въ Орѣховой балкѣ и не посмотрѣвъ Эльборусъ съ Бермамута. Оба водопада и Бермамутскія скалы давно намъ намозолили глаза, такъ какъ ихъ встрѣчаешь ежечасно и на почтовыхъ бумагахъ, и въ витринахъ каждаго магазина, и въ кіоскахъ на фотографіяхъ, и на разныхъ вещахъ.

— Что намъ здѣсь сидѣть, воскликнулъ Тумановъ, развѣ въ флиртъ удариться! А это здѣсь ведется. Паркъ такой, лучше для этого—парка не найти. Шашлыки, крымза (сыръ), кахетинскіе погреба съ ихъ обстановкой—тоже пріѣлись. На другой же день мы уѣхали съ утра на водопады, лежащіе чуть не въ 15 верстахъ отъ Кисловодска. Опять дорога вилась по безконечнымъ цвѣтущимъ степямъ, пролегала черезъ рѣчки и опять мы остановились у глубокой балки, въ которую должны были спускаться по дикой еле вытоптанной тропкѣ, нерѣдко идущей по самому краю отвѣсныхъ скалъ.

— Вотъ такъ благоустройство, хохотали мы, настоящая Европа! Наконецъ мы добрались до глубокой трещины, очень живописной и дикой, въ которую рушились двѣ горныя рѣчки, полныя дикой поэзіи и неописуемой красоты. Чтобы налюбоваться этими прелестными водопадами, мы спускались въ пропасть, цѣпляясь за мокрые камни, за падавшіе изъ-подъ нашихъ ногъ валуны, за стебли кустовъ и

травъ. Одинъ водопадъ грозно рушится со скалъ, падаетъ на когда-то имъ самимъ низринутый утесъ, отскакиваетъ отъ него, мечется, бьется, реветъ и летитъ дальше, образуя водовороты и таинственно зеленоватое озерко, въ которое вода струится изъ подъ камней кругами. Другой водопадъ сама поэзія и очарованье. Это — Штаубахъ Швейцаріи. Горная рѣчка отвѣсно рушится съ громадной стѣны скалъ, которыя отступаютъ къ основанію и стрѣлы воды летятъ въ середину клокочущей внизу рѣчки. Столько нѣги, граціи, жизни, истомы въ этомъ очаровательномъ водопадѣ, который плѣнялъ и убаюкивалъ насъ своимъ ропотомъ, что мы безсильно опустились передъ нимъ на траву и долго не могли уйти отъ него.

— Не даромъ Кисловодскъ имъ гордится, сказалъ Тумановъ, только могъ-бы позаботиться о дорогахъ, а тутъ и шею себѣ свернешь.

— Мы уже здѣсь были раньше васъ, добавилъ нашъ сотоварищъ Ланинъ, и по своей невинности попросили въ избушкѣ, которую вы, вѣроятно, замѣтили, когда выходили изъ экипажа, чтобы намъ поставили самоваръ. Знаете, что спросили съ насъ за самоваръ? Ровно два рубля. Вотъ это дерутъ, такъ дерутъ.

Ну и что-же?

— Ничего, хорошо съ нами былъ чай и сахаръ, попили чаю, заплатили два рубля за кипяченую воду, выругали этихъ идоловъ и уѣхали.

На Бермамутъ насъ поѣхало четверо. Мы наняли фаэтонъ за 20 рублей, набрали бурки, одѣяла, коньякъ, бутербродовъ и въ шесть часовъ вечера помчались

по степямъ. Ужасно однообразны эти безконечныя степи вокругъ Кисловодска. Ѣдешь, ѣдешь по нимъ и все нѣтъ ни конца, ни края, все дальше и дальше убѣгаютъ онѣ отъ вашихъ глазъ. 40 верстъ надо мчаться по этимъ степнымъ дорогамъ. Мы ихъ не замѣтили, такъ какъ Ланинъ удивительно разсказывалъ анекдоты, особенно подкрѣпившись коньякомъ. Солнце давно закатилось за степью, давно горѣли надъ нами звѣзды и мы торжествовали, что намъ предстоитъ чудный и ясный разсвѣтъ. Среди ночи мы пріѣхали къ пустыннымъ Бермамутскимъ скаламъ, лучше сказать, ямщикъ среди степи ни съ того, ни съ чего остановилъ лошадей.

— Что-жъ ты сталъ?

— Пріѣхали.

— Какъ пріѣхали? Да вѣдь тутъ все та-же степь. Гдѣ-же скалы?

— А вотъ тамъ обрывъ. Мы на самыхъ этихъ скалахъ и стоимъ.

Холодъ былъ ужасный, мы закутались, какъ кто могъ, сплотились всѣ вмѣстѣ, выпили коньяку и крѣпко заснули въ нашей коляскѣ.

Когда меня растолкали, я сразу не сообразилъ, гдѣ я нахожусь. Но холодъ быстро отрезвилъ меня. Подошедши къ обрыву, я увидѣлъ, что стою на колоссальныхъ плойчатыхъ скалахъ, а подъ моими ногами зіяютъ пустынныя, черныя пропасти, но то, что я увидѣлъ дальше, совсѣмъ очаровало меня. Вдали за утренними туманами на фонѣ ярко-розоваго залитаго зоревыми цвѣтами неба—передо мной сіяла снѣжнобѣлая гора съ двумя конусами такой ослѣпительной

красоты, что крикъ изумленія вырвался у меня изъ груди. Густой, черный лѣсъ покрылъ подошвы дивной горы, а вершины ея поднялись болѣе чѣмъ на 18 тысячъ футъ въ утреннія небеса.

— Вонъ Хасаутскій аулъ, сказалъ Тумановъ, видите, вьется дымокъ. Тамъ тоже есть Нарзанъ, еще сильнѣе Кисловодскаго. Говорятъ, что въ ущельяхъ и долинахъ Эльборуса много горячихъ и цѣлебныхъ ключей.

Я стоялъ очарованный картиной, которая такъ внезапно развернулась предо мной и не могъ оторвать глазъ отъ этого дѣвственнаго сіянія снѣговъ на фонѣ розоваго утренняго неба... Теперь мнѣ еще больше захотѣлось туда, въ эту далекую страну горъ, взлѣсть на эту каменную стѣну, отдѣляющую Европу отъ душной Малой Азіи, страстное дыханіе которой стало мнѣ необходимостью. Какъ часто пріѣзжаютъ сюда на Бермамутъ пріѣзжіе и какъ часто Эльбрусъ остается скрытый туманами весь день. Бываютъ недѣли, что онъ не снимаетъ своихъ покрововъ, но намъ улыбнулось и это рѣдкое счастье. Мы видѣли красавца Кавказской горной степи во всей его суровой и дѣвственной красотѣ.

3.

Въ Предгорьѣ.

Еще по степямъ. Въ виду горъ. Владикавказъ.

Я покажу ему съ улыбкой
На степи верстъ по пятисотъ,
На коихъ изрѣдка ошибкой
Ковыль съ мордвинникомъ растетъ,
И разстилаясь въ день румяный,
Цвѣтникъ сей длинной полосой
Блеститъ, какъ океанъ багряный,
Своей колючею красой.
Кругомъ отъ моря и до моря
Хребты гранита и снѣговъ,
Какъ Эльборусъ съ природой споря,
Стоятъ отъ бытности вѣковъ.

Полежаевъ.

Громадная станица Незлобная, вся въ садахъ съ желто-соломенными хатами потянулась чуть не отъ самой станціи Минеральныхъ водъ. Давно ужь исчезли и Желѣзная гора, и Бештау, и Развалъ, и коническая Змѣиная, и острая Кинжалъ-гора и поѣздъ мчалъ меня и Туманова дальше къ югу, къ Владикавказу. Мы рано утромъ выѣхали изъ Кисловодска и я съ жадностью глядѣлъ на проплывавшіе мимо знакомые виды. Вотъ скрылась чудная тополевая аллея съ ея шашлычными, гдѣ мы часто сиживали по вечерамъ, вотъ мелькнула степная дорога, точно

лента, улегшаяся по цвѣтамъ и травамъ и ведущая въ Орѣховую балку и къ замку Коварства и Любви, вотъ мелькнула Кольцо-гора, поѣздъ повернулъ къ Подкумку и полетѣлъ по его берегамъ. Вотъ и противныя Эссентуки съ красивой новой церковью у станціи—остались за нами, вотъ мелькнулъ и Пятигорскъ съ его Машукомъ, отдаленными бѣлыми арками Елизаветинской галереи, съ его шумомъ и гамомъ, и мы, обогнувъ Машукъ, помчались по густымъ кленовымъ лѣсамъ. Вотъ и прелестный вокзалъ Желѣзноводска скрылся въ лѣсу и передъ нами раскрылась степь съ ея отдѣльными горами.

— Станція Минеральныя воды!

Давно-ли я спѣшилъ сюда, а теперь посѣщеніе группъ уже въ прошломъ. Перемѣнивъ вагоны, усѣвшись въ пыльномъ Ростовскомъ поѣздѣ, мы помчались на югъ. Степь волнуется, ползетъ по холмамъ, уже чувствуется приближеніе Кавказа. Въ отдаленіи городъ Георгіевскъ, съ своимъ краснымъ пятиглавымъ соборомъ, усѣлся на горкѣ, а вокругъ опять потянулась душная степь, полная лиловыхъ шалфеевъ, бѣлыхъ подмаренниковъ и громадныхъ желтыхъ скабіозъ.

Какъ безграничны эти степи, сплошь покрытыя теперь высокими травами. Онѣ разлеглись необъятными коврами отъ Каспійскаго моря до Чернаго, оковали берега Кубани и Терека и подняли свои травы, прячущія всадниковъ. Здѣсь въ этихъ степяхъ на берегахъ Азовскаго моря лежало древнее Тмутараканское княжество, покоренное чуть-ли еще не въ X вѣкѣ Святославомъ Игоревичемъ. Эти степи

были предметомъ споровъ между Персіей, Москвой, Крымомъ и Турціей и здѣсь воцарились русскіе, когда пятигорскіе черкесы отдались подъ власть Іоанна Грознаго. И отсюда власть перешла черезъ Кавказскій хребетъ и овладѣла Каспійскими побережьями. Великій Петръ взялъ и Дербентъ, и Баку, и Рештъ, и богатыя Персидскія провинціи Астрабадъ, Мазандеранъ и Гилянъ, но Анна Іоановна не сумѣла понять геніальныхъ идей Петра и подарила Персіи всѣ завоеванныя земли и снова подвинула границу въ эти предгорныя степи. Въ 1736 году, во время турецкой войны, вызвавшей объявленіе свободной Кабарды по Кубани, эти степи снова отошли къ Турціи и только послѣ войнъ Екатерины II, понимавшей своимъ геніальнымъ умомъ завѣты Петра, границы наши снова расширились, а вскорѣ вдоль всей линіи сѣвернаго Кавказа выстроился цѣлый рядъ грозныхъ крѣпостей, которыя оберегали отъ набѣговъ горцевъ громадныя степи. Подъ охраной этихъ крѣпостей выросли многочисленныя станицы изъ переселенцевъ и дикая, непроходимая степь ожила.

Я жадной грудью вдыхалъ это жаркое, продушенное дыханіе волнистой степи, по которой изрѣдка проносились всадники. Ничего не можетъ быть живописнѣе, какъ эти всадники, стройные и ловкіе, пробирающіеся по степнымъ дорогамъ на своихъ прекрасныхъ коняхъ. Они мчались, не касаясь земли, точно плыли надъ степью, составляя одно цѣлое съ лошадью.

Подъ нами промелькнула рѣчка.

— Это Малка, сказалъ Тумановъ, мы въ странѣ кабардинцевъ. Это Кабарда.

Вся мѣстность сдѣлалась холмистою, всюду поднялись горки, перерѣзанныя ущельями, всюду загустѣли дубовые перелѣски, мы въѣхали въ фазанью страну. Мелкій дубнякъ одѣлъ холмы и курганы и сразу почувствовалась близость горъ.

Станція Прохладная первая на Кабардинской землѣ привлекла мое вниманіе толпой. Здѣсь были все стройные горцы, красивые кабардинцы или черкесы, эти неустрашимые, энергичные и настойчивые люди, кокетливо надѣвшіе свои башлыки и съ любопытствомъ смотрѣвшіе на проѣзжающую публику.

— Отсюда идутъ дороги на Кизляръ и на Моздокъ. Нѣтъ, вы поглядите на этихъ Кабардинцевъ! Это одинъ изъ самыхъ гостепріимныхъ народовъ Кавказа, кромѣ того у нихъ сохранился крайне любопытный обычай—куначество. У большинства изъ черкесовъ есть кунаки. Кунакъ—это другъ, это братъ, это покровитель, на котораго можешь положиться, какъ на самого себя. Извѣстнымъ обрядомъ двое черкесовъ связываютъ себя на дружбу и тогда готовы погибнуть одинъ за другаго. Теперь этотъ обычай почти вывелся. А это что-то средневѣковое, остатокъ чего-то чуднаго романтическаго. Вѣчная вражда съ сосѣдними племенами здѣсь у горныхъ границъ, вѣчная опасность породили этотъ обычай. Я самъ встрѣчалъ кунаковъ.

Слова Туманова заставили меня призадуматься и я еще пристальнѣе, еще съ большей симпатіей посмотрѣлъ на эти суровыя, бронзовыя лица, на эти

нависшія брови, на эти ободранныя одежды и черлёные кинжалы у поясовъ.

— Какой удивительный обычай! прошепталъ я и замѣтилъ, что Тумановъ съ улыбкой глядитъ на меня.

— Я васъ узнаю, сказалъ онъ, вы все тотъ-же.

За Эльхотово, небольшимъ горнымъ ауломъ, съ рѣдкимъ на Кавказѣ каменнымъ минаретомъ со временъ Тамерлана, поѣздъ вошелъ въ ущелье. Здѣсь въ этихъ мѣстахъ Шамиль спустился въ долину и, разбитый на голову, бѣжалъ въ Чечню.

Направо и налѣво мелькали аулы, надъ которыми высились пирамидальные тополя. Высокія, песчаныя стѣны, словно срѣзанныя ножомъ, встали возлѣ желѣзнодорожнаго пути и протянулись на долгія версты. Цѣлыя стада хохлатыхъ удотовъ носились надъ поѣздомъ, они взлетали на пирамидальные тополя и на дубняки и испуганно хлопали крыльями.

Новая степь, но уже среди предгорій и зеленыхъ горъ, приняла насъ, а вдали выступала въ туманныхъ очертаніяхъ снѣговая цѣпь Кавказскихъ вершинъ. Вдоль рѣчушки поднялись цѣлые лѣса тростника. Небольшая деревенька примостилась на крутомъ берегу рѣченки, словно выросла изъ него. Дикія вишни свѣсили свои вѣтви, оплетенныя виноградомъ, надъ обрывами. Табуны лошадей мирно паслись по степямъ, придавая жизнь этому тихому уголку.

Поѣздъ повернулъ куда-то въ сторону на зеленые пригорки и вдругъ передъ моими глазами развернулся божественный видъ на всю гигантскую грозную цѣпь

Большаго Кавказа, съ его снѣжными вершинами и ледниками, съ его фіолетовыми и темными ущельями, съ его переливами и неописуемой красотой. Утренніе туманы очистили всѣ горы и онѣ сіяли до самыхъ своихъ вершинъ, большую часть дня скрытыхъ облаками. Весь горный кряжъ, упершійся снѣговыми зубьями въ небеса былъ передо мной, какъ на ладонѣ, и только цвѣтущая степь улеглась пестрымъ ковромъ между нимъ и нашимъ поѣздомъ. Серебро снѣговъ и льдовъ искрилось и горѣло огнями. Цѣлый лѣсъ вершинъ, цѣлое скопище пирамидъ и бѣлыхъ зубьевъ вырѣзалось на ярко-синемъ фонѣ неба и сіяло величіемъ и красотой. Этотъ хребетъ съ своими темными ущельями поднялся предо мной словно волшебная декорація, отъ которой невозможно было оторвать глазъ. Это былъ Кавказъ. Непроходимый, грозный Кавказъ, полный сказокъ и миѳовъ, полный преданій и легендъ, полный дикой красоты и чаръ востока, полный юга и тепла, снѣга и мятелей, страна Ноя и тюрьма Прометея, страшный сторожъ между Азіей и Европой, величайшій хребетъ горъ изъ цѣлаго сонма застывшихъ великановъ, мѣсто ожесточенной борьбы Зевса съ Тифеемъ, эти горы великой Азіи, изумрудной цѣпью связавшія востокъ съ западомъ, эта историческая дорога всѣхъ народовъ Азіи, этотъ центръ старинныхъ царствъ, извѣстныхъ еще въ библіи, изъ которыхъ Арменія упоминается еще въ Ветхомъ Завѣтѣ. Предо мной сіяли эти горы, этотъ историческій хребетъ, съ которымъ связали свое имя всѣ старинные народы. А за нимъ, по ту сторону этихъ неодолимыхъ ледяныхъ зубцовъ, ды-

шалъ чудный югъ, тамъ за долинами Грузіи, цвѣтущей Кахетіи, Гуріи и Имеретіи, за новыми кряжами горъ, дышали ароматомъ лимонныхъ рощъ теплая Малая Азія и горячая Персія, потонувшая въ запахѣ чернобурыхъ фіолей. Вотъ онъ Кавказъ, въ цвѣтущей долинѣ Ріона котораго жила Медея, куда стремился Язонъ за золотымъ руномъ, гдѣ растетъ прекрасная колхидская лилія и цѣпляется по горамъ одѣтый яркими букетами рододендронъ, эта кавказская роза, передъ которой альпійская въ Швейцаріи—младенецъ. Вотъ она страна дикихъ горцевъ, чуждыхъ нравовъ, головоломныхъ красотъ, яркихъ красокъ, пѣсенъ и танцевъ, страна, окутанная таинственнымъ вуалемъ востока и самыхъ поэтичныхъ легендъ.

Есть что-то притягательное въ горахъ, какъ и въ морѣ. Невозможно оторвать глазъ, приковываешься всѣмъ существомъ, перестаешь чувствовать, глядишь на горы и весь живешь въ этомъ устремленномъ взглядѣ.

— Что хорошо? спросилъ меня Тумановъ.

— Дивно, пробормоталъ я.

Тумановъ сталъ мнѣ называть горы по именамъ.

— Видишь тѣ снѣжныя вершины—это Адайхохъ, вонъ та кривая Каріу-хохъ, а тамъ у Казбека, та гора съ ледяной вершиной, превосходящая Монбланъ, это Джимерай-хохъ.

— Отчего всѣ горы называются здѣсь «хохъ»? удивился я.

— Это по осетински, объяснилъ онъ мнѣ, сами осетины, живущіе съ этой стороны по горамъ назы-

ваются осами. Ихъ считаютъ остаткомъ прежнихъ азовъ, которые здѣсь жили. Отъ нихъ зовется и море Азовскимъ и материкъ Азіей и горы. Вѣдь слово: «Кавказъ» есть «Хохъ-Азъ», т. е. гора Азовъ.

— Твои слова переносятъ меня въ Скандинавію, сказалъ я, припоминая, что тамъ жили азы.

— Совершенно вѣрно, азы перебрались тоже и въ Скандинавію, на что указываютъ сохранившіеся теперь слова и обычаи и здѣсь и тамъ.

— Станція Даргъ-кохъ, раздался голосъ кондуктора при остановкѣ поѣзда. Маленькое, каменное зданіе станціи совсѣмъ скрылось въ зелень винограда. Рядомъ шумѣла рѣка.

— Это Терекъ глотаетъ самую бѣшеную рѣку Кавказа—Ардонъ, которая спустилась съ горъ, пробѣжала степь и здѣсь бросается въ Терекъ. Ахъ, если-бы тебѣ попасть туда, воскликнулъ Тумановъ, на Военно-Осетинскую дорогу! Это самый красивый, но и самый опасный перевалъ на Кавказѣ. Отсюда прямой путь въ Кутаисъ, въ дивныя долины Ріона.

Какъ уныла эта степь въ концѣ лѣта, когда изсякнутъ ручьи и канавы, пропадетъ эта высокая трава, полная цвѣтовъ, и только метлы полыни, побурѣвшія и сожженныя, торчатъ одиноко надъ порастрескавшейся землей, но и за этой обгорѣлой степью таинственная декорація горъ поражаетъ путника. И такъ влечетъ въ эти каменныя заоблачныя котловины, холодныя и суровыя, гдѣ кончается на границѣ снѣговъ всякая альпійская растительность, въ эти уголки, оторванные отъ всего міра, куда ведутъ головоломныя тропинки по карнизамъ стѣнъ

надъ пропастями, гдѣ въ этой выси сохранились особенности и обычаи людей чуть не пастушескихъ временъ, гдѣ изъ подъ ледниковъ съ ревомъ и грохотомъ рушатся въ черныя пропасти и трещины, окутанныя холоднымъ туманомъ, сотни рѣчекъ и ручьевъ, и гдѣ вѣрится во все сказочное и непостижимое. До чего угрюмъ и грозенъ Кавказъ при одномъ взглядѣ, до чего недоступны и мрачны кажутся эти стѣны горъ, до чего должны быть опасны эти шаткія тропинки переваловъ въ заоблачной вышинѣ, надъ талыми снѣгами и ледниками, въ горной холодной мглѣ, подъ снѣгомъ и дождемъ! Я смотрѣлъ съ жадностью на эти горы и чуялъ, что много силъ придется положить, чтобы познакомиться съ ними.

На послѣдней станціи передъ Владикавказомъ— Басланѣ, часть публики покинула вагоны, чтобы пересѣсть въ поѣздъ, идущій въ Петровскъ, мы же полетѣли къ горной цѣпи. Столовая гора съ ея тупой, словно срѣзанной ножемъ вершиной, занесенной еще вешними снѣгами, встала передо мной во всей красѣ, а дивный Казбекъ, этотъ царь Кавказа, высунулъ изъ за зубьевъ горъ, свою бѣлую, дѣвственную голову. Сколько разъ мнѣ ни случалось бывать въ Владикавказѣ густые туманы и дожди скрывали дивную панораму горъ, а вершина Казбека никогда не показывалась за этими дикими кряжами. Я не могъ оторвать глазъ отъ этого лиловаго ущелья среди горъ, гдѣ Тумановъ указалъ мнѣ начало Военно-Грузинской дороги, а поѣздъ уже проѣхалъ нѣмецкую колонію, затонувшую въ садахъ, и подходилъ къ Владикавказу.

* *
*

Позже мнѣ много разъ пришлось побывать въ Владикавказѣ и среди лѣта, когда весь городъ былъ пропитанъ ароматомъ цвѣтущихъ липъ, которыми полны всѣ бульвары, и весною, когда цвѣли бѣлыя акаціи, и всегда Владикавказъ производилъ на меня отрадное впечатлѣніе милаго, живописнаго и крайне благоустроеннаго города. Его положеніе у самаго подножія горъ, на берегу звенящаго Терека, въ мягкомъ климатѣ, не могло не подкупить, но самое сильное впечатлѣніе осталось у меня отъ перваго моего посѣщенія въ обществѣ моего милаго спутника Туманьянца. Устроившись въ гостинницѣ «Франція», мы отправились въ контору почтовыхъ дилижансовъ. Сколько разъ потомъ приходилось мнѣ бывать въ этомъ зданіи, сколько разъ я выѣзжалъ изъ этихъ воротъ, спѣша въ Тифлисъ то на срочномъ мальпостѣ, то сидя впереди на такъ называемомъ второмъ мѣстѣ срочной кареты, останавливающейся для ночевки по дорогѣ, то въ отдѣльномъ экипажѣ. Въ этотъ первый разъ я предоставилъ всѣ хлопоты своему дорожному товарищу и такъ какъ я ѣхалъ, чтобы подробнѣе ознакомиться съ Военно-Грузинской дорогой, то мы наняли отдѣльную коляску, которая зависѣла толко отъ насъ, и приказали ей явиться за нами къ 8-ми часамъ на слѣдующее утро.

Владикавказъ параллельно Тереку прорѣзанъ прелестнымъ бульваромъ липъ и акацій, разведенномъ на Александровскомъ проспектѣ. Это главная улица Владикавказа, здѣсь всѣ гостинницы, всѣ магазины

съ кахетинскими винами, articles de Caucase, въ видѣ черленыхъ серебряныхъ кинжаловъ, стремянъ, папахъ, буркъ, ноговицъ, восточныхъ шелковъ, башлыковъ и т. п. Здѣсь царитъ въ тѣни аллей всегда очень большое оживленіе, здѣсь, въ кіоскахъ продаютъ минеральныя воды, вишни, алычу и другіе фрукты и сладости. Бульваръ съ одной стороны уперся въ площадь съ красивымъ скверомъ, украшеннымъ удивительно пестрой восточной бесѣдкой. За садикомъ торчатъ зданія собора и дворца, въ которомъ живетъ начальникъ Терской области, а съ другой стороны зданіе Азовско-Донскаго банка. Бульваръ тянется отъ этой площади мимо густаго общественнаго сада, театра и цѣлаго ряда хорошихъ городскихъ зданій до большихъ казармъ 21-й пѣхотной дивизіи, передъ которыми высится памятникъ въ видѣ орлицы съ лавровымъ вѣнкомъ въ клювѣ, сидящей на гранатахъ, положенныхъ на сѣрой пирамидѣ. Это памятникъ въ честь Архипа Осипова, рядоваго Тенгинскаго полка, и штабсъ-капитана Николая Лико.

Когда-то, во времена Екатерины II, Владикавказъ былъ маленькой крѣпостью, оберегавшей дорогу и перевалъ черезъ хребетъ и служившей важнымъ стратегическимъ пунктомъ во время войнъ съ горцами. Этотъ памятникъ передъ штабомъ напоминаетъ прошлое время нынѣ мирнаго и цвѣтущаго городка, напоминаетъ тѣ дни, когда залпы выстрѣловъ не умолкали, когда крѣпость, какъ вѣрный стражъ, зорко слѣдила за входомъ въ тѣснину, и говоритъ намъ про геройскій поступокъ двухъ людей, пожертвовавшихъ жизнью въ войнѣ съ черкесами, напавшими на Михайловское укрѣпле-

ніе. Въ немъ находились четыре роты, подъ командой капитана Лико. Черкесы истребили большую часть защитниковъ укрѣпленія и готовы были взять остальныхъ, но рядовой Осиповъ, по приказанію Лико, взорвалъ пороховой погребъ, чѣмъ погубилъ всѣхъ остальныхъ защитниковъ, но взорвалъ и около 2 тысячъ горцевъ. Это грозное время, когда городъ былъ владыкой Кавказа, ключемъ дороги въ Грузію, грозной крѣпостью, прошло навсегда и только живописныя развалины укрѣпленій напоминаютъ его прошлое. Осетинскіе мальчики въ войлочныхъ шапкахъ карабкались по остаткамъ стѣнъ, какъ обезьяны, и неимовѣрно стали кричать, когда мы полюбопытствовали взглянуть на эти остатки прошлаго. Видъ на городокъ отсюда прелестенъ, онъ весь затонулъ въ садахъ, а пирамидальные тополя, словно иглы, поднялись надъ зданіями.

Мы зашли въ общественный садъ, съ его симетричными тѣнистыми аллеями, цвѣтниками, прекраснымъ велосипеднымъ трекомъ у большаго пруда и рестораномъ военнаго собранія, гдѣ играетъ музыка, и спустились къ рѣкѣ.

— Это Терекъ? удивился я.

— Да, а что?

— Да развѣ Терекъ такой! Вѣдь это небольшая рѣчка, журчащая по волнамъ, а не грозная и бѣшеная рѣка.

— Вы видите Терекъ теперь, сказалъ Тумановъ, но позже, когда въ горахъ начнутъ таять снѣга, здѣсь реветъ бѣшенный потокъ, который ворочаетъ гигантскіе камни, срываетъ скалы, рокочетъ и реветъ,

вздымая сѣдыя гривы. Видите всѣ эти камни, ихъ притащилъ Терекъ съ горъ.

Все русло рѣки было переполнено голышами сѣрыми, бѣлыми, красными, черными, зелеными и пестрыми, всякой величины. Груды голышей были насыпаны по берегамъ и обложили все дно. Мѣстами лежали гигантскіе камни и куски утесовъ. Въ первую минуту эти голыши плѣнили меня, но потомъ они вскорѣ пріѣлись. Терекъ отточилъ и отшлифовалъ ихъ на пути и усѣялъ ими всѣ окрестности, грохоча во время разливовъ этой каменной водой. Здѣсь во Владикавказѣ эти голыши повсюду. Ими мостятъ улицы, изъ нихъ складываютъ заборы и стѣны, изъ нихъ строятъ амбары, сараи и дома.

— Здѣсь рѣки надуваются отъ каждаго дождя, сказалъ Тумановъ, видя мое разочарованіе въ Терекѣ. Мирные ручейки превращаются въ нѣсколько минутъ въ губительные потоки, черезъ которые немыслимо перебраться и которые рушатъ и уносятъ все встречающееся на пути.

Мы полюбовались линейной церковью съ ея высокими тополями, курьезной низенькой персидской мечетью съ ея несоразмѣрно большимъ и толстымъ, ярко зеленымъ куполомъ, объѣздили всѣ улицы, осетинскую слободу и перебрались черезъ мостъ въ армянскую часть города. Здѣсь любопытенъ армянскій базаръ съ его произведеніями востока и открытыми лавочками, въ которыхъ торговля и работа происходитъ въ одно и тоже время. Тутъ стучатъ молотки и стонетъ желѣзо, тамъ сверкаютъ иглы и жалобно скрипятъ ножницы. Всевозможные башлыки,

пестрые ковры, сѣдла и другія вещи развѣшаны и разложены по стѣнамъ и прилавкамъ. Всѣ дома въ армянской слободѣ носятъ особый отпечатокъ востока, всѣ украшены балкончиками, имѣютъ пестрыя стекла въ окнахъ подъ мавританскими арками.

—Поглядите, Тумановъ, восторгался я, сколько живописности въ этомъ домикѣ, хоть все грязно и мало привлекательно, а есть поэзія.

Тумановъ не раздѣлялъ моихъ восторговъ, не находя въ этихъ домахъ ничего особеннаго.

— Поѣдемъ лучше въ осетинскую слободу и попробуемъ осетинскаго сыра.

Я согласился. Мы вошли въ осетинскій домикъ съ покачнувшейся галерейкой изъ деревянныхъ колонъ. На дворѣ валялась опрокинутая бочка и, какъ чудовищная стрекоза, стояла арба, выставивъ свои гигантскія колеса.

Къ намъ на встрѣчу вышла женщина, черноглазая съ открытымъ лицомъ, нѣсколько цыганскаго типа. Это была осетинка, предокъ древнихъ азовъ, о которыхъ мы еще сегодня толковали въ поѣздѣ и о которыхъ упоминаетъ Плиній, перечисляя скифскія племена. По просьбѣ Туманова она принесла намъ бѣлый сыръ, очень похожій на мыло. Этотъ сыръ, хотя и считается большимъ лакомствомъ на Кавказѣ, мнѣ совсѣмъ не понравился. Острый, кисловатый, нѣсколько соленый, онъ показался мнѣ совсѣмъ не привлекательнымъ. Тумановъ ѣлъ его съ удовольствіемъ, закусывалъ зеленью тархуномъ (родъ полыни) и не могъ нахвалиться. Пока мы закусывали, осе-

тинка усѣлась за работу. Она шила сапоги изъ красной кожи.

— Здѣсь осетинки большія искусницы, объяснилъ Тумановъ, показывая глазами на хозяйку, шьютъ сами платье и обувь и одѣваютъ всю семью съ головы до ногъ. Прежде осетинки считались за самыхъ нравственныхъ женщинъ, теперь ими остались жительницы горныхъ ауловъ, а эти городскія—всѣ продажныя.

Распрощавшись съ осетинкой, мы поспѣшили въ гостинницу, такъ какъ все небо заволоклось тучами, горы давно утонули въ туманахъ и пропали изъ виду и только ближайшія чернѣли своими очертаніями сквозь облачныя сѣти. Мы еле успѣли добраться до гостинницы, какъ сильный южный дождь забарабанилъ по крышамъ Владикавказа. Ливень пролетѣлъ въ какіе - нибудь полъ - часа и, хотя ночь была лунная и чистое небо сіяло милліономъ звѣздъ надъ нами, мы долго сидѣли дома, спросивъ шашлыкъ и кахетинское, и вспоминали наши студенческіе года.

— Поглядите, что за ночь, какая луна, какой воздухъ, воскликнулъ Тумановъ, пойдемте въ садъ, грѣшно сидѣть въ комнатѣ.

Мы пошли въ общественный садъ. Ночь была восхитительная. Черныя тѣни деревьевъ рѣзко падали на дорожки, весь воздухъ былъ пропитанъ ароматомъ освѣженныхъ дождемъ акацій. Мы усѣлись на скамейку и оба поддались очарованью южной ночи Гдѣ-то вблизи пѣлъ персидскій соловей свою монотонную пѣсню. Терекъ журчалъ по своимъ пестрымъ

голышамъ, а небо все въ звѣздахъ мелькало сквозь вѣтви густыхъ деревъ.

Бываютъ такіе часы въ жизни, когда хочется поговорить, тронуть старое, давно уснувшее, пережить мысленно событія прошлаго. Мы много говорили тамъ въ гостинницѣ, много вспоминали, идя сюда, и теперь вдругъ оба смолкли, очарованные чудной южной ночью.

— Мы были съ вами на «ты» въ университетѣ, сказалъ Тумановъ, я знаю, вы щепетильны къ этому «ты», но я все-таки предлагаю возобновить его. Согласны вы?

Я молча протянулъ ему руку, которую онъ крѣпко пожалъ.

— Слушай-же, сказалъ Тумановъ и его черные глаза загорѣлились, какъ звѣзды, я поведу тебя на Кавказъ, ты теперь стоишь у его воротъ. Вѣдь Владикавказъ зовется осетинами Капкай, т. е. горныя ворота. Завтра утромъ мы двинемся съ тобой, старый дружище, въ горныя тѣснины, мы поднимемся къ снѣгамъ и ледникамъ Казбека. Я поведу тебя къ святынямъ Грузіи и Арменіи, на берега Арагвы, Ріона и Аракса, я докажу тебѣ, что Кавказъ прекрасенъ, только не отставай отъ меня. Впередъ въ чудныя и дорогія мнѣ кавказскія горы...

4.

Военно-Грузинская дорога.

Первыя впечатлѣнія. Тѣснины. Дарьялъ. Царство Казбека. Туръ. Стефанъ-Цминда.

Лишь Терекъ въ тѣснинѣ Дарьяла
Гремя нарушалъ тишину,
Волна на волну набѣгала,
Волна погоняла волну...

* * *

И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы:
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны!

* * *

Чалмою бѣлою отъ вѣка,
Твой лобъ наморщеный увитъ,
И гордый ропотъ человѣка
Твой гордый миръ не сокрушитъ.

Лермонтовъ.

Я проснулся чуть не съ зарей. Волненіе недавало мнѣ спать. Чудное весеннее утро обливало золотомъ спящій городокъ, за окномъ слышалось пѣнье птицъ и легкій характерный свистъ отъ полета стрижей. Сколько прелести весны и надеждъ въ этомъ свистѣ ласточекъ и стрижей! Въ это чудное утро онъ увлекъ меня особенно. Предстояло столько наслажденій, столько впечатлѣній, что сердце невольно замирало и дышалось такъ легко, такъ свободно и

хорошо. Тумановъ еще спалъ. Его мужественное, энергичное лицо, съ рѣзкими бровями—не могло не нравится, особенно благодаря какому-то мягкому выраженію нѣкоторыхъ черточекъ, придававшихъ ласковость всему лицу. Тумановъ подкупилъ меня совершенно и своимъ характеромъ, и уступчивостью, и любезностью, и главное простотой и я твердо рѣшился не разставаться съ нимъ. Мало того, что онъ мнѣ нравился, онъ былъ неоцѣненнымъ спутникомъ и скрашивалъ своимъ обществомъ мое путешествіе.

Быстро одѣвшись, я пошелъ побродить по городу. Тополя блестѣли на солнцѣ своими смолистыми листочками и, поднявшись на каждомъ шагу, чуть не у всякаго дома, придали городку необыкновенно красивый видъ. Я очутился около персидской мечети и снова любовался этимъ маленькимъ зданіемъ, раздавленнымъ громаднымъ тяжелымъ куполомъ. Фасадная стѣна мечети, выложенная изъ красныхъ и голубыхъ глазированныхъ кирпичей, сіяла на солнцѣ своей пестротой. Ласточки съ крикомъ носились надъ зеленымъ куполомъ мимо ярко блестѣвшаго полумѣсяца и проплывали къ отдаленной группѣ пирамидальныхъ тополей. Сколько тишины, мира и красоты въ тихомъ, ясномъ утрѣ! Каково-то будетъ мое путешествіе! Горы стояли во всей красотѣ. Вершины ихъ сіяли, какъ груды брильянтовъ, вырѣзаясь ледяными конусами на блещущей синевѣ. Что-то божественное, недосягаемое, недоступное сіяло въ этихъ вершинахъ, въ «этихъ сосѣдкахъ звѣздъ», въ этихъ алтаряхъ боговъ. Такъ понятно, что каждая гора Кавказа имѣетъ свои повѣрья, свои легенды и эти легенды

принадлежатъ всѣмъ народамъ, такъ какъ эти горы на рубежѣ Африки, Азіи и Европы были колыбелью народовъ всего міра. Доисторическія времена Аѳинъ и библія уже упоминаютъ Кавказъ и Кавказъ во всѣхъ миѳахъ, во всѣхъ повѣрьяхъ и разсказахъ является чѣмъ-то титаническимъ. Всѣ существа, всѣ постройки—являются громадными, люди великанами, ястребъ уноситъ въ когтяхъ быка, на одной лопаткѣ котораго выстроился цѣлый аулъ, таже лопатка попадаетъ въ глазъ великану и онъ принимаетъ ее за занозу. Здѣсь все является въ гиперболахъ, чему способствуетъ восточное воображеніе, да и сами остатки циклопическихъ построекъ. Въ горахъ встрѣчаются развалины башенъ и стѣнъ, сложенныя чуть не изъ обломковъ скалъ, подтверждающихъ повѣрье, что простой человѣкъ не могъ сложить ихъ своими руками. Глядя на эту цѣпь гигантскихъ горъ, вспоминаешь всѣ эти сказки и наивно вѣрится, что тамъ вдали могутъ жить и живутъ сказочныя существа.

Когда я вернулся въ гостинницу, Тумановъ еще спалъ. Я разбудилъ его.

— Какъ, ты уже всталъ, воскликнулъ онъ.

— Всталъ и нагулялся, уже поздно. Вставай, скоро надо ѣхать.

Черезъ часъ подъѣхала коляска къ подъѣзду нашей гостинницы; нашъ небольшой багажъ былъ уложенъ въ нее, а мы съ пледами, одѣтые въ теплыя пальто, усѣлись въ экипажъ. Я хотѣлъ было протестовать противъ теплой одежды, но Тумановъ настоялъ на своемъ.

— Ты не знаешь, какъ будетъ холодно въ горахъ, говорилъ онъ, изволь одѣться потеплѣе.

Онъ заставилъ меня одѣть и фуфайку, и мѣховую кофточку. Какъ я былъ потомъ благодаренъ ему за это.

Мы понеслись по Владикавказу, переѣхали по мосту черезъ Терекъ, миновали осетинское предмѣстье и полетѣли по прекрасной, гладкой дорогѣ въ сторону горъ. Во всѣ стороны разстилалась степь съ поднимающимися шалфеями [1]), съ лиловыми хвостами царскаго скипетра [2]) и съ синими зарослями мышьяго хвоста [3]), отъ котораго степь казалась ярко синей, такъ много и такъ обильно онъ цвѣлъ. Я безконечно наслаждался этой цвѣтущей степью. Вотъ горецвѣты [4]), вонъ воронцы [5]), восклицалъ я, указывая Туманову на желтыя и пурпуровыя чаши, окруженныя мелкой зеленью напоминающей укропъ.

На душѣ было такъ легко, какъ въ школьные года, когда возвращался домой съ послѣдняго экзамена, полный необъяснимаго счастья, полный надежды на подходящее лѣто. Такъ и теперь я радовался этимъ 200 верстамъ до Тифлиса, этимъ впечатлѣніямъ прославленной Военно-Грузинской дороги, о которой прожужжали мнѣ всѣ уши еще въ Петербургѣ.

Горы все ближе и ближе надвигались къ намъ. Мрачныя суровыя скалы все яснѣе и яснѣе вырисовывали свои ребра, морщины и трещины. На бе-

---

[1]) Salvia austriaca L, S. aetiopis L, nutans L. и друг.
[2]) Verbascum phoeniceum L.
[3]) Muscari botryodes Mill.
[4]) Adonis vernalis L.
[5]) Paeonia tenuifolia L.

регу Терека показалось укрѣпленіе Редантъ, заросшее шиповникомъ, ежевикой и боярышникомъ.

— Что за поэтичный уголокъ!

Дорога вилась по степи на протяженіи 5 верстъ, затѣмъ обогнула выступъ горы, подбѣжала къ самому Тереку и сразу вступила въ лощину. Станція Балты, до которой считаютъ 12 верстъ отъ Владикавказа, усѣлась въ видѣ красиваго каменнаго дома съ балкономъ на берегу бѣшенаго Терека около красиваго садика съ высокими пирамидальными тополями. Грохотъ Терека въ этомъ живописномъ уголкѣ гулко раздавался на большое разстояніе. За Балтами мы поѣхали по красивому горному ущелью. Скалы поднялись со всѣхъ сторонъ. Сразу стало мрачно, угрюмо. Дернъ, шиповникъ, ежевика заполонили своими длинными колючими вѣтвями каждую пядь земли, обхватили скалы, свѣсились въ Терекъ и образовали густыя непроходимыя заросли. Снова показалась крѣпость на скалѣ.

— Это Джераховское укрѣпленіе, сказалъ Тумановъ, эти крѣпости оправдываютъ названіе «Военно-Грузинской дороги».

На неприступной скалѣ, среди голыхъ черныхъ камней, словно выпертая изъ толщи утеса, поднялась мрачная, угрюмая, четырехугольная башня съ обгрызанными временемъ зубцами, съ черными дырками оконъ, молчаливо и слѣпо глядящими въ долину Терека. Какъ красивы, романтичны эти развалины на этихъ скалахъ! Онѣ переносятъ васъ въ средніе вѣка и заставляютъ васъ вспомнить, что и здѣсь въ глухихъ лощинахъ Кавказа когда то царили свои

князьки, подобно западно-европейскимъ баронамъ, и громили и грабили прохожихъ и проѣзжихъ, какъ стая хищниковъ, налетая изъ своихъ неприступныхъ замковъ. Теперь торчатъ эти свидѣтели прошлыхъ насилій и произвола, эти поломанныя башни, эти изгрызанныя стѣны, эти груды камней, взгромоздившіяся на неприступныя и головоломныя высоты.

Еще дальше мелькнула на скалѣ стройная, сѣрая башня, принадлежавшая князьямъ Дударовымъ, также мертвая и пустая. Нѣсколько воронъ носилось надъ ней, да высоко надъ горами плыли орлы.

Такъ понятно, когда ѣдешь здѣсь, по Балтинскому ущелью, что еще не такъ давно было опасно ѣхать по этой дорогѣ и что путники еще въ началѣ этого столѣтія ѣздили не иначе какъ подъ конвоемъ. Вся эта дорога—чудо искусства, плодъ неимовѣрныхъ и долголѣтнихъ трудовъ, высѣченная въ толщахъ камней, пробитая на головоломныхъ крутикахъ, надъ бездонными пропастями, устроенная благодаря неутомимымъ трудамъ Ермолова, Воронцова и Барятинскаго.

Съ каждымъ шагомъ мы углублялись все въ болѣе и болѣе дикое ущелье. Скалы сдвинулись къ берегамъ Терека, поднялись отвѣсными стѣнами чуть не въ самыя небеса и бросили черныя тѣни на ущелья. Только мѣстами въ трещинахъ изогнулась своими вѣтвями, какъ акробатъ, южная крушина, да смягчали мракъ камня подушки розовыхъ смолокъ горныхъ гвоздикъ и колокольчиковъ. Позже лѣтомъ, когда я ѣхалъ по тѣмъ-же мѣстамъ, меня поражали

эти цвѣточныя подушки изъ плотно сдвинутыхъ цвѣтовъ, уцѣпившихся на отвѣсныхъ стѣнахъ.

Далѣе мы вступили еще въ болѣе узкое ущелье. Скалы совсѣмъ сдвинулись къ Тереку и дорога образовала карнизъ между рѣкой и каменной стѣной. Терекъ, казалось, довольно мирно журчалъ по камнямъ, перекатывая голыши.

— Здѣсь настолько сильно теченіе рѣки, сказалъ мнѣ Тумановъ, что и думать нельзя перебраться черезъ этотъ небольшой ручеекъ. Въ Іюлѣ и Августѣ Терекъ, прямо ужасенъ. Это бѣшеная пучина, которая реветъ, подобно грому, волочитъ громадные камни, которые лѣтятъ съ оглушающимъ трескомъ и низвергаются по каскадамъ рѣки.

Позже мнѣ пришлось увидѣть Терекъ во всей его силѣ и только тогда я понялъ, что такое «сѣдыя гривы», «громъ» и «бѣшенство» рѣки. Тогда это сплошной, ужасающій водопадъ, въ родѣ горныхъ рѣкъ Норвегіи. Грохотъ стоитъ въ ущельѣ такой, что невозможно разговаривать. Пучина несется съ вершинъ Казбека, вздымая валы пѣны, которая клокочетъ, какъ въ котлѣ, а камни и утесы обтачиваются страшной силой потока въ тѣ прелестные голыши, которыми переполнено въ мирное время все русло Терека. На станціи Ларсъ подъемъ дѣлается очень замѣтнымъ, скалы сближаются еще болѣе, въ Терекѣ высятся громадные обломки скалъ, среди голышей торчатъ кусты ивъ. Мы поднялись незамѣтно на высоту 3679 футъ. Вершины горъ заволоклись туманами, только черныя ребра ихъ торчали

уныло и грустно, образуя этотъ узкій проходъ, по которому пролегла дорога изъ Европы въ Азію.

Вотъ и Ларское укрѣпленіе, берегущее входъ въ Кавказскія тѣснины. Это сѣрая крѣпость съ двумя толстыми, круглыми башнями подъ красными крышами, съ узкими трещинами бойницъ. Ложе Терека занимаетъ всю лощину и полно обломковъ скалъ и камней.

За Ларсомъ мы въѣхали въ Дарьяльскую тѣснину. Скалы и утесы безъ единой травки, безъ кустовъ, молчаливые, дикіе, суровые, поднялись отвѣсными стѣнами въ облака. Здѣсь царство камня, которое прободалъ Терекъ своей мутной и бѣшеной волной. Мрачно, уныло, тоскливо въ этомъ страшномъ, черномъ ущельѣ, заползающемъ все выше и выше. Мы обогнули стѣны надъ Терекомъ по каменнымъ аркамъ и віадукамъ, переѣхали по небольшому мосту черезъ рѣку и понеслись дальше по другой сторонѣ клокотавшей рѣки, которая неслась намъ на встрѣчу изъ страны вѣчныхъ снѣговъ. Здѣсь все было грандіозно и подавляюще-угрюмо. Порой стѣны разрывались боковыми ущельями, черезъ которыя врывались то солнечные лучи, свѣтъ и тепло, то густые туманы, снѣгъ, ледъ и холодъ. Солнце смѣнялось мракомъ, весна—зимой. Въ одномъ мѣстѣ на насъ пахнуло сыростью и туманомъ, густыя облака заволокли горы и ущелья, холоднымъ порывомъ вѣтра нанесло на насъ тучи снѣга, а стоило только обогнуть выступъ скалы и насъ залило свѣтомъ солнца и синее небо проглянуло въ дикое горное ущелье. Эта смѣна эфектовъ производитъ сильное впечатлѣніе. Поражаешься, какъ

продолбили здѣсь эту дорогу надъ ревущей пучиной, какъ взорвали стѣны горъ, чтобы образовать этотъ узкій карнизъ для проѣзда надъ страшною пропастью, гдѣ бушуетъ рѣка. Прежде всѣ путники и войска должны были обходить Дарьяльскую тѣснину по головоломной обходной тропѣ, забиравшейся по ужаснымъ крутикамъ въ самые льды Казбека, такъ какъ вся тѣснина была занята одними страшными волнами Терека, волочившаго сквозь это жерло камни и утесы. Иногда на страшной высотѣ надъ тѣсниной мелькали развалины. Я просто недоумѣвалъ, какъ могли люди забраться на эти высоты и построить тамъ эти мрачныя, крѣпкія башни, пережившія тысячи невзгодъ.

Тамъ, гдѣ тѣснина стала всего уже, гдѣ мракъ поборолъ свѣтъ, гдѣ холодъ и туманы заволокли горныя стѣны, гдѣ мы прижались другъ къ другу, охваченные унылостью и ужасомъ мрачной картины природы, слѣва мелькнула узкая, черная таинственная трещина, полускрытая туманами, изъ которой упалъ въ Терекъ съ шумомъ и грохотомъ небольшой, но бѣшеный потокъ Девдораки, этотъ бичъ и ужасъ окрестностей.

Потокъ Девдораки падаетъ изъ мрачнаго Девдоракскаго ущелья, этой трубы, сообщающейся съ громадными ледниками Казбека. Черезъ это ущелье разгнѣванные боги посылали черезъ извѣстное число лѣтъ въ бѣшеную рѣку въ долину Терека ледяныя глыбы и лавины, которыя, падая, дѣлали такіе гигантскіе завалы льда, что масса его оттаивала только годами, а Терекъ ниже завала пересыхалъ

и, только прободавъ толщи льда, снова несся съ сокрушительной силой къ Владикавказу. Передвиженіе по дорогѣ шло до завала, гдѣ путники перевозились на особыхъ санкахъ черезъ упавшій ледъ. Послѣдній завалъ, которые повторялись каждые семь лѣтъ, приблизительно былъ въ 1832 году. Полагаютъ, что Девдоракскій ледникъ нашелъ другую дорогу для низверженія тающаго льда.

Проѣхавъ самое узкое мѣсто тѣснины, мы обогнули грозныя скалы, и очутились около Дарьяльскаго укрѣпленія, низкаго каменнаго зданія съ двумя зубчатыми башнями по сторонамъ, красно-кирпичнаго, примостившагося на берегу Терека, у подножья громадныхъ скалъ и одной отдѣльной гигантской каменной глыбы, словно выступившей изъ правой каменной стѣны съ плохо сохранившимися развалинами на вершинѣ. Эти развалины и есть замокъ Тамары, а все это мѣсто одно изъ самыхъ любопытныхъ.

Укрѣпленіе съ его двумя башнями, его темнокрасный цвѣтъ придаютъ много красоты этимъ дикимъ и мрачнымъ мѣстамъ. Замокъ Тамары, воспѣтый Лермонтовымъ, усѣлся на конусообразной голой скалѣ, поднявшейся словно со дна Терека, волны котораго налетая на камни, съ бѣшеной злобой грызутъ подножіе утеса. Легенда говоритъ, что здѣсь жила красавица Тамара и своими пѣснями заманивала въ свой замокъ всѣхъ прохожихъ и проѣзжихъ. Чарующее пѣніе загоняла всякаго въ объятья Тамары, которая съ разсвѣтомъ, упоенная любовью, бросала возлюбленнаго въ разъяренный Терекъ. Такова легенда,

а исторія говоритъ, что эта крѣпость была построена за 150 лѣтъ до Р. Х. царемъ Миріаномъ, чтобы обезопасить виноградную свою и цвѣтущую Грузію отъ вторженія горцевъ. Миріанъ возвелъ здѣсь громадныя желѣзныя ворота, которыя закрывали проходъ по ущелью и которыя, по его повелѣнію, были завалены камнями. Позже Царь Давидъ возстановилъ укрѣпленіе, чтобы не дать возможности кочевникамъ и сѣвернымъ народамъ проникать сквозь горы въ Грузію и грабить это богатое царство.

Названіе Дарьяльскаго ущелья получило это мѣсто вовсе не отъ имени какой-то царицы Дарьи, жившей яко-бы въ этомъ замкѣ, а отъ персидскихъ словъ: «даръ-і-аланъ *), что означаетъ ворота алановъ, т. е. осовъ, осетинъ, называвшихъ себя аланами и обитавшихъ въ этихъ мѣстахъ. Здѣсь были громадныя желѣзныя ворота, кованныя грубо и крѣпко, закрывавшія проходъ по ущелью, поддерживаемыя первыми грузинскими царями между стѣнами скалъ надъ рѣкой, чтобы не дать оссамъ возможности проходить по ущелью безъ ихъ царскаго повелѣнія.

Дорога стала круто подниматься между пирамидами, ребрами, колоннами и стѣнами базальтовъ. Терекъ падалъ уступами и напомнилъ мнѣ дикую и угрюмую долину Рейсы на Сен-Готардскомъ перевалѣ. Какъ тамъ Суворовъ съ своими солдатами брали приступомъ природу, такъ и здѣсь наши войска брали камень за камнемъ, скалу за скалой, такъ и всѣ полчища варваровъ, пробиравшіеся изъ Азіи въ Европу одолѣвали въ этихъ лощинахъ ужасныя преграды.

---

*) Даръ=door=Thür=дверь

Вершины горъ и снѣжные конусы, которые недавно еще казались такими далекими, стали все болѣе и болѣе приближаться, петли и зигзаги дороги пропадали сзади насъ въ темной лощинѣ, становившейся все глубже и темнѣе. Мы забрались въ царство горъ, съ ихъ альпійскими лугами, которые такъ пестры, ярки и очаровательны во время цвѣтенія. Здѣсь бываетъ въ Іюнѣ разсыпана бирюза незабудокъ. Положительно всѣ луга, всѣ карнизы горъ сплошь выложены бирюзой. Здѣсь поднимаютъ свои бокалы темно-синія горечавки, здѣсь цвѣтутъ бѣлые альпійскіе лютики, ясколки, альпійскія вѣтреницы и вся прочая прелестная мелюзга, яркая и карликовая, которая дѣлаетъ эти горные луга на границѣ снѣговъ неописуемо прекрасными. Часто въ трещинахъ, по глубокимъ скатамъ лежитъ сугробами снѣгъ, изъ подъ котораго съ грохотомъ выбиваются ледяные ручьи, а рядомъ цвѣтутъ подушки цвѣтовъ очаровательныхъ желтыхъ и розовыхъ первоцвѣтовъ.

Мы уже въ царствѣ Казбека, его ледяной конусъ давно поднялся передъ нами, укутанный облаками. Здѣсь его царство, его могущество, здѣсь онъ вѣетъ своими снѣгами и льдами, владычествуя надъ всей этой страной.

Наща тѣснина давно уже расширилась и мы ѣхали среди невообразимаго хаоса камней. Камни были нагромождены другъ на друга и казалось, что здѣсь шелъ каменный дождь.

— Что это такое? спросилъ я Туманова въ полномъ недоумѣніи, это какое-то каменное царство?

— Это Бѣшеная балка, сказалъ онъ. Здѣсь течетъ небольшой ручей Куро. Онъ вытекаетъ гдѣ-то изъ снѣговъ Казбека. Когда начнутъ таять горные снѣга или пойдутъ дожди, этотъ ручей обращается въ пучину и волочитъ съ собою массу камней въ Терекъ. Иногда образуется заторъ, ручей нагоняетъ озеро, которое въ концѣ концовъ прорываетъ каменую плотину и тогда вся масса воды и камней мчится въ Терекъ, все сокрушая на пути. Оттого и дорогу перенесли на ту сторону Терека, вотъ сейчасъ мы переѣдемъ черезъ мостъ.

Мы поднялись еще выше, переѣхали черезъ мостъ и, взобравшись на пригорокъ, остановились у станціи Казбекъ. Мы были на высотѣ 5681 фута надъ урознемъ моря. Было довольно холодно и я былъ радъ, что тепло одѣлся.

Здѣсь на станціи мы рѣшили остановиться до слѣдующаго утра, чтобы оглядѣть окрестности, велѣли разложить экипажъ и отправились нанять номеръ. Я пошелъ хлопотать объ обѣдѣ, а Тумановъ отправился нанять верховыхъ лошадей, чтобы сдѣлать экскурсію въ горы. Станція Казбекъ хорошенькій каменный домикъ, окруженный галереей, разсѣлась на пригоркѣ по другую сторону широкой долины Терека, какъ разъ противъ Казбека. Этотъ снѣжный гигантъ кажется совсѣмъ не далеко, а сколько горъ раздѣляетъ его отъ этого мѣста!

Я вышелъ на галерею. Внизу подо мной была сѣрая пустынная долина съ голыми унылыми холмами, съ черными мрачными утесами, окруженная каменными титанами, надъ которыми поднялъ свой

снѣговой конусъ владыко Казбекъ, страшный своими 8-ю ледниками, съ ихъ смертоносными лавинами, которыя онъ кидаетъ съ своей высоты въ это ущелье, поселяя ужасъ и смятенье.

Ниже Казбека на вершинѣ пустынной горы Квенемъ-Мты виднѣлась церковка съ отдѣльной колокольней.

— Это Стефанъ-Цминда, т. е. церковь Стефана, объяснялъ мнѣ окрестности какой-то юноша, очевидно здѣшній обыватель, эту церковь тоже называютъ Цминда-Самеба, т. е. церковь Богородицы. Въ августѣ сюда идутъ массы богомольцевъ, а ниже, вонъ домики, это аулъ Гилеты.

— А это что за домики подлѣ станціи? спросилъ я.

— Это аулъ Казбекъ, отвѣтилъ онъ, вонъ и домъ князей Казбековъ, вонъ и ихъ церковь.

Между низкихъ, грязныхъ и непривѣтливыхъ саклей аула поднялся красивый двухъ-этажный домъ, оригинальной архитектуры, окруженный галлереей— домъ князей Казбековъ, давшихъ имя горѣ. Казбеки исполняли при грузинскихъ царяхъ должность пограничнаго начальника, а такъ какъ званіе это было наслѣдственнымъ въ ихъ родѣ, то оно привилось и къ аулу и къ горѣ.

Какъ ни величественъ видъ на Казбекъ, какъ ни красива эта альпійская мѣстность, какъ ни вѣялъ горный воздухъ и не вливалъ въ меня мужество и подъемъ, эти безпріютныя высоты, эти голые камни и утесы, эти мерцающіе льды и снѣга, этотъ насквозь пронизывающій вѣтеръ, эта черная про-

пасть, гдѣ уныло реветъ Терекъ,—навѣяли на меня холодъ и тоску и я поспѣшилъ въ ресторанъ. Въ зданіи станціи много номеровъ для проѣзжающихъ, такъ какъ путникамъ очень часто приходится здѣсь не только ночевать, но и ждать по нѣсколько дней прочистки дороги отъ заваловъ. Снѣжные завалы на всемъ протяженіи до слѣдующей станціи Коби здѣсь такъ часты, лавины рушатся съ горъ въ такомъ обиліи, что въ извѣстные мѣсяцы путниковъ ночью не пускаютъ дальше, а здѣсь въ этихъ безпріютныхъ высотахъ живутъ цѣлыя роты линейныхъ казаковъ, занятыя расчисткой Военно-Грузинской дороги. Всѣ осетины придорожныхъ ауловъ, не имѣя здѣсь въ безплодныхъ камняхъ другого заработка, живутъ только зимней расчисткой пути.

Тумановъ уже сидѣлъ за столомъ и ждалъ меня.

— Ну, сказалъ онъ, поторопимся обѣдать. Сейчасъ приведутъ лошадей, я нанялъ по $1^1/_2$ рубля, надо будетъ еще заѣхать въ Гилеты къ старостѣ за ключемъ отъ церкви Стефанъ-Цминды.

На окнахъ и столахъ разложены были друзы кристаловъ, колчеданы, почтовая бумага съ видами Кавказа, изогнутые турьи рога, эти былые кубки грузинъ и т. п. мѣстныя диковинки, которыя такъ живо напомнили мнѣ Швейцарію,

На жаркое мы заказали себѣ тура*). Здѣсь на Казбекѣ это мѣстное лакомство. Мясо этого горнаго козла очень напомнило мнѣ наше оленье мясо.

---

*) Capra caucasica. Roul.

Туры водятся въ здѣшнихъ горахъ въ большомъ количествѣ. Это гордое, красивое животное, производящее впечатлѣніе силы, мужества и выносливости, украшенное сильными, загнутыми полумѣсяцемъ назадъ рогами, водится въ непосредственномъ сосѣдствѣ снѣговыхъ равнинъ, на границѣ ледниковъ, на альпійскихъ лугахъ. Нѣкоторые старые козлы забираются на верхушки и гребни горъ и иногда проводятъ цѣлые часы неподвижно на одномъ мѣстѣ, особенно гдѣ нибудь на выступѣ скалы, такъ что они прикрыты сзади каменной стѣной, а впереди передъ ихъ глазами открытъ далекій видъ. Туры, по разсказамъ охотниковъ, иной разъ не смотря на вьюги и бури, стоятъ на одномъ мѣстѣ, какъ каменныя изваянія. Туры неутомимы и легки и взбираются чрезвычайно быстро на самые головоломные крутики. Еле замѣтная щель въ скалѣ служитъ имъ ступенью. Съ невѣроятной быстротой туръ поднимается по отвѣсной стѣнѣ и, во время прыжка невозможно уловить моментъ, когда онъ касается скалы, кажется, что онъ летитъ кверху прямо съ земли. Онъ съ удивительной вѣрностью перелетаетъ черезъ пропасти и овраги и бросается внизъ съ очень большой высоты. Тотъ же юноша, который показывалъ мнѣ окрестности съ галереи нашей станціи, увѣрялъ меня, что туръ, бросаясь съ высоты, непремѣнно падаетъ на свои громадные рога, которые такъ эластичны, что не даютъ разбиться животному. Я нѣсколько разъ и раньше слышалъ этотъ нелѣпый разсказъ.

Казбекъ центръ охоты на тура, этого рѣдкаго

горнаго козла, повсемѣстно уже истребленнаго въ Швейцаріи и сохранившагося еще на Кавказѣ. Трудно выдумать что-либо опаснѣе охоты на туровъ, хотя она всегда была любимѣйшимъ удовольствіемъ кавказскихъ князей и они отправлялись большими партіями въ неприступныя горы, въ области ледниковъ и вѣчнаго снѣга.

Осетины, обитатели ауловъ окрестностей Казбека, мученики страсти охоты на туровъ. Они, эти оборванные, изодранные охотники, ставятъ жизнь на карту, гоняясь недѣлями надъ пропастями, по горнымъ карнизамъ, по вѣчнымъ льдамъ, отыскивая добычу.

Турьи рога считались у грузинъ лучшими кубками, почетными трофеями, ими украшались жилища, алтари и храмы и до сихъ поръ они служатъ жертвой, которую приноситъ горецъ богамъ, чтобы умилостивить грозныхъ обитателей вершины Казбека, въ которыхъ онъ глубоко вѣритъ.

Около Девдоракскаго ледника и теперь находится нѣчто въ родѣ алтаря, заваленнаго рогами туровъ. Осетины, чтобы умилостивить боговъ и тѣмъ избѣжать ужасныхъ обваловъ этого самаго губительнаго изъ восьми ледниковъ Казбека, приносятъ сюда, какъ самую угодную богамъ и почетную жертву, рога убитыхъ ими на охотѣ туровъ.

— Когда туры дерутся и налетаютъ другъ на друга рогами, разсказывалъ мнѣ станціонный юноша, предлагая за три рубля купить пару большихъ турьихъ рогъ, то они образуютъ такой шумъ, что въ горахъ издалека слышна турья драка.

— Какъ же охотники лазятъ за ними по такимъ неприступнымъ горамъ?

— Они носятъ бандули, чтобы нога не скользила. Это крестъ на крестъ сложенные ремни, прикрѣпленные вмѣсто подошвы къ кожаннымъ башмакамъ съ подстилкой изъ горной травы. Въ нихъ отлично можно ходить въ горы.

Пообѣдавъ, мы поспѣшили на дворъ, гдѣ насъ уже ожидалъ проводникъ-осетинъ и верховыя лошади. О, какъ хорошо и легко дышалось мнѣ, какимъ мужествомъ и жизнерадостностью наполнилось все мое существо, когда мы ѣхали по пустынной и унылой лощинѣ, направляясь въ ближайшій аулъ Гилеты или Гергеты, какъ его здѣсь еще иначе называютъ.

— Видишь, какъ хорошо мы сдѣлали, что поѣхали отдѣльно, не въ мальпостѣ, крикнулъ мнѣ Тумановъ, мы вольныя птицы и можемъ предпринять всѣ эти экскурсіи.

Вскорѣ мы въѣхали въ аулъ, съ его маленькими непрезентабельными саклями. Нашъ проводникъ отправился къ старостѣ, чтобы добыть ключъ отъ церкви Стефанъ-Цминды, къ которой мы направлялись и которая живописно вѣнчала голую и унылую гору Квенемъ-Мты.

Въ прежнія времена, когда Грузія терзалась войнами и разбоями, храмы и монастыри, нерѣдко превращавшіеся въ крѣпости, забирались ради безопасности на неприступныя высоты.

Аулъ Гилеты расположенъ на горномъ ручьѣ, впадающемъ въ Терекъ и вертящемъ небольшія мельничія колеса, утвержденныя вмѣстѣ съ жерновами

на вертикальныхъ осяхъ въ маленькихъ будочкахъ. Двухъ-этажныя сѣрыя сакли словно выросли изъ земли. Онѣ такого-же унылаго цвѣта, какъ все въ этой унылой лощинѣ у подножія ледянаго Казбека. Мы зашли въ одну саклю. Люди помѣщаются въ верхнемъ этажѣ, въ нижнемъ скотъ. Свѣтъ проходитъ въ двери и въ дымовое отверстіе. Когда мы вошли въ въ комнату, въ первую минуту я не могъ различить окружавшіе меня предметы и только спустя нѣкоторое время, когда мои глаза привыкли къ полумраку и я освоился съ дымомъ и чадомъ, который царилъ здѣсь, я замѣтилъ нары, полки съ посудой и всю жалкую обстановку подобной сакли; я задыхался въ чаду и мы поспѣшили на воздухъ.

Подъемъ на гору Квенемъ-Мты совсѣмъ не труденъ и мы взобрались очень быстро на ея вершину къ одинокой церкви Цминда-Самеба съ ея живописной архитектурой, съ отдѣльной остро-крышей колоколенкой, съ фресковой живописью по стѣнамъ, мѣстами сильно попорченной, мѣстами хорошо сохранившейся. Здѣсь на вышинѣ болѣе чѣмъ $7^1/_2$ тысячъ футъ надъ моремъ спитъ эта церковка съ узкими и высокими окнами, съ коническими куполами и глядитъ съ вершины своего высокаго каменнаго подножія въ обѣ долины. Одна долина съ Терекомъ, ауломъ Гилеты, станціей Казбекъ уныло улеглась у подножія Квенемъ-Мты, другая отдѣлила ее еще болѣе унылой и пустынной лощиной отъ Казбека. Сколько молчанія, унынія, покоя въ этихъ снѣговыхъ поляхъ, черныхъ утесахъ, глыбахъ камней! Видъ приковалъ насъ къ мѣсту. Пирамида Казбека

поднялась передъ нашими глазами во всемъ величіи. Облака ползли по ея грудямъ, закрывая льдистый конусъ и сверкающіе ледники.

Сколько легендъ, сколько преданій существуетъ про эту гору у всѣхъ народовъ Кавказа. Недоступность ея надѣлила ее таинственностью и святостью и народъ вѣритъ, что тамъ на недосягаемой вышинѣ стоятъ ясли Спасителя и шатеръ Авраама.

Разсказываютъ, что на Казбекѣ существуютъ таинственные монастыри и что многіе добирались до пещерныхъ келій и до одинокаго каменнаго креста, стоящаго среди вѣчныхъ снѣговъ и унылыхъ скалъ. Существуетъ легенда, что здѣсь жили благочестивые старцы, прославившіеся своей святой жизнью. Одна дѣвушка изъ аула Гилетъ захотѣла изъ любопытства проникнуть въ святую обитель. Иноки не пустили ее, но младшій изъ нихъ поддался искушенію и впустилъ ее. За это Богъ все отнялъ у старцевъ, даже солнечный лучъ не заглядывалъ въ ихъ обитель. Только послѣ долгой и жаркой молитвы Богъ сжалился надъ этими семью старцами и взялъ ихъ на небо, гдѣ они засіяли блестящими звѣздами въ созвѣздіи Большой Медвѣдицы, а оставленныя кельи черными щелями глядятъ изъ области вѣчныхъ снѣговъ въ глубокія и черныя пропасти.

Мы долго любовались унылыми и мрачными видами съ вершины Квенемъ-Мты, гдѣ только во время богомолья въ Августѣ сходятся толпы богомольцевъ. Мы любовались и туманами и облаками, которые вуалями окутывали конусъ Казбека, скрывая его отъ человѣческихъ взоровъ, конусъ, на который,

не смотря на весь суевѣрный ужасъ осетинъ и убѣжденія о его недоступности, взобрались въ 1868 году члены англійскаго клуба съ Фрешфильдомъ во главѣ.

Порывы холоднаго вѣтра погнали насъ отъ одинокой церкви и мы отправились по каменистой тропѣ обратно къ станціи. Лошади осторожно ступали по обледенѣвшей землѣ и увѣренно спустили насъ обратно въ долину Терека. Вѣтеръ съ каждой минутой крѣпчалъ и пронизывалъ насъ насквозь своими холодными струями.

— Ну, дай Богъ, говорилъ Тумановъ, чтобы не было обваловъ, передъ нами самыя вершины Кавказа и пока мы не доберемся до Млетъ, мы не увѣрены, что не засядемъ гдѣ-нибудь въ дорогѣ.

Въ одно изъ своихъ слѣдующихъ путешествій въ серединѣ лѣта, я пробирался къ Девдоракскому леднику, совершенно случайно примкнувъ къ партіи туристовъ изъ Владикавказа. Мы съ трудомъ проникли въ черное жерло Девдоракскихъ тѣснинъ, долгіе часы путешествуя верхомъ по голымъ скаламъ и камнямъ, по узкой и опасной тропѣ, подъ предводительствомъ проводника осетина. Густые туманы, въ которые пришлось намъ попасть, заставили дрожать насъ отъ холода. Особенно трудно было пробираться по камнямъ въ темной, наполненной обломками утесовъ и разрушеніемъ, мракомъ и ужасомъ Девдоракской тѣснинѣ. Цѣлыя рѣки и глыбы льда спускающагося по тѣснинѣ встрѣтили насъ. Оглушительный ревъ потока «Амилишка» стремительно и бѣшено несущагося изо льдовъ по черной пропасти, увеличивалъ мрачность и ужасъ картины. Продрог-

шіе, полные мрачныхъ впечатлѣній, добрались мы до «дабы» этого жертвенника, устроеннаго здѣсь осетинами и покрытаго турьими рогами. Сюда собираются иногда осетины почтить божество плясками и пѣніемъ, чтобы умилостивить его и тѣмъ спастись отъ ужасныхъ и разрушительныхъ обваловъ, летящихъ по этому черному жерлу и приносящихъ смерть и разрушеніе. Еле живые отъ усталости мы только поздно вечеромъ вернулись на станцію Казбекъ.

Улегшись въ постель, я съ замираніемъ сердца прислушивался къ жалобному свисту вѣтра и приходилъ въ ужасъ отъ мысли засѣсть на нѣсколько дней въ этихъ удручающе-скучныхъ горныхъ лощинахъ Кавказа.

5.

Военно-Грузинская дорога.

(Продолженіе).

Царство снѣговъ. Перевалъ. Гудъ-гора. По долинѣ Арагвы. Пассанауръ.

Оплотъ неприступный гранитныхъ
хребтовъ
Въ державномъ величьи съ рожденья вѣковъ,
Неровныя груды разбросанныхъ
горъ,
Такъ дерзко подъ небомъ дивящія
взоръ,
Пріюты морозовъ и снѣжныхъ громадъ,
Гдѣ буря грохочетъ, реветъ водопадъ...

И. Козловъ.

На склонѣ каменной горы
Надъ Кайшаурскою долиной,
Еще стоятъ до сей поры
Зубцы развалины старинной.

Лермонтовъ.

— Пора вставать. Лошади скоро готовы, услышалъ я и, открывъ глаза, долго никакъ не могъ сообразить, гдѣ я и что со мной происходитъ. Я задремалъ только подъ утро, такъ какъ спать было отвратительно, а насѣкомыя буквально заѣли меня. Мое бѣлье было сплошь покрыто красными пятнами отъ блохъ. Вспомнивъ, что я на Казбекѣ и что надо ѣхать дальше, я быстро вскочилъ.

— Какова погода? проговорилъ я.

— Пока хороша, отвѣтилъ Тумановъ, вѣтеръ улегся. Одѣвайся и идемъ чай пить.

Черезъ четверть часа мы уже сидѣли въ нашемъ экипажѣ, особенно тщательно укрывшись пледами. Намъ предстояла самая холодная и высокая часть дороги. Дорога вилась зигзагами вдоль береговъ Терека по безплодной, до невѣроятія скучной и однообразной мѣстности. Всюду голые камни, всюду черныя скалы и занесенныя снѣгомъ пространства. Горы, разступились, образовавъ довольно широкую долину, а Терекъ шумѣлъ въ глубокой, черной трещинѣ, отдѣленной низенькимъ каменнымъ барьерчикомъ отъ шоссе. Сильно чувствовалось, что мы все болѣе и болѣе поднимаемся въ горы. Станція Казбекъ и вершина Квенемъ-Мты съ Цминда-Самеба остались далеко внизу, а дорога неустанно вилась по этой унылой и безжизненной мѣстности все выше и выше въ горные снѣга. Только осетинскіе аулы напоминали о жизни, но и эти селенія были также мрачны, грязны и непривлекательны, какъ окружающая ихъ мѣстность. Аулы, расположенные на утесахъ и скалахъ, были словно выперты изъ каменной массы ихъ подножій и напоминали орлиныя гнѣзда. Эти аулы, словно разбойничьи логовища, заползли на неприступныя скалы и глядѣли своими сторожевыми, четырехъугольными башнями на мертвую окрестность и на нагроможденные повсюду камни. Грозныя, сѣрыя, молчаливыя, съ поломанными зубьями, сложенныя изъ валуновъ и камней, иногда въ шесть этажей вышины, стоятъ эти башни, свидѣтельницы прошлыхъ войнъ,

омытыя кровью разныхъ племенъ и народовъ. Каждый такой аулъ былъ крѣпостью, каждая такая башня хранила хлѣбъ и добро жителей и зорко глядѣла, не приближается ли врагъ за хранимымъ ею добромъ.

Аулъ Сіонъ издали забѣлѣлъ своей ярко-бѣлой громоздкой церковью. Горы словно выперли изъ своихъ безжизненныхъ стѣнъ громадную непреступную скалу и выдвинули ее мысомъ въ безплодную равнину. Разбойничій аулъ Сіонъ усѣлся на гребнѣ этой скалы, высоко поднявъ свою нѣсколько заостренную кверху сѣрую башню. Бѣлая церковь Сіона точно большой бѣлый двухъ этажный домъ, второй этажъ котораго съуженъ, виднѣлась повсюду въ долинѣ и рѣзко выдѣлялась своимъ цвѣтомъ среди черныхъ плитняковъ и сѣрыхъ камней. На другой сторонѣ далеко за Терекомъ примостился другой аулъ съ церковью Св. Георгія.

И чѣмъ дальше мы заползали въ горы, тѣмъ непривѣтливѣе становилась мѣстность, только одни голыши Терека, то красные, то ярко-зеленые, то пестрые, словно разрисованные, блестѣли своей яркой окраской. Эта безжизненность природы просто угнетала меня, а горы, покрытыя снѣгами, дышали холодомъ и заставляли меня кутаться въ пледъ.

Вотъ и Казбекъ исчезъ за поворотомъ дороги и вся долина съ ея зигзагами пути осталась позади, а мы ѣхали по снѣгамъ и чѣмъ дальше, тѣмъ снѣгъ стоновился глубже. Тутъ уже была полная зима, холодное царство снѣга. Съ каждымъ шагомъ снѣж-

ныя стѣны по бокамъ дороги становились все выше и выше и мы ѣхали по снѣжному корридору.

Вотъ и станція Коби, пріютившаяся у стѣны громадной скалы, и мы вступили въ самый высокій участокъ дороги, на перевалѣ Кавказскаго хребта и ѣхали по Бидарскому ущелью, названному такъ отъ имени осетина Бидара, давно жившаго здѣсь и занимавшагося расчисткою пути. Этотъ путь—путь снѣжныхъ заваловъ и паденія страшныхъ лавинъ. Вершины горъ постоянно скатываютъ весной и осенью, когда снѣгъ рыхлый, сюда, въ эту долину, свои снѣжныя лавины, которыя надолго задерживаютъ путниковъ. Горы поднялись отвѣсными стѣнами. Проледенѣлый камень торчалъ всюду изъ подъ снѣга, а снѣжныя вершины, словно одѣтыя въ блестящія, серебряныя ризы, сіяли своей непорочной бѣлизной. Дорога вилась улиткой среди моря снѣга. Снѣжныя стѣны въ нѣсколько сажень вышины поднялись по сторонамъ дороги и, казалось, стоило неболшого толчка, чтобы онѣ рухнули и погребли насъ. По горамъ нависли лавины, ожидая сотрясенія, чтобы слетѣть внизъ, увлекая за собой камни и новыя массы снѣга. Давно уже мы покинули Терекъ и теперь перебрались черезъ вершины Кавказскаго хребта.

Погода стала мѣняться. Подулъ рѣзкій вѣтеръ, горы затонули въ туманахъ и запорошилъ снѣгъ. И чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ становилось холоднѣе, тѣмъ усиливались мятель и туманы. Здѣсь было царство зимы, безпріютное, холодное, наводившее ужасъ. Мы юркнули въ небольшую галерею, выстроенную для защиты отъ заваловъ и вскорѣ

достигли высшей точки перевала. Здѣсь и лѣтомъ лежитъ снѣгъ, а теперь весной здѣсь царила глубокая зима. Мы были на вышинѣ 8.732 футъ надъ уровнемъ моря, на Крестовомъ перевалѣ, вблизи каменнаго креста, поставленнаго въ высшей точкѣ перевала. Креста намъ не пришлось увидѣть, такъ какъ поднялась сильная мятель. Тучи снѣга неслись съ горъ, били намъ въ лицо, заметали дорогу и окрестности. Вѣтеръ пронзительно дулъ и свистѣлъ, подымая и крутя снѣжные вихри. Всѣ горы потонули въ этомъ полумракѣ и въ снѣжной мятели. Мы ѣхали среди стѣнъ снѣга, не видя ничего ни впереди, ни сзади. Что-то дикое, чудовищное, грозное происходило вокругъ насъ. Кавказъ не хотѣлъ пропустить насъ черезъ свои гребни, буря выла ожесточенно, въ горахъ гудѣло и шумѣло, точно тысячи чудовищъ выползли изъ своихъ пещеръ и оглашали пространство своимъ ревомъ. Дѣлалось жутко и такъ хотѣлось скорѣе добраться до станціи, до жилья, увидѣть признаки жизни, уйти изъ этого хаоса снѣговъ, изъ этого царства мятелей и мрака. Около дороги, которая описывала большія петли среди сугробовъ снѣга, мы услышали колоколъ, звонъ его протяжно раздавался среди свиста вѣтра.

— Что это, колоколъ! воскликнулъ я, прислушиваясь къ этому ужасному звону среди горныхъ вершинъ.

— Это звонятъ въ рабочемъ домѣ, сказалъ Тумановъ. Здѣсь большое каменное зданіе, гдѣ живутъ осетины, занимающіеся расчисткой пути, на

обязанности которыхъ лежитъ звонить во время мятелей и бурь, чтобы путники не сбились съ дороги и направлялись на звонъ.

Вскорѣ дѣйствительно я замѣтилъ очертанія большаго каменнаго зданія, самаго высокаго жилья на всемъ Кавказѣ, зданія заползшаго всѣхъ ближе къ снѣжнымъ вершинамъ горъ, выстроеннаго для подачи помощи путникамъ и для жилья рабочимъ.

На всемъ этомъ участкѣ дороги и особенно за Крестовымъ переваломъ, повсюду по сторонамъ дороги попадались небольшіе красные, зеленые и бѣлые флаги, воткнутые своими древками въ снѣгъ. Эти знаки, поставленные рабочими, предупреждаютъ путешественниковъ объ опасности пути. Бѣлые и зеленые флаги говорятъ о безопасныхъ завалахъ и обвалахъ, а красные предостерегаютъ объ ожидаемыхъ большихъ массахъ снѣговъ, легко могущихъ завалить дорогу.

На Гудаурѣ намъ говорили, что публика, ѣхавшая передъ нами, сидѣла 4 дня на станціи, задержанная снѣжными завалами, и что мы ѣдемъ по только что прочищенному пути. Станція Гудауръ улеглась среди альпійскихъ луговъ, близь снѣжныхъ вершинъ, у ледниковъ и черныхъ камней. Лѣтомъ здѣсь растутъ горькія и колючія травы и вся пестрая мелюзга альпійской флоры, теперь-же глубокій снѣгъ занесъ всѣ окрестности и мятель выла и ревѣла среди горныхъ вершинъ.

Лѣтомъ, когда снѣга стаютъ и заберутся только къ вершинамъ горъ, всѣ эти мѣста въ окрестностяхъ Коби и Гудаура покрыты чудными альпій-

скими лугами. Гудауръ, лежащій среди восхитительныхъ горныхъ вершинъ съ снѣжными одеждами, представляетъ прямо дивный уголокъ, вырванный изъ картинъ Бернскихъ альпъ. Панорамы горъ, рѣжущихъ своими снѣгами небеса, трещины и пропасти, очаровательные альпійскіе луга, полные той яркой и оригинальной растительности, которую можно увидѣть только за облаками, все это дѣлаетъ это мѣстечко удивительно поэтичнымъ. Плойчатые листья чемерицы, нарциссовидныя вѣтреницы съ ихъ бѣловато-розовыми букетами цвѣтовъ, ярко-синія горечавки, золотые жабники и вся прочая альпійская мелкота превращаетъ луга въ пестрые ковры.

Тотчасъ-же за Гудауромъ начался знаменитый Земомлетскій спускъ въ Закавказье, въ цвѣтущія долины виноградной Грузіи. Подъ наблюденіемъ Барятинскаго, о чемъ гласитъ мраморная доска, вдѣланная въ скалу на одномъ изъ поворотовъ дороги, было продѣлано, вытесано въ камнѣ—это удивительное шоссе, одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ всей Военно-Грузинской дороги.

Отъ станціи Гудаура, лежащей въ царствѣ зимы и окруженной горами, гдѣ въ самое жаркое время не бываетъ теплѣе 12,7 R., до станціи Млеты, лежащей подъ Гудъ-горой на берегахъ Арагвы,—по прямой линіи, около семи верстъ, а по шоссе, которое прорѣзало крутыми поворотами каменную грудь Гудъ-горы,—15 верстъ.

Стоило намъ немного спуститься изъ суроваго альпійскаго царства, какъ туманы разсѣялись, снѣжная буря осталась бушевать гдѣ-то позади насъ, а

намъ въ лицо пахнули теплые туманы, подымаясь изъ далеко подъ нами лежащей долины Арагвы. Мрачныя картины черныхъ скалъ и грозныхъ горъ отодвинулись назадъ и мы помчались по горному карнизу съ стремительной быстротой, отъ которой захватывало дыханіе.

Возлѣ сіяла черная пропасть, полная тумановъ и теплаго дыханія, и мы летѣли въ эту пропасть среди дикаго хаоса камней, среди тающаго снѣга и чувствовали, что внизу, тамъ глубоко за туманами, уже дышетъ весна, сіяетъ солнце и цвѣтутъ цвѣты. Лѣтомъ этотъ спускъ, когда цвѣтутъ желтыя азалеи, бѣлые и малиновые рододендроны, покрывая своими восхитительными букетами съ одуряющимъ ароматомъ все пространство, производитъ сильное впечатлѣніе. Кусты этой кавказской альпійской розы цѣпляются за камни, просовываютъ свои золотые и бѣлые букеты сквозь всѣ трещины и кроютъ ароматнымъ золотомъ весь этотъ дикій хаосъ камней... Но вотъ и туманы остались за нами и поднялись къ вершинѣ Гудъ-горы, а мы въѣхали въ тучу, пролившую сильный дождь, и также быстро пролетѣли ее, какъ холодные туманы. Передъ нашими глазами вдругъ развернулась долина Арагвы, съ зеленѣющими лугами и рощами, съ серебристой рѣкой. Съ каждаго поворота дороги виды были иные и смѣнялись съ поразительной быстротой. Благодатная Кайшаурская долина Грузіи вѣяла тепломъ. Всюду стоялъ звонъ ручьевъ, низвергавшихся въ Арагву черезъ нашу дорогу, всюду была чудная весна.

Внизу мелькнули домики аула Гуда, въ кото-

ромъ, по преданію, жила очаровательная дѣвочка Нина, дочь бѣдной семьи. Всѣ любовались чуднымъ ребенкомъ, встрѣчаясь съ нимъ, и проѣзжіе купцы дарили ее бездѣлушками и тканями. Горный духъ, старый Гудъ, полюбилъ всѣмъ пыломъ юноши прелестную дѣвочку и выращивалъ для нея чудные цвѣты, сглаживалъ горныя тропинки подъ ея ногами и хранилъ ея крошечное стадо барановъ. Нина распустилась и разцвѣла въ чудную красавицу и сердце стараго Гуда трепетало при видѣ ея, а жгучая ревность не давала ему покоя, такъ какъ Нина заглядывалась на молодого Сасико, статнаго и ловкаго парня. Ревнивый Гудъ нагонялъ туманы, когда Сасико охотился въ горахъ, засыпалъ его мятелями и сыпалъ камни на его дорогѣ, но Нина и Сасико не замѣчали его страданій и любили другъ друга все сильнѣе и сильнѣе. Однажды, когда влюбленные были вмѣстѣ въ уединенной саклѣ, старый Гудъ бросилъ на нихъ лавину и засыпалъ ихъ снѣгомъ. Сначала влюбленные смѣялись надъ обваломъ и радовались, что заключены вмѣстѣ, но когда прошелъ день, за нимъ другой, а мучительный голодъ далъ себя знать, заваленные снѣгомъ пришли въ отчаяніе. Прошло еще два дня, спасеніе не являлось, голодъ довелъ влюбленныхъ до изступленія. Сасико метался изъ угла въ уголъ и вдругъ въ порывѣ отчаянія набросился на Нину и впился зубами въ ея плечо. Какъ разъ послышались голоса, влюбленныхъ отрыли, но оба чувствовали другъ къ другу отвращеніе и ненависть. Старый Гудъ торжествовалъ. Его дикій хохотъ понесся по горамъ и Гудъ-гора за-

дрожала до самой вершины, цѣлыя кучи камней оборвались и съ трескомъ и грохотомъ полетѣли по ея склонамъ въ глубокую долину и образовали тотъ каменный хаосъ, среди котораго теперь вьется спускъ изъ Гудаура въ Млеты.

Я сидѣлъ въ Млетахъ и любовался долиной Грузіи, весело шумящей Арагвой, мчащейся съ звонкимъ смѣхомъ съ горъ. Млетская станція лежитъ еще высоко въ горахъ и вокругъ всѣ вершины еще были занесены снѣгомъ, но здѣсь уже зеленѣли луга и кое-гдѣ на пригрѣтыхъ мѣстахъ торчали букеты подснѣжниковъ. Долина Арагвы довольно круто спускалась съ горъ и убѣгала внизъ къ югу, окруженная колоссальными горами. Эти великаны Кавказа, блистая ледниками, высились сплошными цѣпями, окруживъ долину и отдѣливъ югъ отъ сѣвера, Азію отъ Европы.

Пообѣдавъ на станціи, мы двинулись дальше по долинѣ Арагвы, по былому Грузинскому царству, ниже и ниже спускаясь въ плодородныя равнины изъ заоблачной холодной страны. Чѣмъ мы ниже спускались, тѣмъ становилось теплѣе и зеленѣе. Кусты кизиля, густо одѣвшіе всѣ пригорки и горы, уже увѣсились золотыми душистыми цвѣтами. Порой мелькали вишни и боярышники, одѣтые въ свои подвѣнечные наряды, а повсюду между камней торчали тюльпаны, подснѣжники и очаровательныя подушки—розовыхъ и желтыхъ первоцвѣтовъ. Серебряная Арагва, небольшая веселая рѣчка, мчалась внизъ по цвѣтущей долинѣ, среди рощъ, полей и скалъ, глотала ручьи, омывала утесы, вставшіе своими ка-

менными ступнями въ ея серебристыя волны, и сіяла тысячами огоньковъ, купая весеннее солнце. Грузинскіе аулы заползли на крутики и подняли свои сторожевыя башни надъ плоскими крышами саклей. Порой встрѣчались намъ арбы, запряженныя волами, а мѣстами тянулись длинные обозы.

При видѣ растеній я не могъ удержаться, чтобы не выскочить и не сорвать цвѣтовъ и нашъ экипажъ тонулъ въ какомъ-то букетѣ анемонъ, барвинковъ и первоцвѣтовъ. Тумановъ высмѣивалъ мою страсть къ цвѣтамъ и порицалъ мое увлеченіе кизилемъ, цвѣтущими вѣтками котораго я запрудилъ экипажъ. Что-то упоительное, веселящее духъ, было въ ароматѣ этихъ весеннихъ цвѣтовъ, въ журчаньи горныхъ ручьевъ, стремительно спѣшившихъ съ горъ въ объятья Арагвы, въ этомъ чудномъ горномъ воздухѣ, въ этой дивной веснѣ, особенно послѣ холода и снѣга.

Въ грузинскихъ аулахъ виднѣлись церкви, старыя, прокопченыя временемъ и пороховымъ дымомъ. Эти церкви, какъ и всѣ старые замки и развалины, да и вообще все, что время сохранило изъ старины, приписывается здѣсь, на Кавказѣ, царицѣ Тамарѣ. Во все время нашего переѣзда по Военно-Грузинской дорогѣ уже десять разъ я слышалъ: «этотъ замокъ выстроенъ царицей Тамарой», «церковь Цминда-Самеба выстроена царицей Тамарой», «эти развалины со временъ царицы Тамары». Все, что неопредѣлено по времени, все, что грандіозно и уцѣлѣло до нынѣшнихъ дней, — все это создала царица Тамара, любимая героиня, могучая и доблестная владѣтельница Грузіи. Ея время царствованія въ Грузіи въ концѣ

12-го и въ началѣ 13-го вѣка—было такъ блестяще, ея имя было такъ славно, такъ любимо, ея управленіе такъ баснословно хорошо, что все, что есть хорошаго, доблестнаго, великаго и славнаго на Кавказѣ, все приписано царицѣ Тамарѣ. Всѣ легенды и преданія, всѣ старинные мосты и замки, колодези и развалины храмовъ полны ея именемъ.

Грузинская царица была замужемъ за Георгіемъ, сыномъ Андрея Боголюбскаго, но бракъ былъ вскорѣ расторгнутъ и Георгій, какъ недостойный мужъ, изгнанъ изъ Грузіи. По настоянію духовенства и народа Тамара выбрала между безчисленными искателями ея руки осетинскаго князя Давида Сослана. Все царствованіе Тамары было полно блестящихъ побѣдъ и славы. Она покорила Ганжу, побѣдила султана Нурредина, потребовавшаго отъ нея покорности, разгромила полки греческаго императора Алексѣя Ангела и всѣ громадныя богатства, полученныя ею, какъ военные трофеи, она разослала по монастырямъ. Про нее разсказываютъ тысячи легендъ, ея побѣды надъ всѣми сосѣдями безчисленны, мудрость ея была безпримѣрна, сооруженія церквей, монастырей, школъ—поразительно. Она не щадила никакихъ сокровищъ и жертвовала громадныя помѣстья подъ монастыри. Грузія процвѣтала и благоденствовала, а имя Тамары благословлялось въ каждой саклѣ и произносилось съ благоговѣніемъ.

— Здѣсь на Кавказѣ, говорилъ Тумановъ, куда ни ткнешься, всюду услышишь про царицу Тамару.

Когда мы пріѣхали на станцію Пассанауръ, спрятавшуюся въ тѣни вязовъ и ясеней, расположенную

на самомъ берегу Арагвы въ очаровательной мѣстности, и пошли въ духанъ, гдѣ разговорились съ духанщикомъ, онъ намъ повѣдалъ, что церкви въ здѣшнихъ аулахъ грузинъ, всѣ до единой, выстроены царицей Тамарой.

Пассанауръ лежитъ въ очаровательной лѣсистой мѣстности. Дикіе плющи заплели стволы деревьевъ и скалы. Вишни, дикія груши, кизиль, боярышникъ раскинули во всѣ стороны цвѣтущія вѣтви и окружили красивую церковь въ русскомъ стилѣ. Здѣсь-же въ рощѣ начальникъ дистанціи выстроилъ себѣ дачу, избравъ этотъ чудный цвѣтущій уголокъ своей лѣтней резиденціей.

Въ духанѣ въ ожиданіи пока перепрягутъ лошадей, мы спросили мѣстнаго вина.

Противъ насъ сидѣло двое мущинъ и пили вино. У одного изъ нихъ на цвѣтной кофточкѣ на плечахъ и на груди были нашиты пестрыя кресты изъ какой-то матеріи.

— Погляди на его шапку, подтолкнулъ меня Тумановъ.

На скамьѣ лежала круглая шапка, обшитая кругомъ бараньимъ мѣхомъ, а сверху было нашито два красныхъ креста.

— Это хевсуръ, тоже грузинъ, но грузинъ—горецъ. Они сохранили свою независимость отъ феодальныхъ владѣтелей старой Грузіи, шепнулъ мнѣ Тумановъ. Посмотри у него нашиты кресты.

Дѣйствительно мы были въ странѣ хевсуровъ, тушиновъ и пшавовъ, обитателей неприступныхъ ауловъ въ окрестностяхъ долины Арагвы. Я зналъ,

что эти три народа имѣютъ крайне интересную особенность, а именно: обычай носить на костюмахъ нашитые кресты и что всѣ они проникнуты страстью къ оружію. Хевсуры, отправлявшіеся въ сраженія, одѣвались съ головы до ногъ въ желѣзо, какъ средневѣковые рыцари, одѣвали налокотники и рукавицы, брали громадные щиты, испещренные курьезными латинскими надписями и рисунками, заставляющими предполагать близость этого народа съ рыцарями крестовыхъ походовъ. Предполагаютъ, что это потомки рыцарей, оставшихся на Кавказѣ, уединенно поселившихся въ суровой и нелюдимой мѣстности среди горъ, гдѣ привычки, обычаи и оружіе перешли въ далекое потомство и сохранились до нынѣшнихъ дней въ видѣ обычая нашивать на одежду пестрые кресты изъ бязи.

Мнѣ очень захотѣлось посѣтить аулы этихъ странныхъ потомковъ рыцарей крестовыхъ походовъ, на щитахъ которыхъ еще теперь можно прочесть: Sollingen, vivat Stephan Batory, Genua и др. слова, но Тумановъ отговорилъ меня.

— Интереснаго мало, аулы ихъ далеко въ горахъ, грязны и вонючи. Дороги отвратительныя, да не всегда удобенъ и проѣздъ по нимъ. Въ сакляхъ невозможно оставаться, тебѣ не понравилось въ Гилетахъ у осетинъ, а у хевсуровъ еще больше не понравится. У нихъ въ сакляхъ съ людьми помѣщается скотъ. А такіе щиты и оружіе не всюду и найдешь.

Въ духанѣ всюду лежали бурдюки. Это цѣлыя туши буйволовъ, смазанныя внутри нефтью, черныя громоздскія, наполненныя виномъ, которое наливает-

ся черезъ одну изъ лапъ. Тутъ были бурдюки разныхъ размѣровъ. Вино изъ бурдюковъ всегда имѣетъ непріятный вкусъ, отзывающій и нефтью и самимъ бурдюкомъ, за то въ жары вино въ этихъ кожахъ не портится и при перевозкѣ бурдюкъ составляетъ безцѣнную посудину.

Изъ духана мы отправились въ рощу на берегъ Арагвы и наслаждались чудной идиллической тишиной въ этомъ цвѣтущемъ уголкѣ. Мы усѣлись съ Тумановымъ на прибрежные камни и молча глядѣли на шумящія волны. Вѣяло зеленью и цвѣтами, жуки и пчелы жужжали надъ цвѣтущей дикой грушей, стоящей въ полной вешней красотѣ. Изъ-за рощи на той сторонѣ Арагвы торчала какая-то башня.

— Какъ здѣсь хорошо̀, какая тишина, сказалъ я.

Тумановъ молча продолжалъ смотрѣть на серебрящуюся Арагву, а у меня неотвязно звучали въ ушахъ стихи Лермонтова, также какъ пчелы жужжащія надъ грушей, какъ волны рокотавшія по камнямъ, какъ легкій вѣтеръ, шелестившій въ листьяхъ...

И передъ нимъ иной картины
Красы живыя разцвѣли,
Роскошной Грузіи долины
Ковромъ раскинулись вдали
Счастливый, пышный край земли!

— Лошади готовы, крикнулъ надъ самымъ ухомъ мальчишка изъ духана, которому мы велѣли сообщить намъ это извѣстіе. Пришлось разстаться съ мечтательнымъ шопотомъ Арагвы, съ неугомонными пчелами на цвѣтахъ груши, съ тихимъ и прелестнымъ уголкомъ Пассанаура.

6.

Военно-Грузинская дорога.

(Продолженіе).

Анануръ. Духаны. Душетъ. Снова въ долинѣ Арагвы.

По камнямъ прыгали, шумѣли
Ключи студеною волной,
И подъ нависшею скалой,
Сливаясь дружески въ ущельѣ,
Катились дальше межъ кустовъ,
Покрытыхъ инеемъ цвѣтовъ.

Лермонтовъ.

Долина Арагвы до самой станціи Анануръ просто восхитительна. Горы тѣснятъ рѣку, но это не тѣ суровыя и мрачныя горы, которыя давятъ грозный Терекъ, это мягкія, цвѣтущія горы, покрытыя рощами, полныя цвѣтовъ, шопота ручьевъ, горы, на вершинахъ которыхъ спятъ золотистыя облака, горы, у подножій которыхъ хлѣбородныя поля, цвѣтущіе сады и ароматные луга. Въ одной изъ тѣснинъ поднялись двѣ сѣрыя башни: Черчали и Ванселобъ, два сторожа, защищавшіе входъ въ ущелье, въ которомъ въ 10-ти верстахъ отъ нихъ лежитъ прелестное мѣстечко Анануръ, этотъ ключъ и ворота къ центру Грузіи, этотъ конецъ горныхъ ущелій, эта

прежняя грузинская крѣпость, въ которой хранились сокровища арагвскихъ эриставовъ или намѣстниковъ и гдѣ они сами запирались во время усобицъ.

Мы рѣшили ночевать въ Ананурѣ и воспользоваться остаткомъ прелестнаго весенняго дня, чтобы осмотрѣть достопримѣчательности этого очаровательнаго уголка Кавказа, этого стариннаго памятника прежней Грузіи.

Мягкія, зеленыя горы поднялись волнами во всѣ стороны и укутали свои вершины въ облака. Мѣстечко Анануръ съ его удивительными долинами, окруженными характерными двухъ-этажными галереями, съ духанами въ нижнихъ этажахъ, прижалось у подножія холма и вытянулось вдоль шоссе. Холмъ еще въ старину былъ увѣнчанъ прелестной крѣпостью, съ ея развалинами и церквами, которыя подняли свои коническіе куполы и придали много красоты этой горной долинѣ. Эти желтыя стѣны изъ дикаго камня съ бойницами по угламъ, съ четырехугольными башнями и куполами церквей изъ зеленыхъ черепицъ, живописно улеглись по скошенному къ Арагвѣ склону холма и печально глядятъ своими узкими черными щелями оконъ на цвѣтущую окрестность, на поля, изрѣзанныя оросительными канавами, на сады съ орѣшниками и черешнями, на безконечныя заросли кизиля въ полномъ цвѣту, одѣвшаго горы и на рокочущую Арагву. Эта крѣпость запирала съ юга входъ въ горныя тѣснины и на перевалъ, почему и эриставы Арагвы считались очень владѣтельными и важными феодалами. Сосѣдніе эриставы ксанскіе, правившіе по рѣкѣ Ксану, какъ настоящіе сосѣди,

постоянно враждовали съ арагвскими намѣстниками, грабили другъ друга и сцѣплялись, гдѣ только могли сцѣпиться. Въ 1737 году арагвскимъ эриставомъ былъ Георгій, а на Ксанѣ правилъ Шамше. Жена Шамше, его братъ Іессей и прочіе члены семейства ксанскаго эристава во время проѣзда черезъ Анануръ, были захвачены, ограблены и оскорблены, а жена Шамше, запертая въ крѣпости Ананура и потомъ возвращенная домой, требовала отомщенія за поруганную честь. Возмущенный Шамше, собравъ войско, осадилъ Анануръ, въ крѣпости котораго заперся Георгій и стойко выдерживалъ осаду врага. Двѣ недѣли стоялъ Шамше подъ желтыми стѣнами неприступной крѣпости и долженъ былъ-бы уйти ни съ чѣмъ, если-бы измѣна одной изъ ананурскихъ женщинъ не указала имъ мѣсто, гдѣ проведена въ крѣпость вода. Когда раззоренъ былъ водопроводъ, крѣпость должна была сдаться и всѣ осажденные до послѣдняго человѣка были перерѣзаны. Самъ Георгій заперся со всѣмъ своимъ семействомъ въ церкви. По приказанію Шамше, церковь обложили хворостомъ и соломой и подожгли. Всѣ находившіеся въ церкви задохлись отъ дыма, спаслась одна жена Георгія, которую навьючили солянымъ камнемъ и погнали въ плѣнъ. Затѣмъ разсвирѣпѣвшій Шамше осадилъ и сжегъ всѣ окружные замки и перерѣзалъ всѣхъ близкихъ арагвскаго эристава.

Мы поднялись на холмъ, и обошедши высокую желтую стѣну, съ выгрызенными мѣстами камнями, подошли къ высокой четырехугольной башнѣ, поднявшейся съ южной стороны по срединѣ стѣны.

Прежде съ каждой стороны было по такой башнѣ, но время и войны разрушили ихъ. Черныя отверстія бойницъ въ стѣнѣ зіяли своими слѣпыми глазами и вмѣстѣ съ круглыми башнями по угламъ, придавали всей крѣпости грозный видъ средневѣковаго замка. Къ этой крѣпостной стѣнѣ мирно прижался домикъ священника, смотрящій своими балкончиками на Арагву. Мы вошли въ ворота подъ четырехугольной башней и очутились въ самой крѣпости. Тихо, уныло, печально и грустно здѣсь, среди зубчатыхъ стѣнъ и башенъ, омытыхъ кровью семейной вражды и кровавой мести. Налѣво поднялись темныя развалины, съ полуразрушенными сводами, которыя считаются за былой домъ несчастнаго эристава Георгія. Тутъ-же полуразвалившаяся старинная церковь, по типу построекъ, принадлежащая къ 4-му вѣку, поднявшая свой полуизломанный коническій куполъ надъ восьмиугольнымъ барабаномъ. Мы вошли въ нее. Темно, грустно и печально въ этой развалинѣ, гдѣ схоронены эриставъ Георгій и его семья. Надъ ихъ могилой высится на четырехъ колоннахъ массивный каменный балдахинъ, весь покрытый грузинскими надписями, вѣроятно разсказывающими печальную повѣсть кончины Георгія.

Другая новая, красивая, вполнѣ грузинская по своей архитектурѣ, церковь, копія старой руины, но болѣе величественная, подняла высоко надъ крѣпостной стѣной свой острый конусъ, выложенный зелеными черепицами и примкнула одной изъ своихъ стѣнъ къ старой четырехугольной башнѣ, вы-

строенной въ срединѣ крѣпости. Церковь эта прекрасна и стоитъ во всей своей красотѣ, какъ она была выстроена въ 15 вѣкѣ. Вся изъ желтаго камня, стройная, она несетъ на своихъ наружныхъ стѣнахъ замѣчательные вырѣзанные барельефы, между которыми гигантское изображенiе креста св. Нины, составленнаго изъ виноградныхъ лозъ, перевитыхъ волосами проповѣдницы, занимаетъ цѣлую стѣну собора. Тутъ же высѣчены два льва, херувимы и какiе-то невѣдомые звѣри. Эта барельефная стѣна видна и съ шоссе и изъ селенiя Анануръ и крестъ Св. Нины словно высится надъ зубцами крѣпости и надъ всей долиной. Внутри церковь вся замазана бѣлой штукатуркой, подъ которой исчезла вся живопись стѣнъ, такъ какъ при взятiи Ананура въ 1737 году, лезгины выкололи кинжалами глаза святымъ и фрески были исцарапаны и попорчены.

Мусульмане называютъ Ананурскую крѣпость— крѣпостью черныхъ щитовъ (Кара-калканъ-кала), такъ какъ защитниками ея являлись обитающiе въ горахъ хевсуры и пшавы, одѣтые съ ногъ до головы въ желѣзо, съ круглыми старинными щитами въ рукахъ.

Очень красивъ видъ на всю долину съ вершины холма и мы долго любовались живописнымъ мѣсторасположенiемъ и самымъ селенiемъ, которое было одно время уѣзднымъ городомъ, пока взбунтовавшiеся осетины (въ 1804 г.), не убили мѣстнаго капитана-исправника и не вырѣзали казачiй постъ въ Кайшурѣ. Бунтъ былъ усмиренъ, сообщенiе черезъ Анануръ возстановлено, но Анануръ остался тихимъ, мирнымъ селенiемъ.

Мальчикъ, взятый нами на станціи и сопровождавшій насъ въ крѣпость, повелъ насъ обратно прелестной тропинкой по горамъ.

Мы шли между орѣшинъ, барбарисовъ, сплошь увѣшанныхъ своими золотыми кистями прелестныхъ цвѣточковъ, съ характернымъ запахомъ рыжика, шиповниковъ, кустовъ ежевики съ длинными раскинутыми во всѣ стороны вѣтвями, перевитыхъ ліанами ломоноса и сарсапарели. Всюду цвѣли фіалки, морозники, синіе полевые гіацинты, ярко-желтые лютики, цвѣты которыхъ, казалось, раскалены, такъ они были ярки, синія горечавки и другіе горные цвѣты.

Спустившись въ Анануръ, я сталъ звать Туманова въ духанъ.

— Что тебѣ такъ понравилось? спросилъ онъ.

— Жизнь тамъ особенная, пойдемъ на четверть часа, благо въ Ананурѣ, что ни домъ, то духанъ.

Мы зашли въ одинъ изъ нихъ. Ужасно характерны эти духаны для Грузіи. Это и кабакъ и не кабакъ. Духанъ созданъ для спасенія путника и, путешествуя по дикимъ мѣстностямъ Закавказья, благословляешь судьбу, когда доберешься до духана. Духанъ—это и лавка, гдѣ непритязательный человѣкъ можетъ достать все, что ему надо, это и кабакъ, гдѣ вы выпьете и подкрѣпитесь виномъ, это и трактиръ, гдѣ вы можете подкрѣпить силы сейчасъ-же приготовленнымъ шашлыкомъ, это и клубъ, центръ народной жизни, гдѣ сходятся всѣ и все, гдѣ передъ вашими глазами развертываются самыя пестрыя и любопытныя картины изъ закавказской жизни, всевозможныя сцены и встрѣчи и въ при-

дорожномъ простомъ духанѣ вы узнаете и научитесь въ тысячу разъ больше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Я съ перваго моего знакомства съ духаномъ оцѣнилъ это грузинское учрежденіе и во всѣхъ моихъ многочисленныхъ поѣздкахъ по Кавказу и Закавказью съ истинной отрадой входилъ въ его полутемное, прохладное помѣщеніе. Сколько разъ я спасался подъ его крышей отъ дождей, отдыхалъ отъ невыносимаго зноя и отъ усталости, сколько свелъ любопытныхъ, хотя и мимолетныхъ знакомствъ, какую бездну унесъ неоцѣнимыхъ впечатлѣній и воспоминаній! Ананурскій духанъ не даромъ привлекалъ меня.

— Духанъ—это спасенье, сказалъ мнѣ Тумановъ, но я никакъ не думалъ, что онъ тебѣ придется по вкусу. Ты столичный житель и послѣ паркетовъ и гостиныхъ, нашъ придорожный кабачекъ долженъ былъ произвести на тебя другое впечатлѣніе.

Духанъ Кавказа заставилъ меня вспомнить испанскія бодеги, такія-же пестрыя, интересныя, шумныя, разнообразныя и безконечно милыя, въ которыхъ народная жизнь бьетъ ключемъ и о которыхъ навсегда сохраню самое отрадное воспоминаніе.

Въ духанѣ можно найти все необходимое: и свѣчи и мыло, и чай и сахаръ, и бумагу и марки, и хлѣбъ и копченую рыбу, и папиросы и посуду, и конфекты и соленые огурцы, и водку и мѣстныя вина, и посуду и игрушки. А ужъ мѣстный соленый сыръ и копченые балыки необходимая принадлежность каждаго духана.

Въ открытой галереѣ, на тонкихъ столбикахъ по

переднему фасаду, стояло нѣсколько горшковъ цвѣтовъ, валялись пустыя бочки и нѣсколько бурдюковъ. Хозяинъ духана сидѣлъ въ широкомъ окнѣ, заваленномъ и завѣшанномъ всякимъ товаромъ. Мы вошли въ просторную комнату безъ оконъ, съ очагомъ посрединѣ и съ котелкомъ, который висѣлъ на желѣзномъ крюкѣ. Здѣсь лежали бурдюки всевозможныхъ размѣровъ, начиная отъ быка и кончая крошечнымъ козленкомъ. Мнѣ ни разу не пришлось видѣть ни драки, ни пьянства, ни прочихъ безобразій, которыми такъ богаты наши русскіе кабаки. За то въ духанѣ я слышалъ и грузинскія пѣсни и грузинскую музыку и видѣлъ лезгинку, этотъ пресловутый танецъ Кавказа, съ аккомпаниментомъ невыносимой зурны, напоминающей стрекотанье кузнечиковъ.

Мы спросили мѣстнаго сыру и бутылку вина и я съ удовольствіемъ глядѣлъ на пеструю толпу, приходившую въ духанъ. Очень многіе горцы приходили съ перекинутыми мѣшками черезъ плечо. Эти пестрые красивые мѣшки, въ видѣ яркаго пледа или коврика «киржимы», какъ ихъ называютъ, набитые припасами и вещами, очень удобны для ходьбы по горамъ и живо напомнили мнѣ Испанію, гдѣ мѣстные жители путешествуютъ съ совершенно такими-же мѣшками, также перекинутыми черезъ плечо или черезъ спину ослика или лошади. Когда мнѣ встрѣчались красивые грузины съ ишаками (ослами) и этими киржимами, мнѣ казалось, что я вижу картинки испанской жизни.

* *
*

Переночевавъ въ Ананурѣ, мы двинулись далѣе къ Душету, распростившись съ долиной Арагвы и снова забираясь на возвышенность. Это одинъ изъ самыхъ скучныхъ участковъ всей дороги. Холмы, пригорки, луга и поля чередовались на нашемъ пути. Все хорошо обработано, всюду хлѣбородная мѣстность, всюду садики съ шелковицей и фигами около чистенькихъ домиковъ.

— Мнѣ кажется, воскликнулъ я, что мы ѣдемъ по южной Германіи или Франціи. До чего живо эти мѣста напоминаютъ мнѣ заграничныя. Бѣлый шиповникъ образовалъ густыя заросли по склонамъ холмовъ и переплелся съ ежевикой. Лѣтомъ эти мѣста необыкновенно цвѣтущи, особенно когда колосится пшеница, топя милліоны огоньковъ яркаго мака, который мѣстами цвѣтетъ въ такомъ обиліи, что образуетъ пунцовые ковры.

Вотъ и Душетъ. Самъ городокъ показался въ лощинѣ, сіяя куполами собора. Здѣсь была резиденція арагвскихъ эриставовъ, сожженная до тла грузинскимъ царемъ Георгіемъ XI, разсердившимся на своего эристава Георгія за возмущеніе. Разсказываютъ, что прежній Душетъ стоялъ на берегу озера Лимаса, мелькнувшаго за холмами по дорогѣ къ Душету и что во время землетрясенія городъ былъ разрушенъ до основанія и образовавшееся озеро поглотило старый городъ.

Около станціи находится домъ и усадьба Чиляева, окруженная стѣной съ башнями по угламъ.

Здѣсь находится курьезная круглая башня, приписываемая къ римскимъ постройкамъ. Входная дверь въ башню находится много выше надъ землей и чтобы войти въ нее, приходится взбираться на крышу пристройки, сооруженной въ послѣднее время. Въ башнѣ четыре этажа, три закрытыхъ со сводами, нишами и лѣстницами, проведенными въ толстыхъ стѣнахъ, раскрашенныхъ внутри синимъ, краснымъ, зеленымъ и желтымъ цвѣтомъ, и верхній этажъ открытый. Очевидно башня служила жилищемъ въ опасное время. Свѣтъ проникаетъ въ окна, которыя продѣланы наискосокъ въ стѣнахъ въ видѣ колодцевъ, такъ что внѣшнее ихъ отверстіе находится значительно выше надъ внутреннимъ.

— Здѣсь на Кавказѣ, сказалъ Тумановъ, всѣ башни горъ четыреугольныя, а башни равнинъ круглыя. Это такая особенность. Вотъ когда ты поѣдешь по Военно-Осетинской дорогѣ, тогда наглядишься четырехугольныхъ башенъ.

Вылѣзши изъ Душетской башни на крышу пристройки, мы спустились на землю и отправились на станцію. Около духановъ царило оживленіе, говоръ, шумъ. Нѣсколько горцевъ пріѣхали съ осликами, на спинахъ которыхъ пестрѣли киржимы.

Дорога отъ Душета улеглась между полями и покатостями холмовъ.

— Видишь озеро, указалъ мнѣ Тумановъ, вонъ на возвышенности. Это Базалетское озеро. Не дай Богъ выкупаться въ немъ. Оно кишитъ піявками. Мнѣ разсказывали, что однажды испуганныя овцы бросились въ воду. Ни одно животное не въ силахъ

было выбраться на берегъ. Съ изумительной быстротой тысячи піявокъ впились въ нихъ и обезсилили ихъ до того, что всѣ овцы погибли.

Здѣсь около Душета есть любопытная церковь Кирика и Улиты, съ очень старыми и чтимыми во всей Грузіи иконами. Сама церковь совсѣмъ развалилась, а около нея есть часовенка, въ которую съѣзжаются толпами богомольцы въ храмовой праздникъ въ Іюлѣ. Мнѣ самому ни разу не случалось тамъ побывать и видѣть старинные образа.

Съ пригорковъ и холмовъ мы замѣтно стали спускаться все ниже и ниже. Горы отбѣжали назадъ и ихъ цѣпь сверкала издали своими снѣгами. Виноградники и фруктовые сады тянулись на громадномъ пространствѣ. Весной, когда всѣ деревья въ цвѣту, когда миндаль стоитъ совсѣмъ розовый, когда груши и черешни словно покрыты хлопьями снѣга, а персикъ одѣтъ словно въ ярко-розовое кружевное платье—эти фруктовые сады очаровательны. Горы, окружающія долины, желты отъ цвѣтущихъ зарослей кизиля. Снова заблестѣла Арагва, прорѣзающая цвѣтущую Карталинскую долину, въ которой въ тѣни чинаровъ и орѣховъ затонула станція Цилканъ. Заборы и стѣны садовъ завиты вьюнками и розами и позже въ Маѣ здѣсь разливаетсяароматъ вьющихся розъ и бѣлыхъ шиповниковъ. Розъ здѣсь всюду масса. Онѣ заползаютъ вмѣстѣ съ плющемъ и на пирамидальный тополь и на чинары.

Село Цилканъ осталось въ сторонѣ и мелькнуло невысокой колоколенкой. Рядомъ въ церкви хра-

нится старинная икона, писанная евангелистомъ Лукою на одной изъ досокъ яслей Спасителя.

— Здѣсь вблизи находится село Мухрань, сказалъ Тумановъ, съ его прославленными виноградниками, которые принадлежатъ князю Багратіону-Мухранскому, вина котораго ты, навѣрное, пробовалъ. Кстати, эта Карталинская долина очень нездоровая и одна изъ самыхъ лихорадочныхъ мѣстностей на Кавказѣ, особенно когда здѣсь цвѣтетъ колючка.

— Какая колючка?

— А почемъ я знаю, это твое дѣло, какъ ботаника, знать что это за растеніе. Его здѣсь страшная масса. Это кустарникъ съ бѣлыми цвѣтами, какъ зонтиками и, когда онъ начинаетъ цвѣсти, появляется лихорадка. Теперь его всюду, гдѣ возможно, уничтожаютъ, осушаютъ мѣстности, гдѣ эта проклятая колючка растетъ и дѣйствительно лихорадка уменьшается.

— Я хочу видѣть эту колючку, сказалъ я.

— Гдѣ-же ее найти, она цвѣтетъ лѣтомъ, а теперь, вѣроятно, еще не выросла.

— Ее здѣсь много, возразилъ я, самъ-же ты разсказываешь, значитъ хоть кое-что найдемъ и мнѣ любопытно поглядѣть на виноградники.

Хоть Туманову и не хотѣлось вылѣзать изъ экипажа, однако я настоялъ и мы вышли изъ коляски и пошли къ близь лежащему винограднику. Къ намъ на встрѣчу вышелъ красивый грузинъ, съ которымъ Тумановъ кое-какъ объяснился и послѣ долгихъ объясненій, растолковалъ ничего не понимавшему грузину, что намъ надо.

Онъ повелъ насъ по винограднику. Лозы были подвязаны на высокія колья, болѣе сажени величины и имѣли только по два глазка, изъ которыхъ должны были развиться плодоносные побѣги. Лозы были завязаны какимъ то страннымъ лыкомъ, въ которомъ я узналъ стебли кавказской ліаны ломоноса (Clematys Vitalba L), опутывающей всѣ придорожные кусты. Пройдя виноградникъ и спустившись съ пригорка, мы подошли къ болотинѣ. Грузинъ, понявшій, что намъ надо, ткнулъ пальцемъ въ низенькіе кусточки. Позже я узналъ, что лихорадочными растеніями принято на Кавказѣ считать бузину (Sambucus ebulus L), марену, осоку, рисъ и лучицу (Chara vulgaris), хотя всякое растеніе можетъ развивать міазму и собственно спеціально лихорадочныхъ растеній нѣтъ и быть ихъ не можетъ.

— Ну, что, удовлетворился? спросилъ Тумановъ. Экій вы несносный народъ, всякую дрянь вамъ покажи.

Мы поѣхали дальше. Дорога свернула въ песчанники, рѣчка отбѣжала въ сторону и песчаныя горы поглотили насъ. Мы взобрались на ихъ вершину и покатили вдоль рѣки по карнизу этихъ горъ, порой совсѣмъ отвѣсно обрывавшихся въ долину къ рѣчкѣ. Всѣ обрывы заросли ежевикой, орѣшиной, чинаромъ, а передъ нами открылся далекій и прекрасный видъ на всю долину Арагвы, окруженную унылыми и пустынными горами. Вдали на одной изъ голыхъ вершинъ виднѣлась церковка.

— Гляди, воскликнулъ я, это Цминда-Самеба и на такой-же пустынной горѣ, какъ около Казбека.

— Это церковь около Мцхета, объяснилъ Тумановъ, у подножія той горы впадаетъ Арагва въ Куру и тамъ стоитъ древній Мцхетъ. Это церковь Св. Креста.

Виды на долину Арагвы съ этихъ лѣсистыхъ высотъ, съ этихъ крутыхъ поворотовъ дороги, были одинъ лучше другого. Мѣстами раскрывалась вся долина съ петлями и извивами Арагвы, а горы той стороны поднимались разноцвѣтной стѣной и тонули, увѣнчанныя церковью Св. Креста, въ дрожащемъ мареве. Лѣсистые обрывы заставляли дорогу дѣлать объѣзды и перебѣгать ручьи, стремящіеся внизъ по оврагамъ. На одномъ изъ выступовъ горъ показалась величавая развалина «Нацхеръ» или Воронья башня. Грозные обломки стѣнъ и замка поднялись среди лѣсной заросли и глядѣли своими дырьями внизъ въ живописную долину Арагвы. Это восхитительный уголокъ, прямо просящійся на полотно и выкупающій скуку многихъ десятковъ верстъ.

Куполъ церкви Св. Креста сіялъ яркой звѣздочкой, вырѣзаясь на небесной синевѣ. Ломоносы и сарсапарели затянули обломки стѣнъ и башенъ и заползли на обломанные зубья Вороньей башни. Это мѣстечко живо напомнило мнѣ романтическіе берега Рейна. Преданье разсказываетъ, что владѣтельный князь Симеонъ выстроилъ здѣсь сторожевую башню. Послѣ смерти князя остались двое его дѣтей, прекрасная дочь его Макрина и злой его сынъ Мамука, который съ первыхъ же дней власти обложилъ тяжелыми податями крестьянъ, притѣснялъ ихъ и мучилъ. Когда Макрина вступилась за угнетаемыхъ, Мамука велѣлъ заключить ее въ Воронью башню,

около которой обѣдали обыкновенно усталые отъ непосильной работы крестьяне. Однажды въ скверную крестьянскую похлебку свалилось нѣсколько воронъ и крестьяне отказались ѣсть свой обѣдъ. Мамука былъ вблизи. Внѣ себя отъ гнѣва, набросился онъ на крестьянъ, опрокинувшихъ котлы, но вдругъ появилась масса змѣй, обвившихъ князя. Мамука взмолился къ небесамъ и поклялся, если спасется, выстроить церковь и измѣниться. Небо вняло его мольбѣ. Спасенный отъ смерти, князь роздалъ все имѣніе нищимъ, выстроилъ монастырь, въ который постриглась первой инокиней Макрина, а самъ отправился собирать подаяніе.

Молча стоитъ Воронья башня и глядитъ въ далекую долину, гдѣ вьется Арагва, гдѣ свѣтится на горѣ серебряный куполъ одинокой церковки, залѣзшей на голую вершину горъ и гдѣ тонутъ въ туманахъ домики и соборы стариннаго и величаваго Мцхета.

7.

Военно-Грузинская дорога.

(Продолженіе).

Мцхетъ. Соборъ. Святая Нина. Церковь Св. Креста.

Лишь высшихъ горъ до половины
Туманы покрываютъ скатъ,
Какъ бы воздушныя руины
Волшебствомъ созданныхъ палатъ.

Тютчевъ.

Дымясь, качалися кадила,
Хвалебный раздавался хоръ,
Алтарь сіялъ, органа сила
Священнопѣнію вторила
И громомъ полнила соборъ.
А далѣ мракъ ходилъ по храму,
Лишь чрезъ открытыя врата,
Какъ сквозь узорчатую раму
Синѣла неба красота.

Алексѣй Толстой.

Мцхетъ мелькнулъ передъ нами на одномъ изъ поворотовъ дороги. Его соборы поднялись среди моря лачугъ и землянокъ и скрасили своимъ величавымъ видомъ пустынную окрестность.

Вотъ мы и въ Мцхетѣ. Оставивъ на станціи экипажъ, мы отправились бродить среди развалинъ и могилъ въ святомъ городѣ Мцхетѣ, въ прежней резиденціи грузинскихъ царей, которую царь Вах-

тангъ Гургасланъ перенесъ въ Тифлисъ. Мцхетъ самый изъ древнѣйшихъ городовъ земли, основанный, по преданію, Мцхетосомъ, сыномъ Картлоса, баснословнаго родоначальника грузинскаго народа, происходившаго изъ 5-го поколѣнія Ноя, считается святымъ городомъ Грузіи. Здѣсь короновались цари Грузіи на царство, здѣсь жила просвѣтительница Грузіи Св. Нина, и отсюда проповѣдывала христіанство, здѣсь водрузила она свой крестъ, величайшую святыню для всего народа, здѣсь жили всѣ грузинскіе патріархи, именовавшіеся католикосами Грузіи и теперь здѣсь спятъ подъ сводами собора многіе цари и знаменитые люди грузинскаго царства.

Прошлая слава, величіе, жизнь и блескъ давно пропали для Мцхета. Теперь это грустное селеніе, нагроможденіе землянокъ и домишекъ съ плоскими крышами, производящее унылое впечатлѣніе, могила прежняго величія, грандіозный памятникъ прошлаго грузинскаго царства. Городъ лежитъ на самомъ мысу при сліяніи бѣшеной Куры и горной Арагвы и расположился хаосомъ желтыхъ домишекъ и плетневыхъ заборовъ, сложенныхъ изъ сухихъ вѣтокъ дрока и держи-дерева. По ту сторону мутной и дикой Куры поднялись пустынныя желтыя горы, по которымъ растетъ только безлистный дикій дрокъ, да унылое колючее держи-дерево, придающее еще болѣе унылости утесамъ и скаламъ.

— Мнѣ говорилъ одинъ путешественникъ по Азіи, сказалъ Тумановъ, что эта мѣстность около Мцхета, эти суровыя пустынныя горы очень напоминаютъ вершины Гималаевъ. Тотъ же безотрадный

желтый оттѣнокъ мѣстности, та же молчаливость и отсутствіе растительности.

Бѣшеная Кура мчится по своему каменному ложу и грызетъ берега, на которые взгромоздились землянки Мцхета. Соборы и церкви города особенно рельефно поднимаются во всей своей красотѣ среди этихъ грязныхъ, приземистыхъ саклей, среди камней и плетней. Чистая вода Арагвы, бросаясь въ волны Куры, долго не смѣшивается съ ея мутными струями. Вся долина, не смотря на безжизненность и безотрадность, поражаетъ своей красотой и суровостью, особенно церковь Креста, взгромоздившаяся на страшную высоту и владычествующая надъ всей окрестностью.

Просто не вѣрится, что здѣсь стоялъ богатѣйшій городъ съ дворцами и бурной жизнью, что сюда вели дороги со всѣхъ концовъ свѣта, что окрестныя поля были цвѣтущи и плодородны, а горы одѣты рощами и лѣсами.

Первымъ дѣломъ мы направились къ величавому собору Двѣнадцати Апостоловъ, сложенному изъ зеленоватаго порфира, поражающаго своей стройной, чисто грузинской архитектурой, увѣнчаннаго острымъ коническимъ куполомъ изъ зеленыхъ черепицъ. Соборъ лежитъ въ крѣпости и окруженъ сѣрой зубчатой стѣной съ башнями по угламъ. Плоскокрышія сакли окружили крѣпостныя стѣны и образовали вокругъ нихъ хаосъ переулковъ и проходовъ. Отыскавши дверь въ крѣпостной стѣнѣ, мы вошли во дворъ, образующій громадную пустынную, поросшую травой площадь, среди которой усѣлся соборъ, да око-

ло стѣны притаился домъ священника. Площадка вокругъ собора выложена плитнякомъ и звукъ нашихъ шаговъ такъ рѣзко раздавался въ этомъ пріютѣ мира и тишины.

Еще въ 4 вѣкѣ, подъ вліяніемъ проповѣди св. Нины, былъ выстроенъ царемъ Миріаномъ деревянный соборъ, который черезъ 50 лѣтъ былъ замѣненъ каменнымъ. Много разъ соборъ подвергался разрушенію во время войнъ, а въ 1318-мъ году землетрясеніе разрушило его до основанія. Царь Георгій VI воздвигъ его снова изъ развалинъ. Тамерланъ не оставилъ камня на камнѣ, когда проходилъ черезъ Мцхетъ въ Европу, и только въ 15-мъ вѣкѣ царь Александръ воздвигъ его въ этомъ величавомъ видѣ. Это одинъ изъ самыхъ типичныхъ соборовъ всей Грузіи, сильно напоминающій по наружному виду храмъ въ Ананурѣ.

Мы вошли въ соборъ, раздѣленный внутри на три части двумя колоннадами. Тутъ любопытенъ одинъ четыреугольный столбъ, подъ которымъ, по преданію, лежитъ хитонъ Спасителя. Мцхетскій еврей Еліозъ добылъ въ Палестинѣ этотъ хитонъ Спасителя, обѣщая сестрѣ своей Сидоніи привести ей изъ Іерусалима какую-бы то ни было вещь, принадлежащую этому вновь появившемуся чудесному учителю, молва о которомъ залетѣла и въ отдаленный Мцхетъ. Какъ только Сидонія коснулась хитона, она упала мертвой и никакія усилія не могли вырвать изъ ея рукъ одежду Христа. Ночью, во время землетрясенія, трупъ съ хитономъ были поглощены землей и со временемъ на томъ мѣстѣ выросъ кедръ.

При постройкѣ собора кедръ пришлось срубить и замѣнить его каменнымъ столбомъ. Говорили, что кедръ источалъ цѣлительное мνро, почему соборъ у грузинъ и называется «Свети-цховели» (Животворящiй столбъ). Столбъ этотъ окруженъ желѣзной рѣшеткой и украшенъ иконами. Стѣны собора сплошь покрыты фресками и характерными образами и заставили меня вспомнить своей характерной пестротой храмъ Успенья въ Москвѣ. Очень интересны всѣ эти громадныя фигуры грузинскихъ царей въ ихъ пестрыхъ нацiональныхъ костюмахъ, съ коронами на головахъ, подпоясанныхъ пестрыми поясами, съ ихъ большими блѣдными лицами. Тутъ и царица Марiамъ, и царь Ираклiй, съ большими глазами, и Георгiй, и другiе. Эта пестрота храма производитъ своеобразное впечатлѣнiе, а гробницы грузинскихъ царей дѣлаютъ храмъ особенно чтимымъ. Здѣсь спятъ они всѣ эти злосчастные цари и царицы Грузiи и славные и сильные, и слабые и ничтожные, при которыхъ страна процвѣтала и при которыхъ терзалась безпорядками и отъ нашествiй и отъ раззоренiя. Вотъ могила Вахтанга Гургаслана, жившаго еще въ 5 вѣкѣ, славнаго воеводы, имя котораго до сихъ поръ живетъ въ памяти народа и прославлено побѣдами, тутъ спитъ и Ираклiй, честолюбивый царь, соединившiй Кахетiю съ Грузiей, тутъ лежитъ и Георгiй XIII, послѣднiй царь Грузiи, и его жена царица Марiя, эта характерная грузинка, для которой кинжалъ и смерть были ни почемъ. Здѣсь спятъ они всѣ безмятежнымъ сномъ и отдыхаютъ отъ жизни, полной ин-

тригъ, преступленій, крови и ужасовъ. Здѣсь въ Мцхетскомъ соборѣ схоронены они всѣ, герои кровавыхъ драмъ, полныхъ мрака и мести, полныхъ страстей и преступленій.

Изъ главнаго собора мы пошли къ сѣверу въ сторону шоссе, чтобы осмотрѣть другую достопримѣчательность Мцхета Самтаврскій храмъ, очень похожій по внѣшнему виду на соборъ. Самтаврская церковь выстроена на мѣстѣ сада, въ которомъ жила одно время св. Нина. Самтаврскій храмъ поражаетъ сходствомъ своимъ съ соборомъ, даже орнаменты на стѣнахъ одни и тѣ-же. Легенда говоритъ, что этотъ храмъ былъ выстроенъ мастеромъ, а соборъ подмастерьемъ и такъ какъ соборъ оказался лучше, то мастеръ изъ зависти, отрубилъ ученику во время сна правую руку. Въ память этого и изваяна рука, которая помѣщена на сѣверномъ фасадѣ собора. Мы бродили по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ прежде былъ роскошный дворецъ и садъ царя Миріана, жившаго еще въ 4 вѣкѣ. Гдѣ стоитъ теперь высокая башня, тамъ стоялъ дворецъ грузинскихъ царей. Когда св. Нина прибыла въ Мцхетъ, ее пріютила здѣсь въ саду одна женщина. Нина родилась въ Каподоккіи въ концѣ 3-го вѣка и до 12 лѣтъ жила съ своими родителями, которые взяли ее съ собой въ Іерусалимъ. И отецъ и мать поступили въ Святой землѣ въ монастыри, а Нина отдана была въ обученіе благочестивой женщинѣ Ніанфорѣ, отъ которой узнала, что хитонъ Спасителя увезенъ въ Иберію, тогда еще языческую страну и находится въ городѣ Мцхетѣ. Горя-

чее и непреодолимое желаніе овладѣло Ниной—ѣхать въ Мцхетъ и она постоянно молилась объ этомъ. Однажды Богородица явилась ей во снѣ, велѣла отправиться проповѣдывать въ Грузію и вручила ей крестъ, сложенный изъ виноградныхъ лозъ. Проснувшись, Нина нашла въ рукахъ чудный крестъ, перевязала его своими волосами и, когда толпа дѣвъ, спасаясь отъ гоненій Діоклитіана, уходила въ Арменію, Нина присоединилась къ нимъ и отправилась въ армянскій городъ Вапгаробадъ, откуда переселилась въ Мцхетъ. Молодая, слабая, безъ помощи, безъ всякаго права, почти ребенокъ, Нина не страшась невѣжества, насилія, грубаго варварства, отправилась въ чужія, дикія страны, въ языческій городъ Мцхетъ, неся добро и свѣтъ, увѣренная въ себѣ, любящая, всѣхъ благословляющая, кроткая, поражающая словами любви и всепрощенія звѣрскіе нравы своихъ враговъ. Нина шла непоколебимо впередъ и передъ этимъ небеснымъ посломъ тухли алтари и жертвенники, низвергались идолы, упразднялись кровавыя жертвы и люди падали ницъ, познавая Бога. Она смѣло обличала пороки, идолопоклонство, насиліе, варварство, а грузины, вмѣсто того, чтобы уничтожить эту невѣдомую странницу, дерзающую порицать то, что освящено вѣками и обычаями, слушали проповѣдницу и рушили своихъ идоловъ. Прибывши въ Мцхетъ съ своимъ крестомъ, Нина встрѣтила царя Миріана, окруженнаго громадной толпой народа, спѣшившаго принести человѣческія жертвы идолу Армазу, поставленному на одной изъ

горъ около города. Нина видѣла дикую бойню, подножіе идола было залито кровью дѣвъ и дѣтей, толпа благоговѣйно пала на землю. Нина воздѣла руки къ небесамъ и стала призывать громы небесные. И вдругъ налетѣла страшная гроза, молніи разрушили капище и низвергли идола Армаза. Народъ бѣжалъ въ смятеньи, пораженный зрѣлищемъ. Нина, войдя въ городъ, поселилась въ царскомъ саду. Слава ея росла, она исцѣляла больныхъ и, когда по ея молитвѣ прозрѣлъ царь Миріанъ, ослѣпшій во время грозы, жена стала склонять его принять христіанство. Просвѣтивъ Грузію, Нина удалилась на берега Алазани, гдѣ докончила свою подвижническую жизнь. Когда крещеный Миріанъ сталъ строить церковь надъ хитономъ Господнемъ, пришлось срубить кедръ. Нина сдѣлала изъ него нѣсколько крестовъ и одинъ изъ нихъ воздвигла на высокой горѣ противъ Мцхета, гдѣ теперь владычествуетъ на поразительной высотѣ храмъ Св. Креста. Другой крестъ Нина воздвигла на вершинѣ другой горы около Мцхета, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ идолъ Армазъ и гдѣ теперь стоитъ часовня Нино-Цминда.

Прежде чѣмъ забраться на одну изъ горъ, мы отправились къ раскопкамъ. Когда рыли шоссе, то натолкнулись на удивительное кладбище съ не менѣе удивительными могилами. Гробницы были расположены подъ землей ярусами и типы могилъ каждаго яруса оказались различные, что доказываетъ, что это мѣсто служило кладбищемъ въ разное время и разнымъ народамъ. На это-же указываютъ и цѣн-

ные предметы, найденные въ этихъ курьезныхъ могилахъ-колодцахъ, сложенныхъ изъ большихъ камней. Въ самомъ нижнемъ ярусѣ найдены были предметы, относящіеся къ желѣзному вѣку, т. е. за 10 или 11 вѣковъ до Р. Х. Верхнія могилы—очевидно христіанскаго времени, на что указываютъ и римскія монеты, найденныя въ нихъ.

— Тутъ были найдены и черепа, сказалъ Тумановъ.

— А гдѣ-же и черепа и предметы? спросилъ я.

— Всѣ въ Тифлисѣ, въ музеѣ, увидишь ихъ тамъ. Здѣсь найдены черепа, принадлежащіе къ длинноголовымъ людямъ, а извѣстно, что на Кавказѣ живутъ короткоголовые. Что это былъ за народъ—для насъ тайна. Ну, пойдемъ на гору къ церкви Креста, только стоитъ-ли, вѣдь высоко лѣзть.

— Какъ стоитъ-ли! возразилъ я, непремѣнно лѣземъ. Я-бы не простилъ себѣ этого упущенія.

Переѣхавъ Арагву не то въ лодкѣ, не то въ дубѣ, мы стали подниматься по скучной, крутой тропѣ, прободавшей каменную грудь горы. Нѣсколько разъ я пожалѣлъ, что не уступилъ Туманову, восхожденіе было очень утомительное и скучное, но когда въ концѣ концовъ мы очутились на вершинѣ горы и я увидѣлъ всю окрестность, я пришелъ въ неописуемый восторгъ. Кура сливалась у моихъ ногъ съ Арагвой, а Мцхетъ, какъ на ладонѣ, лежалъ подо мной. Это былъ чудный рельефный планъ, а горы и долины съ ихъ безжизненной желтизною казались еще молчаливѣе, еще унылѣе отсюда

съ этой вершины, гдѣ Нина водрузила свой крестъ. Сама церковь Джварисъ-Сакдари настоящая крѣпость, да очевидно она и залѣзла на высоту, чтобы сохраниться отъ враговъ, какъ и большая часть монастырей Кавказа.

— Увы, не къ небу стремились люди, шепнулъ мнѣ Тумановъ, а подальше отъ людей-же.

И онъ былъ вполнѣ правъ. Эти крѣпости-монастыри и крѣпости-церкви всего болѣе защитили и сохранили религіозные предметы, а съ ними и родину. Защищая страну, грузины защищали церковь.

Сама церковь имѣетъ курьезную особенность, на которую я не обратилъ сразу вниманія. Всѣ камни фундамента соединены между собой толстыми, ржавыми, желѣзными скобками, которыя съумѣли сдержать старыя стѣны въ сохранности, не смотря на долгіе и многіе вѣка. Внутри нѣсколько барельефовъ и полустертыхъ надписей.

— Знаешь, эта церковь была соединена длинной цѣпью съ соборомъ въ Мцхетѣ. По этой желѣзной цѣпи монахи, которые отличались особенной святой жизнью, переходили изъ собора въ нагорную церковь, гдѣ совершали службы, и возвращались тѣмъ же путемъ, чтобы не сталкиваться съ мірянами.

— А гдѣ-же эта цѣпь теперь?

— Одни разсказываютъ, что по мѣрѣ того, какъ оскудѣвала вѣра, цѣпь дѣлалась все тоньше и тоньше и наконецъ совсѣмъ пропала. Другіе, что

одинъ изъ благочестивыхъ старцевъ, переправляясь въ монастырь, не устоялъ противъ искушенія и посмотрѣлъ на дѣвушку, купавшуюся въ Арагвѣ. Тотчасъ-же цѣпь порвалась и старецъ упалъ въ рѣку, гдѣ и утонулъ.

Въ здѣшнихъ горахъ много пещеръ и нѣкоторыя горы сплошь изгрызены ими. Очевидно, онѣ служили жилищемъ первобытнымъ народамъ.

— Троглодиты тамъ жили, сказалъ Тумановъ. Для меня что троглодитъ, что допотопный человѣкъ все едино. Говорятъ они тутъ жили, ну и Богъ съ ними, я охотно вѣрю этому.

Въ этихъ же пещерахъ спасались 13 сирскихъ отцовъ, пришедшихъ еще въ 4-мъ вѣкѣ въ Грузію. Между ними были Іоаннъ Зедазенскій и Шіо. Оба основали монастыри, стоящіе въ развалинахъ до сихъ поръ на вершинахъ горъ около Мцхета. Шіо-Мгвинскій (пещерный) монастырь, находящійся въ 10 верстахъ отъ города, мнѣ не пришлось посѣтить, за то изъ Тифлиса я предпринималъ экскурсію по желѣзной дорогѣ до станціи Авчалъ и оттуда поднимался по утомительной тропѣ на вершины этихъ безплодныхъ горъ, поросшихъ кучками держи-дерева, къ монастырю Іоанна Зедазенскаго. Это живописная развалина, мрачная и уединенная, съ обваливающимися стѣнами. Она стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде было капище идола Задена. Послѣ грознаго опустошенія персидскимъ Шахъ-Абасомъ Грузіи, монастырь былъ покинутъ и служитъ съ тѣхъ поръ пріютомъ совамъ и летучимъ мышамъ,

которыя привѣшиваются къ карнизамъ и потолкамъ и мечтательно проводятъ дни въ этой уединенной христіанской святынѣ.

Въ Мцхетъ мы едва приволокли ноги и я очень былъ радъ, когда снова пришлось залѣзть въ экипажъ. Мостъ черезъ бѣшеную Куру находится довольно далеко отъ города и выстроенъ, будто-бы, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ римскій мостъ, перекинутый здѣсь Помпеемъ, во время его войны съ Митридатомъ. Тутъ на той сторонѣ Куры станція Военно-Грузинской дороги и рядомъ желѣзно-дорожная станція Поти-Тифлисской дороги.

Довольно унылый, однообразный путь на всемъ пространствѣ 20$^1/_2$ верстъ до Тифлиса. Дорога хороша, пока вьется по карнизу надъ Курой, ревущей гдѣ-то въ глубинѣ, и огибаетъ унылыя пустынныя скалы... Но вотъ и Кура отбѣжала отъ дороги, скалы исчезли и дорога пошла по скучной ровной мѣстности.

— Это Дигомское, а теперь будетъ Верійское поле, объяснялъ мнѣ Тумановъ, а вотъ начинаются сады въ предмѣстьяхъ Тифлиса.

Лошади уже бѣжали по пригороду «Вера», мы миновали большой чугунный крестъ, поставленный въ память спасенія Императора Николая I, когда лошади чуть не опрокинули его коляски на этомъ мѣстѣ и Государь спасся чудомъ.

На улицахъ показалась жизнь и вдругъ почувствовалось біеніе пульса большаго города. Уже вечерѣло, всюду горѣли огни.

— Мы пріѣхали, это Тифлисъ, крикнулъ какъ-то особенно весело Тумановъ.

Да это былъ Тифлисъ... бывшая столица Грузіи, одинъ изъ оригинальнѣйшихъ городовъ нашей планеты.

8.

Тифлисъ.

Прошлое Тифлиса. Въ ресторанѣ. Утренній визитъ. Въ монастырѣ Св. Давида.

Извѣстно, нѣтъ событій безъ слѣда:
Прошедшее прискорбно или мило,
Ни личностямъ доселѣ никогда,
Ни націямъ съ рукъ даромъ не сходило.
А. Толстой.

Я внималъ и сердце грѣлось
Съ юга вѣющимъ тепломъ...
Легче вѣрилось и пѣлось.
Полонскій.

Дождь лилъ, какъ изъ ведра, и я, несмотря на всю мою туристическую храбрость, принужденъ былъ остатокъ вечера просидѣть въ гостинницѣ «Россія» въ надеждѣ, что небо смилуется надо мною и дастъ мнѣ завтра хорошій день.

Тумановъ, проводившій меня до достинницы, исчезъ къ себѣ домой и обѣщался пріѣхать ко мнѣ поужинать. Я въ ожиданіи его погрузился въ изученіе плана Тифлиса. Такъ было обидно сидѣть въ номерѣ, въ такомъ городѣ, какъ Тифлисъ, и не имѣть возможности высунуть носъ на улицу. Хоть-бы пройти по Головинскому проспекту, на который глядѣла окнами моя гостинница! Оставалось одно утѣше-

ніе побродить по балконамъ и галереямъ. Гостиница «Россія» выстроена въ восточномъ вкусѣ и заставила меня вспомнить Испанію. Внутри дворъ и съ этой внутренней стороны всѣ этажи зданія окружены галереями, на которыя выходятъ всѣ нумерныя двери и которыя замѣняютъ коридоры. Позже, когда я пріѣзжалъ въ Тифлисъ и останавливался въ различныхъ гостинницахъ, всѣ онѣ имѣли эту восточную особенность.

Въ нѣкоторыхъ дворы засажены были уксусными деревьями съ ихъ громадными перистыми листьями, напоминающими финиковую пальму, въ нѣкоторыхъ брызгали фонтаны и посажены были цвѣты.

Лакей-грузинъ съ черными, сверкающими огнемъ глазами, принесъ мнѣ чаю и я углубился въ планы и карты.

Сколько разъ потомъ я ни пріѣзжалъ въ Тифлисъ мои первыя впечатлѣнія не измѣнились, напротивъ, они подчеркивались съ каждымъ пріѣздомъ и, сидя далеко на сѣверѣ, я всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ дни, проведенные здѣсь, и всегда мечталъ еще разъ побывать въ этой курьезной, пестрой старой грузинской столицѣ, перенесшей меня въ область сказокъ 1001-й ночи, къ разсказамъ о Симбадѣ-мореходѣ и Алладиновой лампѣ.

Такъ странно было въ первыя минуты сознавать, что находишься такъ далеко, и я не могъ привыкнуть къ мысли, что я сижу въ многострадальномъ городѣ, въ одномъ изъ самыхъ древнихъ поселеній нашей земли, что рѣдкое мѣсто такъ обильно омыто кровью, какъ это, что исторія его

одна изъ печальнѣйшихъ исторій всѣхъ существующихъ городовъ.

Постоянно Тифлисъ рушится, постоянно горитъ, жители его избиваются и уводятся въ рабство. 29 разъ онъ падаетъ пустынными, дымящимися развалинами, причемъ не остается камень на камнѣ, 29 разъ онъ возрождается изъ пепла и развалинъ и всякій разъ встаетъ онъ могучѣе и наряднѣе. Первые рушители Тифлиса были персы, они же были и послѣдними, и въ теченіи долгихъ вѣковъ эти азіатскіе варвары мучили, угнетали и тиранили несчастныхъ грузинъ и армянъ и воспитывали въ нихъ ту ненависть, которая уже не заснетъ въ сердцахъ угнетенныхъ народовъ.

Тифлисъ, какъ городъ, основанный, по преданію, царемъ Вахтангомъ-Гургасланомъ въ 469 году, существовалъ, какъ крѣпость и поселокъ, еще задолго до того времени и назывался Тбилиси, т. е. Теплицъ, отъ слова теплый. Теплые, сѣрные ключи Тифлиса, изстари прославившіе городъ, составили его громкую славу, какъ замѣчательнаго цѣлебнаго мѣста. Поэтическая легенда украшаетъ эти источники. Нѣкій грузинскій царь, преслѣдуя раненаго оленя, спустился въ котловину мутной Куры и увидѣлъ, что раненое и истекавшее кровью животное бросилось въ одинъ изъ теплыхъ ключей, окунулось въ него и умчалось въ лѣсъ бодрымъ и здоровымъ. Царь обратилъ вниманіе на удивительную цѣлебную силу сѣрныхъ ключей и громкая слава о нихъ распространилась по всей Грузіи. Конечно, далеко то время, когда олени могли водиться въ окрестно-

стяхъ Тифлиса, а рощи и лѣса покрывали окрестныя горы. Теперь это голые, каменные скаты, почти безъ признаковъ растительности. Военныя бури выжгли все, какъ рушили городъ, какъ уничтожили всѣ письменные памятники грузинской старины и стерли съ народной памяти массы преданій, пѣсенъ и разсказовъ. Кровь, вопли и стонъ—сплошь вся исторія Грузіи, кромѣ небольшихъ проблесковъ царствованія Давида Возобновителя и его внучки великой Тамары. Варварское управленіе персидскихъ шаховъ династіи Сассанидовъ смѣнилось нашествіемъ хозаръ, которые не оставили въ Тифлисѣ камня на камнѣ и вырѣзали все его населеніе, надругавшись надъ нимъ, выколовъ имъ глаза и замучивъ множество грузинъ ужасными пытками. Не успѣлъ Тифлисъ придти въ себя и забыть ужасный погромъ, какъ полководецъ Мурванъ-Кру (глухой), военноначальникъ халифа Омара разрушилъ его снова. Затѣмъ вторгаются арабы, ихъ смѣняютъ хозары, прорвавшіеся черезъ горы, съ юга идутъ арабы и такъ безъ конца. Всѣ побѣдители угоняли толпы плѣнныхъ, уносили изъ церквей утварь и все цѣнное, что находили въ городѣ, оставляя каждый разъ Тифлисъ въ видѣ груды развалинъ. Убѣжавшіе въ горы жители опять возвращались, опять неутомимо возстановляли городъ, опять копили богатства и украшали храмы, пока не являлся новый побѣдитель. Но вотъ настала временный отдыхъ для Грузіи, на ея престолъ взошелъ Давидъ II Возобновитель (1089—1125), освободившій свою родину отъ иноземцевъ съ помощью своего знаменитаго полковод-

ца Ивана Орбеліани. Новые храмы украсили страну, отдохнувшую отъ раззореній и несчастій. Когда же на тронъ Грузіи взошла царица Тамара, когда она окончательно смирила исламъ силою своего оружія и присоединила Арменію, насталъ золотой вѣкъ Грузіи и Тифлисъ достигъ полнаго процвѣтанія.

Послѣ ея смерти вскорѣ нагрянуло прежнее бѣдствіе: хозары взяли Тифлисъ. Иконы Спасителя и Божьей Матери были положены на мосту надъ Курой. Жителей, связанныхъ попарно, заставляли отказываться отъ вѣры и попирать иконы, иначе имъ тутъ же рубили головы въ присутствіи хана, сидѣвшаго на тронѣ, поставленномъ вмѣсто низвергнутаго купола на Сіонскомъ соборѣ... Черезъ 12 лѣтъ монголы уничтожили Тифлисъ, а Тимуръ, вторгавшійся 6 разъ въ столицу Грузіи, раззорялъ ее и вырѣзывалъ населеніе. Турки, персы, грузины, монголы брали другъ у друга Тифлисъ и каждый разъ происходилъ ужасающій погромъ, страшныя звѣрства и мучительства. Наконецъ царь Ираклій II, видя, что Грузія, помимо внѣшнихъ враговъ, терзается усобицами и соперничествомъ князей, обратился къ Екатеринѣ (1783) за помощью и Екатерина послала къ нему свои войска.

Въ 1795 году разразился надъ Грузіей послѣдній ударъ, который стоилъ всѣхъ остальныхъ вмѣстѣ взятыхъ. Къ Тифлису подвигался персидскій шахъ Ага-Магометъ-ханъ, этотъ воплощенный извергъ, бывшій евнухъ недавно скончавшагося шаха Надира.

Съ малолѣтства евнухъ персидскаго шаха мечталъ о престолѣ и всею душой ненавидѣлъ шаха-виновника своего уродства и убожества. Ненависть ко всему живущему, мщеніе за свое безобразіе и безумная жажда власти одолѣвали Ага-Магомета. Сморщенный, безбородый, сухой, маленькаго роста, похожій на 15 лѣтняго мальчика, на опустившуюся тѣломъ женщину, Ага-Магометъ не могъ забыть, кому онъ этимъ всѣмъ обязанъ. Безумная ненависть сверкала въ его вдавленныхъ глазахъ, а пронизывающій взглядъ обдавалъ холодомъ и трепетомъ всякаго, на кого взглядывалъ евнухъ. Его улыбка всегда презрительная, на всегда сжатыхъ тонкихъ губахъ заставляла трепетать всякаго. Его желтое, сморщенное лицо говорило объ ужасномъ увѣчьѣ, совершенномъ еще въ дѣтствѣ надъ нимъ и наполнившимъ Ага-Магомета непримиримой ненавистью ко всему живущему. Усѣвшись на престолѣ, Ага-Магометъ отмстилъ человѣчеству за тѣлесное свое уродство, превратившись въ нравственнаго изверга. Смѣхъ, улыбка, радость, довольство—всего этого было достаточно, чтобы человѣка казнили. Останки покойнаго шаха Ага-Магометъ велѣлъ положить подъ плиты коридора, ведущаго въ сераль, чтобы всѣ могли попирать ногами ненавистный ему прахъ. Со дня, когда шахъ воцарился, никто не слышалъ слова пощады. Полный ненависти, шахъ двинулся съ своимъ полчищемъ, чтобы раззорить все встрѣтившееся на пути и излить свою ненависть и злобу. Царь Ираклій, раздавшій Грузію дѣтямъ, остался безъ помощниковъ и все, что могло бѣжать,

предалось бѣгству. Ага-Магометъ взялъ Тифлисъ, выжегъ его предмѣстье и наполнилъ ужасомъ и муками каждую пядь земли несчастнаго города. Узнавши про сѣрные ключи, шахъ отправился въ бани, но напрасно онъ надѣялся на исцѣленіе въ животворной водѣ. Въ бѣшенствѣ онъ велѣлъ разрушить эти сказочные по роскоши мраморные дворцы бань.

Персы неистовствовали, рубили дѣтей пополамъ, замучивали горожанъ. Кура кишѣла трупами, по улицамъ не было проѣзда. 6 дней неистовствовали персы, а шахъ топилъ въ этомъ кровавомъ погромѣ свою ненависть. Въ городѣ стала свирѣпствовать страшная чума. Бѣжавшій въ Анануръ старый Ираклій, этотъ грузинскій Лиръ, вскорѣ померъ и послѣдній грузинскій царь Георгій XIII сталъ просить о присоединеніи Грузіи къ Россіи, что и было исполнено въ 1800 году императоромъ Павломъ.

И вотъ изъ пепла, дыма и развалинъ возсталъ новый Тифлисъ, блестящій и богатый, напоминающій мѣстами блескъ столицъ, а мѣстами азіатскій и пестрый, оригинальный и живописный, Тифлисъ прошлаго, который не можетъ не плѣнить и не унести туриста въ прежнія, далекія времена чуть не арабскихъ сказокъ...

* * *

Голосъ Туманова я услышалъ еще на галереѣ.

— Ну что дѣлаешь, сказалъ онъ, входя въ номеръ, Боже, это географія!

— И исторія, добавилъ я. Я изучалъ планъ города и вспоминалъ всѣ горестныя событія прошлаго времени.

— Ну это не по моей части, а я тебѣ долженъ сообщить слѣдующее. Эти дни въ Тифлисѣ я проведу съ тобою, а затѣмъ ты уѣдешь въ Баку и въ Ленкорань, однимъ словомъ тамъ твое дѣло, а мнѣ лично надо знать, когда ты вернешься обратно въ Тифлисъ. Я постараюсь сопутствовать тебѣ до Батума и у меня уже составленъ хорошенькій планчикъ этой поѣздки. Пока закрой свои карты и книги, пойдемъ ужинать, тамъ и потолкуемъ. Дождь теперь прошелъ. Да, кстати, дождь! Это ужъ для тебя. У насъ въ нашемъ азіатскомъ Теплицѣ дождь большая роскошь. Обыкновенно у насъ царитъ тропическая температура и зной бываетъ лѣтомъ такъ невыносимъ, что всѣ, кто могутъ, бѣгутъ въ дачныя мѣста.

— Куда же?

— Куда? Въ Боржомъ, а то ближе, въ Коджоры, Манглисъ, въ долину Алазани. Мало ли куда! Въ пещи огненной Тифлиса остаются тѣ, кому нельзя бѣжать, а наши туземцы носятъ бараньи шапки на ватѣ и не замѣчаютъ, что жарко. Привычка. Ну, пойдемъ.

— Развѣ мы не здѣсь поужинаемъ? спросилъ я.

— Конечно, нѣтъ. Да не далеко, не бойся. Тутъ-же на Головинскомъ проспектѣ въ азіатскомъ ресторанѣ Пуръ-гвино. Ты долженъ попробовать здѣшнее кушанье и мѣстное вино. Разопьемъ бутылочку кахетинскаго, поболтаемъ и обсудимъ дальнѣйшую поѣздку.

Ресторанъ Пуръ-гвино оказался очень недалеко отъ моей гостинницы.

— Начнемъ съ шашлыка, сказалъ Тумановъ, когда мы усѣлись за столикъ, а пока, обратился онъ къ лакею, дай кахетинскаго.

— Ну, братъ, на Кавказѣ у насъ поговорка: отъ материнскихъ сосцовъ—прямо къ лапкѣ бурдюка. Здѣсь вино пьютъ во всю. Всѣ грузины съ дѣтства пріучаются къ вину. Говорятъ, что прежде жители, когда за водой было утомительно ходить, умывались виномъ. Не правда ли хорошо?

Я нашелъ, что вино прелестно и потомъ всегда остался вѣренъ бѣлому катехинскому. Ни мухранскія вина, ни картилинскія, никакія другія не побѣдили пресловутаго для Кавказа кахетинскаго, отъ котораго вѣяло его дикой родиной.

Не менѣе вина понравился мнѣ и шашлыкъ изъ баранины, зажаренный и поданный на металлическихъ спицахъ.

Затѣмъ намъ подали превкусное тонко нарѣзанное мясо и какой-то ярко красный порошекъ къ нему. Я не сразу рѣшился приняться за этотъ невѣдомый порошекъ.

— Ѣшь, это кэбабъ. Навѣрное понравится, сказалъ Тумановъ, обсыпая мясо подозрительнымъ порошкомъ.

— Что это такое?

— Это кинзи.

— Какой еще кинзи?

— Это, говоря по-русски, сухой и толченый барбарисъ.

Когда я зналъ въ чемъ дѣло, порошекъ потерялъ всю тайну неизвѣстности и его кислый вкусъ мнѣ очень понравился.

Вмѣсто хлѣба намъ подали не то лепешки изъ тѣста, не то холсты въ полъ аршина длины. Это лоnаши, замѣняющіе хлѣбъ. Грузины ими вытираются, какъ салфеткой, завертываютъ въ нихъ съѣстное, ѣдятъ ихъ, какъ хлѣбъ, и замѣняютъ ими тарелки.

Посидѣвши за полночь въ ресторанѣ, мы вернулись домой: я къ себѣ въ номеръ, а Тумановъ пошелъ къ себѣ.

Я вышелъ на галерею. Такъ какъ гостинница лежитъ довольно высоко, а весь Тифлисъ расположенъ по горамъ, то открылся чудный видъ на городъ, окутанный въ ночной мракъ и сіяющій массою своихъ огоньковъ. Издалека неслась пѣсня подъ струнный акомпаниментъ, вѣроятно гитары; въ воздухѣ струился ароматъ зелени, смоченной пролетѣвшимъ дождемъ и слышался гулъ большаго города, гулъ, полный звуковъ, стуковъ, крика, слившихся вмѣстѣ въ характерный хаосъ. Я старался найти Сіонскій соборъ, куполъ котораго когда-то велѣлъ сбросить хозарскій ханъ, вмѣсто него воздвигъ себѣ тронъ и съ высотъ собора взиралъ, какъ рубили на мосту головы тифлисцамъ. Но и Сіонскій соборъ и окрестныя горы—все утонуло во мракѣ. Старая столица Вахтанговъ и Георгіевъ, пестрый городъ, гдѣ смѣшалась своеобразная Азія съ блескомъ Европы, сіялъ только тысячами огней вокругъ крутой излучины рѣки, заползши своими домиками на окрестныя горы. Я рисовалъ себѣ въ воображеніи

очертанія соборовъ, крѣпости, домовъ и прислушивался къ шуму, стараясь уловить отдѣльные звуки.

Полный впечатлѣній и усталости, я бросился въ кровать и заснулъ. И во снѣ мнѣ мерещился маленькій Ага-Магометъ съ его ядовитымъ взглядомъ глубоко-сидящихъ глазъ, съ его желтымъ, сморщеннымъ лицомъ и фанатическою ненавистью за свое увѣчье.

* *
*

Я еще пилъ свой утренній кофе, собираясь взобраться на гору въ церковь Давида, гдѣ схороненъ Грибоѣдовъ, кто-то постучалъ. Я былъ увѣренъ, что это Тумановъ.

— Входи, входи, крикнулъ я.

Дверь робко растворилась и на порогѣ показался высокій молодой человѣкъ, съ черными, какъ смоль, волосами и черными, какъ угли, глазами. Одѣтъ онъ былъ въ красивый черкесскій костюмъ, на плечи былъ небрежно наброшенъ палевый башлыкъ, концы котораго обшитые серебрянымъ галуномъ, были подбиты яркой фіолетовой матеріей.

— Войдите, сказалъ я, пожалуйста, я думалъ, что это мой товарищъ, котораго я жду.

— Извините, смущенно произнесъ незнакомецъ, это № 8-й.

— Совершенно вѣрно, будьте любезны войти.

Онъ вошелъ, заперъ дверь на галерею и оглянулся.

— Мнѣ кажется, что я ошибся, сказалъ онъ, я ищу Анну Павловну Бородко. Онъ вынулъ бумажку и прочелъ ее. Нѣтъ, я не ошибся. Видите, тутъ написано: «Гостинница Россія № 8-й». Я сдѣлалъ ошибку, что не справился у швейцара.

— Анна Павловна Бородко здѣсь не живетъ, сказалъ я, я вчера только пріѣхалъ въ Тифлисъ и взялъ эту комнату. Можетъ эта дама до меня жила здѣсь. Если вы будете такъ любезны и присядите здѣсь, а я позвоню и мы сейчасъ все разъяснимъ.

— Простите за безпокойство, сказалъ незнакомецъ, я съ удовольствіемъ принимаю вашу услугу. Позвольте познакомиться. Григорій Ивановичъ Николадзе.

Я назвалъ себя, попросилъ его сѣсть и позвонилъ.

— Мнѣ такъ неловко, сказалъ Николадзе, я ворвался къ вамъ и дѣлаю вамъ затрудненія.

Вошелъ слуга-грузинъ и сказалъ, что M-me Бородко, дѣйствительно, жила въ этой комнатѣ, но уѣхала. Куда? Это знаетъ хозяинъ. Я просилъ слугу собрать нужныя свѣдѣнія отъ хозяина, а Николадзе просилъ не отказаться отъ стакана кофе. Приглашеніе мое онъ принялъ и разсказалъ мнѣ, что Анна Павловна Бородко одна изъ очаровательнѣйшихъ женщинъ. Онъ встрѣтилъ ее въ Муштаидѣ, большомъ Тифлисскомъ паркѣ, гдѣ и познакомился съ ней.

— Если бы вы видѣли ее, говорилъ онъ, вы бы не устояли сами. Прямо красавица, и, когда

она улыбается, на щекахъ у ней образуются двѣ очаровательныя ямки. Однимъ словомъ, я съ первой встрѣчи влюбился въ нее, какъ безумный. Она пріѣхала въ Тифлисъ на недѣлю къ кому-то изъ родственниковъ погостить. Мужъ ея служитъ въ Кутаисѣ. Познакомившись со мной, она прогостила въ Тифлисѣ три недѣли. Третьяго дня вечеромъ ѣду къ ней. Она жила послѣднее время въ меблированныхъ комнатахъ. Говорятъ съѣхала. Куда? Почему? Не сказавъ мнѣ ни слова! Вчера ищу ее повсюду и только сегодня утромъ получаю ея адресъ. Лечу сюда и здѣсь ея слѣдъ простылъ.

Вошелъ снова лакей и сообщилъ, что M-me Бородко уѣхала вчера на поѣздъ, который отошелъ въ Батумъ.

Николадзе негодовалъ.

— Я васъ задерживаю, спохватился онъ, вы собирались идти. Простите. Я противъ вашей воли сдѣлалъ васъ участникомъ въ моемъ приключеніи. Вините въ этомъ судьбу. Если могу быть вамъ полезенъ, буду очень счастливъ. Вотъ мой адресъ.

Онъ сильно сдавилъ мнѣ руку своими крѣпкими пальцами и ушелъ. Я не успѣлъ еще придти въ себя отъ этой сцены, какъ пришелъ Тумановъ.

— Два часа, даже немного больше въ моемъ распоряженіи, сказалъ онъ, пойдемъ по городу. Погода прекрасная. Потомъ я покину тебя и мы сойдемся обѣдать здѣсь въ гостинницѣ «Россія». Здѣсь очень хорошій ресторанъ.

— Пойдемъ къ Давиду, предложилъ я, мнѣ хочется сначала взглянуть на весь городъ.

— Круто подниматься, впрочемъ, пойдемъ. Тебѣ надо, какъ литератору, поклониться праху Грибоѣдова. Мы перешли Головинскій проспектъ и стали карабкаться въ гору, которая круто поднялась сѣрой безжизненной стѣною сейчасъ же за главной улицей Тифлиса. Церковь Давида, бѣлая какъ снѣгъ, окруженная деревьями и какими то галерейками, прицѣпилась, точно ласточкино гнѣздо, на отвѣсной каменной стѣнѣ на значительной высотѣ надъ городомъ. У подножія горы домики прижались другъ къ другу и, казалось, что по ихъ плоскимъ крышамъ, какъ по ступенямъ, можно высоко добраться. Гора Мта-Цминде, въ пещерѣ которой спасался одинъ изъ 13 сирійскихъ отцевъ — Давидъ, и на которой на мѣстѣ пещеры теперь высится бѣлая церковь, удивительно живописно ограничиваетъ Тифлисъ и открываетъ съ своей вершины поразительный видъ на всю панораму города. Тифлисъ городъ видовъ. Изъ развалинъ крѣпости ботаническаго сада, изъ Метехскаго замка, съ горы Давида, отовсюду открываются удивительные виды, отъ которыхъ трудно оторваться и уйти. Мы карабкались по узкимъ проулкамъ между плоскокрышими домиками по скверной мостовой. На каждомъ шагу попадались ослики, нагруженные корзинами съ углемъ, съ дровами, съ зеленью. Только ихъ ногамъ доступны крутые подъемы и тѣ козлиныя тропки, которыя изрѣзали каменную грудь Мтацминдской горы. Намъ встрѣчались красавцы армяне и персы, черноглазые грузины и татарки съ закрытыми лицами, одѣтыя въ красныя платья, водоносы, тащившіе въ

горы воду въ громадныхъ бадьяхъ. Эта народная жизнь поглощала меня всего и переносила въ Севилью и Гренаду, гдѣ я видѣлъ совершенно такія же картинки, такіе же черные сверкающіе глаза, такіе же живописные наряды. Вотъ и домики остались внизу и мы поднимались по дорогѣ и ступенямъ, обсаженнымъ уксусными деревьями, раскинувшими свои перистые листья граціозными пучками. Вишня и миндаль цвѣли, прижавшись къ скаламъ, и обсыпали морщины утесовъ своимъ снѣгомъ лепестковъ. Дорога стала виться змѣей по каменной груди горы, образуя карнизъ, а бѣлая церковь Давида съ домикомъ, окруженнымъ галерейкой, все виднѣлась вдали. Я разсказалъ Туманову о Николадзе и его посѣщеніи.

— Дурачье, процѣдилъ сквозь зубы Тумановъ, это такой народъ, что готовъ рѣзаться изъ-за женщины. Южная кровь!

— Какъ высоко церковь! Снизу не казалось такъ высоко. Сколько мы идемъ, а еще все далеко.— Св. Давидъ, жившій здѣсь, былъ жертвой клеветы. Одна знатная дѣвушка, готовая сдѣлаться матерью, свалила вину на отшельника, надъ которымъ назначили судъ. Давидъ коснулся прекрасной дѣвушки и спросилъ, кто настоящій виновникъ грѣха и вдругъ неожиданно для всѣхъ изъ внутри дѣвушки раздался голосъ, назвавшій настоящаго виновника. Дѣвушка родила камень. Теперь во всей Грузіи церковь Давида считается особенной святыней и сюда приходятъ грузинки, готовя-

щіяся стать матерями, и приносятъ свою молитву у старыхъ образовъ съ почернѣвшими ликами.

Наконецъ мы добрались до церкви. Колоколенка, словно каменная бесѣдочка, усѣлась надъ самой пропастью. Голые, плойчатые камни, какъ сѣрая полосатая яшма, поднялись суровой декораціей сзади церкви, сидящей на терассѣ среди зелени. Прежде чѣмъ подняться къ самой церкви, мы остановились на терассѣ, лежащей немного ниже, на которую выходитъ сводъ, находящійся подъ церковью. За рѣшеткой, подъ этимъ сводомъ находятся могилы Александра Сергѣевича Грибоѣдова, его жены и дочери. Изуродованное тѣло Грибоѣдова, по его желанію, выраженному женѣ, привезли изъ Тегерана, гдѣ Грибоѣдовъ находился въ посольствѣ и гдѣ онъ былъ убитъ. Пушкинъ случайно встрѣтилъ арбу съ тѣломъ знаменитаго писателя. Къ черному мраморному кресту припала опечаленная женщина и обвила его въ отчаяньи руками. Въ пьедесталъ креста врѣзанъ портретъ Грибоѣдова съ надписью: «Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ родился 1795 года 4 января, умеръ въ Тегеранѣ въ 1829 г. января 30 дня. Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя». Такъ написала жена писателя, воздвигая этотъ памятникъ. У подножія креста лежатъ двѣ раскрытыя книги и на одной изъ нихъ написано: «Горе отъ ума».

Не умѣю описать, какое настроеніе охватило меня, но колѣни у меня подогнулись и я упалъ передъ памятникомъ творца «Горе отъ ума» и слезы, безотчетныя слезы невыразимой тоски закапали изъ моихъ глазъ.

Мы поднялись еще выше къ церкви и вошли на крошечное кладбище, завитое плющемъ и розами. Темныя туи поднялись надъ скалами, а ручей, падая со скалы, грохоталъ и бился о камни, оживляя тихій уголокъ. Тутъ святой источникъ, капая изъ скалъ, образовалъ въ темной пещерѣ прудокъ. Со стѣнъ глядѣли на меня изъ за кисейныхъ занавѣсочекъ съ бантами совсѣмъ черные лики иконъ. Эта пещерная часовенка, выбитая въ скалѣ, служитъ какъ бы преддверіемъ второй пещерѣ, въ которой капаетъ животворящій источникъ, дарованный по молитвѣ св. Давиду и образовавшій цистерну воды, излишекъ которой бросается въ пропасть журчащимъ водопадомъ. Другой ручей падаетъ откуда то съ вершины, низвергаясь по слоистымъ камнямъ Мтацминдской горы и звенитъ, наполняя очарованьемъ этотъ уединенный и дикій уголокъ. Сюда въ извѣстные дни сходятся тысячи богомольцевъ, чтобы служить молебны св. Давиду, а грузинки въ знакъ своего особаго благоговѣнія обматываютъ церковь нитками и прикрѣпляютъ къ стѣнамъ гладкіе камешки. Если камешекъ пристанетъ къ стѣнѣ, значитъ молитва услышана и желаніе сбудется.

— Что-же приложи камешекъ, сказалъ мнѣ Тумановъ, найди гладкій, ихъ тутъ много валяется. Вѣдь у тебя навѣрное есть много желаній.

Я не говоря ни слова поднялъ первый попавшійся и приложилъ его къ стѣнѣ. Онъ сразу присталъ.

— Ого, засмѣялся Тумановъ, наше желаніе

исполнится. А нельзя его узнать? Нѣтъ? Ну, и не надо. Пойдемъ, поглядимъ на видъ.

Давно уже со всѣхъ зигзаговъ дороги видъ на Тифлисъ плѣнялъ меня, но съ галереи монастыря и особенно съ вершины Мта-Цминды, гдѣ стоитъ ресторанъ, по вечерамъ дивно горящій, какъ большая звѣзда, электрическимъ огнемъ, и куда мы пробрались по хорошо выдолбленной дорожкѣ, видъ плѣнилъ меня совершенно. Весь Тифлисъ былъ у моихъ ногъ; мутная Кура извивалась въ своемъ каменномъ ложѣ, дѣлая крутыя излучины и прободая хаосъ домиковъ, церквей, колоколенъ и скалъ.

Весь городъ разлегся въ узкой долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ каменными горами, прорванными въ двухъ мѣстахъ бѣшеной Курой. Утесы Салалакскаго хребта, зубьями поднялись съ одной стороны города, украшенные полуразрушенными башнями и стѣнами прежней персидской крѣпости. Скалы и скалы сдавили Куру, а на одномъ изъ выступовъ усѣлся грозный когда-то замокъ Метехъ. Мосты связали Куру, зеленыя пятна садовъ и линіи бульваровъ блестѣли своею зеленью, а купола соборовъ и церквей поднялись надъ моремъ домовъ и проулковъ.

— Вотъ видишь Сіонскій соборъ, у него зеленыя главы, всѣ пять цилиндрическія, а тамъ лѣвѣе Армянскій соборъ, а по ту сторону Куры, совсѣмъ влѣво — зелень рощи — это Муштаидъ, здѣшній Булонскій лѣсъ или ваши Петербургскіе острова. Отъ Муштанда тянется Михайловская улица, ее хорошо обозначаютъ пирамидальные тополя. Тума-

новъ старался сразу обучить меня всему, а я совсѣмъ очарованный смотрѣлъ на эту великолѣпную панораму гигантскаго города, раскинутаго у моихъ ногъ, тамъ гдѣ-то внизу, подъ горой. Глухой шумъ долеталъ сюда въ тихую одинокую обитель и заглушался грохотомъ водопада. Я смотрѣлъ и на изломанные зубья старой персидской крѣпости, сидя въ которой персы угнетали и терзали горожанъ, смотрѣлъ на весь этотъ хаосъ жилищъ и думалъ, что отсюда съ высотъ Мтацминдской горы другіе глаза, другихъ людей видѣли совсѣмъ другой Тифлисъ, видѣли дворцы и храмы, отъ которыхъ камня на камнѣ не осталось, видѣли груды дымящихся развалинъ и слышали стоны и вопли, которыхъ не могъ заглушить даже сердитый ревъ водопада, свергавшагося, какъ сегодня, въ глубокую бездну, откуда летѣлъ въ мутную и бѣшеную Куру, запруженную изуродованными трупами.

— Пора, пойдемъ, сказалъ Тумановъ, давно умолкшій и видѣвшій, что я совсѣмъ ушелъ въ себя.

— Что-жъ пойдемъ, очнулся я и мы тихо и молча стали спускаться, словно покидали что-то дорогое здѣсь на голой груди Мтацминдской горы.

9.

Тифлисъ.

(Продолженіе).

Головинскій проспектъ. Воронцовъ. Михайловская и «сады». Кавказскій музей.

.....и слышу какъ шумитъ
Волна въ Курѣ. Куда она спѣшитъ,
Неугомонная, живая
Не знаетъ, что вдали отъ этихъ береговъ
Ей не видать другихъ цвѣтущихъ городовъ,
Какъ не видать земнаго рая,
Полонскій.

Тифлисъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе и сразу напомнилъ мнѣ и Константинополь, и Севилью, и тотъ фантастическій Багдадъ, который я нарисовалъ себѣ воображеніемъ, читая арабскія сказки. Въ одно и тоже время это блестящая столица, съ великолѣпными домами, роскошными витринами магазиновъ и въ тоже время это Азія со всей ея характерной пестротой и грязью, восточными нравами и обычаями.

Старый азіатскій Тифлисъ пріютился у подножія Салалакскихъ горъ и образовалъ тотъ удиви-

тельный лабиринтъ улицъ и проулковъ, который окружилъ восточные рынки и базары, сѣрныя бани и мечети и который безспорно представляетъ по интересу гвоздь всего города. Блестящій Тифлисъ съ его дворцами, гостинницами, клубами и магазизинами улегся по другую сторону Эриванской площади, этого центра всего Тифлиса.

Головинскій проспектъ—главная улица Тифлиса, поражаетъ каждаго пріѣзжаго своими превосходными домами и шириной и бульварами. Это блестящая столичная улица, по которой скользятъ конки, на которой лучшіе рестораны, гостинницы и зданія. Здѣсь чувствуешь себя въ Европѣ и я съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю эти ряды уксусныхъ деревьевъ, акацій, липъ и вязовъ, которые образовали чудные бульвары по бокамъ улицъ. Здѣсь блещутъ своими выставками товаровъ прекрасные магазины, здѣсь безчисленные погребки съ кавказскими винами, здѣсь красуются парижскія моды и глядятъ фасады всевозможныхъ общественныхъ зданій, какъ музеевъ, библіотеки, гимназіи, дворца, новаго театра, почты и другихъ зданій.

Новый театръ поражаетъ своимъ великолѣпнымъ и грандіознымъ фасадомъ въ мавританскомъ стилѣ, съ балконами и башнями и красивыми легкими галереями. Здѣсь же и новый соборъ. Это колоссальное зданіе, занявшее Гунибскую площадь, съ своими громадными куполами, оттѣснило свою крошечную совсѣмъ не соотвѣтствующую колокольню назадъ къ самой горѣ. Здѣсь же и слѣпое зданіе храма Славы или новаго Военно-историческаго

музея, отдѣляющаго Головинскій проспектъ отъ общественнаго сада, спускающагося внизъ съ горы къ самой Курѣ. Фасадъ Военно-историческаго музея крайне мизеренъ и жалокъ, рѣшетка вокругъ него украшена нѣсколькими турецкими пушками, а стѣны музея покрыты непонятными золотыми надписями. Музей этотъ посвященъ подвигамъ русскихъ войскъ на Кавказѣ. Я попалъ внутрь музея. Тамъ портреты важныхъ дѣятелей на войнѣ съ горцами и турками, картины Самокиша и Рубо, представляющія разныя событія и сцены изъ кавказскихъ войнъ, и собраны достопримѣчательные предметы этого-же времени, разложенные въ витринахъ. Этотъ «Храмъ Славы» не только не производитъ впечатлѣнія, но наводитъ на раздумье: неужели всѣ тысячи тысячъ подвиговъ, которые были проявлены на войнѣ нашими героями, заслужили такой плачевный и жалкій памятникъ, вдобавокъ поставленный на мѣсто цѣлаго вырубленнаго участка общественнаго сада.

Александровскій общественный садъ спускается тѣнистыми аллеями съ горы и орошается водою, проведенною съ горъ, которая поддерживаетъ прекрасную южную растительность. Здѣсь и кожистые лавры, и мраморные кусты южныхъ бересклетовъ, и кусты японской калины, и цвѣтущіе большими яркими букетами рододендроны. Здѣсь, особенно въ нижней части сада на площадкѣ съ липовыми аллеями, по вечерамъ бываетъ особенное стеченіе сѣрой публики и здѣсь, сидя на скамейкѣ, я съ любопытствомъ наблюдалъ смѣшеніе Азіи и Европы, наружный лоскъ европейца и проблески изъ подъ

него азіата, эту оригинальную особенность грузинской столицы. Днемъ здѣсь царитъ пестрая смѣсь армянъ грузинъ, нѣмцевъ, татаръ и другихъ народовъ.

Противъ военнаго музея поднялся великолѣпный дворецъ намѣстника, выглядывающій своими аркадами и красивыми коричневыми украшеніями изъ за зелени бульвара. За дворцомъ раскинулся садъ, полный высокихъ темныхъ кипарисовъ, букетовъ азалей и рододендроновъ.

Блестящій Головинскій проспектъ соединяетъ предмѣстье Веру съ центромъ города Эриванскою площадью, вѣчно оживленной, вѣчно полной народомъ. Здѣсь центръ всѣхъ конокъ, разбѣгающихся во всѣ концы Тифлиса, сюда привозятъ онѣ публику для пересадки на соединительныя вѣтви.

Головинскій проспектъ особенно хорошъ по вечерамъ, когда движеніе замретъ, а подъ тѣнью бульваровъ его гуляютъ тифлисцы и на каждомъ шагу мерцаютъ огоньки погребковъ и ресторановъ, манящихъ публику къ бутылкѣ кахетинскаго. Толпа, пестрая и по костюмамъ и по національностямъ, всегда живописна и не могла не привлечь мое вниманіе.

Александровскій публичный садъ спускается тремя терассами къ самому Воронцовскому мосту, близь котораго стоитъ самая лучшая и самая дорогая гостинница Тифлиса «Лондонъ». На той сторонѣ Куры у памятника Воронцова вѣчный хаосъ, вѣчное движеніе. Безконечныя вереницы экипажей движутся черезъ мостъ и направляются во всѣ многочисленныя улицы

выходящія съ этой небольшой площадки. До чего хорошъ видъ съ моста на мутно-желтую Куру. Дома поднялись прямо изъ воды и ихъ стѣны моетъ рѣчная волна. Нѣкоторые дома подняли всѣ свои пять этажей надъ рѣкой и всѣ окружены галереями и балконами такъ, что издали кажется будто это чудная тонкая филиграновая работа, словно прихотливое кружево накинуто на всѣ эти зданія. У лѣваго берега вертѣлось нѣсколько десятковъ колесъ въ плавучихъ мельницахъ...

Воронцовъ стоитъ на своемъ каменномъ пьедесталѣ съ фельдмаршальскимъ жезломъ въ рукахъ и глядитъ на суету и сутолоку вокругъ. Всю жизнь провелъ онъ въ войнахъ и всегда былъ славнымъ побѣдителемъ. Онъ воевалъ и съ горцами въ Закатальскомъ ущельѣ, былъ при блокадѣ нѣмецкой крѣпости Гамельнъ, воевалъ при Фридландѣ, сражался въ Турціи подъ Шумлой, занялъ Плевну, Ловчу и Сельви, былъ въ дѣлѣ въ Отечественную войну, въ Бородинской битвѣ, защищалъ деревню Семеновскую, находился въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, въ боѣ подъ Парижемъ занялъ предмѣстье Ля-Вилетъ и, назначенный Новороссійскимъ намѣстникомъ, оживилъ Одессу и Крымъ, провелъ шоссе, поднялъ винодѣліе и овцеводство. Затѣмъ взялъ Варну и, наконецъ, уѣхалъ главнокомандующимъ на Кавказъ. Въ войнѣ съ Шамилемъ за взятіе крѣпости Дарго получилъ княжеское достоинство и воскресилъ не только Тифлисъ, но и Кавказъ. Слѣды благотворной дѣятельности этого неутомимаго и великаго мужа видны

на каждомъ шагу. Съ массой дорогъ, мостовъ съ торговыми и промышленными улучшеніями связано его блестящее имя. Онъ и теперь глядитъ величественно со своего пьедестала на этотъ городъ, который онъ съумѣлъ оживить, съумѣлъ вознести и украсить. При Воронцовѣ возникъ европейскій Тифлисъ, при Воронцовѣ выстроились первые театры и этотъ каменный мостъ соединилъ нѣмецкую слободу съ аристократическою частью города. При немъ возникли общества и начала издаваться газета «Кавказъ», при немъ Головинскій проспектъ былъ засаженъ деревьями и самая длинная улица Михайловскій проспектъ, чуть не въ $2^1/_2$ версты длины, названа была въ честь его—его именемъ. Михайловская улица, длинная и прямая, вся засаженная акаціами и тополями, прорѣзала всю нѣмецкую колонію, застроена хорошими домами и послѣ Головинскаго проспекта считается лучшей улицей въ городѣ. Здѣсь большинство домовъ имѣетъ садики, что придаетъ улицѣ крайне веселый видъ. Потомки Вюртенбергцевъ, бѣжавшіе изъ Германіи и поселенные около Тифлиса, образовали здѣсь колонію. Здѣсь-же на Михайловской цѣлый рядъ садовъ съ названіями: «Европа», «Ваза», «Санъ-Суси» и т. д., гдѣ сходятся по вечерамъ тифлисцы скоротать время. Это даже не сады, а прямо огороженныя мѣста съ завитыми виноградомъ бесѣдками и галереями. По вечерамъ здѣсь играетъ музыка, поютъ куплеты и шансонетки, публика пьетъ кахетинское, восторгаясь исполнителями. Въ нѣкоторыхъ «садахъ» бываютъ танцы, причемъ грузины и армяне отъ души вы-

плясываютъ европейскіе танцы. На меня эти кафе-шантаны произвели довольно удручающее впечатлѣніе.

Тумановъ, желая знакомить меня со всѣмъ интереснымъ въ городѣ, повелъ меня въ одинъ изъ первыхъ вечеровъ въ эти «сады». Въ этихъ клубахъ, гуляньяхъ, собраніяхъ народу было видимо-невидимо, не смотря на всю многочисленность подобныхъ заведеній на Михайловской улицѣ. Повсюду звучала музыка и слышались веселые голоса. Безпечные, веселые грузины любятъ веселье и вино и толпами идутъ въ эти заведенія. Меня просто поражала та быстрота съ какой смѣнялись бутылки кахетинскаго на каждомъ столѣ. Грузины, закусывая сыромъ, зеленью и шашлыкомъ, выпивали бутылку за бутылкой.

— Алла верды, раздался крикъ чаще другихъ

— Якши-іолъ, слышался отвѣтъ.

— Это привѣтствіе, объяснилъ мнѣ Тумановъ, одни говорятъ: «Богъ далъ», а имъ отвѣчаютъ: «на здоровье».

— Пойдемъ отсюда, возопилъ я, это какой-то вертепъ, а музыка рветъ уши.

На небольшой эстрадѣ играли туземные музыканты: маршъ Буланже, причемъ барабанъ и бубенъ покрывали всѣ инструменты.

Мы пошли въ другой садъ. Тамъ было не лучше. На открытой сценѣ какой-то хриплый субъектъ пѣлъ куплеты, а его смѣнила жалкая шансонетная пѣвица. Наконецъ въ одномъ саду, не помню, кажется въ «Европѣ», мы увидѣли народные танцы грузинъ

и персовъ. Это хоть имѣло мѣстный интересъ и я глядѣлъ со всей жадностью туриста на танцующихъ. Акомпаниментъ былъ крайне своеобразный. Два музыканта лѣзли изъ кожи, чтобы вознаградить своимъ усердіемъ малочисленность оркестра. Одинъ билъ, что было мочи, въ барабанъ, другой дулъ не то въ флейту, не то въ дудку съ такимъ отчаяніемъ, что его глаза хотѣли выскочить изъ орбитъ. Рѣзкіе пронзительные звуки вырывались изъ флейты и заставили меня содрогнуться.

— Что это такое? спросилъ я Туманова.

— Это зурна.

Трудно представить себѣ что-либо однообразнѣе и тоскливѣе, какъ звукъ этой зурны. Танцующіе грузины въ папахахъ двигались наноскахъ сначала медленно, потомъ все скорѣе и наконецъ они завертѣлись, какъ волчки. Было что-то бѣшеное, упоительное въ этомъ дикомъ и, по моему, некрасивомъ и однообразномъ танцѣ.

— Это лезгинка, шепнулъ мнѣ Тумановъ.

Этихъ танцоровъ смѣнили какія-то барыни, одѣтыя въ пестрыя юбочки и, выдѣлывая движенія корпусомъ, руками, и головой, глядѣли томными глазами въ публику. Это танцовали якобы персидки, причемъ какой-то черномазый субъектъ билъ рукою объ кожу, натянутую на горлышко кувшина, отчего получался какой-то своеобразный и монотонный звукъ.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ моихъ пріѣздовъ въ Тифлисъ мнѣ удалось видѣть въ саду «Италія» борьбу атлетовъ. Дрался какой-то здоровенный ар-

мянинъ съ красивымъ, мужественнымъ лицомъ и какой-то рослый туземный борецъ. Пестрая, жадная до подобныхъ зрѣлищъ толпа, наполнила весь садъ такъ, что яблоку негдѣ было упасть, и, какъ я протискался въ нее, я самъ не понимаю. Очень интересно видѣть эту борьбу атлетовъ на особой аренѣ, специально для того приготовленной. Это зрѣлище напомнило мнѣ древній Римъ съ его борьбой гладіаторовъ. Оно страшно заставляетъ волноваться и увлекаетъ шумную толпу.

Михайловская улица со всѣми ея благословенными садами оканчивается у большаго тѣнистаго сада Муштаида. Это лучшій садъ Тифлиса съ прекрасными тополевыми и каштановыми аллеями, съ зелеными лужайками, съ кустами сампита, этой такъ называемой Кавказской пальмой, съ длинными плетями виноградниковъ, обвивающихъ стволы кленовъ и чинаръ. Прежде этотъ садъ принадлежалъ нѣкоему Муштаиду, который развелъ его на каменистомъ пустырѣ на берегу Куры и истратилъ громадныя суммы на устройство орошенія. У входа въ садъ высится красивое зданіе музея шелководства, а отъ него идутъ длинныя аллеи въ глубину сада. Одна приводитъ на берегъ Куры, на большую площадку, на которой по вечерамъ играетъ музыка. Предмѣстья Тифлиса на той сторонѣ рѣки разбросались по скаламъ отвѣсно, оборвавшимся въ Куру, и красивый водопадъ бѣлѣлъ, рушась въ глубокую пропасть. Очень многіе тифлисцы жаловались мнѣ, что Муштаидъ сильно испорченъ шелкозаводской станціей, для устройства которой со всѣми ея зданіями,

пришлось вырубить большіе участки сада, столь драгоцѣннаго въ такомъ душномъ городѣ, какъ Тифлисъ. Большое зданіе при входѣ въ садъ это цѣлый шелкозаводный дворецъ, тутъ и превосходный и подробный музей всего касающагося шелководства, тутъ и химическая лабораторія, и аудиторія, гдѣ постоянно читаются спеціалистами лекціи. Помню, какъ въ одинъ изъ моихъ послѣдующихъ пріѣздовъ въ Тифлисъ, я ходилъ и на лекціи, и смотрѣлъ всѣ практическія работы по размоткѣ шелка и по разведенію шелкопрядовъ. По моему, все было чрезвычайно интересно. Въ гренернѣ я видѣлъ, какъ выходящихъ изъ коконовъ бабочекъ сажали по парамъ въ кисейные мѣшечки, гдѣ онѣ несутъ яички. Бабочекъ вынимаютъ и анатомируютъ, въ случаѣ какой-либо болѣзни родителей грена или яички уничтожаются, въ противномъ случаѣ ее сохраняютъ для выводка червей и разсылаютъ по селамъ и деревнямъ. Въ шелкомотальнѣ работали колеса, накручивая тонкія, какъ паутина, нити разматываемыхъ коконовъ. Въ одномъ изъ павильоновъ былъ настоящій зоологическій садъ, гдѣ въ разныхъ отдѣленіяхъ сидѣли всѣ эти экзотическіе блестящіе по окраскѣ и чудовищные по величинѣ шелкопряды. Тутъ была и Японская палевая бабочка «Лунный шелкопрядъ» и гигантъ Айлантовый (Philosoma Cynthia) и прелестный дубовый изъ Индіи (Antherea jamamai). Большіе участки сада были засажены тутовыми деревьями, которыхъ здѣсь до 70-ти сортовъ и разновидностей и зелень которыхъ идетъ на кормленіе гусеницъ шелкопрядовъ.

По вечерамъ Муштаидъ бываетъ очень оживленъ и сюда собираются тифлисцы послушать музыку, выпить пива и подышать свѣжимъ воздухомъ. Точно звѣздочка, свѣтится высоко на вершинѣ горы Давида у далекаго ресторана яркій огонекъ и манитъ охотниковъ взглянуть съ этой выси на волшебную картину города, освѣщеннаго огнями. Это все Тифлисъ современный, новый, разросшійся во всѣ стороны, Тифлисъ съ хорошей мостовой, съ широкими улицами, но самый интересный Тифлисъ запрятался по другую сторону Эриванской площади, сбился въ безпорядочную кучу домовъ и улицъ у подножія стараго Метехскаго замка и горы, голыя вершины которой до сихъ поръ вѣнчаютъ развалины персидской крѣпости. Тамъ сохранился старый Тбилиси, тамъ до сихъ поръ живутъ курьезные обычаи, тамъ восточная пестрота, тамъ оригинальная суетящаяся толпа, тамъ дома и памятники сложены изъ тѣхъ историческихъ камней, которые когда-то были въ стѣнахъ дворцовъ и соборовъ и которые разносили и персы, и хозары, и турки. Но прежде чѣмъ спуститься въ этотъ лабиринтъ узкихъ улицъ, прежде чѣмъ окунуться въ эту Азію, мы должны покончить съ блестящимъ и европейскимъ Тифлисомъ и посѣтить его музей.

Прежде чѣмъ войти въ самое зданіе музея, взявши билетъ, входишь въ крошечный садикъ. Вьющіеся розы ползутъ по стѣнамъ, прячась въ зелень плюща съ большими, аляповатыми листьями. Тутъ между нѣсколькими туями и кустами самшита и японскаго бересклета стоятъ надгробные памят-

ники: два каменныхъ барана, одинъ изъ Елизаветполя, другой татарскій, и удивительно пестрые татарскіе памятники изъ Хасафъ-Юрта, а также каменные идолы съ обломанными носами и расколотыми туловищами, а въ двухъ клѣткахъ птицы Кавказа. Въ одной хищныя, въ другой куриныя.

— Это что-же такое? спросилъ я сторожа.

— Это тоже къ музею относится, всѣ глядятъ, отвѣтилъ онъ.

— Да что же тутъ глядѣть?

— А птицъ и истукановъ.

Я вошелъ въ самое зданіе и первое что поразило меня—это курьезная надпись, привѣшенная повсюду въ музеѣ и гласящая, что всѣ выставленные предметы пропитаны ядомъ, почему совѣтуютъ до нихъ не дотрогиваться.

Музей устроенъ докторомъ Радде, составившимъ и толковый каталогъ къ нему. Въ музеѣ всякій, кто хочетъ ознакомиться съ Кавказомъ, найдетъ интересныя коллекціи, размѣщенныя не только въ большомъ порядкѣ, но и очень красиво и декоративно

Всѣ потолки и полы расписаны восточными узорами, ковры—всѣ мѣстнаго производства. Нижній этажъ отведенъ геологіи. Здѣсь въ залахъ всевозможныя окаменѣлости и горныя породы, метеориты и друзы со всѣхъ концовъ и горъ Кавказа. Тутъ и каменный уголь изъ Твибульскихъ копей и всевозможныя горныя масла. Далѣе идутъ залы съ коллекціями по зоологіи. На нѣкоторыхъ стѣнахъ написаны декораціи, изображающія мѣстности Кавказа, а впереди на выступахъ скалъ, деревьяхъ, камняхъ

чучела обитающихъ данныя мѣстности животныхъ. Такъ прелестна группа, изображающая павшаго верблюда и цѣлый сонмъ хищныхъ птицъ, геенъ и шакаловъ, слетѣвшихся и сбѣжавшихся къ своей жертвѣ. Хороши тигры изъ Ленкорани. Тигрица рветъ кабана, а тигръ спускается со скалы и намѣревается отнять добычу у тигрицы. На одной изъ скалъ усѣлась группа пантеръ, жадно высматривающихъ козулю, которая стоитъ подъ скалой. Громадная группа альпійскихъ животныхъ Кавказа заняла середину зала. Тутъ и граціозныя газели, и красивыя серны, и знаменитые туры съ ихъ прелестными рогами, и рѣдкіе альпійскіе козлы (Aegoceros Aegagrus), скачущіе по пропастямъ Арарата, и черные, какъ смола, козлы изъ Абастумана. На стѣнахъ кругомъ всевозможные рога и цѣлая куча турьихъ рогъ, собранныхъ въ Сванетіи въ часовняхъ и на алтаряхъ. Кавказскій зубръ съ нагнутой головой (Bos urus), этотъ домбе, какъ его называютъ мѣстные жители, мохнатый и съ виду неуклюжій, встрѣчающійся дикимъ въ Бѣловѣжской пущѣ и здѣсь на Кавказѣ въ густыхъ лѣсахъ по р. Зеленчеку и по Бѣлой, а также въ Абхазіи. Очень интересны группы стройныхъ антилопъ съ ихъ красивыми мордочками. Одна изъ стѣнъ представляетъ декорацію ленкоранскихъ болотъ, которыя называются морцами. Среди массы камыша и густыхъ тростниковъ очень эфектно и живо расположены всѣ обитатели—птицы этихъ болотныхъ зарослей. Тутъ и всевозможныя утки, черныя, пестрыя, бѣлыя, съ гребнями, съ хохлами, съ наростами, и масса видовъ цаплей и куликовъ, и курьезныхъ ту-

рухтановъ, одѣтыхъ въ широкіе воротники изъ растопыреныхъ перьевъ, и гордые лебеди, бѣлые и черные аисты, журавли, и уродливые пеликаны съ ихъ желтыми мѣшками подъ клювами, и граціозные фламинго, въ ихъ блѣднорозовыхъ перьяхъ, стоящіе на длинныхъ красныхъ ногахъ, и чайки, и нырки, и султанки, все это пестрое болотное царство, слетающееся на зимовку въ ленкоранскіе камыши. Не менѣе интересны куриныя породы, всѣ эти яркоодѣтые фазаны, павлины, султанки въ темно-синемъ опереніи. Музей даетъ полную картину всѣхъ животныхъ Кавказа, Закавказья и Закаспійской области. Здѣсь я узналъ по выставленнымъ экземплярамъ, что въ Ленкоранѣ водятся дикообразы и здѣсь увидѣлъ ту летучую мышь (Vespertilio murinus), которая развелась въ такомъ страшномъ количествѣ въ Мцхетскомъ соборѣ, что мѣшала богослуженію. Три колоніи этихъ летучихъ мышей, изъ которыхъ каждая колонія была болѣе чѣмъ въ три тысячи особей, висѣли подъ крышей собора по карнизамъ и наполняли заразой храмъ. Съ громаднымъ трудомъ вывели эту летучую мышь изъ собора, съ которой въ 70-хъ годахъ долго и безплодно боролись.

Здѣсь въ музеѣ стоятъ кости кита, выброшенные моремъ близь Батума. Коллекціи насѣкомыхъ, рыбъ, земноводныхъ, минераловъ и сушеныхъ цвѣтовъ наполняютъ другіе залы этого этажа и конечно представляютъ громадный интересъ. Я бродилъ долгіе часы по этимъ заламъ и буквально съ трудомъ оторвался отъ всѣхъ этихъ крайне любопытныхъ коллекцій для Кавказа. Оставался еще цѣлый этажъ и

я направился къ лѣстницѣ. Вестибюль украшенъ превосходными фресковыми картинами, рисованными художникомъ Зима изъ Рима. Всѣ картины великолѣпны и всѣ имѣютъ сюжетомъ древнія сказанія Кавказа.

На одной картинѣ прикованный цѣпями къ суровымъ скаламъ Кавказа Прометей. Онъ въ безсильномъ гнѣвѣ старается оттолкнуть подлетающаго коршуна. Вдали на горизонтѣ виденъ золотой разсвѣтъ, сгоняющій сумерки. Въ волнахъ плачутъ четыре красавицы—океаниды. Другая картина изображаетъ прибытіе Аргонавтовъ въ Колхиду. Язонъ, лицо котораго списано съ портрета В. Кн. Николая Михайловича, стоитъ въ своемъ Арго и указываетъ рукою въ туманную даль. По берегу ѣдетъ въ колесницѣ старый царь Аэтъ съ двумя дочерьми, изъ которыхъ Медея имѣетъ лицо грузинской княжны. Темное небо нависло надъ мрачной Колхидой, а тамъ за моремъ, откуда прибыли Аргонавты,—синее небо и сіяетъ солнце. Рядомъ: Язонъ и Медея передъ статуей Гекаты клянутся въ вѣрности. Это прелестная картина, полная свѣта и красокъ, полная мира и тишины. Еще дальше большая фреска: Ной сажаетъ виноградную лозу. Старикъ Ной, съ сѣдой бородой, передаетъ стоящему на колѣняхъ рабочему отводокъ виноградной лозы, который онъ отрѣзалъ отъ стараго виноградника, ползущаго по маслинѣ. Вдали поднялись туманныя вершины Арарата, а внизу виднѣется долина Аракса. Еще дальше картина, изображающая амазонку, которая летитъ на бѣшеномъ конѣ. Тутъ же портреты царицы Тамары и царя Давида, кото-

рые не позволяютъ пройти мимо. Эти портреты копіи съ подлинниковъ, находящихся въ Гелатскомъ монастырѣ около Кутаиса. Тамара стоитъ во весь ростъ въ дорогомъ парчевомъ нарядѣ,—сплошь залитомъ громадными драгоцѣнными камнями и рядами счетныхъ жемчужинъ. На ея головѣ высокій головной уборъ весь въ камняхъ и жемчугѣ. Два длинные черные локона упали на плечи, а тонкая легкая матерія облекла лицо царицы, и выдѣлила еще болѣе его чудную, своеобразную, восточную красоту. Царица подняла обѣ руки, на мизинцахъ которыхъ сверкаютъ камни въ перстняхъ. Лицо великой царицы останавливаетъ всякаго. Оно просто поражаетъ своей красотой, настоящей грузинской красотой. Южная, страстная красота Тамары уравновѣшена, слита съ дѣвственнымъ выраженіемъ лица. Взглядъ черныхъ глазъ ея подъ бархатными дугами вѣкъ удивительно ясенъ, красивъ, величественненъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подкупаетъ теплотой. Я долго не могъ оторваться отъ этого чуднаго лица, съ нѣсколько заостреннымъ подбородкомъ, съ смуглой кожей. Такъ вотъ какова была эта знаменитая Тамара, создавшая монастыри, замки и крѣпости, съумѣвшая дать государству и покой и блескъ, заставляющая васъ и теперь остановиться передъ ея портретомъ и преклониться передъ ея красотой. Портретъ царя Давида, одѣтаго въ синюю одежду съ громадной короной на головѣ, не привлекъ уже моего вниманія послѣ чуднаго лица Тамары. Верхній этажъ музея еще интереснѣе нижняго и ему необходимо посвятить не одинъ часокъ.

Здѣсь стоятъ манекены всѣхъ народовъ Кавказа

со всею ихъ домашнею обстановкой, костюмами, утварью и всѣми предметами, относящимися къ ихъ жизни. Тутъ и грузины, танцующіе лезгинку, тутъ и постройки Гуріи, Мингреліи и Имеретіи, тутъ и хевсуры и пшавы въ ихъ курьезныхъ одѣяніяхъ крестоносцевъ, такъ интересовавшіе меня. Здѣсь я увидѣлъ ихъ щиты, наколѣнники и ихъ тяжелые мечи. Тутъ и кабардинцы, и чеченцы, и лезгины, при чемъ заднія декораціи на стѣнахъ изображаютъ мѣстности, гдѣ данные народы обитаютъ. Тутъ и коллекціи оружія всѣхъ кавказскихъ племенъ, тутъ и посохи дервишей, и топоры персовъ, и всевозможные музыкальные инструменты Кавказа. Между абхазскими тонкими скрипками висѣли длинные кеманы, инструменты татаръ въ Нухѣ, сванетскія семиструнныя арфы, грузинскія зурны и бубны, мингрельскія дудки, осетинскія балалайки, курскія волынки и другіе. Тутъ и всевозможная посуда, обувь и одежда, украшенія, мебель, ковры. Тутъ и всевозможныя мѣстныя производства: шелковыя ткани Шемахи, кожевенныя работы Ахалциха и Нухи, гребни изъ пальмоваго дерева, вышиванья изъ Шуши и т. д. Тутъ же безчисленныя фотографіи всѣхъ мѣстностей Кавказа, построекъ, типовъ. Можно часы просидѣть, разглядывая только одни фотографіи. Въ этихъ залахъ меня остановили любопытныя картины, рисованныя Шефферомъ въ Вѣнѣ и представляющія главнѣйшія физіономіи растительности на разныхъ высотахъ Кавказа. Одна «растенія Колхиды» съ ихъ блескомъ и силой, другая «горные лѣса», третья «на границѣ ледниковъ» и четвертая «альпійская

растительность». Тутъ же много другихъ интересныхъ картинъ изъ сценъ изъ кавказской жизни и двѣ картины Айвазовскаго: «Видъ Невы въ Петербургѣ» и «Аулъ Гунибъ».

Еще выше нѣсколько залъ съ монетами, предметами раскопокъ изъ Самтаврскаго кладбища, старинными вещами изъ Ани, Мцхета, изъ Лоры и древности изъ Трапезонда и Александрополя и т. д. Здѣсь всѣ эти предметы, пережившіе вѣка, схороненные въ гробахъ и въ землѣ, принадлежавшіе инымъ людямъ иныхъ отдаленныхъ временъ. Тутъ эти всѣ бронзы Осетіи, старье изъ Дигоріи, вещи изъ кургановъ Дербента, всѣ эти молчаливые свидѣтели былой исторіи, своимъ видомъ и своимъ присутствіемъ рисующіе намъ картины прошлой жизни, которая кипѣла въ этихъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ высятся развалины и сглажены временемъ и людьми былыя могилы.

10.

Тифлисъ.

(Продолженіе).

Эриванская площадь. Азіатскій Тбилиси. Восточныя бани. Въ ботаническомъ саду.

Тифлисъ для живописца есть находка,
Взгляните напримѣръ: изорванный чекмень,
Башлыкъ, нагая грудь, безпечная походка,
Въ чертахъ лица задумчивая лѣнь,
Кинжалъ и странное въ глазахъ одушевленье.

Полонскій.

Головинскій проспектъ передъ самой Эриванской площадью съуживается и въ видѣ короткой и блестящей Дворцовой улицы, сплошь покрытой блестящими витринами магазиновъ, выходитъ на Эриванскую площадь. Это нейтральное мѣсто Тифлиса и его центръ. Здѣсь сталкиваются Европа и Азія, здѣсь постоянная жизнь и шумъ, отсюда разбѣгаются конки во всѣ стороны, здѣсь сходятся всѣ народности Тифлиса. Эта площадь, окруженная прекрасными зданіями, нижнія этажи которыхъ заняты магазинами и ресторанами, напомнила мнѣ и по своему положенію въ городѣ и по значенію знаменитую

Пуэрта дель Соль Мадрида. Съ одной стороны площади высится великолѣпное зданіе думы съ прелестной многоярусной башней, арабскими прорѣзами оконъ, съ громадной залой, въ которой всѣ мѣста сдѣланы амфитеатромъ, съ пестрыми стѣнами, выглядывающими изъ за деревьевъ, которыми она вся обсажена. Среди площади высится большое, довольно неуклюжее зданіе караванъ-сарая Тамамшева. Прежде здѣсь стоялъ сгорѣвшій театръ, теперь его мѣсто занялъ этотъ не то гостиный дворъ, не то пассажъ. И снаружи, и внутри караванъ-сарай полонъ магазиновъ, гдѣ царитъ вѣчная суета. Нижній этажъ весь въ небольшихъ, довольно грязныхъ и не презентабельныхъ азіатскихъ ресторанахъ, которые помѣстились въ подвальномъ этажѣ и предлагаютъ посѣтителямъ свои восточныя явства. Въ караванъ-сарай ведутъ двѣ широкія лѣстницы, у подножія которыхъ лежатъ бронзовые драконы съ распущенными крыльями. Драконы эти имѣютъ человѣческія головы и несутъ на головахъ фонари. Небольшой скверъ съ южной зеленью, съ бюстомъ Пушкина въ тѣни платановъ, улегся около караванъ-сарая, вокругъ котораго снуютъ газетчики, продавцы фруктовъ и всевозможныхъ восточныхъ сладостей, продавцы цвѣтовъ, армяне съ кувшинами и подозрительнаго цвѣта питьемъ въ нихъ, тутъ же кіоскъ съ минеральными водами и сушеными фруктами. Я пробовалъ всѣ эти восточныя сласти и мало удовлетворился ими. Всѣ эти унаби, пшаты съ длинноватыми красными ягодами, очень похожими на плоды шиповника, прямо отвратительны. Пшатъ

(Eleagnus hortensis) съ косточкой внутри, представляетъ скопленіе какой-то мучнистой удушливой бѣлой массы, нѣсколько затхлой на вкусъ. Если что вкусно, то это чурчхелы, особыя восточныя лакомства. Это или орѣхи или миндаль, залитые въ виноградное тѣсто, похожее съ виду на резину. Эти чурчхелы имѣютъ видъ длинныхъ бѣлыхъ или коричневыхъ палокъ, очень непрезентабельныхъ, но необыкновенно вкусныхъ и оригинальныхъ. За то лакомство «міампуръ» прямо ужасно. Не вымывши, ѣсть его невозможно, впрочемъ какъ и всѣ восточныя лакомства, которыя покрыты слоемъ грязи и пыли. Міампуръ это персики въ бараньемъ салѣ. Такая комбинація можетъ удовлетворить только восточный желудокъ. Меня просто привелъ въ трепетъ вкусъ этого деликатеса и я поспѣшилъ къ кіоску съ минеральными водами, чтобы заглушить ужасное впечатлѣніе.

Здѣсь-же у Эриванской площади находятся и другіе караванъ-сараи. Такъ особенно выдается караванъ-сарай Арцруни, съ виду обыкновенный домъ. Я вошелъ въ ворота, которые представляютъ открытый пассажъ, такъ какъ заняты торговцами, которые тутъ же стригутъ, шьютъ и ткутъ ковры. Внутри караванъ-сарай образовалъ дворъ, превращенный въ садъ съ фонтаномъ по серединѣ. Караванъ-сарай со стороны сада окруженъ двухъ-этажной галереей и перенесъ меня въ испанскіе дома съ ихъ paseo. Здѣсь въ галереяхъ дожидаются публику публичные писцы, здѣсь всевозможные магазины, бюро гувернантокъ, правленія обществъ и т. п.

и здѣсь же красивая зала, отдѣланная въ восточномъ вкусѣ.

Тутъ на Эриванской площади кончается Европа и сейчасъ же за думой начинается Авлабаръ, это сбившаяся въ безпорядочную кучу часть древняго Тифлиса, этотъ азіатскій городъ грузинскихъ царей, этотъ безконечный лабиринтъ улицъ и проулковъ, узкихъ и темныхъ, то сбѣгающихся въ площадки, то вьющихся улиткой, то глухо оканчивающихся у какой-нибудь стѣны. Сюда попадаешь, какъ въ совсѣмъ особенный городъ, сдвинутый на крутыхъ берегахъ Куры, съ его грязными и темными переходами, съ его шумомъ и гамомъ, съ его удивительною живописностью и красотой восточной жизни. Эти улицы и проулки перенесли меня въ Толедо, въ Гранаду, въ Каиръ, во всѣ эти города юга, гдѣ человѣкъ спасается отъ жары, охраняетъ всѣми средствами, чтобы не допустить лишній лучъ солнца въ жилище. Всѣ города Азіи и юга ползутъ по горамъ, улицы узки и темны, вьются и ломаются, чтобы дать больше тѣни. Крыши и навѣсы выдвигаются впередъ, верхніе этажи выдаются надъ нижними и образуютъ полутемныя галереи, спасая прохожихъ отъ удушающей жары и палящаго южнаго солнца. Этотъ видъ южнаго города вполнѣ сохранилъ Авлабаръ. До чего оригинальны и красивы всѣ эти галерейки пестро раскрашенныя, до чего безконечно интересны всѣ эти восточныя лавки, образующія всѣ вмѣстѣ одинъ гигантскій шумный рынокъ. Тутъ все кричитъ, шумитъ, стучитъ, поетъ, работаетъ. Тутъ смѣсь людей, животныхъ, экипажей, одеждъ и

головныхъ уборовъ Когда я впервые попалъ въ эти улицы, я не могъ сразу придти въ себя и уяснить, что дѣлается вокругъ меня. Это былъ какой-то хаосъ, словно всѣ люди взбѣсились въ этихъ узкихъ и кривыхъ улицахъ, узкихъ до того, что съ трудомъ разъѣзжаются два экипажа. Люди сидятъ на улицѣ, на прилавкахъ, на ступенькахъ домовъ, вы слышите шумъ надъ вами, рядомъ съ вами и подъ вами въ подвальныхъ этажахъ. А что за пестрота! Что за лица! Что за профессіи! Кажется, что это не жизнь, а феерія, даваемая на сценѣ. Здѣсь вся жизнь проходитъ на улицахъ, здѣсь всѣ они живутъ, работаютъ, ѣдятъ, спятъ, плодятся, умираютъ.

Всѣ нижніе этажи, лавки, открытыя въ сторону улицы, въ которыхъ на вашихъ глазахъ идетъ работа, вся пестрота восточной жизни передъ вашими глазами, и я снова переживалъ впечатлѣнія, которыя произвелъ на меня Константинополь своими базарами. Хозяева лавки тутъ же на вашихъ глазахъ производятъ всѣ товары, на каждомъ шагу вы встрѣчаете группы словоохотливыхъ азіатовъ, бѣсѣдующихъ о своихъ злобахъ дня.

Я во всѣ глаза смотрѣлъ на всѣ эти лица персовъ съ ихъ черными глазами, съ бородами, окрашенными въ красный цвѣтъ хной, на этихъ турокъ въ красныхъ фескахъ, на этихъ черкесовъ въ ихъ одѣяніяхъ, на нухинскихъ татаръ въ ихъ ермолкахъ и пестрыхъ халатахъ, на нахмуренныя физіономіи лезгинъ, съ ихъ воинственной и стройной фигурой, на этихъ ловкихъ армянъ, заполонившихъ весь Тифлисъ, на красавцевъ грузинъ, съ ихъ тонкими та-

ліями и пламенными глазами, сіяющими на матовомъ лицѣ. На каждомъ шагу любопытные наряды, типы, фигуры. Поминутно встрѣчаются вереницы осликовъ, нагруженныхъ корзинами и тюками, съ рядомъ бредущими полуголыми проводниками, во все горло орущими что-то и лавирующими между арбами, запряженными буйволами! Это все живой калейдоскопъ, отъ котораго невозможно оторвать глазъ. Тутъ же перемѣмѣшались полуголые ребята, кучи собакъ, стада овецъ, гонимыхъ куда-то пастухами, и все шумитъ, оретъ, движется и жестикулируетъ.

А что здѣсь за шапки мелькаютъ передъ вашими глазами! То тюрбанъ, то баранья шапка, то красныя фески, то какіе-то войлочные грибы, то папахи, то суконныя ермолки. Вотъ мелькнула бѣлая чалма муллы, вотъ аршинныя — шапки персіянъ медленно раскачиваются въ толпѣ, выдавая важную поступь. Тутъ-же по всѣмъ направленіямъ снуютъ водовозы и водоносы, почти всѣ персы. Это тулучи, какъ ихъ здѣсь называютъ. Тулучи идутъ рядомъ съ муллами, съ обѣихъ сторонъ которыхъ пристегнутъ кожанный мѣхъ или тулухъ, въ которомъ развозится вода. На спинѣ у тулучей тоже мѣшки, въ которыхъ они тащатъ воду, съ трудомъ добытую подъ обрывчатымъ берегомъ Куры, и карабкаются съ своими мѣхами или кувшинами по крутикамъ и каменистымъ тропамъ. Тутъ-же на каждомъ шагу вы встрѣтите людей-геркулесовъ, съ согнутой въ горбъ широкой спиной, мозолистыми руками и крѣпкими, короткими ногами, это муши—носильщики, это двуногіе верблюды, поразительной силы и вы-

носливости, это цѣлое поколѣніе, производящее подобныхъ людей. Страшно смотрѣть, какія неимовѣрныя тяжести несетъ муша на спинѣ, перегнувшись чуть не пополамъ. Иногда громадныя тяжести переносятся нѣсколькими мушами и надо видѣть, какъ они шагаютъ рядомъ, кажется, ихъ ноги проваливаются въ землю подъ тяжестію, но имъ нипочемъ внести что угодно и на какую угодно гору. Честность мушей—образцовая и имъ вполнѣ и все довѣряютъ, зная, что никогда муша ничѣмъ не воспользуется.

Каждая лавка останавливала меня. Вотъ рядъ сапожниковъ. Чуть не вся улица наводнена ими. Они шьютъ тутъ-же на вашихъ глазахъ свой товаръ. Безчисленныя пары всевозможныхъ туфель, мѣшковъ, сапогъ наполняютъ ихъ лавки. А вотъ кузнецы. Громъ и стукъ здѣсь не умолкаетъ. Молота гремятъ до того, что невозможно слышать говоръ. Въ оружейныхъ лавкахъ висятъ щиты, лежатъ въ кучахъ латы, торчатъ кинжалы, ружья и какія-то допотопныя палицы. Тутъ-же красуются турьи рога, а хозяева дѣлаютъ насѣчки, обтягиваютъ ножны и не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на любопытную толпу, разглядывающую ихъ работу. Фруктовые магазины затонули въ горахъ ягодъ, фруктъ, изюма, миндаля, бобовъ-лобія, этого любимаго грузинскаго лакомства, недозрѣлыхъ грецкихъ орѣховъ въ шкуркахъ, апельсинахъ, боярышника, чурчхелы и всевозможныхъ восточныхъ явствъ. Цѣлыя корзины пшата, сушеныхъ вишень красуются у входа, а длинныя колбасы рахатъ-лакума и палки чучхелы

свѣшиваются съ потолка. Слесарни—это маленькій музей. Чего только тутъ нѣтъ! Рядомъ съ замками—разныя бляхи, самое разнообразное старинное оружіе. Тутъ и кривыя сабли, и кинжалы, и топорики, и бердыши, и какіе-то полузаржавленные шлемы, и круглые кожанные щиты, и дудки, и старыя гитары съ перламутровыми инкрустаціями, и тяжелые подсвѣчники изъ темной бронзы, и потускнѣвшія картины съ изображеніемъ сценъ изъ миѳологіи. Въ парфюмерныхъ лавченкахъ вѣетъ розовой эссенціей и повсюду висятъ хвосты выхухолей. Тутъ безчисленные порошки и флаконы съ разнаго цвѣта жидкостями, всевозможные аптекарскіе товары и матеріалы для колдовства, и если чего нѣтъ, то развѣ только одного птичьяго молока. А вотъ персидскія кухни, на плитахъ которыхъ все шипитъ, свиститъ, кипитъ въ большихъ металлическихъ горшкахъ, прямо вмазанныхъ въ печь. Когда приходишь въ такую кухню, горячій паръ обдаетъ тебя совсѣмъ и щекотитъ аппетитъ. Тутъ-же рядомъ столъ, скамьи, полки съ пестро раскрашенной посудой и прихотливыми длинногорлыми кувшинами. Тутъ варится пловъ, жарится шашлыкъ, пекутся всякіе хлѣба—чуреки и ловаши. Поваръ—персъ, весь въ бѣломъ, поминутно смазываетъ жидкимъ тѣстомъ стѣнки печужки въ плитѣ, изъ которой вскорѣ вытаскиваетъ длинныя ловаши. Тутъ-же масса духановъ съ бурдюками самой разнообразной величины, съ стаканами и кувшинами, самой прихотливой восточной формы и окраски. Тутъ и цирюльни, гдѣ на глазахъ у всѣхъ мылятъ, брѣютъ, стригутъ. Цирюльникъ не

церемонится съ паціентами. Плюнетъ на голову усѣвшемуся мусульманину и быстро начнетъ скоблить ему волосы съ головы. У васъ голова идетъ кругомъ отъ этой жизни, крика, шума. Но вотъ и Майданъ—это небольшая площадка, кишащая восточной толпой. Тутъ ужъ все смѣшалось и люди и животныя. Здѣсь царитъ невѣроятный хаосъ, невѣроятная пестрота.

— Хабарда, (берегись) оретъ что есть силы извозчикъ, еле пробираясь среди этой тѣсной кучи людей.

Тутъ все оретъ, все кричитъ, блѣютъ овцы, надрываются ослы, стучатъ молоты, словно взяли подрядъ на это, и въ этомъ хаосѣ звуковъ ничего не разобрать. Отчаянно звенитъ конка, привозящая пеструю, своеобразную публику, ей вторятъ криками, волы и верблюды и спѣшишь убраться съ этого татарскаго рынка, гдѣ происходитъ какой-то шабашъ. Рядомъ съ Майданомъ много караванъ-сараевъ, запруженныхъ товарами. Тутъ все навалено кучами, а гамъ и крикъ нисколько не меньше, чѣмъ на площади. Здѣсь царитъ настоящая Азія.

Не умѣю высказать то сказочное впечатлѣніе, которое произвели на меня темные ряды. Когда я вошелъ въ этотъ длинный, прохладный, полутемный пассажъ, когда я увидѣлъ всѣхъ этихъ армянскихъ торговцевъ, безмолвно и неподвижно сидящихъ на прилавкахъ и оглядывающихъ меня своими пронзительными черными глазами, ожидая, что я куплю ихъ ситцы, ихъ ковры, ихъ шелкъ, наваленные гигантскими кучами, мнѣ показалось, что я ушелъ

въ сказки тысячи одной ночи и весь ужасъ дѣтскихъ впечатлѣній воскресъ во мнѣ. Еще болѣе сильное впечатлѣніе произвели на меня эти темные ряды—вечеромъ. Всѣ эти армяне, освѣщенные лампочками, сидѣли, какъ статуи, и курили кальянъ и ихъ черные хищные глаза зорко глядѣли за покупателями. Что-то таинственное, страшное вѣяло изъ каждаго угла и морозъ пробѣгалъ у меня по кожѣ. Я бродилъ по этимъ лабиринтамъ корридоровъ, среди горъ шелковъ и матерій и не могъ не поражаться фантастичностью обстановки.

Весь этотъ восточный городъ жмется у подножія скалистой горы съ развалинами крѣпости на ней. Плоскокрышіе домики образовали своими крышами лѣстницу и кажется, что одинъ сидитъ на другомъ, одинъ лѣпится къ другому, высовывая свои галерейки. Тутъ-же на Майданѣ прелестная Алліева мечеть, поднявшая свой старый, красивый минаретъ, выложенный ярко-голубыми изразцами и увѣнчанный острымъ зеленымъ куполомъ. Она поднялась въ хаосѣ домишекъ и усѣлась у самаго Метехскаго моста надъ обрывомъ къ Курѣ въ самомъ узкомъ мѣстѣ, стѣсненной скалами рѣки, и глядитъ на скалу съ Метехскимъ замкомъ на томъ берегу.

Тутъ-же среди этого хаоса улицъ находятся знаменитыя тифлисскія бани надъ сѣрными источниками, давшими имя грузинской столицѣ.

Эти бани составляютъ одну изъ достопримѣчательностей Тифлиса.

Я нанялъ извозчика и велѣлъ ему ѣхать въ Ираклієвскія бани. Извозчикъ понесся съ громадной

быстротой по азіатскому городу и подвезъ меня въ какомъ-то глухомъ переулкѣ къ ярко освѣщенному подъѣзду. Меня встрѣтилъ высокій черный персъ и ввелъ въ роскошный номеръ, выложенный весь мраморомъ и изразцами, освѣщенный лампами. Потолокъ номера былъ изогнутъ куполомъ. Сосѣдній номеръ, также мраморный, съ большой ванной въ полу, предназначался для мытья, куда я и направился, раздѣвшись. Терщикъ, или по нашему баньщикъ—персіянинъ, явился вооруженный шершавой перчаткой и мѣшкомъ изъ прозрачной матеріи. Въ номерѣ пахло сѣрой. Персіянинъ, уложивъ меня на скамьѣ, сталъ продѣлывать всѣ манипуляціи, свойственныя восточному мытью. Онъ вытягивалъ мнѣ суставы такъ сильно, что раздавался трескъ, онъ тискалъ и давилъ меня, что было мочи, руками, а когда нашелъ, что этого недостаточно, онъ вскочилъ мнѣ на спину и сталъ скакать на мнѣ, какъ на цирковой лошади. Эти мученія однако были пріятны. Затѣмъ, надѣвши шершавую рукавицу, онъ сталъ немилосердно тереть ею все тѣло. Послѣ растиранія, персіянинъ сталъ погружать меня въ облака мыльной пѣны, продувая ее сквозь узкій мѣшочекъ. Искалѣченный и избитый предыдущими операціями, какъ-то отдыхаешь и забываешься окутанный весь съ ногъ до головы этой нѣжной, легкой, грѣющей мыльной пѣной. Окативши теплой водой, баньщикъ просилъ сѣсть въ ванну, наполненную чудной синеватой сѣрной водой. Эта вода не жжетъ, несмотря на свою высокую температуру, напротивъ, она нѣжитъ, успокаиваетъ, погружаетъ въ сладкую полудремоту.

Совсѣмъ не замѣчаешь непріятнаго запаха сѣры, который при входѣ въ номеръ такъ сильно слышенъ. Мнѣ не хотѣлось выходить изъ чудной голубой воды, которая ласкала и баюкала меня въ своихъ теплыхъ объятьяхъ.

Изъ бань я ушелъ совершенно обновленный и моей усталости отъ бѣготни по городу какъ не бывало.

* *
*

Здѣсь же, среди хаоса домишекъ на груди Салалакской горы, ниже развалинъ персидской крѣпости, находится пресловутый ботаническій садъ, которымъ такъ гордятся тифлисцы. Мы пробирались къ нему по крутымъ улицамъ съ отчаянной мостовой, среди плоскихъ крышъ, прикрѣпленныхъ къ скаламъ, поднимались по какимъ то шаткимъ ступенькамъ, проходили по галереямъ и, наконецъ, поднялись на значительную высоту въ пазуху горъ, гдѣ спрятанный отъ вѣтровъ, открытый къ югу расположенъ ботаническій садъ въ очаровательной мѣстности надъ горячими сѣрными ключами, которые образуютъ живописные водопады, рушась въ ущелье. Ботаническій садъ раздѣленъ на двѣ половины, спеціально ботаническую и прогулочную. Это публичное гулянье съ столиками, скамейками и питьями, куда сходятся тифлисцы погулять, подышать, послушать грузинскую музыку и полюбоваться на очаровательные виды.

Самъ ботаническій садъ, расположенный на груди горъ, надъ которымъ высятся голыя стѣны скалъ

съ живописными персидскими развалинами, украшенный нѣсколькими старыми, угрюмыми башнями, остатками прежнихъ временъ, удивительно живописенъ. Онъ лежитъ надъ обрывомъ, въ которомъ клокочетъ бѣшеный ручей, падающій съ горъ нѣсколькими живописными водопадами. Пріятно видѣть зелень, тополи и туи, завитые ползучими розами, темные кипарисы, торчащіе печальными минаретами среди лавровишенниковъ, бересклетовъ, японскихъ калинъ и самшита. Вишни, миндаль и груши уже роняли свои лепестки и дорожки были усѣяны пестрымъ снѣгомъ. Тутъ же оранжереи и цвѣтникъ очень милый уютный уголокъ, съ фонтаномъ, тутъ же прелестныя дорожки съ массой диковинокъ растительнаго міра. Дорожки поднимаются въ гору по скаламъ и одна привела меня къ четырехъугольной башнѣ, съ вершины которой открылся чудный видъ на Тифлисъ и на долину Куры. Другая дорожка, миновавъ площадку со столиками, привела меня къ концу сада въ узкое ущелье, гдѣ съ грохотомъ падаетъ съ отвѣсной стѣны ручей. Съ той стороны обрыва на голой скалѣ виднѣлась полуразрушенная часовенка и забытое кладбище. Чудный уголокъ!

На одной скамейкѣ сидѣлъ мирза, публичный писецъ, какихъ мнѣ много приходилось встрѣчать въ Авлабарѣ. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ, поджавъ ноги, вѣроятно воображая, что сидитъ на своихъ подмосткахъ. На его головѣ была надѣта высокая коническая баранья шапка, передъ нимъ стоялъ ящичекъ съ письменными принадлежностями, а самъ онъ внимательно строчилъ не то письмо, не то прошеніе ка-

кому то полинялому субъекту въ бѣлой грибообразной шапкѣ.

Позже, въ одинъ изъ своихъ проѣздовъ черезъ Тифлисъ, я посѣтилъ ботаническій садъ вечеромъ. Тишина, миръ и покой его исчезли. Пестрая толпа запрудила его немногочисленныя дорожки, а на площадкѣ были Содомъ и Гомора. Какой-то ужасный оркестръ игралъ что-то ужасное. Я слышалъ отчаянный бой барабана, свистъ дудочекъ, такой пронзительный, что морозъ подиралъ по кожѣ, какія-то абхазскія, не то какія иныя, но туземныя скрипки рвали уши и все вмѣстѣ производило неописуемую какофонію.

Протискавшись впередъ, я увидѣлъ танцующихъ грузинокъ. Онѣ легко носились по площадкѣ, размахивая платочками. Ихъ черные глаза сіяли, а два локона колыхались, какъ черныя змѣи. Публика въ тактъ била въ ладоши и что-то кричала, вѣроятно ободряя танцующихъ.

Я пошелъ къ башнѣ, на вершину которой взобрался и сталъ глядѣть на чудную панораму Тифлиса. Солнце садилось и кресты церквей горѣли необыкновенно ярко, а Коджорскія горы все рѣзче и рѣзче вырѣзались своими силуетами, пряча за нихъ солнце. Горы Арагвы, фіолетовыя, окутанныя въ дымку, оттѣнили конусъ Казбека, ледники котораго горѣли пурпуровымъ блескомъ, а подо мною былъ весь этотъ громадный городъ. И вотъ солнце закатилось, зори задрожали и потухли, только Казбекъ горѣлъ красной лампадой, а внизу Тифлисъ, подернутый мглой, загорѣлся тысячью огней. Огни

ползли мнѣ подъ ноги по скату горы, огни сіяли у Куры, по мостамъ, огни горѣли по всѣмъ склонамъ горъ, окружающихъ Тифлисъ. Снизу неслась однообразная визжащая музыка, доносился звукъ хлопанья въ ладоши. Вдали гдѣ-то пѣлъ персъ. Удивительныя трели и рулады выдѣлывалъ онъ и его голосъ такъ отчетливо и далеко разносился по всему чудному саду, пропитанному ароматомъ цвѣтовъ. Пахло магноліями, цвѣтущими липами, лавромъ и другими цвѣтами и этотъ запахъ дополнялъ очарованье подходящей южной ночи. Мнѣ стало невыносимо грустно и тоскливо, захотѣлось туда за Арагву, за Казбекъ, за безконечныя степи,—домой, въ далекое мое родное гнѣздышко.

Кто-то коснулся моего плеча. Я оглянулся. Подлѣ меня стоялъ молодой, черноглазый продавецъ фруктъ. Его черные усы нависли надъ губами, а глаза, окруженные синеватыми кругами хитро и весело глядѣли на меня. На немъ была шелковая рубашка, подпоясанная серебрянымъ поясомъ и съ шеи висѣла серебряная цѣпочка съ часами. На плечѣ былъ накинутъ темный халатъ.

— Баринъ, сказалъ онъ, хочешь фруктъ, и онъ пододвинулъ корзину съ виноградомъ, апельсинами и всякими сладостями ко мнѣ.

— Нѣтъ, не хочу, отвѣтилъ я, любуясь удалымъ и веселымъ лицомъ этого кинто, какъ ихъ здѣсь называютъ.

— Скучно такъ одному сидѣть, заговорилъ снова кинто, подсаживаясь ко мнѣ. Не помѣшаю?

— Нѣтъ, нисколько, отвѣтилъ я.

Кинто быстро заговорилъ съ характернымъ восточнымъ выговоромъ по-русски, онъ пересыпалъ рѣчь прибаутками, дѣлалъ какія-то гримасы, острилъ и насмѣшничалъ, причемъ скалилъ свои бѣлые зубы. Это удивительный типъ въ Тифлисѣ. Кинто—лѣнтяй, онъ толкается повсюду, гдѣ есть народъ, разсказываетъ сплетни, анекдоты, его слушаютъ, надъ нимъ смѣются. Его анекдоты циничны, но разсказываетъ онъ ихъ заразительно весело, заражая васъ своимъ весельемъ. Онъ замѣчательно наблюдателенъ и остроуменъ, онъ привязывается ко всякому, кого встрѣтитъ. Если его грубо оттолкнуть, онъ разсмѣется и засыплетъ насмѣшками, отъ которыхъ не поздоровится. Въ немъ избытокъ свѣта, тепла, здоровья, веселья и онъ спѣшитъ подѣлиться ими съ другими. Онъ и поетъ и пляшетъ, онъ не гнушается и украсть, что плохо лежитъ, онъ отличный комиссіонеръ по всякимъ частямъ. Это тифлисскій Фигаро, который не брезгуетъ никакимъ ремесломъ, и сегодня онъ разноситъ сласти, а завтра брѣетъ и стрижетъ кого-нибудь, а тамъ черезъ день опять является ловкимъ, продувнымъ торгашомъ. По части женскаго вопроса это знатоки. Въ обращеніи онъ навязчивъ и даже наглъ, но его веселье и зубоскаленье прощаютъ ему многое.

Кончилось тѣмъ, что онъ совсѣмъ развеселилъ меня своими разсказами и шутками, я накупилъ у него въ благодарность всякой дряни. Кинто вывелъ меня изъ сада по такой головоломной тропкѣ, что я нѣсколько разъ чуть не слетѣлъ внизъ, но мой спутникъ всякій разъ предупреждалъ паденіе, быст-

ро подскакивая и ловя меня. Мы спускались прямо изъ крѣпости въ городъ.

— Куда-же ты теперь пойдешь, спросилъ я, разставаясь съ моимъ спутникомъ.

— Туда, наверхъ. Тамъ вечеромъ много дамъ бываетъ. Дамы любятъ апельсины покупать у веселаго кинто.

Онъ быстро сталъ взбираться на крутикъ, прыгая, какъ серна, по камнямъ, а я долго смотрѣлъ наверхъ въ потемнѣвшую зелень сада, гдѣ исчезъ грузинскій Фигаро, и на силуеты старыхъ башенъ и стѣнъ, освѣщенныхъ выплывшей луной и представлявшихъ теперь на гребнѣ горы какую-то феерическую декорацію. А изъ сада слабо доносились рулады и безконечныя трели персидскаго пѣвца и визгливые звуки оркестра. Тамъ все еще плясали лезгинку.

11.

Тифлисъ.

(Продолженіе).

Сіонскій и Ванкскій соборы. Древнія церкви Тифлиса. Коджоры. Кабенскій монастырь и Манглисъ. Фрески въ Бетаніи. Поѣздка въ Ахтальскій монастырь.

Представьте, что въ глазахъ мѣшаются
ослы,
Ковры, солдаты, буйволы, грузины,
Муши, балконы, осетины,
Татары, наконецъ я слышу крикъ муллы.
И, наконецъ, подъ минаретомъ
Свожу знакомство съ новымъ свѣтомъ...

* *
*

Повсюду я спѣшу ловить
Рой самыхъ свѣжихъ впечатлѣній;
Но признаюсь вамъ, надо жить
Въ Тифлисѣ, наблюдать, любить—
И ненавидѣть, чтобъ судить,
Или дождаться вдохновеній.

Полонскій.

Сколько вѣковъ прожилъ Тифлисъ, сколько разъ онъ разрушался, сколько разъ жители собирали разметанные камни и снова складывали ихъ въ дома, храмы и дворцы! И каждое новое разрушеніе города влекло новыя постройки, современныя строившему ихъ народу. Матеріалъ былъ все тотъ-же. Тѣже камни временъ Вахтанга и царицы Тамары

служили матеріаломъ для современныхъ построекъ. Такъ и теперь въ стѣнѣ какого-нибудь дома можно найти камни съ надписями, гласящими о ихъ почтенномъ возрастѣ. Древностей въ Тифлисѣ ничего не уцѣлѣло и только сравнительная древность съ современнымъ Тифлисомъ—можетъ считаться достопримѣчательностью. Еще недавно стояли на берегу Куры чудные персидскіе дворцы, но отъ нихъ осталось только воспоминаніе.

Чтобы осмотрѣть всѣ достопримѣчательности грузинской столицы, мы взяли по часамъ коляску и первымъ дѣломъ покатили къ Сіонскому собору, стоящему въ лабиринтѣ улицъ Авлабара, стиснутому со всѣхъ сторонъ домами. Соборная колокольня, бѣлая, выстроенная княземъ Циціановымъ на деньги, выданныя нижнимъ чинамъ за штурмъ Ганжи и пожертвованныя ими на соборъ, стоитъ на другой сторонѣ улицы среди домовъ, которые сжали ее. Самъ соборъ—типичный грузинскій храмъ, съ узкими щельными окнами, очень напомнилъ мнѣ и соборъ Мцхета и соборъ Ананура.

Всѣ прохожіе останавливались, чтобы поцѣловать стѣну около входа въ соборъ. И персы, окрашенные хной, и черноглазые армяне не проходили мимо, не почтивъ соборъ цѣлованіемъ стѣны.

Внутри соборъ напомнилъ мнѣ Успенскій храмъ Москвы, храмы Кимвры, Костромы и другіе. Такія-же фрески, рисованныя по золоту, сплошь покрыли стѣны, потолокъ и столбы собора. Громадныя фигуры святыхъ, лики угодниковъ и ангеловъ глядѣли на меня отовсюду. Эти фрески были исполнены Га-

гаришымъ при реставраціи собора, который рушился вмѣстѣ съ Тифлисомъ постоянно. Съ этого собора хозарскій ханъ приказалъ снять куполъ, вмѣсто него велѣлъ устроить для себя сидѣнье, къ которому въѣхалъ по особенно устроеннымъ мосткамъ, и оттуда сверху любовался, какъ казнили на мосту горожанъ.

Иконостасъ собора полонъ рѣдкихъ образовъ, между которыми хранится величайшая святыня Грузіи виноградный крестъ св. Нины, перевязанный ея волосами. Этотъ крестъ, увезенный изъ Мцхета послѣ долголѣтнихъ скитаній по городамъ, возвратился въ Грузію. Тутъ-же чтимая икона Сіонской Божьей Матери въ коронѣ, осыпанной драгоцѣнными камнями.

— Здѣсь похороненъ Вахтангъ-Гургасланъ, указывалъ грузинскій дьячекъ, сообщая намъ свѣдѣнія гнусавымъ голосомъ, онъ основатель храма сего.

— Здѣсь почіютъ тѣла царей Гурама-Куропалата и Адарнаса, закончившихъ построеніе сего собора.

— Здѣсь покоится князь Цыціановъ.

Мы остановились передъ скромнымъ памятникомъ этого кавказскаго героя, умѣвшаго ладить съ азіатами, взявшаго неприступную Ганжу, присоединившаго Имеретію, Мингрелію, а также и восточныя ханства.. «Слава кн. Цыціанова переживетъ прахъ его» гласятъ послѣднія слова надписи на памятникѣ, разсказывающемъ о печальномъ убійствѣ Цыціанова бакинскимъ ханомъ, притворившимся покорнымъ и выѣхавшимъ якобы вручить

Цыціанову городскіе ключи, а въ сущности измѣнчески застрѣлившимъ его и его подполковника. Здѣсь подъ соборомъ мирно покоится прахъ этого изъ ряда вонъ выходящаго человѣка, который съумѣлъ покорить Кавказъ и своимъ тактомъ, и своимъ умѣньемъ, и неутомимой энергіей.

Изъ Сіонскаго собора мы отправились по улицамъ и проулкамъ къ армянскому собору Ванка, лежащему на самомъ берегу Куры на большой мощеной площади, окруженной деревьями и каменной стѣной. Колокольня собора отбѣжала отъ храма къ воротамъ въ стѣнѣ и поднялась граціознымъ строеніемъ съ сквозной часовенкой на вершинѣ.

Покрытая прелестными голубыми изразцами, она кокетливо вынырнула изъ массы домовъ. Самъ соборъ стоитъ въ серединѣ большого двора и производитъ пріятное и характерное впечатлѣніе и своей постройкой съ тремя каменными барабанами башенъ подъ узкими зелеными конусами куполовъ, и чернѣющими щелями оконъ, и пестро расписанными арками надъ входными дверями, и старыми массивными позеленѣвшими отъ времени плитами, врѣзанными въ стѣны, и аляповатыми барельефами, на которыхъ лежитъ печать старины. Внутри храмъ имѣетъ три алтаря, его красивыя голубыя стѣны глядятъ на черную занавѣску, которой задернутъ средній алтарь. Мѣста для женщинъ на хорахъ, по обычаю востока, отдѣлены отъ храма частою рѣшеткой*). Тутъ-же на дворѣ собора двухъэтажный домъ армянскаго архіепископа.

---

*) Тутъ-же въ соборѣ схороненъ генералъ Теръ-Гукасовъ, одинъ изъ героевъ послѣдней войны на Кавказѣ.

Видъ со стѣнъ на Куру и на Закурье очень живописенъ и мы съ удовольствіемъ побродили въ тѣни акацій и вязовъ и полюбовались на панораму города и на безчисленныя галерейки армянскихъ домиковъ, окружающихъ стѣны двора. Армяне представляютъ характерную народность въ Тифлисѣ, они забрали почти всю торговлю въ свои руки. Грузины-рыцари, а потому въ безчисленныхъ войнахъ ихъ убивали, давили, казнили, рубили, уничтожали всѣми мѣрами. Каждый разъ послѣ погрома Тифлиса—хозарами, турками, персами, арабами, лезгинами и другими, грузинское населеніе вырѣзывалось и уводилось въ рабство. Когда читаешь этотъ ужасный мартирологъ казнимыхъ плѣнныхъ грузинъ, волосы поднимаются дыбомъ. То персы угнали 500 тычячъ человѣкъ при шахѣ Абасѣ, то столько-же при Надирѣ, то 100 тысячъ грузинъ было вырѣзано хозарами при Эддинѣ, то сотни тысячъ были казнены и увезены въ плѣнъ монголами. Армяне, какъ торговое сословіе, не гибли ни въ междуусобіяхъ, ни въ войнахъ. Ихъ щадили побѣдители также, какъ армянскихъ женщинъ, такъ какъ красавицами-грузинками и мальчиками грузинами наполняли гаремы, и персы и турки тысячами уводили ихъ на невольничьи рынки. Армяне послѣ погромовъ снова возвращались въ Тифлисъ, гдѣ жили и живутъ по грузински, говорятъ больше по-грузински и гдѣ приняли массы обычаевъ грузинъ. Стремленіе къ наживѣ армянъ, ихъ торговая предпріимчивость, не дали возможности евреямъ конкурировать съ ними. Здоровые, краси-

вые, мирные армяне, одинъ изъ старѣйшихъ народовъ земли, сохранилъ не смотря на всѣ случайности въ теченіи тысячелѣтій свои обычаи и съумѣлъ уже выдвинуть изъ своей среды выдающихся людей. Могила Теръ-Гукасова, одного изъ лучшихъ воиновъ кавказской войны, схороненнаго здѣсь подъ плитами Ванкскаго собора, служитъ тому доказательствомъ. Замѣчательно оригиналенъ видъ на дома, прямо поднявшіеся изъ Куры и на массу водяныхъ пловучихъ мельницъ, которыя съ удивительною быстротой шлепали своими колесами по бурлящимъ желтымъ волнамъ.

— Пойдемъ, за нами еще три церкви, сказалъ Тумановъ, ты готовъ цѣлый часъ простоять на одномъ мѣстѣ.

Какъ же мнѣ было не стоять, когда намъ на встрѣчу шли двѣ армянки. Одна пожилая съ нѣсколько суровымъ и хищнымъ выраженіемъ лица, другая молоденькая и прелестная, съ маленькой характерной армянской шапочкой на головѣ, съ ниспадавшими на плечи черными локонами. Ея огненные черные глазки быстро скользнули по насъ и, увидѣвъ мой взглядъ, долго остановились на мнѣ, а на смугломъ лицѣ армяночки заиграла улыбка и самодовольства и торжества, и веселья, и алый румянецъ залилъ ей щеки... Тумановъ, какъ Мефистофель, взялъ меня за руку и увелъ изъ-подъ тѣнистыхъ деревьевъ Ванкскаго собора.

Я ничего не сказалъ и далъ себя увести, но далъ себѣ слово, что приду сюда одинъ и буду

долго, долго любоваться Курой, мельницами и... армянскимъ соборомъ.

Извощикъ подвезъ насъ къ третьей любопытной здѣсь Анчисхатской церкви, совсѣмъ запрятанной въ хаосѣ домиковъ и проулковъ, откуда торчалъ ея зеленый волнистый конусъ. И она терпѣла участь города и много разъ падала жалкой грудой камней въ эти узкія улицы, откуда собирали обломки и снова складывали новую церковь. Измѣнивъ нѣсколько разъ свой внѣшній видъ, впервые выстроенная при царѣ Адарнасѣ еще въ VII вѣкѣ, она теперь подошла подъ общій грузинскій типъ. Тѣ же щели оконъ, тотъ же каменный ящикъ въ барельефахъ по наружнымъ стѣнамъ, тотъ же многогранный барабанъ на крышѣ подъ острымъ конусомъ изъ зеленыхъ черепицъ. Здѣсь жили католикосы, пріѣзжая изъ Мцхета и церковь эта служила имъ подворьемъ. Внутри церковь очень напоминаетъ всѣ остальные грузинскіе храмы и не заслуживала бы посѣщенія туриста, еслибы въ ней не было иконы Анчисхатскаго Спасителя. Католикосъ Дементій принесъ ее изъ деревни Анчи, занятой турками. Икона попала изъ Эдесса въ Константинополь, а затѣмъ въ Грузію, и по повелѣнію царицы Тамары, была роскошно отдѣлана серебромъ и украшена драгоцѣнными камнями. Кіотъ этой иконы сплошь покрытъ изображеніями праздниковъ. Обѣ половины серебряныхъ дверецъ открываются и съ внутренней стороны покрыты такими же серебряными кованными барельефами. Каждый праздникъ окаймленъ характернымъ орнаментомъ, отъ котораго вѣетъ глубокой, грузинской стариной.

Отсюда мы направились въ Метехскій замокъ, сидящій на грозной скалѣ надъ Курой сейчасъ же за Аліевой мечетью и за мостомъ. Метехская скала вступила своей каменной пятой въ воды Куры и до того сдавила и съузила ея ложе, что чуть не сразу послѣ полутораста саженной ширины, получилось отверстіе въ 15 саженъ и рѣка, образуя мутные гребни и водовороты, стремительно мчится мимо каменныхъ стѣнъ скалы, высоко поднявшейся изъ волнъ. На вершинѣ уцѣлили стѣны, остатки прежняго Метехскаго замка, которыя окружаютъ тюрьму и церковь. Храмъ Метехскій отличается отъ другихъ грузинскихъ храмовъ бѣлымъ куполомъ. Здѣсь мало интереснаго, кромѣ могилы св. Шушаники, замученной въ 458 году ея мужемъ, который измѣнилъ христіанству, а внизу подъ скалой стоитъ маленькая часовенка, воздвигнутая въ память персіанина Або, котораго сожгли огнепоклонники, за то, что онъ принялъ христіанство, за что грузинская церковь признала его святымъ.

— Ну теперъ все видѣли, сказалъ Тумановъ, куда хочешь ѣхать?

— Какъ все? Еще есть одна церковь, протестовалъ я.

— Какая?

— Калаубанская, отвѣтилъ я, она у меня помѣчена.

Ни Тумановъ, ни извощикъ такой церкви не знали и, хоть оба были тифлисцы, отреклись отъ нея. Какъ я ихъ ни корилъ, какъ ни стыдилъ, они не могли вспомнить такой церкви.

— Да можетъ быть, ты перепуталъ, сказалъ Тумановъ, можетъ быть такая церковь и есть, только не въ Тифлисѣ.

— Какъ не въ Тифлисѣ, именно въ Тифлисѣ, утверждалъ я, тамъ что-то трагическое произошло. Я навѣрное помню. Это одинъ изъ немногочисленныхъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ старины.

— Можетъ быть это церковь св. Георгія, замѣтилъ извощикъ.

— Да, да, именно, припомнилъ я, св. Георгія.

— Но которая, раздумывалъ извощикъ, Камоевская что-ли, что на Дворцовой улицѣ? Либо св. Георгія у Анчисхатской?

— Есть еще св. Георгія Аршакунинская на Грибоѣдовской улицѣ, сказалъ Тумановъ, но та армянская.

— Не знаю какая, настаивалъ я, моя очень древняя.

— А то, размышлялъ извощикъ, церковь св. Георгія Карапетъ, или св. Георгія Аставацъ-Атуринъ, эти тутъ близко.

Я терялся отъ количества церквей св. Георгія, а Тумановъ съ извощикомъ ежесекундно вспоминали еще новую.

— А то св. Георгія Эчміадзинскаго, воскликнулъ Тумановъ.

— Какая, изумился извощикъ?

— А въ Луарсабовомъ переулкѣ.

— А да, ну та... та тоже св. Георгія. А не та-ли, что на Красной горкѣ, у желѣзной дороги, строющаяся.

— Да нѣтъ, воскликнулъ я въ отчайніи, не можетъ быть строющаяся, моя одна изъ самыхъ старыхъ церквей. Такъ обидно ее не увидѣть!

— Можетъ быть Дидъ-Убе, за Муштаидомъ, робко прибавилъ извощикъ, чувствуя что и на этотъ разъ не попадетъ.

— Что тебѣ приспичило видѣть эту церковь, уговаривалъ меня Тумановъ, вѣдь это просто капризъ. Церковь, какъ церковь. И навѣрное въ ней ничего интереснаго нѣтъ, такъ какъ никто ее не знаетъ.

— Нѣтъ это вы, безстыдники, не знаете своей родной старины, сердился я, а я знаю ее. Когда Тимуръ взялъ Тифлисъ, а это было въ четырнадцатомъ вѣкѣ, онъ велѣлъ собрать всѣхъ дѣтей въ городѣ въ гумно, а всадники монгольскіе тамъ ихъ всѣхъ растоптали конями. Тогда погибло нѣсколько тысячъ ребятъ и на томъ мѣстѣ выстроили церковь, которая будто-бы уцѣлѣла до настоящихъ дней.

— Поѣдемъ, сказалъ Тумановъ извощику, ничего съ нимъ не подѣлаешь, будемъ искать церковь.

Мы спрашивали у полицейскихъ, у церковныхъ сторожей, но никто такой церкви не зналъ и торжество Туманова и извощика было полное.

— Ты, навѣрное, перепуталъ, говорилъ Тумановъ смѣясь, зубритъ, зубритъ всякія карты, планы, исторіи, не мудрено и сбиться.

Пришлось покориться.

Спустя дня два мнѣ пришлось изъ музея, куда я ходилъ, идти по Бароновской улицѣ. Смотрю стоитъ церковка съ щельными окнами и съ зеленымъ

куполомъ, совсѣмъ сколокъ Сіонскаго собора. Во мнѣ появилась какая-то увѣренность, что это она самая и есть, которую ищу.

На порогѣ стоялъ старичекъ грузинъ и чистилъ замокъ у дверей.

— Это церковь св. Георгія? спросилъ я.

Старикъ кивнулъ головой.

— Какая св. Георгія? опять спросилъ я.

— Колубани, отвѣтилъ онъ.

Я такъ обрадовался, что еле удержался, чтобы не броситься старику на шею.

— Колубанская св. Георгія, вотъ радость! Ну веди, веди меня въ нее.

Старичекъ пронзительно посмотрѣлъ на меня, недовѣрчиво покачалъ головой и ввелъ въ прохладную, полутемную и мало-интересную церковь.

Съ какимъ торжествомъ привелъ я сюда Туманова, заставилъ сторожа десять разъ повторить названіе церкви, и, если-бы я замѣтилъ № извощика, я отыскалъ-бы и его и привелъ-бы сюда для довершенія моего торжества.

— Ну, и радуйся, и торжествуй, сказалъ Тумановъ, это твое счастье, а все-таки интереснаго здѣсь ничего нѣтъ и искать ее совсѣмъ не стоило.

* *
*

Ни Крцанисскіе сады, ни Ортачальскіе не заслуживаютъ посѣщенія туриста. Конечно всякій садъ прекрасенъ весной, когда цвѣтетъ миндаль и черешня, но особеннаго они ничего не представляютъ. Окрестности Тифлиса такъ богаты памятни-

ками старины и среди нихъ есть нѣсколько столь драгоцѣнныхъ развалинъ, что тотъ, кто не пожалѣетъ нѣсколько сутокъ, будетъ вознагражденъ сторицей.

Позже, когда мнѣ случалось часто бывать въ Тифлисѣ, мнѣ удалось посѣтить его окрестности. Правда, въ окрестностяхъ растительность бѣдна, грандіозныхъ и даже разнообразныхъ видовъ нѣтъ, дороги хоть и хороши, но скучны своимъ однообразіемъ.

Взявши мѣсто въ дилижансѣ на Эриванской площади, заплативъ за него рубль, я покатилъ въ числѣ прочей публики въ Коджоры, лежащіе приблизительно въ 18 верстахъ отъ Тифлиса. Жара была удушающая и вскорѣ всѣ пассажиры начали жариться. Лица у всѣхъ раскраснѣлись, всѣ начали томиться жаждой.

Пыль неслась столбомъ и першила въ горлѣ. Я былъ несказанно радъ, когда мы дотащились до бывшаго мѣстопребыванія лѣтомъ грузинскихъ царей. Теперь это мирное дачное мѣстечко съ небольшими домиками, которые отдаются въ наемъ и нѣсколькими гостинницами. Здѣсь, какъ и въ Манглисѣ, какъ и въ Лисяхъ и въ Бѣломъ Ключѣ, спасаются горожане отъ сильныхъ жаровъ, такъ какъ здѣсь горный климатъ и постоянно вѣетъ вѣтерокъ. Здѣсь они дважды въ недѣлю пляшутъ и совершаютъ прогулки къ старинной церкви Удзо, стоящей на вершинѣ остроконечной горы и открывающей чудные виды въ сосѣднія деревни, и къ развалинамъ стараго замка «Керъ-Оглу», живописно и романично лежащаго среди лѣса и владычествующаго

своей башней надъ Коджорами. Развалины очень причудливы, затянулись плющами и вѣютъ стариной. Здѣсь на обломкахъ прошлаго величія всегда можно встрѣтить мечтательныхъ дамъ, сидящихъ подъ впечатлѣніемъ легенды, которая гласитъ: Керъ-Оглу былъ сыномъ табунщика одного изъ закавказскихъ хановъ. Табунщикъ привелъ, по приказанію хана, молодаго жеребца, который показался хану такимъ отвратительнымъ, что онъ велѣлъ выколоть глаза табунщику. Сынъ слѣпого, что значитъ Керъ-Оглу, воспиталъ жеребца и черезъ два года превратилъ его въ чуднаго коня, который понравился хану и ханъ захотѣлъ его отнять. Но Керъ-Оглу, избивши ханскихъ пословъ, уѣхалъ на своемъ скакунѣ въ горы, гдѣ сдѣлался атаманомъ разбойниковъ. Онъ былъ грозой купеческихъ каравановъ, деревень и монастырей и въ концѣ концовъ похитилъ ханскую дочь, которую поселилъ въ замкѣ, тетеперь лежащемъ въ развалинахъ. Здѣсь среди этихъ камней прошелъ романъ молодой ханши и Керъ-Оглу, здѣсь не могли одолѣть ихъ никакія силы, здѣсь онъ, знаменитый пѣснопѣвецъ и балалаечникъ, пѣлъ свои пѣсни возлюбленной, здѣсь онъ погибъ въ огнѣ съ своей ханшей, когда былъ окруженъ врагами. И теперь въ этихъ стѣнахъ еще звучатъ пѣсни Керъ-Оглу.

«Я Керъ-Оглу! Славятся имя и подвиги мои!
Не дамъ птицѣ пролетѣть чрезъ поле битвы;
Пѣной добраго коня да человѣческою кровью
Сапоги должны наполниться, а платье промочиться».

Но что особенно интересно и что привлекло меня въ Коджоры—это развалины стараго Кабен-

скаго монастыря, лежащія въ 7 верстахъ. Къ развалинамъ легко проникнуть и пѣшкомъ, но я предпочелъ взять верховую лошадь. Развалины монастыря трогательно-прекрасны. Онѣ показались издали въ Ассуретской долинѣ съ громадной удивительно живописной, поросшей травой каменной аркой, сквозь которую, какъ въ рамкѣ, нарисовался монастырь. Женскій монастырь, созданный еще Тамарой въ XII вѣкѣ, отчасти хорошо сохранился, отчасти упалъ развалинами. Куполъ провалился, за то фасадъ замѣчательно дожилъ до нашихъ дней. Это красивая бѣлая стѣна, сложенная изъ большихъ камней съ двумя красивыми нишами. Громадный барельефный крестъ находится въ серединѣ стѣны на самой ея вершинѣ. Отъ низа креста, верхушка котораго обломана, спускается барельефная полоска, окружающая щелевидное окно и доходитъ до земли, такъ что этой полоской вся стѣна раздѣлена пополамъ и, кажется, будто передъ вами громадный складень. Двѣ прелестныя трехъугольныя ниши, оригинально вдавленныя въ стѣну, съ курьезными различной величины и не симметрично расположенными оконцами, щели которыхъ рѣзко выдѣлились на общемъ бѣломъ фонѣ, колонетки, каменныя кружева, розетки, курьезныя и разнообразныя каменныя плетенія,—все это такъ поэтично, такъ характерно и изобличаетъ такой вкусъ въ строителѣ, что поневолѣ останавливаешься пораженный, когда передъ тобой на фонѣ пустынной горы за громадной, висящей словно въ воздухѣ, аркой выступаетъ эта молчаливая, но сіяющая раз-

валина. Это одинъ изъ блестящихъ образчиковъ грузинской архитектуры золотого вѣка Грузіи временъ царицы Тамары.

Возвратившись въ Коджоры, я пообѣдалъ въ гостинницѣ «Керъ-Оглы» и усѣлся на балконѣ за чашкою кофе въ ожиданіи моего проводника съ лошадьми. Каково было мое удивленіе, когда передо мною предстали Николадзе и дама съ ямочками на щекахъ. Проводивъ даму въ гостинницу, Николадзе подошелъ ко мнѣ.

— Удивлены? сказалъ онъ, представьте себѣ, вѣдь эта дама Анна Павловна.

— Какъ вы ее нашли? спросилъ я.

— Я ее и не искалъ, разсмѣялся Николадзе, она сама пріѣхала.

— Гдѣ-же она была?

— Она ѣздила домой на нѣсколько дней, соскучилась о семействѣ, а мнѣ не сказала, потому что боялась, что я полечу за ней. Но она сама соскучилась обо мнѣ и мы снова счастливы. Я очень радъ, что встрѣтилъ васъ. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, улыбаясь во весь ротъ и показывая свои прекрасные, бѣлые зубы.

Мой проводникъ появился на дворѣ.

— А вы путешествуете, какъ туристъ, съ книжкой и карандашомъ. Теперь куда ѣдете изъ Коджоръ?

— Въ Бетанію.

— Не знаю, ни разу тамъ не бывалъ. А въ Манглисъ поѣдете? Это туда за Коджоры верстъ 20 будетъ. Тоже дачное мѣсто. Тамъ много народу

живетъ. Сосновая роща, славный паркъ. Музыка и есть развалины—это по вашей части.

Этотъ разъ я не ѣхалъ въ Манглисъ. Въ Манглисѣ я былъ гораздо позже и ѣздилъ туда въ дилижансѣ, который выѣхалъ съ Эриванской площади въ 7 часовъ утра и привезъ насъ всѣхъ пропыленныхъ, зажаренныхъ и измученныхъ въ Манглисъ въ 3 часа пополудни.

Манглисъ недурное дачное мѣстечко съ сосновой рощей, которая служитъ главной приманкой для тифлисцевъ. Тутъ растетъ и береза и рябина, что очень напоминаетъ нашъ отдаленный сѣверъ. Небольшой, недурной паркъ Манглиса окруженъ дачками. Любопытныя развалины стараго храма въ деревнѣ «Старый Манглисъ», находящейся въ двухъ верстахъ отъ новаго, дачнаго. Развалины поднялись, окруженныя стѣнами съ четырьмя башнями. Старый храмъ, говорятъ, былъ построенъ при царѣ Миріанѣ въ 4 вѣкѣ, духовными лицами, посланными въ Грузію Константиномъ Великимъ. Соборъ, многократно раззоряемый и разрушаемый, былъ окруженъ въ 17 вѣкѣ каменной стѣной, придавшей ему видъ крѣпости. Преданіе говоритъ, что Манглисскій храмъ, съ тѣхъ поръ какъ была здѣсь учреждена епархія, никогда не разрушался, благодаря тому, что на куполѣ былъ изображенъ Магометъ на Львѣ и всѣ магометане воздерживались отъ погрома храма. Теперь это мрачный храмъ съ толстыми стѣнами и съ нѣсколькими любопытными фресками.

Туристу не стоитъ терять время на посѣщеніе ни Манглиса, ни урочища «Бѣлый Ключъ», нахо-

дящагося въ 53 верстахъ отъ Тифлиса съ красивыми заросшими плющами развалинами Зеленаго монастыря. Жара, духота и дальнее разстояніе не вознаграждаются тѣмъ, что представляютъ изъ себя Манглисскій храмъ и Зеленый монастырь, особенно благодаря обилію развалинъ на Кавказѣ.

Распростившись съ Николадзе, мы сѣли на лошадей и поѣхали сначала по шоссе къ Тифлису до Бѣлаго духана. Это первая стоянка и мѣстечко по дорогѣ въ Коджоры и Манглисъ, состоящее изъ нѣсколькихъ духановъ, гдѣ васъ покормятъ шашлыкомъ и соленымъ осетинскимъ сыромъ. Отсюда мы свернули въ сторону и, проѣхавъ не болѣе двухъ верстъ, достигли монастыря, лежащаго на берегу рѣки Веры среди красивой лѣсистой мѣстности. Здѣсь на монастырскихъ стѣнахъ красуются пять фресокъ—портретовъ, открытыхъ княземъ Гагаринымъ. Одинъ изъ портретовъ изображаетъ царицу Тамару, совсѣмъ такую-же, какъ въ Гелатскомъ монастырѣ и какъ въ Кавказскомъ музеѣ, въ такомъ же одѣяніи, въ такой же позѣ. Эта Семирамида Кавказа, создательница всего великаго, эта «царь-женщина», какъ ее величали солдаты, воспѣтая поэтомъ Руставелли, вознесенная за добродѣтель духовенствомъ, эта главная героиня Кавказа глядитъ со стѣны своими линяющими и тускнѣющими красками. Обидно смотрѣть, что эти драгоцѣнныя фрески самой Тамары, ея отца Георгія, ея сына Георгія Лаша или Прекраснаго и святыхъ Димитрія и Георгія, такъ пострадали отъ непогодъ и времени и продолжають портиться. Отъ этихъ фресокъ вѣетъ стари-

ной, передъ ними останавливаешься, какъ передъ знакомыми могилами и тихое раздумье одолѣваетъ тебя всего. Безъ сомнѣнія портреты рисованы современниками изображенныхъ лицъ и полны историческаго интереса.

Изъ Бетаніи до Тифлиса всего 8 верстъ и къ вечеру я вернулся въ свою милую гостинницу Россію, которую оцѣнилъ только впослѣдствіи. Она во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ всѣ остальныя, которыя и дороже и во многомъ хуже ея, хотя и шикарнѣе.

* *
*

Есть въ окрестностяхъ Тифлиса, правда, далекихъ, любопытный уголокъ—Ахтальскій монастырь, куда рѣдко пробираются туристы, такъ какъ разстояніе очень значительно около 90 верстъ и поѣздка не дешева, но настолько интересна, что вполнѣ вознаграждаетъ поѣхавшаго. Я и не думалъ о ней и не предполагалъ никуда ѣхать, а сидѣлъ очень огорченный въ номерѣ гостинницы «Россія» и не зналъ, что мнѣ предпринять. Дѣло было лѣтомъ, я попалъ въ Тифлисъ проѣздомъ и ожидалъ изъ Петербурга письмо. Письмо лежало на почтѣ, но требовалось нѣсколько формальностей, чтобы получить его, какъ на грѣхъ подошло воскресенье, а въ понедѣльникъ случился праздникъ и я обреченъ былъ два дня сидѣть въ грузинской столицѣ. Какъ на горе Тумановъ куда-то уѣхалъ на нѣсколько дней и я очутился, какъ ракъ на мели. Я сходилъ въ баню, толкался по базару и въ темныхъ рядахъ, слазилъ

въ ботаническій садъ, гдѣ думалъ встрѣтить хоть кинто, но неудачи преслѣдовали меня. Въ ботаническомъ саду была аравійская пустыня, на базарѣ мнѣ скоро наскучило и даже бани не помогли.

Съ горя я пришелъ въ свой номеръ, велѣлъ подать себѣ чай и усѣлся писать письма.

Ничего не можетъ быть глупѣе и тоскливѣе, какъ сидѣть въ чужомъ городѣ, въ гостинницѣ нѣсколько дней задаромъ и не знать, что дѣлать. Я страшно досадовалъ, что не могъ получить письма сегодня въ субботу и ворчалъ и даже ругался, высказывая лакею-грузину свою досаду на мой плѣнъ. Лакей предложилъ мнѣ познакомиться съ какой-то дамой армянкой, но я въ отвѣтъ на это послалъ его къ черту.

Вскорѣ мнѣ и письма надоѣли и я отправился въ буфетъ, чтобы не сидѣть одному. За однимъ изъ столиковъ сидѣло трое черномазыхъ и усатыхъ молодыхъ людей съ рѣзкими кавказскими лицами. Одного я тотчасъ-же узналъ. Это былъ Николадзе.

Онъ тоже увидалъ меня и быстро подошелъ ко мнѣ.

— Это вы, заговорилъ онъ, опять здѣсь въ Тифлисѣ.

Я былъ такъ радъ, что хоть кому нибудь могу излить свою досаду и посѣтовать на судьбу.

— Нѣтъ, это просто счастливый случай, воскликнулъ Николадзе. Мы съ вами старые знакомые и вы теперь не смѣете намъ отказать. Дѣло въ двухъ словахъ вотъ въ чемъ. Мой пріятель Каранбековъ, вотъ тотъ, который сейчасъ пьетъ вино, долженъ

ѣхать на Алавердскій мѣдный заводъ. У него тамъ есть дѣло къ управляющему. Я и еще двое пріятелей хотѣли ѣхать тоже. Устроится маленькій пикникъ въ развалины съ заводскими дамами. У насъ и фаэтонъ нанятъ. Но одинъ изъ насъ не можетъ ѣхать, заболѣлъ. Хотите съ нами? Я васъ познакомлю. Вы отлично проведете время, а кромѣ того замѣчательныя развалины, а вы всю эту дрянь любите.

— А далеко? спросилъ я.

— До завода что-то верстъ 85, а тамъ пустяки. Тамъ поѣдемъ верхомъ. Намъ и лошади приготовлены. Насъ тамъ ждутъ четырехъ. Мы дали знать туда на дняхъ. Завтра рано утромъ выѣзжаемъ. Въ понедѣльникъ праздникъ—заводъ не работаетъ, потому будетъ пикникъ, а во вторникъ назадъ. Дорого тоже не будетъ стоить.

Я былъ въ восторгѣ и благословлялъ тотъ день, когда судьба такъ случайно привела Николадзе въ мой номеръ. Я даже съ благодарностью вспомнилъ Анну Павловну.

— Да, а гдѣ же Анна Павловна? спросилъ я.

Николадзе засмѣялся и похлопалъ меня по плечу.

— Уѣхала съ мужемъ заграницу до осени, полушепотомъ сказалъ онъ. Пойдемте я васъ познакомлю.

Сама судьба устроила все такъ благополучно для меня. Надо же было заболѣть ихъ товарищу и встрѣтить меня. Весь вечеръ я просидѣлъ въ компаніи этихъ веселыхъ людей и мы до упаду хохотали, разсказывая другъ другу разныя приключенія и запивая ихъ кахетинскимъ. Молодые люди, оче-

видно, были очень рады моему присоединенію къ нимъ и неоднократно выражали свое удовольствіе. Одинъ изъ нихъ былъ Каранбековъ, дѣло котораго на мѣдномъ Алавердскомъ заводѣ оказалось пикникомъ. Онъ покаялся, что заинтересованъ сестрой управляющаго и что далъ ей клятву пріѣхать завтра. Это былъ необыкновенно веселый и симпатичный человѣкъ. Онъ такъ смѣялся всѣмъ своимъ существомъ, что заражалъ всякаго. Другой князь Горишвилли, высокій худощавый брюнетъ, съ пламенными глазами, съ черными усами на матовомъ фонѣ лица, судя по первому знакомству, былъ отчаянный повѣса и вся его жизнь была сплошное приключеніе.

На другой день рано утромъ трое моихъ знакомыхъ заѣхали за мной въ фаэтонѣ. Я уже ждалъ ихъ. Мы шумно привѣтствовали другъ друга и я занялъ свое мѣсто. Конечно мы минутъ десять спорили, гдѣ кому сидѣть, но въ концѣ концовъ помирились на той комбинаціи, что я и князь усядемся теперь на заднія мѣста, а на обратномъ пути уступимъ ихъ Каранбекову и Николадзе. И эта комбинація вышла не по соглашенію, а мы вытягивали узелки и хохотали при этомъ до упаду.

Поѣздка была великолѣпная. Мы всѣ были въ наилучшемъ расположеніи духа, а небо заволоклось облаками и закрыло отъ насъ немилосердно жарившее солнце. Сначала дорога шла по прекрасному шоссе вдоль Куры, верстъ 12, до мѣстечка Саганлучъ, отъ котораго мы поѣхали въ сторону по унылой и выжженной пустынѣ. Желтая, выметенная вѣтрами, спаленная зноемъ, каменистая и тоскливая растянулась она

на громадное разстояніе. Мы немного пріумолкли и обтирали потъ. Жара, несмотря на облака, донимала насъ. Отъ растрескавшейся земли дышало зноемъ и обдавало насъ горячимъ дыханіемъ, словно мы были на плитѣ. Проѣхавши 23 версты мы несказанно обрадовались, увидавъ вдали зелень и домики.

Это былъ татарскій аулъ Сарванъ, настоящій оазисъ, расположенный на берегу рѣчки Алчетъ, потонувшій въ садикахъ. Мы радостно и громко привѣтствовали это мѣстечко. Здѣсь мы отдохнули, закусили и попили мѣстнаго вина.

— Нѣтъ это что, говорилъ Каранбековъ, скоро будутъ виноградники, тамъ такое кахетинское вино, что пальчики оближите.

— А какъ же ты проѣдешь на Алавердскій заводъ, спросилъ его князь. Вотъ здѣсь говорятъ, что въ фаэтонѣ туда не проѣхать, тамъ дорога скверная, можно только верхомъ.

— Да можетъ быть намъ и не придется туда ѣхать, сказалъ Каранбековъ, бывшій съ нашего общаго согласія главой и распорядителемъ нашего путешествія. До Ахталъ дорога есть, можетъ быть въ Ахталахъ заночуемъ. Тамъ живутъ знакомые, знаешь Нину Александровну, обратился онъ къ Николадзе, если съ Алавердовъ пріѣдутъ сюда, то мы дальше и не поѣдемъ.

— А какъ же развалины, взмолился я.

— Такъ на развалины изъ Ахталъ ближе. Ну, не знаю, не отъ меня зависитъ.

Отдохнувши мы поѣхали дальше, переѣхали рѣку Храмъ по мосту и въѣхали въ долину виноград-

никовъ. Всѣ скаты горъ были покрыты цвѣтущей лозой съ ея одуряющимъ и упоительнымъ запахомъ и здѣсь въ одномъ поселкѣ мы напились дѣйствительно чуднаго кахетинскаго, отъ котораго всѣ пришли въ безконечный восторгъ, а Каранбековъ даже закричалъ пѣтухомъ. Затѣмъ мы въѣхали въ долину рѣчки Дебета-чай. Видъ былъ поразительный. Рѣчка прободала базальтовыя скалы и образовала глубокую трещину. Она рокотала гдѣ-то глубоко въ базальтовой пропасти, которую вырыла себѣ и гдѣ схоронилась. Но вотъ скаты покрылись лѣсомъ, появились цвѣтущіе кусты, ломоносъ, весь въ бѣлыхъ крестикахъ цвѣтовъ, обвилъ всѣ деревья. Къ концу мы уже утомились и когда подъ вечеръ пріѣхали въ Ахталу очень живописное мѣстечко въ горахъ, мы безконечно обрадовались узнавъ, что насъ ждутъ не въ Алавердскомъ заводѣ, а здѣсь.

Я попалъ въ веселое общество грузинъ и какъ-то сразу пришелся ко двору. Умывшись и оправившись въ отведенной для насъ четверыхъ комнатѣ, мы явились къ ужину, совсѣмъ не чувствуя свой большой переѣздъ. Эти три дня пролетѣли, какъ кошмаръ, и я очнулся только въ Тифлисѣ въ моемъ номерѣ гостинницы Россіи.

Спали мы въ Ахталахъ великолѣпно. Заботливая хозяйка Нина Александровна все приготовила къ нашему пріѣзду. На слѣдующій день мы компаніей человѣкъ въ 30 отправились на развалины. Многіе ѣхали въ телѣжкахъ, но большинство верхомъ. Шумъ, гамъ, крикъ, веселье, хохотъ царили все

время. Барышни увѣряли, что это паломническій поѣздъ по святымъ мѣстамъ.

Сначала мы пріѣхали въ Ахпатъ. Сюда ѣхали не всѣ. Тѣ, кто постарше, направились прямо къ Ахтальскому монастырю, а мы, молодежъ, человѣкъ 15 поѣхали еще въ другія ближнія развалины.

— Надо же ихъ показать петербуржцу, смѣялись мои спутники, говорятъ, онъ любитъ развалины.

Ахпатскій монастырь лежитъ весь въ развалинахъ и, по преданію, построенъ при распространеніи христіанства за Кавказомъ на мѣстѣ прежняго языческаго храма, на что указываютъ и раскопки старыхъ могилъ со всевозможными старыми украшеніями изъ бронзы, чашами и кинжалами.

Изъ Ахпатскаго монастыря мои спутники отправились по ужасной каменистой тропинкѣ. 4 версты мы ѣхали по камнямъ въ горной суровой мѣстности и, наконецъ, достигли до развалинъ монастыря Санаина, основаннаго въ 934 году. Печально и молчаливо стоятъ его стѣны, исписанныя надписями, одиноко поднялись кресты надъ могилами монастырскаго кладбища. Здѣсь схоронены армянскіе цари, династіи Багратидовъ, здѣсь находятся ихъ полузабытыя могилы среди развалившихся старыхъ стѣнъ. Грустно, тоскливо среди этихъ обломковъ прошлаго величія, среди этой мертвенной тишины, среди этихъ могильныхъ памятниковъ.

Главныя развалины Ахтальскаго монастыря, гдѣ насъ дожидало остальное общество, оказались въ сторонѣ и намъ снова пришлось пробираться по ужаснымъ тропинкамъ, заваленнымъ камнями. Мы

ѣхали часъ слишкомъ, пока достигли величавыхъ руинъ, лежащихъ на скалѣ среди полуразрушенныхъ стѣнъ старой крѣпости. Мы нашли нашу компанію подъ скалой, но прежде чѣмъ присоединиться къ ней, вскарабкались къ монастырю.

Руины Ахтальскаго монастыря произвели на меня сильное впечатлѣніе. Церковь съ давно обвалившимся куполомъ была покрыта въ позднѣйшее время зелеными черепицами. Здѣсь въ одномъ изъ предѣловъ спитъ основатель монастыря Иванъ Атабегъ, а въ храмѣ сохранилось гигантское изображеніе Божьей Матери, которая сидя держитъ на рукахъ младенца Христа. Краски сильно попорчены особенно на груди Божьей Матери.

Что за прелестныя сѣрыя стѣны, по трещинамъ которыхъ повсюду пробивается трава, что за великолѣпныя барельефныя украшенія, розетки, перевязи и своды у полуразрушенныхъ дверей! Что за темныя забытыя залы съ каменными плитами, по которымъ такъ глухо отдаются шаги! Не даромъ архитектура этого монастыря считается одною изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Грузіи. Въ Ахтальскомъ монастырѣ бываетъ большое стеченіе богомольцевъ осенью и тогда вся мѣстность оживаетъ.

Ожила она и съ нашимъ пріѣздомъ. Мы, какъ голодные волки, накинулись на всю эту грузинскую стряпню, положенную на скатерти, разостланной на землѣ въ тѣни скалъ. Тутъ была и соленая осетрина, и неизбѣжные бобы лобія, безъ которыхъ грузины не обходятся, и хлѣбы, и шашлыки, которые мы общими усиліями жарили тутъ же на кострѣ

при оглушительномъ хохотѣ компаніи. Нѣсколько корзинъ винъ опорожнились съ поразительной быстротой.

— Мы въ Кахетіи, говорилъ мнѣ Каранбековъ, здѣсь купаются въ винѣ, такъ что надо пить.

И я покорно пилъ великолѣпное кахетинское.

Потомъ мы устроили импровизированный оркестръ, появились зурна и бубны и многіе стали плясать лезгинку, остальные хлопали въ ладоши, выбивая тактъ. Николадзе колотилъ палками въ пустую бочку, увѣряя всѣхъ, что онъ поступилъ въ барабанщики.

Потомъ всѣ пѣли, кто имѣлъ голосъ и охоту, пѣли также хоромъ, и я подпѣвалъ мнѣ невѣдомыя грузинскія пѣсни, потомъ всѣ бѣгали въ горѣлки, а въ концѣ концовъ Нина Александровна еле могла собрать раздурившуюся и разбѣжавшуюся компанію. Съ большими трудами всѣ собрались вмѣстѣ и двинулись въ обратный путь, но передъ отъѣздомъ достали еще забытую корзину вина, выбрали опять тулумбаша, т. е. распорядителя, снова пили за здоровье каждаго изъ насъ и кричали: «алла верды» и «якши іолъ».

Въ Ахталу мы пріѣхали довольно поздно и сейчасъ-же простились съ милѣйшими хозяевами, такъ какъ на слѣдующее утро чуть не съ зарей двинулись въ обратный путь на Тифлисъ.

Мнѣ было очень жаль разстаться и съ Николадзе, и съ Каранбековымъ и съ княземъ. Это путешествіе, эти три дня и ночи, проведенные такъ неожиданно вмѣстѣ, очень соединили насъ и, когда

я уѣзжалъ изъ Тифлиса, получивъ свое заказное письмо, всѣ трое явились на вокзалъ желѣзной дороги пожелать мнѣ хорошаго пути.

Вся эта поѣздка въ Ахтальскій монастырь была совершенный сонъ, такъ внезапно она для меня устроилась и также быстро пронеслась, окунувъ меня въ грузинскую жизнь.

Въ послѣднюю минуту, когда уже прозвучалъ третій звонокъ, я вспомнилъ, что обязанъ этой прогулкой исключительно Аннѣ Павловнѣ и, высунувшись въ окно, я закричалъ Николадзе.

— Когда Анна Павловна вернется изъ-за границы, поблагодарите ее за прогулку. Если бъ она не уѣхала отъ васъ и вы не искали ее, мы-бъ не познакомились, и я умеръ-бы отъ скуки въ Тифлисѣ.

— Буду кланяться, засмѣялся Николадзе, лихо крутя свой черный усъ, осенью обязательно поклонюсь...

Онъ сказалъ еще что-то, но поѣздъ тронулся и стукъ колесъ заглушилъ его слова...

12.

Въ долинѣ Алазани.

Кахетія, Телавъ. Сигнахъ. Бобдійская обитель. Лагодехи. Горные потоки и рѣки. Закаталы.

Надъ виноградными холмами
Плывутъ златыя облака,
Внизу зелеными волнами
Шумитъ померкшая рѣка.
Взоръ постепенно изъ долины,
Подъемлясь, всходитъ къ высотамъ
И видитъ на краю вершины,
Круглообразный, свѣтлый храмъ.

Рылѣевъ.

Намъ пришлось разстаться съ Тумановымъ. Его дѣла требовали присутствія въ Тифлисѣ, а меня манила виноградная Кахетія, эта страна меда и вина, и, усѣвшись на Авлабарѣ въ дилижансъ, заплативши за мѣсто до Телава что-то около 4-хъ рублей, я покинулъ Тифлисъ.

Первыя 15 верстъ были удручающе скучны. Дорога шла по прокаленнымъ, пустыннымъ степямъ безъ всякихъ признаковъ жизни. Пыль и духота съ каждой минутой дѣлались все невыносимѣе и невыносимѣе и я потерялъ всякую надежду увидѣть цвѣтущія мѣста. Громадные буйволы со свойственнымъ

имъ равнодушіемъ волочили скрипучія арбы, до неимовѣрной высоты нагруженныя сѣномъ или лѣсомъ. Эта визготня колесъ невыносимо разносилась надъ степью. Мы миновали нѣсколько холмовъ у станціи Орхево, лежащей среди выжженной степи, поворотили влѣво, а другая дорога побѣжала прямо по степямъ къ нѣмецкой колоніи Михайловской на берегу Іоры и далѣе на Сигнахъ. Я ѣздилъ и по этой дорогѣ, задыхался отъ пыли и зноя и поражался однообразію мѣстности. Нашъ дилижансъ мчался отъ станціи къ станціи, кондукторъ трубилъ въ свой рогъ, а мы, бѣлые отъ пыли, сидѣли, какъ приговоренные, на своихъ сидѣньяхъ въ какой-то томительной полудремотѣ.

Вотъ показалась и Іора, рѣка Кахетіи, рѣка степей съ безплодной Ширакской равниной на одномъ лѣвомъ берегу и громадной Караязской степью, оставшейся за нами, на другомъ. Лошади бодро вбѣжали въ довольно широкую, но мелководную рѣку и нашъ дилижансъ затрясся по подводнымъ камнямъ, бросая насъ во всѣ стороны, причемъ двѣ дамы, ѣхавшія въ Телавъ, проснулись и стали ахать, вспоминая, какая бурная бываетъ иногда Іора. За рѣкой сейчасъ же начался подъемъ. Мѣстность стала лѣсистѣе и станція Гамборская уже запряталась въ глухой лѣсъ кленовъ, орѣшинъ, ясеней и дикихъ яблонь. Это былъ Гамборскій перевалъ черезъ кряжъ горъ, отдѣляющій, какъ водораздѣлъ, Іору отъ Алазани, и переносящій насъ въ высокую виноградную долину этой одной изъ самыхъ поэтическихъ рѣкъ Кавказа.

— Отъ Гамборъ до Телава 34 версты, говорили дамы, но эта часть дороги хороша.

И дѣйствительно хорошее шоссе все время бѣжало лѣсами, которые покрыли Гамборскія горы. Тамъ и сямъ торчали развалины замковъ и монастырей, которые говорили о прошломъ тяжкомъ времени крѣпостнаго права этихъ странъ. Все выше и выше забирался нашъ дилижансъ по крутымъ зигзагамъ дороги, все болѣе хмурыя и суровыя скалы надвигались со всѣхъ сторонъ. Мелькнули сѣрыя полуизломанныя башни Русьянъ-тцихе и высоко на одинокой вершинѣ полузакрытой облаками показалась крѣпость съ изгрызенными временемъ стѣнами. Прелестныя и дикія мѣста!

Мы переѣхали въ бродъ бѣшенный потокъ Турдо, неодолимый во время дождей, и помчались дальше къ вырисовывающемуся своими очертаніями поэтичному Шуамтинскому монастырю (Шуа-мта—среди горъ). Созданный кахетинской царицей Тинатиной въ 16 вѣкѣ, храня могилу грузинскаго поэта Александра Чавчавадзе, монастырь высоко поднялъ надъ горами свою красивую колокольню, съ которой уже видѣнъ Телавъ, лежащій въ 6 верстахъ отсюда.

Телавъ потонулъ въ садахъ, красиво и эфектно разбросавшись своими домиками по горѣ Циви, на высотѣ 2.420 футъ, и раскинулъ свои безчисленные виноградники по всѣмъ скатамъ и ложбинамъ. Старая крѣпость съ остатками замка Григорія I, основателя города, улеглась полуразрушенными стѣнами на горѣ, какъ орлиное гнѣздо. Телавъ, это центръ винодѣлія и потому весь городокъ окруженъ садами

и виноградниками. Въ бывшемъ дворцѣ, гдѣ скончался грузинскій царь Ираклій XII, мрачная комната котораго сохраняется въ прежнемъ видѣ, помѣщается женское учебное заведеніе. Кромѣ старыхъ орѣшинъ, поражающихъ своей величиной, красиваго бульвара и дивнаго вида на лежащую глубоко внизу долину Алазани, интереснаго въ Телавѣ мало, почему я рѣшилъ, посѣтивши Алавердскій соборъ, лежащій въ 18 верстахъ отъ Телава, ѣхать дальше.

Сама поѣздка въ Алавердскій соборъ, лежащій на берегу Алазани, восхитительна. Дорога идетъ между сплошныхъ фруктовыхъ садовъ и виноградниковъ. Всѣ плетни сплошь затянуты виноградомъ и цвѣтущимъ ломоносомъ, бѣлыя гирлянды котораго перекинулись съ дерева на дерево. Вдали по бокамъ долины высились горы съ обломками башенъ и замковъ. Дивный ароматъ цвѣтовъ продушилъ всю долину, а ропотъ воды въ оросительныхъ каналахъ и звонъ ключей, летящихъ съ горъ, дополнялъ очарованье. Соборъ св. Креста въ Алавердахъ, выстроенный на мѣстѣ побѣды грузинъ надъ персами, очень напоминаетъ Мцхетскій соборъ, но куполъ его прежде каменный, послѣ того какъ онъ разрушился, замѣненъ деревяннымъ. Здѣсь много древнихъ иконъ и могилъ, между которыми обязательно показываютъ могилу кахетинской царицы Кетевани, уведенной Шахомъ Абасомъ въ Персію и тамъ замученной.

Отъ Телава до Сигнаха на разстояніи 62 съ половиной верстъ дорога вьется по долинѣ Алазани между виноградниками и фруктовыми садами. Въ

8 верстахъ отъ Телава проплываетъ имѣніе Цинондалы, бывшее князей Чавчавадзе, знаменитое и своимъ богатствомъ и тѣмъ, что лезгины увели изъ него княгиню Чавчавадзе и Орбеліяни съ ихъ семействами въ плѣнъ, держали 9 мѣсяцевъ плѣнниковъ въ Веденѣ и отпустили за 40 тысячъ рублей и за выкупъ сына Шамиля. Никто не ожидалъ, что лезгины отважутся сдѣлать набѣгъ на мирную Кахетію, окруженную русскими войсками. Лезгины показали свою удаль, сожгли Цинондалы, разграбили княжескія палаты, прикрутили къ сѣдламъ полумертвыхъ отъ страха дамъ и добычу и умчались съ ними въ свои неприступныя Дагестанскія горы, стѣною стоящія по ту сторону Алазани.

Долина Алазани сплошной садъ. Среди виноградниковъ золотятся поля пшеницы и ячменя, отдѣльныя деревья орѣшинъ бросаютъ черныя тѣни и такъ понятно, что эта полная чаша, эта долина хлѣба и вина привлекала всѣхъ въ свои глубины. Гребнемъ поднялись Дагестанскія горы съ сѣвера и замерли въ своей неприступной высотѣ, слившись вершинами съ заоблачнымъ міромъ. Эти туманные обрисы горъ среди голубоватыхъ тумановъ и маревъ, полные таинственности и головокружительной высоты, довершаютъ обаяніе долины, по которой серебряной лентой струится Алазань. Деревеньки съ тростниковыми кровлями, сѣрыя и съ виду неопрятныя, завалены курьезными кувшинами и громадными сосудами для храненія вина, которые вкапываются въ землю. Тутъ же повсюду примитивныя каменныя давильни. Въ годы большихъ урожаевъ у воротъ

ставятся бочки вина и хлѣба для прохожихъ и изъ остатковъ отъ выдѣлки вина приготовляютъ чурчхелу.

Въ Сигнахъ я попалъ къ вечеру. Рѣдко мнѣ случалось видѣть болѣе живописное положеніе города. Городъ, основанный армянами, бѣжавшими отъ преслѣдованія персовъ, усѣлся на пики и вершины высокихъ горъ надъ долиной Алазани и, словно орлиное гнѣздо, сплетенное на неприступныхъ высотахъ, смотритъ внизъ, въ лиловую мглу пропасти, откуда безсильны взять его лезгины и другія дагестанскія племена. Долго пришлось кружить по дорогѣ, описывающей зигзаги и углы, долго пришлось взбираться на эти горы къ вершинѣ, гдѣ расположена новая часть Сигнаха, а оттуда, спустившись въ вымоину, карабкаться уже пѣшкомъ по скалистому крутику, на которомъ расположенъ старый городъ. Издали Сигнахъ съ его колокольнями, крѣпостью и домиками, сидя на крутомъ выступѣ горнаго хребта въ долину Алазани, просто плѣнителенъ. У подошвы этого хребта разостлалась Алазанская болотистая долина, а по другую ея сторону поднялись изъ лиловой мглы снѣжныя цѣпи горъ Дагестана, главнаго Кавказскаго хребта, льды и снѣга котораго туманными контурами высунулись надъ облаками. Трудно описать очаровательные виды, которые я увидѣлъ изъ Сигнаха. Мнѣ казалось, что я стою гдѣ-то въ Швейцаріи или въ Сѣверной Италіи. Остановившись на почтовой станціи, съ балкона которой открывалась прелестная панорама на старый городъ, взгромоздившійся на кручи, я пошелъ потолкаться по улицамъ. Весь Сигнахъ скучился своими домиками съ гале-

реями и балконами вокругъ главной улицы и двухъ площадей, одной торговой, другой болѣе парадной, засаженной акаціями, у собора. Еще дальше карабкалась на холмъ небольшая улица, проложенная по самому гребню горы. Отсюда открывается божественный видъ на сады, полные орѣшинъ и винограда, на безпорядочно скученные или разброшенные домики, затянутые розами и гранатникомъ, на выступы и лощины горъ, сбѣгающіе книзу, на громадныя стѣны полуразрушенной крѣпости, зянявшей сосѣднiй холмъ и, точно чудовищной короной, увѣнчавшія гору. Внизу у серебристой Алазани виднѣлись въ вечернемъ сумракѣ костры. Тысячи ласточекъ съ громкимъ крикомъ носились вокругъ высокой колокольни собора, повсюду по горнымъ тропамъ шагали нагруженные поклажей ослики. Нельзя было уйти и разстаться съ этимъ поразительнымъ видомъ, съ этими мерлушковыми горами, съ этими крѣпостными башнями и зубцами стѣнъ, такъ прелестно улегшимися по крутикамъ.

Когда я вернулся обратно на площадь, меня удивило оживленіе на ней. Сазандары играли на своихъ инструментахъ характерныя восточныя и кавказскія мелодіи. Духаны были переполнены народомъ. Пестрая шумная толпа толкалась на улицѣ. Хохотъ, говоръ, звонъ стакановъ, пѣніе и музыка сазандаровъ, все сливалось вмѣстѣ. Я вернулся на почтовую станцію и усѣлся на балконѣ. Черная ночь окутала городъ и въ этомъ таинственномъ мракѣ летѣли веселые звуки туземной музыки и порой раздавались отдѣльные громкіе голоса, а назойливые

удары восточнаго барабана, одуряюще однообразно доносившіеся до нашего балкона, покрывали всѣ остальные звуки.

Рано утромъ я отправился въ Бобдійскій монастырь, лежащій въ двухъ верстахъ отъ города въ прелестной горной мѣстности. Дорога вилась по горамъ, открывая очаровательные виды и на Сигнахъ и на долину Алазани, лежавшую подо мною въ глубокой пропасти. Дивное утро, полное свѣта и аромата дополняло очарованье.

Обитель святой Нины лежитъ въ небольшой котловинѣ на неприступныхъ крутикахъ, высоко надъ Алазанской долиной. Бѣлая колокольня въ красныхъ карнизахъ съ серебрянымъ шпилемъ глядитъ во всѣ стороны надъ зеленью рощи и рѣзко выдѣляется на темномъ фонѣ горъ. Здѣсь въ этомъ очаровательномъ тихомъ уголкѣ, въ тѣни чинаръ, въ небольшой церковкѣ, съ двухскатной крышей, спитъ просвѣтительница Грузіи, равноапостольная святая Нина. Эту церковь выстроилъ въ началѣ IV вѣка царь Миріамъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ скончалась св. Нина (въ 338 году), проповѣдуя слово Божіе. Бѣлая церковь, въ формѣ креста, съ западной стороны характерно и пестро выложена синими, зелеными и черными четырехугольными кафелями и стоитъ ни разу не разрушенная отъ своего основанія. Внутри было тихо и прохладно. Солнечные лучи косо падали въ щелевидныя окна и ложились на иконостасъ и орѣховую гробницу св. Нины, очень простую съ немногими золочеными украшеніями. Въ полу церкви вдѣланы плиты, покрытыя полустертыми надписями, а стѣны

почти сплошь покрыты фресками. Здѣсь же въ ризницѣ мнѣ показывали драгоцѣнные по старинѣ Евангелія и ризы, шитыя жемчугомъ и камнями—труды кахетинскихъ царицъ. Какъ глухо и уныло раздавались мои шаги въ этомъ одинокомъ, запущенномъ храмѣ, какъ все поражало здѣсь своей простотой и скромностью. Около собора сохранились палаты митрополитовъ, такъ какъ Бобдійскій монастырь былъ временно каѳедрою Бобдійскихъ епископовъ. Это каменный домъ, окруженный со всѣхъ сторонъ балкономъ, съ цвѣтными, узорчатыми ставнями оконъ и дверьми, съ диванами вдоль стѣнъ и пестрыми потолками.

Монастырь давно необитаемъ и только въ памятные дни св. Нины сюда съѣзжаются тысячи людей для торжественной службы и шумныхъ праздниковъ.

Видъ изъ обители едва-ли не лучше, чѣмъ изъ Сигнаха, тѣмъ болѣе, что и самъ городъ съ его крѣпостью отсюда весь на виду. Что-то неодолимое, плѣнительное въ этомъ видѣ на спускающіяся зеленыя горы, убѣгающія внизъ въ закрытую маревомъ и полуденными дымками долину, гдѣ сверкала серебристыми блестками, какъ змѣя, стальная Алазань.

Въ Сигнахѣ на почтовой станціи, гдѣ я позавтракалъ, я заказалъ себѣ лошадей, рѣшившись проѣхать всю долину вдоль подножія Дагестанскихъ горъ.

— Охъ баринъ, не проѣдешь, сказалъ ямщикъ, пріѣхавшій изъ Телава, шибко много воды. Ну, черезъ Алазань проберешься, а вотъ къ Лагодехамъ

и дальше больно опасно. Сказываютъ, что черезъ рѣки переправы нѣтъ. Все время дожди шли. Недавно даже почта не проѣхала.

Я наслышался еще въ Тифлисѣ массу самыхъ страшныхъ разсказовъ о непроходимости горныхъ рѣчекъ, вытекающихъ изъ ледниковъ и ущелій и бросающихся въ Алазань. Эти потоки, пересыхающіе въ жары, во время таянія снѣговъ въ горахъ и дождей превращаются въ ужасающія стремнины и водопады, несущіе камни и обломки скалъ, смывающіе деревья и селенья. Вода спускается съ горъ громадной волной, которая можетъ налетѣть на васъ въ тотъ моментъ, когда вы переправляетесь черезъ рѣку, и унести васъ съ собой. На почтовой станціи говорили, что рѣдко, рѣдко кто ѣдетъ въ настоящее время въ эти опасныя мѣста.

— Ну до Лагодехъ доберешься, сказалъ ямщикъ, почесавъ затылокъ, а тамъ либо съ недѣльку посидишь, пока вода не сбѣжитъ, либо назадъ пріѣдешь, въ бурныя рѣки все равно не пустятъ ѣхать.

Іюнь перевалилъ во вторую половину, выжидать еще дольше мнѣ было нельзя и, сказавъ себѣ всемогущее русское «авось», я сѣлъ въ телѣгу и поѣхалъ на перекладныхъ въ надеждѣ, что какъ-нибудь переберусь черезъ всѣ рѣки и доѣду до Нухи.

Быстро бѣжали лошади по зигзагамъ дороги, дѣлая головоломныя повороты надъ пропастями и обрывами. Мы проѣхали крѣпость и быстро спускались внизъ, а Сигнахъ съ его зубцами стѣнъ все выше и выше уходилъ за облака. Громадные виноградники и фруктовые сады покрыли всѣ скаты горъ.

Дорога пробѣгала рощи, овраги, крутилась, загибалась и ползла длинной лентой все внизъ въ глубокую долину. Мы въѣхали въ цвѣтущее ущелье въ ложе совсѣмъ пересохшей рѣчки, въ которую обрывался съ горъ поэтичнымъ водопадомъ ручеекъ. Тутъ же у маленькой церковки въ густомъ саду, полномъ гранатниковъ и фигъ, пріютилось небольшое кладбище. Повсюду виднѣлись деревни съ церквями, затонувшія въ садахъ. Всюду бросали черную тѣнь гигантскія орѣшины, образовавъ живописные уголки, то у колодца, то у полуразрушенной стѣны, то среди луга. Тутовыя деревья почти всѣ съ отрѣзанными побѣгами, которыми кормятъ шелковичныхъ червей, торчали уродливыми пучками. Ослики, арбы, поселяне попадались на каждомъ шагу.

Перемѣнивъ лошадей у подножья горъ, я полетѣлъ по низменной долинѣ Алазани, пересѣкая ее поперегъ на разстояніи 21-й версты. Дорога была вся въ кочкахъ, жара стояла ужасная; необитаемая, солонцеватая, лихорадочная степь растянулась во всѣ стороны. Въ 9 верстахъ отъ послѣдней станціи мы въѣхали на довольно скверный, деревянный мостъ надъ Алазанью. Это Чіаурская переправа и вблизи въ густомъ лѣсу находится Чіаурская станція. Отсюда начинаются густые болотистые лѣса клена, бука, каркаса, дуба, орѣшинъ, ясени, перевитые ліанами винограда. Эти лѣса одѣли на многія версты подножія главнаго хребта со стороны Алазани и протянулись далеко за Нуху. Эти мѣста рай для охотника. Дикіе, необитаемые, сплошь залитые водой, эти лѣса изъ мощныхъ, гигантскихъ деревьевъ—представляютъ

что-то дикое, первобытное, таинственное. Здѣсь кишатъ фазаны и всевозможные дикіе звѣри. Въ этихъ мѣстахъ, ежедневно погружающихся въ густые туманы, пропитанные міазмами лихорадки, кишащіе москитами и слѣпнями, совсѣмъ нѣтъ поселеній и люди живутъ только на извѣстной высотѣ по скатамъ горъ. Я недоумѣвалъ, какъ по этимъ болотамъ, по этимъ первобытнымъ лѣсамъ съ ихъ непроницаемой чащей прошли наши войска.

Первое поселеніе на скагахъ главнаго хребта была солдатская слобода Михайловская, вытянувшаяся длинной улицей хорошихъ зажиточныхъ домиковъ съ галерейками и съ садиками, полными розъ.

За селеніемъ съ грохотомъ и ревомъ летѣлъ съ горъ Михайловскій потокъ, поднимая громадныя волны и бѣшено мчась по камнямъ.

Сердце невольно дрогнуло, когда мы очутились въ этой пучинѣ. Ревъ, грохотъ воды, крики ямщика, трескъ волокущихся камней, все это промелькнуло какъ-то неожиданно и я опомнился уже на томъ берегу. Но какъ ничтоженъ былъ этотъ потокъ передъ Лагодехской рѣчкой, ревъ которой мы услышали еще изъ далека. Изъ горныхъ долинъ въ очаровательной лѣсистой мѣстности спускалась эта пучина, грохоча и грозно бросая кверху бѣлые валы. Мнѣ казалось прямо безуміемъ ѣхать въ эту грозно грохочущую бѣлую отъ пѣны воду, широко разлившуюся и грозящую увлечь съ собой куда-то внизъ, въ Алазань, но ѣхать было надо и мы въѣхали въ камни, въ эти ревущія волны, въ этотъ клокочущій хаосъ пѣны, въ эти низвергающіеся съ горъ

стремнины. Какъ я былъ радъ, когда мы выскочили на другой берегъ и я очутился въ очаровательномъ уголкѣ Кавказа въ Лагодехахъ, штабъ-квартирѣ гренадерскаго тифлисскаго полка. Прежде здѣсь тоже владычествовали кахетинскіе цари, но лезгины и аварцы вытѣснили и поработили грузинъ и овладѣли всѣмъ нынѣшнимъ Закатальскимъ округомъ, лежащимъ у южной подошвы главнаго хребта. Въ Лагодехахъ мало интереснаго, только само положеніе этого мѣстечка восхитительно. 3 горныя ущелья, среди четырехъ лѣсистыхъ выступовъ хребтовъ, выпускаютъ Лагодехскіе потоки, между которыми расположено мѣстечко. На площади, поросшей травой и окруженной маленькими офицерскими домиками, потонувшими въ душистыхъ садахъ, стоитъ армянскій соборъ съ маленькой синей колоколенкой, робко прижавшейся къ стѣнѣ собора. Тутъ же большая недостроенная изъ за осѣданія земли кирпичная церковь, военный клубъ и паркъ, составляющій главную достопримѣчательность мѣстечка. Паркъ съ его средней тополевой аллеей, съ глухими, заброшенными липовыми дорожками, гдѣ въ полдень совершенно темно, полонъ чудныхъ уголковъ и гигантскихъ деревьевъ. Растительность достигла здѣсь изумительнаго могущества, дубы и орѣшины неимовѣрной толщины и вышины, кусты жасминовъ и китайскихъ розъ превратились въ цѣлыя кущи, катальпы и каркасы поражаютъ своимъ ростомъ. Повсюду кущи айлантовъ съ ихъ восхитительными перистыми листьями. Необыкновенно меланхоличенъ и задумчивъ этотъ паркъ

съ его темными, молчаливыми аллеями, съ рокотомъ ручьевъ въ безчисленныхъ оросительныхъ канавахъ, съ его гигантскими платанами и орѣшинами. Мошкары и москитовъ здѣсь была такая масса, что невозможно было здѣсь долго оставаться. На одной скамейкѣ въ кущѣ жасминовъ сидѣлъ блѣдный офицеръ, съ которымъ я разговорился.

— О, вы не знаете, воскликнулъ онъ, что это за мѣста! Съ виду они хороши. Горы, дивная зелень, домики завиты розами, проѣзжающіе поражаются красотой Лагодехъ, а вы насъ спросите, которые здѣсь живутъ. Отъ массы воды—здѣсь вѣчная сырость, дня не проходитъ, чтобы лихорадка не сводила въ могилу кого-нибудь, мы всѣ больны, всѣ трясемся, удрученные этой страшной болѣзнью. Аптеки здѣсь нѣтъ, вода для питья берется изъ рѣки, гдѣ купаютъ скотъ. Мы живемъ здѣсь въ изгнаніи и только и мечтаемъ выбраться отсюда, чтобы не остаться здѣсь навсегда на кладбищѣ.

Пока онъ говорилъ, онъ позеленѣлъ еще больше, его зубы стучали и пароксизмъ жестокой лихорадки сталъ трясти и безъ того совсѣмъ уже худое и изнуренное его тѣло.

— Уѣзжайте отсюда безъ оглядки, проговорилъ бѣдный больной, когда налетѣвшій приступъ нѣсколько утихъ, если вы здѣсь застрянете, вы долго не выберетесь. Въ горахъ идутъ дожди, вода спускается въ долины, рѣки и потоки дѣлаются непроходимыми. Когда идетъ большая вода и волочитъ съ горъ камни, здѣсь грохотъ и громъ слышенъ отовсюду и можетъ совсѣмъ истомить человѣка. Впереди у васъ до За-

каталъ много потоковъ и нѣсколько страшныхъ рѣкъ, въ которыхъ постоянно тонутъ люди.

Я отправился подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ обратно на почтовую станцію и просилъ поспѣшить закладкой лошадей.

— Что не опасно? спросилъ я хозяина, черноокаго армянина, проѣду я черезъ потоки?

— Черезъ Лагодехи и его рукава—проберетесь, а вотъ дальше не знаю, отвѣтилъ онъ, у Беллоканъ на полъ-дорогѣ одна изъ самыхъ опасныхъ рѣкъ.

Пока я дожидался лошадей, я любовался садиками, полными гранатовъ, колоссальными, пирамидальными тополями, развѣсистыми орѣшинами, поражающими величиной и могуществомъ, и прислушивался съ замираніемъ сердца къ отдаленному грохоту рокочущихъ въ горахъ вздутыхъ дождями потоковъ и къ однообразной визготнѣ лѣсопильни, гдѣ распиливались мощные, орѣховые стволы.

Сейчасъ-же за Лагодехами начинается дивная орѣховая аллея, которая тянется чуть не вплоть до Закаталъ на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ. Заплативъ прогоны до слѣдующей станціи Беллоканъ, до которой 17 верстъ, я усѣлся въ свою телѣгу и помчался въ тѣни орѣшинъ, которыя обдавали меня своимъ чуднымъ смолистымъ ароматомъ. Мы подъѣхали ко второму рукаву Лагодехской рѣчки, бѣшено летѣвшей передъ нами. Я схватился за бока моего примитивнаго экипажа и очутился среди пѣны и волнъ грохочущихъ камней и грозныхъ струй потока. Не успѣли мы выѣхать изъ воды, какъ опять очутились въ слѣдующемъ

третьемъ рукавѣ, страшно широкомъ, но къ счастью мелководномъ.

— Недавно тутъ всюду была вода и не было проѣзда, повѣдалъ мнѣ мой возница.

Мы летѣли по прекрасному шоссе, въ тѣни орѣховъ и тута. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ толпы дѣвушекъ собирали бѣлыя созрѣвшія ягоды тута. Стоило возницѣ остановиться и подозвать ихъ, какъ вся эта арава, пестро наряженныхъ, полуобнаженныхъ дѣвушекъ-лезгинокъ налетѣла на насъ, предлагая ягоды. Мы вылѣзли изъ телѣги, усѣлись въ прохладную и душистую тѣнь орѣховъ и принялись за сочныя ягоды съ ихъ нѣсколько прѣснымъ вкусомъ, но пріятными въ жару. Когда мы отъѣзжали, я бросилъ дѣвушкамъ мелкихъ денегъ и страшный вой, драка и безформенная куча барахтающихся среди дороги тѣлъ—осталась за нами.

Дивныя зеленыя горы съ ихъ смѣной окраски, ущельями, лощинами, шпилями и съ снѣжными вершинами въ глубинѣ долинъ, проплывали мимо. Ароматъ шиповника, марены и листьевъ орѣшинъ нѣжили меня. Повсюду въ ручьяхъ, въ болотахъ торчали черныя спины буйволовъ и ихъ неподвижные выпуклые глаза. Буйволы—эти бегемоты Кавказа, наслаждаются всякой лужей, всякой канавой и проводятъ долгіе часы въ какомъ-то оцѣпененіи, заползши въ воду. Мы въѣхали въ татарскую деревню, сплошь затонувшую въ садахъ, прелестно лежащую среди очаровательной мѣстности, которая сразу унесла меня воспоминаніями въ Италію Это было село Беллоканы, одно изъ богатѣйшихъ и прекра-

снѣйшихъ селъ Кавказа, все засаженное тутомъ, такъ какъ все населеніе занимается здѣсь шелководствомъ. Въ каждомъ садикѣ, въ каждомъ дворѣ въ тѣни орѣшинъ и каркасовъ сидѣли группы женщинъ и мотали шелкъ, вышивали, ткали, а мущины, лѣниво усѣвшись на коврики, курили кальянъ. Эти картинки, залитыя полдневнымъ зноемъ, съ рѣзкими тѣнями, полныя лѣни и покоя, были удивительно характерны и красивы. Мы въѣхали на станцію, на дворѣ которой раскинулъ свои вѣтви, такой гигантскій орѣхъ, какихъ я никогда не видѣлъ нигдѣ въ Европѣ. Половина двора была скрыта отъ солнца его тѣнью. Хозяинъ станціи черноглазый лезгинъ, кормилъ тутовыми листьями большихъ бѣло-сѣрыхъ гусеницъ шелкопрядовъ, которымъ на станціи была отведена отдѣльная коморка.

Это село было разбойничьимъ гнѣздомъ, населенное джара-беллоканскими лезгинами разбойниками, отъ которыхъ не было ни прохода ни проѣзда и которые держали въ трепетѣ и страхѣ всѣ окрестности.

На дворъ вывели пару такихъ бѣшеныхъ лошадей, что я въ недоумѣніи обратился къ хозяину.

— Нельзя иначе, сказалъ онъ, только такія лошади вывезутъ изъ Беллокани, вода очень сильная. Сегодня утромъ почта еле проѣхала.

Лошадей все время держали, пока ихъ закладывали и пока я садился. Когда ихъ отпустили, онѣ, какъ буря, выскочили въ ворота и полетѣли по улицѣ Беллоканъ. Домики, садики, заросли дикаго орѣха мелкали мимо и вотъ мы подъѣхали

къ Беллоканскому потоку, чуть не въ версту шириной, загроможденному сплошь камнями. Мы скакали по камнямъ, гдѣ весной текла вода, ревъ и грохотъ раздавался все сильнѣе и сильнѣе. У меня болѣла и спина и голова отъ этой страшной тряски. Мы миновали нѣсколько рукавовъ, но ужасъ передъ главной пучиной заставлялъ забывать всякую боль. Когда мы подъѣхали къ этому бѣшеному потоку, когда я увидѣлъ эти сѣро-черныя мутныя хляби, сердце упало во мнѣ. Даже лошади остановились и задрожали, но ямщикъ сталъ бить ихъ немилосердно. Не помню, какъ насъ пронесло сквозь эту адскую пучину, но помню я далъ себѣ слово вторично сюда не заѣзжать. Съ какимъ наслажденіемъ вдыхалъ я опять ароматъ луговъ и любовался такой удивительной красотой мѣстности, за лицезрѣніе которой можно было вынести всѣ непріятности и опасности пути.

Мы остановились въ селѣ Катехи, расположенномъ на берегу потока Катехи. На всѣхъ станціяхъ насъ разспрашивали, какъ мы проѣхали и намъ въ свою очередь сообщали, что насъ ждетъ впереди. И всю дорогу, я только и слышалъ, что всѣ рѣки и потоки—ничто, передъ стремниной Курмука, самой бѣшеной и ужасной рѣки Кавказа. Потокъ Катехи былъ ужасенъ, онъ спускался 7-ю рукавами, наполнивъ промежутки каменными грядами, принесенными имъ съ горъ и изъ дальнихъ ущелій; два рукава были незначительны, всѣ пять остальныхъ были ужасны, но третій былъ самый ужасный и равнялся, если не превосходилъ Белло-

канскій потокъ. Грохотъ, вой, ревъ, трескъ, какой-то хаосъ камней и воды, какой-то адъ. По берегамъ его стояли чапары, пастухи съ длинными веревками, чтобы въ случаѣ несчастья оказать помощь.

Никогда не забуду этихъ минутъ. Мы вверглись въ эту пучину. Вихрь, вой, грохотъ, я сразу оглохъ, но и сразу понялъ, что дѣло не ладно. Потокъ волочилъ насъ внизъ и лошади не въ силахъ были справиться съ дикой пучиной. Кучеръ кричалъ, надрываясь, колотилъ лошадей, что было силъ, телѣга летѣла съ камня на камень, трещала, готова была перевернуться, пастухи на берегу кричали, что было мочи, и я чувствовалъ, что волосы у меня стали дыбомъ, что творится что-то ужасное, безумное, роковое. Не знаю какъ, но мы выскочили изъ этой стремнины.

— Господи, что-же такое Курмукъ, думалъ я, если эти рѣки и потоки считаются проходимыми.

Мы ѣхали все время по орѣховой аллеѣ вдоль очаровательныхъ горъ, мѣстами украшенныхъ живописными развалинами. Мы повернули въ боковую долину, въ глубинѣ которой показалась крѣпость съ бѣлой колоколенкой церкви. Мы въѣхали въ ворота крѣпости Закаталъ. Весь городокъ размѣстился въ нѣсколькихъ улицахъ въ стѣнахъ крѣпости, выстроенной здѣсь, чтобы оберегать проходъ на Гудурскій перевалъ черезъ главный хребетъ. Въ 1803 году генералъ Гуляковъ, разгромивши Беллоканы за ихъ хищническіе набѣги, взялъ Джары, а въ слѣдующемъ году, явившись для обузданія не-

покорныхъ горцевъ, палъ подъ Закаталами. Около церкви въ крѣпости ему поставленъ памятникъ.

Три параллельныя улицы, обрамленныя маленькими домиками съ галерейками и балконами, выходятъ на главную площадь съ соборомъ, военнымъ собраніемъ и фонтаномъ по серединѣ, окруженнымъ группой густыхъ липъ. Здѣсь на площади растутъ три гиганта—платана, поражающіе и своей мощью и своимъ ростомъ. Восхитительны виды съ крѣпостныхъ стѣнъ на горы, на снѣжныя зубья ихъ, на прелестную таинственную долину и ущелье, по которому грохочетъ съ горъ страшная Тала. Я тщетно искалъ во всемъ городѣ ѣды и долженъ былъ удовольствоваться сыромъ, сельдереемъ, лукомъ, эстрагономъ и виномъ, а когда я раздобылъ себѣ шашлыкъ, то совсѣмъ сталъ счастливъ и доволенъ.

Изъ Закаталъ я рѣшилъ двинуться на разсвѣтѣ, тѣмъ болѣе, что теперь не пускали черезъ рѣку Талу. Въ теченіи дня въ горахъ таютъ снѣга и къ вечеру всѣ рѣки вздуваются, за то за ночь, когда на вершинахъ горъ дѣлается холодно, снѣга перестаютъ таять, уровень рѣкъ уменьшается и бываетъ возможность перебраться сквозь пучины потоковъ.

Въ 3 часа ночи я поднялся, отвратительно проспавши ночь на деревянной скамейкѣ, изгрызенный всевозможными паразитами и сталъ просить лошадей. Дѣйствительно бѣшеная Тала значительно стала меньше и мы переѣхали ее безъ всякихъ приключеній, немного ниже того мѣста, гдѣ былъ

каменный мостъ, который она снесла, какъ щепку. Что за очаровательное было утро, что за виды, что за впечатлѣнія! Я безконечно наслаждался этой поѣздкой, любуясь розоватыми снѣгами въ горахъ, массами хребтовъ и аллей орѣшинъ, которыя вѣрно сопутствовали намъ отъ самыхъ Лагодехъ. Мы перебрались черезъ два Бухарскихъ потока съ совсѣмъ черной отъ грязи водой, оставили за собой съ десятокъ горныхъ ручьевъ и рѣчекъ, которые въ засуху совсѣмъ пересыхаютъ. Мимо мелькали татарскія деревеньки, рисовыя поля, сплошь изрѣзанныя оросительными каналами, татарки въ ихъ красномъ одѣяніи, съ большими серебряными кувшинами на плечахъ, идущія за водой, ловкіе и стройные всадники лезгины. Восхитительная панорама горъ съ ея лощинами играла удивительными цвѣтами, освѣщенная восходящимъ солнцемъ. Мы переѣзжали безчисленные потоки и ихъ высохшія ложи, порой чуть не въ версту шириной. На станціи Гиллюкъ я пораженъ былъ двумя гигантскими платанами просто неописуемой величины, которые владычествовали надъ всѣмъ селомъ.

Маленькій пестрый по населенію городокъ Какхъ остался тоже за нами. Его пестрый базаръ, полный шума и суеты, походилъ на международный рынокъ. Тутъ были и лезгины съ ихъ войлочными шапками, и черноглазые армяне, и пестро одѣтые татары и стройные грузины. Я зналъ, что сейчасъ-же за Какхомъ стремится съ горъ ужасный Курмукъ и не безъ волненія ожидалъ его. Мнѣ перемѣнили лошадей.

— Ну что, спросилъ я хозяина, безопасенъ переѣздъ черезъ Курмукъ?

— Ничего, сегодня двое переѣхало, авось ничего не случится, а шибко вода идетъ, вѣдь $1^1/_2$ версты шириной. А ты куда ѣдешь? Въ Аманъ-дара? На теплыя воды?

— Какія теплыя воды?

— А верстъ 11 по Курмуку въ горахъ въ селѣ Елису горячія воды. Много народу бываетъ. Всѣ пріѣзжаютъ. Вода какъ въ Тифлисѣ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я, я спѣшу въ Нуху.

Елисуйскія сѣрно-щелочныя воды съ температурой отъ 38^0 до 42^0 Ц. находятся въ прелестномъ ущельѣ Аманъ-дара и собираютъ ежегодно тысячи посѣтителей. Черезъ это Елисуйское ущелье идетъ самая короткая дорога на Дагестанъ и къ Тереку и во время владычества кахетинскихъ царей здѣсь царило большое оживленіе.

Сейчасъ-же за селеніемъ открылся Курмукъ. Это цѣлая пустыня камней и валуновъ, набросанныхъ безпорядочными кучами и гребнями. Телеграфные столбы въ видѣ пирамидъ, составленные каждый изъ нѣсколькихъ, разставлены въ каменномъ ложѣ потока на высокихъ сложенныхъ изъ громадныхъ камней островахъ. Долго мы тряслись по камнямъ, долго меня бросало во всѣ стороны и я чувствовалъ какъ во мнѣ сотрясались мозги, когда мы переѣзжали ямы и рытвины. Впереди я слышалъ ревъ. Какой-то полуодѣтый старикъ-нищій умолялъ меня взять его съ собой въ телѣгу, что-то бормоча по туземному. Конечно, я взялъ его и онъ примостился у моихъ ногъ.

Страшный совсѣмъ черный Курмукъ бѣшено летѣлъ по камнямъ, вскидывая гребни и тучи брызгъ. Что-то безобразное, ужасное, хаотическое было въ этой адской стремнинѣ. Каюсь, у меня душа ушла въ пятки. Но раздумывать было нечего и мы вверглись въ эти ревущія хляби. Волны били и ревѣли. Я увидѣлъ, что я въ аду, кругомъ меня бушевала пучина, полная смерти и брызгъ... Лошади выскочили, телѣга зашуршала и загрохотала снова по камнямъ. Курмукъ остался сзади.

Громадное пространство, густо засаженное тутовыми деревьями, сквозь которыя не могло проникнуть солнце, образовало оазисъ для отдыха каравановъ, арбъ и повозокъ, которые не могли переправиться черезъ страшную рѣку и должны были подолгу дожидаться паденія воды. Въ сторонѣ за Курмукомъ на высокомъ утесѣ живописно усѣлась церковь св. Сергія. Дивная панорама горъ поднялась цѣлымъ амфитеатромъ и убѣжала подъ снѣжныя вершины. Вскорѣ дорога отбѣжала отъ горъ и спустилась нѣсколько ниже. Безчисленные потоки испортили ее, образовали ужасающія ямы и промоины, а мѣстами стремнины прорыли глубокіе овраги, куда рушились грохоча потоки. Особенно трудно было справиться съ потокомъ Чинь, который стремительно несся по дорогѣ намъ на встрѣчу, волоча камни и пни. До станціи Новый Геннюкъ я добрался порядкомъ утомленный. До Нухи оставалось $18^1/_4$ верстъ и я рѣшился не отдыхая добраться до нее и уже распорядился закладывать лошадей, но пріѣхали на встрѣчу купцы изъ Нухи и разсказали такіе ужасы

про потоки, что я остался въ Новомъ Геннюкѣ до разсвѣта, что-бы съ утра пріѣхать въ Нуху и осмотрѣть съ свѣжими силами эту столицу стариннаго ханства.

Тихій вечеръ спустился на луга и горы, все затонуло въ мягкомъ сумракѣ и въ небѣ стали загораться звѣзды. Я сидѣлъ на ступенькахъ лѣстницы станціи и смотрѣлъ на подходящую ночь. Въ этой тишинѣ, когда выплыла луна и засверкали звѣзды, обозначивъ рѣзко всѣ тѣни, когда засверкали отдаленные снѣга, какъ серебряные покровы, надъ всей окрестностью стоялъ грохотъ воды. Казалось, что отовсюду идетъ вода, что сейчасъ нахлынутъ страшныя мутныя волны Курмука и Беллоканскаго потока и смоютъ и эту станцію и этотъ маленькій садикъ, полный орѣшинъ и инжира, и унесутъ съ собой въ бѣшеномъ водопадѣ туда далеко въ Алазань, а затѣмъ въ Іору, въ Куру и въ Каспійское море.

13.

Два бывшихъ ханства.

Нуха. Дорога на Евлахъ. Барда. Путешествіе въ Шушу. Шуша. По Зангезурскому уѣзду.

Прекрасенъ ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вѣчные природы,
Когда, какъ дымъ синѣя, облака
Подъ вечеръ къ вамъ летятъ издалека.
Надъ вами вьются, шепчутся, какъ тѣни.
Какъ надъ главой огромныхъ привидѣній—
Колеблемыя перья, и луна
По синимъ сводамъ шествуетъ одна.

Лермонтовъ.

Скучнѣе участка дороги отъ Геннюка до Нухи не было за все это время, особенно когда пришлось ѣхать нѣсколько долгихъ часовъ, поднимаясь въ пустынныя и унылыя горы. Хотя молодыя орѣшины и обрамляли дорогу, но ихъ тѣнь не спасала отъ зноя, а мѣстами на цѣлыя версты орѣшины смѣнялись липами. Передъ самой Нухой открылось глубокое и широкое Шинкское ущелье, какъ воронка, убѣгающее въ горы и представляющее собой каменный скатъ въ долину. По этой каменной горѣ спускается Шинка, бѣшеная рѣка, этой весной чуть не разрушившая

Нуху, сорвавшая всѣ мосты, наполнившая ужасомъ и наводненіемъ всѣ окрестности на десятки верстъ. Переправа черезъ широкое каменное ложе и ревущіе потоки мы совершили благополучно. Нуха, бывшая столица Шекинскаго ханства, усѣлась у выхода Шинкскаго ущелья въ долину, заползла своими густыми садами на окрестные крутики и сползла по покатостямъ въ долину. Издали весь городъ казался зеленымъ отъ обилія садовъ и сидящимъ высоко на горѣ возлѣ каменнаго сѣрѣющаго Шинкскаго ущелья, у подножія восхитительной декораціи горъ. Весь городъ это сѣть узкихъ улицъ и проулковъ, а въ нагорной части Нухи домиковъ почти не видно, такъ они всѣ съ своими балкончиками запрятались въ густые сады. Всюду заборы и стѣны, надъ которыми поднялись густыя кущи гранатника, розъ, винограда, инжира. Весь нижній городъ и его главная, хотя узкая и невыносимо-грязная улица, которая тянется вдоль водоотводнаго канала, сплошной базаръ, вся эта часть города—совсѣмъ тифлисскій Майданъ съ его лавочками, пестрой и шумной жизнью. Толчея татаръ, лезгинъ, армянъ—неимовѣрная. Здѣсь же въ хаосѣ домиковъ съ галерейками и лавочками мечеть съ высокимъ минаретомъ. Это татарская часть, душная и пыльная, страшно грязна и вонюча. Лезгинская часть лежитъ за каналомъ, на горѣ и вся затонула въ садахъ.

Остановившись на почтовой станціи, гдѣ не было свободныхъ комнатъ, я долго и тщетно искалъ гостинницу или постоялый дворъ, но, увы, въ Нухѣ ничего подобнаго не оказалось. Я не могъ да-

же найти нигдѣ ничего поѣсть и долженъ былъ удовлетвориться яицами и чаемъ на почтовой станціи. Взявши по часамъ фаэтонъ, я помчался по крутымъ и плохо мощенымъ улицамъ города. Въ лезгинской части мнѣ понравилась красивая мечеть, окруженная поэтичными платанами съ четырехъугольнымъ прудомъ посреди двора. Эти бассейны съ тихой водой, спящіе въ тѣни деревьевъ, которыми ихъ всегда обсаживаютъ по обычаю востока, служатъ сосредоточіемъ жителей, которые отдыхаютъ на ихъ берегахъ въ тѣни деревьевъ. Серебряная крыша минарета съ полумѣсяцемъ, высунулась сквозь густую зелень платана и ярко сіяла на солнцѣ. Далѣе по дорогѣ въ гору, я попалъ въ непроходимый лабиринтъ садовъ, по которому добрался до старой крѣпости, совсѣмъ заросшей деревьями. Весь городъ вдоль и поперекъ изрѣзанъ оросительными каналами, которыхъ особенно много внизу за городомъ, гдѣ зеленѣли поля риса и гдѣ свирѣпствуетъ страшная лихорадка, спасаясь отъ которой городъ залѣзъ въ гору на высоту 2.454 фута надъ морскимъ уровнемъ.

Я вошелъ въ старую крѣпость, вѣнчающую Нухинскую гору. Шекинское ханство, основанное въ 18 вѣкѣ послѣ нашествія персовъ, имѣло вторымъ своимъ ханомъ нѣкого Гусейна-Али, который построилъ въ своей резиденціи Нухѣ—эту крѣпость, а въ ней ханскій дворецъ, который сохранился до сихъ поръ и глядитъ своими рѣшетчатыми окнами, остатками восточныхъ украшеній и далеко выдающейся впередъ крышей на густыя орѣшины и пла-

таны, совсѣмъ закрывшіе его своей густой тѣнью. Тутовыхъ деревьевъ здѣсь гибель, тѣмъ болѣе, что Нуха и ея уѣздъ въ дѣлѣ шелководства, наравнѣ съ Шушой, занимаетъ самое видное мѣсто и повсюду въ садахъ виднѣлись женщины съ вѣтвями и листьями тута для кормленія шелковичныхъ червей. Уходъ за ними лежитъ на обязанностяхъ нухинокъ, а размоткой шелка и коконовъ занимается особый классъ людей, которые въ пору шелкомотанья являются въ домѣ почетными гостями; хозяева устраиваютъ шумные праздники съ пѣніемъ, плясками и музыкой и на эти праздники обыкновенно собираются всѣ близкіе, особенно обычай этотъ держится въ уѣздѣ, въ Нухѣ-же болѣе правильная размотка и здѣсь между другими заводами, шелкомотальный заводъ Мирзоевыхъ отличается своимъ благоустройствомъ.

Вернувшись на почтовую станцію, я усѣлся закусить и велѣлъ готовить лошадей, такъ какъ въ Нухѣ оставаться было негдѣ и я спѣшилъ на желѣзно-дорожную станцію Евлахъ, находящуюся въ 70 верстахъ отъ Нухи. Отъ этой станціи начинается въ другую сторону почтовый трактъ на Шушу. Меня отговаривали ѣхать въ Шушу, такъ какъ разбои на этой дорогѣ достигли апогея—и чуть не ежедневно разсказывались все новыя и новыя злодѣйства двухъ шаекъ разбойниковъ Наби и Али. Въ Шушу и особенно въ ея окрестности публика ѣздила компаніями, такъ какъ большинство одиночныхъ экипажей подвергалось разгрому и убійству. Мнѣ столько разсказывали о красотѣ Шуши,

что я рѣшился пренебречь всѣми предостереженіями и ѣхать въ Шушу, но ѣхать въ дилижансѣ, которые трижды въ недѣлю отходили отъ станціи Евлахъ рано утромъ и поздно вечеромъ приходили въ Шушу. Какъ разъ на слѣдующій день отходилъ дилижансъ изъ Евлаха въ Шушу, необходимо было поэтому хоть поздно ночью, но непремѣнно сегодня добраться до Евлаха, тѣмъ болѣе, что въ Нухѣ оставаться было негдѣ.

— Только проѣзжай до вечера ущелье, сказалъ мнѣ хозяинъ-молоканинъ, это за третьей станціей будетъ. Больно скверныя мѣста, неровенъ часъ и прикончатъ. Нынче пошаливаютъ, а мѣсто глухое и опасное. А въ Шушу совсѣмъ скверно ѣздить, вонъ разсказываютъ, что народу погибло! А ужъ если встрѣтятся разбойники, все отдавай, а то сразу пристрѣлятъ.

Конечно, я самъ торопился и все подгонялъ ямщика, когда мы съ трескомъ и грохотомъ покатили по Нухѣ, выѣхали изъ нея и много верстъ еще спускались съ горы среди тысячей садовъ, сплошь окружавшихъ городъ. Вотъ мы съѣхали въ громадную лихорадочную долину, всю изрѣзанную каналами, всю засаженную рисомъ и въ сѣнокосахъ. Первая Ипяглинская станція улеглась по ту сторону долины въ 14 верстъ длиной, на высокомъ пригоркѣ и открыла восхитительные виды на всѣ горы, на ущелье, около котораго вдали виднѣлась пестрымъ пятномъ Нуха, и на долину, гдѣ серебрились и искрились рѣки. Перемѣнивъ лошадей, я помчался по скучному плоскогорью, поросшему мелкимъ дубня-

комъ и кустами. Затѣмъ пропали и кусты и голыя горы и ущелья приняли насъ. Мы взбирались по утлымъ дорогамъ и горнымъ карнизамъ надъ пропастями, въ которыхъ ревѣли потоки, и снова выѣхали на огромное, безконечное плоскогорье, словно необозримая степь, разлегшаяся во всѣ стороны. На станціи Сучминской, хозяинъ не хотѣлъ давать лошадей, уговаривая переночевать и не совѣтуя ѣхать подъ вечеръ по этимъ мѣстамъ, но я и слышать не хотѣлъ ночевать въ этой глуши, на этой станціи и посулилъ хорошій на чай за добрыхъ лошадей и хорошаго кучера. И дѣйствительно меня уважили. Ямщикъ—татаринъ былъ отчаянный парень, а лошади не стояли у крыльца. Мы понеслись по громадной степи, сплошь поросшей пестролистнымъ, уже отцвѣтшимъ репейникомъ. До чего молчалива, удручающа эта отцвѣтшая колючая степь, съ ея облаками пушистыхъ сѣмянъ, грустно носящихся надъ ней, особенно въ вечернемъ освѣщеніи. До чего она пуста, грязна и печальна! Я не могъ дождаться ея конца, она тянулась на безконечныя версты и не хотѣла кончаться, хоть мы мчались, какъ стрѣла. Небо начало чернѣть, день уже угасалъ и и надъ нами нависали черныя тучи, предвѣщающія грозу. Мы куда то свернули, спустились въ какое то желтое, песчаное ущелье и стали спускаться изъ унылаго плоскогорья по какой то щели въ песчаныхъ, голыхъ и еще болѣе суровыхъ горахъ. Мы мчались по этому узкому корридору желтыхъ скалъ, возлѣ мелькали молчаливыя стѣны, мѣстами изрѣзанныя поперечными ущельями, мѣстами покрытыя

какими то черными кустами. Я позже узналъ, что это «Кровавое ущелье», или какъ татары его по своему называютъ: «Канит-дере». У меня сердце захолонуло въ этой мѣстности. Ужасно тяжелое молчанье лежало на всѣхъ этихъ горахъ и скалахъ, среди которыхъ улиткой вилась наша дорога. На одномъ изъ поворотовъ мы встрѣтили всадниковъ, гнавшихъ передъ собой корову. Двое изъ нихъ отдѣлились и остановили насъ, взявши подъ узцы нащихъ лошадей. Одинъ изъ нихъ заговорилъ по татарски, что то спрашивая и, очевидно, про меня, такъ какъ всѣ всадники внимательно взглянули на меня. Затѣмъ какъ-то недовѣрчиво пропустили насъ, съѣхались вмѣстѣ и стали о чемъ то сговариваться. Мы немного и очень тихо отъѣхали.

— Держись, шепнулъ мнѣ ямщикъ, и я ухватился, что было силы за телѣгу. Мы понеслись. Это была не ѣзда, а полетъ. Мы мчались по проклятому ущелью, словно всадники гнались за нами и стрѣляли въ насъ. Еле живой, со страшной болью въ спинѣ, доѣхалъ я уже совсѣмъ темной ночью на станцію Чемахлы.

— Что они тебя спросили? спросилъ я ямщика.

— Нѣтъ ли багажу, отвѣтилъ онъ, кого и куда везешь. А я сказалъ, что везу больнаго и что багажу нѣтъ. А потомъ, какъ они стали сговариваться, я и струхнулъ.

До Евлаха я добрался благополучно, но уже около двухъ часовъ ночи и, взявши билетъ до Шуши, усталый и замученный легъ, спать на деревянной скамьѣ на почтовой станціи. Никогда не забуду комаровъ и мошекъ Евлаха. Благодаря широ-

кой Курѣ и болотамъ, здѣсь комары ужасный бичъ. Они буквально тучами носятся надъ вами и совсѣмъ облѣпляютъ васъ, почему туземцы не спятъ въ комнатахъ, а уходятъ на спеціально устроенныя вышки, сдѣланные на такой высотѣ, на которую комаръ и мошка не поднимаются. Какъ ни скверна почтовая станція на Евлахѣ, а она единственное мѣсто для ночевки. Здѣсь нѣтъ ни кроватей, ни дивановъ, а только жесткія скамьи, на которыхъ водятся клопы. Во всемъ Евлахѣ негдѣ приткнуться пріѣзжему человѣку.

Утромъ пріѣхалъ поѣздъ изъ Тифлиса и всѣ 10 мѣстъ въ дилижансѣ были моментально разобраны. Въ 9 часовъ кондукторъ затрубилъ въ свой рогъ, мы поспѣшили занять свои мѣста. Это была линейка съ двумя скамейками подъ крышей, съ опускными кожаными боками. Я и мои спутники армяне усѣлись другъ противъ друга и покатили по неимовѣрно пыльной дорогѣ, по гладкой и скучной степи до станціи Барды, которая лежитъ въ 23-хъ верстахъ отъ Евлаха. Жара и пыль сдѣлали этотъ переѣздъ еле выносимымъ. Конечно, мы съ первыхъ же минутъ всѣ перезнакомились и, конечно, сразу рѣчь зашла объ разбойникахъ и опасностяхъ нашего пути. Я разсказывалъ моимъ спутникамъ мои дорожныя впечатлѣнія всѣхъ моихъ странствованій по бѣлу-свѣту, а они въ свою очередь разсказывали мнѣ о своей жизни.

— Прежде это ханство называлось Карабахъ, сказалъ одинъ изъ армянъ, а Шуша называлась

Панахъ-абазъ. Просто не понятно, какъ только брали персы этотъ неприступный городъ.

Болотистыя низины сплошь были покрыты прелестными бѣлыми и свѣтло-лиловыми касатиками, которыхъ армяне зовутъ «зуръ». Вдали мелькнули деревья. Это были сады первой станціи Барда, татарскаго селенія, затонувшаго въ платанахъ и орѣхахъ. Мы остановились у станціи. Цѣлый лѣсъ бузины и необыкновенно высокой ежевики съ гроздями блѣдно-лиловыхъ цвѣтовъ (Rubus caesius) переплелся съ виноградомъ и образовалъ повсюду живыя и непроходимыя изгороди.

— Это «мошь», указалъ мнѣ на ежевику армянинъ, мой спутникъ.

Пока мѣняли лошадей, мои спутники повели меня на базаръ на пыльной площади, окруженной лавченками, съ пестрой толпой и съ красивой мечетью, съ двумя высокими узорчатыми минаретами изъ разноцвѣтныхъ кирпичей.

— Что это за ямы? обратилъ я вниманіе на земляныя рытвины.

— А здѣсь держатъ татары молодыхъ овецъ въ теченіи зимы, послѣ возвращенія ихъ съ горныхъ пастбищъ, и къ Пасхѣ въ Тифлисѣ продаются уже порядочные и прославленные на Кавказѣ карабахскіе барашки.

Недалеко отъ почтовой станціи, среди густыхъ садовъ съ ихъ изгородями изъ моша, стоитъ главная достопримѣчательность Барды, единственный памятникъ прежняго богатаго и громаднаго въ древности города Партава, столицы Агваніи. Завоеван-

ный арабами, онъ былъ переименованъ въ Бердавъ. Послѣ разрушенія Тамерланомъ, всѣ памятники старины исчезли и только одна эта толстая, удивительно красивая башня, вся въ синихъ ослѣпительныхъ изразцахъ, представляющая какой-то фантастическій узоръ на красномъ кирпичномъ полѣ, съ красивой дверью, украшенной по восточному, и съ таинственными надписями у полуизломаннаго верхняго края, стоитъ печально и говоритъ о темной, малоизвѣстной современному міру исторіи Агванскаго царства.

Рогъ кондуктора звучалъ уже во второй разъ и мы, что было силъ, пустились къ почтовой станціи.

— Ну, теперь будетъ Тертеръ, говорили мнѣ спутники, громадная и опасная рѣка, притокъ Куры, ее будемъ переѣзжать въ бродъ. Это одна изъ самыхъ рискованныхъ переправъ на Кавказѣ. Сколько не строили мостовъ, вода ихъ сносила, какъ щепки.

Мимо мелькали заросли дикаго гранатника, покрытаго красными цвѣтами, унылые гребенщики (Tamarix), эти кусты песковъ и пустынь, колючее держи-дерево и мѣстами цѣлыя заросли осолодки (Glycyrhiza echinata), корни которой усердно собираются мѣстными жителями и отправляются въ сахарное производство въ Смирну и въ Уджары.

Мы переѣхали старое, сухое и каменистое русло Тертера, которое давно уже покинуто рѣкой, и подъѣхали къ темной большой рѣкѣ, съ громадной массой пѣнящейся воды. Что то страшное, скрытое, бѣшеное было въ этомъ Тертерѣ. Передъ нами проѣхалъ фаэтонъ, за нимъ слѣдомъ почтовая те-

лѣга, а затѣмъ двинулись и мы. Проѣхали благополучно, но былъ моментъ, что нашъ дилижансъ наклонился совсѣмъ на бокъ и стремнина готова была уже подхватить насъ, мы всѣ закричали, но дѣло обошлось только переполохомъ.

Дорога потянулась снова длинной и скучной степью. Почти всѣ 103 версты до Шуши, за исключеніемъ послѣднихъ 20 верстъ, очень скучны. Удушающая пыль стояла сѣрыми тучами и мы были рады, когда на станціяхъ отдыхали въ тѣни орѣшинъ. Помню, на станціи Шихляръ, мы вытащили изъ подъ сидѣнья корзины и ушли въ тѣнь чудной орѣховой рощи, гдѣ расположились на травѣ съ тархуномъ, сыромъ, чеснокомъ, бурдючками вина, ловашами и прочей армянской ѣдой. Мы весело хохотали и не хотѣли слѣдовать многократному призыву кондуктора, котораго тоже угощали и тѣмъ задерживали послѣдній призывъ.

Проѣхавъ землистыя и очень опасныя ущелья, гдѣ нѣсколько дней тому назадъ убиты были разбойниками проѣзжіе, мы въѣхали въ большое село Агдамъ, съ его шумнымъ базаромъ и громадными тутовыми садами, сплошь увитыми виноградной лозой.

За Агдамомъ начались горы. Мы ѣхали вдоль высохшей рѣченки, среди тутовыхъ садовъ и виноградниковъ, проѣхали забытое маленькое кладбище съ бѣлой татарской часовенкой и вскорѣ увидѣли на высокой горѣ удивительно живописную крѣпость Аскерань. Башни крѣпости заняли вершины двухъ горъ, между которыми пробѣгаетъ рѣка и стѣны какъ щетина, сбѣжали съ двухъ горъ къ рѣкѣ, кото-

рая, вѣроятно, въ старину замыкалась цѣпью. Горы вокругъ поднялись стѣнами, однѣ были точно срѣзаны ножемъ, другія приняли формы фантастическихъ замковъ, а вдали на высочайшей горѣ туманно обрисовались крѣпости Шуши.

— Неужели мы поднимемся туда? воскликнулъ я, глядя въ эту заоблачную высь.

— Да, отвѣтилъ сосѣдъ, тамъ стоитъ Шуша, и сейчасъ начнется знаменитый подъемъ, высѣченный въ горахъ.

За послѣдней Ходжалинской станціей мы дѣйствительно замѣтно стали подниматься и всѣ 23¼ версты до Шуши ползли въ гору по такой удивительной и головоломной дорогѣ, что при воспоминаніи о ней кружится голова. Намъ запрягли шесть лошадей, которыя выбивались изъ силъ, волоча насъ кверху. Съ одной стороны Аскеранской долины горы выдвинули вершины Катука и Тернаваза, а у шумнаго потока, вдоль котораго вилась дорога, намъ встрѣчались то большіе караванъ-сараи Сулейманъ-хана съ аркой воротъ въ тѣни старыхъ вязовъ, то окруженные пирамидальными тополями остатки и развалины съ черными дырьями вмѣсто оконъ, какихъ-то бѣлыхъ зданій прежняго ханства. Зигзаги дороги дѣлались все рѣзче и рѣзче, а мы замѣтно все поднимались выше и выше, огибая черныя пропасти, дѣлая безумные повороты по узкимъ карнизамъ, выгрызеннымъ въ ужасныхъ крутикахъ. Въ одномъ мѣстѣ спутники указали красивый водопадъ Дашалтинской рѣчки, оборвавшейся со скалъ и падающей въ глубокую черную долину. Плойчатыя,

унылыя и пустынныя скалы окружали насъ, а мы карабкались все выше и выше и дивные виды открывались съ каждымъ шагомъ во всѣ стороны.

— Вонъ Сарубекъ, мѣсто погребенія очень чтимаго армянскаго святаго, указалъ мнѣ мой сосѣдъ на ту сторону черной пропасти, на цвѣтущее мѣстечко, окруженное садами. Жители Шуши часто посѣщаютъ его.

Сарубекъ виднѣлся на страшной высотѣ и тонкой полоской бѣлѣла дорога изъ Шуши къ могилѣ святаго.

— А вонъ большое селеніе Ханъ-Тьенды, съ шелкомотальными фабриками.

Среди горныхъ хребтовъ лежало красивое селеніе съ бѣлой пирамидальной церковью, торчащею изъ зелени сада и тутовыхъ рощъ. Повсюду на горахъ и на неприступныхъ кручахъ лѣпились, словно гнѣзда стрижей, татарскія деревни.

— Вонъ за Сарубекомъ показалась деревня Дашкентъ, а вонъ большое село на выступахъ скалъ, это Шушу-кентъ.

А мы все полземъ въ гору и все нѣтъ конца дороги. Сколько разъ казалось, что вотъ, вотъ объѣдемъ гору и достигнемъ города, а Шуша все виднѣлась далеко на какой-то недосягаемой вышинѣ. Наконецъ показалось хаотическое загородное кладбище въ дикой и пустынной мѣстности. Что за живописное нагроможденіе татарскихъ памятниковъ, словно кто уронилъ ихъ съ неба и они всѣ легли, какъ попало. И среди этого безпорядка бѣлыхъ камней поднялся одинъ печальный кипарисъ и небольшой вязъ. Впереди на зубьяхъ горъ показались

крѣпостныя стѣны, то сбѣгающія въ глубь пропастей, то залѣзающія на вершины.

Въ городскіе ворота мы въѣхали уже въ ночномъ мракѣ и затряслись по ужасающей мостовой. Никогда въ жизни я не испытывалъ такихъ толчковъ, ни въ каменномъ ложѣ Курмука, ни въ уральскихъ ручьяхъ, ни по сибирскимъ гадямъ. Словно нарочно подобрали камни самой неподходящей величины и ими вымостили улицы. Отъ рытвинъ какихъ то кучъ камней въ этихъ узкихъ, темныхъ и вонючихъ улицахъ Шуши мнѣ стало совсѣмъ скверно. Насъ высадили на темной, совсѣмъ не освѣщенной площади. Какіе-то армяне стали предлагать проводить. Пришлось взять одного изъ нихъ, такъ какъ извощиковъ въ Шушѣ не существуетъ, и мы отправились по какимъ-то проулкамъ къ меблированнымъ комнатамъ нѣкого г-на Марди, но на мое несчастье, свободныхъ комнатъ не оказалось, и мнѣ пришлось опять тащиться обратно по этимъ ужаснымъ горнымъ улицамъ на площадь въ единственную гостинницу въ Шушѣ. Здѣсь тоже не нашлось комнатъ, такъ какъ ихъ всего было три—довольно скверныхъ номера, но и эти три были заняты. Чтобы не остаться на улицѣ, я долженъ былъ согласиться ночевать въ проходной комнатѣ и какъ я былъ счастливъ, когда легъ въ кровать послѣ столькихъ дней ужаснаго скитанья, послѣ всѣхъ этихъ Курмуковъ, тряски и прочихъ дорожныхъ мукъ.

* *
*

Я проснулся и не сразу сообразилъ, гдѣ я. За окнами ревѣло море. Я вскочилъ и вспомнилъ, что

нахожусь въ Шушѣ и что на площади шумитъ пестрая толпа на рынкѣ.

Зало, въ которомъ я спалъ, было пестро расписано, а часть его отдѣлена перегородкой, куда меня и перевели. Всѣ стѣны были въ аляповатыхъ, но въ удивительно пестрыхъ украшеніяхъ и почернѣвшихъ осколкахъ зеркалъ. Оказалось, что въ былыя времена здѣсь въ залѣ кутили шушинскіе купцы и за пестрой аркой, расписанной во всѣ колера, пѣли арфистки и плясали персидки свои сладострастные и томные танцы. Я вышелъ на балконъ. Передо мной гудѣлъ и шумѣлъ армянскій Майданъ, полный народа и продавцевъ, окруженный каменными домами съ галереями. У однихъ домовъ галереи были во второмъ этажѣ, у другихъ въ третьемъ, что придавало курьезный видъ. На площади стояла бѣлая часовенка съ большимъ куполомъ, окруженная рядомъ ярко-синихъ колоннъ, внутри которой былъ родникъ. Лошади, быки, ослики, арбы, фуры, палатки, шумная толпа, все образовало какой-то неописуемый хаосъ.

Я пошелъ бродить по городу, лежащему по горамъ, на высотѣ 5.076 футъ, пробирался по его темнымъ проулкамъ, по невѣроятно-гнуснымъ его мостовымъ, по которымъ горожане не рискуютъ вечеромъ ходить и при скудномъ освѣщеніи города предпочитаютъ сидѣть дома. Армянская часть города, съ ея мало интересными монастырями, духовной семинаріей, маленькими бѣлыми домиками, крутыми улицами и проулками—очень мало интересны и, если что заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, такъ это

новый соборъ и виды. Виды на окрестности, на пропасти, на падающіе въ лощины и пропасти ручьи, на вьющуюся по скаламъ за Шушей дорогу въ Гирюзи и Джебраиль, дѣйствительно очаровательны. Я карабкался въ сообществѣ моихъ спутниковъ армянъ на всѣ крутики и повсюду любовался видами.

— По дорогѣ въ Гирюзи, разсказывали мнѣ мои спутники, въ очаровательной долинѣ въ 17 верстахъ отъ Шуши, есть мѣстечко Лисагорскъ. Это дачное мѣсто. Тамъ брызжетъ изъ земли настоящая зельтерская вода. Это главная достопримѣчательность.

Дѣйствительно вода Лисагорска, которую ежедневно доставляютъ въ громадномъ количествѣ, совершенно тождественна съ зельтерской водой и составляетъ страшную гордость всѣхъ шушинцевъ.

Видѣлъ я и будущій общественный садъ, теперь пока голую луговину съ двумя-тремя кустиками, скамеечками и крошечнымъ балаганчикомъ, гдѣ можно получить чай. Отсюда съ горы городъ кажется такимъ безпорядочнымъ, разбросаннымъ самымъ неправильнымъ образомъ, что наводитъ тоску.

Спутники привели меня къ Новому собору, совсѣмъ запрятанному и сдавленному въ узкихъ проулкахъ окрестными домами. Небольшая трехъэтажная колокольня украшена четырьмя до того аляповатыми ангелами съ длинными трубами армянскаго зодчества, что меня остановила ихъ некрасота. Въ свѣтломъ соборѣ хорошій иконостасъ и картины: Преображеніе, Іоаннъ Креститель и Первый армянскій католикосъ и Красное Евангеліе, писаное красными чернилами.

Татарская часть города куда живописнѣе, хоть ея мостовыя еще ужаснѣе, и вонь и грязь на улицахъ поразительнѣе. Татарскій Майданъ еще оживленнѣе и его украшаетъ прелестная пестрая мечеть, съ двумя стройными и необыкновенно изящными минаретами, изъ за которыхъ виднѣется большой пестрый черепитчатый куполъ съ полумѣсяцемъ на вершинѣ. У этой мечети фанатики татары и персы празднуютъ воспоминаніе Гуссейна и Али, здѣсь проходитъ дикая процессія самоистезателей, которые въ пылу религіознаго экстаза бьютъ себя ножами и шпагами, истезаютъ свое тѣло при пѣніи религіозныхъ гимновъ и обливаютъ камни площади кровью, которая ручьями течетъ изъ ихъ ранъ. Здѣсь же и ханскій дворецъ съ его садомъ и балконами, мало интересный по внѣшнему виду, принадлежащій теперь дочери бывшаго владѣтельнаго хана.

Я хотѣлъ переночевать еще одну ночь и утромъ выѣхать съ омнибусомъ обратно, но мѣста были заранѣе разобраны и мнѣ волей неволей пришлось остаться въ скучной Шушѣ на лишніе два дня. Помню, какъ я досадовалъ на эту неудачу и какъ случай помогъ мнѣ снова отлично провести эти дни. Я имѣлъ рекомендаціи въ армянскія семьи и молодые люди, съ которыми я познакомился и которые крайне радушно приняли меня, устроили чудную поѣздку въ знаменитый по своей красотѣ Зангезурскій уѣздъ въ Татевскій монастырь. Дѣло въ томъ, что пріѣхалъ какой-то армянскій священникъ, отправлявшійся въ Татевскій монастырь и искалъ попутчиковъ, страшась въ дорогѣ, въ горахъ встрѣтить

разбойниковъ, а въ Шушѣ что ни день, то больше и больше разсказывали о злодѣйствахъ Наби и его шайки. Того-то убили, такого-то ограбили, такого-то изувѣчили и все отняли. Никому не было пощады. Толпа молодежи вызвалась сопровождать священника до монастыря и устроить тѣмъ самымъ веселый пикникъ. Дѣло было устроено съ изумительной быстротой и, кто въ телѣгахъ, кто верхомъ, мы всѣ отправились въ далекій путь, въ горы. Конечно, я восторгался этими горами, этими безумными дорогами надъ пропастями, отъ которыхъ кружилась голова, этими ручьями, поэтичными деревеньками въ тутовыхъ садахъ, самими татарами всегда въ ярко-красныхъ нарядахъ и армянками съ плотно закрытыми лицами. Въ Лисагорскѣ мы пили прославленную зельтерскую воду прямо изъ источника, переѣхали въ бродъ рѣчку Акарлу-чай, а въ городкѣ Дигъ, принадлежащему Татевскому монастырю, любовались старымъ храмомъ Св. Георгія и старинными усыпальницами. Къ вечеру мы достигли Гирюзи, къ которому долго спускались съ горъ. Это селеніе лежитъ среди удивительныхъ трахитовыхъ иглъ и пирамидъ, которыя поднялись повсюду красивыми декораціями и пріютили на своихъ вершинахъ старую развалину замка. Здѣсь въ центрѣ Зангезурскаго уѣзда мы переночевали, причемъ много хохотали, выпили изрядное количество вина и плотно закусили. Всѣ мои спутники были крайне милый народъ, всѣ были фанатики-армяне, преданные своимъ національнымъ интересамъ, съ жаромъ говорившіе мнѣ о своихъ дѣлахъ, о своей литера-

турѣ, о своихъ стремленіяхъ... Рано утромъ насъ разбудили и мы двинулись дальше. На наше счастье, намъ не встрѣтились разбойники и мы весело и благополучно достигли громаднаго Татевскаго монастыря, куда изъ Гирюзи уже всѣ ѣхали верхами. Татевскій монастырь, основанный еще въ 9-мъ вѣкѣ Тер-Оганессомъ, болѣе похожъ на неприступную крѣпость, чѣмъ на мирную обитель. На выступахъ скалы, надъ глубокими пропастями, лежитъ монастырь. Его стѣны слились съ скалами и глядятъ на глубокую долину, окруженную горами, прямо упирающимися въ небеса. Двѣ церкви и маленькая колоколенка поднялись надъ этимъ каменнымъ гнѣздомъ и глядятъ во всѣ стороны, какъ сторожа. Осмотрѣвъ монастырь, его внутренніе дворы съ ажурными галереями, его соборъ съ богатой ризницей, которой гордятся армянскіе монахи, отдохнувъ и закусивъ, мы поѣхали обратно. Добрые монахи благословляли насъ и желали не встрѣтить разбойниковъ до Шуши. И вѣроятно ихъ молитвы были такъ искренни и горячи, что мы совсѣмъ благополучно добрались до Шуши. Я провелъ еще нѣсколько часовъ у мѣстнаго археолога-нѣмца, здѣшняго учителя Ресслера, который показалъ мнѣ множество старинныхъ стрѣлъ, бронзовыхъ издѣлій, украшеній, урнъ и вазъ, все предметы изъ раскопокъ кургановъ окрестностей Шуши и Зангезурскаго уѣзда, и безъ встрѣчи съ жестокими разбойниками пріѣхалъ въ Евлахъ, гдѣ хуже всякихъ бѣдствій были комары и мошкара, буквально

заѣдающіе всѣхъ, кто имѣлъ несчастье ждать нѣсколько часовъ поѣзда. Я искренно пожалѣлъ остающихся здѣсь ночевать и, сѣвши въ подходящій поѣздъ, уѣхалъ въ Кюрдамюръ и въ Шемаху.

14.

Еще два ханства.

Дорога. Шемаха. Гроза. Рѣчка въ Асху. Елизаветполь и его достопримѣчательности.

И дики тѣхъ ущелій племена
Имъ Богъ—свобода, ихъ законъ—война,
Тамъ поразить врага—не преступленье,
Вѣрна тамъ дружба, но вѣрнѣе мщенье,
Тамъ за добро—добро, и кровь—за кровь
И ненависть безмѣрна какъ, любовь.
Лермонтовъ.

Въ вагонѣ я познакомился съ однимъ помѣщикомъ, который ѣхалъ въ Шемаху.

— Превосходно, воскликнулъ онъ, въ Кюрдамюрѣ мы должны будемъ выйти и возьмемъ пополамъ лошадей до Шемахи. Вѣдь эти 70 верстъ ужасно скучно ѣхать одному!

На станціи Кюрдамюръ мы вылѣзли и принуждены были взять почтовыхъ лошадей, такъ какъ на нашу бѣду не было фаэтоновъ. Миновавъ селеніе Кюрдамюръ съ его пыльнымъ базаромъ, проѣхавъ широкую область садовъ съ громадными серебряными пшатами, которые были въ полномъ цвѣту и благоухали созрѣвавшими персиками, съ инжирами, тутами и миндальными деревьями, съ

массой оросительныхъ канавъ, мы выѣхали въ громадную низменную степь съ массой зарослей цвѣтущихъ зуровъ по болотинамъ. Въ садахъ трещали соловьи, свѣшивались на живыя изгороди зацвѣтающія розы, а въ степи догорали травы и торчали репейники. Вдали въ туманѣ обрисовались горы. Это была такая же степь, какъ передъ Нухой. Проѣхавъ 33 версты, переѣхавъ въ бродъ нѣсколько рѣчекъ и ручьевъ, мы подъѣхали къ подножію горъ, переѣхали въ бродъ два рукава рѣчки Ахсу, очень неглубокой и узкой, и въѣхали въ густые сады очаровательнаго мѣстечка Ахсу. Я рѣдко видѣлъ такіе поэтическіе уголки. Мы остановились на базарной площади для передышки, а впереди, вдоль высокихъ горъ, виднѣлась наша дорога, описывающая ярусами зигзаги. Проѣхавъ густые сады, гдѣ переплелись гранатники, розы, орѣшины и всякія фруктовыя деревья и скрыли поэтичную мечеть, мы стали подниматься въ горы все выше и выше и вся степь до самой Куры разостлалась передъ нашими глазами. Мы ѣхали между виноградниками и дубняками, внизу былъ оазисъ садовъ Ахсу съ иглами пирамидальныхъ тополей. Мы взобрались на гребень горъ. Направо и налѣво мелькали ужасные обрывы и пропасти, за которыми виднѣлись чудныя горы съ татарскими деревеньками. Удивительно поэтично надъ пропастью усѣлась деревенька Гаджаръ. Въ этихъ мѣстахъ ежегодніе оползни горъ уносятъ въ пропасти дома, а иногда и цѣлыя селенія. Такъ нынче на половину слетѣла деревня Шарадиль съ домами и са-

дами и уцѣлѣвшіе жители размѣстились во временныхъ шалашахъ. Само шоссе мѣстами съѣхало въ сторону пропастей, а мѣстами провалилось, такъ что приходилось ѣхать съ большимъ рискомъ. За станціей Шарадиль показался монастырь св. Стефана, а затѣмъ въ отдаленьи знаменитое своими красными винами имѣніе Мадрасы, гдѣ вино держится зарытое въ землю въ большихъ глиняныхъ кувшинахъ, прикрытыхъ каменными кружками. Погода была восхитительная и дорога въ виду панорамы горъ пролегала по лугамъ и холмамъ плоскогорья. Тысячи сойекъ, съ ихъ голубыми крыльями и большими хохлами слѣдовали за нами, присѣдая на телеграфную проволоку, и въ травѣ оглушительно трещали стрекозы. Но вдругъ подулъ вѣтеръ и небо заложилось страшными черными тучами. Мы стали подгонять ямщика, который самъ съ тревогой поглядывалъ на небеса и гналъ лошадей. Слѣва тянулись горы. Хорошенькая деревенька «Мейсары» усѣлась на горныхъ кручахъ, а около нее надъ зіяющей пропастью показался монастырь св. Георгія, старинная, чтимая армянская обитель. Шемаха была уже видна и двѣ высокія горы, раздѣленные ущельемъ, обрисовывались все яснѣе и яснѣе. Эти двѣ горы окутаны почти постоянно грозовыми тучами. Дождикъ заколотилъ по дорогѣ, по нашимъ зонтикамъ, блеснула молнія, ослѣпительная, точно все небо разорвалось, загрохоталъ громъ, а за нимъ хлынулъ такой дождь, что казалось, тучи цѣликомъ падаютъ на землю. Мы не мчались, а летѣли, и я и мой спутникъ пришли нѣсколько въ

себя только тогда, когда кони наши влетѣли въ ворота почтовой станціи и мы вошли въ душную маленькую комнату, грязную и убогую, съ двумя деревянными скамейками и ужаснымъ столомъ въ такихъ пятнахъ, что противно было смотрѣть на него. Обѣ скамейки уже были заняты и мы сложили наши вещи въ уголокъ. Въ ту минуту, когда мы вошли, казалось, небеса разверзлись. Молнія сіяла, громъ грохоталъ до того, что стекла дребезжали въ окнахъ, а съ неба падалъ не дождь, не отчаянный ливень, а прямо бѣшеные потоки. Дворъ почтовой станціи моментально превратился въ озеро, по ужасной, узкой, крутой улицѣ мимо оконъ неслась пучина, стремясь внизъ, сталкиваясь съ другими ручьями изъ боковыхъ улицъ. Вода ревѣла, какъ водопады. Происходило что-то ужасное, неописуемое. Я не зналъ, что дѣлать, и рѣшился переждать дождь, чтобы идти...

— Куда идти? спросилъ меня одинъ изъ занявшихъ скамью.

— Куда нибудь въ гостинницу, въ постоялый дворъ, гдѣ можно найти пристанище, отвѣтилъ я.

— Напрасно вы будете утруждать себя. Въ Шемахѣ нѣтъ гостинницъ, нѣтъ даже постоялаго двора, гдѣ-бы можно было остановиться. Былъ прежде казенный заѣзжій домъ, въ которомъ останавливались пріѣзжіе, тамъ-же была и кухня, но этотъ домъ давно уже закрытъ и кромѣ этой почтовой станціи, здѣсь нѣтъ пристанища. У васъ нѣтъ въ Шемахѣ знакомыхъ? спросилъ онъ.

— Какіе знакомые! Помилуйте! воскликнулъ я,

я пріѣхалъ ознакомиться съ городомъ, никого и ничего не знаю. Не могу же я оставаться на улицѣ въ эту бурю и грозу! На что-же и почтовая станція, какъ не для пріюта такихъ странниковъ, какъ я.

Хозяинъ станціи сначала увѣрялъ, что только двѣ скамейки имѣются въ распоряженіи проѣзжихъ, но, когда онъ увидѣлъ, что я вынимаю изъ кармана рублевку, онъ засуетился и откуда-то мнѣ принесли очень грязную и очень не привлекательную скамейку, которую покрыли какимъ-то пестрымъ и тоже очень подозрительнымъ ковромъ, но я радъ былъ, что нашелъ какое нибудь пристанище. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Гроза только что пріутихла, какъ вдругъ налетѣла новая гроза, снова загрохоталъ громъ, снова новые потоки хлынули съ неба. Мой спутникъ долженъ былъ ѣхать къ знакомымъ и вынужденъ былъ переждать дождь. Немыслимо было даже подумать выйти на улицу въ эти ревущіе потоки, которые клокоча неслись по крутымъ улицамъ Шемахи въ рѣчку Пирсагатъ, текущую далеко внизу подъ горой. Мы сидѣли вчетверомъ, какъ запуганныя и загнанныя въ пещеру бурей, попавшіяся въ непогоду птицы. Я первый оправился, спросилъ самоваръ, вынулъ свою корзину, въ которой была еще колбаса, хлѣбъ и яйца, и заговорилъ съ моими товарищами по несчастію. Одинъ изъ нихъ былъ винный торговецъ изъ Владикавказа, пріѣхавшій сюда оптомъ скупать вино. Другой—мой спутникъ, съ которымъ мы пріѣхали сюда, третій былъ чахлый молодой человѣкъ съ грустными глазами, съ блѣднымъ и утомленнымъ лицомъ. Это былъ комиссіонеръ, замѣчательный

типъ comis-voyageur, пріѣхавшій сюда съ своими образцами ситцевъ изъ Лодзинской фабрики. Мнѣ много разъ случалось встрѣчаться съ этими comis-voyageur'ами и гдѣ ихъ только нѣтъ, куда только не заноситъ ихъ суровая служба, что только вынести и вытерпѣть должны эти люди! Нашъ шемахинскій молодой человѣкъ охотно разговорился и разсказалъ свою эпопею, какъ два мѣсяца тому назадъ онъ выѣхалъ изъ Лодзи, сколько проѣхалъ городовъ, всюду завязывая отношенія, всюду предлагая свои образцы, всюду заключая условія и заказы или оспаривая и разъясняя происшедшія раньше недоразумѣнія. Онъ проѣхалъ Среднюю Азію, былъ въ Бухарѣ, Самаркандѣ, пробирался въ Ташкентъ, въ Кокандъ, а теперь долженъ былъ объѣздить Кавказъ.

— И вотъ какіе здѣсь удобства, жаловался онъ, ни выспаться нельзя, ни пообѣдать негдѣ. А эти проклятыя рѣки, а эти опасности, которымъ подвергаешься на каждомъ шагу! Ужасно трудно такъ ѣздить. И каждый годъ приходится предпринимать по нѣсколько разъ такія путешествія.

— А эта Шемаха, сказалъ виноторговецъ, какъ только скажутъ это имя, такъ сейчасъ и вспомнишь о землетрясеніи, а какъ скажутъ «землетрясеніе», ну такъ и знаешь, значитъ въ Шемахѣ.

И дѣйствительно съ самыхъ отдаленныхъ временъ, эта бывшая резиденція владѣтелей Ширвана, эта Камахія или Ксамахія, какъ ее называли въ древности, хотя и страдала много отъ разрушеній и разоренія во время войнъ съ персами и съ тур-

ками, хотя неоднократно переносилась съ мѣста на мѣсто, но всего сильнѣе городу пришлось страдать отъ землетрясеній. Въ 1669 году погибло болѣе 8 тысячъ жителей въ нѣсколько секундъ, отъ подземныхъ ударовъ городъ упалъ въ развалины, а деревня Лача, лежащая не подалеку отъ Шемахи, была поглощена съ строеніями и всѣми жителями раскрывшеюся пропастью.

— Каждые нѣсколько лѣтъ бываютъ ознаменованы землетрясеніемъ. Вотъ въ 1872 году что-ли, разсказывалъ виноторговецъ, я тоже пріѣзжалъ сюда по торговымъ дѣламъ, вдругъ это раздался страшный гулъ, трескъ, шумъ. Я понять не могу, что это. Дома стали качаться. Стѣны дали трещины. Часы, мебель, все полетѣло на полъ, посуда вся разбилась. Я думалъ свѣто-представленіе. Не дай Богъ! И я никогда здѣсь долго не засиживаюсь. Кто знаетъ— неровенъ часъ. Вотъ еще хорошо, что сегодня въ имѣніе Мадрасы съѣздилъ. Завтра-бы послѣ такого ливня туда-бы и не проѣхать. Дорога туда и въ хорошую погоду—сущій адъ. За то и вино! Да вотъ разопьемъ, у меня привезено нѣсколько бутылокъ. Самъ Воронцовъ тамъ лозу насадилъ, изъ Франціи ее привезъ, а потомъ самъ пить въ Мадрасу пріѣзжалъ. Ну что? Каково?

Вино было восхитительное, съ необыкновеннымъ ароматомъ, и позже всегда по этому запаху я узнавалъ Мадрасинскія вина.

— Вѣдь здѣсь знаменитыя шелковыя ткани, спросилъ я.

— Еще-бы шемахинскій шелкъ не уступитъ

персидскому. Сказываютъ прежде здѣсь до 700 ткацкихъ станковъ было, да сотни знаменитѣйшихъ мастеровъ изъ Тавриза сюда переселилось, а нынѣ съ сотню станковъ развѣ наберется. Шемахѣ конецъ пришелъ, какъ послѣ сильнаго землетрясенія ее изъ губернскихъ городовъ разжаловали.

— А что здѣсь есть интереснаго? спросилъ я.

— Интереснаго? Да вотъ развѣ верстъ 25 отсюда будетъ, сказалъ виноторговецъ, раскупоривая новую бутылку Мадрасинскаго, есть деревня Сулутъ, а близко отъ нея пещера, въ которой лѣтомъ вода замерзаетъ и всегда тамъ стоитъ ледъ.

— А то, сказалъ блѣдный молодой человѣкъ, верстахъ въ 15 отъ Шемахи есть горячія сѣрныя воды въ деревнѣ Маммедъ-Салимъ, мы туда отъ нечего дѣлать въ прошломъ году ѣздили.

Дождь пересталъ, но небо хмурилось. Мой спутникъ рѣшился наконецъ идти и, пожелавъ намъ всякихъ благъ, исчезъ въ темнотѣ.

— Ночь мы провели кое-какъ. Я такъ былъ утомленъ наканунѣ, что не смотря на осаждавшихъ паразитовъ, заснулъ въ концѣ концовъ, какъ сурокъ. Зато бѣдный молодой человѣкъ пространдалъ всю ночь, воюя съ этой неизбѣжной въ восточномъ домѣ арміей. Я проснулся рано. Дивное солнечное утро заставило меня вскочить на ноги и бѣжать въ городъ.

Странное впечатлѣніе произвела на меня Шемаха съ ея низенькими домиками, большею частью одноэтажными, плоскими крышами, широкими улицами, садами и большими пустырями. Очевидно все

было принаровлено на случай землетрясенія. Городъ усѣлся на выступѣ и вползъ своими скверно мощеными, крутыми улицами на холмы и горы и спустился внизъ къ рѣкѣ Пирсагату, гдѣ раскинулся татарскій городъ, совсѣмъ затонувшій въ садахъ. Въ высшей точкѣ города подлѣ запущеннаго общественнаго сада, гдѣ все заплелось виноградомъ и ежевикой, поднялся бѣлый самой казенной постройки соборъ, увѣнчанный зелеными луковками. Видъ отъ собора съ этой горы на нижнюю часть города, его сады, извивы серебрящагося Пирсагата, на многочисленные пирамидальные тополя, на ярко-синій куполъ мечети съ ея иголкой минарета, на горы, поднявшіяся за долиной амфитеатромъ и сплошь покрытыя пшеницей и виноградниками—неотразимо прелестенъ. Отсюда виднѣется на холмѣ татарское кладбище съ пятью ханскими могилами въ видѣ желтыхъ пятиугольныхъ башенокъ-часовенъ съ красными коническими крышами. Тамъ спятъ ханы, которые назывались ширванъ-шахами и которые при разрушеніи Шемахи переносили свою резиденцію то въ Ахсу, гдѣ до сихъ поръ въ густой тѣни сохранился поэтичный ханскій домъ съ задумчивыми рѣшетками оконъ, то, какъ Мустафа, принявшій русское подданство, въ Фит-дагъ, гдѣ до сихъ поръ на мѣстѣ бѣлаго города среди груды развалинъ видны слѣды ханскихъ дворцовъ.

Главная улица занята лавками, въ которыхъ торговцы повсюду армяне. За этими домиками высятся горы, вершины которыхъ утонули въ тучахъ и туманахъ. Не смотря на отвратительную мостовую

здѣсь хорошіе извощики, фаэтоны которыхъ выдерживаютъ благополучно встряску по торчащимъ во всѣ стороны камнямъ. На одной изъ горъ за городомъ остались развалины крѣпости, говорящія о древней Шемахѣ, раззоренной и разрушенной и людьми и ударами земли.

Нѣкоторыя улицы Шемахи сплошь одѣты каменными толстыми садовыми стѣнами, вершины которыхъ заросли макомъ, колокольчиками, ромашками и другими травами, съ которыми перемѣшались кисти цвѣтущей сирени и другихъ кустовъ въ садахъ и образовали прелестныя гирлянды, словно положенныя на края этихъ стѣнъ.

— А я васъ ищу, раздался голосъ виноторговца. Знаете что? Я хочу ѣхать въ Кюрдамюръ. Хотите возьмемъ пополамъ фаэтонъ? Право, здѣсь ничего нѣтъ интереснаго, а если мы не поспѣемъ уѣхать, мы можемъ на долго застрясть, говорятъ въ горахъ все еще дожди и можетъ быть большая вода.

— Неужели эти ручейки страшны! воскликнулъ я, ихъ такъ мало на нашемъ пути, и они совсѣмъ ничтожны.

— А рѣчка Ахсу?

— Ахсу! Полноте! Я только что проѣзжалъ дѣйствительно ужасныя рѣки, а Ахсу это невинное дитя передъ ними. Впрочемъ я согласенъ, въ этой Шемахѣ негдѣ пріютиться, негдѣ даже поѣсть и чаю выпить. Ѣду. Беремъ фаэтонъ.

Мы сторговались съ фаэтонщикомъ и онъ обѣщалъ насъ за 8 рублей доставить въ Кюрдамюръ.

День былъ восхитительный, горы сіяли на солнцѣ

и ихъ хребты, полные переливовъ, раскинулись длинной и восхитительной панорамой. Мы проѣхали русское кладбище и казармы, около которыхъ на зеленомъ лугу, обучались солдаты, и, выѣхавъ на шоссе, быстро помчались по колосящимся отъ ячменя и пшеницы полямъ. Недолго мы ѣхали, наслаждаясь видами и зеленью полей, пришлось остановиться у глубокаго оврага. Мостъ, по которому мы вчера проѣхали, былъ снесенъ и въ сухомъ логѣ вчера, сегодня клокотала стремнина, бѣшено обрывая берега. Въ нее падали куски земли съ дерномъ, съ пшеницей, съ камнями, и мутный потокъ уносилъ все съ собой. Главное затрудненіе было, какъ перебраться, гдѣ найти пологій спускъ. Извощику пришлось долго искать переправы, въ концѣ концовъ мы вышли изъ фаэтона, который со страшными трудностями былъ спущенъ внизъ, мы забрались въ него, цѣпляясь, какъ акробаты, и перебрались черезъ потокъ. Къ счастью, противоположный берегъ былъ пологій.

— Что я вамъ говорилъ, укорялъ меня за мое недовѣріе виноторговецъ, повѣрьте, что сегодня рѣки, о которыхъ вы говорили, завтра будутъ совсѣмъ не проходимы.

Путешествіе наше по горамъ, по карнизамъ и извивамъ дороги мимо обвалившейся деревни Шарадиль прошло благополучно. Дивные виды открывались на глубоко и далеко лежащую гдѣ-то въ пропасти долину рѣчки Ахсу съ сдавившими ее горами, которыя тонули въ голубыхъ дымкахъ.

Не смотря на громадное разстояніе глухой ревъ воды доносился до насъ.

— Слышите, вода идетъ съ горъ, сказалъ виноторговецъ.

— Да, это большая вода, подтвердилъ ямщикъ и погналъ еще скорѣе лошадей.

Вотъ начался Ахсунскій спускъ съ горъ по этимъ зигзагамъ и карнизамъ дороги. Мы принялись считать повороты и насчитали 34 зигзага.

Вотъ мы и въ Ахсу, среди густыхъ и душистыхъ садовъ, изрѣзанныхъ оросительными канавами, выведенными изъ Ахсу. Вода летѣла съ страшной скоростью по этимъ канавамъ и выкатывала волны на берегъ.

— Здѣсь будемъ кормить лошадей, сказалъ ямщикъ, постоимъ часа 3.

Мы выѣхали снова на базарную площадь и остановились уже не у почтовой станціи, а около чайной лавочки красиваго перса. Этотъ домикъ имѣлъ крошечный балкончикъ надъ лавкой. Недолго думая, мы поднялись на этотъ балконъ по отчаянной наружной лѣстницѣ, въ которой не хватало нѣсколько ступеней. Персъ притащилъ намъ по табуреткѣ, принесъ очень сноснаго чаю, мы заказали ему шашлыкъ и, развязавъ наши корзины, усѣлись за ѣду. Видъ съ балкона на оживленную и оригинальную площадь съ лавченками третьяго сорта и совсѣмъ особенной жизнью очень развлекалъ насъ. Подъѣхало нѣсколько экипажей съ публикой изъ Шемахи и изъ Кюрдамюра и всѣ остановились въ Ахсу—кормить лошадей и отдыхать часа на три. Небольшая душная комната на почтовой станціи была переполнена публикой. Неустройство всего просто возмущало меня.

Еслибы мы не примостились на нашей голубятнѣ то хоть волкомъ вой, садись на землю на душной и жаркой площади и жди три часа, пока лошади будутъ готовы. Ни скамейки, ни тѣнистаго уголка сада, буквально нигдѣ ничего. Подъѣхало еще 4 фаэтона изъ Кюрдамюра и несчастная публика стала слоняться по вонючей и пыльной площади, проклиная судьбу, что въ теченіи предстоящихъ трехъ часовъ некуда будетъ приткнуться.

Закусивъ и потолковавъ о нашемъ неустройствѣ, нераспорядительности и халатности, мы пошли побродить по Ахсу. Ближній рукавъ рѣчки, протекающій у самаго базара, не предвѣщалъ ничего хорошаго. Изъ маленькаго ручейка онъ превратился въ широкую бурную рѣку. Караванъ повозокъ съ двумя верблюдами, нагруженными чѣмъ-то, перебирался черезъ воду при оглушительныхъ крикахъ погонщиковъ и толпы на берегу.

— Вода идетъ, повторяли всѣ другъ другу и эти слова дѣйствовали одинаково удручающе на всѣхъ. Всѣ спѣшили перебраться черезъ Ахсу и всѣ понимали, что именно для этого и надо дать хорошій отдыхъ лошадямъ.

Наконецъ, намъ запрягли лошадей и мы двинулись въ путь. Ближній рукавъ удалось благополучно оставить за собой и мы затряслись по камнямъ и рытвинамъ къ второму рукаву. Илистыя, грязныя волны вздымались высокими гребнями, грызли противоположный берегъ и, какъ бѣшеныя, бурлили и взлетали, точно стая бѣлогрудыхъ хищныхъ птицъ.

Вода падала ревущими и страшными водопадами черезъ камни, которые она волочила.

Мы остановились передъ этой пучиной и не рѣшались въѣхать въ нее.

— Я вамъ говорилъ, пробурчалъ виноторговецъ, эту пучину не проѣхать.

Ямщикъ слѣзъ съ козелъ, быстро раздѣлся и пошелъ искать броду, но онъ не могъ даже далеко отойти отъ берега и вернулся обратно.

— Какъ прикажете? Ѣхать? уныло спросилъ онъ.

Какъ же можно было не ѣхать! Вода могла еще подняться и мы могли застрясть въ Ахсу, да вѣдь прошелъ же караванъ съ двумя верблюдами сквозь эти пучины.

— Валяй, сказалъ я, хоть душа, каюсь, ушла въ пятки и я сознавалъ, что мы страшно и безумно рискуемъ.

Ямщикъ ударилъ по лошадямъ. Лошади сначала не хотѣли идти, но, погодя съ минуту, бросились въ рѣку. Не умѣю описать, что тутъ произошло.

— Назадъ, кричалъ мой виноторговецъ, блѣдный, какъ полотно. Но уже было поздно, волны подхватили насъ и я чувствовалъ, что пучина несетъ весь фаэтонъ и лошади плывутъ безсильно по теченію. Помню, я закричалъ, какая то безумная, страстная жажда жизни проснулась во мнѣ. Рѣчка несла насъ къ повороту, это было наше счастье. Лошади, почуявъ бѣду, сами бросились куда-то въ сторону и у поворота рѣки выскочили какимъ-то неописуемымъ чудомъ на берегъ. Какъ не перевернулся нашъ

фаэтонъ, какъ мы живые выбрались изъ этой проклятой рѣки, я до сихъ поръ недоумѣваю.

И мы помчались по степямъ, заросшими зурами. Всѣ ручьи, рѣчки, канавы—превратились въ бурные потоки, но послѣ Ахсу ни одинъ изъ нихъ ужъ не устрашилъ насъ. Мы были безконечно рады, когда добрались до станціи и селенія Кюрдамюръ, съ его садами и домиками подъ тростниковыми крышами. Намъ пришлось провести ночь на здѣшней скверной почтовой станціи и спать по вчерашнему на жесткихъ скамьяхъ. Ресторанъ на вокзалѣ, дѣйствующій только во время прихода и ухода поѣздовъ, былъ также закрытъ и мы должны были удовлетвориться скудными остатками нашихъ запасовъ, къ которымъ прикупили на базарѣ яицъ. Напившись чаю, мы легли спать, а рано утромъ поспѣшили на поѣздъ.

— Вы знаете, чѣмъ Ахсу замѣчателенъ? спросилъ меня виноторговецъ. Нѣтъ? Тутъ водится турачъ или ханская курочка. По вкусу ему нѣтъ равной дичи, а главное, что онъ встрѣчается только въ Ахсу и въ Ленкорани. Страшная рѣдкость!

— Не говорите про Ахсу, воскликнулъ я, мнѣ и теперь не по себѣ при воспоминаніи объ этой рѣкѣ.

* *
*

Между Кюрдамюромъ и Тифлисомъ находится Елизаветполь, тоже бывшее ханство, богатая прежняя Ганжа. Въ Елизаветполь я попалъ изъ Тифлиса по дорогѣ въ Баку. Какъ то совѣстно было проѣхать мимо былаго областнаго города области Арранъ, выстроеннаго еще въ 16 вѣкѣ, взятаго Циціано-

вымъ страшнымъ штурмомъ въ 1804 году и изъ татарско-персидской Ганжи переименованнаго въ Елизаветполь, въ честь императрицы Елизаветы Алексѣевны.

Проѣхавъ за Тифлисомъ громадныя Караязнскія степи, вдоль и поперекъ изрѣзанныя ороси тельными канавами и орошаемыя большимъ Маріинскимъ каналомъ, мы остановились минуты на 2 на станціи Рогутъ-Булахъ. Толпы мальчиковъ съ связками молодой спаржи осадили наши вагоны. Коричневыя, мохнатыя, точно грибы шапки, мальчиковъ мелькали повсюду, а публика чуть не въ полъ-минуты раскупила всю принесенную спаржу. Проѣхавъ густые миндальные и персиковые сады и переѣхавъ мутную и грозную Куру, поѣздъ помчался по широкой долинѣ этой рѣки, окаймленной далеко отбѣжавшими другъ отъ друга горами Малаго и Большаго Кавказа. Эти чудные горные хребты, полные синихъ тѣней, полузадернутые облаками, сопровождали насъ. За станціей Шамхара, съ ея старыми остатками моста и крѣпости, снова потянулась знойная степь, среди которой на берегахъ небольшой рѣчки Ганжи разбросался Елизаветполь, лежащій въ 6 верстахъ отъ вокзала.

Взявши фаэтонъ, я поѣхалъ въ городъ по длинной аллеѣ изъ плакучихъ граціозныхъ ивъ и цвѣтущихъ бѣлыхъ акацій. Громадные виноградники и сады тянулись вокругъ города. У самаго въѣзда въ городъ поднялись два такіе гиганта платана, выросшіе изъ одного корня, что цѣлая пыльная площадь укрылась въ ихъ тѣни, а стволы ихъ имѣли

не меньше, какъ по сажени въ діаметрѣ. Какое странное впечатлѣніе производитъ Елизаветполь съ его глухими каменными стѣнами, съ отсутствіемъ оконъ на улицу, съ колоссальными платанами и орѣшинами среди улицъ, стволы которыхъ не обнимутъ даже 6 человѣкъ, съ шумящими повсюду ручьями и оросительными канавами! Это какой то некрополь—эта персидская Ганжа, такъ хорошо сохранившая свою прежнюю физіономію. Только за рѣкой — армянская часть и русская у красиваго православнаго, сложеннаго изъ кирпича, собора, имѣютъ новые хорошіе дома и европейскіе магазины. Гвоздь всего города—его Майданъ, колоссальная грязная и вонючая площадь передъ персидской мечетью, окруженная дрянными лавченками, полными живописности востока. Съ правой стороны площадь засажена платанами, изъ которыхъ нѣкоторые достигаютъ 130 и 150 футовъ. Что-то могучее, колоссальное въ этихъ великанахъ-деревьяхъ, бросающихъ на громадное разстояніе свою тѣнь и ютящихъ вокругъ могучихъ стволовъ десятки лавченокъ и продавцевъ. Вокругъ площади журчатъ ручьи, въ которыхъ правовѣрные моютъ свои грѣшныя ноги, куда сливаютъ нечистоты, воду которыхъ пьютъ. Не мудрено, что между ними распространилась страшная болѣзнь «годовикъ» или «персидская язва», которая продолжается ровно годъ. Эта гноящаяся язва появляется на лицѣ, на рукахъ, на ногахъ и, исчезая черезъ годъ, оставляетъ глубокій и часто очень безобразный рубецъ. Не мудрено, что многіе страдаютъ отъ волосатиковъ,

этой водяной глисты, развивающейся въ мускулахъ людей и причиняющей невѣроятныя страданія. До чего поэтичны всѣ эти бараки и домики, торчащіе въ тѣни платановъ. Съ лѣвой стороны Майдана осталось больше колоссальныхъ пней, чѣмъ деревьевъ. И тутъ лежатъ въ тѣни усталые верблюды и отчаянно кричатъ ослики. Въ срединѣ площади фонтанъ, около котораго вѣчная толпа. Тутъ буйволы, муллы, волы, верблюды, ослики, люди, всѣ смѣшались въ пеструю массу, всѣ спѣшатъ добраться до болѣе чистой воды. Жизнь на площади кипитъ ключемъ. Татарки въ красныхъ одѣяніяхъ, въ 4-хъ угольныхъ бѣлыхъ платкахъ, снуютъ среди персовъ и черноглазыхъ армянъ, высматривая товары. Сама мечеть низенькое зданіе съ воротами, надъ которыми высится полукуполъ изъ бѣлыхъ ячеекъ и надъ которыми поднялись два высокихъ кирпичныхъ минарета, стройныхъ и красивыхъ, съ бесѣдочками подъ досчатыми крышами на вершинахъ, съ пошатнувшимися полумѣсяцами, торчащими изъ-за зелени платановъ. Возлѣ мечети духаны съ пестрыми галереями, съѣстныя и чайныя, цирульни и мѣняльныя, съ бѣлыми полотняными навѣсами, привѣшанными веревками къ вѣтвямъ могучихъ деревьевъ. И всюду здѣсь розы, въ каждой лавкѣ, въ каждомъ баракѣ хоть пучекъ чудныхъ розъ радуетъ и привѣтствуетъ васъ.

Я вошелъ во дворъ мечети. Задумчиво и меланхолично рокоталъ фонтанъ въ своей бѣлой каменной чашѣ, а тѣни чинаровъ ложились темными пятнами на весь бѣлый дворъ и на саму мечеть, при-

давленную громаднымъ толстымъ куполомъ. Дворъ, выложенный плитами, прорѣзанъ канавками, по которымъ плещутся струи водъ изъ фонтана и несутся на Майданъ. Повсюду сидѣли персы и на ступенькахъ мечети и въ прохладной тѣни платановъ.

Мечеть стоитъ около базара и стоитъ выйти изъ нее, чтобы очутиться въ этихъ узкихъ корридорахъ, въ которые свѣтъ падаетъ сверху столбами сквозь отверстія въ куполахъ. Пестрота лавокъ и товаровъ неописуемая и такъ странно видѣть этихъ восточныхъ людей, одѣтыхъ пестро и красиво съ ихъ черными и блестящими глазами и работающими на швейныхъ машинахъ...

Сколько въ Елизаветполѣ слѣпыхъ улицъ, какъ въ нашей старушкѣ Москвѣ. Идешь, идешь и упрешься въ домъ или стѣну и приходится тащиться обратно. То наткнешься на поэтичную группу платановъ, то на остатки развалинъ, у подножія которыхъ поэтично журчатъ ручьи. Въ стѣнѣ прекраснаго и тѣнистаго городскаго сада высится толстая, изгрызенная временемъ развалина, вся поросшая травой и кустами. Это толстая арка въ два этажа съ четырьмя окнами, слѣпо глядящими на катальпы, кипарисы, гледитчіи и китайскія мальвовыя деревья чуднаго сада—остатокъ былой Ганжинской крѣпости.

Нигдѣ я не видалъ такъ много садовъ и такихъ мощныхъ чинаровъ, какъ въ Елизаветполѣ. Даже въ новыхъ частяхъ города и по армянской Чавчавадзовской улицѣ всюду пощажены при перестройкѣ домовъ красавцы—платаны, то растущіе среди

улицы, то на тротуарѣ. Они образуютъ красивую группу у армянской бѣлой церкви, съ виду похожей на мечеть. По платанамъ вмѣсто телеграфныхъ столбовъ, повсюду протянуты проволоки. Изъ подъ ихъ тѣни глядятъ на улицу галереи, пестро окрашенныя то въ синій и красный цвѣта, то съ бѣлыми колонками и необычайно пестрыми потолками. Нерѣдко галереи завиты розами и виноградомъ. Большой новый армянскій соборъ, тяжелый и неуклюжій, сложенный изъ красноватаго песчаника, окруженъ такой же тяжелой стѣной, съ массивными воротами, украшенными тяжелой каменной цѣпью, вѣроятно какой нибудь эмблемой. На аркѣ лежатъ на спинахъ двѣ колоссальныя статуи воиновъ съ трубами во рту, съ массивными пьедесталами подъ ногами. Есть здѣсь еще развалины стараго моста, горбомъ переброшеннаго черезъ Ганжу, отъ котораго уцѣлѣло нѣсколько арокъ. И всюду сады, всюду шумящіе по улицамъ и вдоль дорогъ ручьи и несмотря на это, жары и зной въ теченіи лѣта здѣсь невыносимы. Всѣ, кто могутъ, бѣгутъ на лѣтніе мѣсяцы въ красивыя горныя окрестности города, въ зеленую нѣмецкую колонію Еллендорфъ, съ ея густыми бульварами, красной церковью, большимъ пивнымъ заводомъ и лѣсами виноградниковъ, основанную выходцами изъ Вюртенберга, лежащую въ 8 верстахъ отъ города, въ гористый и поэтичный Аджикентъ въ 23 верстахъ, заползшій на предгорія Малаго Кавказа надъ рѣчкой Кюракчаемъ, въ Зурнабадъ на берегахъ Ганжи, въ горы къ озеру Гок-чай, въ очаровательную Делижанскую долину.

Помню однажды мнѣ пришлось заѣхать въ Елизаветполь въ началѣ іюля. Я весь день не находилъ себѣ мѣста и, съѣздивъ по дѣлу, почти все время пролежалъ въ гостинницѣ, не будучи въ состояніи двинуть ни рукой, ни ногой и обливаясь все время потомъ.

Изъ Елизаветполя я отправился въ Баку. Вотъ мелькнулъ Евлахъ съ его комарами и мошками и дорогами на Шушу и Нуху, вотъ и станція Уджары съ большимъ осолодковымъ заводомъ, куда несутъ и везутъ изъ всѣхъ окрестностей повсюду обильно растущій солодковый корень. Ночью мы оставили за собой Кюрдамюръ, съ его дорогой на Шемаху, съ страшной рѣчкой Ахсункой, и большую станцію Аджи-Кабулъ, откуда идетъ прямой путь на Сальяны и Ленкорань. Мѣстность сдѣлалась пустынна, песчана. Среди песковъ, покрытыхъ громадными бѣлыми, душистыми и неправильными цвѣтами каперсъ на ихъ стелющихся вѣтвяхъ и верблюжьей травой (Alhagi camelorum), мѣстами высились песчаные голые конусы. Вотъ показалось и Каспійское море съ его однообразнымъ песчанымъ берегомъ, по которому летѣлъ нашъ поѣздъ. Что-то зловѣщее, угнетающее лежало на здѣшней мѣстности, но вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то грозное, могучее, что подавляло. Вотъ и станція Пута съ ея грязевыми вулканами, съ соляными озерами среди пустынныхъ камней и песковъ, вотъ и знаменитая сопка Лок-Батанъ, черная, молчаливая, съ разсѣченной вершиной. Мѣстность сдѣлалась еще грознѣе, мы въѣхали въ долину. Черныя плойчатыя

скалы грозно поднялись съ обѣихъ сторонъ, соляныя озера замерли безъ движенія и всюду поднялись вулканическіе конусы, мертвые и страшные, грозные и зловѣщіе. Это была Волчья долина. Здѣсь и станція «Волчья долина», у которой поѣздъ остановился на минуту.

Спутники мои по вагону стали собирать вещи.

— Сейчасъ будетъ Баку, сказалъ мнѣ мой сосѣдъ, съ которымъ мы, конечно, давно познакомились. Васъ встрѣтятъ?

— Да, я ѣду къ моимъ роднымъ, моимъ большимъ друзьямъ, теткѣ и дядѣ, чтобы съ ними предпринять путешествіе въ Ленкорань на недѣлю. Я ихъ давно не видѣлъ и потому очень волнуюсь передъ встрѣчей съ ними.

Поѣздъ вышелъ изъ Волчьей долины и полетѣлъ по пустынной мѣстности, а я прильнулъ къ окну, ожидая дорогой встрѣчи, и не слышалъ, что мнѣ разсказывалъ мой спутникъ.

15.

Баку.

Первый день въ Баку. Набережная. Городской садъ. Въ крѣпости. Опрѣснитель.

Такъ души низкія. Будь знатенъ, силенъ ты,
Не смѣютъ на тебя поднять они и взгляды,
Но упади лишь съ высоты
Отъ первыхъ жди оть нихъ обиды и досады.

Крыловъ.

Я подъѣзжалъ къ Баку. Болѣе скучной однообразной мѣстности и представить себѣ трудно. Голая, мертвая, безъ единой травки, необозримая пустыня разстилалась предо мной. Только мѣстами эта унылая буро-желтая мѣстность прерывалась бѣлыми полосами осадковъ соли. Я проснулся рано и все время глядѣлъ въ окна вагона, поражаясь мертвенностью пустыни. Кое-гдѣ поднимались холмы, но такіе же бурые, унылые и печальные.

Постоянно приходилось слышать, что Баку нѣчто ужасное, городъ зноя, ужасныхъ вѣтровъ, пропитанный сплошь запахомъ керосина, что тамъ нѣтъ ни единаго дерева, нѣтъ прѣсной воды, а пьютъ соле-

ную, что чай нельзя пить безъ кислаго, гранатоваго сока, что это городъ совершенно азіатскій и промышленный, напоминающій своей дѣятельностью американскіе города.

— Это ужасъ—это Баку, говорили мнѣ, побывавшіе здѣсь, все тамъ отвратительно, улицы поливаютъ мазутомъ, отбросокъ отъ нефтянаго производства, воздухъ ужасный. Вѣтры—боры такіе, что роняютъ идущихъ по улицѣ. Интереснаго въ Баку ничего нѣтъ. Всюду керосинъ и нефть и больше ничего.

По правдѣ сказать я отъ Баку ничего лучшаго и не ожидалъ. Даже самое названіе «Баку» означало ударъ вѣтра и рисовало въ моемъ воображеніи вывороченные зонтики, публику, ловящую свои шляпы, тальмы, перевернутыя на головы и тому подобныя картины.

Вдали показался лѣсъ черныхъ кипарисовъ. Лѣсъ не лѣсъ, а какое-то нагроможденіе черныхъ пирамидъ, настоящій некрополь. Чѣмъ ближе, тѣмъ яснѣе вырисовывались эти черные, пропитанные нефтью, громадные конусы съ обрубленными вершинами.

— Это Балаханы, сказалъ мнѣ сосѣдъ, главное мѣсто добыванія нефти. Эти черныя пирамиды,—это деревянныя вышки. Онѣ выстроены надъ буровыми колодцами, изъ которыхъ бьютъ или били нефтяные фонтаны.

— Какъ ихъ много, воскликнулъ я.

— Около четырехсотъ. Отсюда нефть проводится по нефтепроводу въ Черный городокъ на разстояніи восьми верстъ. Тамъ ее обработываютъ.

Поѣздъ опять повернулъ и передо мной раскры-

лось во всемъ великолѣпіи Каспійское, безбрежное море, а на берегу его среди копоти и дыма виднѣлись сотни трубъ и черныхъ зданій.

— Неужели это Баку! съ ужасомъ воскликнулъ я, глядя на это пекло, на эти тучи чернаго дыма, копоти и смрада, закрывшихъ небо, на этотъ хаосъ громадныхъ зданій, круглыхъ резервуаровъ, цистернъ, черныхъ стѣнъ, заводскихъ трубъ и озеръ мазута.

— Нѣтъ, это Черный городокъ. Мы подъѣзжаемъ.

Видъ былъ поразительный, неописуемый.

Вокзалъ построенъ на полъ-дорогѣ между городомъ и Чернымъ городкомъ.

Попутчикъ разсказывалъ еще что-то, но я его не слушалъ, я высунулся въ окно и жадно вглядывался во всѣ лица на дебаркадерѣ. Я искалъ моего дядю, который былъ извѣщенъ телеграммой о моемъ пріѣздѣ.

— Вотъ онъ! увидѣлъ я его. Онъ стоялъ въ своемъ сѣромъ пиджакѣ, въ мягкой войлочной шляпѣ, въ очкахъ, съ красивой бородой, которой онъ такъ гордился и усиленно пялилъ глаза, чтобъ найти меня. Еще минута и мы лежали въ объятіяхъ другъ друга. Такія минуты не передаются.

Успокоившись, захвативъ багажъ, мы усѣлись на извощика и дядя повезъ меня къ себѣ въ Черный городокъ, гдѣ онъ жилъ и служилъ.

Этотъ первый день, хотя я и пріѣхалъ въ Баку въ 7 часовъ утра, пропалъ для меня, какъ для туриста безслѣдно. Дядя былъ въ отчаяніи, что не обратилъ моего вниманія на татарскій стиль вокзала, я ничего не замѣчалъ, какъ меня везли черезъ

какія-то трубы, рельсы, пустыри, потомъ привезли въ хаосъ смрада и дыма, въ непроходимые дебри резервуаровъ нефти, наливныхъ вагоновъ, заборовъ, фабрикъ, сараевъ и, наконецъ, привели въ жилище дяди. Тутъ начались новыя родственныя изліянія. Мы были очень дружны и не могли не радоваться, надѣясь на хорошіе дни нашего совмѣстнаго житья. Первымъ дѣломъ мы начали звонить въ телефонъ. Баку вдоль и поперекъ окутанъ сѣтью телефоновъ. Мы вызвали къ телефону тетушку, начальницу гимназіи. Когда я услышалъ ея голосъ, я хотѣлъ обнять телефонъ. Я сталъ рваться къ ней, но дядя не хотѣлъ отпустить меня, не покормивши.

Какъ мы ѣхали черезъ Черный городокъ, какъ проѣхали весь громадный Баку, какъ докатили до гимназіи, лежащей совсѣмъ на той сторонѣ города— ничего не знаю. Мнѣ все нравилось, все казалось прелестнымъ. Городъ—живой, дѣловитый, блестящій, восхитительно лежащій вокругъ залива—очень понравился мнѣ, а когда я увидѣлъ городской садъ, я разинулъ ротъ отъ удивленія.

И вотъ мы въ гимназіи, въ квартирѣ тетки, тетка у меня въ объятіяхъ, я у тетки. Этотъ день пролетѣлъ, какъ одинъ часъ. Мы говорили до хрипоты и восторгамъ свиданія не было конца. Мы говорили о предполагаемой поѣздкѣ и объ экскурсіяхъ въ Ленкорань, гдѣ хотѣли провести недѣлю, и всѣ трое, я и мои дядя и тетя, всѣ однихъ лѣтъ, однихъ взглядовъ—тѣшились веселой перспективой этой ожидаемой поѣздки.

Когда тетка привела меня на балконъ гимназіи, кстати сказать, одного изъ лучшихъ зданій города, высоко лежащаго за городскимъ садомъ, я пришелъ въ восторгъ отъ дивнаго вида, раскрывшагося передъ моими глазами. У моихъ ногъ былъ небольшой городской садъ, за которымъ высились стѣны крѣпости, спускаясь по горѣ къ морю. Изъ за крѣпостныхъ стѣнъ торчали минареты и башни и курьезныя дымовыя трубы, похожія на гигантскія каменныя бутылки натуральной зельтерской воды. Дѣвья башня, плоская съ боковъ, словно сдавленная, поднялась надъ хаосомъ плоскокрышихъ домовъ у набережной; море, синее, залитое солнцемъ искрилось и свѣтилось. Вся дивная бухта Баку была передъ моими глазами. Море образовало громадную подкову своимъ заливомъ, глубину котораго занялъ городъ, поднимаясь улицами и зданіями въ гору, одѣвая холмы и кряжи строеніями, съ одной стороны далеко вдался въ Каспій Апшеронскій полуостровъ, съ его Чернымъ городкомъ, полнымъ смрада и дыма, лежащимъ сейчасъ же за Баку и еще болѣе далекимъ Бѣлымъ городомъ. Съ другой стороны залива вдался въ море прелестный Баиловъ мысъ съ горбатой горой на спинѣ и дополнилъ своеобразную панораму. Помню, какъ очаровала меня картина и видъ города, когда я подъѣзжалъ къ нему на пароходѣ. Проѣхавъ острова, закрывающіе заливъ, я словно очутился въ колоссальномъ амфитеатрѣ, опоясанномъ горами. Баку, съ виду напоминавшій Тиръ, Сидонъ, Алжиръ, Смирну, суровый, каменный, съ колокольнями церквей и ми-

наретами, сползалъ, какъ каменный звѣрь, къ морю, гдѣ торчала его курьезная Дѣвья башня.

— Развѣ не напоминаетъ Неаполь? говорилъ дядя.

Дѣйствительно, это море, это небо, этотъ заливъ, эти мысы, острова, все напоминало положеніе Неаполя и не могло не чаровать, не нравиться.

Въ Баку я прожилъ довольно долго, позже много разъ пріѣзжалъ сюда и вдоль и поперекъ исходилъ и изъѣздилъ его. Я жилъ въ Черномъ городкѣ, а день проводилъ у тетки въ гимназіи. Мнѣ такъ нравилась наша квартирка въ Черномъ городкѣ, наши разговоры до поздней ночи, наши утренніе чаи и «послѣдніе» стаканы вина передъ сномъ, что я всякій разъ отказывался оставаться въ городѣ и уѣзжалъ по пустынной мѣстности, по отвратительной дорогѣ среди лужъ мазута въ Черный городокъ. О, эти ночныя путешествія! Помню, однажды дядя уѣхалъ по дѣламъ на нѣсколько дней, а мнѣ надо было ѣхать за вещами въ Черный городокъ и, хотя ночь была черная и бурная, а тетка боялась и не хотѣла отпустить меня, я все-таки взялъ фаэтонщика и поѣхалъ.

Я всегда благополучно добирался до своего жилья, но на этотъ разъ фаэтонщикъ вывезъ меня изъ Баку, провезъ изрядное разстояніе отъ города и вдругъ ссадилъ меня въ самомъ темномъ, въ самомъ глухомъ и непріятномъ мѣстѣ, не желая испортить свой экипажъ по скверной дорогѣ. Мнѣ пришлось покориться, отдать ему деньги за провозъ и отправиться пѣшкомъ дальше. Я увязалъ въ лужахъ мазута, которыя всегда приводили меня въ ужасъ своей черной окраской съ радужной недвигающейся поверх-

ностью. Эти тяжелые отбросы нефти даже не поддаются вѣтру и масленыя ихъ озера стоятъ неподвижно на каждомъ шагу. Я добрался благополучно до дому, но явился такой грязный, такой ужасный съ виду, что служащіе у дяди всплеснули руками и сначала не хотѣли пускать меня въ домъ. Пока я странствовалъ, телефонъ звонилъ отъ тетки, бывшей въ недоумѣніи, что меня нѣтъ такъ долго дома, и надѣлалъ много тревогъ въ нашемъ жильѣ.

* *
*

Баку интересный городъ, оживленный, торговый, напоминающій города Новаго Свѣта. Онъ и русскій, и персидскій, и татарскій въ одно и тоже время и весь окрашенъ въ характерный желтый цвѣтъ. Здѣсь смѣсь Азіи и Европы поражаетъ гораздо больше, чѣмъ въ Тифлисѣ и населеніе такъ пестро, что можно съ интересомъ долгое время наблюдать за уличной жизнью. Самая блестящая часть города— набережная съ превосходными домами, съ тысячами судовъ на Каспійскихъ волнахъ съ вѣчнымъ звономъ конокъ, съ суетой прогуливающихся пѣшеходовъ. Здѣсь гуляетъ бакинская знать, здѣсь толкутся персы съ ихъ красными бородами, которыя они окрашиваютъ хной, растительной краской, здѣсь же полуголый татаринъ растянулся на панелѣ и дремлетъ. Ишаки, верблюды, мулы, лошади движутся передъ вашими глазами, проѣзжаютъ шикарные экипажи, скрипятъ высоченныя, доисторическія арбы, носильщики, продавцы всевозможныхъ національностей, оглушаютъ васъ своимъ крикомъ, персы съ огненными ногтями и волосами въ высокихъ бараньихъ колпакахъ стоятъ,

какъ изваянія, у лавокъ. Виды на море, на Баиловъ мысъ, на Апшеронскій полуостровъ—восхитительны. Баиловъ мысъ съ его горой конусомъ, напоминающимъ вулканъ, который усѣлся на оконечности полуострова, съ его церковью и домиками тонетъ въ легкой полуденной дымкѣ. Голыя горы поднялись за Баку. Ранней весной онѣ покрыты травой, но съ мая солнце выжигаетъ всякую растительность. За гимназіей высятся горы съ кладбищами, унылыми кладбищенскими стѣнами и высокой красной башней на вершинѣ одной изъ горъ.

— Это опрѣснитель, показывала мнѣ тетка на высокую башню, городъ устроилъ его, чтобы опрѣснять морскую воду и теперь мы не пьемъ болѣе соленаго чаю и не нуждаемся убивать его вкусъ гранатовымъ сокомъ.

Длинные многочисленные молы и дамбы врѣзались въ море. Тутъ всѣ пароходныя пристани. Но что за масса судовъ въ Бакинскомъ заливѣ, просто глазамъ не вѣришь! Весь заливъ наполненъ ими. Тутъ и громадные пароходы, и наливныя шкуны, и корабли, и барки, и баркасы, и какіе-то восточные струги, и широкіе киржимы, и повсюду народъ. Всюду носильщики, согнувшись пополамъ, тащатъ неимовѣрныя тяжести, всюду разгружаютъ и нагружаютъ. На молахъ стоятъ стѣны ящиковъ, мѣшковъ, тюковъ и корзинъ въ ожиданіи, что ихъ снесутъ на берегъ или на суда.

Дома на набережной всѣ одного типа, всѣ они плоскокрышіе, желтые, двухъэтажные, всѣ въ нижнихъ этажахъ имѣютъ лавки, кромѣ губернаторскаго,

стоящаго возлѣ общественнаго сада. Надъ всей набережной владычествуетъ Дѣвичья башня «Кизъ-Кайа». Она поднялась изъ хаоса домишекъ и проулковъ, по которымъ крайне мудрено найти входъ въ эту высокую и курьезную постройку. Башня тоже желтая, плойчатая, словно она сложена отъ самаго основанія изъ каменныхъ пластовъ, имѣетъ длинный узкій выступъ въ сторону моря.

Легенда разсказываетъ, что эта башня стояла прежде въ водѣ и будто въ ней заперъ одинъ изъ ширванскихъ хановъ свою дочь, въ которую влюбился. Спасая свою честь, дѣвушка бросилась съ вершины башни въ море.

Теперь эта колоссальная башня, поднявшаяся на 20 саженъ, служитъ маякомъ. Море отступило и башня стоитъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него. Довольно скверная темная лѣстница вьется въ этой башнѣ и подымаетъ васъ на вершину, съ которой открывается такой восхитительный видъ на заливъ, городъ, мысы и голыя каменистыя горы, окружившія Баку, что нисколько не жалѣешь сквернаго подъема.

Около дома губернатора черезъ невысокую стѣну свѣсилась на набережную зелень деревьевъ небольшаго городскаго или Михайловскаго сада. Этотъ красивый садъ, лучшій въ Баку. Здѣсь нигдѣ нѣтъ ни воды, ни ручья, ни рѣченки, которые могли-бы поить растительность, и поддержка и поливка сада стоитъ неимовѣрныхъ денегъ. Первое, что меня поразило— это отсутствіе песка и земли. Всѣ дорожки сдѣланы изъ кира.

— Это вывѣтрившаяся нефть, смѣшанная съ известкой, объяснилъ мнѣ дядя. Трава у насъ растетъ на клумбахъ. А вотъ экземпляръ хлѣбнаго дерева. Это у насъ диковинка. А тутъ фисташки.

Онъ водилъ меня отъ дерева къ дереву.

Цѣлыя заросли живоблота *), этого некрасиваго кустарника, разваливающагося своими плетями, покрыли всѣ свободныя пространства сада, окружили группы гребенщиковъ (Tamarix Palasii), и, не страшась жаровъ и засухъ, разрослись самымъ пышнымъ образомъ.

— Мы здѣсь рады и живоблоту, хоть онъ даетъ зелень, а безъ него—хоть пропадай.

И дѣйствительно, этотъ живоблотъ покрылъ и Циціановскій скверъ, и другіе садики, и кладбища Баку. Желтофіоли—эти «персіашки», какъ ихъ здѣсь называютъ, росли въ громадномъ количествѣ и составляли истинное украшеніе сада. Въ Циціановскомъ скверѣ съ обелискомъ, поставленнымъ въ память князя Циціанова, здѣсь убитаго, на терассѣ тоже желтѣли эти персіашки, украшая плѣшивые газоны и отыскивая тѣнь въ тощихъ ивахъ, оливкахъ, уксусныхъ деревьяхъ и подъ айвой, сплошь покрытой блѣднорозовыми крупными цвѣтами. Въ городскомъ саду играетъ музыка, собирая гуляющихъ. Здѣсь-же ютится въ зелени оливокъ, американскаго ясеня и прелестной «персидской сирени» **) красивое зданіе, гдѣ помѣщается лѣтомъ клубъ,

---

*) Lycium ruthenicum. Murr.

**) Melia Azaderah, изъ Сѣверной Америки, съ чудными голубыми цвѣтами.

здѣсь же нѣсколько фонтановъ и прихотливыхъ бесѣдокъ... Помню, какъ женская гимназія и реальное училище устраивали благотворительное гулянье, въ устройствѣ котораго я принималъ живѣйшее участіе. Весь городъ былъ на нашемъ гуляньѣ. Повсюду играла музыка, гремѣли сазандары, а желтый дрокъ *), котораго такъ много здѣсь въ саду, покрылъ всѣ свои безлистныя, длинныя плети ослѣпительно-желтыми мотыльками цвѣтовъ. Помню, какъ по вечерамъ мы гуляли по темнымъ дорожкамъ сада и любовались черными тѣнями маслинъ и тополей и наслаждались чудными, теплыми, лунными ночами. Съ какимъ интересомъ мы всѣ слѣдили за разными распускающимися деревьями и цвѣтами и какъ радовались, когда зацвѣли громадныя жерди разноцвѣтныхъ мальвъ. Я сжился съ Баку и еще болѣе съ его общественнымъ садомъ и, пріѣзжая то изъ Средней Азіи, то изъ Ленкорани, то изъ путешествія по Дагестану или Арменіи, я первый мой визитъ дѣлалъ этому милому тѣнистому саду, покрывшему откосъ горы и завивающему своими виноградами и ломоносами старыя стѣны персидской крѣпости. И что за пестрая и интересная публика собирается здѣсь! Тутъ увидишь всѣхъ бакинскихъ армянъ съ ихъ черными глазами и характерными носами, и персовъ, и татаръ, которые наслаждаются вечерней тишиной и чудными видами на далекое, синее Хвалынское море. Здѣсь снуютъ мороженники, одѣтые въ бѣлыя, длинныя

---

*) Spartium junceum.

рубашки, разнося и бойко продавая свой холодный, а потому очень ходкій товаръ.

Весь новый Баку, съ его хорошими улицами, отелями, блестящими магазинами и садиками, окружилъ старую крѣпость, зубчатыя стѣны которой такъ хорошо сохранились. Входъ въ крѣпость съ Думской площади—самый парадный. Здѣсь большіе крѣпостные ворота Шаха-Абасса.

Я вошелъ въ нихъ и очутился въ старомъ городѣ, въ этомъ лабиринтѣ проулковъ, гдѣ мѣрно шагаютъ эшаки, нагруженные тяжестями, гдѣ пестрота костюмовъ унесла меня на далекій востокъ. Весь старый городъ это бурожелтое каменное гнѣздо самаго безотраднаго вида, изъ котораго поднялись, словно выдавленные, минареты мечетей и громадный мрачный ханскій дворецъ, когда-то великолѣпная резиденція ширванъ-шаховъ.

Я претерпѣлъ тысячи мытарствъ и всевозможныхъ хожденій, прежде чѣмъ получилъ разрѣшеніе и ключъ отъ дворца. Мрачный дворецъ, почти безъ оконъ, окруженный высокими каменными стѣнами, представляетъ много интереса своими остатками прежней красоты. Тамъ входныя двери всѣ окружены сѣтью персидскихъ арабесокъ, цвѣтовъ и листьевъ и заставляютъ васъ остановиться передъ ними. Внутри, въ пустыхъ залахъ дворца, мрачно и уныло и всѣ эти помѣщенія хановъ и шаховъ, когда-то обставленныя съ восточной роскошью, теперь служатъ складомъ артиллерійскихъ орудій и никакого интереса не представляютъ.

Среди всего этого лабиринта комнатъ и помѣ-

щеній, поневолѣ останавливаешься передъ оригинальнымъ зданіемъ ханскаго судилища или «Диванъ-хане», стоящаго среди двора на возвышенной площадкѣ. Это небольшое круглое зданіе, окруженное аркадами, съ характернымъ восточнымъ ихъ вырѣзомъ. Залитое ослѣпительнымъ солнцемъ, это судилище и его колонны бросали черно-синія тѣни на каменныя плиты двора. Галерея у входа образовала роскошные гигантскіе ворота, ниша которыхъ полна причудливыхъ арабесокъ и ячеекъ. Я поднялся по лѣсенкѣ на площадку и вошелъ въ само зданіе. Внутри, въ серединѣ небольшаго прохладнаго зала, находится отверстіе—колодецъ. Сюда подводили преступника, здѣсь рубили ему голову, которая падала въ пропасть.

Здѣсь-же около дворца стоятъ обѣ старыя мечети, изъ которыхъ одна просто поразила меня своими украшеніями, а другая полу-развалина придала много красоты этому каменному гнѣзду своимъ высокимъ желтымъ минаретомъ. Куполъ первой мечети весь въ голубыхъ изразцахъ и ея фасадъ сплошное каменное кружево.

Бродя по лабиринту душныхъ, узкихъ, какъ корридоры, улицъ, прижимаясь къ стѣнамъ домовъ, чтобы дать дорогу осликамъ, переходя изъ закоулка въ закоулокъ и спускаясь по крутикамъ и лѣсенкамъ, я невольно останавливался передъ этими красными галереями и балкончиками, висящими надъ улицами, передъ этими пестро-разрисованными ставнями, большею частью ярко синими, передъ этими бронзовыми лицами въ длинныхъ халатахъ, въ зе-

леныхъ чалмахъ, въ бѣлыхъ тюрбанахъ, въ красныхъ фескахъ.

Наконецъ, я спустился къ подножію крѣпостнаго холма и попалъ въ Темные ряды. Это длинный, крытый корридоръ, сплошь застроенный лавченками, переносящій васъ, какъ тифлисскій армянскій базаръ, въ область восточныхъ сказокъ. Тутъ и эмали и восточныя серебряныя украшенія, громадныя брошки, груды бирюзы, тутъ и безъ умолку стучащіе молотами кузнецы и ткачи, иголки которыхъ сверкаютъ, какъ молніи, и шапошники, и сапожники, лавки которыхъ представляютъ любопытныя выставки, и повара съ шипящими котлами и безконечными ловашами. Шумъ, гвалтъ, пестрота — неописуемые.

Шелка, вышивки, всевозможныя восточныя матеріи, великолѣпные пестрые ковры, шали и шарфы въ нѣсколько аршинъ длиной, такіе тонкіе, что ихъ можно свернуть въ клубочекъ, который помѣстится въ скорлупу грецкаго орѣха, пестрыя чадры, груды винограда, апельсиновъ, восточныхъ сластей и, наконецъ, сами продавцы, эти черноглазые персы, армяне, татары въ ихъ удивительныхъ костюмахъ, все уносило меня въ область фантазій.

Боже, до чего приходится здѣсь торговаться съ продавцами, которые сначала запрашиваютъ тройныя цѣны и постепенно сбавляютъ ихъ, по мѣрѣ того, какъ покупатель сердится, уходитъ, возвращается. Невозможно не накупить всевозможныхъ восточныхъ платковъ, вышивокъ, туфель и всевозможныхъ восточныхъ мелочей для подарковъ.

Крѣпостныя стѣны прорваны нѣсколькими воро-

тами и одни изъ нихъ, называемые «верблюжьи уши» выходятъ на большую пыльную площадь, на которой въ базарные дни царитъ сутолока и куда съѣзжаются караваны верблюдовъ.

— Одна изъ непріятныхъ сторонъ нашего города—вѣтры, сказала мнѣ тетка, они-то и обрываютъ всякую растительность.

Мнѣ не разъ пришлось испытать эту пріятность. Сѣверный вѣтеръ начинаетъ дуть съ невѣроятной силой.

— Нордъ, говорятъ бакинцы и, хотя они и привыкли къ нему, такъ какъ нордъ дуетъ чуть не трижды въ недѣлю, они морщатся.

Нордъ дуетъ съ такой силой, съ такимъ остервененіемъ, что вздымаетъ тучи пыли и сору, обрываетъ вѣтви, опрокидываетъ прохожихъ, бьетъ въ лицо пескомъ и немилосердно свиститъ и воетъ. Порою нордъ, обязательно дующій не менѣе сутокъ, обращается въ ураганъ и тогда городъ пустѣетъ, всѣ прячутся въ дома, а на улицахъ царитъ свѣтопредставленіе. Вѣтеръ пронизываетъ насквозь, какъ иглами, и порождаетъ много болѣзней.

— У насъ нельзя было-бы поливать водой улицы, объяснили мнѣ бакинцы, такой вѣтеръ высушилъ-бы ихъ въ нѣсколько минутъ и ѣдкая, каменистая пыль понеслась бы тучами, потому у насъ поливаютъ всѣ улицы мазутомъ, отчего лѣтомъ весь городъ ужасно пахнетъ керосиномъ. Мазутъ, этотъ отбросокъ нефти, каменѣетъ и тѣмъ скрѣпляетъ пыль, не давая ей возможности носиться въ воздухѣ.

Въ день моего пріѣзда, я отправился въ городъ

въ резиновыхъ калошахъ и какъ было велико мое удивленіе, когда съ прогулки я пришелъ въ калошахъ безъ подошвъ. Мазутъ имѣетъ свойство растворять резину и моя неопытность была наказана, а мы долго и много хохотали надъ погибшими калошами.

Сколько разъ я ни бывалъ въ Баку, сколько ни глядѣлъ на городъ, я не могъ привыкнуть къ его пустынности и эти голыя горы поражали меня постоянно и своей голытьбой и своей суровостью.

Помню, какъ въ одинъ прекрасный вечеръ мы отправились къ опрѣснителю, къ той самой красной башнѣ, которая, усѣвшись на вершинѣ одной изъ горъ, переработывала морскую воду въ прѣсную. Долго мы карабкались по каменистымъ тропамъ русскаго и татарскаго кладбища, съ его косо стоящими надгробными плитами. Долго мы взбирались по дорожкамъ, выбитымъ въ раковистомъ известнякѣ, изъ котораго строются всѣ новыя зданія Баку, а также и новый большой православный соборъ, который, сидя въ высшей точкѣ города, придаетъ много красоты общей его панорамѣ. Маленькіе красные ноготки, огненные гори-цвѣты и одинъ крошечный лютикъ обильно покрыли края нашей тропы, но вскорѣ и они пропали и только одно лиловое крестоцвѣтное да очитокъ, сидящій желтыми щитками на камняхъ, преслѣдовали насъ до самой вершины. На полъ-горѣ мы осмотрѣли нижній опрѣснитель, въ который вода проведена трубами изъ моря и, лишенная солей, низвергается водопадомъ, чтобы она успѣла насытиться кислородомъ, котораго ли-

шена. Для большей насытительности кислородомъ, придающимъ настоящій вкусъ водѣ, вода поднята трубами на вершину горы въ верхній этажъ красной башни, откуда громко-шумящимъ водопадомъ низвергается въ резервуары. Отсюда она идетъ въ городъ, гдѣ за ведро дистилированной воды городъ беретъ по 2 копѣйки.

Что за дивный видъ развернулся передо мною, когда я усѣлся на одинъ изъ камней около башни.

Баиловъ мысъ съ своей церковью врѣзался далеко въ море, которое сіяя и блестя, убѣжало къ горизонту, качая пароходы, баржи и лодки. Дамбы и молы, какъ громадные пальцы, отбѣжали отъ набережной, изогнутой подъ угломъ. По ту сторону залива виднѣлись Черный и Бѣлый городки, а внизу, у моихъ ногъ, лежалъ Баку, этотъ городъ-крѣпость, съ его плоскими крышами и съ высокой башней Дѣвы. Меня поражала величина города, особенно отсюда сверху.

Сумракъ ложился съ изумительной скоростью на всю окрестность. Море полиловѣло, подернулось розовыми струйками и словно накинуло темный плащъ, а на набережной, какъ великолѣпное ожерелье брильянтовъ, загорѣлись фонари... Небо было такое розовое, безъ единаго облачка, тишина стояла поразительная, только водопадъ опрѣсненной воды рокоталъ въ опрѣснителѣ и мнѣ такъ захотѣлось летѣть, распустить мощныя крылья и нестись надъ моремъ, надъ островами, туда, туда въ безвѣстную даль, въ тѣ лиловые туманы, которые закрыли горизонтъ.

16.

Баку.

(Продолженіе).

Черный городокъ. Биби-Эйбатъ. Балханы. Вѣчные огни и грязевые вулканы.

Тамъ воетъ бездна, буря свищетъ,
Туманъ окружный ядовитъ,
Голодный волкъ во мракѣ рыщетъ.
Змѣя клубится и шипитъ.

Козловъ.

Милый Черный городокъ, называлъ я нашъ хаосъ нефтяныхъ заводовъ, цистернъ и трубъ и называлъ его такимъ образомъ вполнѣ искренно, хотя всегда и отъ всѣхъ слышалъ самыя нелестныя прилагательныя нашему городку. Что правда—то правда и я долженъ сознаться, что видъ Чернаго городка былъ и есть крайне непріятенъ. Это груда развалинъ, сѣрыхъ стѣнъ, плоскокрышихъ амбаровъ, раздѣленныхъ лужами и озерами мазута, съ ихъ незыблимой разноцвѣтной поверхностью, это скопище цистернъ, черныхъ, душныхъ, промасленныхъ, отъ которыхъ вѣетъ копотью и жаромъ, черныхъ высокихъ трубъ, вѣчно изрыгающихъ клубы дыма и смрада. Всѣ свободныя пространства отъ заводовъ,

цистернъ и домовъ сплошь изрыты, переворочены и исковерканы, словно здѣсь прошелъ Мамай, всѣ углубленія наполнены мазутомъ, съ его удушающимъ запахомъ и вдоль и поперекъ всѣ эти мѣста покрыты сѣтями трубъ. Трубъ, отъ самыхъ толстыхъ до самыхъ тонкихъ, здѣсь такая масса, онѣ переплелись такою сѣтью, что ежеминутно надо прыгать и шагать черезъ эти черные, прокопченые нефтепроводы. Рельсы желѣзной дороги изрѣзали Черный городокъ, пробѣгая по насыпямъ, валамъ, проколотымъ тѣми же нефтяными трубами. Здѣсь ежедневно я привѣтствовалъ особый локомотивъ «Ферли», который усиленно работалъ цѣлые дни, перевозя вереницы наливныхъ вагоновъ изъ Чернаго городка на вокзалъ. Это двойной курьезный локомотивъ, словно сцѣпили два локомотива одинъ съ другимъ задами. Тысячи наливныхъ вагоновъ торчатъ на каждомъ шагу, а у берега качаются массы наливныхъ шкунъ, вбирающихъ промасленными, черными кишками нефть. Конно-желѣзная дорога связала Черный городокъ съ городомъ Баку, и, проѣзжая въ вагонѣ, каждый разъ удивляешься этому продушенному нефтью душному Черному городку. Караваны верблюдовъ шагаютъ по его изрытымъ, прокаленнымъ улицамъ, качаясь, какъ корабли, и презрительно глядя на людскую суету. Сколько величія, сознанія труда и презрѣнія въ этихъ умныхъ глазахъ этихъ мѣшковатыхъ громадныхъ животныхъ, съ ихъ крѣпкими, выносливыми ногами. Какъ мѣрно, какъ неторопливо выступаетъ верблюдъ, этотъ работникъ-фанатикъ, этотъ курьезный звѣрь съ овечьей физіо-

номіей, въ которой свѣтится сознаніе труда. Всякій разъ, когда я встрѣчалъ верблюдовъ, я съ почтеніемъ глядѣлъ на нихъ, на этихъ уродовъ животнаго царства, которые окидывали меня такимъ холоднымъ взглядомъ, говорившимъ мнѣ: «ей, ты, туристъ, что ты смотришь на насъ, мы, дѣти труда, презираемъ всѣхъ, кто лѣнится и не исполняетъ свой священный долгъ. Жизнь—это трудъ». Согнутая шея верблюда, словно созданная самой природой для ярма, его горбъ, приспособленный для переноски невѣроятныхъ тяжестей, его ноги, крѣпкія и сильныя, снабженныя громадными копытами, его крѣпкія губы неразрываемыя и неуязвляемыя колючками растеній песковъ, все сдѣлало верблюда кораблемъ пустынь, вѣчнымъ работникомъ, философомъ, сознающимъ, что работа—его назначеніе. Маленькіе ослики съ удивительною ловкостью сѣменили своими ножками по улицамъ Черназо городка, не смущаясь ни мазутовыми лужами, ни трубами, и, нагруженные корзинами, производили впечатлѣніе, будто грузъ идетъ самъ, такъ какъ даже уши ихъ не рѣдко исчезали подъ поклажей.

Надъ Чернымъ городкомъ перевились густой сѣтью проволоки телеграфовъ и телефоновъ, а надъ ней остановилась черная туча дыма и копоти, закрывающая синее небо и бросающая душную полутѣнь на и безъ того прокопченый и удушливый городокъ. Растительности здѣсь нѣтъ никакой, только пучки травъ, пропитанныя нефтью, коричневыя, словно морскія губки, увеличиваютъ уныніе пейза-

жа. Только одинъ прелестный вьюнокъ *), распускающійся въ іюнѣ, украшаетъ мѣстами низины. Онъ весь покрытъ бѣлымъ войлокомъ, такъ что имѣетъ серебряный видъ. Этотъ войлокъ служитъ ему защитой и даетъ возможность раскрывать свои бѣлыя, глубокія воронки цвѣтовъ. Вьюнокъ не пахнетъ, если бы онъ былъ душистъ и онъ долженъ бы былъ пахнуть нефтью и мазутомъ. Въ маѣ повсюду цвѣтетъ душистый дикій геліотропъ **), сплошь закрывающій своими бѣлыми щитиками цѣлыя песчаныя пространства, да позже стелются каперсы и верблюжья трава.

Когда подъѣзжаешь къ Баку на пароходѣ, Черный городокъ, какъ черное пятно, вырѣзается на фонѣ Апшеронскаго полуострова и составляетъ удивительно рѣзкій контрастъ съ желтобурымъ пейзажемъ берега ярко залитымъ солнцемъ.

— Здѣсь перерабатывается вся добытая въ Балаханахъ нефть въ керосинъ и бензинъ, сказалъ мнѣ дядя, немудрено, что здѣсь все прокопчено. Отбросы отъ этого грандіознаго производства пропитали здѣсь и почву, и воздухъ. Но у насъ здѣсь большое благоустройство въ Черномъ городкѣ. Теперь уже провели къ намъ отъ Баку—шоссе, ходитъ конка, повсюду на заводахъ электрическое освѣщеніе. Здѣсь скопище разныхъ нефтяныхъ заводовъ. Главный изъ нихъ Villa petrolea Нобеля и ее мы должны осмотрѣть.

---

*) Convolvulus persicus. L.
**) Tournefortia Arguzia. R. et Sch.

Въ одинъ прекрасный день мы отправились на громадные Нобелевскіе заводы. По просьбѣ дяди намъ отрядили опытнаго проводника и мы окунулись въ это керосиновое море.

— Я очень хорошо понимаю, сказалъ я дядѣ, когда мы ходили по заводамъ, что все богатство, вся жизнь Баку—это нефть, что нигдѣ нефтепромышленность во всемъ мірѣ не имѣетъ такихъ грандіозныхъ размѣровъ, какъ здѣсь, что у васъ это главная достопримѣчательность, альфа и омега всего, что вы живете только нефтью, но это дѣло меня не увлекаетъ.

Нефть, добытая буреніемъ, которое даетъ громадные фонтаны, проведенная по трубамъ изъ Балахановъ сюда на заводы, поступаетъ въ громадные котлы, вмазанные въ цѣлые ряды гигантскихъ печекъ.

— Мы топимъ всѣ печи мазутомъ, объяснялъ намъ путеводитель. Изъ котловъ въ холодильники проходятъ легчайшія части: бензинъ и газолинъ, и оставшаяся въ котлахъ нефть поступаетъ въ новые котлы, гдѣ новымъ нагрѣваніемъ выдѣляется изъ нея керосинъ, а изъ остатка уже выдѣляются масла.

Трудно представить себѣ всѣ эти котлы, всѣ эти отдѣленія, гдѣ обработываютъ бензинъ, газолинъ и керосинъ. Эти колоссальные насосы, забирающіе морскую воду въ бассейны и разсылающіе ее по холодильникамъ, всѣ эти водопады и ручьи керосина и бензина, всѣ эти громадные этажи котловъ въ масляномъ отдѣленіи, гдѣ изъ мазута постепенно отдѣляется сначала соларовое масло, затѣмъ веретянное, затѣмъ машинное и, наконецъ, цилиндровое, са-

мое дорогое, тяжелое, густое и получающееся въ очень небольшомъ количествѣ. Какъ отбросъ отъ переработки мазута остается гудронъ. Масла для очистки обработываются сѣрной кислотой, которая окрашиваетъ ихъ въ синій цвѣтъ, а при отдѣлкѣ ихъ щелочью, онѣ получаютъ молочный видъ и, только отстоявшись, выдѣляютъ чистое масло.

За Баиловымъ мысомъ находится мѣстечко Биби-Эйбатъ, гдѣ на заводахъ Тагіева добывается и обработывается масса нефти. Я отправился туда въ экипажѣ и воспользовался случаемъ посмотрѣть одну изъ здѣшнихъ достопримѣчательностей—подводное строеніе, находящееся въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега.

— Эти баиловы камни, объяснили мнѣ, вершины башенъ или былого здѣсь караванъ-сарая или остатки древняго города Баила, затопленнаго моремъ, вслѣдствіе опусканія почвы.

Болѣе безотрадной мѣстности, какъ Биби-Эйбатъ, трудно себѣ и представить. Какъ только мы въѣхали на пригорокъ Баилова мыса, цѣлымъ лѣсомъ поднялись предо мной черныя, прокопченыя пирамиды и нефтяныя вышки. Среди песковъ, изрытой мѣстности, на скучномъ берегу, пропитанномъ нефтью до того, что при наступаніи ногой на мѣстѣ слѣда, показывается нефть, лежитъ Биби-Эйбатъ.

— Совсѣмъ какъ по болоту ходишь, воскликнулъ я, когда бродилъ съ управляющимъ по заводу. Управляющимъ оказался мой старый знакомый, котораго я зналъ еще въ Сибири.

— Видите, какъ нефть работаетъ, указалъ онъ мнѣ на нефтяной фонтанъ.

Громадный столбъ нефти съ страшной силой вырывался изъ земли и поднимался на громадную вышину. Чтобы избѣжать растраты нефти надъ фонтанами строятъ деревянные пирамидообразные дома, въ которыхъ помѣщяютъ на извѣстной вышинѣ толстыя стальныя плиты, чтобъ не давать нефти подниматься на десятки саженъ и даромъ разбрасываться во всѣ стороны.

— Нефть вырывается съ такою силой изъ земли, говорилъ мнѣ управляющій, поднимаетъ такъ много песку, что эти толстыя стальныя плиты ломаются отъ ударовъ фонтана и ихъ постоянно приходится мѣнять.

— Фонтаны бьютъ обыкновенно, продолжалъ онъ, такъ сильно только въ началѣ, потомъ приходится добывать нефть изъ земли жеронкой, громадной трубой съ клапаномъ, закрывающимъ трубу, если тащить ее изъ земли, и открывающимся внутрь при всаживаніи трубы въ землю, что даетъ возможность наполнить трубу нефтью и вытащить ее.

Я видѣлъ эти черныя длинныя трубы, исчезающія отъ дѣйствія машинъ подъ землей и выскакивающія на громадную вышину, чтобы излить бурую нефть въ чаны и бассейны и снова погрузиться въ темныя нѣдра земли.

Здѣсь въ Биби-Эйбатѣ тѣ-же цистерны съ бензиномъ, тѣ-же колоссальныя трубы завода, тѣ-же ряды печей, та-же жара и пекло, тотъ же воздухъ, пропитанный нефтью, тѣ-же рѣдкіе пучки травъ, смоченные, какъ губки, нефтью. Здѣсь все пропитано нефтью и отъ нее никуда не уйти.

Въ одинъ изъ моихъ позднѣйшихъ пріѣздовъ въ Баку въ Биби-Эйбатѣ открылся колоссальный и давно ожидаемый нефтяной фонтанъ. Весь городъ чуть не ежедневно ѣздилъ любоваться этимъ необычайнымъ зрѣлищемъ, этимъ грохотомъ и рокотомъ вылетающей массами нефти, наполняющей большія и заранѣе вырытыя для того озера. Мы тоже полетѣли въ Биби-Эйбатъ. Столбъ нефти страшно клокоталъ, запертый въ вышкѣ, по бокамъ которой текли водопады прорывающейся въ наружу нефти. Что-то необычайно величественное и могучее въ этомъ вылетаніи нефти изъ земли, словно рухнули таинственныя двери и она съ титанической и ужасающей силой полетѣла изъ далеко скрытыхъ нѣдръ, выбрасываемая высоко на землю.

Около Биби-Эйбата любопытно морское явленіе. Со дна моря вырываются углеводородные газы, которые будучи зажжены, горятъ надъ морскою поверхностью.

Помню, какъ мы ѣздили въ лодкѣ въ большой компаніи на морскіе огни. Вечеръ былъ теплый и тихій, что рѣдко выпадаетъ на долю Баку. Подъѣхавъ къ опредѣленному мѣсту, мы зажгли бумагу и бросили ее въ воду. Я ожидалъ, что она тотчасъ же потухнетъ, а, къ моему изумленію, надъ водой взвился синеватый языкъ огня. При легкомъ вѣтеркѣ онъ трепеталъ и перелеталъ съ мѣста на мѣсто, какъ бабочка, готовая опуститься на цвѣтокъ. Вблизи перваго загорѣлся второй огонь, далѣе третій. Огни догоняли другъ друга, сливались, раздѣлялись, бѣжали за нами и мерцали какимъ-то таинственнымъ

призрачнымъ синеватымъ свѣтомъ. Такъ странно было видѣть это горящее море, эти языки огня, лижущіе морскія струи.

— Ихъ погаситъ сильный порывъ вѣтра, а до тѣхъ поръ они будутъ горѣть, какъ горятъ въ эту минуту. Прежде только сильный нордъ могъ затушить это горящее море, но съ тѣхъ поръ, какъ пробиты были большія скважины въ Биби-Эйбатѣ и фонтаны выбросили массу нефти, морскіе огни ослабли и сильный порывъ вѣтра уже въ силахъ задуть ихъ.

Въ Балаханы, главное мѣсто добычи нефти, я тоже ѣздилъ въ экипажѣ, взявъ фаэтонщика на цѣлый день.

Выѣхавъ на шоссѣ около вокзала желѣзной дороги, мы поѣхали вдоль рельсъ, надъ которыми, какъ черные журавли, разсѣлись громадные краны для наливанія нефти въ вагоны. Дорога шла по унылой степи поросшей мѣстами маленькимъ некрасивымъ лиловымъ макомъ *), желтымъ крестовикомъ и горицвѣтомъ **). Скучная песчано-солонцеватая пустыня раскинулась во всѣ стороны и только нѣсколько татарскихъ лачугъ и колодцевъ прервали однообразіе дороги. Вдругъ я сталъ замѣчать среди порослей крошечныхъ огненныхъ ноготковъ ***), которые образовали дерновины и рѣзко свѣтились своими маленькими кирпично-красными солнышками, мнѣ совсѣмъ невиданные цвѣты. Чѣмъ далѣе мы отъѣзжали отъ Баку, тѣмъ чаще попадались эти невѣдомые желтые

---

*) Roemeria hybrida D.

**) Senecio vernalis L. и Adonis flamea Jacq.

***) Calendula persica C. A. M.

цвѣты. Это были цѣлые букеты цвѣтовъ на совсѣмъ безлистыхъ стебляхъ, которые несли подъ землей клубни, совершенно похожіе на картофель. Желтые, легко облетающіе вѣнчики, съ красноватыми тычинками съ чуднымъ запахомъ весны, свѣжести и какой-то экзотической орхидеи—совсѣмъ плѣнили меня и я узналъ въ нихъ странное растеніе изъ барбарисовыхъ Bongardia Rauvolfia C. A. M., которая встрѣчается только въ этихъ мѣстахъ. Я нарвалъ громадный букетъ и съ упоеніемъ вдыхалъ его чудный ароматъ и наслаждался цвѣтами, большой бакинской диковинкой.

Вдали показались Балаханы, снова напомнившіе издали черную кипарисовую рощу. Проѣхавъ соленое озеро, мы поднялись въ гору къ Балаханамъ, пропитаннымъ нефтью. Множество бассейновъ, полныхъ нефтью, соединенныхъ канавками, изливались въ громадное нефтяное темное озеро, главный нефтяной резервуаръ, около татарской деревеньки Сабунчи, откуда направлены трубы въ Черный городокъ.

— Здѣсь болѣе 400 колодцевъ, сказалъ мнѣ дядя, изъ нихъ добываютъ до 40 милліоновъ пудовъ нефти.

Осмотрѣвъ «Балханы» или Балаханы мы двинулись въ Суруханы и въѣхали въ татарскую деревню, узкіе проулки которой напоминали корридоры, а мечеть съ большимъ голубымъ куполомъ красиво блестѣла на солнцѣ. Дома, сброшенные въ кучи, имѣли на крышахъ громадные бѣлые цилиндры въ родѣ дымовыхъ трубъ.

— Это трубы отъ бань, объяснилъ фаэтонщикъ.

Черныя скалы изъ плитняка, продырявленныя пещерами, слѣпо глядѣли на насъ.

— Въ этихъ пещерахъ обжигаютъ известь.

Вскорѣ около Сураханов мнѣ пришлось увидѣть въ дѣйствіи подобныя известково-обжигательныя печи.

— Здѣсь это просто. Выроютъ яму, наложатъ извести и зажгутъ выдѣляющійся изъ земли газъ.

Весь Апшеронскій полуостровъ пропитанъ нефтью и газами и въ Суруханахъ заводъ Кокорева отопляется этимъ натуральнымъ газомъ, который вырывается изъ жерла высокой трубы, поставленной среди двора и служитъ по ночамъ для освѣщенія.

Рядомъ съ этимъ заводомъ находятся вѣчные огни въ знаменитомъ монастырѣ огнепоклонниковъ. Долго я бродилъ вокругъ его бѣлыхъ зубчатыхъ стѣнъ и никакъ не могъ попасть въ него, пока откуда-то не появился сторожъ. Онъ открылъ мнѣ ворота и я вошелъ во дворъ знаменитаго капища. Пустой, тихій монастырь представляетъ большой четыреугольный дворъ, окруженный бѣлой каменной стѣной съ зубцами. Прежде, когда монастырь былъ обитаемъ, надъ каждымъ зубцомъ горѣло пламя. Среди двора усѣлась четырехугольная башня, бѣлая, какъ стѣны. Здѣсь огнепоклонники сожигали трупы своихъ сотоварищей. Другая четырехугольная башня поднялась надъ старыми воротами, испещренными какими-то надписями. На вершинѣ этой башни, по четыремъ угламъ трубы съ пылающими въ нихъ языками натуральнаго газа. Въ толстыхъ стѣнахъ стоятъ пустыя, мрачныя келіи съ трубами натуральнаго газа. Здѣсь жили геб-

ры—огнепоклонники, эти фанатики-индусы, сохранившіе до нашихъ дней культъ огня, здѣсь творили они молитвы, облекаясь въ свои бѣлые одежды, зажигая огни и звоня въ свои колокольчики.

Послѣдній индусъ уѣхалъ въ Индію въ 1880 году. Съ тѣхъ поръ монастырь совсѣмъ опустѣлъ, погасли его огни и только надъ входной башней, гдѣ жилъ настоятель и глава огнепоклонниковъ, до сихъ поръ пылаетъ яркое пламя. Почва въ этихъ мѣстахъ до того пропитана газомъ, что онъ вырывается изъ каждой трещины, изъ каждой щели и стоитъ его зажечь, чтобы онъ горѣлъ неугасимымъ огнемъ. Маленькіе татарчата, бѣжавшіе оравой за нами, какъ кроты, копались въ землѣ, зажигали спичкой вырывающійся газъ и протягивали, конечно, руку за деньгами. Какъ пусто теперь въ этомъ заброшенномъ монастырѣ, среди этихъ бѣлыхъ стѣнъ и башенъ, среди этихъ нѣсколькихъ неугасимыхъ пылающихъ огней, которые горестно и трепетно пылаютъ, оплакивая свое одиночество и сиротство.

Сосѣдній заводъ Кокорева отвелъ часть трубъ въ свое владѣніе и теперь надъ вершиной его высокой трубы, освѣщая по ночамъ окрестность, пылаетъ это фантастическое пламя, которому поклонялись люди, и глядитъ въ темную долину, когда-то полную таинственной поэзіи и ужаса, трепетныхъ призрачныхъ огней, наводившихъ на людей страхъ, а теперь служащихъ для обжиганія извести.

Не только Апшеронскій полуостровъ пропитанъ нефтью и углеводородными газами, но и та Муганская степь, которая на большое разстояніе вдалась

отъ береговъ Каспія въ Кавказъ и окружила Баку ужасными песками, также полна ими и обнаруживаетъ вулканическія явленія. Окрестности Баку изобилуютъ грязными вулканами или сальсами и не видѣть ихъ было положительно непростительно. Послѣ храма огнепоклонниковъ, послѣ морскихъ огней, которые производятъ неотразимое впечатлѣніе пылающаго моря, послѣ этой поѣздки въ лодкѣ среди нежгучей атмосферы пламени, которое обступаетъ васъ со всѣхъ сторонъ, горитъ, поднимается стѣнами, то подступаетъ, то убѣгаетъ, грязевые вулканы оставляютъ не менѣе сильное впечатлѣніе. Одно путешествіе по песчаной пустынѣ стоитъ, чтобы предпринять эту любопытную поѣздку.

Однажды послѣ обѣда мы рѣшили ѣхать на Волчьи ворота, которые славятся въ Баку своимъ удивительнымъ видомъ. Насъ была веселая компанія, которая въ нѣсколько минутъ собралась, усѣлась въ фаэтоны и мы покатили за женскую гимназію по крутымъ улицамъ, мимо большихъ кладбищъ, прямо на горы за башню опрѣснителя. Это было ранней весной и всѣ горы были еще зелены. Виды на заливъ и Баку заставляли насъ восхищаться ежеминутно. Отсюда весь Апшеронскій полуостровъ былъ, какъ на ладонѣ, а весь заливъ съ его мысами и городомъ представляли изъ себя восхитительный живой планъ съ движущимися конками, экипажами и судами. Здѣсь на вершинѣ горы, окруженная могильными памятниками, стоитъ уныло и одиноко Грузинская церковь. Мы поѣхали по степнымъ холмамъ. У небольшаго кряжа голыхъ хол-

мовъ, прорванныхъ въ одномъ мѣстѣ трещиной, мы остановились и пошли пѣшкомъ. Это и были Волчьи ворота. Всю прелесть, всю красоту ихъ я оцѣнилъ только тогда, когда взглянулъ въ ворота внизъ и увидѣлъ, что я стою на страшномъ крутикѣ, на высокомъ карнизѣ черныхъ плойчатыхъ скалъ, что у моихъ ногъ зіяетъ глубокая пропасть и разстилается во всей грозной и дикой прелести вулканическая Ясомальская долина. Что-то мертвое, страшное лежитъ грозной печатью на этой долинѣ, по дну которой, словно игрушечный, бѣжалъ поѣздъ у самой стѣны черныхъ скалъ по ту сторону долины, гдѣ я тоже проѣзжалъ. Вдали синѣло Каспійское море, ближе серебрилось небольшое соленое, тихое озеро, на берегу котораго, говорятъ, водятся розовые фламинго. Тамъ-же поднялась черная сопка, а за ней двѣ горы: «Бакинскія уши», возлѣ которыхъ мрачно глядѣлъ забрызганный засохшей грязью знаменитый вулканъ Локъ-Батанъ. Вотъ и станція «Волчьи ворота», словно игрушка, прижалась къ землѣ въ этой мертвой долинѣ. Мы были въ восторгѣ и лазали по плойчатымъ скаламъ, находя удивительную и своеобразную флору. Тутъ были и лиловые маки или ремеріи, и бѣлые пушистые султаны астрагаловъ, и желтыя, низкія зонтичныя, и удивительно душистое растеніе съ невзрачными грязно-желтыми цвѣтами, съ войлочными листьями и поразительнымъ ароматомъ, очевидно изъ дикихъ левкоевъ, очень напомнившее намъ по виду орхидеи.

Насъ захватила страшная гроза и Ясомальская долина предстала въ такомъ грозномъ видѣ въ

свѣтѣ молній и подъ раскатами грома, что я никогда не забуду впечатлѣній этихъ картинъ.

Ѣздилъ я на станцію Путу, также по желѣзной дорогѣ. Каспійское море отступило къ востоку и образовало голую, мертвенную, печальную пустыню, прокаленную солнцемъ, необозримую и душную, солонцеватую и зловѣще желто-бурую, на поверхности которой мѣстами ростутъ двѣ, три солянки, такія же бурыя и непривѣтливыя, какъ окружающая ихъ пустыня, да стелющіеся каперсы съ ихъ большими бѣлыми цвѣтами. Здѣсь въ этой пустынѣ особенно по пригоркамъ поднялись ровные и почти правильные конусы, въ которыхъ нельзя было не узнать вулканическое ихъ происхожденіе, уже благодаря одной ихъ окраскѣ, рѣзко отличающейся отъ желто-бураго цвѣта пустыни. Сине-сѣрый цвѣтъ этихъ конусовъ, такъ правильно насыпанныхъ на песчаные холмы и горки, заставилъ меня сразу признать ихъ за грязевые вулканы. Небольшіе конусы въ нѣсколько футъ вышиной, а иногда въ нѣсколько саженъ, залитые яркимъ солнцемъ зловѣще замерли среди пустыни. Изверженная грязь засохла, окаменѣла и мѣстами потрескалась. Большею частью грязевые вулканы Апшеронскаго полуострова находятся въ состояніи спокойствія. Въ ихъ полуобвалившихся кратерахъ грязь засохла, глина потрескалась и закрыла все жерло, но есть такіе, въ которыхъ грязь и синеватая глина до сихъ поръ находятся въ жидкомъ состояніи, и газы, которые постоянно вырываются на поверхность земли удушливыми пузырями, образуютъ клокотаніе и кипѣніе

этой глины. На поверхности ея образуются пузыри, которые лопаются и разбрасываютъ грязь. Оба оконечныхъ полуострова Кавказа, и Тамань и Апшеронскій, покрыты сальсами, оба выбрасываютъ нефть, и тѣмъ доказываютъ полную взаимную зависимость. Въ окрестностяхъ Баку очень много такихъ вулкановъ.

— Одинъ изъ самыхъ большихъ и стоющихъ посѣщенія, говорили мнѣ бакинцы, это у желѣзнодорожной станціи Путы, третьей по дорогѣ въ Тифлисъ. Громадный грязевой вулканъ Локъ-Батанъ недавно еще дѣйствовалъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ было изверженіе грязи и камней, сопровождавшееся подземнымъ гуломъ и столбомъ пламени и дыма.

Мнѣ удалось видѣть клокочущіе небольшіе вулканы, вытекшая грязь изъ которыхъ во время прежнихъ изверженій дала хорошую почву для садовъ и виноградниковъ.

— Что это за горка? спросилъ я дядю, когда мы ѣхали съ нимъ по Апшеронскому полуострову, оставивъ далеко за собой «Большіе огни».

— Это цѣпь песчаныхъ вулкановъ.

Меня удивила эта правильность расположенія этихъ песчаныхъ холмовъ, выбрасывающихъ во время изверженій только песокъ и воду. Эти правильные песчаные конусы стояли въ рядъ, какъ солдаты, образуя выемку въ серединѣ своей цѣпи.

Сколько впечатлѣній выносишь всегда отъ этихъ путешествій, отъ этихъ блужданій, сколько неизгладимыхъ картинъ врѣзается въ память даже въ самой безотрадной мѣстности, какъ вся эта голая,

безотрадная степь окрестности нефтяного города. Я никогда не забуду это сочетаніе желтаго, сверкающаго подъ солнцемъ песка съ ярко синимъ небомъ, и эти караваны верблюдовъ, медленно переступающихъ по каленому песку, связанныхъ между собой и мѣрно плывущихъ по необозримому песчаному морю...

Помню, въ какой неописуемый восторгъ я пришелъ, впервые увидѣвши верблюжью траву въ цвѣту *). Повсюду торчали длинныя плети съ небольшими листьями и прелестными нѣжно розовыми цвѣтами. Кусты были сплошь покрыты бабочками цвѣтовъ, которые распускаются только ранней весной. Что-то дѣвственное, прелестное, свѣжее вѣяло отъ этихъ чудныхъ цвѣтовъ пустыни, облетающихъ вмѣстѣ съ листьями вскорѣ послѣ распусканія на горячіе пески. Я видѣлъ позже это растеніе. Это были щетки колючихъ острыхъ стеблей, суровыхъ и жесткихъ, какъ сама пустыня, одно изъ кушаній верблюда, губы котораго не страдаютъ отъ укола этихъ вѣтвей. Трудно было себѣ представить, что весной эти колючки цвѣли такими нѣжными цвѣтами и такъ радовали взглядъ путника среди жаркихъ и безконечныхъ песковъ.

---

*) Alhagi camelorum. Fisch.

17.

Каспійское побережье.

На пароходѣ. Астара. Энзели. Дворецъ Шаха. Персы.

Гдѣ пышная чалма, гдѣ алкоранъ пророка?
Когда въ сады прелестнаго Востока
Переселюсь отъ пагубныхъ мнѣ мѣстъ?
Тамъ пиръ для чувствъ и ока,
Красавицы Востока,
Одна другой милѣй,
Одна другой рѣзвѣй...

Полежаевъ.

— Куда вы собираетесь на Пасху? спрашивали тетушку посѣтители, видя раскрытый чемоданъ.

— Да вотъ, хотѣли ѣхать на недѣльку въ Ленкорань. Теперь тамъ лучшее время.

— О Ленкорань, вздыхалъ посѣтитель, это райскій уголокъ, это кусочекъ Индіи, это прямо жемчужина всего Кавказа. Что тамъ за растенія, пальмы, вѣчная зелень! А цвѣты! Такіе растутъ только въ Индіи!

— Вы тамъ бывали? спроситъ тетушка посѣтителя.

— Нѣтъ, я лично не бывалъ, но одинъ мой знакомый жилъ тамъ и говоритъ, что лучшаго онъ никогда ничего не видалъ.

И сколько разъ намъ приходилось слышать, что

«одинъ хорошій знакомый» былъ въ Ленкорани, но никто изъ хвалившихъ лично тамъ не бывалъ.

Мы давно рѣшили ѣхать на недѣльку въ этотъ «райскій уголокъ», тетушка списалась съ знакомыми ленкоранцами и наняла у нихъ домикъ. Ей такъ хотѣлось отдохнуть въ теченіи этихъ праздниковъ отъ гимназическихъ дрязгъ и тревогъ, да и сама прогулка въ этотъ городъ съ флорой Индіи тянула насъ всѣхъ. Нашъ отъѣздъ былъ рѣшенъ и мы должны были уѣхать на Страстной недѣлѣ съ пароходомъ Александръ 3-й, доѣхать до Персіи, вернуться въ Ленкорань, прожить тамъ праздники и возвратиться въ Баку. Какъ разъ съ этимъ пароходомъ ѣхали ученики старшихъ классовъ реальнаго училища со всѣми учителями въ Ленкорань на экскурсію въ горы.

Вся наша поѣздка по берегамъ Каспія была одно удовольствіе. Правда, пароходы общества «Кавказъ и Меркурій» уступаютъ черноморскимъ и оставляютъ многаго желать, но и публика востока требуетъ своего.

Пароходъ былъ переполненъ народомъ. Дивный весенній вечеръ окуталъ Каспій. Баку, какъ иллюминованный, сіялъ своими огоньками и производилъ чарующее впечатлѣніе. Словно чудное ожерелье, мерцали огоньки набережной и роняли столбы свѣта въ море. Вся дамба была покрыта провожающими. Пароходъ засвистѣлъ въ третій разъ и медленно сталъ отдѣляться отъ пристани. Огоньки Баку становились все тусклѣе и вскорѣ исчезли, а большой и красивый пароходъ Александръ 3-й, рѣзалъ своимъ острымъ носомъ каспійскія волны, залитыя серебромъ

лунной ночи. Что за чарующія ночи бываютъ на южныхъ моряхъ! Въ лицо вѣетъ теплый вѣтерокъ, у вашихъ ногъ шумятъ и рокочутъ волны, звѣзды, большія и яркія, такъ низко висятъ надъ вашей головой, а все громадное чудовище, несущее васъ въ невѣдомую даль, дрожитъ и трясется и мчится, распустивъ свои могучія крылья, впередъ и впередъ. Вы слышите, какъ бьется его горячее сердце, вы слышите, какъ онъ окликаетъ встрѣчные пароходы и перекликается съ ними, какъ морская птица, и гипнотизируетесь этой тишиной, этими картинами чуднаго моря. Какъ странно мнѣ было сознавать, что я ѣду по далекому Каспійскому морю къ персидскимъ берегамъ, и воображеніе рисовало мнѣ цвѣтущія картины тропической мощи и красы. Хвалынское море, этотъ громадный Каспій—море степей и пустынь. Унылыя скалы, необозримыя степи и солончаки окружили его со всѣхъ сторонъ и только южное побережье и Ленкорань дѣлали исключеніе, нарушая томительное однообразіе и однотонный мертвый колоритъ Каспійскихъ береговъ.

Проснувшись утромъ, я усѣлся на палубѣ и принялся глядѣть и на берега, и на публику. Мы подходили къ Ленкорани. По берегамъ высились въ нѣсколько ярусовъ зеленыя горы, подымаясь своими кудрями деревъ подъ облака. Съ другой стороны было безбрежное залитое солнцемъ море, уходившее куда-то туда къ Красноводскимъ пескамъ, къ берегамъ Средней Азіи. Ленкорань не имѣетъ пристани и пароходы останавливаются вдали отъ берега, куда плоскодонныя лодки доставляютъ публику. Во время

сильнаго волненія пароходы принуждены останавливаться у острова Сари, очень далеко лежащаго отъ городка, что, конечно, имѣетъ большія неудобства.

Я перезнакомился съ учителями реальнаго училища и вмѣстѣ съ ними поѣхалъ во время многочасовой остановки парохода на берегъ. Часть учителей съ директоромъ ѣхали на пароходѣ дальше, а потому присоединились къ намъ и мы составили веселую компанію.

Какъ только пароходъ остановился, его окружили съ крикомъ и гвалтомъ плоскодонныя лодки и баржи, сильно качавшіяся на волнахъ.

— Это киржимы, шепнулъ мнѣ дядюшка, указывая на эти лодки, способныя перекидываться черезъ береговые буруны и крутящіяся волны.

Съ берега вѣяло цвѣтами и зеленью, вокругъ насъ суетились и орали десятки ободранныхъ, но пестро одѣтыхъ лодочниковъ въ красныхъ фескахъ. Мы размѣстились въ киржимахъ, въ которые чуть не прыгали съ пароходной скользкой лѣсенки, и закачались по волнамъ, несясь къ берегу.

Насъ пригласили на обѣдъ въ мѣстную школу вмѣстѣ съ учителями и мы, нагулявшись вдоволь по маленькому городку, осмотрѣвши наше будущее жилище, присутствовали на настоящемъ восточномъ обѣдѣ, гдѣ выборный тулумбашъ надрывался, предлагая за всѣхъ тосты, а хозяйка затянула въ честь гостей, по грузинскому обычаю, привѣтствіе «мравалъ-джаміе», которое подхватили всѣ гости.

Призывный свистокъ парохода заставилъ насъ спѣшить на берегъ, забраться въ киржимы и плыть

къ пароходу. Иногда киржимъ не можетъ пристать къ самому берегу и мѣстные носильщики тяжестей «амбалы» переносятъ публику на плечахъ, что вызываетъ много крику и смѣху. Эти амбалы таскаютъ тяжести и нагружаютъ ими киржимы, отправляемые на пароходы, гдѣ темные трюмы поглощаютъ всѣ тюки и ящики, низвергаемые гигантскими кранами въ ихъ черныя пасти.

Пароходы Каспійскаго моря въ одно и тоже время и пассажирскіе и товарные и перегрузка товаровъ заставляетъ ихъ долгими часами стоять у береговъ.

Щетинистыя отъ лѣсовъ Талышскія горы потянулись къ югу терассами и этажами, высясь другъ надъ другомъ. За лѣсами показались плавающія среди облаковъ снѣжныя вершины и пики. Чудная живописная панорама горъ тянулась до самой персидской границы Астары. Снова пароходъ былъ взятъ въ плѣнъ киржимами при оглушительныхъ крикахъ лодочниковъ и толпы. Давка, крики и шумъ стояли невообразимые. Туземцы съ «хурджимами», пестрыми дорожными мѣшками, переброшенными черезъ плечи, въ бѣлыхъ турбанахъ, красныхъ фескахъ, коричневыхъ конусахъ, бѣлыхъ цилиндрахъ, перемѣшались и образовали живописную картинку. Всѣ спѣшили занять мѣста въ киржимахъ, а пріѣхавшіе карабкались, какъ обезьяны, по лѣстницамъ на пароходъ. Вся эта пестрая толпа волновалась, укладывалась, раскладывалась, ложилась на пестрые развернутые ею ковры, говорила, кричала, жестикулировала. Киржимы, полные народа, летали взадъ и впередъ

къ берегу, надъ которымъ высились живописные, снѣжные конусы горъ.

Я не могъ оторваться отъ этихъ чудныхъ картинокъ востока. Солнце свѣтило такъ ярко, на берегу чернѣли трещины горъ, зеленѣли рощи и меня манило туда въ даль, въ зелень, въ цвѣты.

Мы слѣзли всѣ въ большой киржимъ, бока котораго были окружены подушками изъ камыша, и полетѣли на берегъ сплошь покрытый, какъ въ Ленкорани, совсѣмъ чернымъ пескомъ магнитнаго желѣзняка.

Астара состоитъ изъ двухъ поселеній, русской и персидской Астары, раздѣленныхъ небольшой рѣчкой тоже Астарой. Здѣсь на морскомъ берегу, прямо на пескѣ, таможенные чиновники смотрятъ багажъ у проѣзжающихъ черезъ персидскую границу.

Мы стояли около 7-ми часовъ въ Астарѣ и я все время блуждалъ по этому скучному мѣстечку. Яркій, задорно-красный молочай торчалъ повсюду своими зонтиками цвѣтовъ. Вмѣсто тропическихъ деревьевъ только ивы торчали своей свѣжей зеленью, да хмѣль и длинныя плети ежевики переплели кусты колючаго держи-дерева и шиповника. Мы вышли на пыльную площадь, посреди которой высилась обожженная грозой и полуразрушенная громадная акація. Пестрая толпа гудѣла на площади, раскрывая свои дорожныя мѣшки и узлы передъ чиновниками.

Пройдя рощу старыхъ тутовыхъ деревьевъ, мы подошли къ рѣчкѣ, которую переѣхали въ «дубѣ», выдолбленномъ деревѣ, и попали въ персидскую

Астару. До чего оригинальна, характерна эта часть, до чего живописно это селеніе! Мнѣ казалось, что я перенесся куда-то въ села далекой Африки или Австраліи. Громадные плетни и камышевыя изгороди раздѣляли дворы деревянныхъ домиковъ, крытыхъ соломой и камышемъ. Повсюду на каждомъ дворѣ среди цвѣтущихъ грушъ и черешенъ высились удивительныя не то башни, не то многоэтажныя терассы, поставленныя на толстыхъ деревянныхъ столбахъ. Эти курьезныя свайныя постройки служатъ для ночевокъ, такъ какъ нѣтъ возможности въ душное время спать въ домахъ, гдѣ сырость почвы сказывается въ сильной степени и одолѣваютъ всевозможныя насѣкомыя, гады и комары. Мы блуждали среди этихъ удивительныхъ сквозныхъ башенъ и буквально чувствовали всю экзотичность этой тропической Азіи. Вся персидская Астара съ ея башнями, плетнями и домиками затонула въ цвѣтущей рощѣ. Тутъ вились розы «кызылъ-дюль», какъ ихъ называютъ персы, южная душистая бузина (Sambucus ebulus), залитые пунцовыми цвѣтами гранатники жались къ домикамъ, а фруктовыя деревья, отцвѣтая, завалили улицу и дворы цвѣточнымъ снѣгомъ. Персидскій базаръ съ его лавочками, съ связками лука, бобами лобія, глиняными кувшинами, бурымъ медомъ и шерстью, съ его суетой, цирюльнями, пирожными—не могъ не приковать нашего вниманія. Ужасно оригинальное впечатлѣніе произвела эта сѣрая камышевая и вычурная персидская Астара съ ея домиками, окна въ которыхъ находятся на разной высотѣ, съ ея пестрой толпой на черномъ берегу, сплошь по-

крытомъ ребристыми раковинками и желѣзнякомъ.

Съ парохода не видно ни башенъ, ни домовъ. Все потонуло въ зелени, только мерлушковыя лѣсистыя горы дымились и тонули въ вечернихъ туманахъ.

Опять настала ночь, полная чаръ, ночныхъ звуковъ, плеска волнъ и поэзіи. Не хотѣлось уходить съ палубы, жаль было нарушить очарованье, которое охватывало все мое существо.

Я рано проснулся и усѣлся на палубѣ, любуясь восхитительной панорамой гористыхъ персидскихъ береговъ. Передъ моими глазами проплывала восхитительная декорація горъ съ ихъ ледниками и снѣгами, горѣвшими въ утреннемъ солнцѣ.

4-й классъ или палуба не могла не поглотить моего вниманія. Тутъ была своеобразная картина востока. Кто спалъ, растянувшись на коврѣ, кто задумчиво курилъ кальянъ, кто жевалъ какую-то невѣдомую траву. И эта смѣсь шапокъ, бритыхъ головъ, пестрыхъ кафтановъ, тибетеекъ, красныхъ, выкрашенныхъ хною бородъ, самыхъ разнообразныхъ сценокъ—плѣняла меня еще больше грандіозныхъ видовъ персидскаго побережья. Среди толпы сновалъ юркій цирульникъ въ ярко-желтой довольно грязной рубашкѣ, въ коричневыхъ панталонахъ и красномъ кафтанѣ. Онъ быстро подсаживался къ подзывавшему его, вынималъ свою грязную полосатую тряпку, деревянное, складное зеркальце, мѣдный тазикъ для воды и бритву и принимался за работу. Персы брѣютъ всю голову, но большинство оставляетъ на затылкѣ островокъ волосъ, который достигаетъ иногда большой

длины и обыкновенно свертывается подъ чалмой. Существуетъ повѣрье, что, послѣ смерти, Магометъ притянетъ вѣрныхъ за этотъ клокъ волосъ въ рай. Многіе молодые люди оставляютъ пряди волосъ надъ висками и зачесываютъ ихъ за уши, что производитъ крайне курьезное впечатлѣніе.

— Это любовный локонъ или зульфъ, объяснили мнѣ. Молодые люди всегда носятъ ихъ. Мущина среднихъ лѣтъ отпускаетъ себѣ бороду и краситъ ее хной.

Красные бороды и ногти персовъ просто рѣжутъ глаза и, вѣроятно, этотъ обычай въ жаркомъ климатѣ Персіи имѣетъ гигіеническое значеніе.

Одинъ персіанинъ игралъ на флейтѣ что-то заунывное и монотонное.

Я чувствовалъ, что я уже въ Персіи, въ странѣ, гдѣ апельсинныя рощи доходятъ до морскаго берега, гдѣ владычествуетъ снѣжная вершина Демавенда, гдѣ произволъ шаха и его министровъ дошелъ до крайности, гдѣ каждый чиновникъ расхищаетъ государственную казну и имѣютъ свои собственныя узаконенія.

Пароходъ пронзительно засвистѣлъ, мы стали подходить къ Энзели. Горы отбѣжали отъ берега, а на немъ улеглась полоска земли съ кучей строеній, надъ которыми поднялась какая-то башня.

Сильные буруны на берегу грозили разбить не только киржимы, но и небольшой паровой катеръ, доставлявшій публику съ парохода на берегъ. И только когда буруны къ полудню улеглись, капитанъ отпустилъ насъ съ парохода. Персидскій городокъ

Энзели лежитъ на одномъ изъ многочисленныхъ островов̀ъ низменнаго архипелага, образовавшаго Энзелійскій заливъ «Мурд-абъ» («мертвая вода»), какъ его называютъ персы. Около 40 рѣчекъ впадаютъ въ этотъ заливъ. Всѣ онѣ до того мелки, что проходимы только въ плоскодонныхъ киржимахъ, также какъ и протоки между островами.

Паровой катеръ повезъ насъ по проливамъ къ одному изъ острововъ.

Когда нашъ Александръ 3-й подошелъ къ Энзели, не смотря на волненія, десятки киржимовъ взяли его въ плѣнъ. Лодки были полны цвѣтущими фіолями, букетами ярко лиловыхъ ирисовъ, горшками розъ, кучами копченыхъ большеголовыхъ кутумовъ, мѣстной рыбы, куръ и всевозможной контрабанды, какъ коньякъ, сахаръ, табакъ, чай. Надо было видѣть эту торговлю, это проворство, эти жесты, эти ободранные яркіе костюмы и желтыя лица продавцовъ. Распродавъ все до послѣдняго копченаго кутума, торговцы уѣхали на берегъ.

У берега изъ воды торчали мачты недавно затонувшаго парохода общ-ва «Кавказъ и Меркурій».

Я жадно глоталъ впечатлѣнія персидскаго берега, лицъ, костюмовъ, построекъ.

— Здѣсь бываетъ вѣтеръ гермишъ, разсказывалъ капитанъ, удушающій, въ родѣ самума, причемъ замѣчается странное явленіе, всѣ предметы, находящіеся выше, увеличиваются, ниже—уменьшаются. Такъ если смотрѣть въ это время съ берега на пароходъ, то флаги кажутся гигантскими, а самъ пароходъ крошечной лодкой.

Энзелійскій заливъ замѣчателенъ своей рыбной ловлей. Одного большеголоваго кутума здѣсь вылавливается ежегодно до 200 тысячъ пудовъ. Эта излюбленная персами рыба напоминаетъ въ копченомъ видѣ шамаю и, похожая съ виду на сига, лежитъ грудами на всякомъ персидскомъ базарѣ. Мы посѣтили рыбныя ватаги, видѣли грандіозное соленіе рыбы, видѣли какъ пріѣхали рыбаки съ киржимами, сплошь заваленными кутумами, сазанами, севрюгами и сомами, которыхъ они поймали въ забойкахъ рѣкъ. Забойки—деревянныя сваи, вбитыя въ дно и связанныя прутьями, заграждая путь рыбамъ по рѣкѣ, задерживаютъ ихъ массами. Тутъ же при насъ на плотахъ и пристаняхъ обезглавили всю добычу, разрѣзали пополамъ, очистили отъ внутренностей и потащили въ соленье. Отбросы отъ потрошенья рыбы сметались швабрами съ залитаго кровью и скользкаго плота прямо въводу, гдѣ началась баталія гигантскихъ сомовъ, оспаривающихъ другъ у друга добычу.

Осмотрѣвъ ватаги, мы отправились въ киржимахъ на одинъ изъ острововъ въ сады какого-то хана. Цвѣтущія розы, касатики, лимоны и апельсины поражали насъ, мы съ букетами бродили по запущенному саду, гдѣ розы обвивали померанцы и, протолкавшись сквозь ихъ густую зелень, поднимали свои розовые букеты надъ золотыми плодами, которыми были увѣшаны всѣ деревья.

Потомъ мы добрались до Энзели и, пройдя каменные ворота съ черепитчатой далеко выдающейся концами крышей, очень напомнившіе мнѣ ворота и стѣны въ Испаніи, вошли сначала во дворъ, окру-

женный кирпичными стѣнами, расписанными въ красный и синій цвѣтъ и поросшими тонкимъ папоротникомъ и львинымъ зѣвомъ. Вторые ворота, съ восточными украшеніями, ввели насъ въ садъ, полный чудныхъ померанцевыхъ аллей, сплошь увѣшанныхъ по фону темной зелени, ярко-золотыми плодами. Главная аллея привела насъ къ восхитительной высокой башнѣ «Шамсетъ-Эмаретъ», построенной для пріема шаха и отдѣланной со всѣми вычурами восточной фантазіи. Высокая въ 5 этажей, окруженная 5-ю легкими галереями, словно выточенными изъ кости, 8-ми гранная башня, поднялась, какъ сказочный дворецъ, передъ нами, сіяя своими красками и поразительно прихотливыми украшеніями. Въ каждомъ этажѣ было по одной комнатѣ и всѣ пять были открыты на балконы въ сторону запада. Мы поднялись по лѣстницѣ и очутились во 2-мъ этажѣ, въ синей комнатѣ, покрытой бѣлыми барельефами, изображающими грозди, цвѣты и букеты. Синія колонны галереи окружили балконъ. 3-й этажъ привелъ насъ въ восторгъ своими барельефами, которые, какъ кружева, сплошь покрыли стѣны башни. Мы поднялись въ 4-й этажъ еще болѣе фантастично отдѣланный, чѣмъ предъидущій, и, наконецъ, добрались до пятаго, гдѣ замерли отъ изумленія. Вся фантазія востока переселилась сюда и создала сказочный уголокъ. Вся комната сплошное море зеркалъ. Тысячи граней и зеркалецъ подъ разными углами образовали ниши и ячейки. Свѣтъ, падая сквозь пестрыя окна, играетъ яркими лучами во всѣхъ зеркалахъ. Потолокъ весь зеркальный и похожъ на

пчелиныя соты, зеркальные карнизы продырявлены ячейками напоминавшими мнѣ Альгамбру въ Гранадѣ. Изъ большаго зеркала въ серединѣ потолка повисла хрустальная люстра, а вмѣсто западной стѣны зіяла зеркальная ниша вся въ колоннахъ, въ розеткахъ, пирамидкахъ и складкахъ изъ зеркалъ. Галерея 5-го яруса раскрыла передъ нами дивный видъ на померанцевый садъ у нашихъ ногъ съ его клумбами касатиковъ, каменными бассейнами и темными алеями. Апельсинныя деревья бросали рѣзкія темныя тѣни на дорожки, а розы краснѣли и накаляли свои головки подъ лучами южнаго солнца. Весь городокъ, съ его черепитчатыми крышами и минаретомъ, лежалъ скученный на берегу лагуны, всѣ острова залива пятнами выдѣлялись на морскомъ фонѣ. Аляповатыя барельефныя птицы, словно пряничные павлины, украсили стѣны 5-го этажа и давали себя кусать бѣлымъ гипсовымъ змѣямъ. Мы ушли совсѣмъ очарованные этимъ сказочнымъ дворцомъ и зеркальной комнатой.

— Барельефы аляповаты, ворчалъ дядюшка, да и вообще все по восточному пестро и безъ вкуса.

Персидскій базаръ мало плѣнилъ насъ. Это полукрытая улица съ лавками по бокамъ, очень напоминавшая ряды Тифлиса и Баку, но менѣе пестрая, менѣе своеобразная, полная русскаго товара, русскихъ ситцевъ и посуды. Единственное оригинальное, что мы нашли были сладкіе лимоны и выдутыя пестро-расписанныя сушеныя тыквы, исполняющія обязанности бутылокъ.

Два лица крайне заинтересовали меня на база-

рѣ: одно лицо нищей, закутанной въ драную черную чадру, съ бритой головой и удивительно пронзительными черными глазами, взглядъ которыхъ я чувствовалъ на себѣ еще долгое время спустя. Другое лицо—лицо дервиша съ страннымъ полупомѣшаннымъ взглядомъ изъ подъ нависшихъ рѣсницъ. Онъ неподвижно стоялъ около какой-то лавченки и перебиралъ пальцами четки. На немъ былъ какой-то бурый халатъ, подпоясанный веревкой, за которой было много разныхъ мелкихъ вещей, какіе-то мѣшечки, корешки, бубенчики. Его длинные волосы растрепались по плечамъ, а глаза, полные гипнотической силы, какъ-то насмѣшливо глядѣли на насъ. На одной его рукѣ на цѣпочкѣ висѣлъ орѣхъ мадагаскарской пальмы (Leuzea Sacharum), какіе приносятся теченіемъ къ Бомбейскимъ берегамъ, гдѣ эти орѣхи считаются большой рѣдкостью, и, освященные въ Меккѣ, они продаются по дорогой цѣнѣ, по 20 рублей половинка, и считаются святыней.

Одинъ изъ учителей, много путешествовавшій на востокѣ, остановилъ меня за руку.

— Нѣтъ, вы хорошенько вглядитесь въ него, это дервишъ съ головой Христа. Замѣтьте его взгляды, его позы, его глаза. Онъ старается во всей наружности подражать Христу.

Дѣйствительно, голова дервиша съ его бородкой, съ его упавшими на плечи бѣлокурыми волосами, поразительно напоминала Христа.

— Видите за поясомъ у дервиша торчитъ обоюдоострый топоръ, сказалъ мнѣ капитанъ, подошедши

къ намъ, а въ рукахъ у него палка съ остріемъ. Это прямо мазурикъ. Всѣ эти дервиши ничего не дѣлаютъ и, кажется, единственный обѣтъ, какой они даютъ—это не брить бороды и не стричь волосъ, потому они такіе косматые. А всѣ эти орѣхи «калабашъ», какъ ихъ называютъ, всѣ эти палки, высокія войлочныя шляпы съ вышитыми на нихъ надписями изъ корана, —все это продается въ магазинахъ каждаго большого города Персіи. Всѣ эти дервиши-плуты и обманщики, они шляются изъ города въ городъ, требуютъ подаянія, проклинаютъ и ругаютъ самымъ невозможнымъ образомъ тѣхъ, кто не подастъ имъ. Всѣ они ходятъ съ оружіемъ, выступаютъ парадно-медленнымъ шагомъ, какъ будто они погружены въ созерцаніе. Это такіе пьяницы, распутники и нахалы, какихъ другихъ и не найти. Здѣсь, въ Персіи, никто не вѣритъ ихъ святости и не уважаетъ, ихъ терпятъ, какъ неизбѣжное зло. Они становятся дервишами безъ всякаго посвященія. Стоитъ только купить себѣ всѣ эти атрибуты святости и дѣло готово. Всякій бродяга, неудачникъ, лѣнтяй, промотавшій состояніе,—идетъ въ дервиши.

Что за пестрая толпа толкалась здѣсь на базарѣ! Тутъ были и черноглазые персидскіе мальчуганы, съ любопытствомъ глядѣвшіе на насъ, и строгіе муллы, въ длинныхъ халатахъ и бѣлыхъ чалмахъ, и сеиды, въ ярко-синихъ головныхъ уборахъ, и родственники Магомета въ зеленыхъ чалмахъ, такъ какъ зеленый цвѣтъ считается цвѣтомъ пророка, и хаджи, побывавшіе у гроба пророка въ вышитыхъ фескахъ. Но шапки мирянъ поражали меня. Это

были или громадные мерлушковые, кудлатые шары изъ бараньей шерсти, смотрѣть на которые даже было жарко, или гладкіе, войлочные, сплошь обтягивающіе голову, сѣрые шары.

У лавки сластей нѣсколько персовъ съ громаднымъ апетитомъ уплетали какія-то бѣлыя сласти на бараньемъ жиру, одинъ видъ которыхъ наводилъ ужасъ, тѣмъ болѣе разные шербеты какихъ-то необыкновенныхъ яркихъ и подозрительныхъ цвѣтовъ.

Къ вечеру мы перебрались на пароходъ. Что за дивная ночь спустилась надъ Каспіемъ! Это была ночь Страстной пятницы. Я долго сидѣлъ на палубѣ и глядѣлъ на сверкавшее южное море, на миганье громадныхъ звѣздъ, на черный силуетъ дворца-башни Шамсетъ-Эмаретъ, торчащій вдали надъ Энзели... Теплый вѣтерокъ порой доносилъ съ берега сладкій ароматъ фіоли и левкоевъ. Гдѣ-то уныло играла флейта. Ея плачущая мелодія слабо доносилась ко мнѣ и баюкала меня, унося далеко, далеко отъ земли...

18.

Ленкорань.

Русская и татарская Ленкорань. Марцо. Джонгли и лѣса Талышскихъ горъ. Горячія воды.

Весеннiй вечеръ на равнины
Кавказа знойнаго слетѣлъ,
Туманъ медлительный одѣлъ
Горъ дальнихъ синiя вершины.

Полежаевъ.

Мы поселились въ небольшомъ домикѣ съ тремя комнатами, которыя наняли у одного изъ домовладѣльцевъ Ленкорани, и прожили цѣлую недѣлю въ бывшей столицѣ Талышскаго ханства, окруженнаго красивыми лѣсистыми горами. Ленкорань—это архипровинцiальный городокъ, съ его немощеными улицами, по которымъ не пройти во время дождя, съ его громадными площадями, заросшими травой. Эти пустыри всегда производятъ унылое впечатлѣнiе. Домики всѣ одноэтажные, съ плохенькими садиками, съ торчащими рядомъ по улицамъ пирамидальными тополями и кленами. Весь этотъ скучный, мертвый городишко, съ его небольшой церковью въ центрѣ, съ двумя мечетями, съ камышевыми заборами,

растянулся на цѣлую милю вдоль берега, чернаго отъ магнитнаго желѣзняка. Съ одной стороны города впадаетъ въ море рѣчка Ленкоранка, на берегахъ которой высится башня и остатки персидской крѣпости, выстроенной во время владычества персовъ. Во время войны 1812 года русскіе, подъ начальствомъ молодого генералъ-лейтенанта Котляревскаго, осадили крѣпость и въ ней 4 тысячи отборнаго войска персовъ подъ начальствомъ Садыхъ-хана. Въ день новаго 1813 года послѣ страшной и отчаянной осады, крѣпость была взята русскими и всѣ 4 тысячи персидскихъ героевъ пали въ этомъ сраженіи. Теперь одна изъ уцѣлѣвшихъ башенъ служитъ тюрьмой, а остатки стѣнъ и валовъ надъ обрывомъ къ Ленкоранкѣ напоминаютъ прошлые дни, когда здѣсь стоялъ стонъ и скрежетъ и текли кровавыя рѣки. Мы часто гуляли здѣсь по вечерамъ и я любилъ глядѣть на стрижей, которые, какъ стрѣлы, носились вокругъ крѣпости и исчезали въ ея трещинахъ.

Нашъ флигелекъ, въ которомъ мы жили, имѣлъ при себѣ садикъ. Нашъ хозяинъ славился во всей Ленкорани, какъ опытный садовникъ, а на его садъ указывали, какъ на лучшій.

Дѣйствительно, весь городокъ тонетъ въ зелени пирамидальныхъ тополей, громадныхъ кленовъ, фруктовыхъ деревьевъ. Площадь вокругъ церкви засажена большими чинарами, липами и кленами. Вишняки и сирени наполняютъ садики, но ни въ самой Ленкорани, ни въ ея окрестностяхъ нѣтъ тропическихъ растеній, а индійскихъ тѣмъ болѣе.

Слава о ея диковинкахъ растительнаго міра оказалась крайне раздутой и преувеличенной. Пальма не выноситъ климата Ленкорани. Сырость почвы, благодаря горнымъ рѣчкамъ, не позволяетъ расти ни агавамъ, ни кактусамъ, ни оливкамъ, ни кипарисамъ, о лимонныхъ и апельсинныхъ рощахъ здѣсь нѣтъ и помину. Даже самшитъ, этотъ кавказскій житель, убѣжалъ куда-то въ горы, а эквалипты, магноліи и другія нѣжныя деревья нигдѣ не встрѣчаются.

Ленкоранскій заливъ замерзаетъ хоть одинъ разъ въ сто лѣтъ и это уже не позволяетъ отнести этотъ уголокъ къ тропическимъ мѣстамъ. Правда, что послѣ голыхъ и мертвенныхъ береговъ Каспія, послѣ голыхъ скалъ и утесовъ Дагестана, послѣ мертвой Муганской степи, поросшей полынью и солянками, полной змѣй и многоножекъ, зелень Ленкорани и ея кудрявыя и лѣсистыя горы должны производить впечатлѣніе роскоши и блеска.

Мы жили въ нашемъ маленькомъ домикѣ, стѣны комнатъ котораго были усажены чучелами птицъ, такъ какъ хозяинъ нашъ былъ страстный охотникъ. Ежедневно мы предпринимали во всѣ стороны прогулки, изъѣздили вдоль и поперекъ всѣ окрестности и вполнѣ насытились мертвой, маленькой и скучной Ленкоранью.

Небольшой городской садъ съ видомъ на море, заросшій кленами и вязами, скучный и пустынный, приковалъ наше вниманіе однимъ неизвѣстнымъ намъ родомъ дерева. Это былъ громадный вязъ, по крайней мѣрѣ съ перваго взгляда мы приняли дерево,

съ очень небольшими и яркими листочками, съ густыми кистями невзрачныхъ цвѣтовъ за разновидность вяза. Это былъ азатъ (Zelcovia crenata), очень рѣдкое дерево, вымершее повсюду въ Европѣ и сохранившееся небольшими островками въ долинѣ Ріона, въ Ленкорани и Америкѣ. Здѣсь же намъ указалъ нашъ хозяинъ еще одно особенное дерево съ мелкими листиками въ родѣ акаціи, все вооруженное огромными колючками, которое оказалось особеннымъ туземнымъ видомъ Gleditichia caspica, но ни азатъ, ни эта гледитчіа насъ не удовлетворили нисколько. Шумный и довольно грязный базаръ Ленкорани тоже не представлялъ ничего особеннаго, а хваленый садикъ нашего хозяина содержался въ большомъ безпорядкѣ, да и не отличался разнообразіемъ. Тутъ были все излюбленные любителями цвѣты: розы, лиліи, касатики, нѣсколько полузамершихъ съ почернѣвшими листьями юккъ, нѣсколько вѣчно-зеленыхъ кустовъ—вотъ и все. Самой нашей излюбленной прогулкой сдѣлалась прогулка по туземной Ленкорани, по улицамъ между татарскими домиками, въ средѣ талышей бывшаго ханства. Русская Ленкорань—типичный провинціальный городъ съ острогомъ и соборомъ, двумя-тремя лавченками и полусоннымъ городовымъ, съ ужасной грязью, совсѣмъ непроходимой во время дождей, и удушающей пылью въ жару. Татарская Ленкорань, лежащая выше по Ленкоранкѣ, запрятавшаяся въ рощу, полна совсѣмъ особенной красоты, живописности и прелести. Вся расчищенная роща вишняковъ, грушъ, сливъ, персиковъ, гранатника застрое-

на камышевыми характерными постройками. Узкія улицы вьются и изгибаются между заборами, черезъ которые нависли и бросаютъ тѣнь на дорогу всевозможныя деревья. Мнѣ казалось всегда, что я брожу гдѣ-то въ Дагомейскомъ селеніи. И здѣсь, какъ въ Астарѣ, повсюду высятся эти ажурныя двухъэтажныя голубятни, съ камышевыми далеко выдающимися крышами. Сѣрый тонъ этихъ свайныхъ, нерѣдко очень прихотливо украшенныхъ построекъ, очень гармонировалъ съ свѣжей зеленью. Миндаль, весь обсыпанный розовыми цвѣтами, жался къ домикамъ, съ громадными ихъ крышами также изъ камыша, и обсыпалъ ихъ своими лепестками. Эти постройки—башни называются здѣсь «ламъ», въ нихъ спасаются талыши отъ комаровъ, москитовъ, а главное, отъ злокачественной лихорадки—этого ужаснаго бича Ленкорани. Семья оставляетъ въ нижнемъ этажѣ свою одежду и поднимается на верхнюю площадку по лѣсенкѣ или по бревну, въ которомъ выдолблены ступени.

Мы, буквально, наслаждались вечерними прогулками по этимъ камышевымъ улицамъ, среди этихъ удивительныхъ построекъ, среди чудныхъ картинокъ этой тропической Азіи. Пестрыя одежды жителей изъ ярко-окрашенной бязи, то оранжевой, то до того красной, что больно было смотрѣть на нее, то сѣрно-желтой, то зеленой, то ярко-синей, походили на цвѣты. Первенствовалъ красный цвѣтъ, красные платки, кушаки, накидки. Это пламя, этотъ огонь нарядовъ среди зелени и камышевыхъ стѣнъ придавали особую характерность талышской Ленкорани.

— Аллахъ Сагласъ, встрѣчало насъ привѣтствіе талышенцевъ на каждомъ шагу. Это «благослови Богъ» въ этомъ чудномъ уголкѣ звучало какъ-то особенно. Что за милые картинки видѣли мы у колодцевъ, гдѣ татарки въ своихъ огненныхъ костюмахъ, съ глиняными кувшинами въ рукахъ, черпали воду, а большая, бѣлая отъ цвѣтовъ, груша наклонилась надъ ними и роняла свои лепестки въ глубину колодца, и на красныя ихъ платья и на черныя волосы. Буроватая зелень молодой листвы грецкихъ орѣховъ придавала чудный оттѣнокъ остальной зелени. По вечерамъ въ этихъ цвѣтущихъ рощахъ перекликались черноголовые соловьи и раздавалось монотонное и заунывное пѣнье татаръ. Они воспѣвали море, весну, зелень, цвѣты, всякій предметъ, который попадалъ на глаза. Они сочиняли слова во время пѣнья и заливались, какъ соловьи, восхищаясь весной. Толкунцы кружились цѣлыми тучами надъ лужайками и дорогами, а смолистый запахъ грецкаго орѣха и ароматъ цвѣтущихъ деревьевъ дополнялъ очарованье весенняго вечера въ этомъ оригинальномъ уголкѣ.

— Санджахъ лоа? обращались къ намъ повсюду дѣвушки-татарки, прося этими словами булавки, которыя очевидно имъ были очень дороги. Всѣ женщины и дѣвушки талышенцевъ ходятъ съ открытыми лицами.

Злокачественная малярія—настоящій бичъ этой мѣстности. Благодаря сырости, всегда влажному воздуху, а главное, рисовымъ полямъ, здѣсь владычествуютъ лихорадки, до такой степени изнуряющія

человѣка, что при третьемъ пароксизмѣ онъ умираетъ. Рисъ для произрастанія требуетъ заболачиванія почвы и служитъ настоящимъ разсадникомъ лихорадокъ. Рисовыя поля имѣютъ совсѣмъ характерный видъ. Ранней весной это раздѣленные невысокими земляными валами квадраты, расположенные вблизи ручьевъ и рѣчекъ и лежащіе такимъ образомъ, что каждый слѣдующій квадратъ находится ниже предъидущаго. Въ земляныхъ валикахъ, окружающихъ эти квадраты, прорыты протоки такъ, что всѣ они имѣютъ сообщенія. Весной рисовыя поля заливаются водой, а при высыханіи почва превращается въ глубокую липкую грязь. Я видѣлъ, какъ несчастныя татарки, которымъ отдана эта тяжелая и вредная работа, стоя по колѣно въ топкой грязи, среди вредныхъ міазмовъ и испареній, подъ жгучимъ южнымъ солнцемъ садятъ въ эту грязь рисовую разсаду, выведенную дома изъ сѣмянъ. Эта работа такъ вредна и такъ тяжела, что у талышенцевъ установился даже обычай, дающій право таркамъ требовать у мужей и отцовъ во время посадки риса все, что имъ угодно. Въ этихъ болотахъ, въ этой стоячей водѣ, которая медленно переливается сквозь протоки земляныхъ валовъ, прокаленный южнымъ солнцемъ рисъ пышно развивается, даетъ нѣсколько сильныхъ стеблей и мало по малу поле принимаетъ замѣчательную зеленую окраску. Зелень риса совсѣмъ особенная, ни съ чѣмъ несравнимая зелень; рисовыя поля это ярко-зеленый, переливающій въ разные оттѣнки, блестящій и ласкающій взоръ, бархатъ. Зелень нашихъ лу-

говъ кажется чахлой, сѣрой и выцвѣтшей рядомъ съ этой удивительной окраской риса. Конечно осенью, когда высохнетъ земля, рисъ побурѣетъ и покроется колосьями, поля принимаютъ унылую окраску. Благодаря этому обилію влаги, которая сильно испаряется при лѣтней жарѣ, обыкновенной около 30^0 въ тѣни, воздухъ напитанъ гнилостными испареніями и сердце сжимается, когда глядишь на талышей больныхъ маляріей. Я помню небольшаго татарченка, приносившаго намъ цвѣты. Его черные глаза глубоко впали и окружились синими кольцами. Блѣдное лицо и худенькая фигурка были изнурены до крайности. Худой, слабый, еле двигающійся, онъ приходилъ подъ наши окна.

— Въ прошломъ году, говорилъ онъ, его братъ тоже захудалъ, закашлялъ, у него сдѣлалась дрожь, глаза выступили, онъ захирѣлъ и померъ. Этому бѣдному мальчику грозила таже участь.

Въ этой татарской Ленкорани, которая такъ нравилась намъ, находится громадная полуруина дворца древнихъ хановъ Талыша, выстроенная изъ кирпича. Весь дворецъ въ формѣ покоя, покрытый черепитчатой, далеко выдающейся за стѣны дома крышей и продырявленный громадными окнами, стоитъ среди пустыря, бывшаго нѣкогда садомъ. Нѣсколько фазановъ и цесарокъ спокойно расхаживали по двору. Съ большими трудами и послѣ долгихъ переговоровъ намъ удалось проникнуть внутрь въ эти остатки прошлаго величія. Середину зданія заняла пріемная зала, одна сторона которой сплошное пестрое окно, а потолокъ и карнизы ко-

торой прихотливо составлены изъ зеркальныхъ стеклышекъ, которыя образовали ячейки, красивые розетки и прихотливые рисунки. Бѣлыя гирлянды барельефовъ, отражаясь въ стеклышкахъ, образуютъ большой эффектъ. Какъ грустно и запущено глядитъ эта большая зала съ изломанными стѣнными зеркалами, съ ея громаднымъ окномъ во всю стѣну, которое сложено изъ пестрыхъ стеклышекъ и реекъ, образующихъ красивый восточный узоръ! Все запущено, забыто, брошено. Изъ ячеекъ падаютъ зеркальныя стеклышки, оставляя черныя дыры и мало по малу рушится и исчезаетъ блескъ нѣкогда роскошнаго ханскаго дворца.

Въ Ленкорани масса болотъ, называемыхъ здѣсь морцами, которыя крайне любопытны и своей жизнью и своимъ видомъ. Одно болото, цѣлое озеро, называется здѣсь по преимуществу морцо и сюда въ эти камыши слетаются птицы на зимовку. Это морцо лежитъ въ нѣсколькихъ верстахъ за Ленкоранью и, чтобы достигнуть его, мы наняли фаэтонъ, который привезъ насъ по унылой степи къ небольшой татарской деревнѣ на берегу морца. Здѣсь мы наняли плоскодонную, очень первобытную лодку, усѣлись на ея дно, захвативъ съ собой провизію, и двинулись въ курьезное путешествіе. Нашъ лодочникъ съ однимъ длиннымъ весломъ, полуодѣтый черноглазый татаринъ, еле оттолкнулся отъ берега, сплошь заросшаго камышами. Воды озера почти не было видно, передъ нами была сплошная заросль гигантскихъ камышей, въ которыхъ былъ прорубленъ корридоръ. Все озеро гигантская, шуршащая заросль

высокихъ тростниковъ и камышей, въ которой продѣланы дороги и корридоры.

— Да это путешествіе по Нигеру, воскликнулъ я, смотрите, что за стѣны камышей.

Масса черепахъ, испуганныхъ нами, карабкалась и шевелилась въ этомъ камышевомъ морѣ, которое потрясало надъ нами своими пушистыми султанами. Здѣсь въ этихъ дебряхъ водятся милліоны птицъ, хоронясь въ густые камыши. Всѣ эти цапли отъ снѣжно-бѣлой до черной, всѣ безчисленныя породы утокъ, куликовъ, прелестныхъ ибисовъ, журавлей, русанокъ, чаекъ и нырковъ, были здѣсь дома и, занявъ песчаныя отмели, каряги, занесенные стволы и корни, наслаждались благопріятными условіями жизни. Толстоклювые пеликаны, стройныя стада лебедей, стаи длинноклювыхъ турухтановъ, въ ихъ перистыхъ воротникахъ, все это пернатое царство чувствуетъ себя здѣсь въ своей сферѣ. Здѣсь стоятъ погруженныя въ раздумье, граціозныя и очаровательныя по своей нѣжно-розовой окраскѣ фламинго, придающія несказанную прелесть этимъ сѣро-зеленымъ камышамъ. Ленкорань славится своими птицами и въ этомъ отношеніи слава ея не была преувеличена.

— Сюда залетаетъ турачъ, толковалъ намъ дядюшка, страшный охотникъ до птицъ. Это черная курица съ бѣлыми пятнами на коричневыхъ крыльяхъ, дивнаго вкуса. Она водится только около устья Куры. По латынски ее зовутъ Francolinus vulgaris Steph. На островѣ Сари поселили нѣсколько экземпляровъ этой курочки для разведенія. А извѣстна

вамъ ханская курочка (Porphyrio hyazynthimum sive antiquorum)? Нѣтъ? Она вся синяя съ красными высокими ногами и краснымъ клювомъ. Вкусна и жирна. А красная куропатка (Pedrix rubra), которую иногда продаютъ въ Баку на базарѣ! Она живетъ здѣсь около Ленкорани на островахъ.

Мы выѣхали на середину озера, свободную отъ камышей. Вдали открылись красивыя лѣсистыя горы, въ которыя насъ давно манило. Эта прогулка по озеру среди камышей, этотъ веселый завтракъ въ плоскодонной лодкѣ, подзадорили насъ такъ сильно, что мы рѣшили на другой же день рано утромъ отправиться въ большую экскурсію къ минеральнымъ водамъ, лежащимъ за зелеными горами.

На обратномъ пути въ Ленкорань, мы посѣтили пригородъ молоканъ. Меня всегда поражали эти благоустроенныя, зажиточныя селенія сектантовъ. Ихъ выселили сюда въ эти вредныя, полныя міазмовъ мѣста. Неутомимые работники, они съумѣли побѣдить всѣ препятствія и невзгоды и ихъ села радуютъ взглядъ своей чистотой и богатствомъ.

«Горячіе ключи», или «Минеральныя воды», или «Міянкунскія минеральныя воды» лежатъ въ 12 верстахъ отъ Ленкорани и доступны только въ лѣтнее время, когда высохнетъ дорога и ее сравняютъ работники. Въ остальное время вся дорога сплошныя кочки и до того невыносима, утомительна и трудна, что никто не ѣздитъ въ горы. Реалисты, пріѣхавшіе съ нами на пароходѣ въ Ленкорань, ходили пѣшкомъ какими-то окольными путями, мы же не устрашились плохой дороги, наняли телѣгу и

храбро отправились въ горы. Дѣйствительно, дорога была ужасна, мы стукались головами, колотились другъ о друга, взлетали кверху, ловили другъ друга, чтобы окончательно не вылетѣть и хохотали до упаду. Проѣхавъ рисовыя поля и запруды, мы покатили по кустовой заросли ежевики съ длинными плетями, порой длиннѣе, чѣмъ въ сажень, съ острыми загнутыми назадъ колючками. Боярышники, гледитчіи, терновникъ, низкая бузина (Sambucus ebulus) образовали такую сплошную стѣну, что не было возможности пробраться сквозь нее. Длинныя веревки ліаны майника (Smilax) и плети ежевики, съ острыми, какъ когти, колючками до того перепутались, что только при помощи остраго ножа или топора можно пройти сквозь джонгли, какъ называютъ эту колючую, неодолимую кустарную преграду. Я неоднократно встрѣчался съ этими джонглями въ Испаніи и на островахъ Средиземнаго моря. И здѣсь, забывъ всякую осторожность, я сунулся въ такую заросль, стараясь достать въ ней прелестный полевой мускусъ (Mimulus luteus), громадные, уродливо-красивые цвѣты котораго виднѣлись издалека и приманили меня. Ежевика и майникъ обхватили меня, какъ лапы спрута. Ихъ плети впились острыми колючками въ мою одежду и въ тѣло. Я рванулся отъ боли впередъ и плети ежевики рванулись за мной, еще сильнѣе обхвативъ меня. Я бросился въ другую сторону и почувствовалъ себя еще въ болѣе крѣпкихъ объятіяхъ. Кусты гледитчій, съ колосальными колючками, твердыми и острыми, какъ кинжалы, бѣ-

лые шиповники, превратившіе свои вѣтви въ длинныя ліаны, усаженныя шипами, гранатники, вѣтви которыхъ, какъ и терновниковъ, превратились въ острыя иглы, акаціи, колючія и сильныя, а главное ужасный майникъ (Smilax), съ его тернистыми, сердцевидными листьями на безконечно длинныхъ вѣтвяхъ, сплошь покрытыхъ колючками, обхватили меня и при каждомъ движеніи крѣпче и крѣпче связывали и кололи. Этотъ майникъ, опутывающій и душащій въ своихъ объятіяхъ и кусты и деревья, буквально душилъ меня, рвалъ мнѣ одежду и тѣло. Я выбрался изъ этой заросли изодранный, окровавленный и обезсиленный, только при помощи большого ножа, который взятъ былъ мной для ботаническихъ цѣлей. Эти джонгли, какъ стѣны, окружаютъ южные лѣса и служатъ жилищемъ пестрымъ фазанамъ, такъ какъ сюда не въ состояніи проникнуть даже ястребъ. Здѣсь въ этихъ джонгляхъ водятся ядовитыя змѣи, скользя между корнями, и прячутся громадныя жабы, доходящія величиной до цыпленка. Здѣсь же быстро бѣгаютъ уродливыя ящерицы изъ рода агамъ, болѣе страшныя, чѣмъ красивыя по виду, отъ массы разноцвѣтныхъ наростовъ на ихъ тѣлѣ. Въ кустахъ прячутся небольшіе наши южные удавы (Eryx jaculus L.), распространенные въ сѣверной Африкѣ и въ Малой Азіи, и ядовитыя козюльки и «гюрзы». Черепахъ здѣсь масса, особенно много ихъ водится около рисовыхъ полей и поминутно слышно шлепанье въ водѣ, падающихъ въ салтыки животныхъ.

Проѣхавъ 5 верстъ по отвратительной дорогѣ, еле живые, но очень веселые и довольные, мы добрались до подножья лѣсистыхъ горъ и остановились у одинокаго помѣстья Карповича. До минеральныхъ водъ оставалось 7$^{1}/_{2}$ верстъ. Хоть дорога по горамъ и лѣсу была болѣе удовлетворительна, мы на половину ее прошли пѣшкомъ, наслаждаясь восхитительнымъ южнымъ лѣсомъ, восторгаясь весенними первоцвѣтами и другими лѣсными цвѣтами. Всѣ горы были покрыты чуднымъ лѣсомъ совсѣмъ невѣдомаго намъ дерева. То это были густыя рощи, очень напоминающія нашъ ольшанникъ, такіе же сѣрые стебли, и такіе же округлые листья. Раздутые, толстые стволы нерѣдко раздѣлялись у самаго корня. Вѣтви очень часто сростались между собой, почти повсюду, гдѣ приходили между собою въ соприкосновеніе, и образовали какія-то странныя петли и отверстія. Это странное дерево, съ необыкновенно зелеными листьями, а недавно распустившіеся окаймлены фіолетовыми краями, съ странными пуговицеобразными цвѣтами, изъ которыхъ торчали кисточки огненно-красныхъ пыльниковъ,—привело насъ въ полное недоумѣніе. Эти деревья напоминали и букъ и ольху и все-таки рѣзко отличались отъ нихъ. Это было знаменитое ленкоранское дерево, свойственное спеціально Талышскимъ горамъ «Тэміръ-агачъ» или желѣзное дерево, Parrotia persica, названное такъ въ честь путешественника и профессора Паррота, перваго взобравшагося на вершину Арарата. Твердость древесины заставила очень цѣнить это дерево, никогда

не дающее большихъ деревьевъ и не достигающихъ значительной высоты. Большіе каштаново-листные дубы (Quercus castaneifolia), тоже специальное дерево Талышскихъ горъ, какъ и красноватые клены (Acer insigne), съ громадными листьями, смѣшались съ парроціей и образовали великолѣпные экземпляры. Нѣкоторые вѣковые исполины высоко поднялись надъ кудрявою зеленью тэмиръ-агача и образовали стволы, которые мы втроемъ не могли обхватить. Папоротники взобрались на стебли дубовъ и парроцій, а майникъ перебросился съ дерева на дерево и образовалъ длинныя гирлянды, кружева и паутины. Онъ обхватилъ нѣкоторыя деревья, обвилъ дубы до самой ихъ вершины, сжалъ и задушилъ ихъ въ своихъ объятіяхъ. Дивно было въ этомъ первобытномъ, густомъ лѣсу, почти совсѣмъ лишеннымъ травы. Кое-гдѣ виднѣлись подушки примулъ, поднимались чахлые кустики земляники да ползли темнозеленые кожистые плющи и толстые винограды. Собственно говоря, здѣсь въ Ленкорани владычествуетъ обвойникъ, ліана Персіи (Periploca graeca L), отличающаяся отъ майника тѣмъ, что удушаетъ растенія, по которымъ вьется и надъ которыми образуетъ непроницаемую сѣть. Солнечныя пятна трепетно ложатся на корни деревьевъ, съ трудомъ проникая сквозь сѣти переплетенныхъ вершинъ. Что за чудные виды открывались намъ съ нѣкоторыхъ поворотовъ дороги съ вершинъ горъ! Дивное море, Ленкоранская низменность, излучины берега, все живописно лежало у нашихъ ногъ и вызывало единодушные восторги. Переѣхавъ черезъ цѣпь Талыш-

скихъ горъ, мы стали быстро спускаться по другому ихъ склону по дорогѣ, которая вилась змѣей по лѣсу и спускала насъ въ одну изъ лѣсистыхъ долинъ. Впереди поднимались новыя и новыя цѣпи зеленыхъ горъ. Наконецъ, мы добрались до небольшой лужайки, на которой стояли три крошечныхъ одноэтажныхъ мазанки.

— Это минеральныя воды? воскликнули мы. Да гдѣ же здѣсь живутъ пріѣзжіе?

— А вотъ здѣсь, показалъ намъ встрѣтившій насъ татаринъ, открывая дверь въ одну изъ мазанокъ.

Представьте себѣ полуразрушенные бѣлые домишки съ выбитыми рамами, еле держащимися на ржавыхъ петляхъ дверьми, съ тремя крошечными, душными коморками, безъ всякой мебели, и вы будете имѣть понятіе о жильѣ и удобствахъ жизни на здѣшнихъ водахъ. Во второй мазанкѣ—одна комната съ деревяннымъ столомъ и двумя скамьями, съ низкимъ потолкомъ, душная и крошечная, служитъ столовой и гостиной для мѣстной публики.

— Это курзалъ, смѣялись мы, недоумѣвая, какъ здѣсь живутъ больные.

Въ третьей мазанкѣ живетъ татарская семья. Собственно обитатели здѣшнихъ мѣстъ не татары, а талыши, съ особеннымъ языкомъ, близко подходящимъ къ ново-персидскому. Всѣ они послѣдователи шіитскаго толка. Русскіе называютъ ихъ татарами, но сами татары строго выдѣляютъ талышенцевъ и съ презрѣніемъ относятся къ обычаю, дозволяющему женщинѣ ходить съ открытымъ лицомъ.

Талышенецъ, въ остроконечной шапкѣ изъ бу-

рой овчины, кое-какъ, съ трудомъ говоря по-русски, объяснилъ, что больные прiѣзжаютъ сюда со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, ставятъ на лугу привезенныя съ собой палатки и поселяются въ нихъ. Надо быть очень невзыскательнымъ и относительно удобствъ и пищи, чтобы жить здѣсь, въ глухихъ горахъ, по образу кочевниковъ, питаясь почти что медомъ и акридами, такъ какъ припасы доставляются сюда съ большими затрудненiями. Небольшая дорожка спустилась съ лужайки и обогнула гору. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ домиковъ, въ дикой и романтичной долинкѣ шумятъ среди густыхъ парроцiевыхъ лѣсовъ сѣрно-щелочные горячiе ключи. Съ горъ изъ узкой ращелины спускается дивный голубой ручеекъ, который задержанъ выемкой, выдолбленной въ родѣ бассейна въ почвѣ и выложенной плитняками. Надъ этимъ бассейномъ сколочена изъ досокъ не то хижинка, не то купаленка, безъ крыши съ незакрывающимися дверьми, съ щелями между досками. Это ванна для больныхъ. Переполняя бассейнъ, голубая, горячая въ $37^1/_2{}^0$ по Реомюру вода падаетъ по камнямъ, весело журча по лощинѣ, и принимаетъ еще нѣсколько звонкихъ сѣрныхъ ключей, вырывающихся изъ подъ земли тутъ-же рядомъ, проведенныхъ по деревяннымъ трубкамъ въ такiе же примитивные, выдолбленные маленькiе бассейны въ плитнякахъ, съ такими же деревянными шалашиками надъ ними. Всѣ четыре ключа, наполнивши четыре довольно скверныя ванны, съ грохотомъ летятъ дальше по долинѣ. Масса бѣло-

крыльниковъ *), съ ихъ крапчатыми листьями и лиловыми початками цвѣтовъ въ бѣлой поволокѣ, которые пахнутъ гнилымъ мясомъ и вызываютъ неодолимую тошноту, густо покрыли берега сѣрныхъ источниковъ.

Сѣрные горячіе ключи привели меня въ восторгъ. Это нѣжно-голубая вода, согрѣвающая камни, прозрачная, какъ слеза, съ ея характернымъ, нѣсколько непріятнымъ сначала запахомъ, манила меня въ свои объятія. Эта очаровательная горная лощина, въ которой звенятъ живительные ручьи, принесшіе массѣ больныхъ полное исцѣленіе,—совсѣмъ плѣнила меня и, когда тетушка пошла хлопотать о самоварѣ и распаковывать привезенные нами припасы, я не устоялъ противъ искушенія, быстро раздѣлся въ грязной купальнѣ и погрузился въ эти горячія, дивныя струи. Сѣрная вода, не смотря на свою высокую температуру, не жжетъ, напротивъ она нѣжила меня, вливала силу и жизнь. Мнѣ не хотѣлось выходить изъ этой чудной воды. Я чувствовалъ, какъ здоровая, мощная струя жизни наполняла меня и, вышедши изъ воды, я былъ обновленъ, бодръ, веселъ и не чувствовалъ ни малѣйшей усталости отъ далекой поѣздки и лазанья по горамъ. Я никогда не забуду это купанье въ этой чудной лощинѣ Талышскихъ горъ, эти чудные, горячіе и голубые ключи, несущіе жизнь и здоровье изъ нѣдръ земли всѣмъ, кто съ вѣрой бросается въ ихъ упоительныя объятія.

---

*) Arum maculatum. L.

— О, въ какомъ они загонѣ, плакался я, всюду за границей давно-бы воспользовались этими поразительными богатствами земли, устроили бы хорошее сообщеніе, выстроили-бы дома для житья и не дали бы утекать этой безцѣнной влагѣ въ эти темныя низины горъ.

Какой волчій апетитъ пробудился во мнѣ послѣ купанья и особенно послѣ прогулки, которую мы предприняли по парроціевой чащѣ черезъ упавшіе и поросшіе мхомъ и плющемъ полузгнившіе дубы и вязы.

Наша трапеза на берегу горячихъ ручьевъ, на живописной лужайкѣ была впезапно нарушена.

— Кто-то бѣжитъ по сухимъ листьямъ, сказала мнѣ тетка.

Я тоже услышалъ громкій шумъ, какъ будто кто-то ворочалъ кучи сухихъ листьевъ, я вскочилъ и замеръ отъ ужаса. Съ горы съ неимовѣрной быстротой прямо на насъ спускалась громадная буро-красная змѣя, около полтора аршина длиною, съ сѣрно-желтой головой, толщиною въ винный стаканъ. Увидѣвъ насъ, змѣя на секунду замерла, мы тоже стояли пораженные и глядѣли на ужасное существо, которое раньше насъ опомнилось и, сдѣлавъ рѣзкое движеніе, исчезло въ чащѣ кустовъ. Послѣ этой встрѣчи, мы сочли за болѣе благоразумное перенести нашъ чай и корзины поближе къ жилью и вскорѣ, вполнѣ насладившись минеральными водами, двинулись обратно въ Ленкорань. Путешествіе по лѣсу, выросшему на всѣхъ сланцахъ и известнякахъ, доставило намъ много удовольствія, а дорога по ни-

зинамъ и прыганье по кочкамъ снова порядкомъ расколотили насъ.

Мы исходили и изъѣздили всѣ окрестности и посѣтили береговую тропу, ведущую къ селенію Вель, лежащему близь персидской границы, потонувшему въ виноградникахъ, гдѣ жители дѣлаютъ необыкновенно вкусное Вельское вино. Русскіе выселенцы, умѣвшіе сохранить въ этомъ далекомъ, населенномъ иноземцами уголкѣ, всѣ свои обычаи и привычки русскаго человѣка и превратили отведенныя имъ низины, поросшія папоротникомъ—орлякомъ (по-персидски — папоротникъ называется «вель») въ цвѣтущіе сады и виноградники. Мы сѣтовали и жалѣли, что нѣтъ никакого парохода въ Баку и что мы должны волей-неволей сидѣть въ этомъ скучномъ городкѣ. Намъ и пришлось высидѣть всю недѣлю до конца.

Въ день отъѣзда, мы собрались съ утра, но въ назначенный часъ пароходъ не пришелъ и вмѣсто полудня появился только вечеромъ на горизонтѣ Ленкоранскаго залива. Мы поспѣшили въ кассу.

Намъ выдали по билету на проѣздъ до Баку, по контромаркѣ на проѣздъ въ киржимѣ до парохода и по билету на обѣдъ на пароходѣ.

— Мы получимъ обѣдъ на пароходѣ? спросилъ дядя.

— Нѣтъ, обѣдъ уже давно конченъ, сказалъ кассиръ, но все равно вы должны заплатить и за обѣдъ, иначе я не выдамъ вамъ билетовъ на проѣздъ.

— Да вѣдь мы же не виноваты, что пароходъ

запоздалъ, волновался дядя, вѣдь мы вашъ обѣдъ и не понюхаемъ.

— Это все равно, правило такое, хладнокровно объяснилъ кассиръ, по 1 р. 20 к. обѣдъ съ водкой, вы должны заплатить при каждомъ билетѣ, иначе не получите ихъ на проѣздъ.

Пришлось подчиниться этой несправедливости и сверхъ платы за проѣздъ заплатить по 1 р. 20 к. за обѣды, которыхъ мы и не видѣли.

Киржимъ понесъ насъ къ пароходу «Корнилову». Мы насилу попали на трапъ, скользкій, неудобный, съ косыми ступеньками, по которымъ надо было взбираться съ акробатической ловкостью. Давка, суголока, безпорядокъ царили на этомъ пароходѣ ужасные. Мы еле протискались сквозь толпу. Когда киржимы подъѣзжали къ пароходу, по чьему-то умному распоряженію, были пущены пары, которые вызвали цѣлую суматоху среди подъѣзжающихъ и обдали многихъ душнымъ и горячимъ паромъ. Вообще пароходство по Каспію, находящееся въ рукахъ одного общества «Кавказъ и Меркурій», не имѣя конкуренціи, заставляетъ очень многаго желать.

— Представьте себѣ, разсказывалъ одинъ пассажиръ, другой разъ пароходъ ждетъ по 15 часовъ въ одномъ мѣстѣ товаровъ, заставляя пассажировъ опаздывать и дожидаться, и нерѣдко пароходы уходятъ въ море, видя приближающіеся киржимы съ публикой. Вообще здѣсь отношеніе къ пассажирамъ безобразное, прислуга бываетъ нерѣдко крайне груба.

Чудная звѣздная ночь спустилась надъ Каспіемъ, и я, очарованный этою ночью въ морѣ, снова долго

не могъ рѣшиться покинуть палубу. Вѣяло цвѣтами, такъ какъ всѣ пассажиры явились нагруженные громадными букетами сирени, розъ, левкоевъ и всѣ эти массы букетовъ, поставленныя въ глиняныя кружки, образовали цѣлыя клумбы.

Утромъ мы обогнули острова «Наргенъ» и «Вульфъ», названные такъ чухонскими моряками въ память такихъ же двухъ острововъ, лежащихъ у входа въ Ревельскій заливъ, и стали подходить къ Баку. Панорама берега была ослѣпительно хороша. Вдали высились черныя пирамиды Биби-Эйбата, на желто-буромъ фонѣ Апшеронскаго полуострова выдѣлялись пятнами Бѣлый и Черный городки. Надъ послѣднимъ висѣла черная туча. Желтый Баку спустился къ морю своими прокаленными постройками и стѣнами. Большія бурыя горы обступили городъ и граціозную бухту, надъ которой высилась Дѣвичья башня. Видъ на Баку и на его заливъ просто подавлялъ своимъ величіемъ, грандіозностію и суровостью и послѣ зеленыхъ горъ Ленкорани показался еще мертвѣе, еще голѣе, еще душнѣе...

19.

Дагестанъ.

Вдоль Каспійскихъ береговъ. Дербентъ. Дорога изъ Петровска въ Дербентъ. Петровскъ. Священная война мюридовъ.

Онъ здѣсь, онъ здѣсь сей сынъ обмана
Сей геній гибели и зла,
Глава разбоя и корана!
Бичъ христіанъ—Кази-Мулла!
«Пророкъ, наслѣдникъ Магомета,
Братъ старшій солнца и луны»
Вотъ титла хитраго атлета
Въ устахъ безсмысленной страны.

Полежаевъ.

Пароходъ «Алексѣй», пришедшій изъ Узунъ-Ада съ азіатскаго берега Каспія, долженъ былъ отправиться въ тотъ же день на Дербентъ и Петровскъ, а затѣмъ на Астрахань. Все было переполнено и публикѣ отказывали въ мѣстахъ. Мнѣ, хотя и съ трудомъ, но удалось устроиться на пароходѣ и я занялъ еще съ утра койку въ каютѣ перваго класса. Я ѣхалъ въ Дагестанъ, почему взялъ себѣ билетъ до Петровска, этого конечнаго пункта желѣзной дороги, гдѣ мнѣ неоднократно пришлось побывать и куда я впервые попалъ, отправляясь въ Среднюю Азію. Теперь лѣто было въ самомъ разгарѣ, море

было восхитительно, хотя я зналъ, что Каспію нельзя довѣрять, особенно на этомъ переѣздѣ до Петровска, когда приходится огибать Апшеронскій полуостровъ, за которымъ море часто бываетъ бурливо.

Пароходство «Кавказъ и Меркурій», не имѣя конкурентовъ на Каспіѣ, заставляетъ нерѣдко роптать пассажировъ на неустройство и многія неудобства.

Въ Баку было столпотвореніе вавилонское. По пристани къ пароходу лилась шумная и пестрая толпа. Муши и амбалы, обливаясь потомъ, стуча по мосткамъ своими бронзовыми ногами, таскали неимовѣрныя тяжести и грузили ихъ на пароходъ.

Я всей душой стремился въ горный и суровый Дагестанъ, въ этотъ горный дикій трехъугольникъ, образованный моремъ, главнымъ хребтомъ, который я видѣлъ со стороны долины Алазани, и Андійскимъ хребтомъ, я рвался въ эту жизнь лезгинъ, въ эти горныя гнѣзда, взятыя русскими войсками, въ эти темные аулы, гдѣ раздавались проповѣди пламеннаго Кази-Муллы и гдѣ владычествовалъ Шамиль. Я радъ былъ, когда пароходъ понесъ меня изъ тихой Бакинской пристани въ далекое море, за острова и сталъ огибать Апшеронскій полуостровъ. Дивный видъ на Баку, на его окрестности, на Черный городокъ, на его голыя выжженныя горы!

Вдали въ морѣ передъ Апшеронскимъ полуостровомъ нарисовался небольшой маякъ, ввидѣ сквозной башенки, а дачныя мѣста на Апшеронѣ, Бузувны и Маштаги, совсѣмъ слились съ берегомъ, не успѣвъ вырисоваться хорошенько.

Помню, какъ мнѣ называли этотъ сѣрый рифъ

съ маякомъ—Лебяжьимъ камнемъ, за который пароходъ обязательно долженъ сдѣлать большой кругъ. Песчаные берега Апшерона и прибережные камни и отмели были сплошь покрыты черными бакланами, спокойно сидѣвшими на своихъ островахъ. На оконечности полуострова показался рядъ каменныхъ будокъ и сторожекъ. Здѣсь телеграфный кабель уходитъ по дну моря въ Азію, въ Красноводскъ. Пароходъ вошелъ въ проливъ, который отдѣлилъ пустынный Святой островъ. Эта сѣверная сторона Апшерони вся въ селеніяхъ и дачахъ бакинцевъ, здѣсь много садовъ и сюда спасаются горожане лѣтомъ отъ невыносимой жары и запаха нефти и мазута. На Святомъ островѣ, лишенномъ всякаго жилья показались громадныя развалины бывшаго когда-то здѣсь стеариноваго завода. Въ этомъ проливѣ всегда много судовъ, а во время сильныхъ вѣтровъ сюда спасаются всѣ корабли и баржи. На скалахъ Апшерони высоко поднялась башня маяка, а у самаго берега каменныя будочки покрыли колодцы, защищая ихъ отъ песчаныхъ заваловъ. Пароходъ рѣзко повернулъ и мы поплыли вдоль сѣвернаго берега полуострова. Вотъ и маякъ и татарская четырехугольная башня скрылись за нами. Длинный островъ Жилой принялъ насъ въ свой проливъ. Мы ѣхали очень весело, такъ какъ всѣ перезнакомились и всѣ разсказывали другъ другу наши безконечныя приключенія кто по Средней Азіи, кто въ Персіи, кто по Кавказу.

Дивная ночь окутала море. Въ 3-мъ классѣ персы своими удивительными трелями и руладами

дополняли очарованье прелестной южной ночи. Берегъ исчезъ въ туманахъ и Дагестанскія горы скрылись въ сумракѣ, за то утромъ онѣ встали во всей своей красотѣ, въ снѣговыхъ шапкахъ и въ густыхъ садахъ и виноградникахъ у подножій. Пароходъ сталъ заворачивать къ большой Дербентской горѣ и къ курьезному городу Дербенту, спускающемуся узкой полосой съ горъ между двумя громадными каменными стѣнами, расходящимися къ морю, укрѣпленными башнями. Пароходъ остановился довольно далеко отъ берега, потонувшаго въ садахъ съ высокими пирамидальными тополями и виноградниками, между которыми поднялась высокая бѣлая башня маяка.

Городъ имѣетъ крайне своеобразный видъ, а его массивныя стѣны, его крѣпость на груди горъ, его церкви и дома, его старыя прокопченныя порохомъ и временемъ башни удивительно живописны и красиво рисуются съ парохода, точно весь городъ на планѣ. У пристани суетились барки съ пестрыми парусами, что перенесло меня сразу въ Неаполитанскій заливъ, а нашъ пароходъ былъ осажденъ лодками и всѣ пассажиры запаслись дивными букетами цвѣтовъ, которыми такъ богатъ Дербентъ.

Цѣлыя баржи, нагруженныя фруктами подплывали къ пароходу и весь товаръ распродавался моментально.

Я не могъ оторвать глазъ отъ картины Дербента. Эти параллельныя стѣны, начинаясь отъ крѣпости «Нарынъ-Кале», лежащей высоко на горѣ, приписываемыя постройкой еще Александру Великому, этотъ

персидскій обликъ этого города-крѣпости, представляющаго одну длинную и широкую улицу, ползущую чуть не отвѣсно въ гору, эти два селенія, лежащія еще выше въ горахъ за городомъ, все дѣлало видъ прелестнымъ.

Мнѣ случилось однажды продѣлать весь путь отъ Петровска до Дербента на перекладныхъ и пробыть день въ Дербентѣ въ ожиданіи парохода. Въ Петровскѣ я не захватилъ парохода и, не желая оставаться въ немъ, укатилъ прямо въ Дербентъ. Меня повезли по дорогѣ черезъ крутыя горы, которыя здѣсь у Петровска подходятъ къ самому морю и купаютъ свои подошвы въ Гирканскихъ волнахъ, какъ ихъ прежде называли персы. За Петровскомъ море оставляетъ узкую полосу берега, песчаную и заваленную раковинами, которыя мѣстами образуютъ цѣлыя груды. Вторично горы подходятъ къ волнамъ и упираются въ нихъ у Дербента. Я поднимался по голымъ скаламъ и камнямъ, жарился на солнцѣ и пыль одолѣвала меня...

Красивый аулъ разсѣлся по крутизнамъ оврага, въ видѣ амфитеатра, и поднялся точно по ступенямъ надъ Каспійскимъ моремъ. Это былъ аулъ Тарки или Тарху бывшая столица шамхала Тарковскаго, про которую нашъ поэтъ Полежаевъ сказалъ: «я былъ въ горахъ—какая радость! Я былъ въ Таркахъ—какая гадость! Скажу на смѣхъ: аулъ Шамхала похожъ не мало на русскій хлѣвъ. Большой и длинный, обмазанъ глиной, нечистъ внутри, нечистъ снаружи, мечети съ три, ручьи да лужи». Изъ Тарковъ однообразная пыльная и мало-инте-

ресная дорога тянулась до мѣстечка Карабудакентъ, которое лежитъ на 70-й верстѣ отъ Петровска. Здѣсь мы выѣхали на большой трактъ, ведущій изъ Темиръ-Ханъ-Шуры черезъ Дербентъ и Кубу на Баку и полетѣли по пыльному шоссе къ Дешлагару, военному урочищу, красиво лежащему въ горахъ, съ большимъ общественнымъ садомъ и постоянной стоянкой славнаго Самурскаго полка, исторію побѣдъ и приключеній котораго при покореніи и усмиреніи Дагестана читаешь, какъ интересный романъ. Когда я былъ въ Дешлагарѣ, я не былъ еще знакомъ съ книгой «Исторія 83-го пѣхотнаго Самурскаго полка», не побывалъ еще на Гунибѣ и не познакомился съ милыми офицерами, а то, конечно, я бы застрялъ въ Дешлагарѣ не на одинъ день и махнулъ-бы рукой на Дербентскій пароходъ. На слѣдующей станціи—Каякентъ я посѣтилъ могилу академика Гмеллина, взятаго въ плѣнъ кайтахскимъ ханомъ и умершаго въ 1774 году въ плѣну.

— Здѣсь много публики пріѣзжаетъ, разсказывалъ мнѣ хозяинъ станціи, пока я ждалъ лошадей. На берегу моря у насъ есть соленое озеро Аджи. Около него сѣрныя горячія воды. Отовсюду сюда ѣздятъ лѣчиться.

Я не разъ слышалъ на Кавказѣ много дифирамбовъ этимъ тепло-сѣрнымъ Кайтахскимъ минеральнымъ водамъ въ 32⁰ по Р. и солено-нефтянымъ грязямъ. Недурныя ванны и зданіе для помѣщенія больныхъ хоть и оставляютъ желать большаго, во всякомъ случаѣ даютъ возмомность пользоваться водами.

Проѣхавъ еще двѣ станціи, я только къ вечеру попалъ въ Дербентъ, этотъ городъ, запиравшій Дербентскій проходъ. Здѣсь на узкой полоскѣ земли между моремъ и отрогомъ Табасаранскихъ горъ стояли массивныя ворота, запиравшія этотъ единственный проходъ черезъ Кавказъ. Само персидское названіе города «Дербентъ» означаетъ преграду (деръ—дверь, бендъ—затворъ), арабы называли Бабъ-уль-адводъ, что означало ворота—воротъ, турки Темиръ-капу (желѣзныя ворота). Я видѣлъ позже одну половину этихъ циклопическихъ желѣзныхъ воротъ. Она хранится въ одной изъ часовенъ Гелатскаго монастыря около Кутаиса. Это почернѣвшая руина временъ династіи ганджійскихъ Бени-Шедидовъ, какъ гласитъ на нихъ арабская надпись, указывая на 1603 годъ. Только такія, громоздкія ворота, грубо, но массивно сбитые изъ гигантскихъ брусьевъ и покрытыя толстыми желѣзными листами и могли закрывать проходъ, черезъ который проникъ въ Прикавказскія степи Тамерланъ съ его полчищами. Въ древности по этому проходу происходили всѣ передвиженія народовъ.

Основанный въ концѣ V вѣка шахомъ изъ династіи Сассанидовъ, городъ переходилъ въ руки хозаръ, турокъ, арабовъ, сосѣднихъ хановъ, персовъ. Петръ I взялъ его во время Персидскаго похода. Памятниками пребыванія Петра сохранились его домикъ на морскомъ берегу и окошко въ крѣпости, въ которое царь глядѣлъ на море, ожидая судовъ съ провіантомъ. Отданный Персіи городъ былъ окончательно присоединенъ только въ 1806 году къ

Россіи и въ 32-мъ году выдержалъ осаду имама Кази-Муллы.

Въ окрестностяхъ Дербента считается до 1,500 садовъ, полныхъ превосходныхъ фруктовыхъ деревьевъ. Здѣсь растутъ такіе нѣжные сорта грушъ, персиковъ, что ихъ нельзя довезти безъ порчи до Баку. Здѣсь разводятъ въ громадномъ количествѣ марену и шафранъ и бѣлое Дербентское вино славится своимъ вкусомъ. Всѣ аулы Дагестана окружены садами, а Куба тонетъ въ персикахъ.

— Здѣсь даже кабаны питаются фруктами, разсказывалъ мнѣ одинъ пассажиръ на пароходѣ, и мясо у нихъ бѣлое. Татары около Кубы удивительно мѣтко ихъ стрѣляютъ. Здѣшнія страны—рай для охотника. Что Ленкорань, то и Кубанскіе дубовые лѣса. Дичь здѣсь такъ и кишитъ.

Я смотрѣлъ теперь съ парохода на эти горы, на этотъ городъ, поэтично спустившійся съ горъ, вспоминалъ свою поѣздку по этимъ кручамъ Дагестана и невольно рисовались въ моей головѣ всѣ эти тысячи сраженій и схватокъ, всѣ эти геройскія осады ауловъ, рѣки, полныя крови, безумные и неслыханные геройскіе поступки и со стороны русскихъ и нафанатизированныхъ мюридами горцевъ. Весь Дагестанъ, это страшное гнѣздо горъ, изрѣзанное черными пропастями, отвѣсными стѣнами, уходящими за облака и одѣтыми снѣгами, казался всему міру недоступной и неодолимой крѣпостью, и онъ былъ взятъ шагъ за шагомъ, аулъ за ауломъ и нынче мы спокойно можемъ проѣхать по его страшнымъ дебрямъ и трущобамъ и проникнуть въ

его сокровенные аулы, запрятанные въ поднебесную и недосягаемую вышину.

Я готовъ былъ углубиться въ эти горы, которыя тряслись отъ грома ружей и пушекъ и прокоптились дымомъ пороха и въ моей головѣ проносились стихотворенія «Валерикъ» Лермонтова, «Чиръ-Юртъ» и «Эрпели» Полежаева, прелестный романъ «Амалетъ-Бекъ» Марлинскаго, давно познакомившіе насъ съ горами, лезгинами и этой страшной кровопролитной войной.

* *
*

И вотъ я въ Петровскѣ, въ этомъ скучномъ городкѣ, на самомъ берегу Каспія, взгромоздившемся на скалы и горы. Большія дамбы врѣзались въ голубое море, которое искрится и сіяетъ, а городъ тонетъ въ ѣдкой и удушающей пыли. Это оживленный пунктъ, съ крѣпостью на пригоркѣ, съ бѣлой башней маяка, съ очень небольшимъ, но тѣнистымъ городскимъ садомъ, гдѣ по праздникамъ играетъ музыка, съ толчеей восточнаго, но мало интереснаго базара и съ рядомъ гостинницъ для пріѣзжающихъ. Петровскъ съ его отвратительнымъ зданіемъ вокзала, гдѣ царятъ безпримѣрные безпорядки, гдѣ буквально негдѣ приткнуться, служитъ мѣстомъ пересадокъ публики съ желѣзной дороги на пароходы и въ Среднюю Азію, и въ Баку, и въ Персію, и въ Астрахань. Отсюда начинаются всѣ дороги въ горный Дагестанъ и въ Темиръ-Ханъ-Шуру и поэтому въ пріѣзжихъ нѣтъ недостатка. Всѣ они спѣшатъ занять номера въ лучшей гостинницѣ города «Hôtel de l'Europe», стоя-

щей противъ сада, съ хорошими номерами, хорошимъ буфетомъ и милѣйшими хозяевами-грузинами, или въ другихъ, если въ «Европѣ» уже нѣтъ номеровъ. Когда я пріѣхалъ впервые въ Петровскъ, я не досталъ въ «Европѣ» комнаты и фаэтонщикъ привезъ меня въ гостинницу «Францію», достоинство которой заключалось въ двухъ галереяхъ, съ видомъ на море.

Помню, мнѣ пришлось однажды просидѣть сутки въ Петровскѣ и я не зналъ, что мнѣ предпринять. Ходить по улицамъ и большимъ площадямъ не было возможности. Пыль буквально душила меня. Садикъ очень милый и тѣнистый я исходилъ въ 5 минутъ вдоль и поперекъ, слазилъ къ собору на гору, чтобы полюбоваться видомъ на море и взглянуть на двѣ толстыя, плоскія, выстроенныя на старыхъ основаніяхъ бѣлыя башни крѣпости, потолкался по базару среди скрипучихъ арбъ, воловъ, осликовъ, до того нагруженныхъ досками, что казалось, будто доски сами собою двигаются, и въ концѣ концовъ ушелъ на галерею своей гостинницы и принялся любоваться восхитительнымъ южнымъ моремъ, на берегу котораго рыбаки ловили длинными сѣтями на блокахъ сельдей, которыхъ вытягивали по нѣсколько сотъ пудовъ за разъ. Апрѣль былъ въ половинѣ, а мартъ и апрѣль считаются здѣсь лучшимъ временемъ для ловли сельдей.

Мирно спитъ Петровскъ у подножія Дагестана, а давно-ли эти горы стонали и содрогались отъ ужасовъ войны, давно-ли огневыя проповѣди мюридовъ облетали горные аулы, заставляя самыхъ мир-

ныхъ горцевъ доходить до мистической экзальтаціи. Женщины, дѣти и старики превращались, ослѣпленные религіознымъ фанатизмомъ, въ героевъ. Весь Дагестанъ состоялъ изъ цѣлаго ряда небольшихъ ханствъ и изъ массы небольшихъ общинъ, лишенныхъ всякаго политическаго устройства, промышленности и признающихъ только войну и грабежъ. Суды производились публично по обычаю «по одату» и по корану. Насколько чтилось гостепріимство, настолько ставилась высоко и месть. За малѣйшее оскорбленіе горецъ платилъ ударомъ кинжала и выстрѣломъ, всякое вѣроломство оправдывалось мщеніемъ. Лезгины и чеченцы имѣли въ своихъ общинахъ самое демократическое устройство, передъ которымъ всѣ были равны, только многочисленные и небольшіе ханства, какъ Аварское, Мехтулинское, Кази-Кумухское, имѣли деспотическое управленіе. Послѣ занятія Кубанской и Терской областей, пришлось прекратить дерзкіе грабежи и набѣги горцевъ, жившихъ въ своихъ неодолимыхъ и никому недоступныхъ горахъ и лѣсахъ, въ непроходимыхъ трущобахъ. Никакія дружескія отношенія не могли завязаться съ горцами,—которые грабили и рѣзали русскихъ на каждомъ шагу. Тогда рѣшено было оттѣснить горцевъ къ безлюднымъ горамъ постройкой крѣпостей, укрѣпленій и просѣками. Такимъ образомъ началась страшная осада самой неприступной въ мірѣ крѣпости—Дагестана и Кавказа. Послѣ 6-ти лѣтняго штурма, послѣ 18-ти лѣтней борьбы, крѣпость была взята. Это дрались и умирали не простые люди, а герои, это были подвиги, изъ кото-

рыхъ многіе требуютъ воспѣванья и какъ жалокъ, какъ мизеренъ и ничтоженъ храмъ славы въ Тифлисѣ, этотъ военный музей, похожій на дрянную казарму!

Генералъ Ермоловъ, одинъ изъ первыхъ героевъ этой осады Кавказа, является героемъ первой величины. Вся его жизнь полна приключеній и геройскихъ подвиговъ. Онъ первый настроилъ весь рядъ крѣпостей передъ Кавказскимъ хребтомъ, покорилъ Кабарду, Аварское ханство, шамхальство Тарковское, присоединилъ Карабагахъ и Абхазію къ Россіи. Скупой на награды, правдивый и безконечно справедливый, онъ заставилъ горцевъ уважать себя и трепетать передъ его именемъ. Не справедливо уволенный въ отставку, Ермоловъ уступилъ свое мѣсто Паскевичу, но дѣла на Кавказѣ пошли хуже и хуже, а горцы сложились въ религіозно-политическое государство съ правителемъ и неограниченнымъ властелиномъ надъ всѣми правовѣрными — имамомъ. Въ Кюринскомъ ханствѣ раздалась проповѣдь святаго мужа Муллы-Магомета, всѣми давно признаннаго за величайшаго аскета, краснорѣчиваго учителя, отлично знающаго коранъ. Онъ проповѣдывалъ войну и безконечную ненависть врагамъ, полнѣйшее равенство, отрѣченіе отъ личности и подчиненіе волѣ имама. Всѣ мюриды (ученики), послѣдователи Муллы-Магомета, должны были принести клятву въ полнѣйшемъ повиновеніи и биться до послѣдняго издыханія съ кѣмъ бы ни было имъ приказано и весь Дагестанъ возсталъ. Мулла-Магометъ благословилъ своего ученика Кази-Муллу, который сталъ имамомъ правовѣрныхъ, и повелѣлъ ему начать священную войну.

Кази-Мулла былъ родомъ изъ аула Гимры, гдѣ родился и Шамиль и гдѣ оба выросли, какъ родные братья. Послѣ посвященія въ имамы, поселившись въ Гимрахъ, Кази-Мулла метался по всему Дагестану, пока русскія войска не осадили его въ Гимрахъ. Гимры были взяты и Кази-Мулла убитъ. Страстный, краснорѣчивый, говорившій такъ, «что сердце человѣка прилипало къ его губамъ, а одно дыханіе его будило бурю», какъ разсказывали про него горцы, онъ одинъ поднялъ весь Дагестанъ. Тогда Мулла-Магометъ, послѣ пламенныхъ рѣчей, снова удалился въ свой глухой аулъ Ярагларъ и ушелъ еще болѣе въ свой коранъ, аскетическіе подвиги и покаяніе.

Вторымъ имамомъ былъ Гамзатъ-Бекъ, безжалостный честолюбецъ, начавшій свою власть съ уничтоженія аристократіи и вырѣзавшій въ Хунзахѣ всю семью Аварскихъ хановъ. Братья убитыхъ отомстили имаму и покончили съ нимъ въ Хунзахской мечети.

Третьимъ имамомъ былъ Шамиль, другъ и пріятель Кази-Муллы, съ которымъ онъ игралъ въ Гимрахъ, гдѣ родился въ 1797 году. Удивительно развитой, лихой наѣздникъ, великолѣпный гимнастъ, Шамиль еще съ дѣтства закалилъ свое здоровье. 33-хъ лѣтъ отъ роду онъ сталъ помощникомъ Кази-Муллы и при осадѣ аула Гимры спасся какимъ-то чудомъ. Это спасеніе и спасеніе его въ Хунзахѣ, когда всѣ бывшіе при Гамзадъ-Бекѣ мюриды были убиты, поразили народъ.

— Аллахъ его воскресилъ изъ мертвыхъ, чтобы онъ побѣдилъ всѣхъ живыхъ.

Разбитый въ аулѣ Ахульго, Шамиль бѣжалъ въ Дарго, гдѣ съумѣлъ такъ покорить чеченцевъ, что сталъ полнѣйшимъ ихъ владыкой. Тутъ онъ проявилъ себя великимъ администраторомъ и поражалъ всѣхъ своимъ безкорыстіемъ и правосудіемъ. Тѣснимые русскими чеченцы, не получая долго никакой помощи отъ Шамиля, рѣшились, чтобы выйти изъ отчаяннаго положенія—передаться русскимъ, но страшась гнѣва Шамиля, послали къ нему въ Дарго пословъ. Одинъ изъ пословъ, боясь прямо сказать все имаму, обратился съ просьбой о заступничествѣ къ старой матери Шамиля. Она, соблазнившись подарками чеченскихъ пословъ, рѣшилась передать просьбу сыну. Шамиль нерѣдко отмѣнялъ смертные приговоры, такъ онъ любилъ свою мать. Шамиль объявилъ, что удалится въ мечеть, гдѣ будетъ молиться и ожидать, что Аллахъ откроетъ ему свою волю. Три дня и три ночи оставался Шамиль въ Даргинской мечети и всѣ жители аула молились все это время вокругъ, ожидая выхода имама. Народъ былъ измученъ и усталостью, и голодомъ, и началъ роптать, но вышелъ изнуренный молитвами, блѣдный Шамиль и объявилъ: Великій Магометъ повелѣлъ мнѣ дать мнѣ сто ударовъ плетью тому, кто первый заговорилъ мнѣ о примиреніи съ русскими. Кто это былъ? Моя мать! О горе мнѣ! Но воля великаго пророка должна исполниться.

Мюриды привели обезумѣвшую отъ страха старуху, раздѣли ее и стали наносить ей удары. Послѣ пятаго она лишилась чувствъ. Тогда Шамиль съ воплемъ и горемъ бросился впередъ и самъ принялъ

за мать остальные 95 ударовъ. Съ трепетомъ глядѣла толпа на эту экзекуцію.

— Скажите чеченцамъ, что вы видѣли, сказалъ истерзанный и окровавленный Шамиль посламъ.

Подобныя сцены дѣйствовали на воображеніе горцевъ сильнѣе всякихъ проповѣдей и Шамиль съумѣлъ подчинить своему деспотизму, своей страшной дисциплинѣ всѣхъ этихъ вольныхъ и дикихъ лезгинъ, свободныхъ наѣздниковъ и дикихъ кочевниковъ. Музыка, пѣнье, веселье, пляски были изгнаны и строго преслѣдовались, чуть не монашескіе обряды, строгость и суровость смѣнили веселую, вольную жизнь. Всюду казнили и налагали громадные штрафы за малѣйшую провинность и нарушенія установленій Шамиля. Онъ отвоевалъ у русскихъ всѣ аулы, занятые ими. Онъ вернулъ себѣ Гергебиль, аулъ Унцукуль и многія другія укрѣпленія и штурмъ каждаго изъ нихъ былъ эпопеей чудесъ, храбрости и геройства. Наши малочисленные гарнизоны бились отчаянно, но скопища мюридовъ рубили ихъ до послѣдняго человѣка. Горцы, взявши въ плѣнъ русскаго прапорщика Потемкина уговаривали и заставляли наводить орудія на русскихъ и, когда онъ отказался, отрѣзали ему уши и носъ и зажарили его на медленномъ огнѣ. Русскія войска были довольно жалки: плохо вооруженные, скверно одѣтые, замученные переходами и лишеніемъ самаго необходимаго, солдаты имѣли тяжелые тесаки, которые стѣсняли ихъ движенія и негодились для защиты, и ружейный штыкъ, который нерѣдко перерубался врагами и дѣлалъ солдатъ совсѣмъ обезоруженными. Прі-

ѣхавшій князь Воронцовъ, тотъ самый Воронцовъ, именемъ котораго полонъ Кавказъ, и сразу повернулъ дѣло. Разрушивъ Дарго и заставивъ удалиться Шамиля въ Ведень, князь, видя страшныя потери русскихъ солдатъ, понялъ, что пока цѣлы лѣса,— горцевъ не одолѣть. Шамиль, жившій въ Веденѣ, какъ азіатскій ханъ, услышавъ, что русскіе рубятъ лѣса, сказалъ: «теперь они вышли на настоящую дорогу». Шагъ за шагомъ русскія войска стали подвигаться въ глубь Дагестана, въ 1859 году 1 Апрѣля взята была резиденція Шамиля—Ведень и самъ имамъ бѣжалъ на страшную гору Гунибъ, но въ томъ же году 25 Августа неслыханнымъ штурмомъ, взбираясь по веревкамъ, по дождевымъ промоинамъ на совсѣмъ отвѣсныя и недоступныя скалы, солдаты вошли на заоблачный Гунибъ и Шамиль сдался, вручивъ свою саблю князю Барятинскому, сдался на томъ самомъ Гунибѣ, откуда недавно, на предложеніе сдаться послалъ гордый отвѣтъ: «Гунибъ— гора высокая, я сижу на ней, надо мною только Богъ, вы русскіе, внизу, штурмуйте!»

И эти горы, эти аулы съ громкими именами: Гимры, Ахульго, Дарго, Гергебиль, Чохъ, Хунзахъ, Гунибъ, были передо мной. Весь этотъ грозный, любопытный Дагестанъ манилъ меня всегда въ свои дебри и я жаждалъ скорѣе забраться въ эти глухія трущобы и ущелья, которыя мнѣ были знакомы по наслышкѣ.

20.

Дагестанъ.

(Продолженіе).

Атлибуюнскій перевалъ. Темиръ-ханъ-Шура. Гимры. Кизилярскій перевалъ. Урма и Лаваши, Вдоль Кази-Кумухскаго Койсу.

Тамъ по гранитамъ зеленѣли
Кедровникъ, пихта, ольха, ели.
Тамъ, роя камни и песокъ,
Сулакъ, какъ мелкій ручеекъ,
Бѣжалъ извилистой струею;
А тамъ огромной полосою
Вдали тянулись надъ водой
Скалы безбрежною грядой.
И тридцать шесть ауловъ бранныхъ,
Покрытыхъ мрачной тишиной,
Какъ сонмы демоновъ изгнанныхъ,
Въ тѣни чернѣли разсыпной...

Полежаевъ.

До Темиръ-Ханъ-Шуры я нанялъ пополамъ съ однимъ встрѣчнымъ путникомъ коляску, запряженную тройкой. До Темиръ-Ханъ-Шуры около 40 верстъ и на этомъ разстояніи, по прекрасному шоссе, взадъ и впередъ ходятъ дилижансы и всевозможные почтовые экипажи, совершающіе этотъ путь въ теченіи 4-хъ часовъ.

Сходя съ парохода въ Петровскѣ, я случайно

познакомился съ молодымъ человѣкомъ, одѣтымъ по восточному, въ черкескѣ и въ папахѣ, съ красивымъ и прямымъ лицомъ. Это былъ князь А., какъ онъ мнѣ представился.

— Вы ѣдете дальше по желѣзной дорогѣ? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, я спѣшу на Темиръ-Ханъ-Шуру, отвѣтилъ я, и даже не намѣренъ оставаться часу въ Петровскѣ, развѣ пообѣдать.

— Желаете, ѣдемъ вмѣстѣ. Я тоже ѣду въ Темиръ-Ханъ-Шуру, срочные почтовые экипажи, вѣроятно, уже всѣ ушли, мы возьмемъ почтовую коляску, а пока готовятъ лошадей, пообѣдаемъ вмѣстѣ.

Конечно, я согласился съ особеннымъ удовольствіемъ и, пока намъ закладывали лошадей, мы отправились въ гостинницу Европу—пообѣдать. Оказалось, что мой спутникъ родился на Кавказѣ, въ Дагестанскихъ горахъ и, послѣ ученья въ Петербургѣ, снова вернулся сюда на военную службу. Онъ превосходно зналъ эти горы, далъ мнѣ массу полезныхъ совѣтовъ и обѣщалъ снабдить меня въ Шурѣ нѣсколькими письмами.

— Каковъ вашъ планъ путешествія? спросилъ онъ. Ну-съ, начиная отъ Шуры.

Я сказалъ, что думаю ѣхать прямо на Лаваши, Гунибъ, Ботлихъ.

Князь замахалъ руками.

— А Гимры, а Ахульго! Нѣтъ, я васъ такъ не выпущу. Быть въ Дагестанѣ и не видѣть Гимры или Гуниба—это все равно, что быть въ Москвѣ

и не видать Кремля. Кромѣ того Гимры надо увидѣть впервые на разсвѣтѣ. Завтра и послѣ завтра въ Шурѣ—вы мой. Вѣдь, если я вамъ не покажу Гимры, весь стыдъ падетъ на мою голову. Меня послала вамъ судьба. Я и долженъ вести васъ.

Я крѣпко пожалъ руку князю А. въ отвѣтъ, что принимаю его приглашеніе.

— Всякій разъ, когда я возвращаюсь въ мои дорогія горы, говорилъ князь, я чувствую какую-то особенную свѣжесть, бодрость и приливъ силъ. Тамъ, въ горахъ, у насъ тоже есть пустыни, но въ тѣхъ—заоблачныхъ намъ, горцамъ, легче дышать. Здѣсь, въ горахъ жизнь какъ-то проще, да здѣсь и не дорожатъ своей жизнью. У насъ кинжалы сверкаютъ изъ за пустяковъ, выстрѣлы раздаются постоянно, потому что до сихъ поръ горецъ находитъ, что кровавая месть—не преступленье, а первый и нравственный долгъ каждаго человѣка.

Когда мы усѣлись въ коляску и покатили по прекрасному, но пыльному шоссе, по громаднымъ степямъ, князь все время обращалъ мое вниманіе на всѣ мелочи и всѣ встрѣчи и разсказывалъ мнѣ о жизни горцевъ. Громадная степь разстилалась отъ подножія Кавказскихъ горъ. Вскорѣ мы въѣхали въ ущелье и стали подниматься по карнизамъ горъ въ дикой мѣстности.

— Это начинается Атлибуюнскій перевалъ, сказалъ князь, вонъ видите домики лѣпятся къ скаламъ высоко надъ нами, это деревня Атлибуюнъ, мы подымемся на эту высоту. Дорога заворачивала во всѣ стороны, опоясывая горы и все выше уходя къ

ихъ вершинамъ. На одномъ поворотѣ водруженъ въ видѣ обелиска громадный камень, торчащій надъ пропастью и украшенный надписью о томъ, что это шоссе было проложено въ 1864 году инженерами Бениславскимъ и Билинскимъ. По отвѣснымъ стѣнамъ утесовъ разстилалась стелющаяся сосна, ухватясь корнями за совсѣмъ невидимыя трещины. Около селенія Атлибуюнъ протекалъ совсѣмъ черный ключъ. Это былъ даже не ключъ, а сочившіяся капли сѣрной воды, съ ея характернымъ рѣзкимъ запахомъ.

— Эту воду собираютъ по немногу, кипятятъ ее и обтираются ею, объяснилъ князь, вотъ смотрите у костра кипятятъ сѣрную воду. Тутъ-же есть и пещеры въ горѣ.

Мы лазали съ княземъ и къ сѣрному источнику и къ пещерамъ. Дорога забиралась все выше и выше между кустами ярко-бѣлаго шиповника и массы цвѣтовъ горныхъ луговъ. Вьющаяся жимолость завила всѣ кусты и благоухала, только что распустивши свои колёсики цвѣтовъ.

Проѣхавъ 22 зигзага дороги, мы очутились на перевалѣ. Что за восхитительный видъ развернулся предо мной! Съ одной стороны внизу въ глубокой пропасти виднѣлась безконечная степь съ серебрящейся лентой Сулака, искрящееся, необозримое Каспійское море, озерки среди степей и вся лощина, по которой мы поднялись сюда, въ облака, на перевалъ, съ другой стороны поднимался весь гористый Дагестанъ съ кряжами горъ разнаго цвѣта. Теперь мы стали спускаться съ Атлибуюнскаго хребта внизъ

на плоскогорье и понеслись по скучнымъ степямъ, покрытымъ каперсами, солянками и зурами. Вотъ показались аулы Куфыръ и Кумукъ, стоящіе одинъ у подножія, другой на вершинѣ громадной скалы, очень напоминающей издали человѣческое лицо. За аулами показалася Шура, окруженная садами. Дивныя горы, фіолетовыя, синія, желтоватыя, поднялись за городомъ какой-то волшебной декораціей.

Темиръ-Ханъ-Шура главный городъ Дагестана, лежа на перекресткѣ всѣхъ главныхъ дорогъ, служитъ главной опорной точкой въ военномъ отношеніи и складомъ военныхъ и продовольственныхъ припасовъ. Это настоящій провинціальный городъ, съ нѣсколькими плохо-мощеными главными улицами, съ непроходимой грязью или пылью на остальныхъ, съ восточнымъ базаромъ, съ тѣнистымъ общественнымъ садомъ и красивымъ бульваромъ, которымъ очень гордятся горожане. Здѣсь въ городѣ есть даже памятники. Одинъ на площади передъ низкимъ зданіемъ губернаторскаго дома—памятникъ князю Моисею Аргутинскому-Долгорукову. Основатель города, рьяный воитель за Кавказъ, онъ взбирается на скалу. Другой памятникъ, въ видѣ пирамиды, съ орломъ на вершинѣ, поставленъ въ память апшеронцевъ—противъ очень красиваго и изящнаго розоваго собора, сплошь покрытаго бѣлыми арабесками и кокетливо глядящаго своимъ сѣрымъ конусомъ и прелестной сквозной колокольней сквозь зелень акацій. Какъ-то уныло на улицахъ Шуры и въ общественномъ саду, съ его тѣнистыми аллеями, и съ лѣтнимъ помѣщеніемъ клуба—не веселѣе.

На бульварахъ тоже уныло, а двѣ башни, молча торчащія, какъ остатки прежнихъ укрѣпленій, дополняютъ сонное впечатлѣніе города. Оживленнѣе другихъ мѣстъ базаръ, тутъ хоть видишь жизнь и суету.

Побывавъ и переговоривъ съ княземъ, мы на слѣдующее же утро выѣхали въ Гимры. Пришлось выѣхать на разсвѣтѣ, чтобы до вечера доѣхать до аула. Дорога вилась по берегамъ почти высохшей рѣчки Шура-Озень, изъ которой вели многочисленныя канавы въ сады и на поля, унося всю воду и оставляя совсѣмъ сухое ложе рѣчки. Въ 12 верстахъ отъ Шуры въ аулѣ Ерпели, живописно лежащемъ на горахъ, мы перемѣнили лошадей. Здѣсь когда-то было ожесточенное сраженіе. Отсюда мы стали забираться въ горы. Я поражался, видя на недоступныхъ высотахъ, на крошечныхъ горныхъ площадкахъ обработанныя пространства. Лезгины съ киркой и сѣменами съ трудностями залѣзаютъ въ заоблачныя высоты, при помощи кольевъ, которые они вбиваютъ въ скалы. Такимъ-же образомъ онъ спускаетъ обратно выросшую жатву. На невѣроятные крутики лезгинъ приноситъ землю и на этой-то принесенной съ страшными трудами землѣ, по терасамъ горъ, онъ разводитъ великолѣпные виноградники.

— Совершенно Швейцарія! воскликнулъ я, тамъ такія же терассы виноградниковъ на ужасныхъ крутикахъ.

— Здѣсь все устраивается съ невѣроятными трудами, сказалъ князь, каждое бревно требуетъ доставки изъ-далека, для каждаго дерева надо при-

нести земли и устроить грунтъ на голыхъ камняхъ. Вотъ почему войны здѣсь такъ губительны, рушатся созданія долгихъ мучительныхъ лѣтъ, истребляются плоды удивительнаго труда.

Въ Гимры мы пріѣхали къ вечеру и, закусивъ, погуляли по аулу. Лежа среди восхитительныхъ горъ, на особенной горѣ, окруженной пропастями, аулъ съ одной стороны имѣетъ особенно надежную защиту въ бѣшеной рѣкѣ «койсу», какъ здѣсь, въ Дагестанѣ, называются рѣки. Весь аулъ, словно многоэтажный, лѣпится въ нѣсколько ярусовъ по терасамъ своими низкими, крѣпкими саклями, изъ которыхъ каждая представляетъ изъ себя крѣпость. И этотъ аулъ взяли штурмомъ, въ этихъ узкихъ спутанныхъ улицахъ кипѣла отчаянная борьба. Мнѣ живо припомнилась картина Рубо въ военномъ музеѣ Тифлиса: «Взятіе Гимры 17 Октября 1872 года». Аулъ пылаетъ, на улицахъ отчаянная рѣзня, а синія горы, подернутыя подходящимъ вечернимъ сумракомъ, равнодушно глядятъ на штурмуемый аулъ. Недалеко отъ ветхой мечети намъ показали сакли Кази-Муллы и Шамиля. Здѣсь въ этомъ горномъ аулѣ родились оба имама. Во время страшнаго штурма русскимъ войскомъ, подъ начальствомъ барона Розена, Кази-Мулла заперся здѣсь въ башнѣ съ 16 мюридами. Гимры были взяты. Кази-Мулла рѣшился сдѣлать безумную вылазку, но его тотчасъ-же прикололи штыкомъ. Шамиль также былъ смертельно раненъ, но спасся какимъ-то чудомъ.

Какъ странно было мнѣ теперь глядѣть на этотъ

аулъ, съ его садами у береговъ койсу, съ его гигантскими отвѣсными стѣнами горъ, съ его удивительнымъ и типичнымъ видомъ Дагестанскаго аула.

Мы переночевали у какого-то знакомаго князя, который обѣщался разбудить насъ на зарѣ.

Никогда не забуду, какъ мы карабкались верхами почти въ полной темнотѣ по отчаянной дорогѣ на вершину горы, которая тонула въ густыхъ туманахъ. Было холодно и всѣ окрестности слились въ безформенныя массы. Дорога была прямо головоломна. Она вилась по узкимъ карнизамъ, выгрызеннымъ и выбитымъ въ отвѣсной стѣнѣ. Буквально кружилась голова, замирало сердце, убивалось дыханіе. Мы поднимались часа два или полтора и, изрядно замученные, добрались наконецъ до вершины. Здѣсь холодъ былъ еще ощутительнѣе, сѣдые туманы окружили насъ и кромѣ этого бѣлаго молочнаго моря—ничего не было видно. Мы кутались въ наши бурки и мечтали о горячемъ чаѣ, а за неимѣніемъ онаго—пока охотно прибѣгали къ коньяку, безъ котораго я шагу не дѣлалъ по горамъ.

Было уже совсѣмъ свѣтло. Туманы быстро мчались, точно невидимая рука сдергивала какія-то завѣсы. Въ нѣсколько минутъ все стало чисто и я вскрикнулъ отъ изумленія, когда предо мной развернулась поразительная панорама. Самъ аулъ потонулъ подъ моими ногами въ черномъ ущельѣ, куда утренній свѣтъ еще не проникалъ, только бѣлѣла полоска бѣшеннаго Кази-Кумухскаго койсу. Вокругъ меня горѣли и переливались вершины горъ. Солнце топило ихъ своими первыми лучами. Вдали

сіяло Каспійское море, вблизи чернѣли ущелья и долина и весь дикій, мертвый, грозный Дагестанъ былъ предо мною, какъ на картѣ. Что-то мертвенное, грозное, словно печать проклятья, лежало на всемъ видимомъ пространствѣ. Всѣ горы изъ дикаго камня, въ ущельяхъ, между которыми виднѣлись рѣки.

— Въ той трещинѣ, сказалъ князь, течетъ Андійское койсу. Вонъ, какъ хорошо его видно почти до самаго Ботлиха. Вонъ аулъ Ерпели, вонъ виднѣется Шура, вонъ Дженгутай съ его минаретомъ, поглядите въ бинокль, вонъ Муселинъ-аулъ, а вонъ скала Ахульго. Она и такъ видна, но поглядите въ бинокль и вы разберете подробности.

Я съ жадностью сталъ глядѣть на эти два огромныхъ утеса, раздѣленныхъ ущельемъ, составляющихъ высокій каменистый полуостровъ, съ трехъ сторонъ окруженный Андійскимъ койсу. Я отлично видѣлъ это пустынное мѣсто, гдѣ нѣкогда былъ аулъ, эту голую вершину, залитую кровью и заваленную трупами, это неприступное укрѣпленіе, взятое въ 1839 году нашими войсками подъ начальствомъ Граббе. И опять мнѣ припомнилась картина Рубо съ ея мостомъ черезъ бѣшенное койсу и сраженіемъ у стѣнъ и скалъ аула. Женщины, какъ мегеры, съ безумными отъ фанатизма лицами, низвергаютъ съ нечеловѣческою силой громадные камни. Развѣвается зеленое знамя пророка. Всюду стоны, смерть, безуміе, бѣшенство. Съ этихъ скалъ спустился съ своими мюридами Шамиль—прямо въ грозныя волны рѣки, пробрался сквозь нихъ, прорвался сквозь наши войска и бѣжалъ въ горы.

Солнце поднялось еще выше и освѣтило всѣ эти застывшіе хребты, всѣ эти мертвыя вершины, весь этотъ удручающій по виду Дагестанъ.

Спускаться было гораздо труднѣе, чѣмъ подниматься, и все время казалось, что лошади оборвутся и увлекутъ насъ въ черную пропасть, гдѣ виднѣлся аулъ Гимры, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы шли пѣшкомъ, а проводники вели нашихъ лошадей.

Въ Гимрахъ мы подкрѣпили силы и усѣвшись на почтовыхъ, полетѣли въ Темиръ-Ханъ-Шуру, гдѣ мы простились съ милѣйшимъ княземъ А. Я стремился къ Гунибу и на слѣдующее утро выѣхалъ по степной дорогѣ на Дженгутай. Дорога вилась по цвѣтущимъ степямъ черезъ Муселинъ-аулъ, черезъ рѣчку Кара-Озень, которую мы переѣхали въ бродъ, и, когда забрались на довольно высокую горку, то издалека увидѣли высокій минаретъ громаднаго аула Дженгутая, потонувшаго въ садахъ на берегу крошечной рѣчки Параулъ. Здѣсь была резиденція Мехтулинскихъ хановъ. Перемѣнивъ лошадей, я перебрался черезъ рѣчку и сталъ круто подниматься въ гору по карнизамъ утесовъ, черезъ которые летѣли ручьи. Съ каждымъ шагомъ меня окружала все болѣе и болѣе любопытная флора, которая приводила меня въ восторгъ. Мой возница лезгинъ, замѣтивъ мое пристрастіе къ цвѣтамъ и услыша мои вздохи по адресу удивительныхъ шалфеевъ и касатиковъ, предложилъ остановиться. Мы полѣзли съ нимъ на крутики, цѣпляясь и ногами и руками за морщины и трещины скалъ. Доползши до кустовъ надъ стѣной утесовъ, образованной проведенной дорогой, я

сталъ упиваться дивными цвѣтами Дагестанскихъ горъ. Тутъ были и ясенцы, и орхидеи, и прелестные густо-синіи васильки, но всего болѣе меня поразили громадныя Кавказскія заразихи *), эти безлистные, мясистые, толстые, красноватые стебли съ громадными неправильными, очень аляповатыми огненно-красными цвѣтами, съ желтой обратной стороной лепестковъ. Позже я узналъ, что на Гунибѣ эти цвѣты называютъ «Чертовыми трубками» и, дѣйствительно, все это растеніе производитъ впечатлѣніе чего-то адскаго, страшнаго. Я ихъ набралъ порядочно, нѣсколько изъ нихъ положилъ въ газету и усѣлся самъ на нихъ, положивъ свертокъ подъ себя на сидѣнье. Съ каждаго поворота дороги открывались дивные виды на оставшуюся за нами долину и на пестрые кряжи горъ. Нѣсколько часовъ мы поднимались по головоломнымъ кручамъ. Татары-косари напоили насъ туземнымъ квасомъ. Передъ нами впереди наша дорога вилась тонкой лентой къ вершинамъ сосѣднихъ горъ. Мы забрались туда на станцію Кизиляръ и тутъ ждалъ меня сюрпризъ. Не было лошадей и мнѣ пришлось просидѣть въ скверной этой станціи около 6 часовъ, пока вернулись лошади и отдохнули. Отъ этой станціи начинается Кизилярскій перевалъ въ области подъальпійскихъ луговъ, съ желтыми медунками, громадными бѣлыми васильками, длинными кистями вероникъ и яркой синей альпійской незабудкой. Большіе желтые «Иванъ да Марья» глядѣли на меня изъ травы, ясно говоря о высотѣ перевала.

---

*) Anoplanthus Biebersteini. Reut.

Видъ отсюда, съ голой вершины горы, былъ восхитительный. Виднѣлось море, сіяющее за цѣлымъ рядомъ горъ. Кругомъ и подъ нами плыли облака. Переваливъ черезъ перевалъ, мы полетѣли по унылой мѣстности. Бѣлыя, мертвыя скалы, сіяя подъ ослѣпительнымъ солнцемъ, тянулись на десятки верстъ. Наконецъ показался аулъ Урма, лежащій въ трещинѣ бѣлыхъ, ослѣпительныхъ скалъ, на берегахъ рѣчужки, невидимой въ ея глубокой трещинѣ. Мы спустились по крутикамъ среди грудъ камней и скалъ къ аулу. Здѣсь громадная пещера, входъ въ которую со стороны дороги совсѣмъ не замѣтенъ и куда васъ сопровождаютъ со свѣчей. Изъ громадной пещерной залы, говорятъ, есть выходъ. Въ видѣ опыта въ пещеру пустили кошку и пѣтуха и они черезъ нѣкоторое время вышли изъ какой-то трещины по ту сторону скалистаго кряжа. Большое кладбище все въ косыхъ памятникахъ съ турбанами и чалмами одѣло большой холмъ. Домики аула, съ ихъ деревянными ставнями вмѣсто оконныхъ стеколъ, обступили тѣсно проулокъ и были покрыты лепешками кизяка. Здѣсь въ Дагестанѣ этотъ кизякъ (чистый коровій навозъ) служитъ топливомъ и для высушки, лепешками изъ него облѣпляютъ всѣ стѣны и заборы, складываютъ его на крышахъ и дворахъ.

Какъ характерны всѣ аулы горнаго Дагестана и какъ рѣзко они отличаются отъ ауловъ, къ которымъ привилась цивилизація. Женщины въ длинныхъ балахонахъ, въ громадныхъ тяжелыхъ серьгахъ, въ серебряныхъ подвѣскахъ—попадаются въ сторону горъ все чаще и чаще. Дороги дѣлаются

все круче, не огражденныя ни стѣной, ни камнемъ отъ зіяющихъ пропастей. Станціи для публики не могутъ дѣлаться хуже, такъ всѣ одинаково скверны, съ двумя жесткими скамейками, снабженными клопами; ни поѣсть, ни выпить—ничего невозможно достать и радъ радешенекъ, если отвезутъ тебя только черезъ четыре часа ожиданія, а то приходится сутками ожидать лошадей и пропадать отъ скуки, неудобства, голода и безсонницы. На нѣкоторыхъ станціяхъ, какъ на Кизлярѣ, всего 2 тройки. На одной уѣхала почта, другую берегутъ, ожидая какого-то начальника или чиновника и приходится сидѣть, ждать, роптать и испытывать всѣ муки долготерпѣнія. Если у васъ нѣтъ съ собой чаю, сахара, хлѣба и закуски, вы нигдѣ на станціяхъ не достанете ничего. Единственное, что вамъ подадутъ, это самоваръ. Нѣкоторые перегоны прямо невозможны по ночамъ и въ ненастное время, такъ какъ дороги проведены бываютъ надъ ужасными пропастями, снабжены головоломными спусками и подъемами, которыя превращаются во время грозъ въ пучины. Радъ радешенекъ бываешь, если увидишь духанъ, которые такъ рѣдки въ Дагестанѣ. Тутъ хоть выпьешь вина и достанешь кусокъ довольно противнаго соленаго сыра.

За Урмой потянулась скучная однообразная мѣстность. Унылое плоскогорье тянулось безъ конца. Затѣмъ дорога спустилась въ узкое ущелье, сдавленное грандіозными стѣнами. Переѣхавъ рѣчку, мы снова поѣхали въ горы. Мимо насъ промелькнули два очень оригинальныхъ мусульманскихъ

памятника, подъ которыми схоронены лезгинскіе святые. Одинъ синій камень, осѣненный полумѣсяцемъ, сплошь покрытъ пестрыми надписями изъ корана. Другой изъ бѣлаго камня съ бѣлымъ флагомъ на шестѣ возлѣ могилы. Опять громадныя скалы обступили насъ, вдали показался аулъ. Это были Лаваши, гдѣ въ 1819 году генералъ Ермоловъ разбилъ на голову возмутившихся акушинцевъ, которыхъ подстрекали къ возстанію ханы Аваріи и Дербента. Аулъ живописно раскинулся вокругъ горы. Большая площадь его окружена была цѣлымъ рядомъ духановъ. Я отыскалъ, какъ мнѣ это посовѣтовалъ князь А., лавку Туркестанова и спросилъ бѣлаго мѣстнаго вина «Модеры», бутылка котораго стоила 30 коп. Сладковатое, довольно пріятное—оно мнѣ очень понравилось и явилось единственной достопримѣчательностью аула. Одинъ лезгинъ игралъ на сазѣ, небольшой туземной мандолинѣ, украшенной перламутровыми инкрустаціями. Я долго не могъ уйти и съ удовольствіемъ слушалъ пріятные и нѣжные звуки этого характернаго инструмента. Толпа лезгинъ въ высокихъ войлочныхъ шапкахъ окружила музыканта. На площади царило большое оживленіе. Пріѣхало нѣсколько всадниковъ-горцевъ, совсѣмъ приросшихъ къ своимъ лошадямъ, и остановились у одного изъ духановъ. Масса арбъ, запряженныхъ волами, жалобно рыдали колесами, безконечныя отары овецъ съ ихъ характерными чабанами-пастухами и собаками, безконечными вереницами проходили аулъ, кочуя съ одного мѣста на другое. Изъ подъ зелени тополей виднѣлись бѣлые до-

мики казармъ, съ ихъ красными крышами и военной жизнью вокругъ. Я былъ теперь на высотѣ 3,755 футъ надъ уровнемъ моря.

За Лавашами потянулась на разстояніи 10 верстъ скучная и однообразная дорога и мы должны были съ большимъ искусствомъ лавировать среди многотысячныхъ стадъ овецъ. Но вдругъ передо мной раскрылась черная глубокая щель и я увидѣлъ восхитительную панораму. Мнѣ казалось, что я стою на краю колоссальнаго кратера, въ которомъ бушевало каменное море, застывшее въ одно мгновеніе ока по мановенію волшебнаго жезла. Это былъ самъ адъ. Стѣны, зубья, щетины горъ и скалъ образовали какой-то хаосъ, который вмѣстѣ съ дорогой убѣгалъ куда-то внизъ, а гигантскія буро-оранжевыя стѣны вокругъ высились до самыхъ небесъ. Какъ понятно стало мнѣ, что лезгинъ по природѣ своей разбойникъ, что онъ хищный, дикій звѣрь, храбрый и ловкій. Стоитъ взглянуть на эти горы, суровыя и холодныя, надъ которыми витаютъ орлы, выглядывая добычу, гдѣ вѣчная травля и побѣда сильнаго надъ слабымъ, чтобы понять это. Вѣтры обрываютъ лѣса, гложутъ утесы, вода мчится по трещинамъ гибельными пучинами и лезгинъ видитъ на каждомъ шагу— опасность, пропитывается съ дѣтства до мозга костей презрѣніемъ къ ней, наполняется духомъ войны и правомъ дѣлать насилія и, какъ хищный звѣрь, живетъ въ своей саклѣ, ожидая случая показать когти.

Лошади, какъ сумашедшія, помчались по безумнымъ карнизамъ горъ въ эти черныя ущелья, среди голыхъ скалъ, гдѣ даже въ полдень висѣлъ надъ

всѣмъ какой-то полумракъ, дѣлающій ущелье еще мрачнѣе. Повсюду виднѣлись овцы. Просто непонятно было, какъ могли онѣ забраться по такимъ отвѣснымъ стѣнамъ на такіе крутики.

Повсюду, въ прорубленныхъ для дороги скалахъ, виднѣлись вкрапленныя въ эти стѣны большія каменныя бомбы. Масса этихъ бомбъ самой разнообразной величины, большихъ и малыхъ, цѣлыхъ и изломанныхъ, валялись по сторонамъ дороги. Чѣмъ больше мы спускались въ черныя нѣдра между конусовъ, такъ правильно поднявшихся въ этой колоссальной дырѣ, между этихъ треснувшихъ стѣнъ подоблачныхъ утесовъ, тѣмъ болѣе я приходилъ къ мысли, что я ѣду въ громадномъ кратерѣ чудовищнаго вулкана. По всей вѣроятности, здѣсь когда-то происходила ужасная катастрофа, когда треснули скалы, поднялись эти правильные конусы—вулкановъ, низвергавшіе каменныя бомбы и ляпилли и излившіе всю массу лавы, которую легко было и теперь узнать. Мѣстами съ высочайшихъ стѣнъ падали очаровательные водопады, такъ живо напомнившіе мнѣ швейцарскіе. Сколько удивительной и грустной поэзіи въ этой вѣчно падающей и клокочущей водѣ! Одинъ водопадъ вблизи группы фруктовыхъ садовъ былъ особенно хорошъ и поражалъ своей высотой, обрываясь прямо откуда-то изъ-за облачнаго пространства. Чувствовалась близость аула. Всѣ выступы скалъ, всѣ площадки на страшной высотѣ были подперты стѣнами изъ камней, для удержанія туда принесенной земли и тамъ зеленѣлъ ячмень, маисъ и другіе посѣвы. Потяну-

лись сады, сжатые въ тѣснинѣ и занявшіе крутые берега рѣчки. Абрикосы, персики, сливы, алыча радовали меня своей зеленью.

Вотъ и аулъ Ходжалъ-Махи, лежащій въ узкой долинѣ бурной и бѣшенной рѣки Кази-Кумухскомъ койсу, которое я уже видѣлъ около Гимры и на берегахъ котораго лежатъ и Гергебиль, съ его садами и массой кровавыхъ воспоминаній, и аулъ Унцукуль.

Весь аулъ Ходжалъ-Махи утонулъ въ фруктовыхъ садахъ и прилѣпился своими домиками у подножія гигантскихъ утесистыхъ стѣнъ. Здѣсь растутъ такія груши и курага, что ихъ нельзя довезти до Шуры, не испортивши ихъ. Онѣ зрѣютъ въ этой узкой долинѣ ревущей койсу, защищенныя отъ всякихъ вѣтровъ. Надъ скалами поднялись еще выше, за облаками, желтыя плойчатыя стѣны камней и утесовъ, словно титаническая крѣпость забралась въ эту недосягаемую высь.

Я зналъ, что аулъ Ходжалъ-Махи славится выдѣлкою шерстяныхъ издѣлій и великолѣпныхъ мягкихъ и тонкихъ суконъ, и просилъ хозяина станціи указать мнѣ, гдѣ можно достать эти сукна. Черезъ нѣсколько минутъ явились продавцы. Трудно себѣ представить что нибудь лучше, чѣмъ эти прелестныя сукна, называемыя лезгинскими шалями. Были бѣлыя, какъ лебяжій пухъ, легкія и почти безъ вѣсу, по 200 руб. за кусокъ, были верблюжьяго цвѣта, начиная отъ 10 руб. за кусокъ. Я отложилъ себѣ одинъ кусокъ, а потомъ много позже, всегда сожалѣлъ, что не купилъ себѣ втораго.

Ходжалъ-Махи центръ дорогъ Дагестана, отсюда проложены во всѣ стороны пути. Въ 15 верстахъ на берегахъ койсу, внизъ по теченію, лежитъ аулъ Гергебиль или Хергебъ, извѣстный своей осадой. Горсть въ 400 человѣкъ, подъ начальствомъ маіора Шаганова, выдерживала осаду Шамиля въ теченіи 12 дней. Когда осталось въ живыхъ только 50 человѣкъ, укрѣпленіе пало и горцы вырѣзали всѣхъ солдатъ.

Вверхъ по ущелью койсу ведетъ дорога черезъ Цудахаръ въ аулъ Кази-Кумухъ. Вотъ туда-то я и направился. Пронесшись между садами, полными душистаго лоха и персиковъ, мы переѣхали по каменному мосту надъ глубокой трещиной, въ которой съ бѣшенствомъ ревѣли водопады Кази-Кумухскаго койсу. Вся дорога въ Цудахаръ шла по ужаснымъ крутикамъ надъ пропастью, гдѣ клокотала на встрѣчу намъ летѣвшая рѣка. Всѣ 11 верстъ пришлось ежесекундно опасаться, чтобы не свергнуться въ бездну. Забираясь все выше и выше въ горы, мы ѣхали вскорѣ среди голыхъ утесовъ. Самъ аулъ Цудахаръ усѣлся на отдѣльной высокой горѣ, спустившейся своимъ подножіемъ, одѣтымъ въ сады, къ самому койсу. До чего красивы здѣсь пирамидальные тополя—особенно на этомъ фонѣ выжженныхъ и колоссальныхъ плойчатыхъ скалъ! Словно подземные огни сдвинули горы, покрыли ихъ параллельными морщинами и складками, а затѣмъ время охладило ихъ. Цѣлыя стѣны колоссальныхъ складокъ возвышаются за Цудахаромъ, а на ихъ вершинѣ, на гребнѣ этой чудовищной стѣны усѣлся аулъ. Только въ бинокль мнѣ удалось разглядѣть его. Дорога

вилась къ нему по выдолбленному вдоль стѣны еле замѣтному карнизу. Просто непонятно, какъ по этой дорогѣ горцы спускаются и поднимаются. У меня кружилась голова при одномъ взглядѣ на эту безумную горную тропу.

Дорога до Кази-Кумуха на разстояніи 21 версты не лучше предъидущей, такъ что на ночь нельзя было и думать пускаться въ путь. Переночевавъ въ Цудахарѣ, я на зарѣ отправился въ Кази-Кумухъ. Кази-Кумухъ въ первую минуту произвелъ на меня впечатлѣніе чисто разбойническаго гнѣзда. Ни куста, ни деревца, одни голыя горы, и каменные низкіе домики съ черными дырьями оконъ и плоскими крышами. Надо было видѣть, съ какимъ любопытствомъ глядѣли на меня жители аула, дѣти и женщины облѣпили крыши и съ безпокойнымъ любопытствомъ окидывали меня проницательными хищными взглядами. Здѣшніе лезгины говорятъ на совсѣмъ особенномъ нарѣчіи. Кази-Кумухцы, прежде составлявшіе особенное ханство, сохранили и свой особенный лакскій языкъ. Это все ремесленники и мирный народъ и серебряныя издѣлія Кази-Кумуха пользуются повсюду въ Дагестанѣ громкой славой.

Дагестанъ назывался у древнихъ горой языковъ. Раздѣленный пропастями и неодолимыми перевалами, этотъ горный уголъ не далъ возможности приходить всѣмъ народамъ его обитавшимъ въ соприкосновеніе и всѣ общины и ханства сохранили свои нарѣчія и обычаи, но повсюду одинаково грустно и тяжело было и есть положеніе женщины. Всюду это безмолвная рабыня, на которой лежитъ вся тяжесть работъ,

всюду это покорное вьючное животное. Еще будучи дѣвочкой, она таскаетъ тяжелые кувшины воды изъ рѣки по головоломнымъ тропинкамъ высоко на аулъ. Женщины горцевъ, кромѣ исполненія всего домашняго труда, ткутъ сукна, приготовляютъ войлоки, изъ котораго готовятъ на всю семью сапоги, мотаютъ и сучатъ шелкъ, мелютъ зерно, таскаютъ всякія тяжести, готовятъ кизякъ. Мущины сѣютъ, жнутъ, косятъ, строятъ, а зимой проводятъ время праздно. Къ женщинѣ они относятся презрительно и рѣдко, рѣдко удостоятъ любимую жену ничтожной лаской... Большею частью на долю женъ выпадаетъ брань, побои и презрѣніе. Вотъ почему всѣ лезгинки такъ рано старятся, почему всѣ онѣ съ такими угрюмыми взглядами затравленныхъ звѣрей, почему ихъ одежды такъ грубы и некрасивы и нѣтъ въ лезгинкахъ ни граціи, ни изящества, ни нѣжности.

Кумухъ—базарный центръ Дагестана и славится своими серебряными издѣліями. Здѣсь носятъ такія тяжелыя громадныя серьги, что недоумѣваешь, какъ могутъ уши вынести такую тяжесть. Здѣсь большинство населенія — серебряки и лавки ихъ очень интересны.

Отъ Кази-Кумуха начинается перевалъ по долинѣ Самура черезъ Главный хребетъ къ Елисуйскому ущелью и къ мѣстечку Кахъ въ Закатальскомъ округѣ. Собственно Кумухъ не заслуживалъ посѣщенія и я пожалѣлъ о времени и о своихъ бокахъ, которымъ пришлось довольно чувствительно пострадать при возвращеніи до Ходжалмаховъ.

21.

Дагестанъ.

(Продолженіе).

Приключеніе на Купинскомъ перевалѣ. Георгіевскій мостъ. Дорога на Гунибъ. Крѣпость Шамиля. Карадахская щель. Хунзахъ. Черезъ Ведено въ степи.

Плачьте, красавицы, въ горномъ аулѣ;
Правьте поминки по насъ:
Вслѣдъ за послѣднею мѣткою пулей,
Мы покидаемъ Кавказъ.
Здѣсь не цѣвница къ ночному покою—
Насъ убаюкаетъ громъ;
Очи не милая черной косою—
Воронъ закроетъ крыломъ!
Дѣти, забудьте отцовскій обычай:
Онъ не потѣшитъ васъ русской добычей!

Лезгинская пѣсня изъ «Амалата-Бека» *Марлинскаго.*

Въ Ходжалмахахъ я встрѣтился съ одной милѣйшей дамой, ѣхавшей на Гунибъ къ роднымъ и везшей изъ Тамбовской губерніи двухъ мущинъ и двухъ женщинъ—прислугъ, выписанныхъ на Гунибъ родными ея. Такъ какъ лошадей было не много, намъ пришлось соединиться. Уже вечерѣло и хозяинъ станціи и ямщики торопили ѣхать, опасаясь, чтобы ночь не захватила насъ на перевалѣ. Оставаться на

ночь въ Ходжалмахахъ тоже не было резона. Станція была занята семьей офицера съ больными дѣтьми и мы пустились въ путь. Сначала все шло благополучно. Мы восторгались дорогой, которая вилась среди камней и скалъ все выше и выше въ горы. Сады и аулъ давно исчезли въ глубокой трещинѣ. Кругомъ былъ голый камень. Мы ѣхали по краю черной пропасти, въ которую вскорѣ и спустились. Это было сухое ложе рѣки Купы, которая во время дождей превращается въ бѣшенный потокъ. Вдругъ мракъ и ночь охватили насъ. Мы въѣхали въ грандіозныя Купинскія ворота. Это были черныя скалы совсѣмъ сошедшіяся сверху, въ которыхъ вода прогрызла узкій проходъ—тунель. Теперь и слѣда не было воды и купинцы поставили свои арбы здѣсь на храненіе. За этими ущельями-воротами показался аулъ «Нижняя Купа», взгромоздившійся съ своими садиками на холмы. Вотъ и Верхняя Купа. Сколько разъ мы пересѣкали высохшую рѣчку и ѣхали по ея ложу! Оба аула вскорѣ оказались далеко, далеко подъ нами, а мы все выше и выше залѣзали въ горы. Небо стало темнѣй, внезапно откуда-то надвинулись грозовыя тучи. Въ голыхъ горахъ стало уныло, жутко. Наконецъ далеко внизу подъ нами мелькавшіе огоньки Верхней Купы изчезли также, а мы упрямо ползли все выше и выше къ вершинамъ, грозно торчащимъ передъ нами. Уже нѣсколько разъ блистала молнія и грозно гремѣлъ громъ, перекатываясь надъ всей окрестностью. Вдали виднѣлась Купинская гора, похожая на сахарную голову. Пошелъ дождь и ужасная гроза раз-

разилась надъ нами. Это былъ не дождь, а ливень, падали облака. Молнія сіяла и во время ея вспышекъ мы видѣли суровую мѣстность и нашу полосу дороги на краю зіяющей пропасти, въ которой рокоталъ бѣшенный потокъ. Гроза усиливалась каждую минуту. Лошади скользили. Ямщики не рѣшались ѣхать, страшась свалиться въ пропасть. Темнота была ужасная и только во время сіянія молній мы видѣли, гдѣ мы. На вершинѣ Купинскаго перевала устроена крошечная сторожка изъ камней, до которой мы и дотащились. Съ страшными трудами мы нашли дверь и вошли въ сторожку, сквозь крышу которой лилъ дождикъ и полъ которой превратился въ глинистое мѣссиво, въ которомъ тонули ноги. Сюда внесли мы вещи и рѣшились переждать грозу, такъ какъ и ѣхать было немыслимо по страшному спуску надъ пропастями и моя спутница была напугана до полусмерти. Никогда въ жизни не забуду этой ночи. Ямщики сказали, что поѣдутъ въ Верхнюю Купу и вернутся со свѣтомъ за нами, такъ какъ не могутъ оставаться подъ ливнемъ, и уѣхали. Мы остались въ темной, мокрой сторожкѣ, стоя въ мягкой глинѣ, въ дикихъ горахъ, въ заоблачныхъ холодныхъ вершинахъ съ мальчикомъ лезгиномъ, совсѣмъ насъ не понимающимъ, котораго мы нашли въ сторожкѣ. Тщетно онъ силился раздуть огонь. Вѣтки валежника были пропитаны сыростью, а гроза все усиливалась. Вокругъ насъ тряслись горы, громъ оглушалъ насъ, а мы, измученные, перепуганные, стояли другъ подлѣ друга, не имѣя возможности даже лечь въ эту мягкую пропитанную водой глину.

— А если этотъ мальчишка пойдетъ и скажетъ, что мы здѣсь, шепнула мнѣ моя спутница, насъ могутъ всѣхъ зарѣзать. Я встану у порога.

Разсвѣтъ засталъ насъ совсѣмъ обезсиленныхъ и измученныхъ, промокшихъ и продрогшихъ. Гроза пролетѣла и наступило ясное солнечное утро и, хотя дорога виднѣлась на много верстъ внизъ съ горъ, ямщиковъ не было видно. Мы находились среди голыхъ черныхъ скалъ на вершинахъ перевала и могли вдоволь любоваться на панорамы горъ и въ ту и въ другую сторону. Легкія облака скользили подъ вершиной голой Купинской горы. Вдали однотонно кричала кукушка и ея крикъ разносился далеко по горамъ. Противъ сторожки у дороги высилась мѣдная массивная доска съ надписью: «Купинскій перевалъ. Абсолютная высота 4552 ф. Отъ Ходжалмаховъ до Георгіевскаго моста 26 верстъ, до Гуниба 41$^{3}/_{4}$ версты». Князь Барятинскій устроилъ эту дорогу и его имя упомянуто въ числѣ первыхъ на этой доскѣ. Совсѣмъ альпійская растительность скалъ и утесовъ окружала насъ. Волосатые сѣрые шалфеи, крошечныя камнеломки и другая мелкота росла во всѣхъ трещинахъ и сгибахъ камней. Солнце стояло уже высоко, мы проглядѣли всѣ глаза, а ямщиковъ не было видно. Тогда я рѣшился спуститься съ горъ къ слѣдующей станціи и оттуда выслать лошадей за оставшимися спутниками и вещами. Взявъ одного человѣка, мы храбро пустились съ нимъ въ путь, слѣдя за телеграфной проволокой. Идти по шоссе было невозможно, оно было и сильно размыто и крайне удлинняло нашъ путь, а мы,

усталые отъ безсонной и мучительной ночи, спѣшили и потому выбирали овечьи тропки по головоломнымъ крутикамъ. Дорога спускалась въ какую-то бездну по голой груди горъ. Шоссе описывало громадные зигзаги, а мы шли напрямикъ. Изъ подъ нашихъ ногъ валились камни, мы хватались за кусты, за травы руками, чтобы не слетѣть внизъ, поранили руки, я стеръ себѣ ногу, но мы оба мужественно подвигались впередъ. Впереди подъ пами показалась рѣка у подножія чудовищныхъ каменныхъ стѣнъ утесовъ. Это было Кара-койсу въ ея грозной трещинѣ. Прямо противъ насъ съ горъ спускались въ рѣку два сухія ложа весеннихъ рѣкъ, съ садами по ихъ берегамъ.

Страшно усталые добрались мы до станціи «Салтинки», разсказали о происшествіи съ нами и просили лошадей. Къ счастью, лошади были дома и ихъ тотчасъ же отправили на Купинскій перевалъ къ одинокой сторожкѣ.

Все мое тѣло ныло и я, какъ сѣлъ, такъ и продолжалъ сидѣть, не будучи въ силахъ двинуть ни рукой, ни ногой. Въ концѣ концовъ пришлось встать и, когда я взглянулъ на себя въ зеркало, я ужаснулся. На мнѣ не было ни лица, ни человѣческаго подобія. Грязный, пыльный, блѣдный и похудѣвшій за эту ночь, я просто не узнавалъ себя и поражался, что можно было такъ скоро и такъ сильно измѣниться. Вымывшись, отдохнувши, напившись чаю, который, къ счастью, былъ въ ручномъ мѣшкѣ со мной, я пришелъ нѣсколько въ себя и, зная, что пройдетъ еще много часовъ, прежде чѣмъ пріѣдутъ мои спутники, отправился побродить и поглядѣть

эту знаменитую мѣстность съ ея Георгіевскимъ мостомъ. Рѣка «Кара-койсу—«Черная рѣка» имѣетъ полное право на это названіе. Ея долина узкая, полутемная щель ужасающихъ стѣнъ и утесовъ. Это корридоръ камней, по дну котораго бѣжитъ и реветъ въ пропасти рѣка, вырываясь изъ-подъ арки моста, выстроеннаго въ самомъ узкомъ мѣстѣ этой горной щели. Георгіевскій или Салтинскій мостъ настоящая крѣпость. Онъ перекинутъ на желѣзной аркѣ надъ страшной бездной въ 37 саженъ глубиной, на днѣ которой реветъ и стонетъ Кара-койсу, выбѣгая изъ черной Салтинской щели. Мостъ прикрытъ галереей и имѣетъ въ своей настилкѣ отверстіе, черезъ которое достаютъ воду, спуская ведро на веревкѣ. Глухая красная галерея моста, круглая желтая башня, съ красной крышей и съ воротами, внизу закрывающими мостъ съ этого берега, и желтый двухъ-этажный домикъ съ противуположной стороны,—дѣлаютъ мостъ съ виду грознымъ гнѣздомъ, недоступнымъ и неодолимымъ укрѣпленіемъ. Здѣсь стоитъ постоянный караулъ и назначаемые сюда офицеры съ ужасомъ принимаютъ эту обязанность. Ужасныя скалы, страшное отраженіе звуковъ, вѣчный ревъ бурной рѣки, черныя пропасти, стѣны скалъ, уходящихъ за облака, не разъ доводили офицеровъ до такихъ приступовъ тоски, что они бросались въ воду койсы, въ дикую пучину, съ этого страшнаго моста, чтобы не томиться дольше плѣнникомъ въ страшномъ каменномъ ящикѣ. Въ возстаніе 1878 года горцы взяли обманомъ мостъ, пытались его испортить и низвергнуть, но не могли.

Вскорѣ послѣ кроваваго боя русскіе снова отняли мостъ.

Сначала меня поражали эти всѣ скалы и своей суровостью и грозностью, особенно Кегерскія горы съ ихъ зубцами по ребрамъ, словно гигантскія игуаны выставили свои колючія спины, но потомъ эта мертвенность, этотъ голый камень нагналъ на меня тоску и я сталъ думать, какъ-бы убраться отсюда. Хоть дорога съ Купинскаго перевала и была видна чуть не верстъ на десять, отъ нашихъ не было ни слуха, ни духа и только черезъ много долгихъ часовъ на самомъ дальнемъ изгибѣ дороги показались двѣ движущіяся черныя точки.

— Наши ѣдутъ, заявилъ станціонный ямщикъ, черезъ часа полтора пріѣдутъ.

Когда, дѣйствительно, черезъ полтора часа лошади въѣхали во дворъ Салтинской станціи и наша дорожная компанія снова соединилась, разговорамъ не было конца. Намъ пришлось просидѣть еще четыре часа ради отдыха лошадей и мы терпѣливо усѣлись за чай и увы, тутъ только замѣтили, что нашъ сыръ, хлѣбъ, колбасы и другіе припасы исчезли. Или они остались у ямщиковъ или въ сторожкѣ. Пришлось удовольствоваться однимъ чаемъ и какъ мы были рады, что сидимъ подъ крышей и пьемъ чай.

* *
*

Дорога на Гунибъ идетъ вдоль скалъ по карнизу надъ койсу, оставляетъ въ сторонѣ Георгіевскій мостъ, черезъ который идетъ путь на Карадахъ, Хунзахъ, Ведено, путь, который называется Іолъ-Пади-

шахъ, т. е. Царская дорога. Дорога, оставивъ мостъ, тянется по выдолбленнымъ карнизамъ надъ трещиной койсу въ узкой полутемной Салтинской щели, сдавленной страшными стѣнами. Голова кружится смотрѣть внизъ въ пропасть, гдѣ клубится Кара-койсу, и дѣлается жутко отъ этихъ черныхъ скалъ, отъ этого мрака и ужаса. Шамиль хорошо зналъ свои горы, а потому и ушелъ на Гунибъ, скрытый Купинскимъ ущельемъ, переваломъ и тогда совсѣмъ недоступной Салтинской трещиной. Все новое шоссе вырвано порохомъ по грудямъ отвѣсныхъ стѣнъ.

— Вонъ Гунибская гора, показалъ ямщикъ.

По ту сторону койсы поднялась колоссальная столовая гора, одѣтая сверху какимъ-то вторымъ этажемъ или поясомъ желтоватыхъ скалъ, а подножіе которой утонуло въ фруктовыхъ садахъ и въ зеленыхъ минаретахъ пирамидальнаго тополя. Это— островъ-гора среди всѣхъ этихъ зубцовъ и хребтовъ, островъ-гора, какія часто встрѣчаются въ этомъ щетинистомъ безпріютномъ Дагестанѣ. Гунибъ торчитъ грозно и величаво изъ черныхъ пропастей, недоступный, непоборимый, скрывая свои вершины и плоскогорья въ облака. Это естественная скала-крѣпость торчала предо-мной и мнѣ было совсѣмъ непонятно, какъ мы заберемся туда наверхъ по этимъ отвѣснымъ стѣнамъ. Кругомъ лежали милліоны обломковъ камней и утесовъ. Мы лавировали въ этомъ грозномъ хаосѣ скалъ, и казалось, что всѣ онѣ брошены заснувшими теперь вулканами, какимъ былъ когда-то и Гунибъ. Кегерскія горы опоясаны дорогой, прелестный аулъ Кегеръ, потонувшій въ садахъ, при-

лѣпился у ихъ подножія, а по ту сторону койсы на плойчатыхъ скалахъ, словно гнѣздо орлицы, усѣлся удивительно живописный аулъ Киндахъ. Кегерскія горы близъ Гунибскаго моста выставили какія-то циклопическія развалины дворца горнаго духа. Скалы приняли видъ стѣнъ, полуразрушенныхъ колоссальныхъ башенъ, сѣрыхъ дворцовъ съ амбразурами гигантскихъ провалившихся оконъ.

Мы переѣхали койсу по каменному мосту и, поднявъ голову, я увидѣлъ на краю вершины Гунибской горы бѣлый каменный домъ. Его было видно изъ далека. Это былъ домъ начальника округа князя Вахванова. Мы стали подниматься по зигзагамъ дороги на Гунибъ. Ручьи обрывались съ вершины Гуниба и падали внизъ очаровательными водопадами, напомнившими мнѣ швейцарскіе штаубахи. Сколько поэзіи и меланхоліи въ этихъ ручьяхъ, слетающихъ изъ за облачной высоты и превращающихся въ пыль! Орѣховыя рощицы, хаосы и нагроможденія камней, бурныя рѣки, пересѣкающія нашу дорогу, встрѣчались на каждомъ шагу. Много времени мы взбирались на гору и все не могли добраться до вершины. Все новыя, новыя скалы и отвѣсныя стѣны утесовъ выростали передъ нами, пока мы не добрались до большихъ рѣчекъ, падающихъ шумными водопадами, и не въѣхали въ ворота князя Барятинскаго, которыя служатъ дверьми въ крѣпость. Теперь дорога вилась надъ пропастью уже среди стѣнъ Гунибской крѣпости и открывала ошеломляющіе по грандіозности виды на долину койсы, на сдвиги Кегерскихъ горъ, на водопады, словно мотки бѣлаго шелка,

улегшіеся въ падины массивныхъ стѣнъ, на сады и аулы, зеленѣвшіе въ долинѣ, на крошечное озеро Чохъ, точно серебряный глазокъ, блестѣвшее въ горной дали. Еще карнизы, еще рушающіеся ручьи, и вотъ показались домики, пирамидальные тополя и, наконецъ, я на Гунибѣ.

Здѣсь нѣтъ ни гостинницы, ни постоялаго двора, даже частныхъ домовъ, а только одна крѣпость и казенныя помѣщенія для гарнизона. Я отправился къ знакомымъ офицерамъ, которые приняли меня съ такимъ радушіемъ, съ такимъ теплымъ привѣтомъ, что время, проведенное мною на Гунибѣ, никогда не изгладится изъ моей памяти.

Нижній Гунибъ, который снизу мнѣ казался вершиной горы, представляетъ небольшую, гладкую, искусственно выровненную площадку, надъ которой громоздились и нависли высокія скалы верхняго Гуниба съ казармами и башнями крѣпости. Вся площадка окаймлена стройными пирамидальными тополями, въ тѣни которыхъ пріютился маленькій, чистенькій, краснокрышій городокъ съ низкими бѣлыми домиками. Тутъ и небольшая русская церковь, и мечеть съ зеленымъ куполомъ и единственная здѣсь лавка, въ которой за все немилосердно дерутъ.

— Въ горахъ громъ гремитъ, на Гунибѣ дождь идетъ, говорятъ и горцы и русскіе про эту вѣчно облачную гору. Гдѣ тучи, а на Гунибѣ гроза и дождь.

И это вѣрно. Здѣсь вѣчные дожди. Рѣдкая гроза минуетъ эту гору и разражается здѣсь съ какой-то необыкновенной силой, заставляя трепетать даже

жителей сосѣднихъ ауловъ, съ ужасомъ взирающихъ на Гунибъ, горящій молніями и потрясаемый чуть не до основанія громами. Потому здѣсь такъ много и влаги, потому полны водой и такъ многочисленны рѣчки и ручьи, летящіе внизъ съ утесовъ и питающіе многочисленные сады, выросшіе на голомъ камнѣ. Просто невѣроятно, какъ могли люди взять эту гору-крѣпость, гдѣ укрылся Шамиль. Шамиль ушелъ на Гунибъ, увѣренный, что сюда русскіе никогда не придутъ, и поселился въ аулѣ Гунибъ, который расположенъ еще выше, еще за новыми стѣнами утесовъ, еще на большей высотѣ, совсѣмъ за облаками. Шамиль разставилъ посты лезгинъ въ мѣстахъ, могущихъ внушать тѣнь подозрѣнія и удалился въ свое гнѣздо. Въ 1859 году стоялъ князь Барятинскій съ резервами на вершинахъ Кегерской горы, откуда ему былъ виденъ Гунибъ. Апшеронцы первые взобрались на Гунибъ. Солдаты лѣзли, устроивъ живыя лѣстницы, карабкались по плечамъ и головамъ товарищей, хватаясь за вбиваемые въ трещины колья и за привязываемыя къ нимъ веревки, и такимъ образомъ храбрецы влѣзли па гору и переколотили весь постъ горцевъ. Русское «ура», этотъ вѣстникъ побѣды раздался надъ Гунибомъ, русскіе батальоны прибыли съ барабаннымъ боемъ на площадь Гуниба и князь Барятинскій, чтобы не убивать женщинъ и дѣтей въ аулѣ, предложилъ Шамилю сдаться и имамъ сдался.

Меня водили на верхніе утесы, по дорогѣ, которая тоже вьется зигзагами, проходитъ по крытому

мосту, защищающему ее отъ заваловъ, переходитъ по мостамъ черезъ бурные водопады и приводитъ къ казармамъ, воротамъ Шамиля и къ зубчатой стѣнѣ, около которой поэтично поднялись группы стройныхъ и меланхоличныхъ тополей. За воротами Шамиля—недалеко до березовой рощи съ бесѣдкой Барятинскаго, гдѣ, сидя на камнѣ, окруженный блестящей свитой, князь принялъ саблю имама. Помню картину Рубо, изображающую это событіе. Какъ живые, встали они всѣ передо мной. Самъ Шамиль, съ рыжей бородой, недовѣрчиво подходящій къ князю, съ саблей въ рукахъ, медлитъ передать свое оружіе. Возлѣ него его слуга босой, въ коричневомъ старомъ архалукѣ, съ мрачнымъ выраженіемъ прекраснаго лица, смотритъ съ тоской на униженнаго господина, а вокругъ толпа блестящихъ побѣдителей съ нряднымъ княземъ Барятинскимъ во главѣ.

Аулъ Шамиля совсѣмъ необитаемъ. Это груды развалинъ, сѣрыхъ камней, поросшихъ травой, черныхъ ямъ. На одинъ домъ съ башней, заваленный камнями, мнѣ указали какъ на бывшій домъ Шамиля. Тутъ же недалеко находится черная дыра, въ которую спускаются совсѣмъ разрушенныя каменныя ступени. Былъ ли это подземный ходъ изъ аула или клоповникъ, гдѣ томились плѣнники,—трудно опредѣлить.

Верхній Гунибъ, это цѣлая страна, съ его полями, ущельями, утесами, большими пустырями, рѣками и лѣсами. Это особенная заоблачная площадь, полная тишины, какъ всѣ горныя пустыни.

Дивный видъ открывается съ вершины маяка, лежащаго въ 12 верстахъ отъ Гуниба, куда можно проникнуть только верхомъ. Весь Дагестанъ съ его трещинами, ущельями, конусами, крѣпостями-горами, хребтами, иглами, стѣнами, щелями, мертвый, недоступный, желто-бурый, холодный,—все это гигантское жерло колоссальнаго вулкана, полное вторичныхъ и третичныхъ огнедышащихъ горъ, осколковъ выброшенныхъ скалъ, потоковъ застывшей лавы, былъ передъ моими глазами. Но виды изъ Гуниба не уступали виду съ маяка. Въ складкахъ Кегерской горы офицеры указали мнѣ муллу, призывающаго правовѣрныхъ на молитву, а на Верхнемъ Гунибѣ я не могъ не признать профиль красавицы, глядящей въ небо и обратившей свое каменное лицо кверху.

Сядешь гдѣ нибудь на выступѣ скалы и часами любуешься на эту глубокую долину Кара-койсы.

— Вонъ дорога вьется въ Киндахъ, а самъ аулъ съ его садами, какъ на ладони. Та дорога идетъ на Салты. А вонъ аулъ Чохъ, онъ заползъ далеко въ горы и дорога къ нему вьется змѣей по зеленымъ плоскогорьямъ. Съ Кегерской горы, противъ Гуниба, падалъ водопадъ. Онъ обрывался почти съ самой вершины горы и летѣлъ въ глубокую пропасть. Горное плоскогорье, называемое Майданъ, изрѣзанное балками, убѣгало далеко къ другимъ хребтамъ и горамъ.

— Вотъ вы такъ любуетесь водопадами, вамъ бы слѣдовало проѣхать на Раздѣльскій водопадъ, сказалъ мнѣ одинъ изъ офицеровъ, онъ верстахъ въ

70 отъ Гуниба, вся Кара-койсу падаетъ со скалы въ 87 саженъ вышины. Мнѣ разсказывали, что зрѣлище грандіозное и по необычайной высотѣ паденія, и по обилію воды, и по красотѣ.

Изъ Гуниба я хотѣлъ прямо пробраться на Карадахъ, но вслѣдствіе грозъ и дождей—дороги до того испортились, что мнѣ пришлось спуститься съ Гунибской горы, снова проѣхать Салтинскую щель до Салтинской станціи и только оттуда, переѣхавши Георгіевскій мостъ, начать новое путешествіе по Царской дорогѣ.

* *
*

За Георгіевскимъ мостомъ сразу начинается крутой подъемъ. Зигзаги дорогъ, продѣланные въ совершенно голыхъ скалахъ, угнетали меня своей мертвенностью и этотъ вѣчный камень Дагестана началъ одолѣвать и утомлять меня. Переѣхавъ черезъ хребетъ, мы стали спускаться среди сдвинутыхъ землетрясеніями скалъ, хаотическихъ нагроможденій камней и по карнизамъ надъ зіяющими пропастями. Мы проѣхали уже 20 верстъ и до Карадаха оставалось не болѣе версты. Мой возница остановился, какъ ему наказалъ хозяинъ станціи и объявилъ, что здѣсь невдалекѣ находятся знаменитыя ущелья. Буквально всѣ, кого я встрѣчалъ въ Дагестанѣ, говорили мнѣ о знаменитой Карадахской щели или Сланцовомъ ущельи, которое такъ грандіозно, единственно и прекрасно, что кто не былъ въ немъ, не можетъ сказать, что видѣлъ Дагестанъ. Въ прежнія времена въ Гунибъ

можно было пробраться только черезъ эти три узкія щели, представляющія длинный, полутемный корридоръ въ 80 саженъ длиной, образованный разрывомъ скалъ.

Откуда ни возьмись, появился лезгинскій вострoглазый малецъ, пастухъ или попрошайка—не разберешь. Его черные глаза орленка внимательно впились въ меня, ожидая чего-то. Ямщикъ что-то поговорилъ съ нимъ, онъ радостно крикнулъ что-то по лезгински, обдернулъ свои лохмотья и я понялъ, что этотъ мальчикъ долженъ вести меня около $^1/_2$ версты до ущелья. Я покорно отправился за нимъ и вскорѣ дорога исчезла за скалами, а мы куда-то ползли и карабкались по горной тропѣ. Шли мы довольно скоро и всетаки для $^1/_2$ версты слишкомъ долго. Я истеръ себѣ ноги по камнямъ и хотѣлъ уже возроптать, какъ мой проводникъ захлопалъ радостно въ ладоши и сталъ указывать впередъ пальцемъ. Я понялъ изъ этого краснорѣчиваго жеста, что мы дошли до щели. Боже мой, что это за щель! Это черная, узкая, преузкая трещина въ ужасающей толщѣ гигантскихъ скалъ. Подумать страшно войти въ нее, въ эту холодную каменную могилу. Кверху скалы сходились и надъ нашими головами висѣли громадные камни, упавшіе сверху и застрявшіе на полъ-пути. По дну Сланцоваго ущелья, которое такъ называется потому, что вблизи добываютъ горючій сланецъ, довольно бурно журчалъ ручей и мы все время должны были скакать по камнямъ. Во время дождей и грозъ, этотъ ручей превращается въ страшную стремнину, наполняя

ужасомъ и грохотомъ и безъ того мрачный этотъ входъ въ тартаръ, эту любопытную Карадахскую щель.

Мой лезгинскій мальчикъ, привлекши крикомъ мое вниманіе, бросился къ стѣнѣ и, какъ паукъ, началъ подниматься по отвѣсной скалѣ кверху, цѣпляясь руками и ногами за колышки и палочки, вбитые въ стѣнѣ. Мой лезгинъ поднялся не высоко, но и то сердце мое перестало биться, когда я увидѣлъ его висящимъ на этой воздушной лѣстницѣ, совсѣмъ въ полунаклоненномъ положеніи, такъ какъ стѣны кверху сходятся. Мнѣ разсказывали, что горцы, съ ловкостью гимнастовъ, лазятъ на самый верхъ скалъ Карадахской щели и тамъ выламываютъ дикій медъ у пчелъ. Мы прошли все ущелье, за которымъ начинается второе, еще болѣе темное, узкое и мрачное. Въ него мы уже не входили, а повернули назадъ и вскорѣ вышли на дорогу. Мальчикъ получилъ на чай, зажавъ деньги въ кулакъ, онъ влетѣлъ на придорожный обломокъ скалы, словно орленышъ, и долго провожалъ насъ глазами.

Карадахъ—это важный стратегическій пунктъ въ Дагестанѣ. Нѣсколько бѣленькихъ домиковъ, крѣпостныя стѣны, спускающіяся къ Кара-койсу, черезъ которую переброшенъ каменный мостъ, сама крѣпость въ формѣ круглой и мрачной, невысокой башни съ черными щелями бойницъ, бѣлыя палатки лагеря, разбитаго среди унылой мертвой мѣстности, вотъ и все, что я увидѣлъ, подъѣзжая къ этому мѣстечку. Я радовался при видѣ солдатъ въ бѣлыхъ рубашкахъ, словно на меня пахнуло чѣмъ-то роднымъ. Громадныя отвѣсныя скалы обступили

всю долину и у почтовой станціи, которая совсѣмъ придвинулась къ одной изъ этихъ стѣнъ, бѣлѣлъ водопадъ. Во время дождей постоянно рушится этотъ поэтическій ручей съ вершинъ скалъ, которыя такъ высоки, что вода обращается въ пыль, не долетая до земли, и образуетъ чудный штаубахъ, какими справедливо гордятся Швейцарія и Норвегія.

Въ Карадахѣ мнѣ сейчасъ же перемѣнили лошадей и я радъ былъ уѣхать изъ этой скучной и душной лощины. Дорога до Хунзаха, всѣ 27 верстъ, вилась по горамъ и, взобравшись на громадное плоскогорье, удручающе скучное своимъ однообразіемъ, протянулась по выжженной мѣстности, между прокаленными и голыми скалами, и навѣяла на меня безконечную тоску. Переѣхавъ черезъ Аварское койсу, въ которое ниже впадаетъ Кази-Кумухское съ Кара-койсу, мы все ближе и ближе придвигались къ древней столицѣ Аварскаго ханства Хунзаху. Это Аварское ханство было прежде сильнѣйшимъ владѣніемъ въ Дагестанѣ и ханы Аварскіе держали подъ тяжкою данью всѣхъ сосѣдей; оно заняло самое возвышенное плоскогорье нагорнаго Дагестана, откуда деспотически царило надъ ближними ханствами, даже царь Ираклій II Грузинскій платилъ дань. Мы ѣхали по обрывистымъ и утесистымъ берегамъ небольшой рѣчки Токиты, которая падаетъ великолѣпнымъ каскадомъ съ 50 саженей высоты въ пропасть возлѣ вновь возведеннаго укрѣпленія Хунзахъ. Это укрѣпленіе съ церковью и зданіями, составляющими поясъ вокругъ, гдѣ находятся и управленіе Аварскаго округа и квартира батальона сол-

дать, и домъ начальника, лежа среди пустыннаго плоскогорья,—напоминаетъ безотрадную крѣпость. Сейчасъ-же за укрѣпленіемъ зіяетъ пропасть съ ея колоссальными стѣнами, словно сложенными изъ бѣловато-желтыхъ пластовъ, съ которыхъ обрывается великолѣпный водопадъ рѣчки Токито, полный неописуемой граціи и красоты, смѣлости и силы, разбивающійся о камни и немноговодный, но крайне поэтическій каскадъ, слетающій въ видѣ дождя на дно пропасти.

Самъ аулъ лежитъ дальше за укрѣпленіемъ и представляетъ бѣдное село съ тѣсными и узкими улицами. Въ аулѣ сохранились развалины ханскаго дворца, гдѣ жила Салтанета, возлюбленная Амалатъ-Бека, гдѣ владычествовалъ и умеръ коварный Ахметъ-ханъ, куда привезъ голову своего благодѣтеля несчастный Амалатъ-Бекъ, какъ все это описано Марлинскимъ въ его разсказѣ. При Кази-Муллѣ въ Хунзахѣ владычествовала вдова хана—ханша Паху-Бике, которая отравила свирѣпаго имама, давшаго клятву сокрушить всѣхъ сильныхъ міра сего и первыхъ Аварскихъ хановъ. Черезъ четыре года второй имамъ Гамзатъ-Бекъ подступилъ съ своими мюридами снова къ Хунзаху и такъ какъ ханша не могла защищаться, то вступила съ Бекомъ въ переговоры. Молодой ханъ Абу-Нацалъ пріѣхалъ въ лагерь Бека. Встрѣченный съ раболѣпствомъ, онъ былъ измѣннически умерщвленъ вмѣстѣ съ сопутствующимъ братомъ и многими знатными аварцами. Въ это же время была умерщвлена и ханша Паху-Бике, а младшій ея сынъ былъ заточенъ въ аулѣ Гацатль, но позже Шамиль приказалъ свер-

гнуть его съ крутизны въ Аварское койсу, гдѣ юноша и погибъ. Молочные братья Аварскихъ хановъ поклялись отомстить убійцѣ, поселившемуся въ старинномъ ханскомъ дворцѣ, и Гамзатъ-Бекъ съ своими сообщниками были перебиты въ одинъ изъ праздниковъ въ Хунзахской мечети. Здѣсь въ этомъ аулѣ родился и жилъ одинъ изъ самыхъ энергичныхъ сподвижниковъ Шамиля Хаджи-Муратъ, имя котораго прославлено его смѣлыми набѣгами, и чудесными дѣлами. Его извѣстность загремѣла съ заговора и убійства въ мечети Гамзатъ-Бека. Старая мечеть Хунзаха не та, гдѣ было пролито столько крови. Войны давно разрушили ее. Въ ея стѣнахъ были камни съ грузинскими надписями, говорившими, что здѣсь, въ Хунзахѣ, еще въ очень стародавнія времена до ислама было христіанство. Здѣсь же въ аулѣ уцѣлѣла гробница кадія Абдулъ-Муслима, который будто-бы ввелъ въ Аваріи исламъ.

Дагестанъ утомилъ меня своимъ однообразіемъ и я мечталъ скорѣе выбраться изъ этихъ горъ, ущелій, мертвыхъ плоскогорій, черныхъ пропастей. Мнѣ до смерти надоѣли эти полуотдыхи на довольно скверныхъ почтовыхъ станціяхъ, эта ѣда въ сухомятку, эти вѣчные перевалы, зигзаги дороги безъ конца вверхъ, зигзаги дороги безъ конца внизъ, и я выѣхалъ изъ Хунзаха еле забрезжилась заря, чтобы до вечера проѣхать какъ можно большее число верстъ. Въ 42 верстахъ за Хунзахомъ мы стали спускаться къ аулу Тлохъ, лежащему въ глубокой пропасти на берегахъ Андійскаго койсу, которое, слившись съ прежними, даетъ большую рѣку

Сулакъ. Спускъ къ Тлоху былъ такъ крутъ и такъ размытъ, что я предпочелъ хоть часть его продѣлать пѣшкомъ и не рисковать головой. Переѣхавши мостъ черезъ грозное Андійское койсу мы повернули къ западу и поѣхали противъ теченія, по самому берегу рѣки до селенія Ботлиха, куда прибыли черезъ два съ половиною часа по выѣздѣ изъ Тлоха. Ботлихъ большой красивый аулъ, весь въ орѣшинахъ и фруктовыхъ садахъ, съ массой оросительныхъ канавъ, красиво расположился по скату горы и такъ живо напомнилъ мнѣ заграничные уголки. Увы, это воспоминаніе было наружное, за то, какъ я почувствовалъ, что я въ европейской Азіи, а не въ Европѣ, когда пришлось, не раздѣваясь ложиться спать на жесткую нару и ждать ночного посѣщенія полчищъ всевозможныхъ милыхъ насѣкомыхъ, когда пришлось удовлетвориться чаемъ и утѣшать себя, что молоко, яйца и хлѣбъ бываютъ здѣсь только тогда, когда ихъ завезутъ сами пріѣзжіе. Со мной на сосѣдней нарѣ ночевалъ лезгинъ. Это мнѣ было по душѣ. Лезгины держатъ себя всегда съ достоинствомъ, вѣжливо, рыцарски. Онъ горячъ и самолюбивъ ужасно, страшно вспыльчивъ при самой ничтожной обидѣ и въ минуту бѣшенства способенъ на мѣстѣ всадить въ васъ кинжалъ. Мы съ нимъ разговорились. На мое счастье мой спутникъ довольно хорошо говорилъ по русски. Рѣчь зашла о томъ, что въ Дагестанѣ можно совсѣмъ спокойно путешествовать даже безъ оружія. Лезгинъ говорилъ, что всѣ убійства, которыя совершаются— большею частію слѣдствіе кровавой мести, которая

считается нравственнымъ и первымъ долгомъ для всякаго горца. Кто нарушитъ адатъ мести—тотъ самъ достоинъ презрѣнія. Не всегда требуется кровь за кровь. Есть срокъ, на который убійца долженъ покинуть свой аулъ и гдѣ живутъ имъ оскорбленные люди и тѣмъ выйти въ канлы, что значитъ изгнанникъ. Его могутъ убить родственники имъ убитаго и ихъ никто не обвинитъ за это. До исхода срока канлы не имѣетъ никакого покровительства, за то послѣ указаннаго срока, уплативъ извѣстный штрафъ, канлы имѣетъ право примириться и изъ врага дѣлается самымъ близкимъ человѣкомъ для оскорбленнаго когда-то имъ рода. Штрафы, смотря по мѣстности и по тяжести преступленія, бываютъ различны. Лезгинъ самъ присутствовалъ на одномъ обрядѣ примиренія канлы съ родными имъ убитаго. Штрафъ былъ что то около 300 рублей. Убійцу въ бѣлой одеждѣ, какъ въ саванѣ, привели во дворъ оскорбленной имъ семьи, куда онъ принесъ свое оружіе и покорно положилъ его на землю. Одинъ изъ родныхъ убитаго снялъ съ него шапку, погладилъ въ знакъ примиренія по головѣ, а мулла прочиталъ главу изъ корана и вражда забылась, а канлы сдѣлался членомъ семьи, замѣнивъ ей убитаго.

Лезгинъ досталъ изъ кармана просяной муки, помѣшалъ съ водой, поджарилъ на щепкахъ, съѣлъ это мѣссиво и, завернувшись въ свою бурку, заснулъ, какъ сурокъ.

Солнце застало меня далеко въ дорогѣ и форельное озеро Эйзелямъ, и аулъ Хой остались да-

леко позади. Озеро на такой высотѣ, похожее на вулканъ залитый водой, окружено гранитными скалами. Говорятъ, что форели водится здѣсь видимо невидимо. Хорошенькая царская бесѣдка, гдѣ останавливался для обѣда Александръ II, очень кокетливо усѣлась на берегу и оживила эту тихую альпійскую мѣстность. За озеромъ вскорѣ начался Керкетскій перевалъ (7,377 футъ) и съ высшей его точки оставалось всего 32¼ версты до Ведено. Видъ на Дагестанъ, съ его снѣговыми зубьями, и на ущелье рѣчки Хулкулау, сквозь которое виднѣются уже безграничныя степи и самъ поселокъ Ведено, были восхитительны и я не могъ оторвать глазъ отъ нихъ. Передо мной была Чечня, за мной оставался угрюмый, колючій Дагестанъ. Мы стали спускаться въ березняки и кленовыя рощи ущелья, переходя отъ одного зигзага къ другому и чуть не ежеминутно пересѣкая тихій ручеекъ Хулкулау. Вотъ и Чеченскій аулъ Хорочай съ глиняными сакдями подъ соломенными крышами, совсѣмъ уже не похожими на аулы лезгинъ. Вскорѣ я сидѣлъ въ Ведено, въ нѣкогда бывшей резиденціи Шамиля. Кромѣ красиваго положенія, большихъ укрѣпленій, казармъ, Ведено интереса никакого не представляетъ и, закусивъ и отдохнувъ съ часокъ, я отправился дальше, стремясь въ Грозный, гдѣ мечталъ сѣсть въ вагонъ желѣзной дороги. 23 версты мы спускались по хорошей почтовой дорогѣ въ ущельи рѣчки Хулкулау, которая глотала ручьи и рѣчки, дѣлалась многоводнѣй и грознѣе, и, проглотивъ рѣчку Гудермесъ, помчалась, какъ рѣка Бѣлая. Сама станція Эрсеной

съ небольшой каменной, четырехугольной крѣпостью на Черныхъ горахъ, густо покрытыхъ лѣсомъ чинаровъ и дубовъ, живописно расположилась при выходѣ изъ Чеченскихъ горъ рѣчки.

Въ Грозную я пріѣхалъ ночью, еле достучался въ какой-то гостинницѣ и, какъ подкошенный, полураздѣтый свалился въ кровать, даже не поглядѣвъ, какая она, и, утомленный и измученный безконечной дорогой, разбитый и исколоченный, я хотѣлъ только отдыха и отдался съ наслажденіемъ охватившему меня всего крѣпкому сну.

22.

По Сунженской линіи.

Грозный. Къ Петровску. Минеральныя воды. Къ Владикавказу.

Взяла довольно храбрыхъ воевъ
Неукротимая страна;
Молва гласитъ намъ имена
И жизнь, и подвиги героевъ.
Довольно труповъ и костей,
Пожрали варварскія степи;
Но ни огонь, ни мечъ, ни цѣпи
Не уничтожили страстей
Звѣроподобнаго народа!
Его стихія—кровь и бой,
Насильство, хищность и разбой,
И безначальная свобода...

(«Чиръ-Юртъ» Полежаева).

И такъ я былъ въ Грозномъ. Я проснулся отъ страшнаго зуда во всемъ тѣлѣ. Меня заѣли клопы. Я вскочилъ и вспомнилъ, какъ мы вчера еще летѣли по зигзагамъ дорогъ Дагестана, какъ я, измученный и истомленный, пріѣхалъ въ Грозный. Я заказалъ себѣ кофе, одѣлся и сѣлъ въ раздумьи. Я уже былъ въ Грозномъ, но былъ проѣздомъ, и старался теперь припомнить его прошлое. Здѣсь въ 1818 году генералъ Ермоловъ построилъ крѣпость Грозную. Она была тогда первымъ звеномъ новой военной линіи—Сунженской и, находясь далеко въ

Чечнѣ, давала возможность сдерживать мятежные чеченскіе аулы. Эта Сунженская военная линія значительно придвинулась къ горамъ и оставила за собой всѣ остальныя военныя линіи. Ермоловъ же выстроилъ цѣлый рядъ крѣпостей и съумѣлъ подавить дикіе набѣги и мятежи горцевъ и справедливостью и суровостью. Онъ увеличилъ торговлю, перенесъ военную линію изъ болотъ Терека въ болѣе здоровую мѣстность и устроилъ при мѣстныхъ минеральныхъ водахъ лѣчебныя учрежденія. Здѣсь въ Чечнѣ на всякомъ шагу вы вспоминаете этого удивительнаго человѣка, котораго умѣли цѣнить даже горцы.

Мнѣ вспоминались и разсказы Толстого о Чечнѣ, и «Валерикъ» Лермонтова и передъ моими глазами проносились всѣ эти свѣдѣнія и воспоминанія, точно туманныя картины, всѣ эти сраженія, поля, покрытыя трупами, эти осады крѣпостей и въ ушахъ раздавались дикіе и безумные крики фанатиковъ горцевъ «казаватъ».

Съ какой жадностью глядѣлъ я на эти мѣста, когда я проѣзжалъ ихъ впервые. Эти горы съ ихъ снѣжнымъ хребтомъ, эти зеленыя чеченскія горы— всѣ въ чернолѣсьи, эти степи полныя травъ и цвѣтовъ, по которымъ мирно катятъ свои воды, утомленные въ горахъ, Терекъ, Сунжа и Сулакъ. Помню, какъ мнѣ назвали мутную рѣку Аргуномъ и вдали я увидѣлъ знаменитое Аргунское ущелье, чернѣвшее въ сторонѣ, въ горахъ, своими воротами, гдѣ Шамиль задумалъ дать отпоръ русскимъ войскамъ, но былъ обойденъ и разбитъ. Вотъ передо

мною станція Аргунъ, съ ея кустовыми зарослями, рощами дуба и липы и тучами громко кричащихъ сиворонокъ. Это цвѣтущій аулъ, весь въ фруктовыхъ садахъ и пирамидальныхъ тополяхъ. Тихо и мирно въ немъ и мало вѣрится въ страшные разсказы и были, пролетѣвшіе надъ этими мѣстами.

— Это рѣка Гудермесъ, сказалъ мнѣ сосѣдъ по вагону, ѣхавшій со мной отъ Беслана.

Рѣка Гудермесъ летѣла въ глубокихъ песчаныхъ, словно ножемъ срѣзанныхъ берегахъ, изгрызенныхъ черными дырками гнѣздъ стрижей, вдали мелькнули аулъ Гудермесъ, съ его мечетью, весь въ фруктовыхъ садахъ. Къ сѣверу тянулась безбрежная степь, она стлалась за Терекъ, за Кизляръ, до самой Астрахани, а съ юга высились горы, кокетливо высовываясь одна изъ за другой. Хасафъ-Юртъ промелькнулъ съ своей многолюдной станціей и мы переѣхали рѣку Акташъ, заросшую серебристыми тополями. На берегахъ этой рѣки стоялъ громадный аулъ Андреево или Эндери, съ большимъ базаромъ, съ массою мечетей и школъ. Это былъ нѣкогда торговый центръ и Дагестана и Чечни, здѣсь былъ невольничій рынокъ, здѣсь продавали краденыхъ женщинъ и плѣнныхъ христіанъ. При Петрѣ Великомъ аулъ былъ разрушенъ, а теперь по другую сторону рѣки стоитъ крѣпость Внезапная, построенная Ермоловымъ и отбившая нападеніе Кази-Муллы съ его фанатическими полчищами.

Рѣка Сулакъ, эта три слившіяся дагестанскія койсу, мелькнула подъ нами. Сулакъ выходитъ у слободы Чиръ-Юртъ на плоскость изъ горъ. Очаровательная

мѣстность Чиръ-Юрта, нагроможденія разноцвѣтныхъ горъ отъ темно-зеленыхъ до голубыхъ и бѣлыхъ снѣжныхъ, бѣлая церковь у ихъ подножья, все представляетъ чудный, поэтическій уголокъ, полный заманчивой дали и удивительной живописности.

Затѣмъ потянулась степь, то красная, какъ пламя, отъ небольшаго степнаго мака, то желтая, отъ зарослей крестовика. Горы стали грознѣе и мертвеннѣе и тамъ, гдѣ онѣ подбѣгаютъ къ самому Каспійскому морю, онѣ обрываются грозными, молчаливыми утесами, по грудямъ которыхъ летитъ поѣздъ до Петровска.

Что это за скверный городишко Грозный, раздѣленный Сунжой на 2 части. Рѣка опоясываетъ городъ своей петлей съ трехъ сторонъ и ставитъ его такимъ образомъ, какъ бы на полуостровъ. Берега круты, какъ стѣны, и представляютъ естественную крѣпость, а со стороны степей въ Грозномъ были воздвигнуты укрѣпленія. Теперь черезъ рѣку переброшенъ мостъ. Зданія Грознаго—все бѣлыя мазанки, напоминающія Малороссію. На пыльной площади, гдѣ задыхаешься въ жару и тонешь въ грязи во время дождей, высится соборъ съ его зелеными луковицами. Интересъ городка исчерпывается только остатками крѣпости, да жалкой землянкой, въ которой яко-бы жилъ Ермоловъ. Грозный интересенъ теперь, какъ новый центръ добыванія нефти и васъ поражаетъ громадное количество наливныхъ вагоновъ на станціи и большихъ цистернъ. Теперь и въ Грозный спѣшатъ изъ окрестностей любопытные, когда здѣсь бьютъ нефтя-

ные фонтаны, не уступающіе бакинскимъ. Грозный окруженъ какъ кольцомъ, минеральными источниками, большею частью сѣрно-щелочными и очень высокой температуры. Въ 18 верстахъ источники Св. Павла въ Мамакай-Юртовскихъ минеральныхъ водахъ, далѣе Брогунскіе ключи или теплицы Св. Петра, открытые еще Петромъ Великимъ, тоже сѣрно-щелочные ключи, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ температуру въ 70 и одинъ, даже въ 73^0 по Реомюру. Въ 19 верстахъ отъ Грознаго лежатъ «Теплицы Св. Екатерины». Сѣрно-щелочная вода, крайне высокой температуры, течетъ ручьями изъ земли у подножія Терскаго хребта, сливается въ общую горячую рѣку, которую поглощаетъ Терекъ. При этихъ водахъ есть кое-какое благоустройство, есть что-то въ родѣ примитивныхъ купаленъ, напоминающихъ шалаши Ленкоранскихъ водъ и есть больница, остальныя наши минеральныя воды, гдѣ струится въ рѣки и уносится въ Каспійское море безконечное богатство и здоровье, совсѣмъ въ дикомъ состояніи. Минеральныя воды, находящіяся въ 5 верстахъ отъ чеченскаго селенія Исти-су, выходятъ изъ земли большими горячими ручьями и, сливаясь въ рѣчку Исти-су (горячая вода), текутъ въ большомъ изобиліи, но остаются въ полнѣйшемъ загонѣ.

Въ Грозномъ мнѣ говорили, что не смотря на тысячи неудобствъ, затрудненій и лишеній, ежегодно пріѣзжаютъ на всѣ эти группы Грозненскихъ водъ цѣлыя вереницы больныхъ, страдающихъ ломотами, наружными болѣзнями и ревматизмами. Цѣ-

лительность этихъ горячихъ сѣрно-щелочныхъ ключей поразительна и я слышалъ про нихъ не одинъ чисто баснословный разсказъ.

* *
*

Всѣ эти станціи, всѣ аулы этой линіи окопаны валами и рвами, но фруктовые сады, полные мира и тишины, раскидываютъ свои вѣтви и покрываютъ грозныя укрѣпленія прошлыхъ временъ. Что за красота всѣ эти большія селенія, съ ихъ бѣлыми домиками, съ ихъ церквами, подымающими свои купола изъ моря зелени. Персики, миндаль, курага, груша, алыча, пирамидальный тополь, все это мѣшалось въ чудный зеленый хаосъ, радостнымъ оазисомъ проплывающимъ мимо васъ. Горы какъ то отодвинулись и дали мѣсто воздѣланной степи, въ которой то тамъ, то сямъ жмутся сады возлѣ высокихъ пирамидальныхъ тополей, указывая па станицу. За Самашкинской станціей вскорѣ показалась Слѣпцовская. Все это прелестные уголки и поселки Терскаго Казачьяго войска. Вся Слѣпцовская станица—одинъ сплошной садъ, въ которомъ ютятся бѣлые домики нерѣдко подъ черепитчатыми крышами, съ пестро разрисованными ставнями и дверями, съ прихотливыми крылечками. Меня поражалъ этотъ достатокъ, эта сытость народа, которая сказывается во всемъ. Повсюду безконечные степные покосы, повсюду громадныя неисчислимыя стада всякаго скота, повсюду здоровыя и привѣтливыя лица казаковъ, повсюду чудные хлѣба, глядѣть на которые сердце радуется. Здѣсь въ Слѣпцовской ста-

ницѣ на кладбищѣ спитъ генералъ Слѣпцовъ. Это былъ герой, о которомъ до сихъ поръ сохранились легенды и самые восторженные отзывы. О его безкорыстіи и щедрости, о его храбрости и доблестяхъ ходятъ анекдоты и разсказы. Слѣпцовъ былъ убитъ въ дѣлѣ съ чеченцами подъ Гехами 10-го декабря 1851 года и теперь мирно спитъ подъ пирамидой изъ толстыхъ плитъ. Сунженцы поютъ многочисленныя пѣсни, восхваляя своего храбраго и любимаго генерала.

Мимо меня проплывали станица за станицей, всѣ въ садахъ, всѣ похожія другъ на друга, всѣ съ богатыми храмами по серединѣ, золотые куполы которыхъ горѣли на солнцѣ огнемъ. Горы большой Кавказской цѣпи словно придвинулись и ихъ снѣговые зубья заблестѣли и заискрились. Терскія горы тоже придвинулись. Цѣпи Кавказа словно выростали изъ земли, все выше и выше забираясь въ облака, которыя блестѣли дивными переливами, окутывая вершины Казбека, Дыхъ-Тау, Джимерай-Хоха, Адай-Хоха и другихъ гигантовъ.

— Здѣсь тоже есть сѣрныя воды, сказалъ мнѣ мой сосѣдъ по вагону, когда мы говорили съ нимъ о жалкомъ состояніи нашихъ курортовъ. Въ 9 верстахъ отъ Слѣпцовской станицы и всего въ 2-хъ отъ Михайловской находятся двѣ группы сѣрнощелочныхъ водъ. Одна съ температурой въ 20^0 по Реомюру—это Слѣпцовская группа, а другая въ 60^0—это Михайловская группа. Тоже безъ всякихъ удобствъ.

Поѣздъ нашъ остановился у Беслана и напра-

вился прямо на Владикавказъ къ самымъ горамъ.

Какъ я былъ доволенъ, когда улегся въ хорошую постель съ чистымъ бѣльемъ, прекрасно поужинавши въ хорошей гостинницѣ и запасшись мѣстомъ въ срочномъ мальпостѣ на Тифлисъ. Теперь я съ удовольствіемъ вспоминалъ и приключенія на Купинскомъ перевалѣ и всѣ невзгоды.

На слѣдующій день мнѣ предстояла дорога въ Тифлисъ по превосходному шоссе, а въ Тифлисѣ ждалъ меня мой спутникъ Тумановъ, которому я телеграфировалъ, что ѣду къ Арарату и на развалины Ани, куда прошу мнѣ сопутствовать.

Въ Владикавказѣ цвѣли липы и весь городъ былъ пропитанъ ихъ дивнымъ, сладкимъ ароматомъ. Я открылъ окно и застылъ на мѣстѣ при видѣ восхитительной панорамы горъ, освѣщенной луной. Снѣга сіяли серебромъ и жемчугами, черныя пропасти и ущелья—были еще чернѣе обыкновеннаго и неописуемая тишина, какъ печать смерти, висѣла надъ всей окрестностью. Долго я любовался заснувшимъ Владикавказомъ и его чудными горами, долго я вдыхалъ ароматъ липъ его бульваровъ, но вспомнивъ, что еще впереди у меня ранняя поѣздка, поспѣшилъ въ кровать.

На почтовой станціи въ Тифлисѣ меня встрѣтилъ Тумановъ.

— Я свободенъ, какъ птица, воскликнулъ онъ и теперь могу ѣхать съ тобой недѣли на три, даже на четыре. Въ какую гостинницу ты ѣдешь?

— Конечно, въ «Россію».

Устроившись въ номерѣ, мы сѣли за карту и въ 10 минутъ рѣшили весь планъ.

На слѣдующее же утро мы ѣхали на Акстафу по желѣзной дорогѣ и направлялись къ Арарату и въ Эривань, а затѣмъ въ Александрополь и въ Карсъ. Какъ хорошо, какъ легко было мнѣ въ гостинницѣ «Россія», въ этомъ большомъ, шумномъ Тифлисѣ.

— Не то, что на Купинскомъ перевалѣ, добавилъ Тумановъ, когда я громко высказалъ ему мое удовольствіе.

23.

Къ персидскимъ границамъ.

Ущелье Делижана и его красоты. Озеро Гокча. Севанкскій монастырь. Эривань. Мечети и дворецъ сардаровъ. Араратъ. Эчміадзинъ. Нахичевань.

Но чтоже сталось съ древней славой
Моихъ роскошныхъ береговъ?
Гдѣ храмъ иль замокъ величавый?
Гдѣ блескъ старинныхъ городовъ?
Лишь Араратъ не забываетъ
О славѣ скрывшейся моей
И влагой нѣжной онъ питаетъ
Мое русло, какъ мать—дѣтей.

(Изъ стихотворенія: «Слезы Аракса» Рафаэля Патканьянъ).

Мы двинулись по желѣзной дорогѣ въ сторону Баку, опять минуя окрестности Тифлиса, опять по громадной, изрѣзанной каналами, Караязской степи. На 88-й верстѣ, на большой станціи Акстафа, гдѣ начинается шоссе на Эривань, идущее дальше черезъ Джульфу въ Тегеранъ и въ сторону на Александрополь и въ Карсъ, мы покинули вагонъ и поспѣшили на почтовую станцію, гдѣ записались на мѣста до Делижана. Прямыхъ билетовъ до Эривани не давали. Кромѣ насъ записалось еще двое: офицеръ и армянинъ, а такъ какъ вчетверомъ мы

составляли полный комплектъ, то намъ обѣщались сейчасъ-же приготовить четырехмѣстную почтовую срочную коляску. Пока закладывали лошадей, мы отправились на вокзалъ Акстафы, гдѣ отобѣдали, и остались очень довольны хорошимъ буфетомъ.

— Ты этого Кавказа совсѣмъ еще не знаешь, сказалъ Тумановъ, этотъ Малый Кавказъ еще красивѣе Большаго.

— Позволь, возопилъ я, а Шуша? А Зангезурскій уѣздъ?

— Правда, это тоже чудные уголки Кавказа, но когда ты увидишь ущелье Делижана, самое красивое и поэтичное на всемъ Кавказѣ, когда встанешь лицомъ къ лицу съ Араратомъ, ты самъ сознаешься, что это лучшая экскурсія. Всѣ вы отлично знаете Военно-Грузинскую дорогу, Минеральныя воды, Тифлисъ, а этихъ мѣстъ никто не посѣщаетъ, ты одинъ изъ немногихъ такъ добросовѣстно изучаешь Кавказъ.

Мальчикъ съ почтовой станціи прибѣжалъ сказать, что лошади готовы, и мы заняли мѣста въ нашей коляскѣ. Я и Тумановъ заднія, какъ первые взявшіе билеты, офицеръ и армянинъ усѣлись противъ насъ. Кондукторъ затрубилъ въ свой рогъ и мы двинулись по невѣроятно пыльной дорогѣ. Жара была ужасная, пыль, отъ бездождья сдѣлавшись особенно ѣдкой, носилась душными клубами и обдавала насъ. Прямая, какъ стрѣла, дорога прорѣзала высохшую, унылую степь и только у мѣстечка Казаха скрылась въ сады. Платаны, орѣшины и дубы свѣсили могучія вѣтви и поражали своей си-

лой и могуществомъ. Пустынный, душный Казахъ съ его пыльной и на половину поросшей травой площадью, окруженной караванъ-сараями, казармами, бѣлыми домиками съ желѣзными крышами, духанами, словно вымеръ. Я недоумѣвалъ, отчего никого не видно, не слышно ни лая, ни говора, ни шума, словно весь городокъ былъ заколдованъ или палящее солнце выжгло здѣсь всякую жизнь.

— Всѣ жители ушли въ горы, спасаясь отъ жары, сказалъ Тумановъ, колодцы высохли, воды нѣтъ, оттого и лавки и дома заколочены. А вода здѣсь, въ степи, ужасно вредная, да и на Маломъ Кавказѣ стоитъ выпить ее и схватишь лихорадку. Здѣшняя вода, въ Казахѣ, пропитана гнилостными веществами, она совсѣмъ желтая, отъ нея прямо смерть.

За Казахомъ показалось татарское кладбище, такое-же скучное, безмолвное, безъ единаго кустика. Это какія-то каменныя, коричневыя плиты, поставленныя стоймя, издали словно толпа людей или стадо овецъ. Но вотъ потянулись поля пшеницы, въ которой мѣстами поднялись восхитительные гигантскіе платаны, мы съѣхали съ пригорка къ бурной рѣчкѣ Акстафинкѣ, остановились у спущенной заставы, гдѣ отъ кондуктора потребовали какія-то подорожныя деньги, и затѣмъ помчались по чудной, хоть и пыльной, дорогѣ среди полей къ синѣющимъ передъ нами зеленымъ горамъ. Вотъ и станція Узунъ-Талы у начала очаровательнаго Делижановскаго ущелья. Кругомъ высились холмы, громадные орѣхи и платаны, увитые виноградниками, образовали красивыя группы. На одномъ пригоркѣ под-

нялась башня—армянская молельня. Тутъ-же я увидѣлъ великолѣпные чугунные столбы съ двумя шкаликами каждый Индо-европейскаго телеграфа, идущаго черезъ Малый Кавказъ на Персію и Индію. Рядомъ съ этими столбами наши каряги съ телеграфной проволокой показались мнѣ такими допотопными и я почувствовалъ въ нихъ всю «Азію». Мы въѣхали въ долину, по которой реветъ и гремитъ свѣтлая рѣченка, кругомъ поднялись горы, покрытыя кустами и деревьями, повсюду повисли изящными фестонами ліаны и мнѣ почудилось, что я попалъ въ одну изъ очаровательныхъ долинъ сѣверной Италіи. Чѣмъ дальше, тѣмъ выше забирались мы въ эти поэтическія тѣснины. Скалы и утесы поднялись вдоль дороги, чудныя зеленыя горы, покрытыя очаровательными лѣсами окружили насъ. Что за платаны, что за орѣшины!

Разговоръ шелъ о разбойникахъ, но офицеръ какъ-то упорно отмалчивался.

— Онъ не хочетъ разговаривать съ нами, шепнулъ мнѣ Тумановъ на одной изъ станціи, потому что мы армяне.

— Что за нелѣпость! воскликнулъ я.

— Нѣтъ, это такъ, подтвердилъ онъ.

— Ну его! Я въ такомъ восторгѣ отъ ущелья!

Въ самомъ узкомъ мѣстѣ ущелья, тамъ, гдѣ природа напрягла усиленно свои силы, чтобы сдѣлать этотъ уголокъ очаровательнымъ, растянулось чисто-азіатское селеніе съ его пестрыми лавочками, полными азіатскихъ товаровъ, съ домиками, выставившими ихъ пестрыя галерейки. Это былъ Караванъ-

Сарай, такое восхитительное селеніе, полное востока, со всѣмъ его очарованьемъ и курьезной пестротой, полное неизъяснимой и дикой прелести, что впечатлѣнія его врѣзались въ мою память навсегда. Пока мѣняли лошадей, мы усѣлись у съѣстной лавочки, украшенной букетами бумажныхъ розъ и духанщикъ красавецъ—армянинъ подалъ намъ чай. Эта ревущая за домиками по камнямъ Акстафинка, эти восхитительныя горы, потонувшія въ какой-то роскошной растительности знойнаго юга, полной ароматовъ и красы, это курьезное село, черныя тѣни липъ и орѣшинъ, посаженныхъ вдоль дороги,— все довершало обаяніе Караванъ-Сарая.

— Вотъ красивый человѣкъ, шепнулъ я Туманову, указывая на духанщика. Кто онъ? Татаринъ?

— Нѣтъ, армянинъ, сказалъ Тумановъ и, поговоривъ съ нимъ что-то на своемъ языкѣ, снова повернулся ко мнѣ. Его зовутъ Мехагъ, что значитъ гвоздика. Не правда-ли поэтично?

Здѣсь въ Караванъ-Сараѣ все было поэтично и, когда лошади были готовы, я съ большой неохотой занялъ свое мѣсто.

Я не могъ не восхищаться мощной растительностью. Великолѣпныя туи торчали по скаламъ и скрашивали весь этотъ хаосъ барбарисовъ, акацій и шиповника. Мы ѣхали по карнизу надъ рѣчкой, все выше и выше забираясь по дивному ущелью, которое сильно съузилось. Длинные обозы и караваны то и дѣло задерживали насъ, заставляя осторожно объѣзжать по самому краю пропасти всѣ эти длинныя и массивныя повозки съ колоссальными коле-

сами и навѣсами изъ полотна на красныхъ или желтыхъ обручахъ, всѣ эти громоздкія и скрипучія арбы, нагруженныя всевозможнымъ товаромъ, связанныя одна съ другою длинной цѣпью, чуть не на цѣлую версту, всѣ эти безконечныя стада овецъ, коровъ, табуны лошадей. Крикъ, ругань, хлопанье бичей раздавались со всѣхъ сторонъ. Мы буквально лавировали, чтобы не слетѣть въ трещину Акстафинки и съ трудомъ выбирались изъ этого хаоса.

— Боже до чего хороша эта долина! воскликнулъ я, куда красивѣе Военно-Грузинской дороги, здѣсь все утопаетъ въ зелени, летаютъ сойки удивительной окраски, словно попугаи! Словно я не на Кавказѣ, а гдѣ-то въ Южной Америкѣ, на берегахъ Ориноко!

Поминутно вылетали эти удивительныя сойки, ярко раскрашенныя въ желтые и красные цвѣта, которые ярко сіяли на черномъ ихъ фонѣ.

За станціей Тарсачай, лежащей высоко въ горахъ, дорога дѣлается еще круче, еще красивѣе, пока вдали не показался городокъ или селеніе.

— Это Делижанъ, сказалъ Тумановъ, здѣсь намъ придется заночевать. Тутъ сходятся три долины. Это одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ Кавказа и сюда пріѣзжаютъ на дачу эриванцы, спасаясь отъ удушающей жары. Видишь горы покрыты соснами, что здѣсь большая рѣдкость. Здѣсь лѣтомъ никогда не бываетъ удушливаго жара.

Мы уже ѣхали по Делижану. Шоссе, оно-же и главная улица, сплошь застроено лавками, духанами и обывательскими домиками. Оставивъ вещи

на почтовой станціи, мы поспѣшили осмотрѣть городокъ, на вышинѣ 4200 футъ, въ одномъ изъ очаровательнѣйшихъ ущелій Кавказа. Весь городокъ прилѣпился къ горамъ высоко надъ Акстафинкой. Кругомъ поднялись горы, нѣкоторыя съ снѣжными вершинами, которыя высовывались своими ослѣпительными конусами изъ за зелени лѣсистыхъ скатовъ. Весь городокъ напомнилъ мнѣ Швейцарію, со всей ея поэзіей высокаго горнаго мѣста, съ всюду цвѣтущимъ ярко-желтымъ лютикомъ и ослѣпительно голубой красавицей альпійской незабудкой. Здѣсь много дачъ, разбросанныхъ по скатамъ горъ, и лѣтомъ сдаются всѣ домики. Здѣсь лѣтомъ стоитъ полкъ, приходящій изъ Эривани, и массивныя казармы усѣлись надъ рѣчкой красивой группой. Гостинницъ здѣсь нѣтъ. Возлѣ почтовой станціи сдаются два номера, грязные, несимпатичные съ подозрительной обстановкой востока. Въ серединѣ города выстроена низкая, очень некрасивая церковь съ большимъ и аляповатымъ, серебрянымъ куполомъ, въ которомъ такъ чудно играла вечерняя заря.

Мы услышали музыку и быстро поднялись къ чахлому бульварчику изъ акацій. Мы узнали, что вчера пришелъ сюда полкъ и что сегодня оркестръ привѣтствовалъ концертомъ горожанъ. Мы потолкались тоже среди полковыхъ дамъ и офицеровъ. Такъ пріятно было слушать попури изъ Фауста и мелодичные вальсы въ этой волшебной долинѣ Дележана, подъ зацвѣтающими акаціями, среди восхитительныхъ горъ, уже заволакивающихся на ночь въ сіяющія облака.

— Это нашъ курортъ, сказалъ Тумановъ. Только здѣсь и публика!

И онъ указалъ на усатаго казака, который обнявъ какую-то делижанскую дамочку съ большимъ букетомъ ирисовъ въ рукѣ, уводилъ въ сосновую рощу. Дама била казака по лицу цвѣтами и оба хохотали, какъ угорѣлые.

— Весна, пробунчалъ себѣ въ усы Тумановъ.

— Будь это мѣсто за границей, что-бы тутъ было, пожалѣлъ я, это былъ-бы всесвѣтно прославленный уголокъ.

Погулявъ еще, мы отправились на почтовую станцію, гдѣ поужинали, выпили чаю въ довольно сносномъ ресторанѣ и завалились на твердыя нары— спать, такъ какъ наша карета довольно рано уходила въ Эривань.

* *
*

Насъ разбудили на зарѣ и мы, усѣвшись въ экипажъ, тронулись изъ Делижана. Офицера уже не было, онъ уѣхалъ въ сторону по тракту на Александрополь.

Сейчасъ же за Делижаномъ начинался крутой подъемъ на перевалъ и высшія точки хребта Малаго Кавказа. Что это были за зигзаги и повороты! Мы безъ конца вились по горнымъ карнизамъ, все выше забираясь въ горы, оставляя за нами пышную растительность. На кленахъ листья стали меньше, нѣкоторые дубы еще не развернули вполнѣ своихъ листьевъ. Повсюду гремѣли ручьи, а когда пропали рощи, мы поѣхали вдоль восхитительныхъ

совсѣмъ бирюзовыхъ луговъ отъ альпійской незабудки. Здѣсь еще цвѣли яблони, а еще выше пропали и сосны и другіе кусты и потянулись луга съ ярко-желтыми лютиками, верониками и блѣдными купаленками. Становилось холоднѣе, дулъ рѣзкій вѣтеръ, который заставилъ насъ потеплѣе укутаться въ пледы. Показалось молоканское селеніе, занесенное сюда на вершину хребта на 7,000 футовъ въ эту безпріютную, совсѣмъ голую и унылую мѣстность. Это была Семеновка, русское селеніе ссыльныхъ молоканъ. Кругомъ еле зеленѣли пашни. Внизу хлѣбъ уже убирали, а здѣсь онъ еще далеко не поднялся. Мѣстами на поляхъ молокане еще пахали. Чѣмъ-то роднымъ повѣяло отъ этой русской деревни, занесенной такъ далеко въ горы, гдѣ не было ни кусточка, ни деревца, въ эти суровыя мѣста, гдѣ даже лѣтомъ было такъ холодно. Какое грустное впечатлѣніе произвело на меня это зажиточное и опрятное селеніе, эти сарафаны, красныя рубахи и родные ситцы, эти отставшіе хлѣба на поляхъ и эта скучная суровая окрестность почти на границахъ Персіи.

Дорога повернула съ безлюднаго Гюнійскаго хребта и мы стали спускаться. Вдругъ совсѣмъ неожиданно, взглянувъ впередъ, я увидѣлъ удивительный миражъ. Предо мною здѣсь, на этой страшной высотѣ 7 тысячъ футовъ,—лежало дивное синее море съ безконечною заманчивою далью, съ тѣмъ удивительнымъ синимъ цвѣтомъ, какой я видѣлъ у Адріатическаго и Средиземнаго морей. Я видѣлъ кусокъ Неаполитанскаго залива, чудомъ занесеннаго

сюда на альпійскую высоту, я слышалъ морской прибой, я видѣлъ сѣрыя вершины горъ, занесенныя снѣгами и не могъ понять, что это такое.

— Вотъ оно—это Севанкское море, сказалъ Тумановъ, это дивное озеро Гокча, эта гордость армянъ, называющихъ эту горную чашу, наполненную синей водой Геокчай и Гехамовымъ моремъ.

Озеро Гокча «синяя вода» просто поражаетъ своей красотой, своимъ 67 верстнымъ протяженіемъ и своими дикими, пустынными береговыми горами, которыя близь воды кажутся пепельно-сѣрыми, а затѣмъ дальше мало по малу переходятъ въ синій цвѣтъ.

Проѣхавъ татарское селеніе и спустившись съ горы, мы поѣхали вдоль утесовъ по выдѣланному по нимъ карнизу надъ сѣвернымъ заливомъ озера. Ребра утесовъ выступили отвѣсными стѣнами въ воду озера, которое ревѣло у ихъ подошвъ, а мы летѣли по крутымъ заворотамъ надъ пропастями и я съ ужасомъ глядѣлъ въ эти бездны, ежесекундно ожидая, что мы оборвемся и полетимъ туда внизъ. Такая дорога вилась на 15 верстахъ вдоль озера. Мы оставили за собой черный скалистый островокъ, напоминающій собой спину ныряющаго звѣря. Это былъ извѣстный Севанкскій монастырь, съ плохо различаемыми съ берега церквами. Еще 6 верстъ пути и мы въѣхали въ большое село Еленовку и остановились у почтовой станціи.

Первымъ дѣломъ мы заказали форель, эту шихапъ или князь-рыбу, какъ ее называютъ, прославленную вкусную форель съ ея бѣловатымъ мясомъ,

представляющую мѣстную достопримѣчательность, какъ одеколонъ въ Кельнѣ или кружева въ Брюсселѣ. На почтовой станціи хорошій ресторанъ и намъ быстро приготовили форель, которая не могла насъ оставить равнодушными.

Вторая достопримѣчательность Еленовки это Севанкскій монастырь, куда прежде ссылали опальныхъ монаховъ и куда можно добраться въ рыбачьей большой лодкѣ, нанимаемой въ селеніи у рыбаковъ. Въ благопріятную погоду 6 верстъ по водѣ проѣзжаютъ довольно быстро. Насъ встрѣтилъ монахъ въ небольшой бухточкѣ на монастырской пристани и мы поднялись на часть горы въ монастырь. Еще въ 4-мъ вѣкѣ просвѣтитель Арменіи Св. Григорій построилъ здѣсь на уединенномъ островѣ монастырь. Позже—здѣсь спасалась дочь царя Ашота, келію которой намъ показалъ сопровождавшій насъ монахъ. Интересна церковь, стоящая на вершинѣ горы, съ ея старинными украшеніями и удивительной дверью, покрытой такой мелкой и чудной рѣзьбой, изображающей цвѣты, надписи, символы, армянскую вязь, что невозможно скоро оторваться отъ этого восточнаго своеобразнаго рисунка.

Монахъ водилъ насъ и въ нижній соборъ, который не имѣетъ никакого интереса, и въ богатую ризницу, гдѣ хранятся разныя диковинки, между которыми, помню, былъ крестъ съ бѣлымъ камнемъ и этотъ камень передъ войной, по словамъ монаха, дѣлается краснымъ, а передъ чумою — чернымъ. Смотрѣли мы и тюрьмы, эти подземные, ужасные погреба, съ еле замѣтными окошечками, сырые и

молчаливые. Эти страшныя ямы могли бы многое поразсказать. Эти Севанкскія тюремныя кельи прямо ужасны и морозъ подиралъ у меня по кожѣ, когда я смотрѣлъ на эти черныя, холодныя дырья подъ землей, гдѣ чуть не заживо сгнивали люди.

Осмотрѣли мы и библіотеку, нѣкогда поразительно богатую, но неоднократно разоренную во время войнъ и погромовъ.

Осмотръ библіотекъ довольно тяжелая вещь для туристовъ, а въ здѣшней Севанкской всѣ рѣдкости погибли совсѣмъ курьезнымъ образомъ. Католикосъ Симеонъ, большой любитель древнихъ книгъ, рѣшился отправиться въ Севанкъ, чтобы лично ознакомиться съ тѣми рѣдкостями, которыя собирались вѣками. Островной монастырь былъ во всѣ тревожныя времена самымъ надежнымъ архивомъ и туда отправляли цари и народъ, монахи и ученые всѣ диковинки печатнаго дѣла, всѣ эти древнія псалтыри, евангелія, философскія сочиненія самыхъ отдаленныхъ временъ. Отъ времени книги пришли въ упадокъ, стали стары и имѣли самый ужасный видъ. Настоятель, боясь гнѣва католикоса, отобравъ книги въ хорошихъ переплетахъ, всѣ остальныя, всю эту старину, велѣлъ нагрузить въ лодки и тайно выбросить въ озеро.

Возвращеніе въ Еленовку было вполнѣ благополучно. Молокане поналегли на весла и мы летѣли по синимъ волнамъ озера, какъ птицы. Лошади уже давно были готовы и мы помчались дальше къ югу, спускаясь съ горъ, прорѣзая большіе участки, покрытые какими-то одуряюще-пахнувшими бѣлыми

громадными дягилями, выставившими свои большіе зонтики цвѣтовъ. Снѣжный Алагезъ поднялъ высоко надъ нами свои снѣга.

— Это Аракадзъ, указалъ мнѣ на него Тумановъ, онъ здѣсь владычествуетъ надъ всѣми окрестностями. Это гигантскій потухшій вулканъ, дремлющій подъ своими окаменѣлыми лавами.

Отдѣльно отъ всѣхъ горъ высилась вершина Алагеза, гигантское подножіе котораго въ видѣ массы скалъ и утесовъ раздѣлило долину Аракса отъ долины Арпачая и уступило по вышинѣ своихъ снѣговъ первое мѣсто только Арарату.

Станція Ахты у большаго татарскаго села осталась за нами, а съ ней и дорога въ сторону на Дарачичагъ, куда кочуютъ на лѣто эриванскій губернаторъ, губернскія власти и многіе изъ горожанъ, спасаясь отъ зноя и духоты, царящихъ въ Эривани. Этотъ Дарачичагъ лежитъ въ 7-ми верстахъ отъ станціи Ахты на громадной горной высотѣ и, хоть съ виду не представляетъ ничего особеннаго, все больше маленькіе молоканскіе домики настоящаго горнаго села, но публика здѣсь парадна, елегантна и блестяща. Ни гостинницы, ни ресторана нѣтъ въ этомъ мѣстечкѣ, а заѣхавшій сюда долженъ удовлетвориться ужаснымъ постоялымъ дворомъ. На окрестномъ холмѣ высятся развалины башни, стоящей упорно со временъ цвѣтущей Арменіи, еще выше— изгрызенные временемъ величественные остатки церквей, какіе то остовы и ребра, но и теперь въ своемъ разрушеніи говорящіе вамъ о своей былой красотѣ

и о высотѣ архитектуры счастливаго времени Армянскаго царства.

Дорога спускалась зигзагами съ горъ отъ Ахты къ Сухому фонтану и я впервые увидѣлъ Араратъ. О, я узналъ его тотчасъ-же. Ярко-бѣлая гигантская пирамида его рѣзала темно-синее небо. Что-то дѣвственное, возвышенное, священное сіяло въ его снѣгахъ, по которымъ уже многіе путники пробирались на вершину горы, считаемую недосягаемой для смертнаго. Парротъ, Беренсъ, Автомовъ, Спасскій, Абихъ достигли ее съ великими трудами, а за ними десятки людей пытались проникнуть на таинственную вершину и изрѣдка достигали ее.

И вотъ показался Малый Араратъ. Обѣ горы рѣжутъ небесную синеву своими снѣжными ризами, сидя на колоссальномъ общемъ каменномъ массивѣ или подножіи. Обѣ горы стоятъ совсѣмъ отдѣльно и поднимаются отвѣсными стѣнами изъ глубокой долины Аракса. Почти на 17 тысячъ футъ поднялся Араратъ надъ уровнемъ моря и господствуетъ надъ громадной окрестностью, заглядывая даже въ отдаленныя долины Тигра и Ефрата. Гора Ноя, гора ковчега, гора легендъ и преданій плѣнительно сіяла тамъ въ голубой дали и меня манило къ ней. Я чувствовалъ, какъ Араратъ подчинялъ меня себѣ, владычествуя надъ всѣми окрестными горами и людьми, какъ настоящій король. Священная гора всѣхъ окрестныхъ народовъ безъ предгорій и хребтовъ поднялась изъ глубины долинъ и сіяетъ своимъ ледянымъ маякомъ на сотни верстъ во всѣ стороны. Вѣрится, что именно на этой горѣ, полной удиви-

тельной гармоніи, красоты, необъяснимой святости и таинственности остановился Ноевъ ковчегъ.

Что за виды открывались съ каждаго зигзага дороги, когда мы спускались въ долину Аракса, по лугамъ, заросшимъ все тѣми-же гигантскими бѣлыми цвѣтами горнаго дягиля и ярко-лиловыхъ колокольчиковъ. Одуряющій и тяжелый ароматъ гигантскихъ и аляповатыхъ зонтиковъ, одѣтыхъ большими прилистниками и рѣзными зелеными кружевами листьевъ, долго преслѣдовалъ насъ на этихъ высокихъ горныхъ терассахъ. Внизу показались сады. Это была уже Эривань, которая все больше и больше развертывалась передъ моими глазами, а передъ ней, отдѣленный громадной долиной, высился Араратъ во всей своей чарующей красотѣ. Онъ переливалъ цвѣтами радуги въ своихъ снѣгахъ, онъ рѣзалъ небесную синеву своими дивными острыми вершинами и владычествовалъ надъ всей окрестностью. Только изрѣдка легкое облачко проплывало мимо и на минуту окутывало сіяющую вершину горы. Я не могъ оторвать глазъ и передъ Араратомъ померкли всѣ красоты кавказскихъ гигантовъ. Я чувствовалъ, что загипнотизированъ и совсѣмъ порабощенъ его красотой, величіемъ и чистотой.

Кони быстро несли насъ подъ гору и внизу нарисовалась Эривань съ своими садами, массою пирамидальныхъ тополей, бѣленькими домиками, иголками минаретовъ и манила къ себѣ своей красотой.

— Неправда-ли какъ отсюда плѣнительна Эривань? сказалъ Тумановъ, столько садовъ, столько тѣни, рядомъ вьется шумная Занга, а стоитъ въѣхать

въ городъ и всякое очарованье пропадетъ. Лѣтомъ здѣсь такая духота, такой адъ, что всѣ бѣгутъ изъ города, тѣмъ болѣе, что вода здѣсь ужасна. Здѣсь всюду носится зараза лихорадокъ и всякихъ болѣзней. Каждый глотокъ воды, каждое дыханіе можетъ быть зловредно, а вмѣстѣ съ тѣмъ Эривань имѣетъ много чарующаго.

Тумановъ былъ правъ. Послѣ нѣсколькихъ дней, прожитыхъ въ Эривани, я вынесъ тоже впечатлѣніе— чего-то цвѣтущаго, чарующаго, волшебнаго, какъ сказки 1001-й ночи, но вмѣстѣ съ тѣмъ душнаго, грязнаго, вонючаго. Помню, какъ мы промаялись одинъ день, когда температура поднялась почти до 50 градусовъ. Мы пролежали нѣсколько часовъ на кровати, обливаясь пòтомъ, не будучи въ состояніи двинуть ни рукой, ни ногой. Помню, какъ противно было даже мыться водой съ запахомъ болота.

— Да развѣ въ Зангѣ вода не хороша? удивлялся я, видя какъ эта гремящая, шумящая рѣчка мчится по ущелью, вздымая пѣнистые валы.

— Занга бѣжитъ по болотамъ, объяснилъ Тумановъ, и полна всякой дряни, водорослей, животныхъ, а главное зародышей глистовъ.

— А въ бассейнѣ, который на площади?

Но когда я увидѣлъ этотъ бассейнъ, хотя и узналъ при этомъ, что здѣсь вода родниковая, я болѣе своего вопроса не предлагалъ. Вода въ бассейнѣ была мутная, лягушечьи яица островами плавали по ея поверхности среди желтоватой слизи и весь бассейнъ имѣлъ видъ скорѣй клоаки, чѣмъ водоема. Но ни жара, ни духота, ни сѣрая пыль, ни

скверныя мостовыя, ни общій однообразный видъ города, выдвинувшаго на улицы свои глиняныя стѣны дворовъ и садовъ, ни тяжелыя условія жизни въ скверныхъ и неопрятныхъ до крайности двухъ наилучшихъ гостинницахъ, не могутъ вытѣснить впечатлѣній Эривани. Остатки восточнаго блеска со времени персидскаго владычества, удивительные сады, райская растительность, изобиліе плодовъ земныхъ, пестрая уличная жизнь, яркая, грязная, но поэтическая, сказочная, и виды съ Араратами, это все было такъ плѣнительно хорошо и такъ фантастично, что Эривань врѣзалась въ мою память на равнѣ съ красотами Гранады, Ривьеры и Константинополя.

Армяне считаютъ, что Эривань основана еще Ноемъ и что безчисленные и дивные виноградники, которыми полны долины Занги и Аракса, плоскогорья Араратовъ и Алагёза, произошли отъ лозы, посаженной нашимъ праотцомъ послѣ всемірнаго потопа. Но въ сущности городъ появляется на страницахъ исторіи впервые въ 7-мъ вѣкѣ, когда Арменію завоевали арабы.

Сколько разъ потомъ городъ переходилъ то къ туркамъ, то къ персамъ, пока генералъ Паскевичъ не взялъ въ 1827 году блокадою глиняную крѣпость, считавшуюся неодолимой. Паскевичъ получилъ титулъ графа Эриванскаго, а городъ, съ его полуразрушенными крѣпостными стѣнами и мечетями, сталъ русскимъ городомъ, хоть главные его жители: армяне, персы и другіе восточные народы.

Не смотря на сильную жару, раскрывъ наши бѣлые зонтики, мы отправились съ Тумановымъ бродить по улицамъ. Тѣнистый бульваръ прорѣзываетъ

по главной улицѣ городъ и даетъ возможность двигаться во всякое время дня. Это парадная часть Эривани, здѣсь и обѣ гостинницы, Францiя, въ которой мы остановились, и Лондонъ, съ пестрымъ фасадомъ въ восточномъ стилѣ, здѣсь-же и лучшiе магазины, скрытые въ аркады отъ палящаго солнца. Мы юркнули въ боковыя улицы и Тумановъ напрасно силился меня увести отсюда. Пестрая, восточная толпа, своеобразная, грязная, но пышная и яркая, увлекла меня всего. Нѣтъ больше наслажденiя для туриста, какъ бродить по невѣдомымъ улицамъ, толкаться въ чуждой восточной толпѣ, полной незнакомой намъ жизни и курьезныхъ обычаевъ, и я отдался со всѣмъ моимъ пыломъ страстнаго путешественника этимъ новымъ и чуднымъ впечатлѣнiямъ.

Мы были на Майданѣ, на этомъ пестромъ вонючемъ, грязномъ, полномъ всевозможныхъ нечистотъ, старомъ базарѣ. Мѣстами вонь была такая, что приходилось зажимать носъ, но толпы персовъ въ ихъ величавомъ покоѣ, черноглазые армяне, всевозможные горцы, турки въ ихъ характерныхъ чалмахъ, сотни верблюдовъ иословъ, махины разноцвѣтныхъ арбъ, фасонъ которыхъ дали вѣроятно колесницы Камбиза, пестрые ковры и циновки, все было такъ пестро и характерно, что нельзя было скоро уйти отсюда.

Наконецъ Туманову удалось увести меня и приковать все мое вниманiе къ великолѣпной новой мечети, въ украшенiяхъ которой соединилась вся характерная пестрота востока. Пестрые кафели стѣнъ, квадраты, зигзаги, синiе купола, увѣнчанные полу-

мѣсяцами, и высокій стройный минаретъ, такой же пестрый, какъ и вся мечеть,—составили вмѣстѣ одно прекрасное, ослѣпительное цѣлое. Сторожъ повелъ насъ на вершину минарета, откуда, съ крошечнаго балкончика, открылся просто волшебный видъ на городъ, на широкую долину, утонувшую въ плодовыхъ садахъ и виноградникахъ, на кряжи горъ и на священный Араратъ.

Дворъ Гей-Мечети, окруженный келіями муллъ, школами, судомъ, зимней мечетью и лѣтней, весь выложенъ каменными плитами и украшенъ по срединѣ фонтаномъ для омовенія правовѣрныхъ.

Вѣковыя и просто непроницаемыя по густотѣ вѣтвей персидскія деревья «налбанды» или религіозные вязы (Ulmus campetris var. umbraculifera) раскинули во всѣ стороны свои вѣтви и пріютили толпы отдыхающихъ отъ зноя и духоты персовъ. Нѣкоторые курили кальянъ, нѣкоторые, расположившись на пестрыхъ коврикахъ, пили чай. Тутъ-же расположились ловкіе цирульники и брили и стригли всѣхъ желающихъ. Я видѣлъ учителя-муллу, окруженнаго нѣсколькими мальчиками, которыхъ онъ обучалъ грамотѣ, еще дальше группа дѣтей читала коранъ, а старый мулла, весь въ бѣломъ, пояснялъ имъ священную книгу. О, какимъ востокомъ повѣяло на меня въ этой мечети!

Но самая главная достопримѣчательность Эривани—это старая, душная, полуразвалившаяся Эриванская крѣпость, созданная турками и поднявшаяся надъ отвѣсными обрывами и пропастями, въ которыхъ бьется и реветъ бѣшенная Занга. Мы въѣхали

въ крѣпость, которую Императоръ Николай I называлъ вполнѣ справедливо глинянымъ горшкомъ. Стѣны эти полуразрушены, но снизу съ моста черезъ Зангу и съ того берега, благодаря крутымъ обрывамъ и благодаря полному отсутствію зелени, имѣютъ импозантный и страшный видъ какого-то вымершаго стараго города. Груды обломковъ стѣнъ, кучи мусора, глубокій песокъ заставили лавировать нашъ фаэтонъ. Дивная полуразрушенная мечеть выступила изъ-за стѣны. Пестрая съ синимъ фономъ въ изумительныхъ кафеляхъ и изразцахъ, съ великолѣпнымъ куполомъ и двумя обломанными минаретами, она произвела на меня впечатлѣніе сказочнаго зданія. Всѣ ниши и балкончики сплошь покрыты самыми разнообразными и яркими кафелями, какіе могла создать только восточная фантазія. Здѣсь подъ сводами этой мечети пріютилась многотысячная толпа въ тѣ часы, когда бомбы русскихъ съ Паскевичемъ во главѣ не щадили городъ. Здѣсь подъ защитой Аллаха и пророка толпа думала спастись, но русская бомба ворвалась сквозь куполъ и сюда и съ трескомъ разорвалась въ мечети надъ смятенной въ ужасѣ толпой. Послѣ этой бомбы Эривань была взята.

Еще дальше на краю обрыва къ Зангѣ, стоитъ пресловутый дворецъ Сардаровъ. Это такой-же гвоздь Эривани, какъ Альгамбра въ Гранадѣ, какъ соборы въ Кельнѣ и Миланѣ. И со стороны Занги и со стороны двора—знаменитый дворецъ напоминаетъ сарай, подведенный для сохраненія подъ желѣзную крышу. Возстановлена только одна пріемная зер-

кальная зала бывшаго ханскаго дворца, но довольно увидѣть и эту залу, чтобы сразу понять, что за безумная роскошь царила тогда въ Эривани. Зеркальная зала ослѣпила меня до того, что въ первыя минуты я нашелъ ее и черезъ чуръ пестрой и аляповатой, но стоило немного побыть въ залѣ и всѣ ея украшенія, всѣ зеркальныя ячейки, всѣ пестрыя стекла, гигантскія портреты, рисунки на стеклѣ и на зеркалахъ выступили впередъ во всемъ ихъ странномъ, просто одуряющемъ восточномъ блескѣ. Ниши, двери, потолокъ—все это сплошное море зеркалъ, въ которыхъ играетъ солнце. Повсюду нарисованы какія-то странныя розы, лиловые касатики, эти любимые персами зуры, повсюду фантастическія птицы, а потолокъ—это сплошное море зеркалъ, поставленныхъ подъ различными углами, отражающихъ всѣ чудеса стѣнъ дворца и переглядывающихся съ солнцемъ, которое врывается пестрыми снопами лучей въ разноцвѣтныя окна. Два восхитительныхъ зеркальныхъ столба поднялись возлѣ стѣны со стороны двора. Здѣсь при сардарахъ не было стѣны, а спускалась только циновка, за которой былъ садъ, полный зуровъ, розъ и фонтановъ, безслѣдно истребленныхъ временемъ и войной. Въ стѣны вдѣланы портреты во весь ростъ. Тутъ и Шахъ-Абасъ и различные герои персидскихъ легендъ. Витязь Рустамъ, пестро одѣтый, съ какимъ-то сказочнымъ вооруженіемъ, свирѣпо глядѣлъ на меня, а его дочь, одѣтая въ мужской костюмъ, оставляла въ сомнѣніи мужчина это или женщина. Самъ Шахъ-Абасъ-Мирза, съ черной бородой, съ короной

на головѣ, въ синемъ халатѣ, отороченномъ мѣхами, сидѣлъ важно на пестромъ коврѣ, а рядомъ его сынъ, весь въ зеленомъ одѣяніи, съ краснымъ тюрбаномъ на головѣ, стоялъ вытянувшись во весь ростъ.

Въ сторону Занги, къ громадному и пестрому окну, сіяя зеркалами, вела ниша съ небольшимъ мраморнымъ бассейномъ и фонтаномъ, вдѣланнымъ въ бѣлый полъ и открывала такой дивный видъ, что всякій пришедшій не могъ не обратиться въ соляной столбъ, если въ его душѣ было хоть въ горчишное зерно—поэзіи.

Вся пропасть съ ревущей Зангой была у меня подъ ногами, дивный ханскій садъ поцнялъ по ту сторону рѣки свои орѣшины, пирамидальныя тополя и гналъ волнами упоительный ароматъ лоха. Внизу у моста на каменистыхъ островахъ, среди тополей и ивъ, прижались къ рѣкѣ плоскія мазанки—рисовыя мельницы, а вдали поднялся онъ, владыка здѣшнихъ странъ, сказочно-прекрасный Араратъ.

Куда ни пойдешь въ Эривани—отъ Арарата не уйти, онъ глядитъ и сквозь деревья большаго, но запущеннаго городскаго сада и мелькаетъ сквозь пышную зелень ханскихъ садовъ. По утрамъ онъ ясенъ и свѣтелъ и рѣжется своими конусами на небесной синевѣ, въ полдень его уже заволакиваютъ облака и часто онъ прячется въ вуали, не появляясь весь въ своей красотѣ.

Я смотрѣлъ на Араратъ отовсюду и изъ Эчміадзина, и изъ Игдыря, и изъ Аштарака, и съ разныхъ мѣстъ долины Аракса и не могу сказать, откуда видъ на него лучше. Повсюду онъ одинаково плѣнителенъ и никогда

нельзя насытиться этимъ видомъ, какъ видами на Неаполитанскій заливъ или на Адріатическое море. Я старался увидѣть монастырь Св. Іакова, разрушенный землетрясеніемъ и куда ежегодно собираются тысячи людей. Тамъ въ лощинахъ, незримыхъ мнѣ издали, плескалъ ключъ Св. Іакова, вода изъ котораго считается спасительной отъ саранчи, также какъ и скворцы, массами летающими по склонамъ Арарата и которыхъ будто-бы привлекаетъ вода источника. Эти птицы «тарби» уничтожаютъ саранчу. Многіе поселяне, на поля которыхъ налетѣла саранча, отправляются на Араратъ къ источнику Св. Іакова, гдѣ съ молитвой зачерпнувъ въ сосудъ воды, несутъ его всю дорогу въ полномъ молчаніи, ни разу не поставивъ сосудъ на землю, все время неся его въ рукахъ. Стаи тарби летятъ за сосудомъ священной воды и истребляютъ всю саранчу тамъ, гдѣ поселянинъ поставитъ свой сосудъ. Я много разъ видалъ этихъ милыхъ розовыхъ скворцовъ, они десятками садились на телеграфную проволоку и я каждый разъ вспоминалъ, какую странную связь они имѣли съ святымъ источникомъ могучаго Арарата.

— Говорятъ, разсказывалъ мнѣ Тумановъ, на Араратѣ есть громадные ручьи, бѣшеныя рѣки, но ни одна изъ нихъ не выходитъ въ долину, всѣ они поглощаются черными многочисленными пропастями. Взгляни на него теперь.

Я взглянулъ и замѣтилъ, что надъ вершиной большаго Арарата показался дымокъ, это было бѣлое облачко, которое образовалось отъ охлажденія

снѣговъ и льдовъ на вершинѣ горы. Было время, что Араратъ не только дымился, но изрыгалъ пламя, камни и дымъ, и шесть большихъ изверженій Арарата записаны въ историческія времена. Въ восьмомъ вѣкѣ было такое землетрясеніе по всей долинѣ Арпачая, что 40 дней царила мгла, погибло около десяти тысячъ человѣкъ, раскрывались зіяющія пропасти, поглощавшія цѣлыя селенія. Сами формы горъ и Большаго и Малаго Арарата говорятъ ясно и краснорѣчиво, что онѣ заснувшіе теперь вулканы. Они спятъ, занесенные снѣгами, чтобы когда нибудь вновь разразиться страшными изверженіями и наполнить цвѣтущую долину Аракса смертью и ужасомъ.

* *
*

Сады Эривани съ ихъ высокими глиняными стѣнами, полны фруктовыхъ деревьевъ, виноградныхъ лозъ, пирамидальныхъ тополей, орѣшинъ и всюду бѣлѣютъ кудри серебряной листвы прелестнаго лоха, удушающій, персичныйароматъ цвѣтовъ котораго напаиваетъ воздухъ на громадное разстояніе. И куда ни поѣдешь изъ Эривани, всегда приходится проѣзжать по дорогамъ сквозь густое и мощное кольцо этихъ садовъ, на первомъ мѣстѣ между которыми находится ханскій садъ, съ его задумчивыми аллеями, посыпанными краснымъ пескомъ и великолѣпными старыми деревьями. И дорога въ Нахичевань, и дорога въ Эчміадзинъ, Игдырь и на Араратъ, и дорога на старый Кегартскій монастырь, и Новый Баязидъ, всѣ онѣ вьются по лабиринту

тѣнистыхъ садовъ, между высокихъ глиняныхъ, скучныхъ стѣнъ, изъ которыхъ долгое время не можешь выбраться.

Первой нашей поѣздкой былъ Эчміадзинъ, куда ходятъ дважды ежедневно почтовыя линейки. Мы взяли фаэтонъ и помчались къ новой базарной площади съ ея красивыми сѣрыми аркадами, затѣмъ спустились къ мосту надъ Зангой въ виду Сардарскаго дворца и въѣхали въ царство садовъ. Дорога вилась среди стѣнъ, а Занга ревѣла и грохотала въ своихъ живописныхъ обрывахъ, крутясь, извиваясь и спускаясь въ равнину къ Араксу.

— Неправда-ли, здѣсь хорошо, восклицалъ не безъ пристрастія Тумановъ, Эривань удивительно живописна, ты видѣлъ эти домики и сады на Зангѣ! Удивительная красота.

— Да, очень красиво, соглашался я, вспоминая дѣйствительно прелестные уголки на Зангѣ, но ужъ больно вашъ городъ содержится по восточному.

— О, Арменія, дивная страна, воскликнулъ Тумановъ, не слушая меня. Сколько замѣчательныхъ людей-армянъ во всѣхъ областяхъ, сколько армянъ — университетской молодежи, а нашъ театръ, наша литература! Вотъ ты увидишь сейчасъ Эчміадзинъ. Это нашъ армянскій Іерусалимъ. Я увѣренъ, что ты будешь въ восторгѣ.

Выѣхавши изъ лабиринта садовъ, мы помчались по безконечной равнинѣ, полной рисовыхъ плантацій, почти совсѣмъ наводненныхъ и превращенныхъ въ пруды и болота. Вся равнина сплошь въ пшеницѣ, рисѣ, кунжутѣ, хлопчатникѣ. Вся она

вдоль и поперекъ изрѣзана чалтыками, канавами, арыками для орошенія полей, по которымъ мчится вода, проведенная изъ горъ. Тамъ и сямъ группы пирамидальныхъ тополей, необычайно стройныхъ и высокихъ, придаютъ особенный колоритъ всей долинѣ Аракса, съ ея маленькими селами, утонувшими въ фруктовыхъ рощахъ, и напоминающія острова. Безконечное число аистовъ бродило по болотамъ и канавамъ, отыскивая земноводныхъ, мѣрно шагая и придавая окраску востока всей долинѣ. Тысячи черепахъ, грѣвшихся на солнцѣ, прыгали въ канавы.

Я восхищался этой равниной съ ея Араратами и Алагезомъ, которыхъ раздѣлилъ Араксъ, образовавъ эти сады и нивы, эти поля и пашни.

Мы видѣли живописную красную развалину прежней татарской мечети, отъ которой осталось полуразвалившаяся башня, и затѣмъ, объѣхавъ длинный караванъ верблюдовъ, выѣхали на плоскогорье, сплошь покрытое лиловымъ шалфеемъ.

— Вонъ и Вагаршапатъ, указалъ мнѣ Тумановъ, показывая на кучи развалинъ глиняныхъ стѣнъ. Это селеніе совсѣмъ современное. Старинный городъ, прежняя столица Арменіи, почти совсѣмъ исчезла съ лица земли.

Все яснѣе и яснѣе обрисовывался силуэтъ церкви св. Рипсимы,*) самой старой въ Арменіи, архитектура которой послужила образцомъ для всѣхъ армянскихъ церквей. Среди грудъ мусора, окружен-

---

*) Выстроена въ 618 году.

ная стѣнами съ четырьмя башнями, предстала предо мной св. Рипсима. Церковь совсѣмъ заброшена. Что-то унылое, грустное во всей ея массивной, тяжелой, сѣрой постройкѣ, что давитъ и гнететъ. Осмотрѣвъ Рипсиму, мы не нашли интересными ни церковь Шогакатъ, окруженную высокими стѣнами и 8-ю башнями надъ ними, ни церковь св. Гайаны и подкатили прямо къ стѣнамъ прославленнаго Эчміадзинскаго монастыря. Пройдя ворота и аллею, мы подошли къ другимъ воротамъ и очутились въ центрѣ монастыря у самаго собора. Какъ изъ подъ земли выросъ передъ нами монахъ, заговорилъ по армянски съ Тумановымъ и мы отправились глядѣть всѣ достопримѣчательности этой резиденціи католикоса.

Сначала мы направились въ соборъ, очень тяжелый и некрасивый по архитектурѣ и невѣроятно пестро выкрашенный.

По преданію въ 303 году послѣ Р. Х. на этомъ самомъ мѣстѣ св. Григорію, просвѣтителю Арменіи, въ солнечномъ лучѣ сошелъ Христосъ и повелѣлъ выстроить здѣсь храмъ, отъ котораго монастырь получилъ свое имя: Эчміадзинъ, что значитъ: «сошелъ Единородный».

Крыша колонны и колокольня выкрашены малиново-красной масляной краской, рѣзкой и безвкусной, представляющей поразительное несоотвѣтствіе съ темными порфировыми стѣнами собора. Ажурныя, колончатыя башенки поражаютъ своими малиновыми колоннами, а синіе круги съ лицами святыхъ и пестрый всѣхъ цвѣтовъ радуги карнизъ у

средней большой башни просто рѣжутъ глазъ своимъ безкусіемъ и аляповатостью.

— Колокольня — коринфская, сказалъ монахъ, кругомъ персидскіе аркады, а церковь въ римскомъ стилѣ.

— А выкрашенъ онъ по армянски? спросилъ я.

Мы вошли въ храмъ и монахъ показалъ намъ мѣсто, въ видѣ часовенки на четырехъ колоннахъ, гдѣ явился Христосъ Григорію-Просвѣтителю, обратилъ наше вниманіе на образа фламандской живописи, потемнѣвшіе и мало-интересные, привезенные въ даръ собору армянскими купцами. Затѣмъ мы пошли въ ризницу, запертую на семь замковъ чугунными скрипящими дверями. Всевозможные сосуды, облаченіи, старинныя иконы, кресты и все, что быть надлежитъ въ ризницѣ. Диковинками являются: евангеліе, писанное въ 10 столѣтіи на пергаментѣ и украшенное миніатюрами, копье св. Якова и мощи его руки. Смотрѣли мы и монашескія кельи, окружающіе дворъ съ соборомъ, и типографію, гдѣ печатается армянскій журналъ «Араратъ», и гостинницу для богомольцевъ, и библіотеку съ ея двумя тысячами рукописей, и духовную академію, въ которой буквально нечего было смотрѣть, и которая оказалась простой 6-ти классной семинаріей. Единственное мѣсто плѣнило меня своей красотой. За монастырскими стѣнами выкопанъ громадный 4-хъугольный бассейнъ, выложенный бѣлыми камнями. Чудныя, тѣнистыя аллеи айлантовъ и бѣлыхъ акацій, обѣгаютъ задумчивый прудъ, а дивный снѣжный Араратъ глядитъ издалека на этотъ

очаровательный и тихій уголокъ. Необыкновенно зеленая вода среди бѣлыхъ каменныхъ береговъ отражаетъ и аллеи и башни собора и отдаленный Араратъ.

Мы усѣлись на берегу на ступень бѣлыхъ камней бассейна и оба погрузились въ молчаніе.

— А извѣстно тебѣ, обратился ко мнѣ Тумановъ, словно проснувшись отъ налетѣвшихъ грезъ, чѣмъ еще знаменита та зеркальная зала во дворцѣ сардаровъ?

— Ну? спросилъ я.

— Въ той самой нишѣ, изъ которой ты любовался видомъ на Араратъ, впервые были исполнены отрывки изъ «Горя отъ ума» подъ руководствомъ самого Грибоѣдова. Въ этой нишѣ былъ Пушкинъ и глядѣлъ въ это-же окно, какъ и ты, на чудный Араратъ.

Онъ замолкъ и видя, что я молчу, сталъ глядѣть куда-то вдаль.

— Вѣдь здѣсь на этихъ мѣстахъ бывалъ Александръ Великій, сказалъ я.

— О, заговорилъ оживляясь Тумановъ, армяне одинъ изъ самыхъ старинныхъ народовъ. Арменія была уже блестящимъ царствомъ до Семирамиды. Съ Вавилонскаго погрома начались ея несчастья. Римъ давилъ христіанъ, распиналъ ихъ тысячами, при царѣ Адріанѣ до 10 тысячъ христіанъ было распято на склонахъ Арарата, потомъ душили Арменію арабы, потомъ турки, потомъ персы, потомъ ее подѣлили, а духъ великой Арменіи живъ, особенно здѣсь въ этомъ монастырѣ, гдѣ онъ никогда не умретъ.

Въ тотъ же день мы посѣтили Игдырь, маленькій городокъ у подножій Арарата, съ красивымъ бульваромъ на главной улицѣ. Чтобы попасть въ Игдырь, мы должны были переѣхать Араксъ, а его-то мнѣ и хотѣлось видѣть. Араксъ мутный стремился подъ мостомъ по своей котловинѣ въ сторону моря, чтобы слиться съ Курой и съ нею вмѣстѣ добѣжать до Хвалынскихъ береговыхъ песковъ. По мосту намъ на встрѣчу шли верблюды.

— Ты долженъ быть удовлетворенъ, сказалъ мнѣ Тумановъ, ты видишь настоящую Азію на Араксѣ.

Видъ на Араратъ все время мѣнялся и, чѣмъ больше я смотрѣлъ на него, тѣмъ болѣе я привязывался къ нему и чувствовалъ какъ власть его надо мной дѣлалась все сильнѣе и сильнѣе. Къ счастью, изъ окна моей комнаты въ Эривани не было видно горы, а то я просидѣлъ-бы ночи, любуясь ея неописуемой и удивительной красотой.

* *
*

Несмотря на всѣ отговоры Туманова, я настоялъ на поѣздкѣ въ Нахичевань и мы отправились чуть не ночью изъ Эривани, имѣя 150 верстъ впереди. Только поздно вечеромъ пріѣхали мы въ Нахичевань усталые, замученные, пропыленные. Тумановъ все время ворчалъ на меня и я чувствовалъ свою вину. Вся дорога вилась по безконечнымъ степямъ, обогнула Араратъ, оставила его далеко за собой, прорѣзала скучную, однообразную, знойную мѣстность, а сама Нахичевань не выкупила ничѣмъ тѣ муки, которыя мы потерпѣли

за нее. Положимъ, это недурной городокъ на границѣ Персіи, съ многочисленными садами, съ мечетями, базарами и своеобразной восточной жизнью, болѣе персидскій, чѣмъ европейскій, съ прелестными монгольскими развалинами передъ въѣздомъ въ городъ, но, сознаюсь, не было необходимости ѣхать только ради этихъ, хотя и очень грандіозныхъ развалинъ, такъ далеко и такъ мучительно. Башня хановъ многоугольная грандіозная руина, стоитъ въ пустынной мѣстности. Передъ ней поднялась гигантская арка, что-то въ родѣ воротъ, съ двумя обломанными на вершинахъ очень красивыми минаретами. Тутъ-же рядомъ сохранились остатки громадной мечети. Здѣсь въ Нахичевани, говорятъ, Ной жилъ впервые по выходѣ изъ своего ковчега, такъ что это мѣсто—первое обитаніе человѣка послѣ потопа. Я приводилъ все это въ свое оправданіе, стараясь разгладить морщины на челѣ изломаннаго дорогой моего сотоварища. Я восхищался всѣмъ, чѣмъ могъ: и бульваромъ, и каналомъ, проведенномъ изъ рѣчки Нахичеванки, и видомъ на Араратъ, который какъ-то странно приходился теперь съ сѣверной стороны.

Пообѣдали мы отлично въ военномъ собраніи и послѣ бутылочки вина, Тумановъ вошелъ въ свои границы.

— Гадость—эта Нахичевань, ворчалъ онъ, вода въ каналѣ тухлая, пыль на улицахъ удушающая, того гляди еще расхвораешься.

Ночью насъ искусали москиты, а на зарѣ мы

двинулись опять обратно и, пріѣхавъ въ Эривань, проспали чуть не цѣлыя сутки.

— Ну, ужъ вы туристы, часто потомъ ворчалъ Тумановъ, одна одурь съ вами. И на кой чертъ поскакали мы въ Нахичевань!

Но я его утѣшилъ и, когда мы вполнѣ отдохнули, объѣздилъ съ нимъ различные армянскіе монастыри. Ѣздили мы и въ ущелье р. Гарни-чай, въ монастырь Айриванкъ или Кегартъ, очень напоминающій пещерные монастыри Крыма, весь высѣченный въ скалахъ. Смотрѣли около села Башъ-Гарни развалины древняго города Башъ-Гарни, съ красивыми остатками не то храма, не то дворца, восторгались прекрасной и грозной долиной рѣки Гарни-чай, ея вулканическими туфами и черными скалами. Смотрѣли мы и Хорвирабскій монастырь, гдѣ въ главномъ соборѣ находится яма, въ которую былъ брошенъ по приказанію царя Тиридата Св. Григорій и гдѣ онъ пробылъ около 13 лѣтъ. Монастырь стоитъ на грозной скалѣ, поднявшейся среди дикой и мертвой степи, поросшей молочаемъ и колючими солянками.

Это была наша послѣдняя экскурсія изъ Эривани и на слѣдующій день, нанявъ за 20 рублей фаэтонъ, случайно заѣхавшій тоже съ блуднымъ путникомъ сюда изъ Александрополя, мы отправились черезъ Алагезъ по болѣе близкому пути, чѣмъ почтовая дорога, но за то по болѣе опасному и дикому, пролегающему близъ вершинъ потухшаго вулкана.

24.

Среди развалинъ и крѣпостей.

Черезъ вулканъ Алагезъ. Александрополь. Развалины Ани. Карсъ.

Ободрись! До желанныхъ, до радостныхъ дней
Много крови прольется безплодной,
Но въ страданьяхъ, въ борьбѣ, другъ несчастныхъ людей,
Ты ищи свой вѣнецъ благородный.

Цатурьянъ.

Вертясь по лабиринту садовъ, мы взяли вправо и поѣхали по такимъ крутикамъ и камнямъ, по какимъ мнѣ приходилось ѣздить въ глухихъ сибирскихъ трущобахъ. Это была не дорога, а ужасное нагроможденіе камней разной величины.

— Слушай извозчикъ, возопилъ я, ты не туда ѣдешь. Тутъ дороги нѣтъ.

Фаэтонщикъ пробурчалъ себѣ подъ носъ, что онъ только что пріѣхалъ по этой дорогѣ изъ Александрополя въ Эривань. Мы промучились около часу, подымаясь на небольшой косогоръ—все еще среди густыхъ садовъ съ ихъ глиняными стѣнами. Наконецъ, сады окончились и мы выбрались на плоскогорье, душное прожженное солнцемъ, занесенное пескомъ.

Какъ мы его проѣхали—одному Господу Богу извѣстно и, если мы не измололись и заживо не сгорѣли, то считаю это просто за неописуемое чудо. Голая пустыня, безплодная, безграничная, одѣла всю эту плоскость, только внизу манила зеленая долина у подножій Араратовъ, да впереди поднимались прокаленные камни, мертвые потоки лавы и черные утесы Алагеза.

— Это не дорога, а адъ, ворчалъ Тумановъ, тутъ живой не доѣдешь.

Но мы доѣхали. Мы поднялись съ ужаснымъ трудомъ по очень живописнымъ скаламъ надъ черной трещиной до самаго Аштарака, лежащаго надъ пропастями среди густыхъ садовъ, мы миновали громадныя петли дороги и проѣхали церковь и монастырь св. Георгія, въ стѣны котораго вдѣланы каменные кресты, мы проѣхали селеніе Карпи, съ его живописнымъ монастыремъ надъ пропастью, и вскарабкались по чернымъ вывѣтрившимся лавамъ и по цвѣтущимъ горнымъ лугамъ къ монастырю Саму-Сабабъ, къ этой старой красивой развалинѣ, стоящей надъ черной бездной, съ шумящей въ ея глубинѣ рѣкой. Видъ на Арараты и всю долину Аракса, былъ восхитителенъ. Мы забрались на высоту, гдѣ еще только сѣяли хлѣбъ, и добрались до мѣстъ, гдѣ пропала всякая растительность. Около села Аликучакъ, намъ встрѣтились послѣднія ивы и мы въѣхали въ голыя лавы Алагеза, въ его суровое каменное царство. Мы пробирались между гребнями шлака, между стѣнами ноздреватаго туфа, а впереди дорога вилась безъ конца, все дальше и

выше, увлекая насъ на вершину потухшаго и занесеннаго снѣгами вулкана. И чѣмъ выше мы забирались, тѣмъ погода хмурилась сильнѣе, рѣзкій, холодный вѣтеръ слеталъ съ Алагеза, а черныя, тяжелыя тучи надвигались со всѣхъ сторонъ. Мы проѣхали около половины дороги, измучились ужасно и мечтали объ отдыхѣ. Фаэтонщикъ-армянинъ тоже съ безпокойствомъ глядѣлъ на небо и подгонялъ усталыхъ лошадей.

— Заночуемъ въ деревнѣ Сашабаранъ, сказалъ онъ, сейчасъ она будетъ, а на зарѣ отправимся.

Деревня Сашабаранъ настоящее разбойничье гнѣздо. Ни кустика, ни травки. Она, какъ гнѣздо орла, забралась къ вершинамъ Алагеза, почти совсѣмъ въ уровень его снѣговъ и засѣла въ черныя голыя лавы и обломки камней. Всѣ домики, если можно назвать эти примитивныя, сырыя, сдѣланныя изъ сваленныхъ камней и земли жилища—домиками, навели на меня ужасъ. Я просто недоумѣвалъ гдѣ мы priткнемся. Тумановъ ворчалъ и сердился, порицалъ туристовъ, а меня въ особенности, и злился на себя самого, что вздумалъ ѣхать со мной.

— Изволь ночевать теперь въ такомъ домишкѣ, говорилъ онъ, въ нихъ ужасная сырость, вонь отъ кизяка, насѣкомыя, да и деревня подозрительная. Какъ можно было не ѣхать по почтовой дорогѣ, гдѣ всѣ ѣдутъ!

Мы подъѣхали къ одному домишку. Онъ былъ устроенъ для проѣзжихъ. Это устройство заключалось въ томъ, что къ домику была приставлена отвѣсная лѣстница, лишенная нѣсколькихъ ступеней.

Мнѣ пришлось пожалѣть, что мы не акробаты, но все-таки мы довольно благополучно залѣзли наверхъ. Тутъ были двѣ клѣтушки. Даже не двѣ, а одна—ввидѣ душной и низкой каморки съ 2 нарами и кривымъ деревяннымъ столомъ на трехъ ножкахъ. Въ этой клѣтушкѣ уже сидѣло 6 человѣкъ проѣзжихъ, жара въ ней была невыносимая, а табачныя облака дѣлали воздухъ прямо вреднымъ. Другая клѣтушка—была крошечный корридорчикъ безъ всякой мебели, съ дверью, въ которую мы вошли сюда со сломанной лѣстницы и дымовымъ отверстіемъ въ другой стѣнѣ около маленькаго очага. Здѣсь царилъ сквозной вѣтеръ, тѣмъ болѣе, что ни дверь, ни отверстіе ничѣмъ не закрывались. Намъ предложили здѣсь остаться. Особенно пріятно это было уже по тому разговору, который вела пьяная компанія въ клѣтушкѣ рядомъ, гдѣ страсти за виномъ разгорались и кто-то кому-то угрожалъ ножомъ, а другой грозился всадить ему пулю. Ходъ былъ только черезъ насъ, тѣмъ болѣе, если-бы мы легли, то заняли-бы весь полъ корридорчика. Мы было возопили, но кромѣ этого помѣщенія ничего другого не было и мы должны были покориться. Намъ принесли какую-то скамейку, на которую поставили самоваръ. Подкрѣпивъ наши силы, мы стали просить, чтобы намъ закрыли чѣмъ нибудь дыру, тѣмъ болѣе что непогода ежеминутно усиливалась. Вершина Алагеза погрузилась въ непроницаемый мракъ и надвигались грозы, отъ громовъ которыхъ уже теперь дрожали черные камни вулкана. И ночь, и непогода налетѣли одновременно и превратили нашу

ночевку въ сплошную муку. Я не могъ сомкнуть глазъ въ этой сырости, при этомъ громѣ, отъ котораго тряслись горы, при этомъ неописуемомъ ливнѣ, отъ котораго ревѣли громадныя рѣки и потоки, летѣвшіе внизъ. Словно раскрылись небеса, словно Алагезъ извергалъ лаву и пламя, а рядомъ шумѣла пьяная компанія купцовъ. Въ концѣ концовъ, укутавшись въ пледъ, я свернулся и заснулъ, хоть непогода и грохотала, хоть ливнемъ мочило насъ сквозь плохо закрытую дверь, но усталость взяла свое.

Въ 5 часовъ я поднялъ фаэтонщика и велѣлъ закладывать лошадей. О вчерашней бурѣ и грозѣ не было и помину, только тяжелыя тучи обложили горизонтъ, уйдя съ Алагеза. Наши сосѣди крѣпко спали и ихъ храпъ дружно раздавался изъ за дверей. Мы помчались изъ противной деревеньки снова по лавѣ, между каменными бомбами, выброшенными вулканомъ, поднялись до самыхъ снѣговъ и стали спускаться съ другой стороны горы по альпійскимъ лугамъ, одѣтымъ золотыми лютиками и чудной синей незабудкой. Альпійскіе жаворонки привѣтствовали утро. Мы обогнули вершины Алагеза и быстро летѣли по лугамъ. Маленькое татарское кладбище осталось за нами. Одинъ памятникъ привлекъ мое вниманіе. Это была бѣлая каменная лошадь въ сѣдлѣ, аляповатая и курьезная. Фаэтонщикъ пояснилъ, что ее отрыли въ землѣ, копая могилу.

Спускъ сдѣлался круче. Мы двигались среди моря камней, миновали нѣсколько бѣдныхъ армянскихъ деревень, дома которыхъ были покрыты вы-

сушивающимся кизякомъ и стали спускаться на высокое плоскогорье. Вдали показался Александрополь.

* *
*

Въ самомъ Александрополѣ мало интереснаго. Это уѣздный городъ и большая крѣпость, съигравшіе свою роль, когда не было Карса, и теперь отдавшіе первенство этому послѣднему. Находясь на высокомъ и голомъ плоскогорьѣ, Александрополь очень страдаетъ и отъ стужъ зимой и отъ невозможныхъ жаровъ лѣтомъ.

Широкія улицы, окаймленныя характерными большею частью одноэтажными сѣрыми домиками, довольно мало оживленны и только въ рядахъ и базарахъ царитъ шумъ и суета. Александрополь полонъ церквей и, когда подъѣзжаешь къ нему, поражаешься массѣ высокихъ колоколенъ. Особенно красивъ Армянскій соборъ, онъ выстроенъ совершенно также, какъ старинный соборъ въ Ани. Тотъ-же планъ, та же внѣшность. Хороша большая церковь на базарѣ. Очень легки розовыя колонки маленькихъ башенъ и фигурчатыя розетки, прихотливо убравшія сѣрое массивное тѣло ея, выстроенное по образцу грузинскихъ церквей на Кавказѣ.

Сзади поднялась старая церковь, маленькая, пестрая, сложенная изъ разноцвѣтныхъ кирпичей съ оригинальной трехъэтажней башней, у которой первый этажъ квадратъ, второй восьмиугольникъ, а третій—изящная колоколенка, ажурная и легкая, состоящая изъ розовыхъ колоннъ, несущихъ высокій конусъ подъ желтой крышей. Весь городъ ле-

жить на холмахъ среди дивнаго амфитеатра горъ. Рѣка Арпачай протекаетъ въ 2-хъ верстахъ отъ города. Громадный военный городъ съ его крѣпостью съ громоздкой, низкой черной башней, съ полковою церковью, бастіонами, длинными рядами казармъ подъ красными рутинными крышами,—расположился на большомъ плоскомъ холмѣ и отдѣлился отъ торговаго города красивымъ крѣпостнымъ садомъ и кладбищенскими холмами. Въ рѣдкомъ городѣ такая масса кладбищъ. Они расположены по холмамъ и ихъ памятники живописно громоздятся своими причудливыми очертаніями на вершины. Я особенно любилъ глядѣть, какъ вырѣзались при закатѣ нѣкоторые каменные павильоны армянскаго кладбища своими черными силуетами колоннъ, подъ полукруглыми крышами. Среди всѣхъ кладбищъ самое интересное: «Холмъ чести» съ его хаосомъ прихотливыхъ памятниковъ, среди которыхъ нѣтъ ни единаго деревца или кустика. Вся эта мертвая мáсса крестовъ, пирамидъ, бесѣдокъ, часовенъ, обелисковъ—молчаливо поднимается на холмѣ, какъ щетина дикобраза. Всѣ эти памятники наставлены надъ русскими офицерами, павшими въ турецкія войны. Еще три холма, куполообразныхъ и пустынныхъ, тоже заняты кладбищами и всюду такъ молчаливо и грустно вырѣзаются силуэты каменныхъ бесѣдокъ и повсюду мертвый хаосъ камней, точно сами холмы сложены изъ одкихъ памятниковъ. Повсюду съ холмовъ открываются чудные виды на весь плоскокрышій городъ, на всю равнину Арпачая, крѣпость, на дивный, гигантскій, занесенный снѣгами Алагезъ и на цѣлый хребетъ

чудныхъ голубоватыхъ горъ, поднявшихся сплошной цѣпью съ сѣвера. Я часто взбирался на холмъ, усаживался на одну изъ могильныхъ плитъ и просто упивался видомъ горъ и безконечной равниной Арпачая, этой бѣшеной рѣки, мчащейся на своемъ высокомъ плоскогорьѣ, которое поднялось на высоту 5079 футъ, гдѣ теперь еще цвѣли вишни, а бѣлая акація еле покрывалась зеленью, когда въ Эривани и помину уже не было о кистяхъ ея цвѣтовъ.

Гвоздь Александрополя это развалины древней армянской столицы Ани, полныя удивительныхъ памятниковъ старины, лежащихъ приблизительно въ 40 верстахъ отъ Александрополя на каменистыхъ берегахъ Арпачая. Фаэтоны берутся въ городѣ на цѣлый день съ платой въ 10, 12 или 15 рублей, смотря по состоянію дороги и многоводности рѣкъ, которыя приходится переѣзжать въ бродъ. Мой фаэтонщикъ, привесшій меня изъ Эривани еще въ дорогѣ сговорился со мной насчетъ поѣздки въ Ани и въ условленный день рано утромъ подкатилъ къ нашему подъѣзду.

Ани одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ на землѣ. Чуть-ли еще не въ 4-мъ вѣкѣ упоминается въ армянскихъ лѣтописяхъ этотъ городъ. Во время управленія Арменіей фамиліей Багратіоновъ городъ Ани удивительно возросъ и украсился. Даже во время владычества побѣдителей—арабовъ, Багратіоны съумѣли своимъ политическимъ тактомъ и дальновидностью пріобрѣсти расположеніе завоевателей, сохранить свою власть и укрѣпить городъ. Это было въ 8 столѣтіи. Потомъ Ани сдѣлался резиденціей новаго Ар-

мянскаго царства и сталъ однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ городовъ. Позже его разоряли и сельджукскіе турки и монголы, отчего горожане бѣжали въ далекія страны, спасая свою жизнь. Въ 1319 году сильное землетрясеніе совсѣмъ разрушило городъ, землетрясеніе, отъ котораго полетѣли храмы и дворцы, дома и башни и Ани палъ въ груды развалинъ. Жители бѣжали, кто куда могъ. Теперь это море развалинъ, обломковъ, камней, еле стоящихъ башенъ, изгрызенныхъ стѣнъ и пещеръ, между которыми высятся грандіозныя руины соборовъ, дворцовъ и колоколенъ, поражающіе своимъ молчаливымъ величіемъ. Ани лежитъ на высокомъ каменистомъ плоскогорьѣ, которое обрывается пропастями въ одну сторону въ Арпачай, а въ другую въ впадающій въ рѣку ручей. Съ третьей стороны этотъ трехъугольникъ переходитъ въ унылую безконечную степь, покрывшую это высокое плоскогорье, и защищенъ стѣнами и башнями.

Послѣ долгой и многочасовой ѣзды, восхищаясь все время Алагезомъ и издалека глядящимъ Араратомъ, горѣвшимъ своей бѣлизной на солнцѣ, я замѣтилъ вдали нагроможденіе башенъ

— Ани, сказалъ фаэтонщикъ.

Да, это была блестящая столица средневѣковой Арменіи, о которой мнѣ прожужжали уши въ Петербургѣ всѣ армяне и видѣть которую мнѣ такъ пламенно и ненасытно хотѣлось, это былъ городъ царя Ашота, полный блеска, иностранцевъ и кипучей жизни... Трудно себѣ представить болѣе мертвую, скучную и пропаленную мѣстность, чѣмъ та, гдѣ

виднѣются развалины. Толстыя сѣро-желтыя башни поднялись надъ массивными стѣнами, вершины которыхъ упали отъ войнъ, времени и землетрясеній. Эти стѣны и многочисленныя башни выстроилъ Ашотъ III. Мы въѣхали въ узкія ворота подъ толстой башней и очутились въ странномъ царствѣ камней и башенъ, еле стоящихъ и готовыхъ рухнуть отъ малѣйшаго толчка, среди величавыхъ остатковъ прошлаго, куда печально глядятъ оба вулкана Араратъ и Алагезъ. Городъ былъ окруженъ двумя стѣнами, между которыми былъ корридоръ. Повсюду на воротахъ въ аркахъ уцѣлѣли куфическія надписи.

Все это величавое каменное царство густо поросло бурачкомъ (Sisimbrium Sophia L). Нигдѣ не было видно ни души. Мы подъѣхали къ крошечному домику армянскаго священника, который живетъ здѣсь въ страшномъ одиночествѣ и сторожитъ знаменитыя и драгоцѣнныя для армянскаго народа развалины. Одну половину домика занимаетъ скромный священнослужитель. Это комната съ очень бѣдной обстановкой, ясно говорящая, что ея обитатель терпитъ и нужду и невзгоды. Другая комната съ тремя нарами и столами предназначена для заѣзжаго народа — для отдыха и ночевки. Ко мнѣ вышелъ небольшой человѣчекъ, одѣтый въ монашескую потертую рясу, въ резиновыхъ калошахъ на плохо обутыхъ ногахъ. Его сѣдая борода развѣвалась на вѣтрѣ, а на головѣ одѣта была красная феска. Онъ быстро окинулъ насъ своими живыми глазами и, по просьбѣ Туманова, пошелъ съ нами. Онъ удивительно быстро засѣменилъ ногами и сталъ

двигаться между грудами камней. Онъ говорилъ только по армянски и, благодаря Туманову, его слова доходили до меня. Мы направились къ грандіозной руинѣ собора, великолѣпно сохранившейся. Соборъ будто-бы былъ построенъ въ 1010 году. Онъ хотя и поросъ травой, но его аркады вдоль наружныхъ стѣнъ, его щелевидныя окна съ барельефами вокругъ, фреска съ тремя святыми въ полукругѣ— сохранились довольно хорошо, хотя куполъ давно провалился. Ласточки носились громадными стаями и громко крича, залетали въ величавую развалину.

Осмотрѣвъ остатки живописи, уцѣлѣвшей по сводамъ и возвышенное мѣсто алтаря, армянскій батюшка въ одну минуту наговорилъ столько про соборъ, что потребовалось долгое время, пока Тумановъ все передалъ мнѣ по-русски. Мы видѣли рухнувшія башни, полныя величія и трагизма. Всѣ пласты, какъ циклоповы камни, лежали горами, мы видѣли колокольни и башни держащіяся, какъ на стебелькахъ, на тоненькихъ камняхъ и, казалось, довольно дуновенія вѣтра, чтобы уронить эти махины. Мы любовались колоссальными остатками тріумфальныхъ воротъ, лазали въ черныя пропасти къ Арпачаю, который шумѣлъ и гремѣлъ по мертвымъ чернымъ камнямъ и догрызалъ остатки многихъ колоссальныхъ мостовъ. Что-то мертвенное царило здѣсь повсюду. Точно здѣсь и природа вся заговорена, точно все это мѣсто проклято и умолкло навсегда. Я удивлялся, какъ старенькій, но живой батюшка скакалъ по крутикамъ и камнямъ, точно ему было 20 лѣтъ. Его красная феска, какъ бабочка, носилась впереди насъ.

Весь берегъ Арпачая былъ изрытъ пещерами. Массы такихъ же пещеръ, служившія жилищами для простаго народа, прободали всю сторону каменистаго холма, на которомъ стоитъ Ани и которая спускается къ ручейку. Большія пещеры служили магазинами и караванъ-сараями. Отъ Арпачая вели потаенные ходы, отъ которыхъ шли боковые ходы въ разныя стороны. Батюшка провелъ насъ въ цѣлый рядъ сохранившихся церквей. Мы видѣли церковь Св. Григорія съ ушедшими въ землю дверьми, украшенную фресками подъ сводами, осмотрѣли хорошо дожившія до насъ фрески въ Греческой церкви. Богъ Саваофъ, Успеніе Богородицы, разные святые до сихъ поръ украшаютъ стѣны уцѣлѣвшей церкви.

Осмотрѣвъ еще нѣсколько церквей, башенъ и грандіозныхъ обломковъ, мы добрались до великолѣпно стоящей надъ черной пропастью Арпачая мечети съ ея колоссальнымъ 8-ми угольнымъ минаретомъ, устоявшимъ отъ двухъ ужасныхъ землетрясеній. Дивный балконъ въ видѣ арокъ, висящихъ на красныхъ колоннахъ, открываетъ чудный видъ на трещины Арпачая, на обломки мостовъ, торчащіе изъ пѣнистыхъ волнъ. Потолокъ арокъ покрытъ оригинальными звѣздами изъ краснаго кирпича, а весь колоссальный минаретъ сложенъ изъ разноцвѣтныхъ камней и открываетъ сверху своеобразный видъ на весь мертвый городъ, на крѣпость, вскарабкавшуюся еще на болѣе высокій холмъ, на водопадъ Арпачая и на далекія панорамы снѣжныхъ горъ. Это зданіе было жилищемъ армянскихъ католикосовъ, а минаретъ былъ воздвигнутъ турками,

когда они взяли Ани, и это зданіе обращено въ мечеть. Осмотрѣвъ крѣпость, ея церкви, сохранившіяся въ нихъ фрески, мы двинулись уже еле живые, испеченные солнцемъ, еле волоча ноги, къ царскому дворцу или судилищу, какъ его тоже называютъ. Его стѣны сохранили еще свои ниши и цѣлые участки превосходныхъ арабесокъ и мозаикъ. Мы бродили по изуродованнымъ временемъ заламъ и любовались изъ оконъ видами. Особенно поразительно смотрѣли снизу дырья пещернаго города. Эти черныя дырья были началомъ длинныхъ улицъ подземнаго царства. Словно червяки люди источили скалы. Священникъ указалъ намъ во дворцѣ фонтанъ, красивыя ячейки и надписи по стѣнамъ, своды изъ черныхъ арокъ, опирающіеся на такія-же черныя колонны, и мы вернулись еле живые въ его домикъ, гдѣ закусили въ комнатѣ для пріѣзжающихъ закуской, которую привезли съ собой, угостили батюшку армянина и виномъ, и закуской, и чаемъ, отдохнули отъ томительной жары, отблагодарили нашего почтеннаго путеводителя и помчались по безконечнымъ степямъ въ Александрополь. Мертвый городъ остался за нами, роняя камень за камнемъ, низвергая свои башни и стѣны, стирая свои надписи и барельефы.

* *
*

Дорога въ Карсъ вьется по берегу Арпачая и у станціи Аргино даетъ возможность полюбоваться колоссальной и живописной развалиной не то церкви, не то караванъ-сарая, съ его массивными разрушенными арками. Я ѣхалъ на перекладныхъ. Ту-

мановъ уѣхалъ въ Тифлисъ, куда его требовали телеграммой по дѣламъ. Мы въ одно время выѣхали съ нимъ, я въ Карсъ, а онъ въ Тифлисъ.

— Я даже радъ, что мнѣ не приходится ѣхать въ Карсъ, сказалъ онъ, у меня откровенно скажу, не хватило-бы духу отказаться, но телеграмма...

— Пришла очень кстати, добавилъ я.

— Да, я ужасно усталъ отъ всей этой тряски, путешествій и удивляюсь только тебѣ.

Отъ Аргино до Паргета $21^3/_4$ версты и вся дорога пролегаетъ по скалистой и грозной мѣстности, а за станціей Заимъ, бывшей турецкой деревней, на притокѣ Карса-чай выстроенъ еще турками курьезный мостъ съ пестрыми колоннами.

Проѣхавъ большую молоканскую деревню Меликой, перемѣнивъ почтовыхъ лошадей, я помчался по ущелью рѣки Карса-чай, которая отъ самаго Аргино бѣжала вблизи нашей дороги. Ущелье все болѣе и болѣе съужалось и превратилось въ такой узкій, мрачный корридоръ, что рѣка заняла все пространство, оставивъ узенькую, еле проѣзжаемую полоску земли, выгрызенную у утесовъ для дороги. Это ущелье по своей дикости и грандіозной красотѣ, заставило меня вспомнить такое-же дивное ущелье рѣки Укъ въ южномъ Уралѣ. Проѣхавъ громадные развалины, мы стали приближаться къ Карсу и вскорѣ въѣхали въ его узкія и однообразныя улицы. Трудно себѣ представить болѣе душный, пустынный городъ. Это даже не городъ, это какое-то сліяніе черныхъ, угрюмыхъ скалъ съ ихъ пропастями и сѣрыхъ до томительности однообраз-

ныхъ, низкихъ, плоскокрышихъ домиковъ, громоздящихся на эти скалы. Ни деревца, ни кусточка, ни самаго ничтожнаго клочка луга, ни пучка дикой травы. Все черно, прокопчено дымомъ пороха, все мрачно и надъ всѣмъ владычествуетъ старая черная крѣпость, съ ея толстыми башнями и стѣнами, выстроенная еще султаномъ Мурадомъ III-мъ. Только иглы минаретовъ поднялись то тамъ, то здѣсь и нѣсколько оживляютъ мрачную картину города. На берегу Карса-чай находится такъ называемый Рай. Это крошечный цвѣтничекъ съ деревьями, которыхъ не наберется до двухъ десятковъ. Я погулялъ по двумъ дорожкамъ, параллельно пролегающимъ по жидкому садику и подивился этому отсутствію деревьевъ. Мнѣ говорили, что гдѣ-то въ окрестностяхъ Карса есть еще маленькая группа деревьевъ, куда горожане ѣздятъ гулять. Раемъ, вѣроятно, этотъ садикъ названъ потому, что здѣсь находится ротонда, гдѣ танцуютъ горожане дважды въ недѣлю. Карсъ имѣетъ одну достопримѣчательность въ видѣ памятника старины. Это теперь православный соборъ, бывшій громадной мечетью Авлебъ-джами во время владычества турокъ, а еще раньше армянскимъ соборомъ 12-ти апостоловъ. Кладбище и форты кольцомъ окружаютъ городъ. Здѣсь кладбищъ еще больше, чѣмъ въ Александрополѣ. Турецкія полны стоящими каменными плитами, украшенными фесками и тюрбанами, и каменными усыпальницами пашей, въ видѣ бесѣдокъ, тюрбэ. Русскія и армянскія полны памятниковъ надъ павшими здѣсь въ войнахъ защитниками Карса и осаждавшими его. И

эти кладбища еще болѣе усугубляютъ мертвый и грозный видъ Карса. Карсъ, съ его фортами, считался неприступной и неодолимой крѣпостью и еще въ 9-мъ вѣкѣ назывался у грузинъ: «сильная крѣпость». Онъ переходилъ къ армянамъ, персамъ, туркамъ, пока Мурадъ не выстроилъ неодолимой крѣпости. Русскіе брали его дважды и въ послѣдній разъ онъ остался за Россіей. Онъ окруженъ неодолимыми сторожами. Всѣ окрестныя высоты кругомъ на большомъ разстояніи вокругъ города, покрыты грозными фортами, а сама крѣпость, выстроенная еще Мурадомъ, занимаетъ главный центръ и, чтобы въ дни войнъ можно-бы было обстрѣливать весь городъ, ему уже теперь придаютъ планъ вѣера. Всѣхъ фортовъ теперь 14, всѣ они соединены прекраснымъ шоссе, всѣ открываютъ интересные виды и всѣ непроницаемы для проѣзжаго безъ особаго разрѣшенія отъ коменданта. Самые интересные форты это Мухлисъ и Карадагъ, соединенные такой гигантской и грандіозной лѣстницей, что отъ ея ступеней пестритъ въ глазахъ. Лѣстница поднимается отъ рѣки Карса-чай и подходитъ къ Карадагу, а другая поднимается отъ рѣки прямо къ Мухлису. Обѣ лѣстницы вмѣстѣ, покрывъ два склона горы, представляютъ изъ себя колоссальный зигзагъ въ 1.200 ступеней. Эти лѣстницы выстроены, чтобы сократить зигзаги горныхъ дорогъ. Но подниматься по этимъ лѣстницамъ невѣроятно утомительно. Мнѣ разсказывали, что солдаты стараются избѣгать лѣстницъ и предпочитаютъ болѣе длинные зигзаги дорогъ, причемъ выигрываютъ и во времени. Глядя

на всѣ эти форты, на страшныя каменныя твердыни, которыя здѣсь созидаются на каждомъ шагу, понимаешь, что теперь Карсъ превращается въ настоящую «неодолимую крѣпость» и что онъ пользовался этимъ именемъ до сихъ поръ вполнѣ несправедливо.

Переночевавъ въ Карсѣ въ довольно порядочной гостинницѣ «Америка», я на другой-же день уѣхалъ въ Александрополь, а оттуда на Делижанъ.

Поднявшись по Джураковскому спуску, который растянулся зигзагами по грудямъ пустынныхъ горъ на разстояніи 9-ти верстъ, я очутился совсѣмъ въ альпійскихъ лугахъ чуть не рядомъ съ снѣгами. Это водораздѣлъ между Арпачаемъ и рѣкой Бамбакомъ, къ которой я спускался по длиннымъ трещинамъ и скучной до невѣроятія мѣстности. Каскады ручьевъ летѣли по другимъ трещинамъ, мчась въ ревущій гдѣ-то далеко внизу Бамбакъ. Въ долинѣ рѣки за станціей Амамлы, близъ селенія Сэраня, верстъ 10 не доѣзжая до Караклиса, тоже большаго татарскаго селенія, я замѣтилъ на берегу ревущей рѣки маленькій синій обелискъ. Это памятникъ маіору Монтрезору. Здѣсь погибъ весь отрядъ въ 350 человѣкъ съ маіоромъ во главѣ, окруженный 6-ю тысячами персіянъ. Всѣ они, эти герои, держались пока имѣли снаряды и патроны и, истративъ ихъ, всѣ до единаго погибли въ рукопашномъ бою.

Вдали на пригоркѣ бѣлѣлъ одинокій монастырекъ. Здѣсь около деревни Салари есть двѣ пещеры. Одна въ сталактитахъ, другая, еще болѣе красивая, полна естественныхъ сталогмитовыхъ колон-

надъ. Пробраться въ эти пещеры очень легко изъ деревни Салари или съ почтовыхъ станцій Амамлы или Караклисъ. Ужасно унылая мѣстность, пустынная и скучная тянулась до самой станціи Караклисъ, около деревни того-же имени, потонувшей въ зелени садовъ. Теперь мы ѣхали среди луговъ, полныхъ альпійскихъ цвѣтовъ и спускались къ станціи Гамзачеманъ, лежащей въ дикой романтичной мѣстности. Отсюда начался рѣшительный спускъ по дивнымъ рощамъ и колоссальнымъ зигзагамъ дороги. Появилась цвѣтущая черемуха, зазеленѣли деревья, все оживало съ каждымъ шагомъ по мѣрѣ спуска въ Делижанскую долину. Чудная весна царила здѣсь въ горахъ. Свѣжій листъ липы, молодая зелень дуба, привела меня въ восторгъ, а когда мы остановились у Кислыхъ водъ, минеральнаго источника, брызгающаго здѣсь въ горахъ, и я увидѣлъ опять цвѣтущіе кусты шиповника, я искренно порадовался, что оставилъ за собой царство скалъ и камня.

Къ вечеру я былъ уже въ Делижанѣ и упивался красотами его долины, его очаровательнымъ положеніемъ, панорамой снѣговыхъ горъ, торчащей всюду изъ за лѣсовъ, прислушивался къ реву Делижанки и поражался малой извѣстности этого дѣйствительно райскаго уголка. Спускъ по долинѣ внизъ былъ одно наслажденіе. Опять я пилъ чай у красавца Мехака въ Караванъ-Сараѣ и съ наслажденіемъ вспоминаю эти минуты много лѣтъ спустя.

Пріѣхавъ въ Акстафу, оправившись немного отъ дороги, я сѣлъ въ поѣздъ и возвратился въ Тифлисъ, въ свою гостинницу Россію.

25.

По долинѣ Куры.

Вдоль Куры. Гори. Пещерный городъ Уплисъ-Цихе. Атенское ущелье.

Заря блѣднѣетъ: поздно, поздно,
Сырая ночь недалека.
Съ вершинъ Кавказа тихо, грозно,
Ползутъ, какъ змѣи, облака,
Игру безсвязную заводятъ,
Въ провалы душные заходятъ.

Лермонтовъ.

Снова я сидѣлъ въ Тифлисѣ и вся поѣздка въ Ленкорань, къ Персидскимъ берегамъ, возвращеніе въ Баку и путешествіе къ Арарату казались мнѣ сномъ. Я остановился въ Тифлисѣ, чтобы захвативъ Туманова, выѣхать съ утреннимъ поѣздомъ на западъ въ цвѣтущія Имеретію и Мингрелію и, напившись, кофе, усѣлся въ дрожки и поѣхалъ на отдаленный вокзалъ.

Поѣздъ помчался по берегамъ Куры, въ названіи которой до сихъ поръ звучитъ имя персидскаго царя Кира. Уныла и сурова эта долина. Повсюду по скаламъ торчатъ обломки башенъ и монастырей, тоже бывшихъ крѣпостями, тоже защищавшихъ проходы и рѣки отъ мусульманъ, тоже взгромоздив-

шихся на недоступные крутики. По степямъ цвѣлъ макъ въ такомъ количествѣ, что онѣ пылали этимъ цвѣточнымъ пламенемъ и только мѣстами сіяли громадныя желтыя звѣзды козельцовъ, плоскія и яркія, да бѣлая кашка (Sisimbrium latifolium) снѣжными хлопьями цвѣтовъ спускалась къ Курѣ по крутикамъ скалъ.

Вотъ и станція Овчалы съ ея виноградниками, посаженными бесѣдками и пущенными по кольямъ. Маленькая деревушка улеглась на берегахъ бѣшено-несущейся Куры и подняла сѣрую церковку съ ея барабаномъ и конусомъ черепицъ вмѣсто купола. Гранатники, айва, орѣхи окружили домики. Снова потянулся огненный макъ, цвѣты котораго горѣли на утреннемъ солнцѣ до такой степени, что глазъ уставалъ глядѣть на этотъ красный коверъ. Скалы надвинулись къ Курѣ и придвинули Военно-Грузинскую дорогу. Вотъ и Мцхетъ при сліяніи Арагвы. Дивный видъ раскрылся на всю долину рѣки, до самой отдаленной Вороньей башни. Снѣга и ледъ горѣли на вершинахъ горъ, а у ихъ подножія пылалъ макъ. Что за пустынная, суровая мѣстность! Цминда-Самеба сверкала своимъ крестомъ, глядя на мчащійся поѣздъ и живописно лежащій внизу Мцхетъ. Арагва сіяла серебромъ, бросаясь въ мутную Куру у самыхъ стѣнъ пустынной, унылой, бѣлой столицы Грузіи. Вотъ и Мцхетъ остался сзади и поѣздъ остановился у станціи. Цвѣтущіе желтые дроки (Spartium), бѣлыя метлы таволги и кусты париковъ оживили немного каменныя голыя стѣны поднявшіяся надъ Курой, мчащей свои шеколадно-бурыя

струи между виноградниковъ и фруктовыхъ садовъ На одномъ изъ выступовъ показался замокъ, настоящее орлиное гнѣздо. Горные потоки съ шумомъ летѣли въ Куру. Какъ характерны эти бурыя горы, покрытыя отдѣльными кустами держи-дерева и крушиной; казалось, что выщипали всю кустовую заросль и нарочно оставили эти комочки зелени. Громадныя скалы, совсѣмъ изборожденныя морщинами, нависли надъ Курой, стѣны песчанника, продырявленныя черными пещерами и дырьями, поднялись на громадную вышину.

— Что за унылая мѣстность! воскликнулъ я, повсюду скалы, кое-гдѣ только трава да колючіе кусты.

— А гляди, въ низинахъ повсюду виноградники и фруктовые сады, защищалъ Тумановъ Кавказъ, ты ужасно несправедливъ.

Порой мелькали развалины, вѣроятно, здѣсь стояли крѣпости, защищавшія мосты черезъ Куру. Вотъ и станція Ксанка. На одной изъ голыхъ горъ поднялись живописныя развалины, съ зубчатыми стѣнами и полуобвалившимися башнями. Желто-бурыя развалины словно выросли изъ скалы, на которой онѣ стоятъ. Удивительно красивый и романическій уголокъ. Эти зубья, украсившіе четырехугольную башню, сползли на высокую стѣну, словно шипы василиска... Стадо овецъ спускалось съ горъ къ рѣкѣ. Столько мира, столько тишины было въ современномъ пейзажѣ, на который хмуро глядѣлъ грозный замокъ своими черными окнами.

За Ксанкой мѣстность стала еще болѣе уны-

лой и пустынной, и потянулись пустыри, поросшіе держи-деревомъ и бузиной. На телеграфной проволокѣ сидѣли небольшія птицы.

— Гляди, гляди, закричалъ Тумановъ, указывая на птицъ, это птицы святаго Якова.

— Это скворцы, отвѣтилъ я.

— Ну, да, пусть скворцы, волновался онъ, только это птицы св. Якова. Онѣ живутъ на Араратѣ около источника св. Якова и рѣдко прилетаютъ въ эти мѣста. Въ случаѣ сильной эпидеміи или другого бѣдствія—прилетъ этихъ птицъ означаетъ конецъ несчастія.

Я глядѣлъ въ окно вагона на отары овецъ, спускавшіяся къ рѣкѣ, на зубчатыя башни и остатки крѣпостей, которые все чаще и чаще встрѣчались намъ.

— Погляди на эти развалины башни, говорилъ я Туманову, словно два зуба поднялись на каменной стѣнѣ и глядятъ на извивы Куры.

Тумановъ былъ совсѣмъ равнодушенъ къ развалинамъ и это выводило меня изъ себя. Его гораздо болѣе интересовали шампиньоны, которые продавались по 20 копѣекъ за тарелку на станціи Каспи и вино.

На остромъ мысу, вдавшимся въ Куру, показались новыя развалины съ великолѣпной башней надъ самой пропастью.

— Знаешь, сказалъ Тумановъ, у насъ на Кавказѣ такая масса развалинъ, что онѣ давно намъ пріѣлись и я удивляюсь тебѣ, какъ тебя хватаетъ восхищаться всѣми этими башнями и стѣнами, гдѣ живутъ совы и летучія мыши.

Красивое село, окружившее церковь, затонувшее въ садахъ, мелькнуло мимо, а вдали тянулись безконечныя песчанныя горы, за которыми высились снѣжныя вершины. За станціей Гракали пустынныя горы подошли къ самой Курѣ и я увидѣлъ, что нѣкоторыя скалы были продыравлены пещерами, особенно одинъ каменистый мысъ былъ сплошь изрытъ черными дырьями.

— Это Уплисъ-Цихе, сказалъ Тумановъ, городъ высѣченный въ скалахъ, жилище троглодитовъ. Поѣздъ пролетѣлъ голую и дикую мѣстность и подошелъ къ Гори, одному изъ самыхъ оригинальныхъ городовъ всего Закавказья, лежащему въ широкой части долины Куры, окруженному великолѣпной декораціей снѣжныхъ горъ и находящемуся на перекресткѣ нѣскольких долинъ.

Гори произвелъ на меня странное впечатлѣніе. Весь плоскокрышій городъ, съ высокими дымовыми трубами, расположился у основанія громадной конической скалы, которая возвысилась среди равнинъ, на подобіе острова, и несетъ грозную и живописную крѣпость Горисъ-Цихе. Колокольни церквей и пирамидальные тополя поднялись надъ хаосомъ крышъ и окружили крѣпостную гору, отдѣленную рѣками Курой и Ліахвой отъ другихъ горъ. На самой вершинѣ грозной и пустынной скалы поднялась громоздкая крѣпость отъ которой сбѣгаютъ по сѣверозападному крутику внизъ до самой подошвы двѣ паралельныя стѣны. Между этими стѣнами мѣстами украшенными башнями, поднимается колоссальная совсѣмъ разрушенная лѣстница, прерванная семью стѣнами съ воротами. Трудно себѣ представить до

чего оригинальна и красива эта лѣстница между карабкающихся почти на отвѣсную скалу стѣнъ, прерванныхъ на неравномъ разстояніи поперечными стѣнами! Это одна изъ самыхъ неприступныхъ крѣпостей и не разъ въ ея стѣнахъ находили спасеніе грузинскіе цари и святыни при нашествіи турокъ, лезгинъ и другихъ народовъ. Устроившись въ гостинницѣ, мы полѣзли въ крѣпость, пройдя по главной улицѣ города съ ея магазинами, выдающимися далеко впередъ крышами пестро разрисованныхъ и окруженныхъ галереями домовъ. Изъ главной улицы намъ пришлось свернуть въ узкіе полутемные переулки, съ ихъ заборами, старыми домами и грудами камней, и, прошедши базаръ или Горійскіе темные ряды, съ ихъ характерной восточной жизнью и лавочками армянскихъ купцовъ, подошли къ крѣпости. Подъемъ на крѣпость былъ довольно мучителенъ но видъ вознаградилъ насъ за подъемъ. Снѣжныя горы, синяя даль, вся долина Куры, живописно разбросаны у подножія скалы, словно въ пропасти, городъ, скалы и утесы съ башнями и руинами, все было очаровательно хорошо.

Мы бродили по пустынной крѣпости, пугая стрижей и совъ, осмотрѣли церковку, съ уцѣлѣвшими фресками и нѣсколькими гробницами, и двинулись снова внизъ въ глубокую пропасть, гдѣ виднѣлся городъ.

Мы посѣтили нѣсколько Горійскихъ церквей, старыхъ и характерныхъ, между которыми особенно одна церковь Богородицы выдѣлялась своимъ почтеннымъ возрастомъ. Она совсѣмъ вросла въ землю и

приходилось спускаться внизъ подъ ея древніе своды, чтобы поглядѣть на старинный образъ, чуть-ли не 6-го вѣка, подаренный Юстиніаномъ Великимъ, и теперь такъ почернѣвшій, что трудно что-либо отличить на немъ. Красивъ и армянскій соборъ, съ его каменной башенкой и пестрыми изразцами, вставленными въ наружныя стѣны. Эти старые храмы придаютъ городу живописный и оригинальный видъ и Гори, настоящая старинная реликвія, стоящая чуть не съ доисторическихъ временъ, вполнѣ заслуживаетъ посѣщенія, особенно же благодаря двумъ поѣздкамъ въ окрѣстности и прогулкѣ на высокую коническую гору, на вершинѣ которой стоитъ церковь Св. Георгія. Эта зеленая, сплошь покрытая кустами гора удивительно красиво поднялась надъ городомъ и съ вершины своей открыла чарующій видъ на низины Куры, ея острова, на лежащій плоско городъ у подножія крѣпости, которая, какъ ощетинившійся ежъ, сползаетъ съ своего каменнаго пьедестала обвалившимися лѣстницами и стѣнами.

Двѣ любопытныя поѣздки изъ Гори, служащаго центромъ многихъ интересныхъ экскурсій въ горы къ старымъ монастырямъ, особенно интересны: это поѣздка въ городъ троглодитовъ Уплисъ-Цихе, лежащій въ 8-ми верстахъ на берегахъ Куры въ сторону къ Тифлису, и поѣздка въ живописное Атенское ущелье съ ея старымъ Сіонскимъ храмомъ.

Тумановъ распорядился насчетъ верховыхъ лошадей и намъ акуратно въ назначенный часъ привели двухъ коней, за пользованіе которыми въ Уплисъ-Цихе и обратно мы заплатили по 2 рубля.

Дорога по берегу бѣшеной Куры, среди камней и валуновъ, совсѣмъ невозможна для проѣзда по ней въ экипажѣ. Цѣлые участки были покрыты цвѣтущимъ сѣрно-желтымъ дрокомъ, цвѣты котораго облетали при малѣйшемъ вѣтеркѣ, а также розовымъ степнымъ миндалемъ. Скучная, однообразная, каменистая окрестность тянулась всю дорогу до самой грузинской деревеньки, съ старинной церковью, лежащей у подножія громадной каменной скалы, продырявленной пещерами.

Мы ѣхали среди земляныхъ лачугъ, убогихъ хатокъ, врытыхъ въ землю и представляющихъ собой самое примитивное жилье. Доѣхавъ до духана, мы остановились, сошли съ лошадей, которыхъ отдали подъ присмотръ духанщика, дождались тамъ нашего путеводителя, за которымъ бѣгалъ востроносый мальчишка, пока мы распивали бутылку мѣстнаго вина, и храбро направились прямо по плоскимъ крышамъ лачугъ къ черной и неприступной скалѣ, отдѣленной пропастями отъ остальныхъ скалъ и составляющей оконечность хребта Квернака.

— Туда немыслимо взобраться, воскликнулъ я, глядя на отвѣсныя черныя стѣны, глядѣвшія на насъ слѣпыми впадинами.

Когда мы подошли къ самой скалѣ, путеводитель грузинъ юркнулъ въ какую-то щель, я и Тумановъ за нимъ, и мы очутились въ узкомъ и крутомъ проходѣ, выдолбленномъ въ скалѣ и скрытомъ каменной естественной стѣной. Мы карабкались по этому узкому коррuдору, перескакивали черезъ камни, пугали массы блестящихъ ящерицъ и оги-

бали въ этомъ окружающемъ скалу проходѣ мысъ со стороны рѣки, которая шумѣла внизу. Только взобравшись наверхъ въ этотъ пещерный городъ, я понялъ, что тѣ черныя дырья пещеръ, которыя глядятъ на Куру, составляютъ небольшое количество ихъ. Главныя пещеры глядятъ на улицы этого страннаго города, вѣнчающаго съ доисторическихъ временъ черную скалу. Тутъ были крошечныя пещеры и громадныя залы, пещеры съ раздѣленіями, съ выдолбленными сидѣніями и ложами, съ многочисленными цистернами для дождевой воды. Что въ этихъ пещерахъ жили не дикари, искавшіе себѣ защиту, а люди съ извѣстной культурой и просвѣщеніемъ, доказываютъ тѣ слѣды арабской, старогреческой, готической и римской архитектуры, которые мы встрѣчаемъ здѣсь то въ видѣ каменной рѣзьбы, то въ видѣ выпуклыхъ бревенъ и досокъ, какъ потолокъ одной изъ большихъ залъ, очевидно бывшей общественнымъ зданіемъ, то въ видѣ колоннъ и арокъ, то въ видѣ розетокъ и вычурныхъ карнизовъ.

— Дворецъ Тамары, сказалъ грузинъ.

— У нихъ все дворцы Тамары, шепнулъ мнѣ Тумановъ.

Дѣйствительно, невозможно было и догадками опредѣлить, что было въ этихъ системахъ пещеръ. Очевидно, что большія и украшенныя играли роль общественныхъ мѣстъ.

— А я думаю, сказалъ Тумановъ, что это остатки какого-нибудь храма. Вѣдь говорятъ, что Уплисъ-Цихе существовалъ за много вѣковъ до Рождества

Христова. Можетъ быть это были языческія катакомбы. Мы вошли въ большую четырехугольную пещеру, потолокъ которой былъ высѣченъ въ видѣ бревенъ, а задняя стѣна составляла три арки на колоннахъ, за которой былъ входъ въ маленькую пещеру.

— Это большая зала-дворецъ, сказалъ грузинъ и повелъ насъ къ небольшой кирпичной церкви, очевидно построенной въ позднія времена, хоть навѣрное и этой старушкѣ шло уже далеко не первое столѣтіе. Храмикъ стоялъ открытый и грустно глядѣлъ полуразрушенными стѣнами на этотъ мертвый каменный городъ.

Изъ нѣкоторыхъ пещеръ, глядящихъ на Куру, открывался чудный видъ и на жалкую деревушку у подножія скалы, и на утесы по ту сторону Куры, тоже изрытые заброшенными и обвалившимися пещерами, будто-бы въ старину соединенными съ Уплисъ-Цихе посредствомъ тайнаго хода подъ Курой.

— Тайный ходъ къ Курѣ, указалъ намъ грузинъ на черное отверстіе, которое вело въ темную трубу, выдолбленную въ толщѣ известняковъ и спускающуюся къ самой рѣкѣ. Здѣсь по этому ходу, гдѣ прежде были ступени, тысячи водоносовъ спускались во время осады за водой. Мы рискнули было спуститься по этому желобу, но ноги ѣхали по обломкамъ камней и пришлось отказаться отъ этого спуска, продѣланнаго троглодитами, этими пещерными обитателями таинственнаго города.

Теперь въ этихъ храмахъ или дворцахъ, гдѣ

когда-то кипѣла бурная жизнь, ночуютъ пастухи, загоняя сюда, въ эти залы, свои отары овецъ, живутъ летучія мыши и совы, ползаютъ ящерицы и выводятъ птенцовъ каменные дрозды, громадными массами водящіеся здѣсь.

Я долго не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія Уплисъ-Цихе и, мчась на конѣ въ сторону Гори, постоянно оглядывался на черныя пещеры, провожавшія меня своимъ мертвымъ взглядомъ. Тумановъ былъ очевидно подъ тѣмъ-же впечатлѣніемъ.

— Чортъ знаетъ, сказалъ онъ, сколько вѣковъ тому назадъ выдолбили этотъ городъ! Странно, ужасно странно. Вотъ я во второй разъ уѣзжаю съ страннымъ чувствомъ и необъяснимымъ раздумьемъ, точно я заглянулъ въ другую жизнь и увидѣлъ что-то, чего не могъ себѣ до сихъ поръ представить.

Переночевавъ въ Гори, мы взяли экипажъ и отправились въ Атенское ущелье. Тумановъ былъ такъ милъ, что подчинялся всѣмъ моимъ рѣшеніямъ и возражалъ только тогда, если находилъ неисполнимыми мои желанія. Такъ онъ рѣшительно воспротивился противъ поѣздки въ деревню Руиси.

Атенское ущелье, по дну котораго протекаетъ притокъ Куры рѣчка Тана, заросло лѣсомъ и представляетъ прелестный уголокъ. Въ былыя времена здѣсь проходила дорога на Ахалцыхъ и вся эта долина была густо заселена. Разбойничьи набѣги лезгинъ опустошили цвѣтущую и заселенную Атенскую долину, жители бѣжали и теперь повсюду торчатъ уцѣлѣвшія развалины стѣнъ, башенъ, церквей, домовъ, каналовъ и цистернъ. Всюду вьется

плющъ, всюду ползетъ ломоносъ, одѣвая печальные остатки замковъ и церквей. Переѣхавъ Куру и оставивши за собой деревню Хидисъ-тави, мы въѣхали въ ущелье. Громадные клены, вязы, тополя, увитые цвѣтущимъ ломоносомъ, рощи айвы и боярышника одѣли горы и берега Таны. На одномъ изъ утесовъ поднялась живописная развалина замка, а на противоположной горѣ остатки Разденской крѣпости. На высокой горѣ, на недосягаемыхъ кручахъ, показалась маленькая церковка. Вѣяло цвѣтами въ этой чудной долинѣ, сжатой горами и украшенной развалинами. Главная достопримѣчательность ущелья — Сіонскій храмъ, поразительно красиво взгромоздившійся на высокій крутой конусъ, поднявшійся въ серединѣ ущелья. Великолѣпная лѣсистая растительность вскарабкалась къ стѣнамъ храма, сложеннаго изъ разноцвѣтныхъ камней. Его средняя толстая шести-угольная башня подъ пирамидой крыши красиво вырѣзалась на фонѣ окрестныхъ горъ, а вся церковь, съ ея пристройками, созданная при Грузино-Абхазскомъ царѣ Багратѣ 4-мъ въ XI вѣкѣ, есть копія церкви Св. Рипсиміи въ Эчміадзинѣ. Этотъ древній храмъ стоитъ во всемъ ореолѣ своей поэтической красоты и поражаетъ простотой и величіемъ. Мы поднялись на холмъ и вошли въ церковь. На насъ повѣяло прохладой подъ сводами полутемнаго храма. Полуразрушенный иконостасъ въ видѣ арокъ, покоящихся на четырехъ бѣлыхъ мраморныхъ колоннахъ, старыя попорченныя иконы и фрески 10 святителей и апостоловъ, сурово глядѣвшихъ со стѣнъ, опрокинутые

камни на мраморномъ полу храма—наводили грусть.

— Взгляни на ангела, указалъ я Туманову на фреску на стѣнѣ, изображающую Благовѣщенье. Что за лицо, что за дивная фигура! Сколько свѣта и счастья струится изъ его лица.

Тумановъ стоялъ также, какъ и я, совсѣмъ очарованный этимъ ангеломъ, распустившимъ свои серебряныя крылья и держащимъ въ рукахъ вѣтку бѣлой лиліи. И крылья, и цвѣты лиліи сіяли тѣмъ небеснымъ блескомъ, который озарилъ дивное лицо Божьяго посланника.

Всѣ стѣны Сіонскаго храма покрыты плитами съ замѣчательными скульптурными изваяніями. Тутъ и невѣдомый царь сидитъ въ высокомъ креслѣ, и порхаетъ какое-то страшное морское чудовище, и Самсонъ раздираетъ пасть льву, у котораго глаза хотятъ выскочить изъ орбитъ, и большой ассирійскій мущина въ длинной одеждѣ и съ завитками волосъ на головѣ, и какая-то восточная царица, и много другихъ.

Такъ одиноко и печально было въ этой забытой и красивой церкви, что мы поспѣшили подъ синее небо и въ цвѣтущее ущелье, гдѣ расположились завтракать подъ развѣсистымъ кленомъ.

Помню, какъ много лѣтъ позже, я ѣздилъ изъ Гори въ глубину Грузіи въ одно грузинское имѣніе Вэдрибисы. Пришлось въ Гори нанять фаэтонъ и ѣхать сначала по болотистымъ берегамъ Куры, сплошь заросшимъ зурами. Не разъ нашъ фаэтонъ застревалъ въ болотахъ, и косари, случайно бывшіе вблизи, вытаскивали насъ и только, когда мы

добрались до первыхъ холмовъ Малаго Кавказа, мы выѣхали изъ низинъ и затряслись по камнямъ. Тутъ были виноградники, характерныя грузинскія селенія и имѣнія грузинскихъ князьковъ, съ ихъ дикой жизнью, охотами, пирами, попойками, столь характерными въ этой странѣ.

Проѣхавъ деревни Нижнюю и Верхнюю Кехисджвари, переплывъ рѣчку Дзаму, спускающуюся въ Куру по очаровательной горной лощинѣ среди орѣховыхъ рощъ, въ которыхъ каждое дерево могутъ обхватить не менѣе 10 человѣкъ. Мы провели нѣсколько дней въ Вэдрибисахъ и я вкусилъ всѣ прелести этой жизни. Розы и пшаты были въ полномъ цвѣту, воздухъ напоенъ запахомъ цвѣтущаго винограда, мѣстность романтическая, горы, лощины и звонкая рѣчка—восхитительны. Кругомъ по горамъ виднѣлись развалины, Дзовретское ущелье рѣки Дзамы манило въ свои лѣса и мы совершали чудныя прогулки... Но по вечерамъ было нестерпимо, нельзя было выйти изъ дому. Гигантскія овчарки выпускались на волю и стоило имъ увидѣть на дорогѣ или во дворѣ человѣка, чтобы моментально разорвать его. Намъ случилось вечеромъ идти изъ одного селенія въ другое. Насъ провожали грузины. Стаи гигантскихъ собакъ окружили насъ, бросались съ глухимъ ревомъ впередъ и прыгали, оскаливъ зубы, передъ самымъ лицомъ.

— Ради Бога, баринъ, не маши, не двигайся, иначе разорвутъ. И приходилось идти три версты, не шевелиться, не отмахнуться среди бѣшеной стаи собакъ. Нашъ отъѣздъ изъ Вэдрибисы былъ тоже очень любопы-

тенъ. Тутъ всѣ ѣздятъ въ арбахъ, запряженныхъ волами. Мы тоже помѣстились въ колесницу временъ царя Ираклія и два сѣрыхъ вола потащили насъ по грузинскимъ дорогамъ. Черезъ рѣчку Дзаму мы переплыли благополучно, но на станцію Карели прибыли довольно измученные этой архивной ѣздой. Нечего и говорить, что въ имѣніи насъ кормили до отвалу всякими мало вкусными грузинскими явствами, а хозяева неоднократно привѣтствовали насъ пѣніемъ: мравалъ-джаміе.

Черезъ нѣсколько лѣтъ во время многоводной весны 96 года Дзама такъ страшно вздула свои воды, что снесла виноградники, селенія, вымыла орѣховыя рощи, обломавъ гигантскіе стволы деревьевъ и раззорила всѣ эти имѣнія, гдѣ мнѣ приходилось когда-то проѣзжать.

* *
*

Изъ Гори поѣздъ понесъ насъ по роскошнымъ плодороднымъ долинамъ Грузіи. Повсюду мелькали плодовые сады, и виноградники, и прекрасныя поля. Деревеньки и аулы затонули въ персиковыхъ и миндальныхъ деревьяхъ, а виноградники сбѣгали къ самой Курѣ. На лугахъ повсюду цвѣлъ лиловый грузинскій касатикъ (Iris Iberica), «зуръ», какъ его называютъ.

— Вонъ деревня Урбниси, указалъ мнѣ Тумановъ, здѣсь былъ городъ во времена Александра Македонскаго. Видишь церковка? Она одна только и интересна по старинѣ. Ѣхать туда, какъ ты этого хотѣлъ, совсѣмъ не стоило. А вотъ выше въ горахъ,

деревня Руиси, гдѣ былъ прежде тоже городъ и гдѣ жилъ царь Давидъ въ то время, какъ Тифлисъ былъ взятъ арабами. Здѣсь тоже интересна церковь съ серебряными складнями иконы Богородицы, пожертвованной Давидомъ.

У станціи Карели на высокой горѣ усѣлись развалины замка съ высокой четырехугольной башней.

— Въ этомъ замкѣ, сказалъ Тумановъ, разсказываютъ, жили два брата. Оба они полюбили одну дѣвушку и рѣшили бросить жребій, кто изъ нихъ долженъ жениться, кто броситься со скалы въ Куру. Судьба покровительствовала младшему брату и присудила ему красавицу изъ сосѣдняго замка. Старшій братъ бросился въ Куру и утонулъ. Красавица узнавъ о его кончинѣ, не пожелала идти за младшаго брата и ушла въ монастырь, а младшій братъ заперся въ замкѣ и никогда не выходилъ изъ него. Легенда разсказываетъ, что онъ и теперь сидитъ въ какомъ-то закрытомъ подземельи и что порой раздаются въ замкѣ его горькіе стоны.

Поѣздъ замѣтно начиналъ подниматься въ горы. Намъ встрѣчались цвѣтущія вишни, рощи корявыхъ тополей, съ только что распустившимися листьями, а на поляхъ синими пятнами виднѣлись цвѣтущія персіяшки, давно уже отцвѣтшія подъ Тифлисомъ. Аулы попадались на каждомъ шагу, цѣпи горъ Большаго и Малаго Кавказа съ ихъ блистающими вершинами, какъ бы сдвинулись вмѣстѣ.

— Это горы Малаго Кавказа, указывалъ мнѣ Тумановъ на горную цѣпь съ лѣвой стороны. Тамъ

въ зеленыхъ дебряхъ находится Боржомъ и Абасъ-Туманъ и Кура спускается изъ долинъ этихъ горъ, а поѣздъ идетъ прямо и переваливаетъ черезъ Сурамскій перевалъ, черезъ горную цѣпь, перегородившую долину высокой стѣной. За тѣми горами Иметія и Гурія съ пышной растительностью и у ихъ подгорій съ этой стороны кончается Грузія. А теперь будь готовъ. Сейчасъ будетъ станція Михайловская, тутъ мы должны выйти, чтобы ѣхать на Боржомъ.

Не успѣлъ онъ договорить, какъ поѣздъ замедлилъ ходъ и мы подъѣхали къ станціи Михайловской и поспѣшили выйти изъ вагона, чтобы слѣдовать дальше по Курѣ, разстающейся здѣсь съ полотномъ желѣзной дороги.

26.

По долинѣ Куры.

Боржомъ. Его минеральныя воды и парки. Окрестности Боржома. Цхро-Цхаро. Вверхъ по Курѣ. Ахалцыхъ.

А ты, природа-мать, и свѣтлыхъ дней лучами
И тьмой, и звѣздами, и красками зари,
И всѣми чудными твоими голосами,
Со мной, пока живу, немолчно говори.

А. Жемчужниковъ.

Мнѣ дважды пришлось побывать въ Боржомѣ. Въ первый разъ я попалъ совсѣмъ случайно, неожиданно провелъ всего одинъ день въ этомъ ущельи и унесъ впечатлѣніе чего-то прелестнаго, цвѣтущаго, благоустроеннаго, къ чему вновь неустанно стремишься. Во второй разъ я провелъ въ Боржомѣ хорошіе дни, въ теченіи которыхъ вполнѣ наслаждался всѣми его красотами и объѣздилъ всѣ его удивительно живописныя окрестности. Не только у насъ въ Россіи, но на самомъ Кавказѣ я не могъ достать точныхъ свѣдѣній, картъ, плановъ и указаній относительно Боржома, а я нашелъ здѣсь настоящее заграничное лечебное мѣстечко, очаровательный уголокъ изъ Бернскихъ альпъ или Тирольскихъ горъ, не уступающее

по своимъ красотамъ и значенію такимъ прославленнымъ мѣстамъ, какъ Эйзенахъ, Шлянгенбадъ, Эмсъ и другія. Не даромъ царица Тамара назвала этотъ уголокъ еще въ старо-давнія времена перломъ Кавказа.

Вся дорога отъ станціи Михайловской ведетъ васъ вдоль Куры и черезъ 6 верстъ вводитъ васъ въ ущелье Малаго Кавказа, изъ котораго мчится съ горъ многоводная и шумная Кура. Все это ущелье до самаго Боржома, на разстояніи 21 версты, верхъ красоты. Все это великолѣпныя горы, густо покрытыя южнымъ лѣсомъ, изрѣзанныя ущельями вправо и влѣво, по которымъ мчатся въ Куру съ окрестныхъ горъ шумные потоки и рѣчки. И здѣсь на высотѣ 2600 футъ, гдѣ въ Куру бросается звонкая Боржомка и гдѣ, звеня и гремя, несется Черная рѣчка, въ этомъ романтическомъ перекресткѣ рѣкъ и горъ, лежитъ селеніе Боржомъ въ имѣніи Великаго Князя Михаила Николаевича. Сообщеніе съ Михайловской станціей совершается по новой желѣзной дорогѣ, передъ окнами которой проплываетъ дивная панорама Боржомскаго ущелья. Въ первый разъ я сдѣлалъ эту дорогу въ фаэтонѣ, которые въ большемъ числѣ дожидаются на Михайловской публики и всѣмъ посовѣтую ѣхать въ экипажѣ. Ущелье производитъ гораздо большее впечатлѣніе. И это дивное мѣсто, съ его драгоцѣнными водами, до сихъ поръ мало извѣстно въ Россіи. Сюда пріѣзжаютъ только дачники изъ Тифлиса, Эривани, Батума, даже Баку и живутъ здѣсь $1^1/_2$ мѣсяца, наслаждаясь дивной природой. Все мѣстечко Боржомъ занимаетъ берега Куры и всю лощину Боржомки.

Мы остановились въ старой Кавалерской гостинницѣ, съ хорошими комнатами, приличной обстановкой, крайне порядочнымъ рестораномъ и вполнѣ божескими цѣнами. Во время сезона цѣны на комнаты значительно увеличиваются, но въ этой старо-Кавалерской гостинницѣ—онѣ всегда одинаковы. Наша гостинница помѣстилась на самомъ берегу громко ревущей Боржомки, несущейся съ горъ, въ тѣни бульваровъ и почти уперлась задней стѣной въ утесы, такъ что мое окно глядѣло прямо на скалы. Здѣсь по обѣимъ берегамъ плещущей рѣки въ густыхъ садикахъ прилѣпились къ сдвинутымъ близко другъ къ другу скаламъ парадныя виллы и дачи, съ всевозможными поэтическими названіями, въ родѣ: «mon sejour», «mon bijou», «Мирза-риза-ханъ» и др. Послѣдняя останавливала всеобщее вниманіе своей восточной пестротой и зеркальной отдѣлкой балкона. Изъ садиковъ вѣяло розой и самшитомъ и я ежедневно дѣлалъ прогулку вдоль Боржомки то съ одной, то съ другой ея стороны отъ самаго Ремертовскаго парка, который улегся при впаденіи Боржомки въ Куру, до парка Минеральныхъ водъ, составляющаго главный гвоздь Боржома, главную его красоту и лежащаго на Боржомкѣ подлѣ нашей гостинницы, еще въ болѣе узкомъ мѣстѣ Боржомскаго ущелья. Паркъ Минеральныхъ водъ съ его галереей надъ ревущей Боржомкой, пестрой публикой, съ оркестромъ музыки, кургаузомъ, источниками, тѣнистыми липовыми аллеями, дивной мѣстностью, сразу перенесъ меня въ иностранные уголки минеральныхъ водъ. При входѣ въ паркъ расположено зданіе ваннъ,

очень благоустроенныхъ, другое зданіе вновь выстроено дальше въ паркѣ. Оба источника плещутъ около кургауза и оба представляютъ замѣчательныя лечебныя углекисло-щелочныя воды.

— Екатериненскій источникъ, который бьетъ въ галереѣ, не уступаетъ по силѣ источнику Гранъ-девиль въ Виши, а Евгеніевскій равенъ по составу Силезскому Obersalzbrunnen. По моему, оба они на вкусъ похожи на теплую зельтерскую воду, оба очень пріятны и нѣжны. Въ кургаузѣ находится читальня, а въ большой залѣ дважды въ недѣлю бываютъ танцы для дѣтей и еженедѣльно по одному танцовальному вечеру для взрослыхъ. Тутъ же въ галереѣ примостилась маленькая чайная, гдѣ можно получать чай, кофе, молоко, пирожки и т. п.

Самъ паркъ поднимается по узкому ущелью Боржомки въ горы. Его аллеи соединены мостами надъ рѣчкой, которая капризно подбѣгаетъ то къ правой, то къ лѣвой своей скалистой стѣнѣ, на которыя вьются крошечныя тропинки. Весь этотъ паркъ, заросшій зарослями дикаго, ароматнаго жасмина, полонъ такой чарующей красоты, ропота бѣгущей по камнямъ рѣчки, прелестныхъ уголковъ съ скамеечками, что я никогда не могъ уйти изъ него безъ сожалѣнія.

Въ Боржомѣ на все устроены таксы и на ванны, и на входныя цѣны на вечера, и на прекрасные фаэтоны въ теченіи сезона, т. е. отъ 1-го Іюня до 15 Сентября, когда дважды въ день играетъ въ галереѣ музыка, запрещается ѣзда съ колокольчиками по всему Боржому и стрѣльба въ окрестностяхъ города.

Ремертовскій паркъ, лежащій на берегу Куры, чудный уголокъ, съ прямыми и тѣнистыми аллеями и съ восхитительными видами на все ущелье въ сторону Михайловской станціи, на дивныя горы, на паркъ и красивый дворецъ Великаго Князя по ту сторону Куры. Горы выступаютъ одна за другой и окрашены въ различные оттѣнки, а кружевной дворецъ въ мавританскомъ стилѣ глядитъ изъ за зелени южныхъ деревьевъ своими кокетливыми и ажурными башнями. Здѣсь же въ паркѣ около главной липовой аллеи стоятъ дома дворцоваго управленія, сплошь завитые виноградомъ, изъ зелени котораго торчатъ только вершины башенокъ и украшенія балконовъ въ родѣ пикъ.

За Ремертовскимъ паркомъ проходитъ главная улица Боржома съ магазинами и лавками, довольно скудными и крайне дорогими, а за ней поднимается гора, сплошь застроенная домиками, отдающимися въ наемъ, украшенная церковками, Грузинской, съ ея шатровымъ конусомъ и православной, съ серебрянымъ блестящимъ куполомъ. На вершинѣ горы поднялись казармы въ видѣ красиваго стариннаго замка.

Особенно мнѣ нравился видъ на эту гору и на весь Боржомъ съ прекраснаго Ольгинскаго моста, переброшеннаго черезъ Куру и соединяющаго Закурную сторону съ нашей. Виды вверхъ и внизъ по рѣкѣ, на дворецъ Великаго Князя, на горы и пеструю зелень, одѣвшую всѣ склоны, были отсюда особенно прелестны. Казармы съ ихъ зубчатыми башнями, высоко лежа надъ Курой, переносили меня на берега Рейна, а стройный минаретъ, торчащій

у самой рѣки изъ зеленаго моря орѣшинъ и самшита, вѣялъ мнѣ востокомъ и Азіей.

Противоположный берегъ Куры, весь въ виллахъ и дачахъ, затонулъ въ садахъ, полныхъ розъ, граната и миндаля. Тутъ же и мало интересный княжескій паркъ съ его граціознымъ и прелестнымъ дворцомъ.

Мы усердно гуляли по Боржому, знакомясь съ его окрестностями, и предпринимали всѣ прогулки, о какихъ только могли собрать свѣдѣнія.

Громадный Воронцовскій паркъ, лежащій на высокомъ плоскогорьѣ, на крутикахъ надъ Боржомомъ, первый привлекъ мое вниманіе. Довольно услышать здѣсь имя князя Воронцова, чтобы слѣдовать на него. Это маякъ для путника. Это имя связано почти совсѣмъ свѣтлымъ и хорошимъ, что дѣлалось для благосостоянія горнаго края. Во всѣхъ дѣлахъ насажденія городскаго благоустройства, театра, улучшенія путей, удобствъ, ученья, повсюду фигурируетъ дѣятельный и неутомимый Воронцовъ. Паркъ, сохранившій его имя, умѣстился на громадной, каменной горѣ, которую омываютъ съ трехъ сторонъ Боржомка, Кура и Черная рѣчка. Дивный паркъ, съ его величавой хвойной растительностью, тянется на громадное разстояніе по горѣ, мѣстами открывая чудные виды то на Боржомъ, то на долину Черной рѣчки съ ея горами, заоблачными лѣсами и выступающими кряжами разноцвѣтныхъ оттѣнковъ. Особенно хорошъ видъ изъ Елизаветина глаза на глубокія ущелья Черной рѣчки, раскрывшейся подъ нашими ногами, когда мы остановились у крутаго обрыва, гдѣ кон-

чалась тропинка. Здѣсь-же въ паркѣ въ тѣни вѣковыхъ сосенъ пріютился ресторанъ.

Весь Боржомъ былъ продушенъ жасминомъ. Всѣ лѣса были полны цвѣтущими кустами его какъ разъ эти дни, которые мы проводили здѣсь въ ущельѣ, восторгаясь видами и прогулками.

До чего хорошъ былъ паркъ Минеральныхъ водъ по вечерамъ, когда въ спускающемся сумракѣ раздавался одинъ ропотъ Боржомки, а публика уходила домой. У галереи и кургауза одиноко вспыхивало электричество, свѣтъ въ музыкальномъ павильонѣ уже былъ затушенъ и все обаяніе горнаго дикаго ущелья, полнаго таинственности и красоты вступало въ свои права. Только гдѣ нибудь на скамейкѣ въ темной аллеѣ сидѣла влюбленная парочка, воркуя подъ ропотъ горныхъ ручьевъ и не слыша, и не видя, что сходитъ на землю таинственная ночь.

* *
*

Посѣтили мы почти всѣ окрестности и еще больше плѣнились этимъ мѣстечкомъ. Вся долина Куры выше Боржома—удивительно живописна и сейчасъ-же по выѣздѣ изъ городка поднимаетъ двѣ живописныя развалины замковъ Петероцихе и Гогіасцихе, которые заняли вершины двухъ сосѣднихъ горъ. Легенда говоритъ, что здѣсь жили два брата Петеръ и Гогіасъ и, несмотря на свое самое близкое родство, постоянно враждовавшіе. Рѣшившись примириться, они устроили пирушку, во время которой поссорились изъ-за пустяка. Вмѣсто пира—

вышла бойня, всѣ гости перерѣзали другъ друга. Оба брата были заколоты въ свалкѣ.

Въ 3-хъ верстахъ за Боржомомъ, вблизи красиваго имѣнія Георгія Михаиловича, надъ воротами котораго посажена, ввидѣ щита, искусственная большая бабочка Махаонъ, и вблизи пивореннаго завода Петерса лежатъ мало интересныя развалины Ликанскаго монастыря, но дальше на 8-й верстѣ есть дивный уголокъ, достойный посѣщенія, не говоря уже, что вся дорога по берегу Куры—очаровательна. Оставивъ фаэтонъ на шоссе, мы пошли по крошечной тропинкѣ, вдоль рокотавшаго ручья, къ развалинамъ Зеленаго монастыря. Долго и тщетно мы блуждали, пока намъ не встрѣтился турокъ-лѣсникъ, который повелъ насъ къ монастырю. Мы пробирались совсѣмъ безъ дорожки по густымъ зарослямъ цвѣтущихъ жасминовъ, пролѣзали по густымъ дебрямъ лѣсовъ, неоднократно пересѣкали ручей и наконецъ дошли до удивительно поэтичныхъ развалинъ Зеленаго монастыря, совсѣмъ заросшаго густымъ лѣсомъ. Чудное поэтическое мѣстечко съ безмолвнымъ памятникомъ далекой старины. Въ этомъ полумракѣ лѣса въ узкомъ лѣсномъ ущельи—невозможно было различить поросшій лѣсомъ монастырь, съ его круглой обгрызенной временемъ башней, украшенной краснымъ крестомъ и галереей толстыхъ арокъ вокругъ вершины и съ прекрасно сохранившимися арабесками. Жасмины заползли и на башню и выросли по всѣмъ трещинамъ провалившихся арокъ монастыря. Бѣлена и крапива пробрались на полусводы и упавшія стѣ-

ны. Что-то грустное и задумчивое лежало на всемъ этомъ уголкѣ.

Слѣдуетъ всѣмъ пріѣзжимъ въ Боржомъ посѣтить деревню Дабу, съ ея прелестнымъ водопадомъ и развалинами монастыря, лежащими въ поэтическихъ ущельяхъ Черной рѣчки, Цагверо—живописное селеніе съ его минеральнымъ ключемъ, и отстоящій отъ него въ 3-хъ верстахъ въ дикомъ и глухомъ ущельи монастырь Св. Тимофея. Это развалины громадной старой церкви, съ хорошо сохранившейся живописью, стоящія въ грозномъ базальтовомъ ущельи. Этотъ монастырь, по грузински: «Тимотисубани», отдѣленъ отъ Цагверо отвратительной дорогой, за то весь путь отъ Боржома до Цагверо—великолѣпное шоссе по долинѣ Черной рѣчки, съ ея чудными видами.

Но ничто не произвело на насъ такого впечатлѣнія, какъ поѣздка на вершины Цхро-Цхаро, что по грузински обозначаетъ «9 источниковъ».

Про Цхро-Цхаро вы даже мало отъ кого услышите въ самомъ Боржомѣ, а это одна изъ достопримѣчательностей его. Я нанялъ фаэтонъ за 20 рублей туда и обратно на Цхро-Цхаро на два дня и мы рано утромъ выѣхали изъ Боржома по долинѣ Черной рѣки, направляясь на Цагверо. Отсюда начался крутой подъемъ въ горы по громаднымъ лѣсамъ. Опять насъ приняли кущи цвѣтущихъ жасминовъ и лѣса буковъ, дубовъ и кленовъ. Дорога вилась, описывала зигзаги и заползала все выше и выше въ горы, на гигантскіе хребты, а долины и ущелья тонули гдѣ-то внизу въ темныхъ пропастяхъ. Голубые кряжи поднимались длинными цѣ-

пями на горизонтѣ, выдвигая новыя и новыя горныя цѣпи. Пропалъ дубъ, букъ остался внизу, желтыя колхидскія лиліи, съ ихъ одуряющимъ ароматомъ, тоже исчезли и мы въѣхали въ область хвойныхъ лѣсовъ. Весь этотъ путь къ деревнѣ Бакурьянъ былъ такъ разнообразенъ и такъ прелестенъ, что сама дорога очаровывала насъ. Мы въѣхали въ луга, полные чудныхъ горныхъ цвѣтовъ, ароматныхъ и пышныхъ травъ, и вскорѣ показалось селеніе Бакурьянъ, лежащее на высотѣ 6-ти тысячъ футъ среди очаровательныхъ горъ. Здѣсь цвѣли еще фруктовыя деревья и яблоня стояла вся розовая отъ полураспустившихся цвѣтовъ. Снѣжныя горы поднялись вокругъ Бакурьяна, а ближе выставили свои щетины еловые и сосновые лѣса, одѣвшіе ближайшіе кряжи. Передъ моими глазами были дивныя декораціи, напомнившія мнѣ Тироль. Въ Бакурьянѣ мы остановились и подкрѣпиться силами, и дать отдохнуть лошадямъ. Бакурьянъ украшенъ красивыми деревянными домиками съ галерейками, съ деревянными черепитчатыми крышами и прихотливыми карнизами. Сюда тоже пріѣзжаютъ на дачу.

Отъ Бакурьяна намъ оставалось до горы Цхро-Цхаро $14^1/2$ верстъ и мы снова начали подниматься по крутикамъ. Мы ѣхали по буковымъ лѣсамъ, но вскорѣ всякая лѣсная растительность пропала и мы, лавируя по ужаснымъ горнымъ карнизамъ, объѣзжая громадные и безконечные обозы, запряженные волами, въѣхали въ альпійскіе луга. Гигантскія пропасти зіяли съ одной стороны дороги, громадные луга растилались по другую сторону. Масса ручьевъ летѣла черезъ дорогу и съ грохо-

томъ рушилась въ пропасти. Обозы съ колоссальными бревнами орѣховъ волочились волами на далекій перевалъ. Возчики съ дикимъ крикомъ припирали воловъ и ихъ безконечно длинный багажъ къ скаламъ и срѣзаннымъ для дороги лугамъ, а мы лавировали чуть не надъ безднами, проскакивая по узкой полоскѣ дороги, опасаясь, что при малѣйшемъ нетерпѣливомъ движеніи вола, гигантскія орѣховыя деревья столкнутъ насъ въ пропасть. Гребни Гвиргинскихъ горъ, поросшіе громадными елями и великанами буками, на которые я еще недавно глядѣлъ снизу и считалъ ихъ недосягаемыми, лежали теперь гдѣ-то далеко внизу. И чѣмъ выше мы забирались, тѣмъ становилось холоднѣе, тѣмъ луга становились характернѣе. Букеты дивныхъ, желтыхъ первоцвѣтовъ на короткихъ цвѣтоножкахъ, приводили насъ въ восторгъ, а бокалы синей генціаны, яркая голубизна альпійской незабудки, несуразыя лепешки совсѣмъ удивительныхъ купаленокъ и курьезный тускло-красный и оранжевый горный, густоопушенный макъ — вызывали всеобщій восторгъ. Лютики горѣли золотомъ, появился какой-то лиловый крессъ и альпійская чемерица, съ ея плойчатыми листьями. Мѣстами по обрывамъ лежалъ снѣгъ. Мы въѣхали въ область рододендроновъ, восхитительныхъ густыхъ кустовъ, покрывшихъ громадныя пространства, скаты и края пропастей. Крѣпкіе кожистые громадные листья и дивные бездушные большіе букеты снѣжно-бѣлыхъ большихъ цвѣтовъ одѣли всѣ кусты. Это было царство этой дивной альпійской розы, предъ которою краса швейцарской

совсѣмъ померкла. Мы ползли по карнизамъ среди низкихъ зарослей рододендроновъ, кутаясь въ пледы, изумляясь снѣгамъ, лежащимъ повсюду по обрывамъ и выемкамъ. Лошади скользили на сыромъ шоссе, колеса нашего фаэтона залѣзали глубоко въ жидкую грязь и тутъ приходилось еще объѣзжать застрявшіе въ грязи длинные обозы, нагруженные лѣсомъ. Мы совсѣмъ недоумѣвали, какъ могли волы втянуть этихъ колоссовъ, этихъ лѣсныхъ великановъ на эту страшную высоту почти 8 тысячъ футовъ.

Станція Цхра-Цхаро лежитъ у подножія голой горы того же имени, на которую намъ надлежало завтра на зарѣ влѣзть, чтобы полюбоваться единственнымъ по красотѣ видомъ на Кавказѣ. Здѣсь въ домикѣ живетъ лѣсная стража, которая имѣетъ свою заставу и осматриваетъ каждое провозимое дерево. Домъ этотъ открытъ здѣсь съ 70-хъ годовъ, когда въ одну изъ суровыхъ зимъ здѣсь замерзло болѣе 30 человѣкъ возчиковъ и масса воловъ, не имѣвшихъ нигдѣ на ночь пристанища. Теперь это не домъ, а нѣсколько домиковъ. Одинъ служитъ для ночевки прохожихъ и состоитъ изъ 3-хъ большихъ комнатъ съ верандой, открывающей восхитительные виды.

Въ комнатахъ есть кое-какая мебель, столы, стулья, нѣсколько кроватей съ тюфяками, одѣялами и подушками, но все было невѣроятно сыро, холодно. Въ комнатахъ царила ужасная температура— погребовъ, все было словно заморожено. Рядомъ на томъ-же дворѣ были еще домики осетинъ, здѣсь

живущихъ, наблюдающихъ за провозомъ лѣса и за дорогой, подающихъ помощь и сопровождающихъ пріѣзжихъ на вершину горы.

Въ Цхра-Цхаро я ѣздилъ въ мой пріѣздъ въ Боржомъ безъ Туманова въ компаніи трехъ дамъ, которыхъ я уговорилъ предпринять эту прогулку. Дамы быстро нашлись, затворили всѣ окна и двери въ другія комнаты, онѣ выбрали одну болѣе центральную и сейчасъ-же придали ей болѣе живой видъ. Нашъ пріѣздъ на Цхра-Цхаро былъ очень печальный. Густое море облаковъ заволокло все. Буквально въ 2-хъ шагахъ не было ничего видно и въ этой сферѣ облаковъ было невыносимо сыро, холодно и дышалось отъ вышины горъ крайне тяжело. Мы не могли ожидать болѣе счастливой погоды и на другое утро и было-бы ужаснымъ огорченіемъ уѣхать ничего не увидѣвши.

— Еще рано теперь, говорилъ намъ осетинъ, позже лѣтомъ погода установится, а снѣга всѣ растаютъ, но можетъ быть къ утру прояснетъ, большой вѣтеръ идетъ внизу.

И, дѣйствительно, вдругъ бѣлое море облаковъ закружилось, завертѣлось и стало подниматься съ поражающей скоростью куда-то наверхъ, пестрыя радуги заиграли въ этомъ морѣ тумановъ, вѣтеръ вымелъ облака въ какія нибудь четверть часа и передъ нами развернулись всѣ пропасти и горы, всѣ вершины и хребты въ ихъ поразительной красотѣ. Конечно, мы отправились бродить по альпійскимъ лугамъ, залитымъ солнечными лучами. Тутъ не было конца нашимъ восторгамъ. На каждомъ

шагу мы встрѣчали рѣдкіе альпійскіе цвѣты. Помню, какой восторгъ вызвали громадные желтые анютины глазки съ ихъ восхитительнымъ нѣжнымъ ароматомъ. Мы буквально упивались этой дѣвственной флорой подснѣжныхъ луговъ и вернулись въ нашъ домикъ съ чудными букетами, загнанные дождемъ съ вѣтромъ, новыми пологами тумановъ и облаковъ, которые слетѣли также внезапно, какъ передъ тѣмъ пропали. Насъ уже ожидалъ самоваръ, яйца и всѣ тѣ закуски, которыя предусмотрительно были запасены въ Боржомѣ. На Цхра-Цхаро налетѣла буря, все ревѣло и стонало вокругъ, снѣжные хлопья летѣли со всѣхъ сторонъ, сильный дождь барабанилъ временами по нашей крышѣ, а мы сидѣли всѣ вмѣстѣ на тахтѣ, укрывшись бурками, и чуть не до полночи распѣвали романсы и весело хохотали надъ нашими дорожными приключеніями.Осетинъ обѣщалъ разбудить насъ на зарѣ, если будетъ какая нибудь возможность взойти на Цхра-Цхаро. Онъ принесъ намъ чистыя простыни и мы вскорѣ улеглись.

Я проснулся самъ и моментально вылетѣлъ на улицу. Было свѣжо, брезжило раннее утро, а горы совсѣмъ безъ облаковъ, чистыя, ясныя, не то зеленыя, не то синія, поднялись чудной декораціей. Только вдали у хребтовъ горъ спали облака и вершины торчали, какъ волшебные острова, изъ этого туманнаго небеснаго моря. Я разбудилъ съ великимъ усиліемъ осетина, поднялъ моихъ дамъ, внушая имъ, что пока утро благопріятно и ясно. Одна на отрѣзъ отказалась. Двѣ другія послѣдовали

за мной. Долго поднимались мы на гору Цхра-Цхаро, на 800 футовъ поднявшуюся за станціоннымъ домикомъ. Одна изъ дамъ вернулась обратно и мы вдвоемъ слѣдовали за осетиномъ, карабкаясь по отвѣснымъ кручамъ. Вскорѣ исчезли и незабудки и синія горечавки и голый камень безъ всякой растительности принялъ насъ. Казалось, вотъ вотъ мы достигли вершины, а вершина все убѣгала отъ насъ, все выдвигались новыя и новыя ступени крутыхъ горъ. И вотъ, наконецъ, мы на Цхра-Цхаро. Вѣтеръ сбивалъ насъ съ ногъ, но восхитительная панорама, которая развернулась передъ нашими глазами, заставила насъ забыть всю усталость отъ подъема. Съ одной стороны поднялись Ахалкалакскія горы, спрятавъ въ своихъ долинахъ Ахалцихъ и Абасъ-Туманъ, съ другой стороны открывались бездны, полныя тумановъ и облаковъ, а надъ этимъ молочнымъ моремъ торчали черные зубья горъ Большаго Кавказа.

— Тамъ Казбекъ, Шатъ-гора, Барбало, показываетъ намъ осетинъ своей толстой палкой на снѣжныя вершины, а то—Дагестанъ.

Дагестанскія горы, полузакутанныя въ облака, какъ это и подобаетъ мусульманскимъ красавицамъ—горамъ, сіяли своими снѣгами. Ужба поднялся двумя конусами въ Сванетіи, а Эльбрусъ закутался совсѣмъ въ облака и не пожелалъ намъ показаться.

Панорама горъ, словно географическая рельефная карта, улеглась вокругъ насъ и мы глядѣли съ вершины Цхра-Цхаро на всю эту фантасмагорію облаковъ, тумановъ, вершинъ горъ, и безконечно

восторгались ей. Мы были такъ далеко отъ земли, отъ всякой жизни здѣсь, на этихъ холодныхъ вершинахъ, что совсѣмъ увлеклись грандіознымъ видомъ, но сильный вихрь, гнавшій сонмы облаковъ, погналъ и насъ съ горъ. Пора было спѣшить къ подножію Цхра-Цхаро, такъ какъ туманы и облака неслись съ поразительною скоростью и бѣлыми занавѣсами поднимались изъ безднъ и пропастей. Спускались мы гораздо скорѣй и къ дому подошли въ полномъ мракѣ и густомъ туманѣ.

— Какъ же вы здѣсь живете? спросили мы осетина.

— Да лѣтомъ—ничего. Есть короткій путь на Бакурьянъ въ 7 верстъ, но тотъ только для пѣшеходовъ, а по дорогѣ больше 14-ти, зимой за то мы совсѣмъ отрѣзаны и почти девять мѣсяцевъ не имѣемъ сообщенія съ деревнями.

Моросилъ мелкій дождь, туманъ душилъ насъ своею сыростью, гулять было невозможно, и мы, позавтракавши и подкрѣпившись чаемъ, отправились внизъ по безконечнымъ зигзагамъ дорогъ. Недалеко, верстъ черезъ 8-мь мы выѣхали изъ непріятной сферы облаковъ и, пріѣхавъ въ Бакурьянъ, нашли тамъ дивное, голубое небо, яркій, лѣтній, солнечный день и весь снѣгъ и туманъ показались намъ сномъ и не вѣрилось, что такъ недавно мы кутались отъ стужи въ бурки и пледы.

Отъ Букурьяна недалеко до Табитскурскаго озера, лежащаго на высотѣ 6 тысячъ футъ среди мирныхъ альпійскихъ луговъ и голыхъ горъ, изрѣзанныхъ мысами и заливами. Въ армянской деревнѣ Кизилъ-

Килиса, что означаетъ Красная церковь, всегда можно найти прекрасную Табитскурскую форель. Все озеро производитъ впечатлѣніе громаднаго кратера заснувшаго вулкана, залитаго водой.

Въ Боржомъ мы пріѣхали уже въ сумерки, очень довольные этой прелестной поѣздкой и пробывши еще одинъ день въ очаровательныхъ ущельяхъ минеральныхъ водъ, нагулявшись по чуднымъ паркамъ, надышавшись воздухомъ, пропитаннымъ жасминнымъ ароматомъ, проводивъ двухъ дамъ обратно въ Тифлисъ, мы вдвоемъ, съ моей третьей спутницей, тетушкой изъ Баку, взяли фаэтонъ и отправились прямо въ Абасъ-Туманъ.

* *
*

Дорога шла все время до самаго Ахалциха вдоль Куры. Мы объѣзжали скалы, ныряли въ чудныя рощи тополей и орѣшинъ и у первой почтовой станціи Страшно-Окопской, въ 14 верстахъ отъ Боржома, оставили имѣніе Великаго Князя. Ущелье Куры стало еще уже и грознѣе. Рѣка ревѣла и бѣшено грызла камни и скалы. Замѣчательно поэтично усѣлась развалина замка, съ высокой сторожевой башней и провалившимися стѣнами, на грозномъ каменномъ мысу. Затѣмъ оставивъ Куру, мы въѣхали въ новыя ущелья и вновь подъѣхали къ рѣкѣ у городка Ацхура. Все селеніе размѣстилось на той сторонѣ Куры, а здѣсь у станціи выросло цѣлое море духановъ. Колоссальныя скалы вошли своими подошвами въ Куру и сплошь покрыты арками, башнями, броней развалившихся стѣнъ. Печать недоступности лежитъ

во всей этой удивительно-грандiозной развалинѣ, а за селомъ поднимается громадная гора, рѣжущая облака, точно прелестная декорацiя. Эта крѣпость закрывала входъ въ Боржомское ущелье со стороны Ахалциха и была во власти турокъ до 1828 года. У подошвы этой скалы съ ея твердынями высятся развалины громаднаго храма, выстроеннаго при греческомъ императорѣ Ираклiѣ еще въ 7-мъ вѣкѣ. Здѣсь находилась чтимая повсемѣстно древняя икона Ацхурской Божiей Матери. Я видѣлъ ее въ Гелатскомъ монастырѣ у Кутаиса, куда ее перенесли послѣ разоренiя храма турками.

За Ацхуромъ Кура спустилась въ низину, а ея берега покрылись дивными пахучими лугами. Мѣстами нѣкоторые цвѣты преобладали въ такой степени, что большiе участки, чуть не въ версты, были то ярко-лиловые отъ обильно цвѣтущей рыцарской шпоры, то бѣлые отъ степной ромашки, то огненные отъ здѣшняго удивительно краснаго, луговаго, мохнатаго мака.

Вскорѣ показался Ахалцихъ, городокъ прославленный своими яблоками и тонкими филиграновыми серебряными издѣлiями. Ахалцихъ издали мнѣ показался красивымъ городкомъ, лежащимъ по крутикамъ надъ шумной Курой и ея притокомъ Посховъ-чаемъ, съ грозной крѣпостью на скалахъ, съ куполами церквей по скатамъ, но стоило намъ въѣхать на улицы Ахалциха, чтобы проклясть его мостовыя. Его дома, особенно на лѣвомъ, старомъ берегу рѣки,—оказались ужасными лачужками, прижавши-

мися къ скаламъ, на вершинѣ которыхъ усѣлась громадная крѣпость съ остатками мечети, въ видѣ большаго купола, теперь принадлежащаго собору. Пестрая толпа ахалцихскихъ армянъ, татаръ и турокъ, въ фескахъ, толпилась у домовъ. Мы переѣхали мостъ, послѣ котораго мостовая на правомъ берегу привела насъ еще въ большій ужасъ. Здѣсь находятся всѣ ряды съ товарами, густой публичный садъ, довольно неопрятно содержимый, и гостинницы Ахалциха, которыя такъ много оставляютъ желать. Интересъ здѣсь въ городѣ представляютъ пестрые ряды, съ ихъ продавцами, восточнымъ товаромъ и твердыня крѣпости, усѣвшаяся на высокія скалы, укрѣпленныя снизу до верху какими-то выступами и башнями. Для туриста Ахалцихъ можетъ служить нѣкоторымъ центромъ, такъ какъ его окрестности полны развалинъ и самъ городъ лежитъ на перекресткѣ очень многихъ дорогъ. Такъ въ 40 верстахъ отъ него находится пещерный городъ Вардзія, совершенная копія Уплис-Цихе. Этотъ «замокъ розъ» царицы Тамары, гдѣ сохранился ея фресковый портретъ, представляетъ удивительный образчикъ старинныхъ построекъ Грузіи. Въ 7-ми верстахъ отъ города—громадныя развалины Сафарскаго монастыря и Уравельскія минеральныя воды, гдѣ все крайне неблагоустроено и гдѣ лечатся только туземцы. Въ 30 верстахъ находится развалина Зармскаго монастыря, заслуживающая посѣщенія, а прекрасное шоссе на Абасъ-Туманскія воды и Боржомъ, на Ахалкалаки и далѣе въ Ардаганъ и Александрополь дѣлаютъ городъ очень

оживленнымъ. Длинные обозы товаровъ, почтовые экипажи и фаэтоны, которые здѣсь въ городѣ очень недурны, постоянно оживляютъ скучныя улицы городка и наполняютъ его многими проѣзжими. Только проѣзжіе здѣсь не засиживаются и спѣшатъ убраться изъ душнаго и неинтереснаго городка.

27.

На Маломъ Кавказѣ.

Абасъ-Туманъ и его воды. Зекарскій перевалъ.

Хотя я судьбой на зарѣ моихъ дней,
О южныя горы, отторгнутъ отъ васъ.
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо
быть разъ,
Какъ сладкую пѣсню отчизны своей,
Люблю я Кавказъ.

Лермонтовъ.

Дорога отъ Ахалциха вьется по берегамъ Посховъ-чая, притока Куры, и, объѣхавъ скалы и башни старой крѣпости, мы понеслись по берегамъ этой бурной рѣчки.

Аулъ Сюрклисъ, потонувшій въ садахъ, выставилъ свой стройный и высокій минаретъ большой мечети, украшенной тремя арками по фасаду, и вскорѣ потонулъ въ цвѣтущихъ лугахъ, скрытый моремъ хлѣбовъ и цвѣтовъ. Станція Бенаръ была половиной пути. До Ахалциха за нами остались 12 верстъ и впереди до Абасъ-Тумана оставалось столько же. Горы сразу приблизились, а вдали показались хребты съ занесенными снѣгами вершинами. Совсѣмъ турецкое по облику селеніе Варханъ живописно разбросалось вдоль дороги своими домиками, окружен-

ными красивыми рѣзными галерейками. Вскорѣ за нимъ началось Абасъ-Туманское поэтичное и дикое ущелье съ громкой рѣчкой Абасъ-Туманкой въ глубинѣ. Ели и лиственницы одѣли крутики, а мѣстами поднялись по скаламъ грозныя развалины. Мы попали въ узелъ ущелій и стали подниматься по одному изъ нихъ вдоль шумной рѣчки. Скромная кладбищенская церковь, окруженная крестами и памятниками, живописно прижалась къ горамъ, а на одной изъ вершинъ поднялась колоссальная развалина замка Тамары. Передъ нами забѣлѣли бѣлыя лагерныя палатки, а съ горъ вѣяло цвѣтущими жасминами, которыми и здѣсь заросли всѣ рощи, какъ въ Боржомѣ. Мѣстечко Абасъ-Туманъ растянулось чуть не на пять верстъ по узкому и согнутому нѣсколько подъ угломъ ущелью, застроилось, особенно за послѣднее время, виллами, дачками, превосходными ванными заведеніями и превратилась въ одинъ изъ самыхъ блестящихъ и прелестныхъ курортовъ. Абасъ-Туманъ не могъ не понравиться, само положеніе мѣстечка въ высокихъ горахъ, на высотѣ 2600 футовъ, среди восхитительной мѣстности, густыхъ хвойныхъ лѣсовъ, на берегу веселой рѣчки, съ дивными ваннами, съ довольно хорошими гостиницами, съ изъ ряду выдающимися прогулками, дѣлаетъ его совершенно особеннымъ и переноситъ васъ прямо въ заграничные курорты. Мнѣ казалось, что я попалъ въ Шлангенбадъ или Маріенбадъ. Остановились мы въ гостинницѣ Миракова и, вышедши на длинные терассы-балконы, которые тянутся вдоль каждаго этажа, не могли оторваться

отъ вида на это романическое ущелье, съ его поразительной разнообразной окраской горъ, съ этими безконечными вершинами и моремъ зелени по скатамъ и самому ущелью.

Слава Абасъ-Туманскихъ водъ началась только съ 1870 года, когда за нихъ взялся энергичный докторъ А. Ремертъ, создавшій здѣсь такое бальнеологическое заведеніе, какихъ мало во всей Европѣ, а до тѣхъ поръ слава водъ привлекала только туземцевъ, которые пріѣзжали въ горячія воды и неумѣлымъ пользованіемъ ими не рѣдко доводили себя до смерти. Главное зданіе ваннъ, прелестное по виду, находится въ густомъ саду у подошвы восхитительныхъ горъ. Я ходилъ брать ванну и мнѣ очень любезно показали это удивительное зданіе. Въ Абасъ-Туманѣ брызжутъ три горячихъ источника въ 37, 35 и 33^0 по Реомюру. Чтобъ умѣрить высокую температуру водъ устроенъ замѣчательный холодильникъ. Минеральныя воды всѣхъ трехъ источниковъ проведены въ герметически закрытыхъ трубахъ, сквозь холодную ключевую воду, которая охлаждаетъ ихъ въ различной степени, давая различную температуру водъ отъ 21^0 до 37^0, снабжающихъ великолѣпное ванное заведеніе. Здѣсь въ хорошенькой ротондѣ публика дожидается свободныхъ ваннъ и читаетъ газеты. Комфортъ, благоустройство нумеровъ, мраморныя ванны, образцовая вентиляція, чистота, превосходная прислуга, термометры, зеркала, буквально все говоритъ, что заведеніе устроено съ знаніемъ дѣла и любовью. Души, большіе бассейны, паровыя ванны, электрическія, все отлично устроено, а для

паралитиковъ устроены особыя кресла, снабженныя цѣпями. Эти цѣпи привѣшиваются къ крючьямъ сооруженія, находящагося надъ однимъ изъ бассейновъ и посредствомъ него опускаются въ воду бассейна или въ ванну, какая прописана больному. Здѣсь есть опускающійся полъ, который спускаетъ больныхъ, не могущихъ ходить, въ нижній этажъ, гдѣ помѣщаются души, чтобы избавить слабоногихъ отъ труда идти по лѣстницамъ.

Другія зданія ваннъ «рѣчное», съ большими бассейнами, и «паровое», гдѣ выходятъ горячіе источники изъ земли и гдѣ царитъ невыразимо высокая температура, находятся въ срединѣ парка. Весь садъ раскинутъ по скаламъ вокругъ ванныхъ заведеній и по берегамъ рѣчки Абасъ-Туманки, которая образуетъ у одного изъ мостовъ прелестный водопадъ, обрываясь у подножія Ремертовской скалы. Эта грозная скала, почти голая, поросшая мѣстами желтымъ дрокомъ и колючими травами, красиво поднялась надъ водопадомъ и украшена мраморной памятной доской съ именемъ устроителя здѣшнихъ водъ, въ честь котораго сооруженъ и этотъ мостъ. Вода Абасъ-Туманки рушится прелестнымъ водопадомъ изъ подъ скалы въ глубокую каменную трещину. Куда ни пойдешь въ Абасъ-Туманѣ, всегда набредешь на этотъ водопадъ, который какъ-то всегда бываетъ для всѣхъ на дорогѣ, и всегда остановишься поглядѣть его бѣлую пѣну, послушать его ревъ и полюбоваться его высоко взлетающими брызгами. Главное ванное зданіе, съ его часами надъ крышей, съ вѣтрянымъ флагомъ, зеленокрышее, сложенное изъ массивныхъ сѣрыхъ

камней—видится тоже отовсюду. Передъ нимъ всегда брызжетъ среди газона фонтанъ. Стоитъ пройти по густымъ аллеямъ и подняться въ самую высокую часть парка, гдѣ находится кургаузъ или военный клубъ, выстроенный въ мавританскомъ стилѣ безъ стѣнъ, ажурный закрываемый полотнами. Здѣсь играетъ музыка, есть ресторанъ, здѣсь бываютъ танцы.

За паркомъ тянутся вверхъ по ущелью домики, за которыми въ обѣ стороны въ горы и паралельно главной дорогѣ и рѣчкѣ, вьются по горамъ дивныя дорожки. Здѣсь довольно дорогія дачи и меблированныя комнаты, оставляющія желать многаго. Въ концѣ долины подъ хвоями пріютился ресторанъ Гелазарова съ кегельбаномъ и столиками въ тѣни деревьевъ, гдѣ собираются пріѣзжіе пообѣдать или выпить кофе или пива. Еще дальше красивая дача-дворецъ Великаго Князя Георгія Александровича. Откуда ни посмотришь видъ въ Абасъ-Туманѣ, онъ поражаетъ каждый разъ своими красками, своей оригинальностью, зелеными горами, съ ихъ лощинами. Но особенно восхитителенъ видъ съ вершины башни замка Тамары. Пройдя все ущелье внизъ до кладбищенской церкви, перебравшись по небольшому мосту на другую сторону рѣчки, мы очутились на Георгіевской дорогѣ, которая длинными каменистыми зигзагами вьется по тѣнистымъ лѣсамъ, совсѣмъ незамѣтно поднимая путниковъ въ горы. Большая развалина поднялась высоко надъ лѣсами. Мы вскарабкались по развалившимся сводамъ на башню и здѣсь вполнѣ насладились чуднымъ видомъ. Весь Абасъ-Туманъ до самаго дворца лежалъ у нашихъ ногъ,

домики казались игрушечными, а горы поднялись хребтами со всѣхъ сторонъ и рѣзали облака своими вершинами. Въ сторону Ахалциха разлеглись безграничные луга по косогорамъ и дивная картина мира и тишины совсѣмъ оковала насъ своею прелестью. Не менѣе хороша прогулка въ Ворота Очарованья, куда ѣдутъ вверхъ по ущелью, по прелестной Зекарской дорогѣ, въ фаэтонѣ за 2 рубля. Миновавъ дворецъ Георгія Александровича и стоящій еще далѣе дворецъ Великой Княгини Ксеніи, мы полетѣли по узкому ущелью и, проѣхавъ 6 верстъ отъ Абасъ-Тумана, остановились. Пришлось вылѣзти и идти пѣшкомъ чуть-ли не двѣ версты, поднимаясь на горы и спускаясь въ ложбины. Масса желтыхъ колхидскихъ лилій съ ихъ громадными, висячими, одуряюще-пахучими колоколами цвѣтовъ, покрыли всѣ горы. Мы вышли къ рѣчкѣ, бурно мчавшей свои воды и вскорѣ дошли до грозной, узкой трещины, сплошь занятой бурливой рѣчкой, надъ которой были сдѣланы мостки. Не скажу, чтобы здѣсь было такъ жутко, но ущелье очень красиво. Здѣсь прибиты къ стѣнамъ утесовъ мраморныя доски съ именами и въ память посѣщенія этого моста Государыней Маріей Ѳеодоровной и Вирховымъ.

Больше всего мы любили видъ съ нашего балкона, особенно подъ вечеръ, когда мы вполнѣ упивались очарованьемъ. Кругомъ высились горы, какъ края гигантской чаши. Отверстія ущелій слились воييمракѣ съ горами, вершины которыхъ были залиты луной. И чѣмъ выше поднималась луна, тѣмъ болѣе лилось ея серебра въ глубь темной лощины,

гдѣ благоухали жасмины и колхидскія лиліи и мелькали массы трепетныхъ огоньковъ въ засыпающихъ домикахъ...

* * *

Когда я бывалъ въ Тифлисѣ, многіе тифлисцы спрашивали меня, видѣлъ-ли я и продѣлалъ ли Зекарскій перевалъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, я еще не былъ тамъ.

И каждый разъ мнѣ приходилось выслушать рѣчи, полныя восторженныхъ панегириковъ, восхваленія красотъ Зекара до того поразительныхъ, что не видившій этотъ перевалъ, не могъ сказать, что онъ былъ на Кавказѣ. Правда, очень немногіе пускаются въ этотъ путь, не вполнѣ безопасный отъ разбоевъ, пролегающій по дикимъ и романтичнымъ горамъ почти все время вдали жилья, не имѣющій почтоваго сообщенія, но восхваленія его и слава о немъ не могли не убить всякія сомнѣнія и мы пріѣхали въ Абасъ-Туманъ, чтобы совершить этотъ дивный путь до Кутаиса черезъ Зекарскій перевалъ.

Мы наняли за 30 рублей фаэтонъ, который пріѣхалъ за нами въ нашу гостинницу въ 3 часа ночи. Дѣлается это для того, чтобы застать восходъ солнца на вершинѣ перевала и чтобы во время, до ночи, попасть въ Кутаисъ. Какъ важно застать восходъ, уже видно изъ разсказа, который намъ повѣдали въ Кутаисѣ. Туда пріѣхалъ одинъ изъ Мингрельскихъ князей и ежедневно посылалъ вѣстоваго въ горы, чтобы узнать, ясенъ-ли горизонтъ и ежедневно вѣстовой привозилъ печальную вѣсть, что горы въ облакахъ и съ Зекара ничего не видно.

Одинъ день князь не послалъ вѣстоваго, а именно въ этотъ-то день мы поднимались изъ Абасъ-Тумана еще совсѣмъ ночью при еле розовѣвшемъ небѣ и карабкались въ горы по крутикамъ и карнизамъ. Было очень холодно, горы укутаны были туманами. Абасъ-Туманъ еще крѣпко спалъ, только ароматъ каприфолія и жасминовъ носился надъ мирно спящимъ ущельемъ. Мы поднимались все выше и выше по прекрасному шоссе въ тѣ страшныя выси, которыя изъ Абасъ-Тумана казались совсѣмъ недосягаемыми. Все мѣстечко исчезло въ глубокой пропасти, а передъ нами возстали новыя стѣны горъ, которыя нужно было одолѣть. Золотыя колхидскія лиліи, точно желтыя кудри повисли на стебляхъ, повсюду цвѣли горныя вѣтреницы и незабудки. Горы и хребты оставались гдѣ-то подъ нами и тонули въ зеленоватыхъ туманахъ, колоссальныя сосны слѣдовали съ нами на крутики и оставили насъ только у альпійскихъ луговъ. Поднимаясь въ горы, мы безконечно наслаждались видами, вдругъ моя спутница схватила меня за руку. Около нашего фаэтона появилась голова незнакомца, укутанная въ рваный башлыкъ, большіе черные глаза взглянули на насъ. Это былъ не разбойникъ, а чапаръ. На его обязанности лежитъ проводить по этимъ не совсѣмъ спокойнымъ мѣстамъ каждый фаэтонъ до самой вершины Зекара. Съ ружьемъ на плечѣ, изодранный, въ пестрыхъ тряпкахъ, красивый и смѣлый, онъ карабкался, какъ горный козелъ, по крутикамъ и обгонялъ нашъ фаэтонъ, ни на секунду не теряя насъ изъ виду. Вскорѣ появился другой

чапаръ, такой-же пестрый и ободранный, и тоже послѣдовалъ за нами. Мы поражались той легкости и скорости, какъ они поспѣвали за нами, зорко оглядывая окрестности. На вершину Зекара мы въѣхали какъ разъ въ то время, когда небо все розовое—стало пурпуровымъ и восхитительный восходъ облилъ огнемъ всю окрестность. Мы стояли среди дивнаго луга альпійскихъ цвѣтовъ, два чапара лежали на травѣ, лошади отдыхали, а вокругъ насъ развернулась удивительная панорама горъ. Всюду виднѣлись снѣжные хребты, всюду высились волны горъ, всюду виднѣлись лѣса и луга, ели поднялись по горамъ, словно вѣковые кипарисы, а у нашихъ ногъ по всѣмъ скатамъ раскинулся бѣлый альпійскій рододендронъ, котораго такъ много было на Цхра-Цхаро. Мы стояли, пораженные видомъ. Простившись съ чапарами, давши имъ, конечно, на чай, мы понеслись по скату горъ книзу въ зеленую и цвѣтущую Имеретію, въ ея долины, полныя виноградниковъ, лавровишенъ и душистой кавказской пальмы или самшита. Мы ѣхали вдоль водопадовъ, среди рощъ рододендроновъ и всей пестрой альпійской мелкоты, которая усѣяла здѣсь луга.

Вершина перевала поднялась на 8 тысячъ футовъ надъ моремъ, на 800 футовъ превзошедшая Гудауръ на Военно-Грузинской дорогѣ. Дорога круто спускалась по карнизамъ и прямо низвергалась въ ущелья и долины. Лошади наши летѣли и фаэтонщикъ напрягалъ всѣ силы, чтобы сдержать ихъ особенно на поворотахъ у зловѣще-чернѣвшихъ про-

пастей. Весь спускъ внизъ до долины Ріона какая-то фантасмагорія растительности. Порой мнѣ казалось, что мы ѣдемъ по какому-то дивному тропическому саду. Бѣлые рододендроны смѣнились фіолетовыми и розовыми. Эти уступили свое мѣсто дивнымъ золотисто-желтымъ азалеямъ. На каждомъ шагу выдвигались новые и новые представители жаркаго пояса, смѣняя холодныхъ альпійскихъ представителей. Мы спускались вдоль рѣчки, летѣвшей все время очаровательными водопадами и наполнявшей все ущелье грохотомъ и своимъ веселымъ ревомъ. Рѣчка летѣла съ терассы на терассу, а мы спускались съ карниза на карнизъ, ныряя въ рощи падубовъ, южныхъ калинъ, буковъ, перепутанныхъ плетями ліанъ, плюща и остролиста. Нашу рѣчку поглотила другая, болѣе водная, болѣе грозная рѣченка Цхра-Мухли и растительность сразу сдѣлалась еще пышнѣе, еще могучѣе, еще разнообразнѣе. Невозможно описать, что за дивные ароматы поднимались изъ этихъ рощъ и лѣсовъ, полныхъ представителей тропической флоры.

Фаэтонщикъ остановилъ лошадей и указалъ намъ кнутомъ впередъ, а впереди сквозь лѣсистыя лощины и скаты, надъ туманами горѣли вершины Эльбруса, въ ихъ бѣлыхъ снѣговыхъ ризахъ.

— Эльбрусъ, проговорилъ фаэтонщикъ и мы снова потонули въ зелени каштановъ, южныхъ дубовъ, тиссовъ, буковъ. Но это уже были все колоссы. Всѣ эти орѣшины, каштаны, лавры, фиги и гранаты, всѣ эти восхитительные буки, съ ихъ прямыми бѣловатыми стволами. Виноградъ и элодея

заползли по стеблямъ и стволамъ, одѣли могучія кроны и свѣсились длинными плетями. Мы остановились отдохнуть на сороковой верстѣ въ очаровательной долинѣ, въ хорошенькомъ орѣховомъ духанѣ, съ крошечнымъ балкончикомъ во второмъ этажѣ. Пышная растительность покрыла кругомъ горы, цѣлыя кущи лавровишенъ и самшитовъ переплелись въ непроходимыя дебри. Красивый духанщикъ-имеретинъ, съ черными пламенными глазами, быстро устроилъ насъ на балкончикѣ и отправился ставить намъ самоваръ.

— Въ двухъ верстахъ отсюда, сказалъ намъ фаэтонщикъ, находятся сѣрные ключи. Туда пріѣзжаютъ отовсюду мѣстные жители купаться.

— А ты тамъ бывалъ? спросили мы его.

— Нѣтъ не бывалъ, а сказываютъ, что хорошія воды.

Духанщикъ увѣрялъ насъ, что эти Коршевскія воды навѣрно прославятся, но пока тамъ ничего не устроено и больные купаются въ ямахъ, куда отводится горячая сѣрная вода.

Было такъ жарко, что мы предпочли остаться на своемъ балкончикѣ и побродить около гремящей рѣчки Багдадъ, въ которую здѣсь-же впадалъ тепловатый сѣрный водопадъ Коршевскаго источника, съ его сильнымъ запахомъ сѣры.

Закусивъ и напившись чаю въ этомъ чудномъ уголкѣ, мы поѣхали дальше внизъ по долинѣ среди многочисленныхъ ручьевъ, образовавшихъ граціозные водопады. Нѣкоторые скатывались по чернымъ стѣнамъ не то лѣниво, не то граціозно, другіе

прямо рушились по отвѣснымъ обрывамъ. Мимо промелькнуло живописное село съ церковью. Пламенная Колхида дышала на насъ своимъ горячимъ дыханіемъ, а по дорогѣ порой встрѣчались стройные, красивые люди въ необыкновенно эфектныхъ туземныхъ костюмахъ. Повсюду цвѣли виноградники, всюду поражающая растительность заполонила долину бурной рѣчки Багдадъ, по самому берегу которой мы неслись, пока не переѣхали мостъ и не въѣхали въ большое имеретинское село Багдадъ, съ рядомъ лавочекъ и духановъ по главной улицѣ, съ разрушенной бурями церковью. Затѣмъ вскорѣ за селомъ, такъ живописно лежащемъ въ концѣ долины между горъ, съ его прелестными, чисто игрушечными имеретинскими домиками изъ орѣха, мы въѣхали въ громадные Аджаметскіе лѣса, покрывшіе низины рѣки Квирилы. Дубы съ подлѣскомъ желтой азалеи верстъ на 15 одѣли низины и протянулись до самаго Кутаиса. Проѣхавъ нѣсколько часовъ въ тѣни дубовъ по безконечной лѣсной аллеѣ мы выѣхали къ рѣчкѣ Квирилѣ, которая снесла свой громадный мостъ, и мы должны были переѣхать рѣку на паромѣ. Переѣхавъ рельсы Поти-Тифлисской желѣзной дороги у станціи Ріонъ, мы снова въѣхали въ лѣса дуба и азалеи и только вечеромъ, уже послѣ заката остановились у подъѣзда гостинницы Франція въ Кутаисѣ.

Этотъ Аджаметскій лѣсъ, съ его длинными просѣками, которыя убѣгали отъ главной дороги правильными перспективами,—составляетъ неоцѣнимое богатство. Такъ какъ инженеры провели желѣзную дорогу, благодаря ихъ почему-то всегда въ этихъ

случаяхъ игривой фантазіи, не прямо черезъ Кутаисъ, главный торговый центръ всего запада Кавказа, столицы генералъ-губернаторства, политическій центръ Имеретіи и Мингреліи, а южнѣе, то дѣвственный Аджаметскій лѣсъ очутился еще въ болѣе выгодномъ положеніи. Этотъ Аджаметскій лѣсъ въ послѣднюю турецкую войну служилъ стоянкой нашего отряда, голодавшаго и мерзшаго, стоявшаго безъ всякаго дѣла, пока его начальство тонуло въ объятіяхъ имеретинскихъ гурій, въ шампанскомъ, а публично служило молебны и говорило громкія и патріотическія рѣчи.

28.

Сурамскій перевалъ.

По рѣчкѣ Чхеремелѣ. Растенія западнаго склона. Первыя впечатлѣнія Колхиды.

> Разорвавъ тоски оковы,
> Цѣпи пошлыя разбивъ,
> Набѣгаетъ жизни новой
> Торжествующій приливъ.
>
> *Алексѣй Толстой.*

Михайловская станція осталась за нами. Поѣздъ Поти-Тифлисской желѣзной дороги подымался въ гору. Послѣдніе грузинскіе аулы разбросались по прекрасной цвѣтущей долинѣ, а лѣсистыя горы поднялись красивыми стѣнами. Поѣздъ оставилъ Куру, она ушла въ горы, въ Боржомское ущелье, въ долины Малаго Кавказа, гдѣ грохочутъ ея родники. Мы все болѣе и болѣе поднимались въ горы и приближались къ высокой горной цѣпи, отдѣлившей Грузію отъ теплой Имеретіи, къ этой стѣнѣ, за которой царствуютъ другіе обычаи, живутъ другіе народы, растутъ другіе цвѣты, плещетъ золотой Ріонъ по благодатнымъ долинамъ, гдѣ жили генуэзцы и греки, гдѣ вліялъ съ доисторическихъ временъ благодѣтельный западъ и гдѣ всегда процвѣтала торговля и клокотала шумная жизнь. Эта горная стѣна

образуетъ Сурамскій перевалъ, разгородившій востокъ отъ запада, связавшій непроходимой стѣной Большой Кавказъ съ Малымъ, отдѣлившій восточную степь Куры отъ зеленыхъ западныхъ лѣсовъ, поставившій преграду персамъ и туркамъ. Этотъ перевалъ черезъ горный хребетъ—просто очарователенъ. У подножія лѣсистыхъ вершинъ поѣздъ остановился у станціи «Варварино». Это уголокъ Швейцаріи. Горы, луга, долины, падающіе и гремящіе ручьи, горные аулы, все полно невыразимой красоты, а всего красивѣе видъ на долину Куры. Селеніе Сурамъ, затонувшее въ фруктовыхъ цвѣтущихъ садахъ, окружило скалу съ грозными руинами замка, стоящими здѣсь со второго вѣка до Р. Х. и будто бы выстроенными владѣтельнымъ княземъ Тавасомъ. Черная стѣна, которая и теперь несокрушимо поднялась надъ крѣпостью, словно выросла изъ скалы. Легенда говоритъ, что князь Тавасъ долгое время не могъ вывести эту стѣну. Все что созидалось днемъ, рушилось ночью въ глубокую пропасть. Нашелся какой-то персидскій колдунъ, объявившій что необходимо подъ стѣной похоронить единственнаго сына вдовы. По приказанію Таваса такой мальчикъ былъ найденъ и заживо замуравленъ въ стѣну. Стѣна осталась стоять, простояла долгіе вѣка и стоитъ до нашихъ дней. Ее не грызетъ ни время, ни войны, ни непогоды, но она вѣчно сыра и въ самые адскіе жары не могла просохнуть и не просохнетъ, такъ какъ ее смочили горькія слезы несчастной вдовы, оплакавшей своего сына.

Вскорѣ за Сурамомъ нашъ поѣздъ, запряженный

двумя локомотивами, шумя и грохоча, минуя водопады, влетѣлъ въ длинный и темный тунель, прободавшій толщину горъ. За нами осталась Грузія, пустынная и суровая долина Куры, бурыя скалы, изгрызенныя пещерами, крѣпости и замки, какъ орлиныя гнѣзда, разбросанныя по утесамъ и горамъ, и мы вынырнули въ цвѣтущей и дивной горной мѣстности. Въ гору насъ тянули два локомотива, теперь на головоломно-крутомъ спускѣ съ горъ, одинъ изъ нихъ игралъ уже роль тормаза. За тунелемъ дорога шла еще дальше въ горы до высшей точки перевала, гдѣ поставленъ высокій сѣрый обелискъ, увѣнчанный золотымъ орломъ, составляющій пограничный пунктъ двухъ былыхъ царствъ. Изъ зелени горъ выскочилъ веселый и звонкій ручей Чхеремела, обрушился со смѣхомъ по камнямъ, бросая брызги и пѣну, и полетѣлъ съ вершинъ перевала въ далеколежащую внизу Имеретію.

Я вдыхалъ жадной грудью чудный горный воздухъ. Я чувствовалъ себя здѣсь въ другомъ мірѣ.

Дорога въ экипажѣ или пѣшкомъ черезъ эти горы должна быть восхитительна и пройтись 70 верстъ по отличному шоссе было-бы совсѣмъ не трудно, если-бы вешнія воды не снесли всѣ многочисленные каменные мосты.

Станція Ципа, залѣзсшая въ высшую точку перевала, открыла чудные виды на снѣговые хребты и пики. Я вышелъ на площадку вагона и жадно глоталъ эти картины, скользившія мимо меня. Восхитительные лѣса одѣли скалы и всю долинку Чхеремелы, по которой вился поѣздъ. Громадные буки

и грабы, дубы и каштаны переплелись вѣтвями, а кожистый темнозеленый плющъ одѣлъ скалы и утесы своей одеждой. Ущелье порой такъ узко, стѣны его до того сближались, что ручей и поѣздъ оспаривали другъ у друга мѣсто и оба, грохоча и шумя, мчались внизъ. Чхеремела глотала на каждомъ шагу падающіе съ горъ ручьи, вздувалась и все мощнѣе и говорливѣе летѣла по камнямъ, образуя безчисленные каскады. Поѣздъ вился по карнизамъ, постоянно перелетая ручей по безчисленнымъ мостамъ, внизу подъ нами виднѣлась экипажная дорога съ разрушенными водой мостами. Въ узкія долины взглядывали снѣжныя вершины. Хорошенькіе имеретинскіе домики, очень напоминающіе швейцарскія шалэ, окруженные галереями, крытые досками, кокетливо глядѣли изъ-за зелени лѣса и ничего не имѣли общаго съ ужасными грузинскими саклями и земляными лачугами; цвѣтущія каприфоліи висѣли гирляндами по деревьямъ и опутывали жимолость, самшитъ и падубъ своими ароматными цвѣтами. Повсюду по трещинамъ скалъ, по утесамъ торчали восхитительные букеты сѣрно-желтыхъ цвѣтовъ. Это цвѣла кавказская азалія. Я ее узналъ при первомъ взглядѣ. Ея кусты были покрыты букетами яркихъ ржавожелтыхъ бокальчатыхъ цвѣтовъ съ ихъ характернымъ одуряющимъ запахомъ. Мѣстами горы были залиты цвѣтами азалій и ихъ душный ароматъ вѣялъ на насъ. Еще красивѣе, еще поразительнѣе были рододендроны, эти кавказскія розы, родныя братья альпійскихъ розъ, излюбленныхъ туристами въ Швейцаріи. Рододендроны превосходятъ альпійскую розу,

какъ горы Кавказа—горы Швейцаріи. Сколько блеска, силы, красоты въ этихъ мужественныхъ и суровыхъ кустахъ, покрывающихъ скалы и горы перевала. Надо видѣть Сурамскій перевалъ весной во время цвѣтенія его горныхъ розъ, чтобы понять общіе восторги пассажировъ. Поѣздъ ѣхалъ въ какомъ-то чарующемъ грандіозномъ букетѣ цвѣтовъ. Восхитительные кусты громадныхъ піоновъ были сплошь покрыты малиновыми цвѣтами, величиной въ чайное блюдце, а листья отцвѣтшихъ подбѣловъ (Petasites) поднимались на берегу рѣчки, какъ колоссальные зонтики. Каждый поворотъ дороги открывалъ новыя панорамы, новые виды, новыя необозримыя сиреневыя кущи рододендроновъ, новые водопады горныхъ ручьевъ и прелестные, словно игрушечные, деревянные домики имеретинъ.

Восхитительны эти лощины цвѣтущей Колхиды, гдѣ все такъ заманчиво, гдѣ живутъ самые красивые народы кавказскаго племени: имеретины, гурійцы и мингрельцы, гдѣ кущи самшита дышутъ на васъ ароматомъ тропическихъ растеній, гдѣ поднялись стволы дерева Dyospyros, опутанные виноградной лозой, дико дающей плоды. На станціяхъ повсюду встрѣчались красавцы мингрельцы стройные, сильные, ловкіе, съ чудными черными глазами, съ черными, какъ смоль, волосами, съ смуглыми лицами. Ихъ пестрые костюмы еще болѣе выдѣляли ихъ красоту.

— Знаешь, чѣмъ красивѣе и ловче здѣсь человѣкъ, сказалъ мнѣ Тумановъ, тѣмъ вѣрнѣе можно сказать, что онъ разбойникъ и воръ. Мингрелія доставляетъ самыхъ отъявленныхъ разбойниковъ. Чѣмъ

они дѣлаются способнѣе къ работѣ и трудолюбивѣе, тѣмъ болѣе пропадаетъ ихъ красота. Здѣсь такая природа, что они ничего не дѣлаютъ и излѣниваются въ конецъ.

Здѣшнее населеніе еще задолго до вторженія греческихъ выходцевъ, пользовалось хорошимъ общественнымъ устройствомъ и стояло на высокой степени культуры. Здѣсь жилъ царь Аэтъ, отецъ Медеи, здѣсь воевали еще за пять вѣковъ до Р. Х. колхидцы съ персами, здѣсь и по сейчасъ встрѣчаются памятники Александра Македонскаго, здѣсь проповѣдовали Христово ученье апостолы Андрей и Симонъ Кананитъ, здѣсь владычествовали и греки, и римляне, и только при Багратидахъ Колхида присоединилась къ Грузіи.

За станціей Марелисы поѣздъ нырнулъ въ небольшой тунель и мы очутились въ небольшой рощѣ джон-джолей *). Всѣ кусты были обвѣшаны бѣлыми кистями душистыхъ цвѣтовъ, которые служатъ любимымъ мѣстнымъ лакомствомъ. Мелькнули какія-то руины среди лѣсной гущи. Чхеремела проглотила нѣсколько звонкихъ горныхъ рѣчекъ и полноводная неслась мимо виноградниковъ черезъ камни, обходя черныя скалы, заросшія плющемъ, съ изрѣзанными остатками башни.

Въ одномъ мѣстѣ экипажная дорога подошла къ броду черезъ рѣчку. Священникъ съ сѣдой бородой, съ Святыми Дарами въ рукахъ, и причтъ тоже верхомъ перебирались на ту сторону Чхере-

*) Staphyllea binnata. L.

мелы, очевидно спѣша къ умирающему. Это была дивная картина... Дальше плойчатыя скалы повисли надъ лѣвымъ берегомъ рѣчки и украсились развалинами замка на своемъ гребнѣ. Мы вступили въ узкое ущелье, все затканное жимолостью. Вышедши изъ ущелья, мы полетѣли по рощѣ душистаго самшита, который образовалъ здѣсь цѣлыя деревья, а его смѣнили новыя массы сиреневаго рододендрона.

На маленькой станціи Дзеруляхъ продавали характерныя черныя изъ обожженной глины имеретинскія вазы. Нѣкоторыя были ярко окрашены въ красный цвѣтъ. Мальчики бѣгали за пассажирами, предлагая свой товаръ по пятаку за вазу.

Еще дальше показались остатки стариннаго моста, а вскорѣ выплыла и станція Шаропань. На вершинѣ одной изъ горъ виднѣлись развалины древней крѣпости Шаропани, выстроенной за 2 вѣка до Р. Х. грузинскимъ царемъ Фарнавазомъ. Цѣлая заросль какихъ-то колоссальныхъ зонтичныхъ съ распускающимися большими зонтиками цвѣтовъ покрыли лужайки.

Ручей Чхеремела уже впалъ въ мутную рѣчку Квирилу и мы летѣли по ея берегамъ, по низинамъ Имеретіи. Станція Квирила, одна изъ самыхъ оживленныхъ, была полна народу. Тутъ-же рядомъ былъ шумный базаръ. Мальчики съ ладками толкались среди публики, продавая всевозможныя глиняныя вазы, кувшины и кружки, очень причудливой формы. Громадныя гледитчіи распростерли вѣтви надъ платформой, а сквозь ихъ зелень виднѣлись чудныя цѣпи горъ, которыя тону-

ли въ синихъ туманахъ. Имеретинцы въ синихъ курткахъ, съ фесками на головахъ, въ свѣтлыхъ жилетахъ съ красными поперечными полосами, шумѣли на платформѣ.

За Квирилой горы разбѣжались, а низменная мѣстность покрылась садами и виноградниками, между которыми повсюду торчали пирамидальные тополя. Поля пшеницы зеленѣли яркимъ изумрудомъ, а нѣкоторые участки земли распахивались на волахъ. Имеретинскіе крестьяне, въ бѣлыхъ рубахахъ, съ повязанной бѣлымъ платкомъ или башлыкомъ головой, шли за волами, запряженными въ первобытный плугъ, который, по всей вѣроятности, уцѣлѣлъ со временъ Ноя. Это даже не плугъ, а согнутый кусокъ дерева, на который насаженъ другой меньшій кусокъ съ желѣзнымъ наконечникомъ, а иногда это просто стволъ дерева съ толстымъ сучкомъ. И этой машиной крестьяне разрыхляютъ плодородную землю. Что за благодатный край! Круглый годъ здѣсь царитъ весна, плоды зрѣютъ безъ труда, виноградъ обвиваетъ каждое дерево, земля даетъ хорошіе урожаи при малѣйшей обработкѣ ея, топлива не нужно. У крестьянъ большею частью по два дома, изъ которыхъ одинъ служитъ для гостей и мужчинъ, а другой семейный. Въ первомъ домѣ чистая гостиная въ диванахъ «тахтахъ» и широкая кроват хозяина. Здѣсь-же рядомъ съ хозяиномъ всегда помѣщается и первый его другъ— конь, для котораго здѣсь-же въ гостиной сдѣланы ясли. При этомъ домѣ помѣщается и давильня для вина. За то въ семейномъ домѣ помѣщается все

хозяйство, весь домашній скарбъ, посуда, полевая утварь, шелковичные коконы и все прочее. Въ одной изъ двухъ комнатъ спятъ женщины и работаютъ, въ другой, съ очагомъ по серединѣ, стряпаютъ и сидятъ вмѣстѣ всей семьей. При домѣ всегда огородъ съ табакомъ, перцемъ, баклажанами, всевозможныя душистыя травы, до которыхъ кавказцы такіе охотники. Плодовые садики полны айвы, гранатника, инжира, персиковъ, тутовыхъ деревьевъ и орѣховъ. Тутъ-же арбузы и дыни и неизбѣжные бобы «лобія», безъ которыхъ немыслимо никакое хозяйство на Кавказѣ.

На станціи «Свири» меня поразили прически имеретинъ, въ видѣ длинныхъ локоновъ, которые падали на плечи, какъ змѣи.

— Такой былъ Язонъ, шепнулъ я Туманову, эта прическа должно быть уцѣлѣла здѣсь со временъ красавицы Медеи.

Всѣ мущины были въ башлыкахъ, всѣ были опоясаны кушаками, за которыми торчали кинжалы. Имеретинскія дамы, худощавыя, черноглазыя, съ парой длинныхъ характерныхъ локоновъ надъ ушами, въ круглыхъ, какъ бубны, шапочкахъ, съ длинными кисейными или тюлевыми фатами, обернутыми вокругъ шеи, привлекли мое вниманіе.

Цвѣтущіе луга, заросли яркихъ азалій въ папортникѣ-орлякѣ и дубовыя рощи слѣдовали съ нами до самой станціи «Ріонъ», на берегу сказочной золотой рѣки, гдѣ мы вышли изъ вагоновъ, чтобы пересѣсть въ другой поѣздъ и ѣхать по боковой вѣтви въ городъ Медеи, въ столицу Имеретіи—Кутаисъ.

Ріонъ, этотъ фазисъ древнихъ грековъ, спускающійся съ своими притоками съ вершины Пасъ-горы, привлекъ аргонавтовъ во время царя Аэта въ эти страны и назывался въ древности Пасисъ или Фазисъ. Здѣсь искалъ Язонъ золотое руно, здѣсь въ этой цвѣтущей долинѣ, съ ея роскошной растительностью, хранилось оно, здѣсь пролегала торговая дорога съ запада на востокъ по Ріону и Квирилѣ до Шаропана, гдѣ перегружали товары на вьюки и перетащивъ ихъ черезъ Сурамскій перевалъ, въ 5 дней достигали Куры, а тамъ черезъ Каспійское море ладьи плыли въ Аму-Дарью, впадавшую въ тѣ времена не какъ теперь въ Аральское море, а въ голубой Каспій. Золотой Ріонъ привлекалъ въ древности всѣ народы и на шумныхъ и богатыхъ рынкахъ сходились торговцы болѣе трехсотъ племенъ и римляне, и греки принуждены были ради торговыхъ сношеній съ однимъ Кавказомъ держать до 130 разныхъ переводчиковъ. Кавказъ поставлялъ на черноморскіе рынки главнымъ образомъ невольниковъ. Красота гурійцевъ и имеретинъ славилась повсюду и Колхида доставляла массу красавицъ для сералей мусульманъ. Всѣ невольничьи рынки были выставками красоты. Обитатели Колхиды получили жгучіе глаза отъ египтянъ, грацію и чудное сложеніе отъ индусовъ, падающіе на плечи волосы отъ финикіанъ. И теперь можно видѣть выставку красоты, если отправиться въ базарный день въ городокъ Зугдиди, прежнюю столицу владѣтельныхъ князей Мингреліи, недалеко лежащую отъ Кутаиса. По субботамъ и воскресеньямъ до полудня въ Зугди-

дахъ собираются на базаръ мѣстные красавцы и красавицы, представляющіе большую достопримѣчательность края. Они поражаютъ граціей, ловкостью, живописностью бѣдныхъ и изодранныхъ костюмовъ, подборами цвѣтовъ и плѣняютъ огненнымъ взглядомъ черныхъ глазъ. Это дѣти невѣжества, лѣни, а потому и бѣдности, но на нихъ на всѣхъ лежитъ печать очарованья. Надо видѣть грацію и легкость гурійцевъ и ихъ женщинъ въ лезгинкѣ. Дѣйствительно поддаешься очарованью вполнѣ и понимаешь, что въ лезгинкѣ есть непобѣдимыя чары...

Вся нынѣшняя Кутаисская губернія обнимаетъ Имеретію, Мингрелію и Гурію, страну, которая во время владычества римлянъ называлась Лазикой и была театромъ войнъ и распрей, пока не слилась съ Грузіей и пока не вознесла ее царица Тамара. Послѣ монгольскаго погрома страна сдѣлалась вертепомъ грабежей и насилій князей и правящихъ лицъ. Воровство, убійство и клятвопреступленія дошли до грандіозныхъ размѣровъ. Царь Соломонъ I, изгнанный изъ Кутаиса, который заняли турки, съ помощью русскихъ взорвалъ часть города съ громаднымъ соборомъ и все-таки не могъ потушить распрей, хотя и вернулся въ Кутаисъ. Миръ наступилъ подъ покровительствомъ Россіи.

Поѣздъ пробирался по Аджаметскому лѣсу дубовъ и грабовъ, зарослямъ папортника-орляка и желтыхъ азалій. Ослѣпительно синія очанки, вязелы и огненно-красные молочаи перемѣшались въ пестрый и красивый коверъ.Ароматъ, нѣсколько удушливый и приторный, азалей просто душилъ насъ.

— Гляди, Ріонъ, указалъ мнѣ Тумановъ.

Слѣва открылся обрывъ съ великолѣпнымъ видомъ на долину, на серебряную рѣку, на городъ, потонувшій въ садахъ и вскарабкавшійся на утесы по берегамъ, на снѣжныя цѣпи горъ, окружившія горизонтъ.

Это былъ Кутаисъ, городъ розъ, городъ красотъ и древнихъ святынь, городъ-старецъ передъ Римомъ и Тифлисомъ, прежняя милетская колонія, родина сказочной Медеи, столица и Лазики и древней Колхиды, теперь губернскій, скучный городъ, центръ нѣсколькихъ чудныхъ экскурсій, обязательныхъ для каждаго путешественника по Кавказу.

Мы подъѣхали къ вокзалу, взяли фаэтонъ и быстро полетѣли по душнымъ и пыльнымъ улицамъ въ гостинницу «Францію», находящуюся въ центрѣ города.

29.

Кутаисъ.

По городу. Сады. Развалины храма Баграта. Поѣздка въ Гелатскій монастырь и Мотцамети. Тквибули.

Съ тѣхъ поръ промчалось много лѣтъ,
Пустая древняя обитель
И время общій разрушитель
Смывало постепенно слѣдъ
Высокихъ стѣнъ. И храмъ священный
Сталъ жертва бури и дождей,
Изъ двери въ дверь во мглѣ ночей
Блуждаетъ вѣтръ освобожденный
И средь разсѣлинъ стѣнъ сѣдыхъ
Большой паукъ, пустынникъ новый,
Кладетъ сѣтей своихъ основы.

Лермонтовъ.

Увы, отъ прежняго Кутаиса уцѣлѣло немного. Городъ лежитъ въ очаровательной долинѣ на берегахъ Ріона и окруженъ цвѣтущими горами, изъ-за которыхъ глядятъ снѣжныя вершины. На лѣвомъ утесистомъ берегу онъ вскарабкался по отвѣснымъ камнямъ на крутики и увѣнчался восхитительными развалинами Багратскаго храма, а на правомъ, болѣе плоскомъ, образовался хаосъ домовъ, потонувшихъ въ садахъ, но все-же это скучный провинціальный городъ.

Въ центрѣ города, на громадной площади, противъ главнаго собора, находится городской садъ съ хорошими тѣнистыми аллеями липъ, вязовъ и клеховъ. Тутъ подняли свои острые листья пучки юккъ, которыя цвѣтутъ лѣтомъ своими удушливыми, но прелестными колосьями громадныхъ бѣлыхъ цвѣтовъ, тутъ разные, вѣчно зеленые кусты, съ ихъ характернымъ южнымъ запахомъ, надъ которымъ всегда владычествуетъ самшитъ. Всѣ тропическія страны отличаются этими ароматами листовъ и южныхъ цвѣтовъ, разлитыми въ воздухѣ. На берегахъ Ривьеры, въ Ниццѣ, въ Крыму, всюду по садамъ слышится этотъ характерный запахъ листвы, навѣвающій нѣгу. Тоже было и въ Кутаисѣ.

— Пахнетъ тропиками! воскликнулъ я тотчасъже, какъ мы вышли изъ гостинницы.

— Что за вздоръ, сказалъ Тумановъ, какой запахъ у тропиковъ!

— А развѣ ты не слышишь? Только въ настоящихъ южныхъ мѣстахъ разлитъ въ воздухѣ этотъ запахъ зрѣющаго винограда Изабеллы. Это пахнетъ мой любимый самшитъ.

— Твой самшитъ пахнетъ кошками, отвѣтилъ Тумановъ, когда я далъ ему понюхать листья этого куста.

Главная площадь окружена безконечными рядами торговыхъ зданій, базаровъ, лавокъ, съ ихъ характерной жизнью. Это галереи въ аркадахъ, обсаженныя со стороны улицъ деревьями, образовали цѣлый лабиринтъ. Тутъ, по обычаю востока, цѣлыя улицы посудныхъ лавокъ, фруктовыхъ, зеркальныхъ,

башмашниковъ и другихъ. Особенно интересны и пестры всѣ эти ряды, которые идутъ къ базарной площади. Тутъ и винные погреба, съ ихъ бурдюками и оживленной толпой, слушающей веселаго кинто, черноглазаго имеретина, то мальчика, то мущину зрѣлыхъ лѣтъ, комика по натурѣ и весельчака, тутъ и кузнецы съ ихъ стукомъ и грохотомъ молотковъ о наковальни, и шапочныя, и башмачныя, и цирюльни съ ловкими цирюльниками, и пургвино, эти восточные рестораны и пивныя, съ накрытыми столами и съ букетами изъ неестественныхъ бумажныхъ цвѣтовъ на нихъ, и пекарни, съ ихъ постоянными чуреками и довашами, и конфектныя, и кухни, гдѣ приготовляется мѣстная каша «гоми», крутая и безсолая, замѣняющая хлѣбъ, кукурузныя лепешки «чади» и десятки варіацій плова. Сама базарная площадь днемъ бываетъ завалена всякими плодами, мѣстными сырами «квели», овощами и другими деревенскими продуктами, которые свозятся сюда изъ окрестностей. Вечеромъ пустынная площадь, окруженная лавками, освѣщается, какъ на сказочномъ востокѣ, масляными горѣлками, а татарскіе ряды освѣщены пестрыми фонарями, что придаетъ совсѣмъ сказочный видъ этимъ длиннымъ галереямъ, съ ихъ пестрыми товарами и безъ того напоминающими театральное зрѣлище. Въ концѣ рядовъ, на берегу Ріона примостились довольно скверныя восточныя бани, осѣненныя полумѣсяцемъ у входа. Противъ бань, по другую сторону глухаго проулка, стоитъ старый бѣлый домъ съ заколоченными окнами и дверьми и барельефами въ

видѣ гирляндъ по стѣнамъ. У входа въ домъ небольшой балконъ надъ обрывомъ къ Ріону. Небольшой бѣлый каменный левъ сторожитъ этотъ старый забытый домъ, около котораго и грустно и жутко теперь бродить, особенно ночью при лунѣ. Деревянная галерейка виситъ съ бока дома надъ рѣкой и чудилось, что кто-нибудь выйдетъ на эту галерейку полюбоваться дивной южной ночью. Главный соборъ противъ городскаго сада, гдѣ по воскресеньямъ играетъ музыка и собирается все городское населеніе, ничего особеннаго не представляетъ. Это все тотъ-же ящикъ, съ каменнымъ барабаномъ на крышѣ, подъ зеленымъ пирамидальнымъ куполомъ.

Большинство одноэтажныхъ или двухъэтажныхъ домиковъ окружено галереями, иногда пестрыми и вычурными, но всегда эти галереи завиты розами и глициніями, заползающими на крыши этихъ домиковъ. Глицинію въ Кутаисѣ называютъ китайской сиренью и она не можетъ не поражать своей красотой. Я видѣлъ домики, обвитые этимъ восхитительнымъ ползучимъ растеніемъ, совсѣмъ затонувшіе въ громадныхъ гроздяхъ и кистяхъ сиреневыхъ, ароматныхъ цвѣтовъ, очень похожихъ на бѣлую акацію, но гораздо крупнѣе ея. Я видѣлъ грозди этихъ цвѣтовъ въ полтора аршина длиной. Онѣ висѣли съ балконовъ и галерей, какъ чудовищныя кисти, и буквально топили домики въ своихъ цвѣтахъ. Плющи и розы вились тоже подъ крыши, а высокія, черныя колонны кипарисовъ торчали повсюду надъ городомъ въ перемѣшку съ пирамидальными тополями.

Губернаторскій домъ окруженъ небольшимъ са-

дикомъ, принадлежащимъ, какъ и самъ домъ, нѣкоему Никашидзе, но садъ открытъ для публики и, не смотря на свои крошечные размѣры, стоитъ посѣщенія. Здѣсь собраны роскошные представители тропическихъ растеній, которыя выносятъ мягкій климатъ Ріонской долины, здѣсь глициніи обвиваютъ до самой вершины пирамидальные тополя, превращая ихъ въ чудовищные букеты лиловыхъ цвѣтовъ, которыхъ такая масса, что листья тополя тонутъ въ ихъ нарядной одеждѣ. Прелестные кипарисы, магноліи съ ихъ кожистыми темными листьями и громадными амфорами бѣлыхъ цвѣтовъ, пестролистный кленъ, съ его нѣжной бѣло-розовой листвой, олеандры бѣлые и розовые, китайскіе древковатые піоны и масса всевозможныхъ вѣчно зеленыхъ кустовъ, съ ихъ пресловутымъ запахомъ, не можетъ не восхищать самаго равнодушнаго зрителя. Нѣсколько деревьевъ камелій, сплошь покрытыхъ цвѣтами, вѣерная пальма, сѣрая зелень оливъ, кущи лавровъ, съ ихъ упоительнымъ липовымъ запахомъ желтыхъ цвѣтовъ, громадныя цвѣтущія волкамеріи, все это дышетъ на васъ жаркимъ югомъ, а снѣжно-бѣлая глицинія, феноменъ среди цвѣтовъ, какъ бѣлый слонъ, бѣлый филинъ, бѣлый олень, перекинулась гирляндами съ дерева на дерево и, словно усталая отъ жары, свѣсила свои граціозныя бѣлыя кисти надъ дорожкой сада.

Садики въ Кутаисѣ всѣ полны фруктовыми деревьями и вѣчно зелеными кустами. Не рѣдко надъ бѣлой каменной стѣной свѣшиваются вѣтви прелестной южной акаціи (Acacia Iulibrisin), листья ко-

торой такъ тонки, такъ воздушны, что напоминаютъ скорѣй перья, чѣмъ листья, а цвѣты, ввидѣ розовыхъ щетокъ, одѣваютъ всѣ вѣтви. Преобладающее растеніе въ Кутаисѣ—это гранатникъ. Я нигдѣ и никогда не видалъ его такой массы. Весной красные листья его кустовъ такъ идутъ къ сѣрымъ скаламъ, къ развалинамъ Кутаиса и заполонили его совершенно. Кутаисъ это городъ гранатовъ. До чего они красиво лѣпятся вдоль каменныхъ сѣрыхъ стѣнъ еврейской части города, поднимаются на крутики скалъ, цѣпляются въ трещины камней и развалинъ, покрываютъ песчаные участки и рѣзко выдѣляются среди другихъ растеній. Когда гранатъ цвѣтетъ своими красными цвѣтами, его кусты и деревья покрываются словно языками пламени. Рѣдкій цвѣтокъ такъ красенъ, какъ цвѣтокъ граната, и спорить съ нимъ можетъ только одинъ полевой макъ. Особенно хороши гранатники, покрывающіе скалы лѣваго берега Ріона, гдѣ въ древности высился городъ Укимеріонъ, защищавшій своей сильной и неприступной крѣпостью долину Ріона, гремящаго внизу въ своемъ каменномъ ложѣ.

Благодатная природа ростить всевозможныя фруктовыя деревья, но лѣнь имеретинца мѣшаетъ ему заняться культурой ихъ.

— У васъ должны быть чудныя гранаты, сказалъ я одному кутаисцу, съ которымъ случайно познакомился.

— Помилуйте, воскликнулъ онъ, если-бы только немного поухаживать за садами, такъ чего-бы достичь можно! Природа богатая и безъ ухода все

даетъ, народъ и лѣнтяйничаетъ. А что здѣсь была плодовая культура, такъ въ этомъ и сомнѣнья нѣтъ. И сейчасъ можно встрѣтить въ лѣсахъ яблони, разсаженныя въ извѣстномъ порядкѣ, это остатки прежнихъ садовъ. Рынки бываютъ завалены плодами, да хоть бы вотъ гранатами, а все не хорошіе сорта. Иногда найдешь восхитительные плоды, высокаго качества, и айву, и персики, и гранаты. Стараешься разузнать: откуда, изъ какого сада, съ какого дерева, и оказывается, никто ничего не знаетъ. Вѣдь если айва высокаго сорта, хорошо культивирована, такъ вѣдь только два плода ея способны продушить большую комнату чуднымъ ананаснымъ запахомъ. А здѣсь продаютъ все больше дикую айву, почти безъ всякаго запаха. Вотъ вы о гранатахъ спросили. Здѣшніе гранаты, пудъ стоитъ 40 коп., а то 30, ихъ тутъ около полутораста штукъ будетъ, а Елизаветпольскіе, культивированные, съ темнымъ сокомъ, стоютъ не менѣе трехъ рублей за сотню. Да и вообще здѣсь всѣ смотрятъ на фрукты, какъ на общественное достояніе и страшно портятъ плодовые сады.

Я ѣздилъ на ферму Ріона, потонувшую въ громадныхъ магноліяхъ, въ кипарисахъ и пирамидальныхъ тополяхъ, завитыхъ чуть не до вершины виноградниками. Эта ферма была устроена для пріученія мѣстнаго населенія—къ садоводству. Увы, изъ этой затѣи ничего не вышло. Ферма съ своими аллеями фруктовыхъ деревьевъ и образцовыми виноградниками не подняла садоводство Кутаиса.

Рѣдкій городъ напомнилъ мнѣ такъ много Испанію,

какъ Кутаисъ. Таже тропическая растительность, тоже пестрое прекрасное населеніе, тѣ-же постройки домиковъ съ галереями, таже лѣнь и распущенность, тоже обаяніе вечеровъ съ ихъ плохладой, ароматомъ, любовными пѣснями и танцами.

Главная развалина Кутаиса—это остатки великолѣпнаго собора Баграта, вѣнчающіе скалы лѣваго берега, и мы отправились къ нимъ черезъ одинъ изъ мостовъ надъ Ріономъ. Многія зданія стояли не только на берегу, но прямо въ рѣкѣ, поднимаясь изъ ея водъ на громадныхъ каменныхъ фундаментахъ и свѣсивъ надъ рѣкой свои терассы, иногда покрытыя садиками. Какія-то развалины поднялись вблизи моста у крутаго берега изъ рѣки и глядятъ своими слѣпыми окнами на городъ. Балконы обвалились въ рѣку, окна втораго этажа, словно сквозная галерея, украсили руину, а за ними выше люди устроили свои жилища. Живописныя горы поднялись кверху, а имеретинскіе домики и эфектная церковь на вершинѣ украсили весь крутой берегъ.

Перебравшись черезъ мостъ, мы стали карабкаться въ гору. Іудины деревья были въ полномъ цвѣту и ихъ совсѣмъ розовыя кроны красиво поднимались надъ дорогой. Чѣмъ мы выше забирались по крутой дорогѣ въ гору, тѣмъ больше попадалось намъ обломковъ стѣнъ и развалинъ. Громадныя гранитныя стѣны подпирали скалы. Инжиры и гранатникъ одѣли ихъ трещины, а дорога, вилась, какъ змѣя, проползая между стѣнъ и заборовъ, между нависшими галереями деревянныхъ домиковъ и кущъ деревьевъ и кустовъ. Мы добрались до громаднаго архіерей-

скаго дома съ семинаріей, портящими видъ и усѣвшимися на одной изъ каменныхъ терассъ. Вся окрестность была усѣяна камнями, обломками и стѣнами, надъ которыми простерли свои гигантскія вѣтви многовѣковыя орѣшины.

Измученные, прожаренные, добрались мы до развалинъ Багратова храма, выстроеннаго въ 1003 году Багратомъ IV, начатаго еще Багратомъ III. Много развалинъ пришлось мнѣ видѣть во всѣхъ странахъ, но я долженъ признать эти старыя стѣны въ Кутаисѣ самыми живописными и красивыми. Только на берегу Адріатическаго моря около Тріеста въ городкѣ Пирано, я видѣлъ такую-же живописность, такую-же поэзію развалинъ стараго замка. Храмъ Баграта былъ начатъ грузинскими архитекторами, а законченъ греками и представляетъ самый блестящій памятникъ Грузіи, совмѣщающій все, что ни есть замѣчательнаго въ армянскомъ и византійскомъ стиляхъ. Въ 1691 году его разрушили турки и уцѣлѣвшія руины говорятъ намъ, чѣмъ нѣкогда былъ этотъ храмъ съ его соразмѣрностью, изяществомъ и красотой, храмъ, гдѣ кутаисскій епископъ возлагалъ корону на голову имеретинскаго царя.

Архіерейскій домъ, бѣлое большое зданіе съ галереей спереди, скрылся за лужайкой, на которой находятся плиты нѣсколькихъ забытыхъ могилъ. Громадныя двѣ липы распростерли свои тѣнистыя и длинныя вѣтви надъ всей лужайкой и поражаютъ своимъ ростомъ, силой и красотой. Эти липы принадлежатъ къ диковинкамъ Кавказа и онѣ извѣстны всѣ на перечетъ. Вѣроятно, подъ ними когда нибудь

совершались богослуженія и призывались божества. Онѣ до сихъ поръ стоятъ полныя величія и святости.

У развалинъ храма меня встрѣтила громадная толпа гимназистовъ, черноглазыхъ имеретинскихъ мальчиковъ, игравшихъ на большомъ пустырѣ около семинаріи. Они всѣ толпой повели меня по обломкамъ стѣнъ былой крѣпости Укимеріона и по камнямъ, поросшимъ гранатникомъ, къ развалинамъ. Сѣрыя грандіозныя стѣны когда-то прелестнаго собора, съ провалившимся куполомъ, поросшія плющемъ, вырѣзались на фонѣ ярко-синяго южнаго неба во всемъ своемъ величіи, во всей своей оставшейся красотѣ и напомнили мнѣ извѣстную декорацію проклятыхъ развалинъ монастыря въ оперѣ «Робертъ». Тысячи стрижей носились съ оглушительнымъ крикомъ надъ развалинами, бороздя небо. Кусты инжира, папортники, трава, гранатики покрыли всѣ трещины стѣнъ, цѣпляясь за барельефы и карнизы, за горельефы львовъ и тигровъ великолѣпнаго зданія. Я вошелъ черезъ обломки, черезъ груды обрушившихся колоннъ и стѣнъ въ храмъ. Внутри былъ хаосъ. Тутъ лежали обломки колоннъ, гробницъ, плитъ, а высокія грандіозныя стѣны, съ оставшимися барельефами, съ узкимъ щелевиднымъ окномъ, задрапированнымъ плющемъ, съ громадными трещинами, съ торчащими и нависшими камнями, угрожающе смотрѣли на меня. Это былъ величавый могильный памятникъ, полный тишины и презрѣнія къ доносившемуся шуму современной жизни. Западная наружная стѣна сохранилась всего лучше. Тутъ и гигантскій крестъ, и какія-то украшенія ввидѣ единороговъ, и

скульптурныя плетенія, а подъ стѣной среди кучъ камней и мусора—валялись плиты и камни съ прелестными барельефами грифовъ, звѣздъ и надписей. Вся сѣверная сторона собора, съ главнымъ входомъ въ него, ввидѣ купола покоющагося на колоннахъ, до того густо покрыта плющемъ, что камней не видно и кажется, что храмъ съ его колоннами и куполомъ надъ входомъ сложенъ изъ однихъ листовъ плюща.

Вокругъ собора море камней, остатки церквей, стѣнъ и башенъ прежней крѣпости, разрушенной русскими войсками, пришедшими черезъ Осетію на помощь царю Соломону I. Я глядѣлъ на эти печальные остатки древняго Укемеріона, на этотъ низвергнутый акрополь, который покрываютъ кусты гранатника и инжира. Остатки башенъ, водопроводовъ, улицъ узнаютъ еще по положенію камней съ надписями... Мы взобрались на одинъ обломокъ башни, окруженной зарослью пунцоваго граната и повисшей надъ обрывомъ къ Ріону.

Гимназисты говорили, что здѣсь лучшій видъ.— Дѣйствительно, видъ приковалъ все наше вниманіе. Вся долина Ріона, съ ея рощами, извивами рѣки, ея горами, покрытыми желтыми и лиловыми пятнами азаліевыхъ и рододендроновыхъ рощъ, весь пестрый Кутаисъ, съ его церквами, улицами, мостами надъ Ріономъ, кудрями садовъ, плоскокрышими домиками, всѣ цѣпи горъ до блистающихъ снѣговъ раскрылись передо мной. Изъ подъ моихъ ногъ огненная гранатовая куща, какъ неопалимая купина, сбѣгала со скалъ и окружила толстую изгрызенную грузинскую

башню. На одной изъ зеленыхъ отдаленныхъ горъ, бѣлѣла группа зданій.

— Это Гелатскій монастырь, объяснили гимназисты. Вотъ тотъ съ колокольней, высокій соборъ въ Кутаисѣ—это армянскій соборъ. А вонъ гимназія. Она построена на остаткахъ царскаго дворца. И теперь тамъ во дворѣ сохранились старыя галереи.

Вдали синѣли Зекарскія горы и рѣзали облака, а въ равнинѣ синяя лента Квирилы сливалась съ пѣнистымъ Ріономъ. У моихъ ногъ лежалъ Кутаисъ, съ его многочисленными развалинами и церквами, а дальше по рѣкѣ ферма Ріона, гдѣ теперь цвѣли колоссальныя магноліи. Просто не хотѣлось уходить. Я видѣлъ этотъ видъ вечеромъ, когда всю дивную панораму освѣщала луна, а городъ горѣлъ освѣщенный многочисленными огнями.

Получалось впечатлѣніе чего-то волшебнаго.

Гимназисты вызвались проводить насъ по тропинкѣ внизъ и повели насъ по такому головоломному крутику, что Тумановъ бранился всю дорогу, находилъ мальчишествомъ и глупостью подобные рискованные спуски. Онъ нѣсколько разъ рисковалъ слетѣть и, если-бы не гимназисты, лазавшіе, какъ обезьяны, онъ навѣрное такъ благополучно не спустился-бы внизъ. Приходилось скакать съ камня на камень, спускаться, ухватясь за вѣтви гранатника, какъ за веревки, и съ большой осторожностью ставить ногу на выступы скалы, такъ какъ нерѣдко камни обрывались изъ подъ ногъ.

Гимназисты хохотали надъ Тумановымъ и это

выводило изъ себя моего милаго спутника, совсѣмъ выбившагося изъ силъ.

— Если ты будешь выдумывать подобныя глупости, сказалъ онъ, когда мы стояли на дорогѣ внизу, я брошу тебя. Вѣдь надо быть о двухъ головахъ, чтобы спускаться по такой стѣнѣ. Посмотри на что мы похожи!

Онъ ворчалъ всю дорогу, а мое веселое и смѣшливое настроеніе раздражало его.

Тумановъ отправился прямо домой и не захотѣлъ зайти со мной во дворъ гимназіи и полюбоваться старымъ и мощнымъ платаномъ, которымъ гордится весь Кутаисъ. Это величественное дерево было мѣстомъ, гдѣ судили имеретинскіе цари обвиняемыхъ и въ случаѣ ихъ жестокой вины, вѣшали ихъ на эти-же толстые сучья. На толстомъ стволѣ, который въ обхватъ 15 аршинъ, есть рубецъ.

— Это слѣдъ отъ каната, объяснили мнѣ гимназисты, сопровождавшіе меня. Здѣсь былъ привязанъ паромъ, который ходилъ черезъ Ріонъ.

Отъ дворца имеретинскихъ царей сохранились только нижніе своды, на которыхъ выстроено зданіе гимназіи и которые окружаютъ полукругомъ весь дворъ.

* *
*

Рано утромъ на слѣдующій день подъѣхалъ къ подъѣзду гостинницы заказанный наканунѣ фаэтонъ. Мы поѣхали въ Гелатскій монастырь, въ эту святыню Грузіи, не побывать въ которой — было-бы прямо позорнымъ дѣломъ для туриста.

Проѣхавъ городъ, мы помчались по еврейскому пригороду съ его лачугами и балкончиками, потонувшими въ садикахъ. Миновавъ развалины башни, мы свернули по дорогѣ надъ самымъ обрывомъ къ Ріону. Рѣка летѣла намъ навстрѣчу, кружилась и шумѣла, вырываясь изъ ущелій, а карнизъ дороги висѣлъ прямо надъ пропастью, ничѣмъ не отгороженный. При встрѣчѣ съ телѣгами и арбами, приходилось чуть не парить надъ пропастью и нерѣдко одно изъ колесъ фаэтона вертѣлось въ воздухѣ надъ краемъ обрыва. Но вотъ дорога свернула въ сторону и мы полетѣли по рощамъ рододендроновъ и вѣчнозеленыхъ кустовъ, въ горы. Воздухъ былъ пропитанъ ароматомъ цвѣтовъ и южной зелени. Всѣ горы были сплошь покрыты дивной, южной растительностью, которая переплелась и перепуталась въ сплошную и невысокую рощу, прорѣзанную серпентиной дороги. Я не могъ удержаться и неоднократно выскакивалъ изъ коляски, чтобы нарвать цвѣтовъ. Вся коляска потонула въ букетахъ рододендроновъ и джонъ-джолей. Мы въѣхали на вершину горъ, съ которой открылся прелестный видъ на долину Красной рѣчки и на Гелатскій монастырь, высоко-залѣзшей на противоположную цѣпь горъ по ту сторону Красной рѣки. Бѣлые храмы Гелата живописно лѣпились на зеленой горѣ, а деревеньки, разбросанныя въ долинѣ Красной рѣчки, рисовались маленькими бѣлыми островками. Спустившись съ горы, мы проѣхали духанъ, пересѣкли Красную рѣчку по мосту и стали взбираться на крутую и высокую Гелатскую гору, затонувшую въ рощахъ и

виноградникахъ. У воротъ монастыря, совсѣмъ закрытыхъ плющемъ, мы вышли изъ экипажа и вошли въ тихій, спокойный монастырь на его пустынный, поросшій травой дворъ, на которомъ стоятъ всѣ его монастырскія зданія. У воротъ прижалась самая старая небольшая церковь св. Георгія, въ серединѣ двора поднялся соборъ Богоматери, типичный по постройкѣ всѣхъ грузинскихъ церквей, самый интересный и богатый, полный старыхъ иконъ и предметовъ, и еще далѣе поднялась церковь св. Николая, ничего интереснаго не представляющая для туриста.

Церковь Св. Георгія маленькая, старая, которой считается болѣе 1000 лѣтъ, уже вросла въ землю. Ея наивныя дѣтскія, почернѣвшія фрески полны курьезовъ и старины. На одной плитѣ, вставленной въ стѣну, изображенъ Георгій, стоящій на землѣ.

Мы вошли въ главный соборъ Богородицы, въ эту святыню святынь всей Грузіи и всего Кавказа, въ этотъ прекрасный желтоватый храмъ, построенный Давидомъ Возобновителемъ въ память присоединенія Кахетіи и своихъ побѣдъ надъ турками. Храмъ полонъ свѣта и покрытъ фресками, а двухъярусный бѣлый иконостасъ полонъ драгоцѣнныхъ иконъ. Алтарная стѣна храма покрыта удивительной мозаикой, которая напомнила мнѣ мозаику Софійскаго собора въ Кіевѣ. Это таже Нерушимая стѣна. По золотому полю купола—выложена громадная фигура Богоматери и двухъ ангеловъ. Какъ пестрые ковры, покрываютъ стѣны Гелатскаго собора—мозаики и фрески. Монастырь называется Гаенатскимъ и «слово» Ге-

лать позднѣйшая передѣлка его. Здѣсь жили католикосы Грузіи, здѣсь хоронили со временъ Давида грузинскихъ царей.

Наружный видъ храмовъ нѣсколько разочаровалъ меня, за то внутренность собора, напомнившая и соборъ св. Марка въ Венеціи, и Успенскій — въ Москвѣ, и Софію—въ Кіевѣ, не могла не поразить. Колоссальныя фигуры царей, рисованныя наивно, по старинному, такъ плоско, безъ всякой перспективы, такъ пестро съ восточными лицами, всѣ на одинъ шаблонъ, всѣ поставленныя въ одну шеренгу, всѣ черноволосыя, съ удивленными глазами, поражаютъ простотой рисунка. Самъ Давидъ Возобновитель въ зеленомъ одѣяніи, съ массивной короной на головѣ, съ плоскимъ восточнымъ лицомъ, съ черными глазами, съ моделью церкви въ одной рукѣ, съ свиткомъ въ другой, съ громаднымъ перстнемъ на пальцѣ, служившимъ государственной печатью, стоитъ рядомъ съ Багратомъ III и съ католикосомъ Абхазскимъ Евдемономъ, строившимъ Гелатскій храмъ. Черная борода и колоссальный ростъ Давида отличаетъ его отъ другихъ царей. Царь имеретинскій Багратъ, въ багряной далматикѣ. Тутъ-же его жена Елена, царь Георгъ съ Русуданой, маленькой царевной, Константинъ и Елена, царевичъ Багратъ. Всѣ грузинскіе цари въ золотыхъ бармахъ и широкихъ поясахъ. Тутъ же по стѣнамъ и сводамъ изображены святые, мученики, столпники, ангелы, апостолы и во всѣхъ изображеніяхъ сказывается Азія. Даже Христосъ изображенъ смуглымъ, грузинскаго типа. Поблекшія и полинявшія отъ времени фрески

крайне характерны своими рисунками. Всѣ эти картины: «Входъ Господень въ Іерусалимъ», «Спаситель съ апостолами», «царь Давидъ играетъ передъ Богородицей на лирѣ», «Іоаннъ Креститель въ звѣриныхъ шкурахъ», всѣ онѣ оригинальны и производятъ впечатлѣніе будто стѣны собора устланы пестрой матеріей. Весь иконостасъ, бѣлый и низкій, уставленъ старинными, громадными, потемнѣвшими иконами, залитыми драгоцѣнными камнями, закрытыми тяжелыми золотыми складнями и каждая изъ нихъ представляетъ историческое сокровище. Направо отъ царскихъ дверей, скованныхъ изъ золотыхъ паутинъ, представляющихъ сплошныя кружева, стоятъ два образа Спасителя въ драгоцѣнныхъ золотыхъ рамахъ, украшенныхъ камнями. Налѣво отъ вратъ находится такъ называемая Хахульская икона Божьей Матери, изъ села Хахули, писанная Евангелистомъ Лукой. Это тройной серебряный складень, не имѣющій цѣны по отдѣлкѣ, камнямъ, образкамъ, медальонамъ, эмалевымъ бляжкамъ, жемчугамъ и камнямъ. Всѣ остальныя иконы также громадныхъ размѣровъ и удивительнаго богатства. И Гелатская икона, и Ацхурская, и икона молящей Божьей Матери—составляютъ религіозныя сокровища всего Кавказа. И хоры, на которыя ведетъ лѣстница съ громадными ступенями и горнее мѣсто для епископовъ, ввидѣ острокрышей часовенки, все покрыто фресками святыхъ и мучениковъ.

Монахъ, показывавшій намъ соборъ, провелъ насъ въ ризницу. Мнѣ всегда пришлось слышать о несмѣтныхъ богатствахъ Гаенатскаго монастыря, и я

былъ пораженъ, увидѣвъ, что въ ризницѣ стоитъ только одинъ небольшой шкафъ. Между разными церковными сосудами и одеждами, митрами грузинскихъ патріарховъ, хитонами и поясами, здѣсь хранится царская корона, сплошь залитая камнями и жемчугомъ, съ громадными зубцами, увѣнчанными маленькими крестиками, и перстень царя Давида. Перстень такой величины и массивности, что съ недовѣріемъ останавливаешься передъ нимъ и начинаешь думать, что Давидъ былъ великанъ, какъ его и изобразила фреска на соборной стѣнѣ.

Монахъ показалъ намъ рѣдкое евангеліе, писанное на пергаментѣ въ XI вѣкѣ, покрытое дивною миніатюрою и орнаментами на каждой страницѣ. Это евангеліе не имѣетъ себѣ цѣны, такъ же какъ и другое Бертское, тоже замѣчательной древности.

Въ боковыхъ предѣлахъ храма намъ указали гробницы царей, между которыми находится и могила царицы Тамары, скончавшейся близъ Кутаиса.

Маленькая колокольня поднялась надъ родникомъ, стоя отдѣльно отъ собора. Вблизи старая трапеза, сѣрая развалина съ толстыми колоннами, сплошь заросшая плющемъ. Видъ изъ монастыря приковалъ насъ къ мѣсту. Вся долина Красной рѣчки была у нашихъ ногъ, снѣжныя горы до Казбека высились цѣпями и, словно громадныя лѣсистыя волны, убѣгали во всѣ стороны, а впереди торчала гора Комли, эти Прометеевы скалы, къ которымъ былъ прикованъ, по легендѣ, герой сѣдой старины.

Все замерло въ полуденномъ зноѣ, все вымерло кругомъ и заснуло, какъ спитъ этотъ одинокій Ге-

латскій монастырь, эта могила царей, среди развалинъ древнихъ храмовъ. Сады, виноградники, повороты дороги и рощи—все спало и только горы курились въ полуденномъ маревѣ да сверкала серебромъ Красная рѣчка.

Въ одной изъ полуразвалившихся монастырскихъ часовенъ находится могила самого Давида Возобновителя. На могильной плитѣ его надпись по-грузински гласитъ: «Было время когда 7 королей бывали гостями моихъ пировъ. Таково было мое могущество, что я прогналъ персовъ, турокъ и арабовъ отъ моихъ границъ, я рыбы одного моря пустилъ въ другое, и я столь могучій лежу теперь со сложенными на груди руками». Здѣсь-же помѣщается трофей побѣды Давида—циклопическіе ворота, грубые и кованные, изгрызенные временемъ съ гигантскими желѣзными скрѣпами и винтами. Эти ворота запирали нѣкогда Дербентскій проходъ или Каспійскія ворота въ томъ мѣстѣ, гдѣ Кавказскія горы сходились съ Каспійскимъ моремъ.

Когда мы спустились съ горы, мы остановились у духана и спросили вина и сыра. Духанщикъ усадилъ насъ въ бесѣдку, образованную одной глициніей, цвѣты которой висѣли чуть не двухъ-аршинными кистями.

Какая-то невѣдомая красная птица съ зелеными, желтыми и синими перьями опустилась вблизи насъ.

— Смотри, попугай, воскликнулъ я.

— Это джафари, сказалъ духанщикъ, ихъ тутъ много летаетъ. Кричатъ онѣ ужасно.

Отдохнувъ и подкрѣпивши силы, мы двинулись

снова въ горы по головоломнымъ крутикамъ къ старому монастырю Мотцамети. Этотъ бѣдный монастырь взобрался на отвѣсныя стѣны скалъ, затканныя плющемъ, и скучился своими келійками, церквами и башенками на крошечной площадкѣ. Глубокія пропасти зіяютъ съ трехъ сторонъ монастыря и съ его балкончиковъ и галерей открываются плѣнительные виды на шумящую внизу, гдѣ-то въ пропасти, Красную рѣчку и на всю долину.

Балконъ съ ветхой деревянной рѣшеткой монастырской гостинницы свѣсился надъ пропастью и голова кружилась, когда я глядѣлъ внизъ въ черную бездну. Въ монастырь мы забрались пѣшкомъ по тропинкамъ и лѣсенкамъ, выбитымъ въ скалѣ, и монахъ, открывшій намъ ворота, повелъ насъ въ главную церковь, гдѣ въ деревянной ракѣ, довольно грубой по отдѣлкѣ, хранятся единственные мощи Кавказа—князей Давида и Константина, замученныхъ и утопленныхъ въ Ріонѣ арабскимъ калифомъ за отказъ ихъ принять исламъ.

Съ трудомъ спустившись внизъ къ экипажу, мы поѣхали обратно въ Кутаисъ, но доѣхавъ до небольшаго домика на берегахъ Красной рѣчки, Тумановъ остановилъ кучера и повелъ меня по ужасной жарѣ въ горы. Мы шли очень не долго и подошли къ прелестной сталактитовой пещерѣ.

— Видишь, это пещера Язона, сказалъ онъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ здѣсь и не забылъ дорогу.

Красивые сталактиты свѣсились съ потолка въ полумракѣ прохладной пещеры.

— Отчего здѣсь такая копоть воскликнулъ я, видя, что сталактиты почернѣли, какъ негры.

— А это пастухи разводятъ огонь. Когда я былъ здѣсь въ первый разъ, мы какъ разъ попали сюда на пастуховъ, загнавшихъ свое стадо на жаркое время.

— Почему же эта пещера, называется пещерой Язона? спросилъ я.

— Не знаю, такъ намъ назвали ее въ Кутаисѣ.

Когда мы проѣзжали нашъ духанъ, гдѣ пили вино, духанщикъ поднесъ намъ два громадныхъ букета глициній, которые наполнили нашу коляску ароматомъ и мы въѣхали въ Кутаисъ погруженные въ цвѣты.

* *
*

Такъ какъ слѣдующій день былъ среда, а поѣзда для публики только дважды въ недѣлю отправлялись къ Ткв:бульскимъ каменноугольнымъ копямъ, лежапимъ во Военно-Осетинской дорогѣ въ 40 верстахъ отъ Кутаиса. Мы отправились на вокзалъ, запаслись обратными билетами и понеслись по долинѣ Красной рѣчки мимо Гелатскаго монастыря по чудной мѣстности въ глубину горныхъ долинъ. Поѣздъ мчался въ рододендровыхъ кущахъ, по карнизамъ горъ, забирался высоко надъ рѣчкой на груды скалъ, описывалъ безумные повороты, такіе крутые, что казалось послѣдній вагонъ поѣзда и локомотивъ коснутся другъ друга. Черныя пасти тунелей глотали насъ неоднократно, дорога пролегала по краямъ такихъ пропастей и обрывовъ, что кру-

жилась голова глядя на нихъ. Сами Тквибульскія копи, лежащія въ прелестной горной мѣстности, представляютъ несомнѣнный интересъ, но дорога такъ хороша, пролегаетъ по такимъ прелестнымъ мѣстамъ, что всякому посѣщающему Кутаисъ—посовѣтую сдѣлать эту прогулку.

Чудные горные пейзажи, съ синими туманами, съ восхитительными пейзажами проплываютъ передъ вашими глазами и невозможно оторваться отъ окна вагона.

Каменоугольныя шахты и работы тоже заслуживаютъ посѣщенія.

30.

Военно-Осетинская дорога.

По долинѣ Ріона. Они. Уцера и Глоля. Мамисонскій перевалъ. Спускъ по осетинскимъ ауламъ. Ущелья Ардона. Урочище Св. Николая. Нузалъ и Садонъ. Въ Скалистыхъ горахъ. Алагиръ.

И былъ-ли то обманъ воображенья
Иль истина—по залу пронеслось,
Какъ свѣжести какой-то дуновенье,
И запахъ мнѣ почувствовался розъ.
Чудеснаго я понялъ приближенье,
По тѣлу легкій пробѣжалъ морозъ...
Но превозмогъ я вскорѣ слабость эту
И подошелъ съ рѣшимостью къ портрету.

Алексѣй Толстой.

Всѣ мои кавказскіе знакомые приходили въ ужасъ, когда я заявилъ, что намѣренъ перебраться черезъ Главный Хребетъ изъ Кутаиса по Военно-Осетинской дорогѣ и находили мое желаніе настоящимъ безуміемъ. Всѣ въ одинъ голосъ говорили, что дорога непроходима, что на рѣкахъ нѣтъ мостовъ, что мѣстами лежатъ снѣжные завалы, а мѣстами нѣтъ никакой дороги, а что по Осетіи ѣхать совсѣмъ опасно. Тумановъ отговаривалъ меня, какъ могъ, но я давно и твердо рѣшилъ, что познаком-

люсь съ Мамиссонскимъ переваломъ и воочію увижу эту одну изъ очаровательнѣйшихъ въ мірѣ дорогъ, какъ о ней разсказывали мнѣ очевидцы. Когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ Кутаисъ, меня прямо не пустили и я долженъ былъ покориться, такъ какъ Ріонъ размылъ и обрушилъ карнизы дорогъ и всякое сообщеніе было прервано, да и я пріѣхалъ въ Кутаисъ въ первые дни мая, когда путешествіе къ вершинамъ горъ—болѣе чѣмъ рискованно, но два года позже я удовлетворился и насладился вполнѣ. Пріѣхавъ въ Кутаисъ, я тотчасъ же обратился къ здѣшнему уѣздному начальнику, который на мою просьбу снабдить меня необходимыми пропускными билетами и бумагами, крайне любезно отнесся ко мнѣ. Онъ не только снабдилъ меня всѣмъ необходимымъ, но отпустилъ со мною осетина Моисея, служащаго при немъ и развозящаго эстафеты по губерніи. Этотъ Моисей долженъ былъ меня доставить на ту сторону. Высокій, стройный, довольно красивый брюнетъ, съ черными глазами и маленькой черной бородкой, мой осетинъ—былъ настоящимъ типомъ дикаго горца, который уже освоился въ мірѣ просвѣщенія. Молодой, храбрый, съ удалымъ взглядомъ, въ черкескѣ и горской шапкѣ, онъ явился ко мнѣ въ гостинницу, чтобы отрекомендоваться и произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе.

Я очень волновался передъ этой поѣздкой, зная, что меня ждутъ и холодъ и голодъ и всякія неудобства, но удалой Моисей своимъ видомъ только какъ-то сразу успокоилъ меня. Купивъ бурку и

провизію въ горы, гдѣ, конечно, трудно было что нибудь застать, мы заказали себѣ почтовыхъ лошадей къ 4-мъ часамъ утра.

Наканунѣ отъѣзда Моисей водилъ меня къ мингрельскимъ пѣвицамъ и танцовщицамъ, пѣвшимъ мѣстныя пѣсни и танцовавшимъ подъ бубны, барабаны и пронзительный плачъ туземныхъ скрипокъ, что мнѣ не особенно понравилось. И танцы и пѣніе были невѣроятно однообразны и скучны.

Въ 4 часа утра мы уже сидѣли въ нашей почтовой телѣгѣ. Мой осетинъ разбудилъ меня за полъ-часа. Мы оба надѣли наши бурки, уложили нашу корзинку съ винами и коньякомъ по возможности устойчиво, запихавъ мой крошечный багажъ въ киржимъ Моисея и помчались по Кутаису, который крѣпко спалъ. Переѣхавъ мостъ Ріона и обогнувъ скалы съ развалиной Багратова храма, мы оставили за собой ферму Ріона съ ея колоссальными магноліями, покрытыми одуряющими и громадными амфорами цвѣтовъ. Насъ приняла цвѣтущая долина Ріона, полная маисовыхъ полей, виноградныхъ кущей, самшита, лавро-вишни и прочей вѣчной зелени. Туманы раскрыли горы и онѣ выступили во всей своей дивной красотѣ со всѣхъ сторонъ. На первой станціи, въ 20 верстахъ отъ Кутаиса, въ Намохвани, крошечномъ селеніи на самомъ берегу Ріона, лошадей не оказалось и мы должны были въ теченіи 5 часовъ ожидать, пока лошади вернулись и отдохнули. Это было невѣроятно скучно. Мы дважды пили чай, лазали въ горы, но все-таки время тянулось мучительно долго, а къ

станціи подъѣзжала новая публика, такъ что стало тѣсно, душно и невыносимо въ небольшой станціонной каморкѣ. Наконецъ намъ подали лошадей и мы поѣхали дальше. Всѣ эти слѣдующія 14 верстъ были поразительно красивы. Дорога наша огибала горы по такимъ карнизамъ, что голова кружилась, когда мы смотрѣли въ Ріонъ, который ревѣлъ въ ужасной пропасти, спускаясь съ горъ. Мы обогнали линейку, переполненную публикой изъ Кутаиса. Лошади еле тащили въ горы длинный экипажъ по виду такой, какъ будто онъ сохранился съ стародавнихъ временъ. Эти линейки, ежедневно везутъ публику изъ Кутаиса до 4-й станціи Военно-Осетинской дороги селенія Толъ, которое лежитъ въ 60 верстахъ. Рощи лавровишенъ и самшита стали еще гуще, еще ароматнѣе, громадныя стѣны поднялись надъ дорогой, масса потоковъ рушилась со скалъ, образуя поэтичные водопады. Вся долина полна была ропота и плеска падающихъ ручьевъ и очень напоминала мнѣ такую-же долину Lauterbrunnen около Интерлакена въ Швейцаріи. Среди водопадовъ три были такіе, къ которымъ за-границей, навѣрное пріѣзжали-бы туристы. Одинъ рушился съ отвѣсныхъ скалъ и по красотѣ паденія, по обилію воды, поражалъ своей силой и страшной вышиной. Другой, раздѣленный на ступени, спускался по очаровательной темной лощинѣ скалъ въ ореолѣ тропической зелени и каждый поворотъ, каждый каскадъ былъ очарователенъ по своей граціи. Третій—самый оригинальный, горная рѣчка сплывала съ покатой черной скалы, въ

которой она выгрызла ступени. И сколько красоты было въ этомъ оригинальномъ и поэтичномъ водоскатѣ, что мы не могли проѣхать мимо, не постоявши около него. Мы уже высоко забрались въ горы, но вѣчная зелень все еще не оставила насъ и крошечная деревенька Меквенъ, наша вторая станція, улеглась поэтично по откосу высокой горы надъ Ріономъ. Мы подъѣхали къ маленькому духану, замѣняющему станцію, здѣсь не было даже помѣщенія для проѣзжихъ. На наше несчастье лошадей опять не было и, пока мы послали искать хоть двухъ верховыхъ лошадей, чтобы добраться до слѣдующей станціи, мы вынули нашъ багажъ и пришли въ ужасъ. Всѣ наши бутылки вина отъ тряски по горной дорогѣ въ невѣроятно скверной телѣгѣ— сломались и весь нашъ запасъ вина вытекъ, сохранилась только одна бутылка коньяку. Ожиданіе на этой станціи около 4 часовъ было очень мучительно, я видѣлъ, что намъ не скоро придется добраться даже до Они, гдѣ мы собирались нанять арбу, что бы перебраться черезъ перевалъ. Всюду на станціяхъ этой дороги было только по 3 и по 4 лошади, почему путникамъ всегда приходится сидѣть долгіе часы на отвратительныхъ станціяхъ, гдѣ, кромѣ сыра и мѣстнаго сквернаго бурдючнаго вина, ничего не достать. Лошади, наконецъ, вернулись, но онѣ еле волочили ноги отъ усталости. Онѣ должны были отдохнуть, наѣсться, сходить на водопой и тогда снова везти насъ по горной дорогѣ. Терпѣливо выждавъ еще три часа и то, якобы только для насъ такъ скоро, намъ подали совсѣмъ плохо отдохнув-

шихъ лошадей. Онѣ скучно бѣжали всѣ 17 верстъ до Алпана, и какъ ихъ ни понукалъ и ни билъ нашъ возница, онѣ, несчастныя, не были въ силахъ прибавить шагу.

— Да не бей ихъ, возмущался я.

— Онѣ и совсѣмъ станутъ, сказалъ возница, слова котораго перевелъ мнѣ Моисей, вѣдь денно и нощно только и гоняютъ ихъ то на Алпанъ, то на Намохвани и ни разу не даютъ имъ совсѣмъ отдохнуть. Каторжная ихъ жизнь.

Дѣйствительно, вернувшись домой, сдѣлавъ 34 версты, опять не отдохнувши вполнѣ, имъ придется дѣлать тотъ же путь, такъ какъ публика изъ Намохвани должна была уже пріѣхать на Меквенъ.

Дорога этого участка была удивительно хороша, сначала она вилась надъ пропастями, гдѣ грохоталъ Ріонъ и вывела насъ въ горный циклъ колоссальныхъ горъ, поразительной оранжевой окраски. Эти голыя горы, съ ихъ зловѣщимъ цвѣтомъ, образовали настоящій котелъ, изъ котораго, казалось невозможно было выбраться. Ріонъ ревѣлъ гдѣ-то внизу и мы спустились къ нему, взгромоздились на карнизъ надъ рѣкой и юркнули въ узкую, темную трещину, проточенную бѣшеной рѣкой. Это были ворота Ріона, нижніе ворота въ отличіе отъ другихъ въ болѣе высокомъ горномъ ущельѣ. Насъ охватилъ сразу холодъ и мракъ въ этой страшной трещинѣ зловѣщихъ скалъ и стало такъ жутко, но стоило намъ только выѣхать изъ нее и мы очутились въ ярко-залитой свѣтомъ долинѣ рѣки. Да, это была настоящая оранжерея Ріона. Громадныя плойчатыя жел-

тыя скалы поднялись уступами съ обоихъ береговъ рѣки и, образовавъ небольшую лѣстницу, отвѣсно встали по сторонамъ. Ріонъ ревѣлъ между послѣдними ступенями, которыя были настоящей пропастью. Всѣ ступени сплошь были покрыты кустами вѣчной зелени, ароматъ которой царилъ здѣсь особенно сильно. Эти чудные кожистые листы рододендроновъ, лавровишенъ, саммита, падубовъ, южныхъ калинъ грандіозно украсили скалы и вся эта оранжерея оставила одно изъ грандіознѣйшихъ впечатлѣній всей Колхиды. Мы поднимались все выше и выше, проѣхали мимо очень живописной развалины прежняго замка, защищавшаго, вѣроятно, Ріонскую лощину.

На станціи Алпанѣ, хотя и было достаточно лошадей, но намъ не хотѣли ихъ дать. Моисей выходилъ изъ себя, чуть не прибилъ старосту, да, вѣроятно, старостѣ попало, потому что, когда онъ вышелъ съ моимъ осетиномъ изъ избы, оба были очень красные. Староста отдалъ лошадей какому-то господину, который пріѣхалъ послѣ насъ, но послѣ внушительнаго разговора съ осетиномъ, хотя и ругаясь, велѣмъ запрягать появившихся внезапно еще откуда-то двухъ лошадей.

Моисей долго не могъ успокоиться.

— Каналья, ворчалъ онъ, здорово ему попало, а то и бумаги наши ничего не значатъ и смѣлъ сказать, что если не захочетъ, такъ не дастъ лошадей.

Дорога до станціи Алпана поднималась круто на вершины горъ, покрытыя гигантскими пихтами и зонтичными соснами колоссальной вышины. Теперь-же насъ окружили лѣса изъ вяза, дикаго клена

и другихъ деревьевъ, которые образовали низкую, но плотную заросль. Ріонъ остался гдѣ-то за горой, а около насъ внизу зіяла громадная лощина, дна которой не было видно. На той сторонѣ пропасти примостилось село Зогиши, изъ котораго почти отвѣсно падалъ въ черную бездну многоводный ручей. На этомъ водопадѣ усѣлось одна надъ другой 13 водяныхъ мельницъ, словно птичьи гнѣзда. Мы завернули куда-то вправо и вся пропасть съ дивными видами исчезла. Мы ѣхали по густому лиственному лѣсу берестовъ и кленовъ. Вдали на вершинѣ горы, на которую мы поднимались по зигзагамъ дороги, показались колоссальныя развалины. Какіе-то громадные столбы, арки и стѣны высились надъ горой, не то остатки дворца, не то рухнувшій монастырь или храмъ. Съ каждымъ новымъ поворотомъ дороги развалины дѣлались все больше и фееричнѣе въ освѣщеніи вечерней зари.

— Что это такое? поражался я, это руины не то города съ дворцами и храмами, не то громаднаго замка.

— Не то и не другое, отвѣтилъ Моисей, это Саирмѐ, такія скалы, очень похожія на замокъ.

Когда мы подъѣхали ближе къ развалинамъ, я ясно увидѣлъ, что эта удивительная игра природы и что это громадные известковые столбы чуть не въ 300 футъ высоты, эти стѣны, арки, башни, все это создано естественно безъ людской помощи. Отсюда съ вершины горы открылся неописуемо прекрасный видъ на одну изъ верхнихъ долинъ Ріона. Такую красоту я видѣлъ только однажды, когда былъ въ Норвегіи въ Hôtel Stahlheim и глядѣлъ на всемірно

прославленную долину Нэроталь. Здѣсь впечатлѣніе было равносильное. Глубокая долина на 800 футъ глубины, разостлалась предо мной среди безчисленныхъ выступовъ двухъ сдавившихъ ея хребтовъ горъ. Что за краски, что за тона! Красныя зори добавляли эфекты. Ріонъ серебрился въ глубинѣ долины и его ропотъ долеталъ сюда на вершину горы. Мы спускались по невѣроятно крутымъ зигзагамъ дороги. Лошади летѣли внизъ такъ скоро, что возница еле удерживалъ ихъ, а вечеръ быстро окутывалъ лѣса и чудную долину.

Когда мы спустились внизъ и ѣхали среди золотыхъ полей пшеницъ и колосьевъ ржи, чудная ночь уже слетѣла на землю. Мильоны сидящихъ и летающихъ свѣтляковъ красныхъ, бѣлыхъ, зеленыхъ, желтыхъ засвѣтились повсюду. Пшеница была усѣяна таинственными огоньками. Что-то сказочное, волшебное лежало на этой зачарованной долинѣ, по которой грохоталъ Ріонъ.

Саирмѐ, что означаетъ, какъ мнѣ объяснили потомъ, «оленьи камни», какъ черный силуэтъ поднялись надъ горой. Очарованье было полное. Ароматъ полей дополнялъ прелесть ночи, а цвѣтущій виноградъ благоухалъ и продушалъ воздухъ.

Мы пріѣхали на станцію Толскую, куда ѣхала публика въ отставшей за нами линейкѣ. Здѣсь граница Рачинскаго и Лечхумскаго уѣздовъ. Нѣсколько фаэтоновъ предлагали свои услуги, но только съ утра, мы же рѣшили двигаться до слѣдующей станціи сегодня-же, такъ какъ стояла чудная ночь и, взявши почтовыхъ, къ счастью лошади были не въ

разгонѣ, великолѣпно прокатили 21 версту до станціи Цоси или Цези. Сначала мы летѣли по цвѣтущей долинѣ Ріона между полями хлѣбовъ и виноградниками, между громадными маисами и фруктовыми садами. Восхитительная луна выплыла изъ за горъ и облила своимъ яркимъ свѣтомъ всю долину, вырисовавъ чудные силуэты горъ. Близъ станціи Цези передъ нами поднялись громадныя плойчатыя скалы, которыя проточены Ріономъ. Здѣсь его верхнія ворота, грознѣе и суровѣе нижнихъ. За воротами узкая щель между плойчатыми скалами и здѣсь въ этомъ каменномъ горлѣ безумно грозно рокочетъ рѣка. Мы пріѣхали на станцію Цези, стоящую въ этой дикой и грозной мѣстности, среди голаго камня на берегу ревущаго Ріона, за полночь, разбудили старосту, велѣли приготовить въ 5 часовъ утра лошадей, напились чаю и залегли спать.

Лошади насъ ждали пунктуально съ 5 часовъ и повезли насъ по прекрасному и узкому плойчатому ущелью, а затѣмъ по цвѣтущей Ріонской долинѣ, полной винограда и фруктовыхъ садовъ. На самомъ берегу Ріона примостилась красивая грузинская церковь «Бараконъ», а на горѣ не вдалекѣ поднялись развалины крѣпости съ высокими башнями и стѣнами. Мы обогнули эту коническую гору по дорогѣ среди изгородей ломоносовъ, ежевики и держи-дерева, переѣхали по деревянному мосту черезъ бурный притокъ Ріона и снова полетѣли дальше въ горы среди виноградниковъ, а кругомъ по скатамъ торчали крыши домиковъ, кое-гдѣ высились прежнія сторожевыя башни. Виноградъ былъ въ

полномъ цвѣту и удушающій ароматъ его цвѣтовъ наполнялъ воздухъ какой-то чудной отравой. Въ Ріонъ впала бѣшеная рѣчка, вся въ порогахъ. Мы переѣхали по мосту черезъ нее. Надъ нами на утесѣ высился замокъ Ссори. Словно орлиное гнѣздо, усѣлся онъ на недоступной вышинѣ. Далѣе поднялись еще руины замковъ, а передъ нами на фонѣ снѣговыхъ горъ, утонувъ въ виноградникахъ, виднѣлось селеніе Они.

Переѣхавъ Ріонъ, мы въѣхали въ селеніе и остановились у духана на почтовой станціи. Это было послѣднее мѣстечко, куда какъ ни какъ, хоть и съ проволочками и съ трудами, но можно было добраться на почтовыхъ. Далѣе приходилось ѣхать или верхомъ или на арбѣ, если пріѣхали сюда на рынокъ осетины, которые согласились-бы насъ перевести черезъ перевалъ. На наши разспросы мы получали очень печальныя свѣдѣнія. Дорогу завалило, снѣга очень глубоки, врядъ-ли кто возьмется перевести насъ черезъ сверкающіе снѣга и ледняки Адай-Хоха, поднявшаго свои серебряные зубья недоступной стѣной.

Мы отправились на рынокъ и, не смотря на то, что время шло къ 9 часамъ, было очень холодно, такъ высоко забрались мы въ горы. Село Они—дивно улеглось въ долинѣ, замѣчательно напоминающей Швейцарію. Такія-же снѣговыя горы рѣжутъ небо, виноградники покрыли всѣ скаты и крутики, домики такіе-же, какъ въ Швейцаріи, шалэ, деревянныя, съ маленькими галерейками, далеко выдающимися крышами и съ камнями на нихъ. Самъ городишко

грязенъ, унылъ и не хорошъ. Полуимеретинскій, полужидовскій, полный духановъ 3-го сорта, онъ и базаръ свой дѣлаетъ крайне неоживленнымъ, грязнымъ и ужасно неблагоустроеннымъ. Кукуруза, желѣзо, немного зелени, масса толкотни и ничего больше. Мы напрасно хотѣли сойтись съ осетинами. Тутъ были пріѣзжіе изъ за горъ, но они уѣзжали изъ Они черезъ день или два и хотѣли 12 рублей за двѣ арбы, такъ какъ меня и Моисея вмѣстѣ не соглашались вести на громадный подъемъ, а черезъ Мамиссонскій перевалъ просили идти пѣшкомъ, такъ какъ имъ придется нести арбы на своихъ плечахъ. Мы вернулись на почтовую станцію и тамъ узнали, что существуетъ еще дальше почтовое сообщеніе. Насъ брались довести еще 15 верстъ до Глольскаго моста, откуда до самой Глоли еще пять верстъ, но изъ за разрушенной дороги дальше не везутъ.

Пришлось помириться и съ этимъ, а пока закладывали лошадей, мы прошлись по городку, поглядѣли на его бѣлую, унылую грузинскую церковь на базарной площади, на армянскую, съ ея деревянной и рѣзной колокольней, и гигантскую синагогу подъ большимъ сѣрымъ куполомъ съ четырьмя колоссальными фигурами пророковъ по фасаду. Весь еврейскій кварталъ ужасно грязенъ и безпорядоченъ и всѣ имеретинцы жалуются, что ихъ въ Они одолѣли жиды.

Въ 10 часовъ мы уже выѣхали, переѣхали мостъ и стали подниматься по невѣроятно крутой дорогѣ прямо въ горы, проползая по узкимъ карнизамъ между виноградниками и пропастью къ долинѣ Они.

Виды были восхитительны. Впереди манящіе зубья Адай-Хоха, внизу, въ глубинѣ живописно разбросавшееся селеніе Они.

Всѣ 10 верстъ мы ѣхали шагомъ. На дорогѣ валялись камни, мѣстами она была исковеркана и снесена весенними потоками и Ріономъ, въ долину котораго мы въѣхали опять, но долину высоко лежащую надъ Они. Здѣсь всѣ виноградники защищены гигантскими стѣнами изъ камней, составляющими спасительныя баррикады отъ весеннихъ разливовъ.

Долина Ріона съ бѣшеной рѣкой въ глубинѣ, дѣлала рѣзкіе повороты въ горахъ и превратилась въ довольно узкое, но полное романтической красоты ущелье и вскорѣ показались минеральныя воды Уцеры.

Нижняя Уцера улеглась у самаго Ріона внизу ущелья, верхняя взгромоздилась на холмы и пригорки гораздо далѣе и глубже. Это очень посѣщаемый курортъ и сюда на іюль и августъ съѣзжается довольно многочисленная публика для леченія ваннами и питья желѣзно-кислой воды. Главнымъ образомъ больные изъ Кутаиса и изъ Кутаиской губерніи. Это одинъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ Кавказа. Горы здѣсь такъ отвѣсны, виды вверхъ и внизъ по ущелью прямо очаровательны и снѣговые зубья Адай-Хоха горятъ выше по ущелью, какъ серебряные зубья. Возница, очень словоохотливый имеретинъ, подвезъ насъ къ утлому мостику надъ Ріономъ. Мы перебрались черезъ него на ту сторону и стали карабкаться въ горы по довольно хо-

рощей, но крутой дорожкѣ. Горы здѣсь разступились и образовали боковую лощину. Дорожка завернула въ нее и привела насъ къ очень примитивно устроенной деревянной бесѣдкѣ. Здѣсь находятся прекрасныя желѣзно-кислыя воды, которыя вытекаютъ въ рядомъ стоящемъ бѣломъ мазанномъ домикѣ, имѣющемъ какъ входъ въ него, небольшое окошко. Сидѣвшій тутъ мальчикъ принесъ намъ воды, пока мы отдыхали въ бесѣдкѣ и глядѣли въ восхищеньи на дивные виды.

За Уцерой, потонувшей въ зелени липъ и вязовъ, поднялись горы, покрытыя гигантскими елями, въ боковой долинѣ шумѣлъ ручей, который только что упалъ водопадомъ внизъ, а Ріонъ бѣлой полосой, клубясь и рокоча, летѣлъ глубоко подъ нами. Само селеніе Верхняя Уцера въ дачкахъ, окруженныхъ двухъ-этажными галереями, живописно разлеглось по пригоркамъ. Какъ пестрые цвѣты, бродили внизу ярко-одѣтыя имеретинки. Мы спустились внизъ и отправились взглянуть на зданіе ваннъ, питаемыхъ нижнимъ источникомъ, на бѣлую старую церковь, стоящую въ тѣни такихъ трехъ колоссальныхъ липъ, вѣтви которыхъ раскинулись на громадное разстояніе. Это священныя деревья Кавказа, уцѣлѣвшія до нашихъ дней. Подъ ними приносились жертвы, по шопоту ихъ листьевъ предсказывали грядущія событія. Въ нихъ столько могущества, силы, красоты, что по неволѣ преклоняешься передъ этой поразительной силой природы, создавшей этихъ многовѣковыхъ великановъ.

Здѣсь-же вблизи зданія ваннъ и гостинница,

пестро расписанная по стѣнамъ, словно японскій домикъ.

Повсюду цвѣлъ виноградъ и здѣсь его запахъ наполнялъ все это крайне высокое горное ущелье.

Мы влѣзли въ нашу телѣгу и потряслись дальше по еловымъ и сосновымъ лѣсамъ, по которымъ летѣли въ Ріонъ многочисленные водопады. Красивыя развалины замка поднялись въ двухъ верстахъ за Уцерами. Тутъ ужъ исчезъ и дикій и культурный виноградъ, который выше 4 тысячъ футъ не поднимается. Камни, поросшіе мхомъ и папортниками, и колоссальные лѣсные великаны хвойныхъ покрыли берега Ріона, черезъ который мы переѣхали по мосту и остановились у одинокаго и ничтожнаго духанчика, стоящаго въ глухомъ лѣсу. Здѣсь возница насъ высадилъ. Въ духанѣ ничего нельзя было достать кромѣ арака, этой мѣстной водки, и лимонада.

Что было дѣлать? Необходимо было попасть въ Глолю, лежащую въ 5 верстахъ, а никакого экипажа не было вблизи. Возможно было только одно: кого-нибудь послать въ Глолю и терпѣливо дожидаться, пока найдутъ лошадей, пригонятъ ихъ съ пастбища и приведутъ сюда къ духану. Но судьба помогла намъ. Пріѣхалъ съ лѣсомъ какой-то старикъ-имеретинъ, который согласился сбросить здѣсь свой лѣсъ и доставить насъ на своей ужасной арбѣ въ Глолю за 80 копѣекъ. Конечно, мы тотчасъ-же взгромоздились на этотъ экипажъ временъ царя Ираклія и стали карабкаться по головоломнымъ карнизамъ въ горы. Вся дорога въ Глолю была испорчена весенними

дождями и мы часто должны были слѣзать съ арбы, пробираться по зелени лѣса, хватаясь за вѣтви буковъ и вязовъ, а нашъ осетинъ съ арбой и лошадью, ежесекундно рискуя слетѣть внизъ, лавировалъ съ большимъ искусствомъ по опаснымъ мѣстамъ.

Наконецъ, мы выбрались на порядочную дорогу и въѣхали въ высокое ущелье, окруженное снѣговыми вершинами горъ и увидѣли деревню Глолю или Глуръ, какъ ее называютъ осетины. Это сѣрая, крайне непривѣтливая, похожая на разбойничій аулъ, деревня окружила подножіе большой скалы съ красноватыми развалинами старой крѣпости временъ Тамары. Башня усѣлась отдѣльно на остромъ выступѣ скалы въ Ріонъ, который здѣсь на высотѣ 5 тысячъ футъ бурный ручей. Всѣ домики напоминали швейцарскіе, крыши также покрываютъ галерейки, крыты также жердями и гонтомъ, на которые навалены камни. Тутъ-же вблизи деревни есть минеральный источникъ, который плещетъ среди лѣсистыхъ и красивыхъ горъ, изъ которыхъ со всѣхъ сторонъ высовываются бѣлыя горы съ вѣчными снѣгами.

— Эти горы называются Лагорулъ, сказалъ мнѣ Моисей, указывая на бѣлые зубья съ южной стороны долины.

Здѣсь, въ Глолѣ, нѣтъ ни духана, ни станціи и мы не могли достать ни молока, ни вина да и все населеніе куда-то исчезло. Здѣсь есть казарма, гдѣ можно приткнуться на ночь и получить самоваръ, но во время нашего пріѣзда сторожъ былъ также

на работѣ и казарма была заперта. Я остался ждать на кучѣ камней, а Моисей пошелъ отыскивать лошадей и способъ перебраться черезъ Адай-Хохъ. Вскорѣ появились имеретинцы, но много прошло времени, пока мой осетинъ имъ объяснилъ, что мы хотимъ самоваръ, а еще больше прошло, чѣмъ обитатели Глоли поняли, что намъ нужны лошади. Желающіе перевести насъ нашлись, но пришлось долго торговаться, пока мы пришли къ соглашенію. Рѣшено было, что черноусый Павелъ доставитъ насъ до пріюта въ 9 верстахъ лежащаго передъ Мамиссономъ на арбѣ, а оттуда на зарѣ мы поѣдемъ верхами и я, и Моисей до аула Тиба, по ту сторону горъ, и за это рѣшено было заплатить 6 рублей. Прождавши еще часа три, пока изловили лошадь, пока ее запрягли въ арбу, пока изловили вторую лошадь, на которой поѣхалъ верхомъ за нами работникъ Павла, мы потеряли всякую надежду засвѣтло добраться до пріюта, гдѣ можно было переночевать. Напившись чаю, насидѣвшись и нагулявшись, вдоволь насердившись, мы тронулись въ путь. Имеретинская арба—нѣчто ужасное въ смыслѣ экипажа. Запряженная одной лошадью, это двухколесная одноколка, между колесами которой помѣщены двѣ доски. Впереди усѣлся имеретинецъ Павелъ, а Моисей и я примостились съ нашими вещами сзади, лавируя, чтобъ не попасть въ колеса ногами при толчкахъ и чтобы не слетѣть на подъемахъ. Я въ первые минуты уже пожалѣлъ, что мы не отправились прямо верхомъ, но дѣлать было нечего: рабо-

чій, верхомъ на другой лошади, съ двумя сѣдлами и моимъ мѣшкомъ съ вещами, ускакалъ впередъ.

Дремучіе лѣса, дикіе, первобытные, полные гигантовъ буковъ, пихтъ, елей, еле пропускали солнечные лучи въ свои завѣтные уголки, гдѣ клубились по камнямъ ручьи, гдѣ лежали покрытые мохомъ и папортниками великаны-пни и упавшіе стволы. Павелъ пѣлъ свои туземныя пѣсни, чтобы ободрить лошадь на подъемахъ. Восхитительный лѣсъ, полный чаръ и таинственности, одѣлъ горы на высотѣ 6 тысячъ и болѣе футъ. Словно раскрытые зонтики поднимались повсюду круглые и громадные листья подбѣловъ, повсюду торчали бѣлые султаны лѣсныхъ колоссальныхъ травъ, какъ лѣсная царица, высокіе зонтики—ангеликъ и борщевиковъ. Нѣсколько разъ вѣяло холодомъ съ ледниковъ, арба наша скакала по камнямъ ручьевъ, мы переѣзжали черезъ пни и вѣтви, но красота этого подоблачнаго лѣса была такъ удивительно хороша, что я забылъ всѣ неудобства и толчки и опасность нашего переѣзда по этимъ мѣстамъ. И чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ болѣе запаздывала весна. Вотъ мелькнула наша рябина, сплошь покрытая цвѣтами. Лѣсъ сталъ рѣдѣть и мы выѣхали на карнизъ дороги надъ ужасающей пропастью, въ которой гремѣлъ Ріонъ, обрушившись прямо изъ за облаковъ въ эту бездну ревущимъ водопадомъ. Сумерки стали гуще и возница предлагалъ остановиться здѣсь въ зданіи нижней казармы. Мы зашли въ нее, но она была полна забредшими на ночевку пастухами, и мы рѣшили ѣхать дальше и ночевать въ пріютѣ, въ верхней казармѣ. Вдали

высоко, высоко надъ нами виднѣлась деревенька Гурчави, послѣднее имеретинское селеніе.

— Еще 15 верстъ будетъ, сказалъ намъ Павелъ, надо торопиться ѣхать.

— Такъ поѣзжай, здѣсь намъ нечего дѣлать.

Рабочій припрегъ въ арбу свою лошадь и мы стали ползти по подъемамъ и зигзагамъ на головоломные крутики. Лѣсъ совсѣмъ пропалъ и горы постепенно словно проваливались и уходили куда-то внизъ, словно мы ѣхали въ небо, въ облака, оставляли землю тамъ, гдѣ-то далеко внизу и, отрѣшившись отъ всего земнаго, стремились въ неизвѣстныя таинственныя страны.

Передъ нами все рѣзче рисовались голыя вершины горъ, ихъ ледняки и зубья.

— Глядите, гдѣ деревня Гурчави, воскликнулъ Моисей, вонъ внизу.

Дѣйствительно, деревня была теперь гдѣ-то подъ нами въ страшной глубинѣ, а мы все выше и выше забирались куда-то вверхъ. Вокругъ насъ давно раскинулись альпійскіе луга, полные растеній высочайшихъ альпъ, я узнавалъ нѣкоторые изъ цвѣтовъ по ихъ силуэтамъ. Черная ночь окутала было всю окрестность, но выплывшая луна освѣтила своими матовыми лучами всѣ снѣга, льды, ручьи, летѣвшіе въ черныя бездны, гдѣ клокоталъ Ріонъ. Дѣлалось все холоднѣе и холоднѣе. Зубья горъ, покрытые снѣгами и освѣщенные фантастически луной придвигались все ближе и ближе. Пустынно и холодно было здѣсь на горѣ, вдали отъ земли. Мы выскочили изъ арбы прямо въ глубокій снѣгъ и еле достучались сторожа въ

пріютскомъ домѣ, стоящемъ на пригоркѣ. Сторожъ ввелъ насъ въ холодную комнату съ двумя деревянными нарами и столомъ. Зубъ на зубъ не попадалъ отъ холода. Пока сторожъ ставилъ намъ самоваръ, я плотнѣе закутался въ бурку, самую спасительную во всѣхъ случаяхъ здѣсь на Кавказѣ одежду, и вышелъ насладиться видами. Снѣга горѣли по горамъ волшебною декораціею. Мѣстами изъ подъ нихъ выглядывали черныя скалы. Ниже тянулись луга, по которымъ летѣли холодные ручьи тающаго снѣга. Нѣкоторые луга были покрыты снѣгомъ, я подошелъ къ нимъ и былъ пораженъ. Это былъ не снѣгъ, а сплошь заросшіе подснѣжникомъ участки. Подснѣжниковъ была такая масса, какой я себѣ и представить не могъ. И вотъ я стоялъ передъ самимъ Мамиссономъ и грозными зубьями горы Адай-Хохъ, которую видѣлъ изъ далекихъ мѣстъ на Кавказѣ, стоялъ на вершинѣ Кавказскихъ горъ, почти на высшей точкѣ Военно-Осетинской дороги и былъ очарованъ этимъ неописуемо-прелестнымъ зимнимъ видомъ. Моисей звалъ меня пить чай. Я поспѣшилъ въ пріютъ, гдѣ мы согрѣлись коньякомъ, подкрѣпились чаемъ, завернулись въ наши бурки и завалились спать, усталые и отъ ужасной ѣзды и отъ долгой ѣзды съ 5 часовъ утра до глубокой ночи.

* *
*

Утромъ я проснулся очень рано и поспѣшилъ насладиться альпійскими видами. На мокрыхъ лугахъ, пропитанныхъ холодной водой тающаго снѣга, пестрѣ-

ли такіе заманчивые ковры альпійской флоры, что не только у ботаника, но и у всякаго смертнаго душа должна была возрадоваться, а сердце замереть. Не говоря уже объ синевѣ альпійскихъ незабудокъ, о букетахъ желтыхъ и розовыхъ бурачковъ и первоцвѣтовъ, о синихъ и яркихъ горечавкахъ, повсюду цвѣли такія камнеломки, колокольчики, альпійскія розы, зубчатыя сольданелли и такія невѣдомыя голубыя вѣтреницы, что я-бы совсѣмъ погибъ въ этомъ дивномъ царствѣ холодныхъ цвѣтовъ, если-бы не придвинулось время ѣхать дальше. Обѣ верховыя лошади уже были готовы. Мы собрались въ нѣсколько минутъ. Павелъ отпустилъ насъ съ рабочимъ, который долженъ былъ идти передъ нами пѣшкомъ и указывать намъ дорогу въ снѣгахъ, а самъ направился въ Глолю. Мы поскакали прямо къ ледянымъ зубьямъ и стали карабкаться по снѣгамъ чуть не по отвѣсной горѣ. Работникъ шелъ впереди, тыкая палкой въ снѣга. Моисей ѣхалъ передо мной. Вдругъ его лошадь рванулась въ сторону, потомъ назадъ и провалилась въ снѣгъ, моя сдѣлала обратное движеніе и мы тоже увязли въ снѣгу, къ счастію не глубокомъ. Слѣзши съ большимъ трудомъ съ барахтающихся лошадей, мы повели ихъ подъ узцы и такимъ образомъ ползли гдѣ по скользкому, гдѣ по рыхлому снѣгу и, наконецъ, добрались до высшей точки перевала, гдѣ стоитъ доска съ надписью: «Мамиссоновъ перевалъ, 9400 футъ.» Спускъ внизъ казался совсѣмъ отвѣснымъ, но что за виды развернулись въ обѣ стороны! Это одни изъ лучшихъ видовъ всего Кавказа. И долина Ріона въ одну сто-

рону, и нагорная Осетія въ другую были восхитительны. Вѣчные льды Адай-Хоха сверкали надо мной своими искрами, дѣвственныя снѣга покрыли подо мною скаты, а тамъ внизу ревѣли потоки. Я передалъ мою лошадь рабочему и мы пѣшкомъ стали спускаться по тропинкамъ въ снѣгу и скалахъ. Дороги, которая бываетъ здѣсь около половины августа, теперь не было видно подъ снѣгомъ, а позже, говорятъ, здѣсь можно бываетъ проѣхать хоть въ фаэтонѣ, если дорогу поправляютъ, что случается не всякій годъ. Спустившись въ новыя заросли подснѣжниковъ, въ поля горечавокъ, первоцвѣтовъ и рябчиковъ, мы сѣли верхомъ и стали быстро спускаться въ пустынную здѣсь Осетію. Всѣ луга были мокрые и пропитаны холодной водой, пестрота цвѣтовъ была изумительная. Увидѣвъ низкій бѣлый мелкій рододендронъ, съ одуряющимъ ароматомъ цвѣтовъ, я соскочилъ съ лошади въ это альпійское болото и набралъ цѣлый пучекъ этого удивительнаго горнаго цвѣтка. Это былъ совсѣмъ особенный видъ кавказской альпійской розы.

Мы выѣхали наконецъ на прекрасную дорогу, которая, извиваясь и дѣлая зигзаги, какъ всѣ горныя дороги, спускалась къ ущелью рѣки Ардона, бѣшенный спускъ котораго слышится издалека. Вдали виднѣлись крайніе осетинскіе аулы, черныя, угрюмыя селенія съ сдвинутыми домиками, съ неуклюжими, четырехугольными, черными сторожевыми башнями, одѣвшія вершины скалъ, утесовъ и холмовъ. Это были настоящія разбойничьи гнѣзда. Въ первомъ аулѣ, который былъ у насъ на дорогѣ,

лошадей для дальнѣйшаго пути мы не нашли, пришлось скакать дальше. Аулы были разбросаны на нѣсколько верстъ другъ отъ друга и глядѣли на пустынную и унылую Ардонскую долину грозно и сурово черными оконными щелями своихъ сторожевыхъ башенъ. Мы пріѣхали въ аулъ Кисатъ, но и тамъ тщетно искали лошадей и арбу. Въ аулѣ Тли, сидящимъ своими черными домиками по крутикамъ, стояло много арбъ, привезшихъ кукурузу. Одну мы наняли до самаго Садонскаго серебрянаго рудника. Моисей чувствовалъ себя дома, на родинѣ, и непремѣнно просилъ меня заѣхать къ нему въ гости въ его родной аулъ Ардонъ. И вотъ мы стали спускаться ниже и ниже. Въ аулѣ Тибъ мы остановились, чтобы напиться чаю, а Моисей хотѣлъ повидаться съ своимъ родственникомъ, который жилъ въ Тибѣ. Меня взяли въ плѣнъ милѣйшій дьяконъ и учитель осетинской школы въ Тибѣ Симонъ Кайтмозовъ, поилъ меня чаемъ, угощалъ, какъ угощаютъ только у осетинъ, не хотѣлъ меня отпускать, хотя я просидѣлъ у него болѣе двухъ часовъ, хотѣлъ зарѣзать барана и изжарить его въ честь моего пріѣзда. Потомъ пришелъ родственникъ Моисея и не хотѣлъ тоже отпускать насъ, не угостивши бараномъ, заколотымъ въ честь нашего пріѣзда. Но я подумалъ, что у Моисея въ каждомъ аулѣ будетъ по родственнику, которые всѣ предложатъ намъ, по ихъ обычаю и гостепріимству, по барану, и твердо отказался, говоря, что очень спѣшу по дѣлу.

Черезъ Кавказъ шли всѣ народы, но не всѣ переходили черезъ него, нѣкоторые застревали въ

его ущельяхъ и, живя въ совсѣмъ особыхъ условіяхъ, почти не соприкасаясь со внѣшнимъ міромъ, сохранили свои обычаи, свои нравы. Такой народъ и осетинскій. Гостепріимство его — обычай совершенно прошлыхъ временъ. Въ этихъ горныхъ аулахъ нигдѣ нѣтъ ни духановъ, ни кабаковъ, нигдѣ невозможно получить ни хлѣба, ни овса, и не принять постучавшаго въ дверь путника считается неизгладимымъ позоромъ. Если путникъ случайно постучался въ дверь осетина, которому самому нечего ѣсть, то хозяинъ пойдетъ къ сосѣдямъ и они угостятъ пришедшаго и принесутъ хозяину, кто что можетъ. Здѣсь въ этихъ горныхъ аулахъ еще съ стародавнихъ временъ, царитъ одна непоколебимая властъ—воля отца. Хозяинъ, отецъ семейства, полный глава своей семьи, и его права признаетъ сходка хозяевъ всего аула, называемая нихасъ. Отецъ имѣетъ свое кресло, большею частью рѣзное и старинное, которое ему досталось отъ дѣдовъ, онъ живетъ отдѣльно, вся семья прислуживаетъ ему. Это дѣдовское кресло, съ которымъ познакомилъ меня Моисей, снова напомнило мнѣ, что и у нѣмцевъ до сихъ поръ существуетъ традиціонный Grossvater-Stuhl. Повсюду, съ самаго перваго горнаго аула, меня удивило, что у осетинъ нѣтъ обычая, какъ у всѣхъ народовъ востока, сидѣть подогнувши ноги. Повсюду я встрѣчалъ стулья и скамьи. По религіи—полухристіане,—полуязычники, они смѣшиваютъ старинныя вѣрованія съ христіанскими. У нихъ чуть не всякій предметъ имѣетъ своего божка или святаго, и они, почитая церкви, признавая христіан-

скихъ святыхъ, гораздо охотнѣе посѣщаютъ свои священныя мѣста, чѣмъ церкви. Это какое-то дикое христіанство, съ признаніемъ жертвенныхъ камней, поклоненіемъ священнымъ рощамъ и вѣрой въ таинственныхъ духовъ, которыхъ осетины видятъ на каждомъ шагу.

— Что это за высокая башня? спросилъ я Моисея, указывая на четырехугольную каменную массу камней, торчащую надъ ауломъ на утесѣ.

— Это Арвягдъ, сказалъ онъ. Въ каждомъ аулѣ бываетъ такая священная башня, гдѣ живетъ духъ-защитникъ аула и каждый хозяинъ приноситъ ему каждый годъ ягненка и зарѣзываетъ въ честь него.

— А это что за столбъ? воскликнулъ я, увидѣвъ широкій массивный столбъ изъ четырехугольныхъ камней, поставленный на отдѣльномъ бугрѣ близь дороги.

— Это Майдымайрамъ. Говорятъ, что Мать Марія живетъ въ этакихъ буграхъ и камняхъ, и этотъ столбъ въ честь нея. Тутъ молятся женщины, у которыхъ нѣтъ дѣтей и которыя желаютъ имѣть ихъ.

Когда мы уѣзжали изъ Тиба, вся школа, всѣ ученики дьякона Симона вышли на улицу провожать насъ, изъ аула вышли живущіе и почему-либо оставшіеся здѣсь обыватели и подъ ихъ общіе крики и добрыя пожеланія, мы быстро покатили въ нашей арбѣ подъ гору, по зигзагамъ дороги. Ячмень колосился на поляхъ, а всходы овса еще только зеленѣли. На лугахъ цвѣли ранніе весенніе цвѣты, клеверъ, синіе истоды, сурѣпица, горошки и крессы. Наслаждаясь видами, горами, повсюду разбросанными аулами, мы все ниже спускались съ горъ и

ледники Адай-Хоха уходили все выше въ небеса. Нѣсколько осетинокъ, съ незакрытыми лицами, волочили громадные мѣшки по тропинкѣ подъ гору къ рѣкѣ.

— Это наши бабы, сказалъ Моисей, онѣ несутъ зерно на мельницу, вонъ туда внизъ. Онѣ у насъ всю работу дѣлаютъ, и сапоги шьютъ и позументы дѣлаютъ, и дрова таскаютъ изъ долинъ. А какой онѣ приготовляютъ аракъ! Вотъ пріѣдемъ къ брату моему въ Ардонъ, угощу васъ. Лучше напитка нѣтъ.

— А братъ женатъ? спросилъ я.

— На двухъ женахъ, отвѣтилъ Моисей, только у насъ не принято ни ходить вмѣстѣ съ женой, ни говорить съ ней при постороннихъ.

Мы въѣхали въ чудную долину. Собственно это была не долина, а перекрестокъ шести прелестныхъ долинъ. Аулъ Зромагъ занялъ все это мѣстечко, разбросавъ домишки по всѣмъ сходящимся горнымъ хребтамъ. Посерединѣ долины поднялись два холма, одинъ покрытый домиками аула, другой утесистый, увѣнчанный развалинами замка, глядящаго черными окнами во всѣ 6 долинъ, на пять прибѣгающихъ къ его подножію гремящихъ рѣчекъ, сливающихся въ шестую, самую бѣшеную и называемую Ардонъ, улетающую отсюда по шестой долинѣ. Отсюда близко Нарское ущелье, гдѣ беретъ свое начало Терекъ. Въ эту шестую долину понеслась наша лошадка, а съ нею вмѣстѣ и мы на нашей арбѣ. Никогда не забуду грознаго впечатлѣнія этого ущелья, обставленнаго отвѣсными

грозными скалами, по которымъ летѣли многочисленные водопады и увеличивали волны и безъ того клокочущаго и ревущаго Ардона. Я въ жизнь не видалъ болѣе неистовой рѣки. Ея бѣшеные стоны, ея грозные вопли, ея громы при волоченіи камней наполняли до такой степени все ущелье, что намъ съ Моисеемъ приходилось кричать другъ другу, хотя мы сидѣли съ нимъ бокъ о бокъ на маленькой доскѣ, служившей намъ сидѣньемъ. Мы переѣхали мостъ и миновали казарму, крошечное каменное зданіе, устроенное для ночевки путниковъ и, какъ пристанище отъ непогодъ. Появились сосны, одѣвшія утесы и образовавшія живописныя группы у водопада Ардона, который летѣлъ черезъ низринутыя имъ скалы. Рѣка кружилась по ущелью, налетала на стѣны утесовъ, вертѣлась въ водоворотахъ, падала черезъ пороги и, въ видѣ бѣлой пѣны, стремилась съ горъ. Одинокая осетинская башня поднялась надъ утесомъ, тоже выстроенная въ честь какого нибудь святаго или Божьей Матери. Появились уже лѣса. Мы въѣхали въ Касарское ущелье, узкое въ громадныхъ скалахъ, грозное и полутемное, прогрызенное Ардономъ, черезъ который перекинуто 4 моста. Совсѣмъ каменное царство, полное грозной красоты. Ардонъ въ одномъ мѣстѣ этой тѣснины рушится двумя головокружительными водопадами, отъ треска и грома которыхъ стонутъ кругомъ всѣ утесы. Это Касарскіе водопады Ардона. Еще ниже послѣ ряда безпрерывныхъ пороговъ Ардонъ влетаетъ въ ужасно узкій проходъ ущелья, грызетъ камни и стѣны, волны перелетаютъ одна

черезъ другую и вся масса воды вырывается изъ этой щели съ ревомъ и грохотомъ и рушится за ущельемъ въ широкое ложе камней. Наша дорога взгромоздилась на дикій карнизъ и мы проскочили въ эту щель надъ ревущимъ не своимъ голосомъ Ардономъ. Дорога прошла ворота и остатки стѣны, которыя, вѣроятно, запирала этотъ узкій проходъ, и мы очутились въ цвѣтущей долинѣ. Повсюду была зелень и благоуханье. Нѣсколько домиковъ бѣлыхъ, подъ красными крышами, обнесенные не высокой каменной стѣной, открылись намъ въ долинѣ.

Мы спустились въ долину Цвали-фазъ на 5 тысячъ футъ и предо мною было урочище Св. Николая съ однимъ пирамидальнымъ тополемъ, высоко поднявшимся надъ всей долиной.

— Сюда пріѣзжаютъ больные чахоткой, разсказывалъ мнѣ Моисей, здѣсь есть возможность нанять комнату. Больные дышатъ горнымъ воздухомъ и глотаютъ ежедневно кусочки льда, который приносятъ изъ деревни Цейя, гдѣ находится большой Цейскій ледникъ. Всего въ 8-ми верстахъ отсюда. Затѣмъ больные пьютъ постоянно козлиное молоко; проживъ здѣсь 6 недѣль, уѣзжаютъ совсѣмъ здоровые.

— А гдѣ-же тутъ обѣдать? Гдѣ-же достать провизію?

— Это все привозятъ изъ ауловъ.

Цейскій ледникъ одинъ изъ величайшихъ и красивѣйшихъ ледниковъ Кавказа, спускается съ вершинъ Адай-Хоха на 7 верстъ и доходитъ до 6.575 ф., т. е. ниже всѣхъ кавказскихъ ледниковъ. Отъ урочища Св. Николая недалеко и удобно пробраться до не-

го по дорогѣ, ведущей на деревеньку Цейю. Цейскій ледникъ, спустившись съ горы на $2^1/_2$ тысячи футъ, падаетъ черезъ крутой порогъ утесовъ и весь ледникъ, какъ водопады Ардона, ломается и выпираетъ зубцы, фантастически сіяющіе обелиски, колонны и пирамиды. Еще ниже два такихъ-же ледопада, представляющіе много удивительно поэтической красоты своими горящими и сверкающими льдами, превратившимися въ рядъ таинственныхъ и кабалистическихъ фигуръ. Здѣсь-же у Цейскаго ледника стоитъ старинная церковь, въ видѣ каменной бесѣдки. Она украшена истертыми барельефами крестовъ и головъ невѣдомыхъ животныхъ съ длинными рогами. Внутри были протянуты жерди, на которыхъ висѣли турьи рога, громадныя пожелтѣвшія кости и бараньи челюсти, дѣлая потолокъ церкви какой-то анатомической камерой. Въ холодѣ и пыли повсюду по по угламъ и вдоль стѣнъ свалены цѣлыя кучи стрѣлъ, налицъ, шлемовъ, щитовъ, мечей, колчановъ.

Проѣхавши новое ущелье Ардона, мы попали въ знаменитый Нузалъ. Этотъ аулъ улегся въ скалистомъ ущельи Ардона, на узкомъ лѣвомъ берегу рѣки. Правый же, съ котораго мы переѣхали по мосту въ Нузалъ, сразу и рѣзко поднялся не только отвѣсной, но даже нѣсколько наклонной къ рѣкѣ каменной стѣной. Въ этой наклонной, плойчатой стѣнѣ надъ Ардономъ сохранилось нѣсколько удивительныхъ пещерныхъ жилищъ съ черными отверстіями оконъ. Совсѣмъ не понятно теперь, какъ могли люди попадать въ эту скалу. За Нузаломъ на вершинѣ горы усѣлся аулъ Наседженъ, къ которому

дорога вилась длинной серпентиной. Главная достопримѣчательность Нузала, его церковь. Это крошечное четырехугольное зданіе, сложенное очень грубо изъ камней, съ двумя щелями, служащими окнами, открываемыми на богослуженіе и закрываемыми послѣ него небольшими камнями. Двускатная крыша поросла травой и украшена маленькимъ крестомъ. Красная дверь была заперта на замокъ, надъ ней висѣлъ небольшой колоколъ на веревкѣ. Намъ открыли дверь. Внутри церковь производитъ впечатлѣніе совсѣмъ игрушки. Тутъ находятся на стѣнахъ очень интересные рисунки и надписи. Фрески на штукатуркѣ сильно попортились отъ сырости и отъ времени, а мѣстами обвалились. Пестренькіе домики съ галерейками, въ которыхъ повѣшены турьи рога, окружили церковь, а за ними показалось кладбище съ удивительными памятниками, въ видѣ столбовъ и въ видѣ странныхъ домиковъ съ старинной кладкой камней.

Спустившись еще двѣ версты по Ардону, проѣхавъ маленькую казарму, мы свернули въ Садонское ущелье и стали снова подниматься въ гору противъ теченія рѣчки Садонки, такъ какъ Садонскій серебряный рудникъ лежитъ въ боковой долинѣ. Когда мы подъѣхали къ руднику, насъ поразило, что церковь, выстроенная въ византійскомъ стилѣ, снабжена была бойницами вмѣсто оконъ, да и всѣ корпуса зданій и бараки для рабочихъ, все было выстроено четырехугольникомъ и имѣло видъ грозной крѣпости, а не мирнаго завода. На углу поднялась даже форменная крѣпо-

стная башня. Всѣ зданія и рудники расположились между отвѣсныхъ, громадныхъ скалъ, на вершинахъ которыхъ повсюду виднѣлись осетинскіе аулы съ ихъ галерейками. Мы попросили разрѣшеніе управляющаго поглядѣть рудники и отправились въ сопровожденіи главнаго его помощника по живописнымъ тропинкамъ мимо двухъ водопадовъ къ отверстію въ 4-й этажъ рудниковъ, въ который вели рельсы для выкатыванія телѣжекъ съ рудой. Намъ дали по фонарю и мы вошли въ нѣдра горы. Длинныя сѣрыя галереи увели насъ на большое разстояніе подъ землю. Тамъ мы видѣли часовню въ честь св. Макарія и посѣтили большія промывательныя машины. У входа въ одну изъ галерей сохранились слѣды работъ древнихъ грековъ, добывавшихъ здѣсь серебряную руду.

Взгромоздившись снова на арбу, мы поѣхали обратно къ берегу Ардона и покатили по дикому скалистому его ущелью. Тутъ мы проѣхали Батскія ворота, поставленныя еще генуэзцами въ самомъ узкомъ мѣстѣ рѣки. Въ старину, запирая ихъ, запирали всякій проходъ. Голыя скалы обступили насъ. Впереди поднялась громадная, красноватая скала, а кругомъ всѣ горы превратились въ утесы и напомнили мнѣ кручи Дагестана. Такіе-же пучки колючихъ и безцвѣтныхъ травъ, такія-же стѣны надъ горами, какія я видѣлъ на Гунибѣ и въ Хунзахѣ. Нѣкоторыя горы были сплошь покрыты комками и подушками низкой, стелющейся и чрезвычайно колючей акаціей.

— Это бука растетъ, сказалъ Моисей, у насъ, у осетинъ, она такъ называется.

Я зналъ эту акацію подъ названіемъ верблюжьяго хвоста. На одной изъ ужасныхъ кручъ, просто заоблачнаго утеса, усѣлся аулъ Мизуръ и поднялъ свою башню чуть не надъ облаками. Какъ онъ усѣлся на этой страшной высотѣ, что голова кружится, когда глядишь снизу на него, просто непостижимо. Внизу подъ скалами стояли арбы.

— Это арбы аула Мизура, сказалъ Моисей, онѣ спускаются по тропинкамъ сюда внизъ и здѣсь закладываютъ лошадей.

По всѣмъ самымъ крошечнымъ выступамъ скалъ былъ засѣянъ ячмень.

— Да какъ-же онѣ пробираются туда? воскликнулъ я.

— По маленькимъ тропинкамъ, въ особенныхъ бандуляхъ съ мягкими подошвами. Ячмень снимаютъ серпами и сѣно также и спускаютъ внизъ или поднимаютъ въ аулы на особенныхъ саняхъ, въ которые впрягаютъ воловъ.

Мы уѣхали изъ самаго Ардона подъ нависшими скалами, за которыя цѣплялась прелестная горная гвоздика и удивительныя хлопушки (Silene inflata), какъ на нашихъ сѣверныхъ поляхъ, но цвѣты здѣшнихъ были разъ въ пять больше сѣверныхъ.

Вдругъ запахло удушливо сѣрой и въ Ардонъ изъ подъ моста на нашей дорогѣ влилась могучая грязно-синяя струя сѣрной горячей воды.

— Это сѣрный ключъ, сказалъ Моисей, а вонъ виднѣется и почтовая станція Гулакъ.

Это послѣдняя станція на этой дорогѣ отъ Алагира. Здѣсь ѣдущіе въ горы могутъ достать лошадей до урочища св. Николая, до Садона и, конечно, внизъ въ сторону Владикавказа на Алагиръ.

Мы не хотѣли остаться и ждать на станціи, такъ какъ вечеръ быстро спускался въ темныя ущелья Ардона, а Моисей везъ меня на ночлегъ къ своимъ роднымъ въ аулъ Нижній Уналъ, который живописно разлегся на той сторонѣ Ардона въ восхитительномъ уголкѣ, между горами и поднялъ большую свою сѣрую башню на холмѣ.

Здѣсь область вывѣтрившихся сланцевъ и здѣсь на высотѣ 3 тысячъ футъ одно изъ самыхъ узкихъ мѣстъ ущелья Ардона съ чудными видами во всѣ стороны. Немного ниже Ардонъ натащилъ каменныя мели и онѣ заросли кустами. Противъ насъ по ту сторону очень широкаго Ардона, показался Нижній Уналъ.

— Какъ? воскликнулъ я, мы должны ѣхать въ бродъ по Ардону! Это прямо безуміе.

— Нѣтъ, нѣтъ, успокоилъ меня Моисей. Только половину рѣки, а тамъ висячій мостъ.

Лошадь смѣло вступила въ воду и благополучно добралась до первой мели, по камнямъ которой насъ трясло немилосердно, затѣмъ второй довольно бурный рукавъ съ пѣнистой водой тоже остался за нами. Вторая высокая мель отдѣляла насъ отъ бѣшеной пучины Ардона, гдѣ летѣли такія сѣдыя гривы, что Терскія мнѣ показались передъ ними дѣтскими игрушками.

Черезъ эту пучину былъ перекинутъ висячій мостъ или «живой», какъ его справедливо назы-

ваютъ туземцы. Это были нѣсколько живыхъ досокъ, покрытыхъ плетнемъ вмѣсто настилки. Узкій, качкій мостъ висѣлъ надъ самыми волнами безумно ревущей воды и стоило немного рѣкѣ повыситься, чтобы этотъ примитивный и дерзкій мостъ улетѣлъ съ волнами и тогда всякое сообщеніе аула было-бы прервано. Мы вышли изъ арбы и пѣшкомъ переправились черезъ этотъ мостъ. Какъ осетинъ переправилъ арбу съ лошадью, мнѣ не ясно, но несомнѣнно это своего рода фокусъ, въ родѣ тѣхъ, которые мы видимъ въ циркахъ.

Мы поднялись на горку, на которой крошечная церковка подняла свой зеленый куполъ надъ живописнымъ ауломъ, съ его галерейками у разбросанныхъ по скаламъ и утесамъ домиковъ. Масса громадныхъ собакъ выскочила изъ всѣхъ угловъ и, страшно скаля зубы и рыча, преслѣдовала насъ.

Вскорѣ мы достигли дома двоюроднаго брата Моисея—и хозяинъ, полный, красивый мущина Бибулатъ Цѣлаговъ, ввелъ насъ, какъ гостей, въ прелестно лежащій на выступѣ скалы свой домикъ, съ галерейки котораго открывался божественный видъ на всѣ неприступныя Скалистыя горы, съ ихъ отвѣсными стѣнами и пиками. Скалистыя горы поднимаются изъ долины Алагира и круто обрываются къ югу, а Ардонъ протачиваетъ ихъ по трещинамъ, дѣлая ихъ стѣны еще круче, еще головоломнѣе. Видъ на горы изъ Нижняго Унала прельстилъ меня и я не могъ оторваться отъ этой фантастической панорамы, не говоря уже о красотѣ Ардона и всей его узкой долины.

— Какъ называется эта скала? спросилъ я хозяина, указывая на гигантскія стѣны, надъ которыми горѣли, какъ угли, обожженные закатомъ снѣговыя зубья?

— Это Урс-хохъ, сказалъ онъ, эта скала почти всегда бываетъ закрыта облаками, рѣдко солнце такъ свѣтитъ на нее, какъ сегодня. А та скала, хозяинъ повернулся внизъ по теченію Ардона, это величайшая скала всей Осетіи. Ея выше нигдѣ нѣтъ. Это Каріу-хохъ.

Каріу-хохъ — это колоссальное нагроможденіе стѣнъ, уходящихъ прямо въ облака. Изъ средины этихъ стѣнъ выпертъ высѣченный конусъ, почти никогда невидимый, парящій всегда надъ облаками и запорошенный большею частью снѣгами. Сзади аула, за зелеными горками поднялся гигантъ Шау-хохъ, вершину котораго занесли заоблачные снѣга.

Когда спустилась ночь, луна освѣтила всю картину. Просто святотатствомъ казалось идти спать и не смотрѣть на это волшебство панорамы, развернутой передъ моими глазами.

Нашъ хозяинъ угощалъ насъ со свойственною любезностью, а потомъ уложилъ и меня и Моисея рядомъ съ собой спать на прекрасныя постели, приготовленными хозяйками, пока мы ужинали въ галереѣ.

Рано утромъ вода въ Ардонѣ сильно пала, такъ какъ снѣга въ горахъ смерзлись отъ морозовъ и мы благополучно перебрались на ту сторону. Вскорѣ за ауломъ Бизомъ мы въѣхали въ лѣса, густые, чудные лѣса, которые послѣ мрачныхъ ущелій и голыхъ скалъ показались особенно привлекательными.

Густыя травы съ массой горныхъ ромашекъ, ярко-желтыхъ и высокихъ, чудныхъ колокольчиковъ, горныхъ васильковъ и сѣрыхъ шалфеевъ, поднялись повсюду изъ подъ отцвѣтающаго шиповника. Опять пахнуло сѣрой, опять струя горячей сѣрной воды, вырвавшись изъ пещеры подъ дорогой, замутила Ардонъ и мы снова утонули въ дивныхъ рощахъ красиваго ущелья въ Скалистыхъ горахъ. Вскорѣ мы вышли изъ горъ, проѣхали еще одну казарму и поѣхали по шоссе между красивыми лѣсистыми холмами. Нѣсколько великолѣпныхъ буковъ мелькнуло мимо и масса ольховыхъ зарослей поглотила насъ и девять верстъ по выходѣ изъ ущелья, дорога тянулась прямо, какъ стрѣла, до самаго Алагира, а Ардонъ шумѣлъ, пробираясь между рощъ и горокъ. Пирамидальные тополя окружили Алагиръ.

Алагиръ съ его любопытнымъ серебро-свинцовымъ заводомъ, хорошенькими домиками въ садахъ, улегся передъ горами, какъ Владикавказъ. Весь заводъ похожъ на крѣпость и прежде онъ игралъ роль укрѣпленія, потому у него и башня на углу, какъ у Садонскаго завода, потому всѣ корпусы и зданія соединены между собой, какъ стѣна, и имѣютъ бойницы. Алагирскій заводъ въ годъ вырабатываетъ приблизительно 30 пудовъ серебра и отдѣляетъ отъ него около 10 тысячъ пудовъ свинца.

Сюда пріѣзжаютъ на дачу жители Ростова и другихъ южныхъ городовъ, пользуясь, что дачи здѣсь дешевы и что домикъ комнатъ въ 5, стоитъ 30, 40, 50 рублей. Алагиръ, лежа у предвѣрья горъ и Военно-Осетинской дороги, служитъ ключемъ и ис-

ходнымъ пунктомъ многихъ интересныхъ прогулокъ и экскурсій, имѣя для этого всегда и верховыхъ лошадей и телѣжки. Изъ Алагира всего 27 верстъ до желѣзно-дорожной станціи Даръ-гохъ, и есть почтовое сообщеніе съ Владикавказомъ ($51^1/_4$ версты).

Въ серединѣ Алагира стоитъ прелестный соборъ, напоминающій какой-то древній кремль своей курьезной стѣной, которая окружаетъ его садъ. Стѣна эта пятиугольная съ пятью бѣлыми башнями, увѣнчанными кирпичными конусами. Пятая башня надъ воротами самая высокая и обращена въ колокольню.

Моисей увезъ меня къ себѣ въ аулъ Ардонъ. Мы ѣхали снова по степи, той самой степи, на которой лежитъ Владикавказъ и любовались дивнымъ Кавказскимъ хребтомъ съ его снѣжными вершинами. Намъ пришлось въ бродъ переѣхать весь Ардонъ. Это было нѣчто ужасное. Волны несли нашу телѣгу, лошади не справились-бы, не замѣни кучера Моисей, который стоя колотилъ нашихъ пегасовъ, и мы выскочили изъ бѣшеной рѣки на другой сторонѣ. Вскорѣ мы въѣхали въ осетинское село Ардонъ. Проѣхавъ громадный аулъ на половину, мы въѣхали въ ворота. По случаю воскресенья вся семья была дома и Моисея всѣ встрѣтили во дворѣ. Моисей объяснилъ имъ, что привезъ гостя. Старшій братъ и хозяинъ этого дома повелъ меня въ свою комнату, а на дворѣ началась суматоха. Младшіе братья пошли рѣзать въ мою честь барана. Мы сидѣли вдвоемъ съ хозяиномъ. Моисей заходилъ на минуту.

— Что-жъ онъ не сядетъ, сказалъ я хозяину, указывая на Моисея.

— Хотя онъ и гость, отвѣтилъ мнѣ хозяинъ, но здѣсь онъ дома и только я одинъ, по нашему обычаю, могу сидѣть съ вами.

Приходилъ самый старшій братъ, приходили двоюродные съ сосѣднихъ дворовъ и всѣ стояли у дверей и приносили на столъ блюда и прислуживали намъ за обѣдомъ. Сначала подали пирогъ, очень масленый, съ осетинскимъ сыромъ, потомъ курицу съ картофелемъ, бараній шашлыкъ и супъ, очень проперченный, подали на послѣдокъ. Появился на столѣ аракъ и розовая водка осетинъ, напоминающая немножко вкусомъ пуншъ, сдѣланный изъ кукурузы. Это любимый напитокъ осетинъ на равнѣ съ ихъ особо приготовленнымъ пивомъ. Аракъ и пиво осетинъ почему-то преслѣдуются властями, которые принуждаютъ горцевъ покупать русскую водку и пиво.

— Ни водку, ни пиво русское, сказалъ мнѣ хозяинъ, мы не любимъ. Аракъ и наше пиво пили наши предки, мы на нихъ выросли, и лишить насъ нашихъ напитковъ—очень жестоко. Арака вы нигдѣ въ продажѣ не найдете.

Меня угощали брагой изъ хлѣба, которую принесъ старшій братъ моего хозяина въ деревянной чашкѣ съ ушками. Я отпилъ немного, за мною выпилъ хозяинъ, потомъ Моисей, а за нимъ всѣ родные, стоявшіе у дверей. Послѣ обѣда я поспѣшилъ на станцію Даръ-гохъ, лежащую въ 11 верстахъ отъ Ардона. Моисей проводилъ меня до самой станціи и мы простились съ нимъ трогательно и нѣжно. Онъ уѣхалъ въ свой Ардонъ на недѣлю, что ему было разрѣшено его начальствомъ въ Кутаисѣ въ

награду за мои проводы, а я остался ждать еще нѣсколько часовъ прихода поѣзда и проклялъ всю станцію Даръ-гохъ, лишенную всякихъ самыхъ примитивныхъ удобствъ и имѣющую только одно достоинство—восхитительный видъ на Кавказскій хребетъ съ его снѣжными вершинами.

31.

Въ Мингреліи.

Накалакеви. Мартвильскій монастырь. Зугдиди. Поти. Батумъ. Поѣздка въ Артвинъ.

Но не спасла васъ ваша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь.

Пушкинъ.

Осмотрѣвши Кутаисъ, мы отправились съ Тумановымъ на вокзалъ и поѣхали еще далѣе на западъ на Черноморскія побережья, въ дивные уголки.

Снова мы на станціи Ріонъ и снова летимъ въ поѣздѣ на западъ по цвѣтущей долинѣ золотоносной рѣки, отдѣляющей къ сѣверу Мингрелію къ югу Гурію. На станціяхъ гурійцы поражали меня своей красотой, стройностью и пестротой костюмовъ. Черные башлыки такъ кокетливо были повязаны вокругъ ихъ головъ, широкіе, пестрые пояса такъ ловко обхватывали ихъ стройныя таліи, куртки такъ красиво обшиты разноцвѣтными галунами, мужественныя лица глядѣли такъ смѣло, что невозможно было отвести отъ нихъ глазъ. Женщины, въ пестрыхъ нарядахъ, съ традиціонными локонами передъ ушами и въ кро-

шечныхъ круглыхъ шапочкахъ, значительно уступали мужчинамъ. Вотъ и станція Самтреди, гдѣ главная желѣзнодорожная вѣтвь идетъ на Батумъ, а вторая на Поти вдоль Ріона. Тумановъ ѣхалъ по своему дѣлу въ Поти и долженъ былъ пробыть тамъ около двухъ дней, поэтому мы хотѣли разстаться на два дня и встрѣтиться въ Поти. Мы пересѣли въ вагонъ, идущій въ Поти и на станціи Ново-Сенаки, я вышелъ, чтобы окружнымъ путемъ добраться до нашего пункта соединенія, тѣмъ болѣе, что Поти крайне вредное лихорадочное мѣсто и мнѣ не хотѣлось долго оставаться въ немъ.

Усѣвшись въ дилижансъ на станціи Ново-Сенаки, я покатилъ по шоссейной дорогѣ въ мѣстечко Накалакеви, лежащее въ 18 верстахъ. Восхитительныя развалины на берегу рѣки Текура, амфитеатромъ взгромоздившіяся тремя кругами зубчатыхъ стѣнъ и башенъ на скалы, не заставили меня пожалѣть о пріѣздѣ сюда. Густой плющъ покрылъ всѣ стѣны, платаны и гранатникъ образовали вокругъ густыя рощи. Я бродилъ въ развалинахъ церквей, дворца, башенъ, перепрыгивалъ черезъ упавшія колонны и карнизы и мнѣ казалось, что я нахожусь въ очарованномъ замкѣ. Тутъ же стоитъ старая церковка 40 мучениковъ, недавно возстановленная, съ почернѣвшимъ отъ древности иконостасомъ и съ старой небольшой колоколенкой, нѣсколько вросшей въ землю. Городокъ Накалакеви расположился по другую сторону ревущей и бѣшеной рѣки, черезъ которую перекинутъ мостъ.

Городъ этотъ, окруженный грудами камней,—оста-

токъ знаменитаго города Эа, прежней столицы Колхиды, гдѣ держала въ плѣну Улисса волшебница Цирцея. Это бывшій городъ Археополисъ, что въ переводѣ на мингрельскій языкъ и значитъ Накалакеви. Церковка сорока мучениковъ—есть памятникъ временъ Юстиніана, построенная въ 6 вѣкѣ. Всѣ развалины лежатъ надъ такими обрывами и недоступными крутиками, что въ первую минуту я сталъ въ тупикъ и не зналъ, какъ попасть въ нихъ. Мальчикъ-мингрелецъ, котораго мнѣ дали въ путеводители на почтовой станціи заставилъ меня карабкаться по такой тропинкѣ, что спускъ изъ Багратова храма въ Кутаисѣ—показался мнѣ удобной дорогой. Тумановъ навѣрное остался-бы внизу и не полѣзъ-бы ломать ноги.

Возвратясь на почтовую станцію, откуда я хотѣлъ ѣхать въ Зугдиди, въ столицу мингрельскихъ Дадіановъ, я узналъ, что экстренный почтовый фаэтонъ отправляется въ Мартвили, верстахъ въ 15 отъ Накалакеви. Я просилъ меня принять въ него, если окажется мѣсто. Мои новые попутчики были даже очень довольны, что путешествіе обойдется имъ дешевле. Это были священникъ изъ Мартвили и молодой мингрелецъ, голова котораго была повязана башлыкомъ изъ блѣдно-шеколаднаго сукна, обшитаго позументами, а серебряная кисть ухарски спустилась надъ ухомъ молодаго человѣка. Пуговицы и кушакъ, а также обшивка куртки и оружіе за поясомъ сверкали отъ серебра, его смуглое съ тонкими чертами лицо, украшенное кокетливо зачесанными усами, выражало самоувѣренность.

Дорога въ Мартвили прошла совсѣмъ незамѣтно, мы такъ весело болтали, мои спутники оба оказались словоохотливыми и остроумными собесѣдниками, что я мало глядѣлъ на проплывавшія мимо окрестности. Сколько мнѣ не встрѣчалось мингрельцевъ, имеретинъ и гурійцевъ, всѣ они производили на меня одинаковое впечатлѣніе—нѣкоторой лѣни, веселья, поэзіи, непостоянства и отсутствія терпѣнія. Отъ нихъ вѣяло югомъ и простота и сердечность ихъ обращенія со мной всегда вызывала и съ моей стороны и симпатію и горячее расположеніе. Вотъ хоть-бы этотъ священникъ и черноглазый мингрелецъ, мы ѣхали съ ними всего нѣсколько часовъ, случайно встрѣтившись и разставшись, можетъ быть, навсегда, но эти часы не изгладятся изъ моей памяти и я всегда съ теплымъ чувствомъ вспоминаю моего веселаго мингрельца и милаго почтеннаго священника, и до сихъ поръ звучитъ въ моихъ ушахъ веселый хохотъ молодого франта въ башлыкѣ.

— Посмотрите, какая липа, сказалъ священникъ, совсѣмъ великанъ. Такія деревья можно встрѣтить только въ Кахетіи, да здѣсь. Этимъ-то лѣснымъ исполинамъ и покланялись въ старину. Да и теперь имъ приносятъ жертвы, обматываютъ ихъ стволы нитками.

Старая липа съ чудовищно-толстымъ стволомъ проплыла мимо, гордо и важно глядя на насъ.

— Вонъ виднѣется соборъ Мартвили, указалъ священникъ, на показавшуюся группу бѣлыхъ зданій. Теперь городокъ называется «Мартвили», а

прежде его называли «Дчхон-диди», что значитъ по мингрельски: «большой дубъ», такъ какъ здѣсь стояли большiе дубы, служившiе язычникамъ капищемъ. Апостолъ Андрей Первозванный срубилъ эти дубы и построилъ церковь. Это самая древняя святыня во всемъ Закавказьѣ.

Разставшись съ спутниками на почтовой станцiи, я немедленно отправился къ собору, чтобы успѣть осмотрѣть его до вечера.

Мартвильскiй монастырь взобрался на вершину крутой конусообразной горы, и мнѣ пришлось долго карабкаться, пока я достигъ монастыря. Полное запустѣнiе и разрушенiе увидѣлъ я въ этомъ удивительномъ уголкѣ. Главный соборъ — удивительно красивый храмъ, выстроенный изъ камней стараго языческаго капища. Стѣны съ щелевидными окнами, убраны красивыми карнизами и барельефами всевозможныхъ фантастическихъ звѣрей, тигровъ, львовъ, звѣрей съ птичьями головами, сиренъ, грифоновъ и др. Внутри храмъ напоминаетъ Гелатскiй соборъ, Успенскiй въ Москвѣ и другiе. Тѣже фрески, покрывающiя, какъ гобелены, стѣны и столбы. На горнемъ мѣстѣ великолѣпная Божья Матерь съ двумя архангелами. Всѣ фрески пострадали отъ времени и выцвѣли и слились въ пестрые, стѣнные ковры. Здѣсь же въ храмѣ могилы мингрельскихъ царей въ видѣ бѣлыхъ плитъ съ надгробными надписями и тяжелыми кольцами на крышкахъ.

Я поднялся на колокольню Мартвильской церкви и остановился, пораженный видомъ. У меня за-

хватило духъ, когда я увидѣлъ, на какой высотѣ я нахожусь. Высокая колокольня поднялась на конусѣ горы въ 500 футовъ и, какъ маякъ, видима отосюду. Городокъ Мартвили провалился куда-то въ бездну. Долины ручьевъ и рѣчекъ убѣжали къ горамъ, поднявшимся своими снѣжными вершинами. Вся цвѣтущая Имеретія, потонувшая въ зелени рощъ, въ маисовыхъ поляхъ и виноградникахъ съ ея городками и деревеньками, легла за рѣчкой Цхени-Цхали, прежняго Гиппуса или «Конки» по русски, составляющей рубежъ Имеретіи и Мингреліи. На горизонтѣ синѣло Черное море, блиставшее за зеленью деревьевъ. На востокѣ серебрился Ріонъ, а въ синихъ туманахъ вырисовывались горы Сурама. Ахалцихскія горы, сверкающія отъ снѣговъ и ледниковъ поднялись, какъ привидѣнія, а вокругъ поля, луга, лѣса, деревеньки перемѣшались въ удивительный живой коверъ. Сванетскій хребетъ и Аджарскія горы тянулись цѣпями и довершали очарованье.

Около монастыря въ черной лощинѣ поднялась полуразрушенная башня, въ которой спасались столпники и которая опустѣла въ 1852 году, когда ее покинулъ послѣдній схимникъ.

Въ монастырскомъ дворѣ около зданія келій, почти совсѣмъ разрушеннаго, съ прелестными окошечками и балконами, стоитъ старая липа, раскинувшая свои громадныя вѣтви во всѣ стороны. Ея толстый стволъ былъ обтянутъ нитками. Такъ и вспомнился мнѣ священникъ, ѣхавшій со мной изъ

Накалакеви и разсказавшій мнѣ именно объ этомъ здѣшнемъ обычаѣ.

Переночевать пришлось на почтовой станціи, а на зарѣ я уже былъ готовъ двинуться въ дальній путь на Зугдиди, куда пришлось ѣхать около 50 верстъ верхомъ. Нанявши лошадь и проводника, я двинулся въ путь по дорогѣ къ Накалакеви, съ которой вскорѣ свернули на небольшую и довольно скверную тропу. Вся дорога была не интересна, черезъ рѣки мы перебирались въ бродъ, причемъ вполнѣ благополучно добрались до духана, лежащаго почти на полъ-дорогѣ къ Зугдиди.

Въ духанѣ мы спросили себѣ поѣсть и довольно кислаго мингрельскаго вина, отдохнули и снова верхомъ отправились въ путь. Я чувствовалъ усталость уже на полъ-дорогѣ. Жара и пыль были невѣроятныя, а переправа черезъ ручьи заставляла до того кружиться голову, что я еле держался въ сѣдлѣ. Рѣчка Хопи несла крутящіяся и бурныя воды между громадныхъ камней, а въ серединѣ образовала такіе водовороты и стремнины, вздымая громадныя пѣнистыя волны, что у меня захватило духъ при мысли, что мы должны въ бродъ переправиться черезъ эту пучину.

— Бей лошадь, крикнулъ мнѣ мой путеводитель, и гляди наверхъ.

Поравнявшись со мной, онъ нѣсколько разъ хлестнулъ ногайкой мою лошадь и полетѣлъ впередъ въ клокочущую пучину. Мой конь дрогнулъ и кинулся за имеретиномъ въ воду. У меня позеленѣло въ глазахъ. Я поднялъ голову, чтобы не

видѣть стремнины, но я слышалъ ихъ. Онѣ ревѣли и гудѣли вокругъ меня, онѣ звенѣли какъ тысячи колоколовъ и дышали на меня своими бѣшеными брызгами и дикимъ дыханіемъ. Я очнулся только тогда, когда мой конь выскочилъ на берегъ и когда я увидѣлъ бурную рѣчку Хопи позади себя.

Мокрые, усталые, пропыленные добрались мы до Зугдиди, столицы Мингреліи, лежащей въ нездоровой и болотистой мѣстности.

Я такъ былъ радъ, что добрался до Итальянскихъ номеровъ и могъ отдохнуть отъ этой утомительной поѣздки. Какъ разъ была суббота, базарный день, и я не могъ долго отдыхать, тѣмъ болѣе, что оживленіе зугдидійскаго рынка по субботамъ было единственною достопримѣчательностью города.

Весь городъ деревянный съ домиками, окруженными балконами съ цвѣтущими павлоніями на каждомъ шагу, представлялъ очень мало интереса, нѣсколько каменныхъ общественныхъ зданій и церквей, мало украсили столицу Дадіановъ. За то рынокъ, дѣйствительно, заслуживаетъ посѣщенія. Это пестрая выставка костюмовъ и лицъ всѣхъ окрестностей.

Всѣ продавцы—крестьяне были красиво и пестро одѣты. Серебро блистало на каждомъ шагу. Меня удивляло это обиліе серебряныхъ бляхъ, брошекъ и кушаковъ, это умѣнье носить папаху и башлыкъ. Небольшія кофейни привлекали массу народа и тамъ особенно сказывалась праздная и суетливая жизнь и весь веселый характеръ мингрельцевъ. Тутъ

безпрерывно раздавались пѣсни и слышался ихъ веселый хохотъ. Суровые абхазцы, загорѣлые и смуглые, въ ихъ темныхъ папахахъ, выдѣлялись въ пестрой толпѣ своимъ строгимъ и мрачнымъ видомъ. Тутъ были и сванеты съ береговъ Ингура, и рачинцы изъ высокой долины Ріона, и аджарскіе лазы, ловкіе, изящные, смѣлые охотники, и красавцы-гурійцы, и турки, и татары, и другіе народы. Передъ моими глазами кружился какой-то удивительно пестрый калейдоскопъ, полный шума, крика, веселья, полный народной, неописуемой поэзіи.

Красота и грація гурійцевъ поражала меня, гибкость и прелесть женщинъ и юношей даже теперь ясно говорили, почему Зугдиди былъ всегда однимъ изъ главныхъ невольничьихъ рынковъ, гдѣ выставлялась красота, пополнявшая серали мусульманъ. Всю эту выставку красоты даетъ базарный день въ Зугдиди и теперь. Прежняя столица владѣтельныхъ князей Мингреліи до нашихъ дней сохранила субботній базаръ и въ этотъ день съѣзжаются изъ далекихъ окрестностей всѣ торговцы разныхъ странъ и народовъ, всѣ въ національныхъ своихъ костюмахъ, всѣ въ яркихъ праздничныхъ цвѣтахъ и серебряныхъ уборахъ, все красавцы и красавицы, ловкіе и граціозные.

Отлично выспавшись въ гостинницѣ, я съ утренней почтовой каретой отправился на станцію Ново-Сенаки, чтобы сѣсть въ поѣздъ и сегодня-же прибыть въ Поти, какъ это было условлено съ Тумановымъ. Выѣхавши изъ болотъ, которыми окруженъ Зугдиди, мы проѣхали мѣстечко Цѣши, живописно

лежащее на берегу рѣчки Джуми. Красивый соборъ украсилъ городъ, служившій прежде мѣстопребываніемъ епископа. Дорога вилась между полями, засаженными маисомъ, пробѣгали рощи и тутовые сады и, миновавъ мѣстечко Кэту, съ развалиной старой башни и церковью, подошла къ городку Копи, усѣвшемуся на берегу быстрой рѣчки Копи, той самой, черезъ которую мы вчера переправлялись на лошадяхъ. Громадный старый монастырь стоитъ въ кущѣ лавровъ, дубовъ и каштановъ. Это одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ монастырей, весь выстроенный изъ бѣлаго и синяго мрамора. Онъ украшенъ розетками, арабесками и рельефами изъ бѣлыхъ мѣловыхъ камней. По наружному виду церковь Копи я принялъ за большой домъ, такъ какъ она лишена купола. Монастырь окруженъ толстой каменной оградой и несетъ высокую колокольню надъ входными воротами. Внутри церковь вся покрыта фресками, а въ колокольнѣ показываютъ огромную деревянную трубу, при помощи которой въ старыя времена сзывали народъ изъ окрестностей къ службѣ, а также давали знать о приближеніи непріятеля.

За Хопи потянулись аллеи пирамидальныхъ тополей, и великолѣпные фруктовые сады. Проѣхавъ довольно большое разстояніе вдоль рельсъ желѣзной дороги, почтовый дилижансъ, совсѣмъ сѣрый отъ пыли, прибылъ на станцію Ново-Сенаки, откуда поѣздъ доставилъ меня въ Поти.

Въ Колхидской гостинницѣ я нашелъ Тумано-

ва, который успѣлъ справиться со всѣми своими дѣлами и ожидалъ меня.

Поти, бывшая турецкая крѣпость Фашъ, взятая въ 1828 году, лежитъ на мѣстѣ древняго города Фазиса, который велъ оживленную торговлю съ Индіей. Тропическая растительность городка, затонувшаго въ садахъ, поражаетъ каждаго пріѣзжаго и прогулка по городскому саду и сосѣднему съ нимъ саду Ресслера, на берегу Ріона, не можетъ не восхитить. Тутъ растутъ лимоны, лавры и лавровишни достигаютъ громадной вышины, прекрасныя аурокаріи поражаютъ своими щетинистыми вѣтвями, а вся эта вѣчно-зеленая кустарниковая заросль образуетъ поразительные эфекты. Но нигдѣ вы не чувствуете такой пронизывающей сырости, какъ здѣсь, въ Поти, и нигдѣ не свирѣпствуютъ такъ сильно лихорадки. Въ окрестностяхъ Поти есть большое озеро Палеостомъ, окруженное осокой и камышами, полное гнилой воды, которая лѣтомъ обращается въ кашу водорослей и въ разсадникъ малярій. Лѣса вокругъ Поти растутъ на трясинахъ и это обиліе влаги, эта вѣчная сырость въ жаркомъ климатѣ Поти образуетъ вредный оранжерейный воздухъ, въ которомъ растутъ павлоніи, лимоны и катальпы.

Меня поразило обиліе лягушекъ. Невозможно сдѣлать шагу вечеромъ въ паркѣ, чтобы не наткнуться на лягушку. Лягушачьи концерты просто одолѣваютъ васъ, всѣ углы, всѣ канавы, всѣ колодцы, все полно лягушекъ. Даже на морскомъ берегу, гдѣ Ріонъ нанесъ цѣлыя отмели песку, дѣлающія не-

возможнымъ здѣсь портъ, у развалинъ турецкой крѣпости, всюду преслѣдуютъ васъ лягушки.

— Ты не очень утомился? спросилъ меня Тумановъ.

— Нѣтъ, а что?

— Не поѣдемъ-ли завтра въ Батумъ, предложилъ онъ, тутъ пронизывающая сырость.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣтилъ я, мнѣ Поти совсѣмъ не понутру, да и смотрѣть здѣсь нечего, а въ Батумѣ растительность должна быть лучше. Здѣсь-же еще заболѣешь лихорадкой.

И хотя мы не чувствовали приступовъ маляріи, однако изъ осторожности проглотили по 5 гранъ хины и съ утреннимъ поѣздомъ уѣхали въ Батумъ.

Поѣздъ ѣхалъ по безконечнымъ болотамъ, которыя всѣми мѣрами теперь осушаются и превращаются въ пашни. Въ Самтреди мы дождались Батумскаго поѣзда и покатили по красивой Гуріи сначала вдоль Ріона, въ виду отдаленной цѣпи Большаго Кавказа съ горящимъ отъ снѣговъ зубомъ Казбека. Рисовыя поля покрыли все пространство и добѣжали до красивыхъ лѣсистыхъ горъ съ ихъ деревеньками и домиками, крытыми дранью. Вотъ и станція Натанеби съ ея оживленіемъ и пестротой костюмовъ. Даже священникъ, быстро выскочившій изъ вагона и спѣшившій занять мѣсто въ почтовой каретѣ, чтобы ѣхать въ Озургеты, былъ одѣтъ въ яркую зеленую рясу, подбитую оранжевой матеріей. Это сечетаніе яркихъ цвѣтовъ придавало особенно веселую жилку всему пейзажу и толпѣ народа.

Городъ Озургеты, бывшая столица Гуріи, лежитъ

въ 17 верстахъ отъ станціи Натанеби. Это поэтичный городокъ съ прелестными домиками, потонувшими въ тѣни пирамидальныхъ тополей. Большое зданіе штаба Кабулетскаго отряда, бѣлое съ двухъэтажными галлереями, съ оригинально выдавшейся впередъ крышей, и бѣлая церковь, съ двумя досчатыми колокольнями,—сидя на пригоркахъ въ зелени садовъ, служатъ лучшими украшеніями этого мирнаго и тихаго городка.

Поѣздъ стремился по берегу моря къ Батуму.

— Не надѣйся очень много гулять въ Батумѣ, сказалъ Тумановъ. Я въ шестой разъ ѣду въ Батумъ, пять разъ лилъ проливной дождь и я никуда не могъ носа высунуть.

— Совершенно вѣрно, вмѣшался въ разговоръ сосѣдъ—армянинъ, въ Батумѣ никогда не бываетъ солнечныхъ дней, тамъ льетъ вѣчный дождь.

Я провелъ въ Батумѣ три дня въ ожиданіи парохода и во всѣ эти три дня не только не упало ни единой капельки дождя, но стояла ясная, жаркая погода. Воздухъ былъ такъ прозраченъ, что горы до вершинъ стояли открыты и изъ за цѣпей ихъ виднѣлся снѣжный конусъ божественнаго Эльборуса, такъ что я могу сказать: «нѣтъ правилъ безъ исключенія». Батумъ только съ 1878 года русскій городъ, до того—ничтожная турецкая деревенька, теперь благодаря своему порту и желѣзной дорогѣ, соединившей два моря, превратился въ роскошный громадный, оживленный городъ.

Въ старину на мѣстѣ Сухума былъ городъ Діоскореа, гдѣ сходилось до 300 различныхъ племенъ

для торговли. Эту роль въ современной жизни взялъ на себя Батумъ. Трудно гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ увидѣть такую смѣсь народовъ, костюмовъ и языковъ.

Городъ красиво лежитъ вокругъ глубокаго залива и окруженъ амфитеатромъ горъ. Это колоссальный базаръ съ его прекрасными гостинницами, кофейнями, ресторанами, торговыми рядами, съ его кипучей дѣятельностью въ портѣ, съ его массой судовъ и пароходовъ у длинныхъ моловъ. Здѣсь всюду кипитъ жаркая работа, всюду визжатъ краны, тянутся канаты, волокутся тяжести, скрипятъ арбы, увозя и подвозя тюки и ящики. Весь заливъ полонъ судовъ и по вечерамъ представляетъ восхитительное зрѣлище. Вся набережная полна кофеинъ, кафе-шантановъ и караванъ-сараевъ, гдѣ по вечерамъ царятъ шансонетки, собирая самую разношерстную публику. Всѣ базары оживлены днемъ чрезвычайно. Турки, армяне, персы, евреи, татары, абхазцы, мингрельцы, грузины, гурійцы, имеретины, европейцы образуютъ такую пеструю смѣсь, что глаза разбѣгаются. Все шумитъ, все оретъ, словно ошалѣлое. Чистильщикъ сапогъ стучитъ палочкой о доску и улыбается вамъ, стараясь привлечь ваше вниманіе, разнощики фруктъ орутъ надъ вашимъ ухомъ такъ немилосердно, что вы глохнете совершенно на нѣсколько минутъ, мальчишки турки, погоняяословъ, кричатъ до хрипоты и у васъ за нихъ першитъ въ горлѣ, а вокругъ лежатъ горы крашеныхъ яицъ, башни вавилонскія зеленаго луку, груды фесокъ, вырывается горячій паръ изъ турецкихъ кухонъ, который обдаетъ васъ и запахомъ всякой стряпни и горячимъ паромъ. Въ

цирюльняхъ шумъ. Черноглазые турки громко переговариваются черезъ раскрытыя двери. Жара, зной, духота, пыль. Гологрудые, бронзовые носильщики, обливаясь потомъ, волокутъ на плечахъ такія тяжести, что при видѣ ихъ вамъ дѣлается нехорошо, и вы пригибаетесь вмѣстѣ съ ними, группы итальянскихъ, французскихъ и другихъ европейскихъ матросовъ бродятъ по улицамъ. Ловкіе греки снуютъ съ своими коралами, губками и рахатлакумомъ, надоѣдая прохожимъ. Въ лавкахъ торгуются до одуренія, по турецкому обычаю. Покупатели уходятъ, возвращаются, сердятся, бранятся и уходятъ совершенно. Продавецъ неоднократно возвращаетъ ихъ, для чего у него служитъ востроносый мальчишка въ красной фескѣ, у котораго пятки сверкаютъ отъ бѣготни. Въ концѣ концовъ всѣ измучены, вспотѣли и приходятъ къ нѣкоторому соглашенію. Когда вы уходите съ покупкой изъ магазина, мальчишка въ фескѣ провожаетъ васъ и проситъ «маршъ», что означаетъ «на чай» за его усердное посредничество.

Съ горъ возвращались солдаты, громко распѣвая свои пѣсни. У каждаго былъ букетъ рододендроновъ и азалій. Кто несъ въ рукахъ, кто заткнулъ его въ штыкъ. Это двигалось цвѣточное море. Услышавъ пѣсню солдатъ, всѣ побросали свои дѣла и выскочили глядѣть на живой цвѣтникъ. Цирульникъ съ бритвой въ рукахъ, его кліентъ съ наполовину намыленнымъ лицомъ, поваръ турокъ съ кушаньемъ въ рукахъ. Не менѣе интересны были армянскіе похороны. Впереди шли пѣвчіе—дѣти въ огненно-красныхъ и зеленыхъ рясахъ съ большими синими

и красными перелинками на плечахъ. На перелинкахъ были нашиты бѣлые кресты. Одинъ изъ мальчиковъ несъ высокую хоругвь. Чернобородый священникъ въ ризѣ изъ лиловаго шелка, переливающаго въ зеленое, шелъ съ крестомъ въ рукахъ. Одинъ изъ пѣвчихъ пѣлъ что-то жалобное и непонятное. Сзади несли гробъ, за которымъ слѣдовали родственники. Всѣ эти пестрыя картинки быстро проносились передъ моими глазами и постоянно смѣнялись одна другой. Базаръ съ его рядами, кофейнями и площадями растянулся на большое разстояніе и съ двухъ его концовъ поднялись двѣ мечети. Одна возлѣ пароходной пристани, восьмиугольное красивое зданіе съ высокимъ и стройнымъ минаретомъ, другая—слов но полуразвалившійся сарай, деревянная, старая, съ несоразмѣрно громадной крышей, съ деревяннымъ высокимъ минаретомъ, прижалась къ одинокому вязу и печально глядѣла на базарную суету.

Современный, европейскій Батумъ — блестящъ, его улицы съ превосходными магазинами, съ хорошими тротуарами и освѣщеніемъ, но не смотря на всю оживленность этого интернаціональнаго города— пробыть въ немъ долго невозможно. Всѣ достопримѣчательности города ограничиваются базаромъ и прогулкой по бульвару и ботаническому саду.

Благодаря страшному обилію влаги, такъ какъ здѣсь вѣчно льютъ дожди, горы почти всегда покрыты облаками.

— Здѣсь больше дождей, чѣмъ въ Петербургѣ, увѣряли меня. А если и выпадаетъ ясный день на

Батумъ, то, повѣрьте, въ горахъ льютъ дожди, и эта вода принесется ручьями сюда-же.

Благодаря морю, удушающихъ жаровъ Батумъ не знаетъ. Всегда въ теченіи дня вѣетъ съ моря вѣтерокъ, ночью онъ мѣняется и большею частью дуетъ съ суши, унося всѣ міазмы окрестныхъ болотъ. Благодаря оранжерейному воздуху въ Батумѣ настоящій тропическій климатъ, дающій возможность расти роскошной растительности. Горы Батума покрыты такимъ яркимъ зеленымъ лѣсомъ, что я былъ пораженъ этой прямо утрированной зеленой окраской. Мы ѣздили въ окрестности и я наслаждался зеленью буковъ настоящихъ каштановъ, дубовъ, кленовъ, вязовъ и ольхъ, а особенно вѣчной зелени кустовъ, образующихъ цѣлыя дебри. Тутъ и остролистъ, и мой любимый самшитъ, и ярко-листная лавровишня, и калины, и рододендроны. Всякая лужайка, всякая прогалина завоевана папортникомъ-орлякомъ, но гигантомъ въ сравненіи съ нашимъ сѣвернымъ представителемъ сосноваго бора. Здѣшній папортникъ превосходитъ человѣческій ростъ и его дебри внушаютъ непріятное чувство, благодаря присутствію въ нихъ всякихъ гадовъ.

На берегу моря разбитъ въ послѣдніе годы широкій бульваръ. Это длинный садъ съ очаровательнымъ видомъ на южное море. Здѣсь можно просидѣть долгіе часы. Вся Батумская бухта съ ея горами и лѣсами, какъ на ладони. Волны набѣгаютъ рокоча на берегъ, покрытый маленькими камешками и мечтательно шумятъ. Двѣ аллеи изъ лавровишенъ, акацій и уксусныхъ деревьевъ, посаженныхъ въ пе-

ремѣшку съ юкками, идутъ паралельно морю. Тутъ растутъ довольно чахлые Cedrus atlantica, эти голубые кедры, которые такъ чудно привились въ Крыму, вѣчно зеленые кусты бересклета и морскія сосны. За бульваромъ, пройдя нѣсколько скучыхъ, пыльныхъ улицъ, я вошелъ въ ботаническій садъ, разведенный на берегу пруда. Меня встрѣтило отчаянное кваканье лягушекъ. Не скажу, чтобы садъ поразилъ меня. Здѣсь есть нѣсколько растеній, посаженныхъ Царской семьей, во время пребыванія ея въ Батумѣ, есть порядочные эквалипты, нѣсколько развѣсистыхъ катальпъ, кустовъ олеандра, порядочная вѣерная пальма (Chamaerops), большія перистыя акаціи (Acacia julibrisin), большіе кусты гортензій. Батумъ не поразилъ меня своей тропическою растительностью. Въ садахъ я видѣлъ совсѣмъ согнутые кипарисы, жалкіе и тощіе. Здѣсь свирѣпствуютъ иногда вѣтры, которыхъ кипарисъ не выноситъ, да чрезмѣрная сырость не позволяетъ расти агавамъ, кактусамъ, лимонамъ, маслинамъ. Хозяева виллъ, настроенныхъ около Батума, въ надеждѣ найти русскую Ниццу, выписали массу растеній съ береговъ Италіи и южной Франціи и всѣ они погибли въ батумской сырости и только такія растенія, какъ камеліи, новозеландскій ленъ, катальпы, павлоніи въ шапкахъ сиреневыхъ цвѣтовъ, камфарныя деревья, бананы и бамбуки, мандарины и всѣ тропическія растенія аналогичныхъ сырыхъ странъ, какъ Японія, удавались прекрасно въ Батумѣ. Рядомъ съ искалѣченными кипарисами и загнившими опунціями, я видѣлъ деревца камелій, сплошь по-

крытыя цвѣтами и великолѣпные пучки новозеландскаго льна.

Батумъ растетъ съ изумительной быстротой, повсюду насаживаются плантаціи чая, всѣ его болота осушаются, насажденія риса изгоняются, папортникъ выкорчевывается и злокачественная малярія мало по малу теряютъ свою силу.

— Я увѣренъ, сказалъ я Туманову, что когда я вторично пріѣду въ Батумъ, зелень садовъ поразитъ меня. Здѣсь, говорятъ, стоитъ воткнуть палку въ землю и она зацвѣтетъ. Надо только знать, что именно сажать. Ай, гляди, воскликнулъ я, что это значитъ? Я былъ пораженъ. Всѣ дома съ западной стороны были обиты жестью и чѣмъ больше я смотрѣлъ на новыя зданія, тѣмъ болѣе поражался этому полужестяному городу.

— Сюда доставляютъ такую массу цинкованнаго желѣза, отвѣтилъ Тумановъ, въ видѣ сосудовъ, налитыхъ нефтью. Нефть наливаютъ въ наливныя шкуны, а это желѣзо остается. Ему нашли примѣненіе. Чтобы спасти новые дома и особенно новыя казенныя учрежденія отъ сильныхъ вѣчно царствующихъ здѣсь дождей, эти зданія стали отдѣлывать и обивать рубчатымъ цинкованнымъ желѣзомъ.

— Нельзя куда нибудь съѣздить въ горы? спросилъ я Туманова, не хочется здѣсь оставаться въ Батумѣ, а пароходъ мой идетъ завтра въ 2 часа ночи.

— Идея! воскликнулъ Тумановъ, я свезу тебя въ Артвинъ. Сегодня-же мы выѣдемъ, а завтра вернемся. Ты будешь въ восторгѣ. До Борчки доѣдемъ въ фаэтонѣ. Шоссе идетъ отъ Батума верстъ на 45,

а тамъ 35 до Артвина доберемся или верхомъ или въ почтовой телѣжкѣ.

Сказано, сдѣлано. Мы наняли фаэтонъ до Борчки и покатили по прекрасному шоссе по равнинѣ, затѣмъ по берегамъ тихаго здѣсь Чороха. Борчка лежитъ въ лощинѣ Чороха. На наше счастье здѣсь были и лошади и телѣжка и мы немедля выѣхали въ горы. Тумановъ былъ увѣренъ, что, выѣхавши далеко до полдня изъ Батума, мы пріѣдемъ вечеромъ въ Артвинъ, а завтра утромъ вернемся въ каюкѣ по Чороху, который былъ очень полноводенъ и ревѣлъ, и мчался, какъ стрѣла, около турецкаго селенія Борчки.

Намъ пришлось увидѣть, какъ армяне, ступая голыми ногами по каменистому дну Чороха, волочили на веревкахъ пустые каюки противъ теченія. Они выбивались изъ силъ, усталые и измученные, волоча каюкъ, теперь нагруженный припасами для войскъ, стоящихъ въ далекихъ ущельяхъ. Скалы и утесы сдвинулись въ узкое ущелье, по которому несся Чорохъ и я недоумѣвалъ, какъ можно рисковать ѣхать въ каюкѣ по этимъ стремнинамъ.

Въ Артвинъ мы пріѣхали еще совсѣмъ засвѣтло, но очень утомились и разстряслись отъ длинной дороги. Нанявши номеръ въ единственной гостинницѣ Артвина, мы подкрѣпили свои силы, отдохнули немного и пошли осмотрѣть удивительно живописный городокъ. Узкія его улицы карабкались погорамъ, уходя въ глубокое ущелье Чороха и поднимаясь на угрюмыя скалы, образовавшія гигантскій мрачный амфитеатръ. Насколько вверху суровъ, грозенъ и скалистъ городокъ, настолько внизу, въ

глубинѣ ущелья онъ зеленъ и цвѣтущъ. Тутъ фруктовые сады одѣли всѣ выступы и образовали чудныя рощи, полныя персиковъ, орѣшинъ, винограда и оливокъ, которыхъ здѣсь повсюду страшно много.

— Мои любимицы, восхищался я оливами.

— Отсюда вывозятъ сотни тысячъ пудовъ оливокъ, сказалъ Тумановъ, и ихъ, какъ ячмень, какъ фрукты, сплавляютъ въ Батумъ по Чороху.

Старая крѣпость усѣлась на высокомъ утесѣ, клиномъ торчащимъ надъ Чорохомъ, который ревѣлъ гдѣ-то глубоко, глубоко, на недосягаемой глубинѣ подъ нами. Тумановъ показалъ мнѣ мѣсто, откуда бросали осужденныхъ на смерть преступниковъ. Какъ красивъ былъ Артвинъ съ его минаретами, съ которыхъ раздавалось пѣніе муэдзиновъ, протяжное и красивое, придававшее столько восточнаго колорита всей и безъ того дивной картинѣ!

Мы вернулись въ нашу гостинницу, гдѣ поужинали каурмой, бараниной, особаго мѣстнаго приготовленія и, несмотря на всю прелесть южной ночи, легли спать.

Утромъ мы отправились на «пристань», небольшое расширеніе Чороха, гдѣ стояла у берега большая баржа-лодка съ заостренными концами, турецкаго произведенія, называемая каюкомъ. Мы усѣлись на плоское дно этой своеобразной лодки, которая силой теченія несется быстрѣе всякихъ пароходовъ. Команда состояла изъ рулеваго, держащаго два весла, которыя направляютъ судно. Это былъ капитанъ и главарь на каюкѣ. Остальные гребцы

отталкиваются отъ камней, избѣгаютъ водоворотовъ, отпихиваются отъ береговъ.

Я очень волновался, ожидая это путешествіе и этотъ 90-ти верстный спускъ по бѣшенымъ стремнинамъ. Каюкъ былъ уже нагруженъ и немногочисленные пассажиры съ корзинками фруктъ усѣлись на свои мѣста. Мы сдвинулись съ мѣста и стали медленно подвигаться къ серединѣ рѣки. Каюкъ покачнулся, вздрогнулъ, метнулся какъ-то тревожно и вдругъ, очутившись на ребрѣ волны главной струи, понесся съ изумительною скоростью внизъ по всѣмъ извилинамъ ущелій, по порогамъ и стремнинамъ. Впечатлѣніе было захватывающее. Мимо насъ летѣли скалы и утесы. Порой казалось, что каюкъ летитъ на скалу, но плескъ весла рулеваго отклонялъ ударъ, каюкъ извивался и облеталъ торчащій въ водѣ утесъ или пролеталъ узкія трещины скалъ съ удивительнымъ искусствомъ. Пассажиры—армяне сидѣли совершенно спокойно и мирно разговаривали между собой, давно привыкнувъ и къ Чороху и этому полету каюка. Вотъ и селеніе Борчка, просто не вѣрится и не можешь понять, какъ скоро до него долетѣлъ каюкъ. Здѣсь единственная остановка и мы, пассажиры, поспѣшили подъ тѣнь деревьевъ, гдѣ усѣлись закусить оставшимися у насъ яйцами и хлѣбомъ.

Затѣмъ насъ позвали на каюкъ и мы снова помчались по ущельямъ, мимо крошечныхъ селеній, фабрикъ и отдѣльныхъ домиковъ. И вотъ растянулась долина. Чорохъ сталъ спокойнѣе, мы ѣхали

тише. Я не хотѣлъ вѣрить, что мы пролетѣли это большое разстояніе въ $4^1/_2$ часа.

Въ Батумѣ мы съ вечера забрались на пароходъ, перевезли наши вещи и, спросивъ чаю, сѣли любоваться восхитительнымъ видомъ города.

Панорама города вокругъ излучины его бухты, полузакрытой густымъ лѣсомъ мачтъ иностранныхъ кораблей, была просто чудесна. Сзади эфектно высились холмами чудныя лѣсистыя горы, за которыми поднялись вершины, занесенныя облаками. Чудное море, полное судовъ, каюковъ, баржъ, пароходовъ блестѣло и трепетало, купая лунный свѣтъ и миганье звѣздъ, а съ берега раздавался неясный шумъ, въ который обратились всѣ крики, говоръ, смѣхъ, трескъ и пѣнье восточнаго своеобразнаго базара.

Мы уже въ глубокомъ снѣ покинули этотъ городъ—-гостинницу, это мѣсто перегрузки азіатскихъ и европейскихъ товаровъ, эту шумную биржу, этотъ своеобразный базаръ, гдѣ сошлись сотни языковъ со всѣхъ сторонъ и гдѣ постоянно всѣ ночи напролетъ царитъ невообразимый шумъ.

Пароходъ отошелъ ровно въ 2 часа ночи, а мы залегли около полуночи въ наши койки.

32.

По берегамъ Чернаго моря.

Сухумъ и его сады. Ново-Аѳонскій монастырь. Новороссійскъ.

...Ткачъ-же вѣчный неустанно
Ткань звѣздистую ведетъ.
И выводитъ онъ узоры:
Голубыя волны, горы,
Степи, пажити, лѣса,
Облака и небеса.
И куда мудрецъ ни взглянетъ,
Ни прорѣхи, ни узла нѣтъ:
Свѣтозарна и ровна
Божьей ризы тонина.

Я. Полонскій.

Въ 5 часовъ утра мы стояли у большой, кривой, далеко заползшей въ море дамбы городка Поти, потонувшаго въ садахъ. Когда я поднялся на палубу, мы уже отходили отъ Поти. Очень стройный маякъ, красиво поднялся среди группы пирамидальныхъ тополей. Чудная панорама снѣжныхъ горъ раскрылась на горизонтѣ. Мы рѣзали морскія волны, совсѣмъ мутныя отъ водъ впавшаго Ріона и эта муть преслѣдовала насъ на большое разстояніе. Дивное синее море блестѣло на утреннемъ солнцѣ. Стада дельфиновъ плескались и играли вокругъ насъ.

Берегъ съ его горами тянулся чудной панорамой. Абхазія—дивный по красотѣ уголокъ Кавказа и ея долины, горы, тропическая растительность, черныя бездны, падающіе ручьи—напоминаютъ, если не превосходятъ, Швейцарію на ея итальянской границѣ. Къ тому-же Абхазія украшена однимъ изъ восхитительнѣйшихъ морей нашей земли. И мѣстечко Редутъ-Калэ при устьѣ Ингура и Очемчири, потонувшая въ садахъ деревенька, остались въ далекомъ полукругѣ залива, а пароходъ нашъ направился прямо на Сухумъ. Не впустилъ насъ въѣхать въ заливъ внезапно налетѣвшій сѣверо-восточный вѣтеръ, поднявшій въ заливѣ пѣнистыя волны и нѣсколько человѣкъ, ѣхавшихъ въ Очемчири, должны были ѣхать до Сухума, а оттуда сухимъ путемъ проѣхать 55 верстъ.

Когда мы снова вошли въ открытое море, дивная, тихая синева улеглась вокругъ насъ, очевидно въ заливѣ дулъ вѣтеръ съ сѣвера по ущелью. Кто-то изъ пассажировъ-турокъ заигралъ заунывную пѣсню на флейтѣ и эта щемящая сердце мелодія неслась далеко во всѣ стороны надъ синимъ моремъ. Подъѣхала откуда-то внезапно взявшаяся феллука, невѣроятно нагруженная мѣшками орѣховъ. Поднялся крикъ, гвалтъ, турки, въ синихъ курткахъ и красныхъ фескахъ, старались спасти феллуку отъ пароходныхъ волнъ, которыя совсѣмъ заливали ихъ. Быстро орѣхи были перетащены въ нѣдра нашего парохода и феллука помчалась къ берегу, красныя фески, точно огненные цвѣты мака, качались на морѣ.

Вдали въ глубинѣ другаго залива показалась

узкая полоска бѣлыхъ домиковъ. Это былъ Сухумъ, а далеко впереди на мысахъ горѣлъ золотой огонекъ—это была Ново-Аѳонская обитель.

Лѣсистыя горы образовали чудный амфитеатръ вокругъ глубокаго и поэтическаго синяго залива. Масса темныхъ долинокъ изрѣзала эти горы и образовала таинственные проходы, а сзади за ними поднялись вершины горъ, увѣнчанныя вѣчными снѣгами, восхитительно горѣвшими на солнцѣ. Вдоль берега среди большихъ садовъ бѣлѣли низенькія сухумскія зданія, а куполъ Александро-Невскаго собора усѣлся въ самомъ центрѣ города и высунулся надъ зеленью аллей, а на мысу грозно свилась старинная крѣпость, какъ орлиное гнѣздо. Эти развалины, поросшія теперь кустами и плющемъ, были воздвигнуты турками на остаткахъ генуезской крѣпости. Пароходъ остановился вдали отъ берега и мы спустились въ каюкъ, который повезъ насъ къ городской красивой пристани. Остановившись въ гостинницѣ Франція, выстроенной тутъ же противъ пристани рядомъ съ другой гостинницей Сухума Центральной, мы пошли въ небольшой, но очаровательный садикъ, разведенный на набережной у пристани. Громадныя павлоніи были сплошь покрыты лиловыми гроздями неправильныхъ колокольчиковъ, необычайно длинныя розы съ букетами мелкихъ бѣлыхъ цвѣтовъ опутали каштаны, дубы и кипарисы и украсили ихъ зелень своими цвѣточными букетами. Олеандры и эквалипты дополняли прелесть этого приморскаго бульвара, а виды на море, горы и заливы были такъ неописуемо прекрасны, что я долго не хотѣлъ уходить отсюда,

хотя Тумановъ и звалъ меня смотрѣть городъ. Во первыхъ мы посѣтили городской садъ съ его алоэ, магноліями, олеандрами, душистыми самшитами и массой розъ. Большой запущенный Воронцовскій ботаническій садъ былъ полонъ іудиныхъ деревьевъ, громадныхъ китайскихъ розъ, красныхъ деревъ, мечелистныхъ юккъ и чудныхъ колоннъ кипарисовъ. Розъ здѣсь была такая масса, что весь воздухъ былъ пропитанъ ихъ одуряющимъ ароматомъ. Восхитительныя акаціи съ розовыми цвѣтами и съ тонкими перистыми листьями образовали рощицы. Камеліи и лавровишенники были сплошь покрыты цвѣтами.

Соборъ тоже окруженъ садами. И всюду эта мощная тропическая флора. Всѣ улицы покрыты бульварами дивныхъ катальпъ, бѣлыхъ акацій, цвѣтущихъ павлоній. Мягкій климатъ Сухума, съ его теплыми зимами, въ теченіи которыхъ въ самые холодные дни температура не бываетъ меньше 5^0 R., а больше держится около 15 и 20^0, дѣлаетъ все это мѣстечко однимъ изъ очаровательнѣйшихъ уголковъ Кавказа.

По дорогѣ на югъ въ сторону Поти, въ 18 верстахъ, лежитъ монастырь Дранды среди зеленыхъ рощъ, населенный 70 братьями. Вся дорога къ нему проходитъ между садами и дачами. Здѣсь вдоль Приморскаго шоссе, садовникъ Ной насадилъ свои плантаціи чудныхъ цвѣтовъ и на цѣлыя версты растянулись эти прекрасныя пестрыя цвѣточныя поля. Дивная, синяя бухта, врѣзавшаяся глубоко въ землю, полна тепла и свѣта. Дорога все время идетъ по морскому берегу. Заборы увиты ка-

прифоліемъ и вьющимися розами. Вотъ и прославленный садъ, бывшій Введенскаго, купленный Великимъ княземъ Александромъ Михайловичемъ. Мы вошли въ галерею, сплошь покрытую большими букетами мелкой вьющейся розы. За ней кущи оливъ, пунцовыхъ камелій, лавровъ, магнолій и олеандровъ образовали разнообразныя группы. Чудные кипарисы, словно одѣтые пухомъ (Cupressus torulosa), каменные дубы, пальмы, съ далеко раскинутыми вѣерами вай, тысячи бѣлыхъ лилій, словно дико выросшихъ повсюду, хлѣбныя деревья, южныя туи, колоссальныя агавы, аллеи юккъ съ ихъ стеблями цвѣтовъ,— все это не могло не произвести глубокаго впечатлѣнія.

Драндскій монастырь, очень недавно возстановленный изъ развалинъ, заслуживаетъ также посѣщенія, тѣмъ болѣе, что вся дорога на разстояніи 18 верстъ удивительно красива и открываетъ чудные виды на горы, покрытыя великолѣпнымъ южнымъ лѣсомъ и на неописуемо-прекрасное Черное море съ его меланхолическимъ прибоемъ на берегахъ.

На полдорогѣ мы переѣзжали по длинному мосту черезъ маленькую рѣчку Цебельду, которая весной и во время дождей широко разливается. Селеніе Цебельда съ красивыми развалинами замка или крѣпости взгромоздилось на обрывистомъ берегу рѣчки. Собственно говоря, въ Сухумѣ мало достопримѣчательностей. Ни его соборъ, окруженный кипарисами, ни его развалины крѣпости не заслуживаютъ большаго вниманія, а вмѣстѣ съ тѣмъ дивное положеніе городка, его южная и мощная раститель-

ность, его сады и бульвары такъ прелестны, что провести нѣсколько дней въ Сухумѣ—можно считать истиннымъ наслажденіемъ. Недурныя и опрятныя гостинницы, сносные извощики съ ихъ линейками, хорошія дороги въ горы—содѣйствуютъ впечатлѣнію. Помню, съ какимъ удовольствіемъ мы часами сидѣли на бульварѣ или въ Воронцовскомъ саду, вдыхая южные ароматы зелени и цвѣтовъ, какъ мы бродили при лунѣ по таинственнымъ и довольно запущеннымъ дорожкамъ ботаническаго сада, съ которымъ тоже связано имя энергическаго князя Воронцова, какъ царица Тамара, оставившаго безчисленное множество памятниковъ на всемъ Кавказѣ.

По совѣту хозяина нашей гостинницы, мы ѣздили верхомъ въ красивую Гунаскую долину, заползшую въ чудныя горы, и карабкались по крутикамъ къ таинственнымъ сталагмитовымъ гротамъ.

Нанявъ линейку, мы отправились въ Ново-Аѳонскій монастырь, прославленный своими красотами и лежащій въ 20 верстахъ отъ Сухума къ сѣверу.

Сначала дорога шла по буковымъ рощамъ и по зарослямъ корявого вяза, перевитаго цвѣтущей козьей жимолостью, потомъ перешедши по мосту бурную рѣчку Хунтусту, она приняла горный характеръ и въ родѣ дороги южнаго Крыма или итальянской Ривьеры прорѣзала береговые холмы и горы. Это была дивная часть пути. Намъ встрѣтилась на одинокомъ холмѣ четырехугольная развалина старой башни, какихъ много въ этой части Абхазіи, мы въѣхали въ темные ряды кипарисовъ, и вскорѣ подъѣхали къ монастырской гостинницѣ Новаго Аѳона.

* *
*

Насъ встрѣтилъ отецъ Евстихій, завѣдующій гостинницей и отвелъ намъ комнату съ дивнымъ видомъ на море. Поболтавъ съ нами и повѣдавъ о красотахъ и благолѣпіи монастыря, онъ пошелъ распорядиться на счетъ обѣда.

День былъ постный, а потому намъ подали какую-то маринованную рыбу, рыбный супъ, салатъ, жареный картофель и красное мѣстное вино. Послѣ обѣда отецъ Евстихій повелъ насъ на берегъ моря. Мы перешли по мосту рѣчку Псыртсху, которая впадаетъ тутъ-же въ Черное море, гдѣ находилась въ стародавнія времена греческая колонія Анакопія или Никопсія, и взошли на пристань, на высокихъ столбахъ, вдавшуюся въ море.

— Здѣсь пристаютъ наши лодки, сказалъ монахъ, привозя публику и гостей съ пароходовъ, такъ какъ эти послѣдніе останавливаются довольно далеко отъ берега.

Восхитительный видъ развернулся предо мной. Живописный и дикій уголокъ Абхазіи сіялъ, залитый полуденнымъ солнцемъ. Монастырскія зданія, одѣвшія береговой холмъ, поднялись въ тѣни орѣшинъ и буковъ, а за ними высунулись восхитительныя лѣсистыя горы, съ ихъ ущельями, развалинами на вершинахъ и блестящими облаками, которыя не рѣдко окутываютъ ихъ.

— Этотъ монастырь еще молодой, повѣствовалъ нашъ спутникъ—монахъ, въ 1876 году аѳонскіе иноки приступили къ устройству его здѣсь, въ этихъ

старыхъ мѣстахъ христіанства, гдѣ при византійскомъ императорѣ Юстиніанѣ былъ построенъ Пицундскій храмъ и куда императоръ посылалъ проповѣдниковъ, чтобы просвѣтить дикихъ абхазцевъ. И до нашихъ дней сохранилось не мало памятниковъ и развалинъ съ тѣхъ временъ. Но магометанство взяло снова верхъ. Храмы были разрушены и страны, гдѣ проповѣдывали святой апостолъ Андрей Первозванный и его спутникъ Симонъ Кананитъ, обратились и къ язычеству, и къ магометанству. Съ 76 года подъ руководствомъ опытнаго въ архитектурѣ іеромонаха Іерона, нынѣ игумена монастыря, монастырь былъ выстроенъ въ удивительно короткій срокъ и первой церковью была окрещена Покровская церковь. Вонъ ее хорошо видно. Она сидитъ на холмѣ и окружена кипарисами. И только мы основались, только устроились, началась война съ турками. Вся братія переѣхала въ кутаисскій Гелатскій монастырь. Абхазцы всѣ поголовно возстали и соединились съ прибывшими турками. Поднялся разгромъ, убійства, насиліе. Изъ всѣхъ 14 братій нашего монастыря семь были отпущены на войну для ухода за ранеными солдатами. Быстро пройдя въ кутаисскомъ военномъ госпиталѣ санитарныя правила и практическія занятія, они отправились на мѣсто дѣйствія, гдѣ каждый шагъ ихъ отличался безпримѣрнымъ усердіемъ и распорядительностью. Только въ 79-мъ году мы вернулись въ нашъ монастырь и снова заложили Покровскую церковь, обращенную въ развалины. Въ 79-мъ году 3 Февраля мы освятили церковь и приступили къ возстановленію гостинницы для пріѣз-

жающихъ. Вонъ она построена у старой генуэзской башни на старомъ мѣстѣ. Корпуса для старшей братіи, домъ для училища, трапеза, службы, все быстро возстановили и воздвигли новый храмъ Симона Кананита. Въ это время нашимъ настоятелемъ былъ уже отецъ Іеронъ, который всегда и всюду лично присутствуетъ, расчищаетъ лѣса, садитъ огороды, фрукты, кукурузу.

На морскомъ берегу устроенъ рядъ прудовъ, раздѣленныхъ перешейками. Монахи воспользовались водой рѣчки и отвели ее въ пруды, на которыхъ водится всевозможная птица. Громадныя стаи утокъ, дикихъ гусей, лебедей и аистовъ живутъ среди этихъ кущъ деревьевъ и кустовъ, выросшихъ по берегамъ и островамъ прохладныхъ водъ.

Отецъ-монахъ Евстихій далъ намъ другого проводника, а самъ удалился въ гостинницу. Мы пошли отъ монастырскихъ воротъ по чудной кипарисовой аллеѣ, которая опоясывала подножіе большаго холма съ вновь воздвигаемыми на его вершинѣ громадными келіями и храмами. Всѣ пологости холма потонули въ оливковыхъ рощахъ, посаженныхъ монахами.

— Всѣ эти дороги проведены отцомъ Іерономъ, разсказывалъ намъ нашъ спутникъ-монахъ, эта дорога идетъ ровно на версту отъ моря и приводитъ къ храму святаго апостола Симона Кананита. Здѣсь находился прежній соборъ, сооруженный еще въ 4-мъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ погребенъ апостолъ Симонъ Кананитъ. У него въ домѣ, на бракѣ въ Канѣ Галелейской, Господь совершилъ чудо претворенія воды въ вино.

Мы обогнули холмъ съ его масличными насажденіями.

— Здѣсь посажено 5 тысячъ масличныхъ деревъ, сказалъ монахъ, съ гордостью указывая на сѣрую зелень рощъ, покрывшихъ откосъ холма. Наша обитель стремится, чтобы самой удовлетворять всѣмъ потребностямъ.

Передо мной развернулся такой очаровательный уголокъ, такая восхитительная картина, что я пораженный, остановился передъ ней. Храмъ апостола Кананита, возстановленный изъ развалинъ послѣ турецкой войны во всемъ своемъ порвоначальномъ видѣ, увѣнчанный куполомъ, бѣлый, сложенный изъ дикаго камня, поднялся во всей своей красѣ на берегу шумящей и звонкой Псыртсхи. Среди кущей олеандровъ, черныхъ кипарисовъ, бѣлолистыхъ кленовъ и лавровъ, устроенъ фонтанъ въ видѣ бѣлаго каменнаго креста, изъ концовъ котораго падаютъ въ чаши струи воды. Фонтанъ этотъ сложенъ изъ мрамора, привезеннаго съ старой Аѳонской горы. Около церкви старая и гигантская орѣшина раскинула на десятки саженъ во всѣ стороны свои мощныя вѣтви и покрыла ими цѣлую площадь. Каменныя скамьи окружили ея старый потрескавшійся стволъ. Нѣсколько странниковъ сидѣло здѣсь въ тѣни и наслаждалось этимъ дивнымъ уголкомъ у входа въ Трахейское ущелье. Громадныя скалы, совсѣмъ голыя и отвѣсныя, поднялись за церковью, разорванныя узкой горной щелью, проникающей внутрь Абхазіи. Рѣчка Псыртсхъ, спускающаяся по ущелью, встрѣчаетъ при выходѣ изъ горъ громад-

ную каменную плотину до 3-хъ саженъ вышиною. Съ грохотомъ низвергается масса воды черезъ каменную стѣну и образуетъ великолѣпный искусственный водопадъ, полный силы, красоты и такого рева, что онъ слышенъ на большое разстояніе во всѣ стороны. Справа отъ водопада на отвѣсной стѣнѣ сохранилась старинная фреска, съ полуистертыми фигурами, греческими надписями и хорошо сохранившимися апостолами Андреемъ Первозваннымъ съ крестомъ и Симономъ Кананитомъ. Синій цвѣтъ какъ-то ярко выдѣлялся на фрескѣ, а кусты и травы мѣстами закрыли старую картину на скалѣ. Выше надъ ущельемъ на высокой скалѣ виднѣлись развалины стараго замка Трахеи, а на противуположной горѣ, зеленой пирамидой поднявшейся, виднѣлись тоже развалины.

На плотину шла лѣсенка, около которой брызгалъ натуральный фонтанъ, и которая вела на мостикъ надъ водопадомъ. За плотиной налилось дивное зеленое озеро, отражающее въ своей задумчивой и тихой поверхности лавры, ясени, необычайно громадныя незабудки, какія-то невѣдомыя медунки съ колоссальными листьями, колючіе рускусы, классическія фиги, которыя покрыли берега, до того живописные и манящіе, что къ нимъ тянуло неземною силой. Водопадъ оглушающе шумѣлъ у нашихъ ногъ, мы перешли его и пошли по мосткамъ, придѣланнымъ на громадной вышинѣ къ скаламъ и ведущимъ къ мельницѣ и пекарнѣ, гдѣ насъ любезно встрѣтили мельникъ-монахъ и пекарь-монахъ.

— А куда ведетъ эта тропинка за озеромъ,

спросилъ я, мечтая проникнуть въ глубь Трахейскаго ущелья.

— Она ведетъ къ пещерѣ Симона Кананита, отвѣчали монахи, дивныя, благословенныя мѣста, красота неописуемая.

Я сталъ ихъ звать проводить меня, но монахи на этотъ разъ наотрѣзъ отказались. Послѣ дождей, которые здѣсь недавно лили, дорожка сдѣлалась совсѣмъ недоступной и все-таки въ концѣ концовъ спутникъ мнѣ нашелся. Приставленный къ намъ монахъ пошелъ со мною. Но мы проникли недалеко за водопадъ и за зеленое озеро. Скользь была страшная, ноги разъѣзжались въ стороны, но красота мѣстности гнала меня дальше. Мы хоть медленно, но подвигались впередъ, пока оба, и я и монахъ, не слетѣли внизъ по грязной и скользкой дорогѣ. Монахъ отказался идти дальше и мы съ громадными трудами, грязные и замученные, вернулись назадъ на мельницу, гдѣ насъ встрѣтилъ громкій смѣхъ Туманова и отцовъ пекаря и мельника. Черезъ нѣсколько дней я все-таки добрался до пещеры Симона Кананита, вырытой на страшной высотѣ надъ бурной рѣчкой, которая вырывалась семью звонкими ключами изъ подъ скалъ и камней.

Главныя зданія монастыря, изъ массы которыхъ поднялся соборъ Св. Пантелеймона изъ сѣраго камня, съ пятью зелеными византійскими куполами, и кельи братіи улеглись на высокомъ холмѣ, на фонѣ еще болѣе высокихъ лѣсистыхъ горъ и имѣютъ величественный видъ. Передъ монастыремъ, съ балконовъ котораго я долго любовался дивными вида-

ми на море и на нижнія зданія монастыря, была площадь, а съ нее улиткой вилась дорога внизъ между лимонныхъ насажденій, закрываемыхъ на зиму досками, и между садовъ съ экзотическими растеніями.

Жили мы въ гостинницѣ прекрасно, страдали отъ постной пищи и занимались осмотромъ монастыря. Мы посѣтили и скотный дворъ, и школу для абхазскихъ мальчиковъ, въ которой 20 мальчиковъ-сиротъ получаютъ религіозно-нравственное воспитаніе и привычку къ труду, и кузницу, гдѣ отецъ-кузнецъ, освѣщенный отблескомъ пламени ковалъ лошадей, и свѣчной заводъ, и виноградную, и портняжную, и сапожную, и пасѣку, расположенную на поэтическомъ откосѣ горы съ 750 колодами пчелиныхъ ульевъ въ липовой рощѣ. Пчелы жужжали на цвѣтахъ яблоней и грушъ. Насъ ласково принялъ почтенный старецъ Ѳеодоритъ, отецъ-пчельникъ, жившій тогда съ своимъ помощникомъ Иваномъ въ этой поэтической тиши. Онъ любовно прислушивался, какъ жужжитъ пчела на виноградныхъ цвѣтахъ, завившихъ группу ольшанника. Отецъ-пчельникъ угостилъ насъ медовымъ темнымъ квасомъ, очень пьянымъ, а потомъ велѣлъ намъ запить сладкимъ яблочнымъ квасомъ. Мы сидѣли на скамеечкѣ съ отцомъ Ѳеодоритомъ, глядѣли на луга, сплошь покрытые ярко-золотыми лютиками, слушали пчелу на цвѣтахъ и ничего не говорили. Да, и что можно было сказать!

Поднимались мы по улиткообразной дорогѣ къ развалинамъ Трахейскаго замка, гдѣ глядѣли цистер-

ну для воды, большіе камни съ греческими надписями, барельефами и крестами. На одной изъ частей развалинъ выстроена маленькая церковка, куда провелъ насъ сторожъ-старичекъ по развалинамъ стѣнъ. Тутъ стоятъ гробницы, на одной изъ которыхъ слѣдующая надпись: «Любовно просимъ васъ, посмотрите вы на насъ. Мы были, какъ вы, и вы будете, какъ мы». И тутъ-же цѣлая куча череповъ, вырытыхъ здѣсь и сложенныхъ въ безпорядкѣ подъ какой-то полинявшій желѣзный навѣсъ. Изъ церковки Св. Николая, особенно съ ея балкона, раскрылся предо мной поражающій видъ. Вся гора съ ея лѣсами была у моихъ ногъ. Море съ его заливами синѣло и сливалось на горизонтѣ съ небомъ. Аѳонъ былъ—глубоко внизу и берегъ убѣгалъ отъ монастырской пристани массой излучинъ, мысовъ, полуостровъ и виднѣлся до самой бѣлой башни—Сухумскаго маяка. А сзади поднялись горы Абхазіи съ ихъ трещинами, ущельями, долинами, съ ихъ зеленью густыхъ и чудныхъ лѣсовъ.

* *
*

— У насъ все общее, разсказывалъ намъ отецъ Евстихій, когда мы съ нимъ сидѣли въ послѣ-обѣденный часъ на балконѣ съ чарующимъ видомъ на море. Платье, ѣда, обувь—все у насъ общее. Сдѣлать что-либо по своей волѣ или лично для себя мы не имѣемъ права. На все, на каждый шагъ нужно испросить позволеніе и благословеніе настоятеля. По его волѣ и распредѣленію назначаются монахи на занятія, кто на кухнѣ, кто почтаремъ, кто теле-

графистомъ, кто прикащикомъ въ монастырскую лавку, кто садовникомъ, кто въ просфирьню, кто въ трапезу, кто въ лимонный садъ, кто на огороды, и работать можно только послѣ обѣдни. Насъ братіи—здѣсь 50 человѣкъ, да около 100 послушниковъ, а гостей къ намъ наѣзжаетъ до 4-хъ тысячъ въ годъ.

— А какъ-же у васъ совершается богослуженіе? спросилъ Тумановъ.

— Въ полночь звонитъ колоколъ, торжественно сказалъ отецъ Евстихій и весь монастырь долженъ вставать на молитву и совершить ее каждый у себя по кельямъ. Это «канонъ». Въ 2 часа утра—утреня. Богослуженіе совершается по уставу Старо-Аѳонскаго монастыря при усиленныхъ молитвахъ. Въ 5 часовъ—ранняя обѣдня. Вся братія должна присутствовать на ней. Въ 8—поздняя обѣдня. Въ 11 часовъ у насъ трапеза, причемъ по вторникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ полагается и ужинъ. Послѣ трапезы отдыхъ и занятіе дѣлами. Въ 5 часовъ вечерня, а подъ дни праздниковъ бываетъ повечеріе, причемъ, по аѳонскому обычаю, священникъ послѣ звона, ударяетъ деревяннымъ молоткомъ въ дощечку, напоминая объ ветхозавѣтныхъ пророчествахъ, и онъ же выходитъ съ кадильницей, увѣшанной колокольчиками, «кацея», имѣя на плечѣ и рукѣ священную пелену. Затѣмъ, если полагается ужинъ, то всѣ собираются на сію трапезу, а потомъ идутъ на всенощное бдѣніе. По воскресеньямъ и праздникамъ совершается чинъ панагіи.

Я просилъ устроить насъ на общую трапезу,

чтобы познакомиться съ этой службой, совершаемой только въ Старомъ и Новомъ Аѳонѣ.

Въ $10^{1}/_{2}$ часовъ въ воскресенье колоколъ собралъ насъ всѣхъ къ трапезѣ. Вся братья стояла у своихъ мѣстъ и масса богомольцевъ дожидалась отца настоятеля. Насъ провели къ первому столу и указали намъ на наши мѣста. При колокольномъ торжественномъ звонѣ, при пѣніи праздничныхъ тропарей вошелъ Іеронъ, въ черной одеждѣ, съ длиннымъ шлейфомъ, съ золотыми крестами на малиновыхъ бархатныхъ лентахъ вокругъ шеи и съ громаднымъ золотымъ посохомъ въ рукѣ. Одинъ изъ монаховъ несъ конецъ мантіи настоятеля, впереди шли два священника съ зажженными свѣчами въ золотыхъ свѣтильникахъ, а сзади священникъ съ частицей св. хлѣба, который онъ положилъ на трапезный столъ. Послѣ общей молитвы всѣ усѣлись за столы, а одинъ изъ монаховъ вошелъ на возвышеніе въ родѣ каѳедры и прочелъ житіе святаго, память котораго чтилась въ это воскресенье. Этотъ монастырскій обычай исполняется ежедневно. Въ глубокой тишинѣ монастырской столовой читается ежедневно житія чтимыхъ въ этотъ день святыхъ.

Насъ помѣстили вблизи Іерона среди старѣйшихъ братій. У каждаго прибора лежала краюха хлѣба и стояли жестяные кувшины съ мѣстнымъ монастырскимъ краснымъ виномъ, кружки съ горячей водой и грибовый супъ въ мискахъ на каждыхъ четырехъ человѣкъ. Произошла быстрая смѣна жестяныхъ тарелокъ. Подали какую-то соленую, нестерпимо вонючую рыбу. Я не взялъ ее, а Тума-

новъ наложилъ себѣ на тарелку и, взявши въ ротъ, такъ и застылъ на мѣстѣ. Я чуть не фыркнулъ въ этой священной тишинѣ, увидѣвъ его отчаянье. Онъ не въ силахъ былъ проглотить эту рыбу и недоумѣвалъ, что ему дѣлать.

— Плюнь подъ столъ, шепнулъ я ему.

Онъ сплюнулъ себѣ въ руку и спустилъ подъ столъ злосчастный кусокъ рыбы, покраснѣвъ, какъ макъ. Послѣ гречневой очень сухой каши, всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ. Священникъ и настоятель начали богослуженіе, состоявшее въ нѣсколькихъ фразахъ, хоръ запѣлъ: «Достойно есть», а священникъ сталъ разносить кусочки принесеннаго святаго хлѣба, собственно ущипы просфоры, причемъ кадили изъ серебряныхъ кадильницъ, увѣшанныхъ бубенцами. При колокольномъ звонѣ и пѣніи двинулся настоятель, монахи и богомольцы въ Покровскую церковь. У выхода изъ трапезы настоятель стоялъ, поднявъ посохъ и благословлялъ всѣхъ мимо проходящихъ. Въ церкви была очень краткая служба, причемъ три священника и настоятель переоблачились въ розовыя ризы. Было что-то удивительно торжественное и возвышающее въ этой службѣ. Священникъ далъ поцѣловать крестъ Іерону, близь стоящіе монахи сняли съ него розовыя рясы и онъ снова весь въ черномъ вышелъ изъ церкви, а слѣдомъ за нимъ и мы также.

Ѣздили мы въ баржѣ и въ Пицунду, лежащую въ 60 верстахъ отъ Аѳона, гдѣ смотрѣли старинный соборъ, построенный еще императоромъ Юстиніаномъ въ половинѣ VI вѣка, разрушенный тур-

ками и возстановленный въ 1869 году въ первоначальномъ видѣ. Красиво виднѣлся зеленый куполъ собора, когда наша баржа еще летѣла по волнамъ. Онъ парилъ надъ береговыми соснами. Мы прошли по длинной аллеѣ тополей до самаго храма съ его старикомъ часовымъ у воротъ—орѣшникомъ и вошли въ рощу южныхъ деревьевъ, окружившихъ храмъ. Сѣрыя гигантскія стѣны изъ плитняка и гранита чередуются съ линіями жженаго кирпича и придаютъ суровый и вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразный видъ собору. Въ алтарѣ и въ куполѣ возстановлены нѣкоторыя фрески: лики святыхъ, апостолы, благословляющій Спаситель. Мы спускались въ низкій и узкій корридоръ, обогнувшій въ стѣнѣ алтарь, гдѣ недавно открыли гробницу, гдѣ, предполагаютъ, былъ похороненъ Іоаннъ Златоустъ, умершій на дорогѣ въ Пицунду въ мѣстечкѣ Куманахъ.

Насталъ мой день отъѣзда. Тумановъ загрустилъ и мнѣ было больно разстаться съ нимъ. Онъ долженъ былъ остаться еще на нѣсколько часовъ въ монастырѣ въ ожиданіи парохода на Батумъ и отправился проводить меня въ баркасѣ на мой пароходъ. Отецъ Евстихій просилъ насъ написать что-нибудь въ книгѣ автографовъ всѣхъ посѣщавшихъ обитель, и мы написали наши впечатлѣнія. Тумановъ, конечно, въ прозѣ, а я, конечно, въ стихахъ.

Пароходъ, на который я вскарабкался, былъ одинъ изъ лучшихъ на Черномъ морѣ и поражалъ своимъ благоустройствомъ и блескомъ. Раздался второй звонокъ и рѣзкій свистъ парохода. Монахи, провожавшіе меня, поспѣшили къ ихъ баркасу.

Мы обнялись въ послѣдній разъ съ Тумановымъ и оба не могли удержать своихъ слезъ. Онъ съѣхалъ на берегъ и долго, долго махалъ мнѣ платкомъ, пока нашъ пароходъ шумя и пыхтя уходилъ въ море.

Что за красота Аѳонская обитель съ моря! Что за дивное положеніе всего этого уголка Абхазіи на изумрудномъ заливѣ, окруженномъ рядами сказочно-прекрасныхъ горъ. Я наслаждался этими видами береговъ, вблизи которыхъ мы проходили, я не могъ отвести глазъ отъ пестрой толпы публики 3-го класса. Тутъ было до 200 богомольцевъ, уѣхавшихъ съ Аѳона, масса турокъ въ красныхъ фескахъ, веселыхъ, болтливыхъ, шумныхъ, армянки въ ярко-желтыхъ съ краснымъ платкахъ образовали цѣлыя клумбы цвѣтовъ, сидя въ кучкахъ и болтая неумолчно всѣ заразъ. Масса красавцевъ имеретинъ, абхазцевъ и другихъ горцевъ, въ ихъ пестрыхъ одѣяніяхъ, толпились повсюду на пароходѣ, а вдоль берега тянулись снѣговые хребты. Въ море вползъ громадный черный мысъ, одѣтый въ снѣга на вершинѣ, еще мысы и косы, покрытые рощами и садами, вступили въ воду и отражались въ ея удивительной синевѣ. Мы подошли къ Гудауту, потонувшему въ тѣни пирамидальныхъ тополей. Его бѣлые домики рѣзко свѣтились на солнцѣ, окруженные блестящей зеленью садовъ. Но что за горы! Кряжи ихъ окружили море то ввидѣ черныхъ шапокъ, то кудрявыхъ отъ лѣсовъ, то синихъ, туманныхъ, словно парящихъ въ небесахъ, мечтательныхъ и прекрасныхъ, какъ видѣнія. Вонъ мелькнула церковь Пицунды на своемъ остромъ мысу и показался мысъ Адлеръ,

гдѣ при взятіи крѣпости въ 1837-мъ году былъ убитъ нашъ писатель Марлинскій. Берегъ все время тянулся разнообразной панорамой. Горы поднимались высокими шапками, спускались къ морю лѣсистыми терасами, которыя въ концѣ концовъ обрывались круто и отвѣсно въ морскія волны. Горы вдругъ стали круче, заливы глубже, берегъ изрѣзаннѣе. Мы остановились довольно далеко противъ прелестнаго мѣстечка Сочи. Турки въ бѣлыхъ войлочныхъ шапкахъ, въ красныхъ кафтанахъ съ длинными черными нарукавниками, связанными за спиной, подъѣзжали на своихъ феллукахъ, невѣроятно наполненныхъ тюками. Сочи, въ старину колонія Низисъ, улеглась въ роскошныхъ рощахъ и садахъ, полныхъ тропической зелени, и выставила свою бѣлую церковку и домики на пригоркѣ. Сочи было послѣднее мѣстечко, полное юга и тепла, но и полное сырости.

У Пзезуапе, Туапсе и Джугби—горы становились все меньше и меньше. Снѣговыя ихъ вершины давно пропали, пышная растительность замѣнилась лѣсами дубовъ и буковъ, но все-таки еще чувствовался могучій Кавказъ съ его красотами. Масса маяковъ, ввидѣ бѣлыхъ башенъ, мелькала мимо на скалахъ и мысахъ.

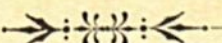
На другой день я добрался до Новороссійска и, когда пароходъ обогнулъ крутой и каменистый мысъ Дообъ, съ его бѣлой башней маяка, и вошелъ въ громадную бухту, я увидѣлъ вдали бѣлѣвшій городъ. Селеніе Кабардинка заползло въ ущелье за Дообскимъ маякомъ и тотчасъ-же пропало изъ виду. На правомъ берегу показался еще маякъ.

— Пинайскій маякъ, сказалъ кто-то кому-то за моей спиной.

Цѣлый рядъ дачъ потянулся вдоль береговаго шоссе, показалось бѣлое зданіе Метеорологической станціи, еще далѣе громадная фабрика черноморскаго цементнаго производства подняла свои сѣрыя трубы на фонѣ зеленыхъ горъ; громадныя кучи черепицъ, точно сѣро-желтыя улья, высились на берегу. Весь городъ расположился на лѣвомъ берегу, а пристани, молы и вокзалъ желѣзной дороги заняли конецъ бухты въ новомъ участкѣ города «Русскій Стандартъ». Такъ назвало одно французское анонимное общество свой участокъ земли въ 64 десятины, который оно пріобрѣло у города и который оно превратило въ торговый городокъ съ мощеными улицами, садами, недурными домиками, гостинницами, прекраснымъ рестораномъ. Общество занимается обработкой нефти. Къ сожалѣнію, отъ пристани и вокзала до города около 3-хъ верстъ по довольно скверной дорогѣ. Стандартъ поднялъ гигантскую трубу, коптящую небо, и красно-кирпичное большое зданіе надъ всѣми крышами. Отъ этого завода протянулись рельсы по громадной дамбѣ «Стандартской пристани». Самъ Новороссійскъ произвелъ на меня скверное впечатлѣніе. Страшные сѣверо-восточные вѣтры не даютъ возможности насадить бульвары и сады, превращая каждое дерево въ розгу. Самъ городъ, съ его непроходимо-грязными двумя площадями базаровъ и главной Серебряковской улицей, полонъ ресторановъ и кофеинъ, но все низшаго разряда. Единственная церковь уныло под-

нялась надъ скучнымъ, полусоннымъ городомъ и уныло глядитъ на горы на противоположномъ правомъ берегу бухты и на дивное море, которое краситъ все и даже ужасный Новороссійскъ. Очень красивъ видъ на портъ вечеромъ, когда горитъ электричество и освѣщаетъ бурливо набѣгающіе на берегъ гребни волнъ.

Я былъ счастливъ, когда усѣлся въ поѣздъ и поѣхалъ къ сѣверу, но Кавказъ, чудный, таинственный, со всѣми его красотами вѣчно грезился мнѣ и, когда мнѣ являлся случай ухватиться за поѣздку на Кавказъ, я снова летѣлъ въ его дебри, въ его ущелья, снова скакалъ по дикимъ горнымъ рѣкамъ, снова восхищался сѣрной водой тифлисскихъ бань и прелестями Кутаиса.

Практическія свѣденія для туриста.

Ростовъ-на-Дону.

Жел. дорога до Владикавказа 652 версты.

Отъ станціи Кисляковки почтов. д. въ 99 в. на Эйскъ.

Отъ ст. **Тихорѣцкой** (171 в.) вѣтвь на Новороссійскъ въ 254 в.

Г. Екатеринодаръ (66,308 жит.), на р. Кубани, въ 127 в. отъ ст. Тихорѣцкой.

Гостинницы: С.-Петербургъ и Центральная.
Музей Естественно-историческій при областномъ статистическомъ комитетѣ.
Пароходы по р. Кубани до Темрюка. Отъ Темрюка болѣе удобные пароходы въ Керчь.
Бульвары и сады, 129 фабрикъ и заводовъ, 90 учебныхъ заведеній.

Г. Новороссійскъ (19,309 жит.).

Гостинницы: Морозова (отъ 75 к. до 5 р.) по Серебряковской ул., Французская (между вокзаломъ и пристанями).
Ресторанъ: Въ гост. Морозова (очень хорошій).
Извозчики: За конецъ въ городѣ фаэтоны по 15 к., линейки по 10 к., въ «Русскій Стандартъ» и на вокзалъ (3 версты) 50 к. и 30 к., до пристани—тоже, за часъ ѣзды 50 к. и 40 к.
Жел. дор.: въ Ростовъ и Тихорѣцкую. Ежедневно по нѣскольку поѣздовъ.

Пароходы: вдоль кавказскаго берега до Батума и въ Керчь, Ѳеодосію, Крымъ и Одессу.

Заводы: Механическій Т-ва Макларенъ и Фрейтистъ (въ «Русскомъ Стандартѣ») и Черноморскаго цементнаго производства (на другой сторонѣ бухты).

Шоссе: вдоль берега на Сухумъ, съ почтовымъ сообщеніемъ.

Отъ ст. **Кавказской** (229 в.) жел.-дорожная вѣтвь на

г. Ставрополь (37 т. жит.).

Гостинницы: плохи.

Достопримѣчательности: Старый Воронцовскій паркъ и бульвары.

Отъ ст. **Армавиръ** (291 в.) почтов. дорога въ 114 в. на

г. Майкопъ

Отсюда черезъ Чилипсинскій перевалъ (1,300 футъ н. у. м.) до Туапсе, а тамъ шоссе на Сухумъ и Батумъ.

Достопримѣчательности: Въ 30 в. отъ Майкопа—станица Царская. На холмѣ «Мамрюкъ-Очай»—памятникъ Государю Александру II.

Отъ ст. **Невинномысской** (366 в.), почтов. дор. въ 50 в. на

г. Баталпашинскъ.

Отъ него экипажная дорога къ сел. Учькуланъ, у подножія Эльбруса, а отсюда дорога по р. Тебердѣ и черезъ Клухорскій перевалъ на Сухумское черноморское шоссе.

Ст. Минеральныя воды (466 в.).

Жел. дороги: въ Кисловодскъ, поѣзда ежечасно на всѣ минеральныя группы.

Гостинницы: при желѣзно-дор. станціи 5 номеровъ по 1 р. 50 к. съ бѣльемъ и свѣчей. «Номера Соколова» по 50 к. и по 1 р.

МИНЕРАЛЬНО-ВОДНАЯ ВѢТВЬ.

Желѣзноводскъ (въ 16 в.).

Извозчики: отъ вокзала до группы, за заднее мѣсто въ колясkѣ 30 коп., за переднее 20 коп. Коляски въ Каррасъ, Нико-

лаевскую колонію, хутора Евдокимова, Строганова, на хуторъ Больда отъ 3 р. до 6 руб.

Гостинницы: 8 номеровъ при Казенномъ домѣ (вокзалѣ) по 1 р. и 2 р. 50 к., больше гостинницъ на группѣ нѣтъ. Комнаты повсюду отдаются по сезонно, по мѣсячно и по суточно. За сутки отъ 50 к. до 8 руб., за мѣсяцъ 25 р., 80 р. и 120—150 р.

Рестораны: Казенный ресторанъ въ паркѣ. Прекрасные обѣды въ 4 блюда по 1 руб., выборъ изъ 8-ми блюдъ (по 25 коп. за каждое). Многочисленныя кухмистерскія съ обѣдами въ 2—4 блюда отъ 40 к. до 80 коп. (Шпинеръ, Рейхъ, Махататзе, Иванова, Фидлера, Карпова). Въ домахъ Якубовской, Трамбецкой и др. можно получать домашніе обѣды. Цѣны по соглашенію.

Сезонъ: отъ 20-го Мая по 1-е Сентября.

Развлеченія: Музыка утромъ и вечеромъ у Казеннаго дома, еженедѣльные танцовальные вечера, рояль (по 60 коп. за часъ), билліардъ. Верховыя лошади на Змѣиную гору, Развалъ, въ колоніи, за часъ по 1 рублю. За поѣздку на вершину Бештау—3 руб. Проводникъ стоитъ столько-же.

Кумысъ: у Казеннаго ресторана по 12 коп. за 1/2 бутылки. Тутъ-же и козье молоко. Продажа минеральныхъ водъ въ павильонѣ при входѣ въ паркъ.

Источники и ванны: всѣ источники желѣзно-щелочные: а) Источникъ В. Кн. Михаила, б) Маріинскій, в) Ивановскій, г) Грязнушка, д) Барятинскій. Всѣ эти источники служатъ для питья.

Ванны: а) Калмыцкія ванны (на Конторской площадкѣ), в) Муравьевскія ванны (въ паркѣ), с) Старо-Барятинскія, d) Ново-Барятинскія, е) Зданіе ваннъ № 1—2, f) Зданіе ваннъ № 5—6, g) Зданіе ваннъ Островскаго (въ глубинѣ долины, у Чинаровой рощи). Новое заведеніе съ большимъ комфортомъ и гидропатическими приспособленіями.

Почта и телеграфъ: въ зданіи конторы.

Пятигорскъ (въ 27 в. отъ ст. «Минер. воды»).

Гостинницы: Казенная г. съ 18 №№ (отъ 1 р. до 4 р.), Центральная, Европейская, Новая (на Базарной площади).

Номера: Россія, Тупикова, Новорусскіе, Малорусскіе и др. Комнаты по суточно отъ 1 р. до 6 р. и по мѣсячно отъ 20 р. до 150 р.

Рестораны: Хорошіе рестораны при гостинницахъ: Казенной, Центральной, Европейской, обѣды изъ 4-хъ блюдъ по 1 р., обѣды при номерахъ Тупикова и при многихъ меблированныхъ комнатахъ. Въ саду противъ Николаевскихъ ваннъ ресторанъ: кафе-скверъ. Обѣды по картѣ, можно и по мѣсячно. **Шашлычныя**

съ восточной кухней и кахетинскими винами; много у бульвара и цвѣтника. Лучшія: Читаева и Вачнадзе.

Кафе: Въ цвѣтникѣ. Центральное и Колодяжнаго (на бульварѣ), въ Казенномъ саду, «Кафе-Провалъ» на Машукѣ.

Канцелярія: правительственнаго коммисара, ежедневно отъ 8 до 2 дня.

Контора группы: отъ 5—12 дня и отъ 2—6 вечера.

Почта и телеграфъ у «Цвѣтника» и во время сезона въ Николаевскомъ курзалѣ.

Библіотеки: Читальня въ Николаевскомъ курзалѣ, б. при пятигорскомъ городскомъ училищѣ, б. Дингельштедта (Верхній пер., домъ д-ра Каневскаго).

Геогностическій музей: въ Николаевскомъ вокзалѣ. Метеорологическая ст. и Химическая лабораторія (въ Театр. улицѣ).

Извозчики: Фаэтоны. За конецъ въ городѣ 20 коп., съ вокзала и на вокзалъ 50 к., за часъ—50 к., къ Елизаветинской галереѣ, въ нагорныя части города, на кладбище—25 коп. и 30 к., къ Провалу—50 коп., туда и обратно—1 р., вокругъ Машука—3 руб., въ Константиногорскъ—50 коп.

Развлеченія: Ежедневно въ Цвѣтникѣ музыка утромъ и вечеромъ. Ежедневно танцовальные вечера въ залѣ Казеннаго ресторана и въ Центральной гостинницѣ.

Верховыя лошади: по 1 руб. въ часъ.

Виды Пятигорска: альбомы, сувениры въ кіоскахъ Цвѣтника и въ магазинахъ около сада и бульвара.

Достопримѣчательности: Памятникъ Лермонтову. Соборъ. Николаевскій курзалъ. Цвѣтникъ. Елизаветинская галерея. Гротъ Діаны. Трещина Горячей воды. Лермонтовскій гротъ. Бесѣдка «Эолова арфа», весь Эмануелевскій паркъ съ видами на степи и Эльбрусъ. Провалъ и кафе съ видами на станицы. Казенный садъ около вокзала жел. дороги. Памятникъ генералу Евдокимову (часовня около собора). Вершины Машука. Перкальскій родникъ. Лермонтовскія скалы. Поѣздки въ колоніи: Константиновскую, Каррасъ, Николаевскую, къ водопроводу на горахъ Юцы, въ Горячеводскъ и Константиногорскъ, на соленое оз. Тамбуканъ.

Парки и сады: Цвѣтникъ, Эмануелевскій паркъ, Лермонтовскій скверъ, Казенный паркъ, нѣсколько бульваровъ, городской скверъ. Въ садахъ и паркахъ 6 фонтановъ. Въ городскомъ скверѣ два высокихъ фонтана въ 15 саженъ.

Источники: Сѣрнистыя воды, подобныя Ахенскимъ и Пире-

нейскимъ, а) Елизаветинскіе, два источника въ Елиз. галереѣ, в) Михайловскій съ темп. 30° сѣрной воды. Сѣрная вода возбуждаетъ функціи желудка, сердца, легкихъ.

Ванны: а) Теплосѣрныя (индифирентныя) ванны, в) Николаевскія ванны съ душемъ Шарко. Сюда проведена вода изъ особыхъ источниковъ, с) Ермолаевскія, 5 грязевыхъ ваннъ изъ горько-соленаго Тамбуканскаго озера, остальныя сѣрныя, д) Товіевское, е) Сабанѣевское (на Машукѣ, по дорогѣ къ Провалу).

Продажа минеральныхъ водъ другихъ группъ и кавказской горькой воды (источника Маріи Терезіи, находящагося около колоніи Каррасъ), производится въ Николаевскомъ вокзалѣ отъ 5 до 12 дня и отъ 2 до 7 вечера.

Ессентуки (41 в. отъ ст. «Минер. воды»).

Гостиницы: Компанейская г. (роскошная, но дорогая, въ паркѣ), до 60 комнатъ, съ рестораномъ, библіотекой, билліардомъ. Въ сезонъ по 7 или 8 руб. за сутки. Тарасова, Зипалова, у входа въ паркъ, дороги, по 3 и 4 руб. за день. Гост. Смирнова съ плохими комнатами и большими неудобствами.

Меблированныя комнаты: Повсюду въ станицѣ. По мѣсячно отъ 25 до 80 руб., по суточно у нѣкоторыхъ (Карагачева, Безпалова) отъ 1 р. до 5 руб. Въ станицѣ есть комнаты по 20 р. и по 15 руб. въ мѣсяцъ, но хорошихъ комнатъ мало.

Библіотеки нѣтъ. При Казенномъ ресторанѣ есть комната для чтенія, но читать тамъ почти нечего.

Рестораны: При входѣ въ паркъ Казенный, хорошій столъ; при №№ Смирнова. Въ Компанейской гостинницѣ роскошный ресторанъ. Много объявленій въ галереѣ источника № 17 объ обѣдахъ въ частныхъ домахъ, кухмистерскихъ и табельдотахъ при меблиров. комнатахъ.

Кафе. Около музыки въ паркѣ. **Шашлычныя.** Въ домѣ Запалова, по Курсовой ул.

Контора у входа въ паркъ. Сезонъ отъ 15 Мая до 15 Сент. Продажа билетовъ на ванны (по 50 коп.) и 3 р. за право пить воды.

Почта и телеграфъ. Почтовое отдѣленіе противъ Компанейской г-цы. Въ галереѣ парка раздаются письма съ 8 ч. утра.

Извозчики. На вокзалъ ж. дороги—20 коп., отъ вокзала къ парку 15 коп., въ станицу 25 к., за часъ 50 к.

Развлеченія. Музыка дважды въ день въ паркѣ. Танцовальные вечера разъ въ недѣлю, то въ Казенномъ ресторанѣ, то въ Компанейской г-цѣ. Кегли. Верховыя лошади по 1 р. за часъ.

Достопримѣчательности: Источники въ паркѣ, павильонъ № 17 и павильонъ № 18, галерея. Красивая бесѣдка № 4. Паркъ мало красивъ.

Источники. Солено-щелочные источники: № 18, № 6 и № 4 имѣютъ желѣзисто-соляно-щелочную воду. Около галереи № 18 въ красивомъ павильонѣ. № 17 въ каменной бесѣдкѣ,—гордость Ессентукской группы. Сочетаніе щелочной воды съ сѣрно-известко-магнезіальной дѣлаетъ источникъ удивительно цѣлебнымъ. № 19 тоже въ каменномъ павильонѣ около галереи. Бюветъ № 6. Бюветъ № 4.

Ванны. Соляно-щелочныя (14 ваннъ) и сѣрно-щелочныя (10 ваннъ), грязевыя (6 ваннъ).

Кисловодскъ (61 в. отъ ст. «Минер. воды»).

Гостинницы. Казенная г., «Паркъ» (40 комнатъ отъ 3 р. до 8 р. Очень роскошная. Ресторана не имѣетъ). Нарзанъ съ хорошимъ рестораномъ. Зипалова (противъ галереи, за сутки отъ 2 до 5 р.), Смирнова (60 номеровъ отъ 1 р. до 5 р. Есть ресторанъ). Г. Центральная Бештау (19 номеровъ отъ 1 до 3 р. Есть ресторанъ). Центральная (отличная гост., чисто, хорошо, комнаты по 1 р. 50 к., 2 р., 3 р. въ сутки. Есть ресторанъ). Маклая (на Курсовой улицѣ, 16 номеровъ, отъ 75 к.— 2 р. въ сутки).

Меблиров. комнаты въ домахъ по Тополевой аллеѣ, противъ парка, по мѣсячно отъ 40 до 600 руб. Въ слободѣ можно устроиться за 20 руб. Вокругъ парка сдаются дачи и виллы и въ нихъ меблированныя комнаты. Въ сезонѣ цѣны очень высоки.

Рестораны. Казенный (обѣды изъ 4-хъ блюдъ по 1 руб.), съ прекрасной терасой. При гостинницахъ Нарзанъ, Центральной, Смирнова, Бештау, въ меблир. комнатахъ Реброва, въ паркѣ у галереи «Кавказъ», въ Тополевой аллеѣ. Въ саду Мордовцева много домашнихъ обѣдовъ. Обѣды въ семейномъ саду Бойкова въ слободѣ. Въ Новомъ курзалѣ.

Кафе, въ паркѣ у музыки и у Царской площадки (въ концѣ парка). **Шашлычныя.** Цѣлый рядъ въ Тополевой аллеѣ.

Извозчики. Конецъ въ городѣ 20 коп., по воскрес.—30. На Кольцо-гору 3 р., въ замокъ Коварства и Любви—3 р., къ Лермонтовскимъ скаламъ—2 р., въ Орѣховую балку къ водопадамъ— въ сезонъ 5 р., не въ сезонъ $3^1/_2$ р. Поѣздка на Бермамутъ съ 2-хъ человѣкъ—15 р., съ 3-хъ или 4-хъ человѣкъ—20 руб.

Магазины. Чернь, камни, матеріи, бирюза, точеныя деревянныя издѣлія, восточные шелка, ковры. Надо сильно торговаться.

Почта и телеграфъ около парка, временное отдѣленіе телеграфа въ галереѣ Нарзана.

Развлеченія. Ежедневно дважды играетъ музыка около галереи Нарзана. Еженедѣльные танцовальные вечера въ Казен-

номъ ресторанѣ и Новомъ курзалѣ. Концерты и театръ, читальня, бильярдъ въ Новомъ курзалѣ.

Парки. Паркъ по теченію рѣчки Ольховки, одинъ изъ красивѣйшихъ парковъ на землѣ. Казенный садъ. Садъ Мордовцева.

Прогулки и достопримѣчательности: Весь паркъ. Галерея Нарзана. Читальня. Царская площадка. Берега и пороги рѣчки Ольховки. Крестовая гора и виды съ нее. Домъ, гдѣ жила княжна Мэри. Тополевая аллея. Поѣздка на Кольцо-гору. Замокъ Коварства и Любви. Водопадъ Ольховки и скалы, на которыхъ была дуэль Печорина и Грушницкаго «Лермонтовскія скалы». Орѣховая балка и ея два водопада. Поѣздка на Бермамутъ и утренній видъ на Эльбрусъ.

Источники. Нарзанъ, углекисло-желѣзистый источникъ плещетъ въ каменномъ 8-ми угольномъ бассейнѣ въ длинной галереѣ. Его воду пьютъ больные и всѣ городскіе обыватели.

Ванны въ концѣ галереи (32 ванны) изъ Нарзана и въ новомъ зданіи по дорогѣ къ курзалу. Газовыя ванны. Купальни семиградуснаго источника. Купанье въ р. Ольховкѣ.

Отъ ст. **Незлобной** (490 в.) почтов. дор. 5 в. въ

Георгіевскъ на горѣ,

интереса для туриста не представляетъ.

Отъ ст. **Прохладной** (554 в.). Почтов. дор. черезъ Моздокъ и Кизляръ, до Брянской пристани на Каспійскомъ морѣ.

Екатериноградская станица (16 1/2 в. отъ Прохл.).

Бывшая крѣпость военной линіи.

Достопримѣчательности: а) Каменныя тріумфальныя ворота, поставленныя Потемкинымъ во славу русскаго воинства и напоминающія время, когда станица была городомъ до 1822 года, в) Памятникъ на кладбищѣ около военнаго собора генералу Феликсу Круковскому, бывшему наказному атаману линейнаго войска, рыцарю своего времени, убитому въ Малой Чечнѣ въ 1852-мъ году.

Моздокъ (51 верста отъ Прохладной) на р. Терекѣ, почти 13 т. жителей.

Достопримѣчательность. Церковь Успенья съ чудотворной иконой Иверской Божіей Матери, принесенной куратинскими осетинами и полученной ими отъ царицы Тамары. Дважды въ годъ икона привлекаетъ въ городъ тысячи богомольцевъ.

Почтовая дорога на Владикавказъ ($87^3/_4$ в.), на Шелкозаводскую, на Кизляръ (208 верстъ).

Ст. **Эльхотово** (600 в. отъ Ростова). Здѣсь начинается дорога на Алагиръ, гдѣ примыкаетъ къ Военно-Осетинской дорогѣ. (См. ст. Даръ-гохъ).

Ст. **Даръ-гохъ** (632 в.). Почтовыя дороги на Алагиръ и на станицу Ардонъ. Отъ ст. Даръ-гохъ до Алагира 27 в. за 3 руб., до Ардона 11 в. 1 р. 50 к.

Алагиръ (27 в. отъ Даръ-гоха). На р. Ардонѣ.

Комнаты на почтовой станціи. Можно нанимать въ станицѣ комнаты на лѣто.

Достопримѣчательности: Серебро-свинцовый плавильный заводъ (руду привозятъ изъ-за $33^1/_2$ верстъ изъ Садонскихъ рудниковъ). Заводъ имѣетъ видъ крѣпости, съ башнями и зубчатыми стѣнами. Для осмотра завода нужно разрѣшеніе управляющаго. Соборъ съ удивительной стѣной вокругъ сада, съ 5-ю бѣлыми башнями надъ каждымъ изъ пяти угловъ стѣны. Бульвары. Видъ на горы Каріу-хохъ (11,164 ф.), Адай-хохъ (15,260 ф.), Казбекъ (16,553 ф.).

Почтовая дорога на Ардонъ 16 в. Въ горы начинается **Военно-Осетинская** дорога, удивительная по красотѣ, поднимающаяся черезъ нагорную Осетію на Мамисонскій перевалъ (9,400 ф.) и спускающаяся по долинѣ Ріона въ Кутаисъ (см. «Военно-Осетинская дорога» и «г. Кутаисъ»). Ѣдущіе по этому пути, да и вообще въ горы, должны или въ Алагирѣ, или во Владикавказѣ, или въ Нальчикѣ запастись открытымъ предписаніемъ къ старшинамъ ауловъ для оказанія содѣйствія при наймѣ людей и лошадей и для полученія помѣщенія. Безъ предписанія нечего и пускаться въ Осетію, гдѣ обычаи народа, строй его

жизни, его незнакомый языкъ послужатъ неодолимыми препятствіями.

Ст. **Бесланъ** (632 в. отъ Ростова и 21 в. отъ Владикавказа).

Жел. дорога на Петровскъ (250 верстъ) идетъ по степямъ, въ виду Терскихъ и Кавказскихъ горъ. Станицы затонули въ садахъ, въ поляхъ и фруктовыхъ насажденіяхъ.

Станція Назранъ и станицы въ степи полны садовъ.

Станица Слѣпцовская на р. Сунжѣ.

Достопримѣчательность. На кладбищѣ памятникъ на могилѣ генералъ-маіора Николая Павловича Слѣпцова, устроителя Сунженской линіи.

Слѣпцовскія и Михайловскія минеральныя воды. Первыя въ 9-ти верстахъ отъ Слѣпц. ст., вторыя въ 2-хъ в. отъ ст. Михайловской. Сѣрно-щелочныя горячія воды въ прелестной гористой мѣстности. Михайловскія воды въ 56° R., Слѣпцовскія въ 20° R.

Грозный (6,214 жит.) на берегахъ Сунжи.

Достопримѣчательность: землянка генерала Ермолова, гдѣ онъ жилъ при заложеніи крѣпости.

Минеральныя воды: Мамакай-Юртовскія (источники св. Павла) въ 18 в. въ красивой горной мѣстности. Сѣрно-щелочная рѣчка съ содержаніемъ нефти 59,7° R. Брагунскія минеральныя воды (Теплицы св. Петра) въ 42 в. отъ Грознаго и въ 6-ти в. отъ села Брагуны на берегу Терека. Петровскій источникъ до 73°R, всѣ сѣрнощелочныя. Много неудобствъ для жизни и леченія, но ежегодно громадный съѣздъ публики и больныхъ разными наружными болѣзнями, ревматизмомъ и ломотой. Горячеводскія или Старо-Юртовскія минеральныя воды (находятся на 18¾ версты отъ Грознаго по дорогѣ къ станицѣ Николаевской). Теплицы св. Екатерины главные источники, сѣрнощелочные съ температурой отъ 29° до 73° R. Купальни. Госпиталь. Публика живетъ въ ½ верстѣ отъ водъ въ Горячеводской станицѣ, гдѣ обыватели сдаютъ свои домики.

Жел. дорога. Изъ Грознаго на Петровскъ въ одну сторону (149 в.), на Владикавказъ (121 в.) и на Бесланъ (100 в.), откуда на Ростовъ, въ другую.

Почтовыя дороги:

a) на югъ черезъ Воздвиженское (въ 25 в.), Аргунскія ворота въ Дагестанъ,

b) на юго-вост. дорога на Ведено (59¼) и идетъ въ глубину Дагестана черезъ Керкетскій перевалъ (7,377 ф.) на Ботлихъ,

c) на сѣверъ къ стан. Николаевской (25 в.) и примыкаетъ къ Моздоко-Кизлярскому тракту. Здѣсь станица **Шелкозаводская** отъ Николаевской въ $50^1/_2$ в., отъ Грознаго въ $75^1/_2$ в. Одна почтовая дорога идетъ черезъ Николаевскую ст. на г. Моздокъ ($151^1/_4$ в.) и на желѣзно-дор. ст. Прохладную (201 в.). Другая дорога на Кизляръ (58 в. отъ Шелкозаводской).

Г. Кизляръ (8,778 жит.).

Достопримѣчательности: Соборъ Казанской Божіей Матери, Церковь Петро-Павловская (по величинѣ и богатству отдѣлки), Георгія Побѣдоносца въ тополевой рощѣ, Армянскій монастырь, 6 мечетей.

Производство прекраснаго кизлярскаго вина (отправляется на Нижегородскую ярмарку: Опорто, Мадера, Хересъ).

Дорога въ Брянскую пристань (на Каспійскомъ морѣ), до ст. Прохладной (259 в.).

---

d) **Изъ Грознаго почт. дорога на Темиръ-Ханъ-Шуру** (154 в.).

Исти-Су. (Селеніе и почтов. станція на 48-й верстѣ отъ Грознаго). Въ 5 в. отъ селенія:

Исти-суйскія минеральныя воды. Сѣрно-щелочныя въ 65°. Совсѣмъ не разработаны и безъ врачебнаго примѣненія.

Хасавъ-Юртъ, станція желѣзной дороги.

Чиръ-Юртъ на р. Сулакѣ, выходящемъ изъ горныхъ тѣснинъ. Въ ущеліи Сулака въ 5 в.о тъ Чиръ-Юрта. Андреевскія минеральныя воды (сѣрно-щелочные ключи).

Петровскъ.

Портъ Дагестанской области, пристань пароходнаго сообщенія съ побережьями Каспійскаго моря, Астраханью, Среднею Азіей, Баку и Персіей. (См. «Дагестанъ»).

Отъ **Беслана** до Владикавказа (21 в.). Поѣздка отъ Ростова до Владикавказа (652 в.) безъ пересадки.

Владикавказъ (болѣе 10 т. жит.), на р. Терекѣ.

Гостинницы: Франція (комнаты отъ 1 р. до 3 руб.), Центральная, Европа, Grand-Hôtel, всѣ на Александровскомъ проспектѣ. Коммерческая (Грозненская ул.), Петербургская (на Гимназической), Лондонъ (на Алекс. проспектѣ), Москва и Базарная (обѣ на Базарной площади), «Россія» (меблир. комнаты).

Рестораны: въ Грандъ-Отелѣ, Франціи, въ клубѣ городскаго сада (только по рекомендаціи). Садъ Сакартвело.

Кондитерская Ганьба (на Алекс. пр-тѣ).

Почта и телеграфъ.

Извозчики: За конецъ въ городѣ 20 коп., на вокзалъ 30 к., съ багажемъ 40 коп., за часъ по городу 50 коп., въ Драгунскія казармы 50 к., въ Самарскій или Аргунскій полкъ 1 р. 25 к.

Развлеченія и прогулки: Городской театръ. Велосипедное общество съ превосходнымъ трекномъ. Музыка и гулянья въ общественномъ саду. Дворянское собраніе. Комерческій клубъ. Поѣздка въ горы. Восхожденіе на Столовую гору.

Достопримѣчательности: Бульваръ на Александровскомъ проспектѣ. Армянскій базаръ. Памятникъ Осипа Архипова. Персидская мечеть на берегу Терека. Городской садъ противъ конторы сообщенія. Треккъ велосипедистовъ въ общественномъ саду. Панорама на горный кряжъ. Военно-Грузинская дорога. Осетинская слобода.

Винные погреба съ кавказскими винами, очень много на Алекс. проспектѣ.

Фотографіи: Рагозинскаго: альбомы Воен.-Грузин. дороги (25 видовъ) по 7 руб., фот. Товарищества: альбомы и отдѣльные виды, ф. Руднева (типы горцевъ).

Банки. Отдѣленіе Госуд. Банка (на Воронцовской), Азовско-Донской б. (на площади у городскаго сада), Городской банкъ.

Бани русскія и персидскія (послѣдніе противъ мечети).

Въ магазинахъ восточныя матеріи, шелка, вышивки (Нагіева, Аджабарова, Асанова, Бандурова), оружіе, черненое серебро (Коджоянцъ). Бѣлые башлыки, бурки, ноговицы, папахи, пояса, кинжалы, дорожныя альпійскія палки, чепраки, стремена, чарки. Бурки отъ 5 руб. до 30 руб.

Почтовая ст. (сообщеніе съ Тифлисомъ по Военно-Грузинской д.). На почтовой станціи—помѣщеніе для путниковъ, кровати и номера, хорошая прислуга. На протяженіи 200 верстъ до Тифлиса 12 переѣздовъ съ каменными зданіями станцій. Въ конторѣ почтовой станціи выдаютъ билеты на отдѣльныя мѣста въ срочныхъ экипажахъ. Срочные дилижансы ѣдутъ безъ остановки и въ сутки проходятъ все разстояніе. Срочныя почтовыя кареты ѣдутъ съ ночевкой на станціи Млеты или Гудауръ и проходятъ дорогу въ 1½ сутки. Цѣна мѣстамъ въ срочномъ дилижансѣ до Тифлиса 12 р. 10 коп. Въ почтовой срочной каретѣ: мѣсто I класса (внутри кареты) 19 р. 60 коп., мѣсто II класса (на кабріолетѣ кареты. Лучшее мѣсто, очень удобное для обозрѣнія дороги) 13 р. 20 к. и III классъ (неудобное мѣсто сзади кареты или въ дилижансѣ на козлахъ) 5 р. 40 коп. Кромѣ этого срочнаго

движенія, есть еще возможность проѣхать на перекладныхъ и въ различныхъ экипажахъ (карета 2-хъ, 4-хъ или 5-ти мѣстная, разныя коляски). Цѣна за 6-ти мѣстный омнибусъ до Тифлиса 52 р., за 4-хъ мѣстную коляску 56 р., за 4-хъ мѣстную карету 64 р., за двухмѣстную 52 руб., коляска дышловая 44 р., коляска 4-хъ мѣстная (безъ фордека) 54 р., коляска двухмѣстная при двухъ пассажирахъ 36 р., при трехъ 44 руб. На перекладныхъ стоитъ 8 р. съ одного и 16 р. съ двухъ, причемъ приходится давать за подмазку экипажа по 12 коп. за телѣжку и еще шоссейныя деньги. На чай ямщикамъ приходится давать на всѣхъ 12-ти станціяхъ.

Военно-Грузинская дорога (200 в. до Тифлиса).

Ермоловъ первый принялся за дорогу и водрузилъ въ 1824 г. каменный крестъ на вершинѣ перевала.

Отъ Владикавказа до Балты (12¹/₄ в.) по берегу Терека. Укрѣпленіе Редантъ. Ст. Балта въ долинѣ Терека на высотѣ 2754 фут.

До ст. Ларсъ (17¹/₄ в.) Джераховское укрѣпленіе. Башня князей Дударовыхъ. Ст. Ларсъ на 3,682 ф.

До ст. Казбекъ (14¹/₂ в.). Дарьяльскія тѣснины. Ущелья ледника Девдораки. (Трудная экскурсія изъ Владикавказа или съ Казбека на ледникъ). Дарьяльское укрѣпленіе и замокъ Тамары. Бѣшеная балка. Ст. Казбекъ на 5,740 ф. (Номера для ночевки безъ постельнаго бѣлья по 50 коп. Сносный ресторанъ, обѣды по порціямъ, по 25 коп. за каждую. Попробовать жаркое изъ тура. Здѣсь-же продаются турьи рога, минералы и сувениры о Казбекѣ. Чудный видъ съ балкона. Верховыя лошади въ аулъ Гилеты (или Гергерты) и прогулки на вершину горы Квенемъ-Мты въ церковь Стефанъ-Цминда (фрески и оригинальная архитектура. Видъ на аулъ Казбекъ и гору Казбекъ). Церковь на высотѣ 7,673 фута. Лошади по 1¹/₂ рубля. Прогулка къ Девдоракскому леднику и дабѣ «жертвеннику осетинъ изъ турьихъ роговъ». Дорога хорошая и у ледника казарма для путниковъ. Лучшій видъ на Казбекъ (16,553 ф.) отъ станціи и изъ аула.

До ст. Коби (17¹/₄ в.). Аулъ Сіонъ. Высота 6,500 ф. Дорога обваловъ и лавинъ. На ст. буфетъ, номера и телеграфъ.

До ст. Гудауръ (16 в.). На этомъ переѣздѣ перевалъ. Ермоловскій крестъ на высотѣ 8,732 ф. н. у. м., рабочій домъ (самое высокое жилье на всемъ Кавказѣ). Высота Гудаура 7,245 ф. Лѣтомъ восхитительные альпійскіе луга. До Іюня глубокій снѣгъ. Телеграфъ.

До ст. Млеты (18 в.). Знаменитый спускъ, Барятинское шоссе по груди горъ, рощи рододендрона (въ Іюнѣ въ цвѣту).

Спускъ въ знаменитую по красотѣ Кайшаурскую долину. 15 верстъ зигзаговъ дороги. Млеты на 4,961 ф. въ долинѣ Арагвы. Номера, ресторанъ. Телеграфъ.

До ст. **Пассанауръ** (18 в.). Пассанауръ на 3,445 ф. Южная раетитсльность и чудная мѣстность.

До ст. **Ананууръ** (31 в.). Анануръ на 2,335 ф. Превосходныя развалины крѣпости съ церквами и усыпальницей эристава Георгія и его семьи. Новая грузинская церковь 15-го вѣка. Барельефы (крестъ св. Нины, два льва).

До ст. **Душетъ** (16½ в., на высотѣ 3,077 ф.). Старая римская башня (вблизи почтовой станціи). Ресторанъ. Городокъ въ 1 в. отъ почтовой станціи.

До ст. **Цилканъ** (17¾ в. На выс. 2,004 ф.). Базалетское оз. Чудная Карталинская долина Арагвы. Воронья башня (развалина).

До ст. **Мцхетъ** (14¾ в. На выс. 1,600 ф.). При сліяніи Арагвы съ Курой.

Достопримѣчательности: Соборъ 12-ти Апостоловъ съ его святынями. Самтаврскій храмъ. Новыя раскопки. Прогулка и подъемъ на гору къ церкви св. Креста (Цминды-Самеба). Видъ на городъ.

Желѣзн. дорога на Батумъ, на Тифлисъ и на Баку.

Почтов. д. до Тифлиса (20½ в. по унылой и скучной мѣстности).

Тифлисъ (125,000 жит.).

Вокзалъ жел. дороги на концѣ города, за Муштаидомъ. Поѣзда въ Батумъ и въ Баку.

Гостинницы: Лондонъ (у Михайловскаго моста, дорогая, но хорошая), Оріентъ (на Голов. пр., противъ дворца), Кавказъ (Эриванская площадь), Россія (не дорогая, очень хорошая, на Головинскомъ проспектѣ), Grand-Hôtel (противъ сада, у Воронцовскаго моста), Италія (Николаевская ул.).

Меблиров. комнаты: Ливадія, Бетани, Московскія, Россія, Сѣверные номера (всѣ на Головинскомъ проспектѣ), Дворцовыя (по Дворцовой ул.), Берлинъ (у Михайловск. моста), Версаль (у памятника Воронцова), Имперіаль (противъ сквера на Эриванской площади), Данія, номера Козлова, Европейскіе номера, Парижъ (всѣ на Головинскомъ проспектѣ).

Рестораны: При гост. Лондонъ, Кавказъ, Россія, Оріентъ, Азіатскіе съ восточной кухней, Пур-Гвино (на Головинскомъ пр. домъ кн. Мухранскаго), Китишева (въ Караванъ-Сараѣ на Эрив. пл.)

и Киракоза (противъ памятника Воронцова). Хорошій ресторанъ съ садомъ въ Караванъ-Сараѣ Арцруни. Хорошіе обѣды и ужины.

Кофейни и чайныя: Муштаидъ. Ботаническій садъ.

Развлеченія: a) Большой городской театръ на Голов. пр-тѣ (опера), b) Драматическій театръ (на Дворцовой), c) Семейный кружокъ (входъ по рекомендаціи). Зимой находятся на Голов. пр., а лѣтомъ въ саду на берегу Куры. (Музыка, балы, спектакли, библіотека), d) Тифлисское собраніе, e) Артистическое общество. Сады по Михайловской улицѣ съ открытыми сценами, эстрадами, аренами для борьбы.

Извозчики: За конецъ въ городѣ фаэтонъ 30 к., дрожки 20 к. Въ предмѣстья 50 коп., на вокзалъ жел. дор. 75 коп., въ Муштаидъ 40 коп., за часъ 60 коп., дрожки 40 к. Отъ вокзала въ предмѣстье «Вера» или въ Нафтлугъ фаэтонъ 1 р. 20 к. и дрожки 80 коп. Въ дальнюю ц. Варвары 2 р. и 1 р. 20 к., туда и назадъ (съ остановкой въ 1/2 часа) 3 р. и 2 р., въ Александергофъ 1 р. 20 и 80 и обратно 2 р. и 1 р. 40 к.

Конно-желѣзныя дороги. Отъ вокзала до Муштаида (3 коп.), отъ Муштаида до Воронцовской пл. (5 коп.), отъ Воронц. пл. до Эриванской пл. (3 коп.), отъ Воронц. площ. до Саманной (3 коп.), отсюда до Мнацакановскаго моста (3 коп.), отъ Эрив. пл. по Голов. проспекту до конца (5 коп.), отъ Голов. пр. черезъ Верійскій мостъ въ Муштаидъ (5 коп.).

Паромы на Курѣ. У Мухранской улицы и Артиллерійской балки (по 2 коп.).

Сады. Александровскій городской садъ. Городской скверъ съ пам. Пушкину на Эрив. площ., Муштаидъ. Сады на Михайловской ул. Ботаническій садъ съ водопадами.

Бани (сѣрныя) Тамамшева, Цовьяновыхъ, Мирзоева, Ираклія Грузинскаго, Сумбатова, Бебутова, Орбеліани, Европейскія бани съ ваннами и душами (Садов. ул.), Русскія—Измаилова.

Фотографіи. Виды Кавказа у Ермакова (Дворц. ул.), виды по 50 коп. и 1 р. Большой выборъ., въ ф. Барканова, у Роинова на Эрив. площади. (Виды Дагестана и Средней Азіи), Энгель (средняя Азія и Имеретія. Масса типовъ).

Библіотеки. Публичная (Голов. пр., противъ дворца), Самадовой (по Дворц. у., д. Арцруни). Книжная Бернштама, Мариджи (на Голов. пр-тѣ).

Консульства. Персидское, Турецкое, Французское, Германское, Швейцарское.

Музей. Открытъ по вторникамъ, пятницамъ и воскресеньямъ отъ 10 до 3-хъ ч. (по 20 коп. за входъ, каталогъ 30 коп.). **Военный Музей** (надо достать разрѣшеніе въ военномъ вѣдомствѣ.

Почта и телеграфъ на Пушкинской.

Телеграфная индо-европейская станція (Михайлов. у.).

Контора почтовыхъ дилижансовъ. Спеціально для Военно-Грузинской дороги. (См. Владикавказъ). На Головинскомъ проспектѣ, за большимъ театромъ. **Частныя сообщенія** съ Сигнахомъ. Ежедневно дилижансы выѣзжаютъ утромъ и пріѣзжаютъ въ Сигнахъ къ вечеру (100 верстъ), ежедневно съ Михайловской улицы уходятъ срочные мальпосты на Телавъ (96 в.). Съ Головинскаго пр. нѣсколько разъ въ день отходятъ кареты, дилижансы и линейки въ Коджоры ($18^1/_4$ в.) и въ Манглисъ (62 в.), а также и въ Бѣлый ключъ (54 в.). (См. ниже: окрестности Тифлиса). До Коджоръ билетъ стоитъ 1 руб., до Манглиса 3 руб.

Достопримѣчательности. Головинскій проспектъ. Кавказскій музей. Новый театръ оперы. Новый соборъ. Дворецъ. Военный музей и Александровскій садъ. Восхожденіе къ церкви св. Давида (могила Грибоѣдова) и выше къ ресторану на вершину горы Мтацминда. Эриванская площадь. Зданіе думы. Караванъ-сараи. Торговые ряды. Базары. Майданъ и Темные ряды. Персидскія бани. Ботаническій садъ. Развалины персидской крѣпости. Виды съ башенъ на городъ. Сіонскій соборъ. Анчисхатскій храмъ. Ванкскій армянскій соборъ. Метехскій замокъ и церковь. Мечеть. Памятникъ Воронцова. Муштаидъ и школа шелководства. Ортачальскіе сады. Церковь Дидубе за Муштаидомъ.

Газеты. Тифлисскій листокъ, Кавказъ, Новое Обозрѣніе, Кавказскія объявленія. На грузинскомъ языкѣ: Иверія, Меурне, Джеджили, Мцкемси. По армянски: Нордаръ («Новый вѣкъ»), Мшакъ, Ардзаганкъ и др. На татарскомъ: Кешкюль. На франц.: Caucase illustré.

ОКРЕСТНОСТИ ТИФЛИСА.

Коджоры ($18^3/_4$ в. отъ Тифлиса).

Ежедневно почтовые и частные дилижансы уходятъ съ Эриванской площади. Цѣна мѣсту около рубля. Почтовое шоссе идетъ на ст. Табахмели ($13^3/_4$ в.), отъ которой 5 верстъ до Коджоръ.

Дачи и меблир. комнаты за лѣто 50—75, до 100 руб., дачи до 300 руб.

Гостиницы: Керъ-Оглы, Гене, Копа. Комнаты отъ 1 р.—3 р. Обѣды по 75 коп., 1 р. 50 к.

Развлеченія. Музыка. Дважды въ недѣлю танцы для взрослыхъ и разъ въ недѣлю для дѣтей.

Достопримѣчательности: Развалины замка Керъ-Оглы въ 2-хъ верстахъ отъ Коджоръ. (Верхомъ или пѣшкомъ). Прогулка къ церкви Удзо. Дивныя развалины Кабенскаго монастыря (по дорогѣ въ Манглисъ, у села Кикети, въ 7-ми верстахъ отъ Коджоръ). Бетанія (въ 9 верстахъ.) Надо по дорогѣ на Манглисъ доѣхать до Бѣлаго духана, и здѣсь въ селеніи взять верховую лошадь или пройти пѣшкомъ 2 в. до Бетаніи.

Манглисъ (отъ Тифлиса $57^1/_4$ в., отъ Коджоръ $38^3/_4$ в.).

Дилижансы изъ Тифлиса около 8 часовъ утра и прибываютъ въ Манглисъ около 4 или 5 пополудни. Цѣна за мѣсто 3 руб. Дилижансы (почтовые и частные) три раза въ недѣлю. Фаэтоны берутъ около 15—20 руб.

Дачное мѣсто тифлисцевъ.

Прогулки. Паркъ, сосновая роща, р. Алагетка, Зеленый монастырь. Древній соборъ въ старомъ Манглисѣ.

Бѣлый ключъ ($53^1/_4$ в. отъ Тифлиса).

Почтов. экипажи изъ Тифлиса ѣдутъ по дорогѣ на Коджоры до первой станціи Табахмели, затѣмъ сворачиваютъ на Барбало, Сатрошени и Бѣлый ключъ. Правильнаго сообщенія нѣтъ.

Достопримѣчательности: Развалины города Самшвильдо на р. Храмъ (3 версты). Зеленый монастырь (руина въ плющѣ).

Ахтальскій монастырь (въ 85 вер. отъ Тифлиса).

На фаэтонѣ и верхомъ. Въ 6-ти в. отъ Ахталы Шамблугскій мѣдный заводъ, въ 12 в. мѣдный Аллавердскій заводъ на громадныхъ скалахъ. Въ 8 в. отъ Аллаверды и въ 10 отъ Ахталы (только верхомъ) старый армянскій монастырь Санаинъ, усыпальница королей династіи Багратидовъ. Въ 4 в. отъ Санаина Ахпатскій монастырь въ развалинахъ. Сами развалины Ахтальскаго монастыря (въ 8 в. отъ Ахпата) удивительной архитектуры.

Бетанія на р. Верѣ (8 в. отъ Тифлиса). **Караязская**

степь (по жел. дорогѣ до ст. «Караязъ»), **Шіо-Мгвинскій монастырь** (въ 10 в. за городомъ Мцхетомъ, ѣхать по жел. дор. до селенія Дзегви, остановка за Мцхетомъ, переправиться черезъ Куру на паромѣ и пройти 2 версты). **Зедазенскій монастырь** (по жел. дорогѣ до ст. Авчалы, а оттуда еще 12 верстъ въ горы). Шоссе въ **Марткоби** (въ 20 в., фаэтоны 10—12 руб.). Въ селеніи громадная площадь, гдѣ была стоянка царя Ираклія, въ центрѣ площади дубъ Ираклія. Гулянье «Елисейская долина». Монастырь села наз. монастыремъ св. Антонія.

Кахетія.

Дорога на Телавъ. Почтоваго сообщенія нѣтъ. Ежедневно изъ Авлабара (отъ городскихъ вѣсовъ) отходитъ дилижансъ въ Телавъ че; езъ Гомбэрскій перевалъ (99 в.). Цѣна за мѣсто 3 р. 75 к.

Телавъ.

Гостинница (о. плохая) вблизи почтов. станціи.

Извозчики до Сигнаха или на почтовыхъ, или въ фаэтонѣ, или верхомъ. Въ Тифлисъ частные дилижансы. Въ городѣ 15 коп. До Алавердскаго собора 18 в. за 5 руб. (фаэтоны).

Достопримѣчательности: Развалины крѣпости. Поѣздки: въ Цинондалы (въ 7-ми верстахъ по Сигнахской дорогѣ), въ Икалтойскій монастырь (8 в. по дорогѣ въ Тіонети), въ Алавердскій соборъ (18 в. фаэтонъ за 15 руб., перекладныя). Красивая экипажная дорога вдоль Алазани и Іоры (черезъ рѣки въ бродъ), около 50 в. до мѣстечка Тіонети. Почтов. дорога на Сигнахъ. ($62^1/_2$ в). Нынѣшнее женское училище, бывшій дворецъ, гдѣ умеръ царь Ираклій XII.

Сигнахъ.

Дороги. Почтов. дорога до Тифлиса (100 в.). Ежедневно по утрамъ срочные дилижансы. До Телава шоссе и почтовое сообщеніе ($62^1/_2$ в.) по Алазанской долинѣ. Почтов. дорога на Лагодехи, Закаталы и Нуху (часто эти $181^1/_2$ в. бываютъ неодолимы изъ-за горныхъ рѣкъ, которыя превращаются въ стремнины).

Гостинница: Надежда (видъ и обстановка трактира). Комнаты при почтовой станціи по 50 к. и 1 р.

Извозчики. До Бобдійскаго монастыря и обратно 1 руб., до Лагодехъ по уговору 5—7 р., до Телава 4—6 р.

Дилижансы ежедневно въ Телавъ 3 руб. за мѣсто, до Тифлиса мѣсто 5 руб.

Достопримѣчательности: Само положеніе города и виды на долину Алазани и Дагестанскія горы. Главная площадь. Площадка съ видомъ. Крѣпость. Бобдійскій монастырь (Усыпальница св. Нины въ 4 в.). «Царскіе колодцы» въ 29 верстахъ и развалинами крѣпости. (Замокъ Тамары).

Почтовая дорога на Лагодехи спускается въ долину Алазани, пересѣкаетъ ее по мосту, прорѣзаетъ дѣвственные лѣса, полузатопленные водой въ первую половину лѣта и, пересѣкши нѣсколько бѣшеныхъ потоковъ, у подножья Дагестанскихъ горъ ($52^1/_2$ в.) доходитъ до Лагодехъ.

Лагодехи (военный постъ).

Военный поселокъ: Комната при почтовой станціи.

Достопримѣчательности: Общественный садъ, военное собраніе, армянскій соборъ, русскій соборъ, ревущіе потоки, низвергающіеся съ горъ.

Лагодехская рѣчка часто совсѣмъ непроходима. При поднятіи воды, ни почта, ни путники не могутъ пробиться сквозь волны и камни, летящіе съ горъ.

Вся почтовая дорога до самыхъ Закаталъ и Нухи—чудная орѣховая и тутовая аллея.

Почтов. ст. **Беллокани** въ 17 в. отъ Лагодехъ.

Шелководство. На почтов. ст. во дворѣ колоссальное орѣховое дерево.

Беллоканскій потокъ. Мутный, опасный своими камнями потокъ, шириною въ $^1/_2$ версты.

Потокъ Катехи, образовавшій 7 рукавовъ, ужасенъ. Остатки старыхъ стѣнъ.

Закаталы (въ 22-хъ в. отъ Беллоканъ и 92 отъ Сигнаха).

Остановка скверная на почтовой станціи.

Никакой ѣды не достать. Нѣтъ ресторановъ. Въ военномъ собраніи обѣдъ до 2-хъ часовъ. Шашлыкъ, зелень можно получить на главной площади отъ повара (при школѣ).

Достопримѣчательности: Крѣпость. Памятникъ ген. Гулякову. Платаны и липы на главной площади. Соборъ. Виды на ущелья Талы.

Гудурскій перевалъ въ видѣ тропы идетъ по Джарскому ущелью, поднимаясь въ Дагестанъ.

Р. Тала бываетъ очень опасна для переѣздовъ. Каменный мостъ она снесла весной. Нерѣдко ждутъ на ея берегахъ цѣлые караваны спада водъ—на разсвѣтѣ, когда смерзается снѣгъ на горахъ и уровень рѣки падаетъ.

Ст. **Гиллюкъ** съ двумя колоссальными платанами.

Городокъ **Какхъ**.

Въ 11 верстахъ вверхъ по ущелью р. Курмука Елисуйскія минеральныя воды. Сѣрно-щелочныя ванны въ источникахъ въ 38° и 42°. Изъ Елисуйскаго ущелья отъ мѣстечка Елису по Курмуку тропа въ долину Самура и въ Дагестанъ (въ Кази-Кумухъ).

На минер. воды съѣзжаются лѣтомъ тысячи больныхъ ревматизмомъ, ломотой и др.

Р. **Курмукъ.** Одна изъ ужаснѣйшихъ рѣкъ Кавказа, которую переѣзжаютъ въ бродъ. Сплошная пучина, на берегахъ которой по недѣлямъ ждутъ спада водъ.

Ст. **Новый Геннюкъ** (въ 15-ти в. отъ Какха и въ 18 отъ Нухи). Окружена потоками.

Нуха (въ 73¼ в. отъ жел. дор. ст. Евлахъ).

Остановиться, кромѣ почтовой ст. (одна кровать), негдѣ.

Извозчики: Фаэтоны по 15 коп. и 20 коп. за конецъ по городу.

Почтовое сообщеніе: на Евлахъ, съ Дагестаномъ, въ селеніе Ахты по Военно-Ахтинской дорогѣ (по Тинскому ущелью, черезъ Главныйх ребетъ, Салаватскій перевалъ 9,974 футъ), къ Ахтамъ.

Достопримѣчательности: Крѣпость, остатки ханскаго дворца.

ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА ОТЪ ТИФЛИСА ДО БАКУ.

Первая большая станція **Акстафа** (89 в. отъ Тифлиса).

Почтовое сообщеніе: Ежедневно срочные омнибусы и кареты до Делижана, откуда ѣдутъ на Эривань или на Александро-

поль и Карсъ. Мѣста до Делижана 3 р. 72 коп. и 2 р. 25 к. Отходитъ омнибусъ въ 6 часовъ утра и въ 4 часа дня, а изъ Делижана почтовые экипажи въ 9 часовъ утра и на Карсъ и на Александрополь. За наемъ коляски до Делижана 13 р., омнибусы до Делижана проходятъ 72 в. въ $5^1/_2$ часовъ. Коляски до Казаха по 2 р., фаэтоны до Эривани — 20 и 25 руб. На ст. Акстафѣ хорошій буфетъ.

Пыльный городъ **Казахъ** въ 9 в. отъ Акстафы.

Ст. **Узунъ-Тала.** Здѣсь начинается одно изъ красивѣйшихъ ущелій Кавказа—Делижанское. Въѣздъ въ Малый Кавказъ.

Ст. **Караванъ-Сарай** (въ $39^3/_4$ в. отъ Акстафы) на берегу бурлящей рѣки Делижанки.

Ст. **Тарсачай** (въ $61^1/_4$ в. отъ Акстафы).

Делижанъ (городокъ въ $72^3/_4$ в.)

Климатическій курортъ, куда съѣзжаются на лѣто. Сезонъ въ Іюнѣ, Іюлѣ и Августѣ. Въ теченіи сезона военная музыка. Гостинницъ нѣтъ, есть много дачъ, неустроенныхъ. Мѣстность дивная. Масса прогулокъ.

Почтовая станція. Публика, ѣдущая прямо въ Эривань или въ Александрополь, ночуетъ въ очень скверной почтовой станціи съ плохонькимъ буфетомъ. Въ 9 часовъ утра отходятъ всѣ почтовые экипажи на Эривань, Александрополь и на Акстафу. Цѣна за мѣсто до Эривани 5 р. 75 к., до Александрополя тоже— 5 р. 75 к., до Акстафы 3 р. 80 к.

Ст. **Еленовка** (въ $40^1/_4$ в. отъ Делижана) на берегу оз. Геокъ-Чай (Гокча). На станціи въ буфетѣ прославленная Гокчайская форель (шиханъ)—40 коп. порція.

Экскурсія въ лодкѣ въ **монастырь Севангъ,** находящійся на островѣ въ 6 верстахъ отъ Еленовки. Въ Севангскомъ монастырѣ осмотръ церквей, тюрьмъ, библіотеки.

Почтовая дорога на **Новый Баязидъ** (30 в.) отходитъ въ сторону озера.

Ст. **Нижніе Ахты** (въ $56^3/_4$ в. отъ Делижана). Отсюда въ 7 в. по грунтовой дорогѣ въ **Дарачичагъ,** лѣтнее мѣстопребываніе эриванскаго губернатора. Музыка лѣтомъ. Скверная гостинница. Нѣсколько прекрасныхъ развалинъ храмовъ. Дачи и казенные дома, куда перебираются присутственныя мѣста и весь чиновный міръ Эривани.

Эривань (14,555 жителей), на р. Зангѣ, на высотѣ 3,229 ф. надъ уровн. моря.

Гостинницы: Лондонъ, Франція, Батумъ. Всѣ неудовлетворительныя.

Извозчики. Конецъ по городу—20 коп., за часъ—60 коп., за катанье въ часъ 1 руб. Въ ханскій садъ—40 коп., въ Канакиръ (7 в.)—1 р. 50 коп., въ Эчміадзинъ 1 р. 50 коп., туда и обратно 3 р.

Почтовое сообщеніе. Ежедневно въ 9 часовъ омнибусы и почтовыя коляски въ Делижанъ и Акстафу.

Достопримѣчательности: Ханскій дворецъ и его зеркальная зала. Ханскій садъ. Мечеть въ крѣпости. Городская мечеть и Майданъ. Городской садъ. Виды на Араратъ и на всю долину Аракса. Фруктовые сады. Поѣздки въ армянскіе монастыри.

ПОѢЗДКИ ИЗЪ ЭРИВАНИ.

Эчміадзинъ въ $18^1/_2$ верстахъ.

Постоянное сообщеніе на линейкахъ, по 40 коп. за мѣсто. Фаэтоны по 1 р. 50 к. въ одну сторону и 3 р. взадъ и впередъ.

Сел. **Вагаршапатъ** съ старинной церковью св. Рипсиміи. Эчміадзинскій монастырь, мѣстожительство армянскихъ католикосовъ, заслуживаетъ осмотра. Библіотека. Соборъ, музеи, садъ съ бассейномъ. Духовное училище. Виды на Араратъ. На площади передъ монастырскими воротами хорошія чайныя и духаны, есть комнаты для ночлега. Черезъ Эчміадзинъ почтовая дорога изъ Эривани идетъ на **Игдырь** (56 в.) Дорога черезъ Игдырь идетъ на селеніе **Кульпу** (отъ Эривани 75 в.).

По дорогѣ на городъ **Новый Баязидъ** въ долинѣ р. Гарни-Чай, въ 30 в. находится **монастырь Айриванкъ** или **Кегартъ** (пещерный монастырь).

Интересна поѣздка въ **Хорвирабскій монастырь** въ 15 в. отъ села Двинъ на Араксѣ. **Мон. Хакованкъ** полонъ армянской старины. Почтовая дорога изъ Эривани идетъ въ гор. **Нахичевань** (150 верстъ), около города грандіозныя развалины башни и ханскаго дворца. Изъ Нахичевани почтовая дорога идетъ на **Ордубадъ** (221 верста отъ Эривани) и отъ ст. **Аленджи-Чай** начинается большая персидская дорога на **Тавризъ** и **Тегеранъ.**

Дорога въ Александрополь. Можно нанять фаэтонъ рублей за 20, за 25 руб. и совершить интересный перевалъ черезъ потухшій вулканъ Алагезъ. Дорога около ста верстъ черезъ монастырь св. Георгія, с. Аштаракъ, деревню Сашабаранъ и др.

Арараты. Большой въ 16,906 ф., малый—въ 12,840 футовъ. Для восхожденія на Араратъ ѣдутъ верхомъ 50 в. въ гору отъ Игдыря.

г. Александрополь (26,670 жит.).

Дороги: Путь отъ Акстафы до Делижана. Отъ Делижана почтов. трактъ въ 100 верстъ.

Гостинницъ нѣтъ. Можно пробыть на почтовой станціи (безъ удобствъ). Въ городѣ номера «Араратъ» и Люладже. Оба съ ресторанами.

Фаэтоны. До Ани и обратно—10 руб., конецъ въ городѣ 20 коп., за часъ 60, катанье за часъ 1 руб., до Эривани 20 руб.

Достопримѣчательности: Соборъ. Армянская церковь. Крѣпость. Кладбище и холмъ чести. Поѣздка въ Ани. (45 в. отъ города. Прогулка на цѣлый день).

Ани: Развалины старинной армянской столицы на р. Арпачаѣ.

Достопримѣчательности Ани: Стѣны города. Развалины собора. Церкви съ ихъ фресками. Мечеть съ большимъ минаретомъ. Царскій дворецъ. Монастырь. Пещерный городъ и дома горожанъ. Упавшая башня. Ворота. Крѣпость. Бани. Остатки мостовъ. Пропасти Арпачая. Греческая церковь.

Здѣсь, въ Ани, ничего не достать, кромѣ самовара въ домѣ армянскаго монаха, который водитъ пріѣзжаго по всѣмъ руинамъ и которому обязателенъ «на чай».

Изъ Александрополя горная дорога въ 90 в. ведетъ на **Ахалкалаки,** проходя рядъ селъ, населенныхъ духоборцами. Отъ **Ахалкалаки** на **Ахалцихъ**—горная дорога въ 60 в. (Изъ Ахалциха на Боржомъ).

Изъ **Александрополя въ Карсъ** почтовый трактъ 84¼ в. До станціи Аргино 19¼ в., здѣсь грандіозная руина. До Паргета 21¾ в., до Заима 17 в., до Меликъ-Коя 13¼, до Карса 13 в.

Карсъ. Городъ и крѣпость на высотѣ 6,173 футъ. (3,173 жителей).

Гостинница. С.-Петербургъ съ рестораномъ.

Достопримѣчательности: Крѣпость. Форты и громадныя лѣстницы въ 1,200 ступеней между фортами: Карадахомъ и Муклисомъ (ѣхать туда въ фаэтонѣ). Садъ «рай».

Дороги: Отъ Карса на **Кагызманъ** (на Араксѣ). 71 в., отъ Карса на **Саракамышъ** 52¾ версты; отъ Карса на **Ольты**—102 версты.

Жел. дорога: Тифлисъ—Карсъ (черезъ Александрополь).

г. Елизаветполь (177 в. отъ Тифлиса по ж. дор. 20,294 жит.).

Гостинницы: Европа. Комнаты отъ 60 коп., ресторанъ. Францiя, Италiя, Германiя. Меблиров. комнаты: Лондонъ.

Фаэтоны: На вокзалъ и съ вокзала въ городъ—60 коп., конецъ въ городѣ—20 коп., катанье за часъ—1 руб., на вокзалъ и обратно—1 р. 40 коп., въ Аджикентъ 4 или 5 руб., въ Елендорфъ и обратно 1 р. 40 коп. На Чолакскую дачу—50 коп., туда и обратно—1 руб., въ Изамшаде 1 р., и обратно 2 руб.

Достопримѣчательности: Майданъ. Мечеть. Платаны. Общественный садъ съ руиной. Армянскiй городъ съ соборомъ. Крѣпость. Мосты.

Аджикентъ въ 23 в. въ горной мѣстности. Дачное мѣсто.

Зурнабадъ на р. Ганжѣ и **Елендорфъ** въ 8 верстахъ, селенiе, потонувшее въ зелени садовъ,—всѣ три дачныя мѣста.

ст. Евлахъ (240 в. по жел. д. отъ Тифлиса, на б. Куры.

Большая почтовая станцiя. Ресторанъ на вокзалѣ. Лѣтомъ ужасные комары, слѣпни и мошки.

Почтовое сообщенiе на **Нуху.** Срочные дилижансы, кареты и др. экипажи, 73¼ в. три раза въ недѣлю въ 9 ч. отходятъ омнибусы и черезъ 8½ часовъ достигаютъ Нухи. Станцiи до Нухи: Халданъ, Чемахлы. Сучминская, Ипяглинская, Нуха. (См. Нуха). Цѣна 4 р. 15 коп. На **Шушу.** 104½ в. срочные дилижансы трижды въ недѣлю по средамъ, пятницамъ и воскр. въ 10 ч. утра. Переѣздъ въ 12 часовъ. Изъ Шуши отходятъ дилижансы по вторникамъ, четв. и субб. въ 8 часовъ. Внутри омнибуса 5 р. 85 коп., на козлахъ 3 р. 40 к. Станцiи до Шуши: **Барда** или **Бердавъ** въ 23-хъ верстахъ. Посмотрѣть старинную башню и мечеть. Качарлинская, Корвендская, Агдамъ, Ходжалинская, отъ нее на разстоянiи 23¼ в. подъемъ на горы къ Шушѣ.

г. Шуша (на выс. 5,076 футъ. 26,086 жит.).

Гостинницы: «Шуша» (плохая, на площади майдана), мебл. комн. Марди.

Верховыя лошади. За неимѣнiемъ извозчиковъ, только верхомъ во всѣ окрестности или на почтовыхъ.

Читальня и библiотека при клубѣ. Абонементъ въ годъ 5 р., въ мѣсяцъ 50 коп.

Достопримѣчательности: Виды. Новый Соборъ. Ханскiй домъ въ татарской части города. Мечеть.

Окрестности: Сарубекъ. Лисагорскъ. Шушу-Кентъ. Ханьтвенды.

Отъ **Шуши** на **Джебраиль** 85 в.

Отъ **Шуши** на **Гирюзи** (88 в.) До ст. Лисагорскъ $17^3/_4$ версты. Здѣсь зельтерская вода въ обильныхъ источникахъ. Потомъ до Дига 51 верста и до Гирюзи $19^1/_2$ в.

Отъ **Гирюзи** до пограничнаго г. **Ордубада,** 120 в. Вторая станція отъ Гирюзи знаменитый **Татевскій монастырь,** основанный Тер-Оханесомъ въ грандіозной мѣстности.

Ст. **Ляки** (264 в. отъ Тифлиса).

Срочные омнибусы до г. **Агдаша** (10 в.) по понед., сред. и пятницамъ, а обратно по вторн., четв. и субб. Внутри 60 коп., на козлахъ 30 коп.

Ст. **Уджары** (282 в. отъ Тифлиса).

Почтовое сообщеніе съ городкомъ **Геокчай** ($16^1/_2$ в.).

Ст. **Кюрдамиръ.** (326 в. отъ Тифлиса).

Почтовый путь на г. **Шемаху** $68^1/_2$ верстъ.

Отъ Кюрдамира до Ахсу $33^1/_2$, переѣздъ черезъ р. Ахсу.

г. Шемаха (23 т. жителей).

Достопримѣчательностей нѣтъ.

Гостинницъ и никакихъ другихъ пристанищъ нѣтъ.

Фаэтоны: За конецъ въ городѣ 15 коп. До Кюрдамира—8 рублей съ двухъ, и 10 руб. съ четырехъ человѣкъ. Въ имѣніе Мадрасы и назадъ 2 р. 50 коп. (7 верстъ).

Производство: Шемахинскіе шелка.

Ст. **Аджи-Кабулъ** (397 в. отъ Тифлиса).

Почтовая дорога на **Сальяны** (36 в.) и **Ленкорань** ($175^1/_2$ в.) Въ Сальянахъ: главныя ватага «Божій промыселъ» (27 в. въ сторону).

г. Ленкорань (133 мили отъ Баку. 5,618 жит.).

Пароходы: Общества «Кавказъ и Меркурій». Отъ Апрѣля до Октября дважды въ недѣлю; зимой—разъ въ недѣлю. Останавливаются вдали отъ берега, переѣздъ до города на киржимахъ (плата за этотъ проѣздъ въ пароходномъ билетѣ).

Фаэтоны: По городу 20 коп. за конецъ. На Марцо 2 руб., на минеральныя воды и обратно—5 руб., въ Вель—2 руб.

Достопримѣчательности: Талышская Ленкорань, съ базаромъ и ханскимъ дворцомъ. Городской садъ. Башни. Прогулки на Марцо, въ минер. воды, въ Вель.

Ленкоранскія Міанкунскія воды въ 12 верстахъ. Сѣрнощелочные, теплые источники въ $37^1/_2{}^0$ R. 4 ванны, очень примитивныхъ, подъ шалашами. Сезонъ съ 1-го Мая до Сентября. Къ 1-му Мая шоссе поправляютъ и является возможность ѣхать на почтовыхъ (около 4 руб.). или въ фаэтонѣ (5 руб.). Необходимо брать все съ собой, всѣ предметы главной необходимости, а также палатки, которыя разставляются на лугу.

Прогулка въ Астару на пароходѣ. Очень интересна персидская Астара. **Энзели** съ его дворцомъ - башней Шамсетъ-Эмаретъ, рыбными ватагами, апельсинами, рынкомъ и народными типами. Если время дозволяетъ можно проѣхать на персидскомъ паровомъ катерѣ до конца Энзелійской лагуны и посѣтить г. **Рештъ**.

По жел. дор. послѣдняя станція

г. Баку (515 в. отъ Тифлиса).

Жел. дорога. Ежедневно на Батумъ одинъ поѣздъ, проходящій Тифлисъ.

Пароходство. Трижды въ недѣлю: на Петровскъ и Астрахань. Пять разъ въ недѣлю пароходы въ Узунъ-Ада и Красноводскъ. Одинъ разъ въ недѣлю въ Ленкорань и персидскіе порты: Энзели, Мешедессеръ и Астрабадъ.

Гостинницы: Грандъ-Отель, въ Лалаевскомъ проѣздѣ (номера отъ 1 р. до 5 руб., съ рестораномъ). Европа, въ ту же цѣну, тоже съ рестораномъ, на Лалаевскомъ проѣздѣ, Метрополь на Парапетѣ (отъ 1 р. 50 к. до 10 р., съ ресторан.) Кавказъ противъ театра, Франція въ Торговой ул. (хорошая), Имперіяль, Версаль.

Рестораны. Во всѣхъ главныхъ гостинницахъ: Grand-Hôtel, Европа, Метрополь, Имперіяль, Кавказъ. Ресторанъ «Нордъ», Иверія, Ани (восточный ресторанъ подъ контрольной палатой на набережной). Въ общ. Михайловскомъ саду ресторанъ клуба лѣтомъ (по рекомендаціи).

Сады: Михайловскій на набережной, Цыціановскій съ обелискомъ въ память кн. Цыціанова, Маріинскій (Молоканскій) скверъ съ фонтаномъ.

Извозчики: Фаэтоны конецъ въ городѣ—20 к., на вокзалъ 30 к., отъ поѣздовъ въ городъ—50 коп., въ Черный городокъ до городской черты—50 коп., въ Черный городокъ до завода Нобеля—60 к., за часъ по городу—60 коп., на Баиловъ мысъ—40 к.,

въ Биби-Эйбатъ и обратно 2 руб., въ Волчьи ворота съ стоянкой 1/2 часа и обратно 3 руб.

Конно-жел. дор. Линія отъ вокзала до конца набережной (конецъ 5 коп.), другая—вокзалъ—Шемахинка, третья: Шемахинка—набережная. Паровая ж. д. въ Черный городокъ до Нобелевскаго завода отъ вокзала (10 коп. и 5 коп.).

Развлеченія. Театръ (скверное строеніе, труппы случайныя). Циркъ на Петровской площади. Лѣтомъ музыка по воскресеньямъ въ общ. Михайловскомъ саду. Нѣсколько клубовъ и собраній. (Балы, концерты).

Фотографіи. Виды Баку. Жоржа на Полицейской ул., Мишонъ на Торговой ул., Ростомянъ на Парапетѣ.

Биліотеки: Б. армянскаго человѣколюбиваго Общества. Б. г-жи Куткиной (Думская пл.).

Достопримѣчательности: Набережная съ Дѣвьей башней. Старый городъ (съ ханскимъ дворцомъ, мечетями, судилищемъ, крѣпостными стѣнами). Темные ряды. Морскіе огни у Баилова мыса. Баиловы камни. Опрѣснитель. Поѣздки въ Балаханы, въ Сураханэ, въ храмы вѣчныхъ огней. Нефтяные заводы и весь Черный городокъ. Биби-Эйбатъ и нефтяные фонтаны. Волчья долина съ ея сопками и временно потухшей вулканической дѣятельностью. Памятникъ Циціанову. Михайловскій садъ. Новый соборъ. Поѣздка на ст. Путу къ вулкану Локъ-Батанъ.

Жел. дор. на Балханы и Сураханы, а также и на ст. Путу. Ежедневно поѣзда. Предпочтительнѣе ѣзда въ фаэтонѣ. Линія на Петровскъ.

Купальни. Двѣ и обѣ находятся на набережной. Много бань русскихъ и восточныхъ.

Почтовая дорога на Кубу въ 156 1/2 в. Отъ Кубы до Дербента 80 1/2 в.

Дагестанъ.

г. Дербентъ. 14 т. жит., въ 143 в. отъ Темиръ-Ханъ-Шуры.

Достопримѣчательности: Домикъ Петра Великаго. Стѣны города. Крѣпость Нарынъ-Кале.

Пароходы на Баку и на Петровскъ.

г. Петровскъ.

Гостиницы: Европа съ хорошимъ ресторансмъ, противъ городскаго сада. Франція на берегу моря съ двумя галереями и рестораномъ.

Жел. дорога на Владикавказъ черезъ Бесланъ, откуда и на Ростовъ два поѣзда въ каждую сторону ежедневно. Линія на Баку.

Пароходы: на Астрахань, въ Узунъ-Ада (черезъ Баку, и однажды въ недѣлю) прямо на Узунъ-Ада и Красноводскъ (одни сутки), на Баку и Ленкорань и персидскій берегъ разъ въ недѣлю.

Фаэтоны. Конецъ въ городѣ—15 к., на пароходъ и вокзалъ, и отъ нихъ въ городъ къ гостинницѣ—30 коп.

Контора отправки почтовыхъ дилижансовъ и экипажей. (Вблизи г—цы «Европа»). Въ Темиръ-Ханъ-Шуру ежедневно въ 9 утра и 2 дня (проѣздъ въ теченіи 5 часовъ, разстояніе въ 40 верстъ. Цѣна: 2 руб., 1½ руб. и 80 коп.) Отдѣльныя коляски для одного пассажира за 4 руб., для двухъ—5 руб., для трехъ—6 руб. На почтовой станціи кромѣ общей отдаются комнаты по 30 коп.

Достопримѣчательности: Городской садъ (по воскресеньямъ—музыка). Дорога въ Т. Х. Шуру.

Почта и телеграфъ за городскимъ садомъ.

Проѣхавъ Алтыбуюнскій перевалъ, мѣняютъ лошадей на ст. Алтыбуюнъ въ 21¼ версты отъ Петровска и въ 22½ отъ Шуры.

г. Темиръ-Ханъ-Шура. (4 т. жит.).

Гостиницы: Кряневыхъ (по Аргутинской улицѣ), меблир. комнаты Луценко (тамъ-же).

Фаэтоны. Конецъ въ городѣ 20 коп., за 1 часъ катанья—1 р., за часъ съ остановками—60 коп.

Почтовое ссобщеніе. На Петровскъ—дилижансы, срочныя коляски и кареты ежедневно. Дилижансы 4 раза въ день. Почтовые экипажи до ауловъ Куфыръ и Кумукъ (4 в.), до Халимъ-Бекаци (5 в.), Муселина (5 в.), до Буглена (10 в.), Нижнія Казанищи (7 в.), Верхнія Казанищи (10 в.), Эрпели (12 в.), отсюда дорога на Гимры, Ишкарты (17 в.), Монасъ (8 в.), Дженгутай (18 в.), Катугай (18 в.), и др.

Достопримѣчательности: Памятникъ Аргутинскому. Общественный садъ. Памятникъ Апшеронцамъ. Розовая церковка. Соборъ. Бульваръ. Двѣ городскія башни. Поѣздка черезъ Эрпели въ Гимры.

Еще **почтовыя дороги:** на Грозный черезъ Хасафъ-Юртъ (198¼ в.), на Дербентъ (143½ в.) черезъ ст. Параулъ (22 в. отъ

Шуры), Карабудакентъ (16$^{3}/_{4}$ в.), Губденскую (16), Дешлагаръ (15), Джемкентъ (16 в.), Калинскую (15$^{1}/_{2}$ в.), въ Дербентъ (18$^{1}/_{4}$). Отъ Дербента на Кубу (80$^{1}/_{2}$ в.). Отъ Кубы на Ахты (84$^{1}/_{2}$ в.).

Фотографіи (виды Дагестана). Абуладзе, хорошіе альбомы видовъ (40 фотографій)—въ 20 р. и 10 руб. (20 фотогр.). Отдѣльные виды по 80 коп. и 60 к.

ДОРОГА НА ХОДЖАЛЪ-МАХИ И ВЪ НАГОРНЫЙ ДАГЕСТАНЪ.

До аула Дженгутай (18$^{3}/_{4}$ в.), на ст. Кизляръ (12 в.), Кизлярскій перевалъ и до аула Урма (съ его гротомъ)—14 в., до Левашей—13$^{1}/_{4}$ в., до Ходжалъ-Махи (15 в.).

Аулъ Ходжалъ-Махи. Изъ него: 1) почтовая дорога на аулы **Цудахаръ** въ 11$^{1}/_{2}$ в., и **Кази-Кумухъ**, откуда тропа на перевалъ и спускъ по Елисуйскому ущелью въ Кахетію въ городокъ Какхъ. Прекрасныя сукна во всѣхъ аулахъ. 2) Дорога на **Дешлагаръ** (15 в.), а оттуда на Дербентъ и 3) на ст. Салтинку черезъ Купинскій перевалъ къ Георгіевскому мосту (15 в.), а отсюда въ одну сторону на Гунибъ (25 в.), а черезъ мостъ на Карадахъ (23 в.) и далѣе на Веденъ.

Гунибъ.

Отъ Ходжалъ-Маховъ дорога проходитъ аулъ **Нижнія Купы** (тутъ Купинскіе ворота), Купинскій перевалъ и спускается къ Кара-Койсу съ Георгіевскимъ мостомъ.

Въ Гунибѣ ни гостинницъ, ни ресторановъ, ничего нѣтъ. Одна всеобщая лавка.

Достопримѣчательности: Дорога и подъемъ на Гунибъ. Аулъ Киндахъ. Видъ на Кегерскія горы (профиль муллы). Ворота Барятинскаго. Прогулка на верхній Гунибъ. Водопады. Профиль красавицы. Ворота Шамиля, бесѣдка Барятинскаго и березовая роща. Аулъ Шамиля. Маякъ въ 12 в. (верхомъ). Дивный видъ на горы Дагестана. Тунель. Прогулка въ аулъ Чохъ (верхомъ), въ Сланцеватыя ущелья (верхомъ). До Раздѣльскаго водопада (70 в,).

Отъ **Георгіевскаго моста** (и ст. Салтинки) начинается Царская дорога на **Карадахъ** (25 в.), страшный подъемъ. Осмотрѣть **Сланцеватыя ущелья** (верстахъ въ трехъ отъ дороги). Первое ущелье въ 80 саж. длины, 20 вышины, и 1—2 саж. ширины.

Карадахъ. Укрѣпленіе. Отсюда идетъ дорога въ Кахетію въ 187 в. длины. Въ 102 в. отъ Карадаха дорога поднимается на Кадорскій перевалъ (9292 ф. н. у. м.) и спускается къ селенію Шильды.

Хунзахъ. ($27^1/_2$ в. отъ Карадаха). Отсюда верховая прямая тропа въ Шуру въ 60 в., до Ботлиха 66 в. Отъ Хунзаха нѣтъ почтоваго сообщенія.

Достопримѣчательности: Водопадъ рѣки Токиты. Развалины ханскаго дворца. Укрѣпленіе.

Ботлихъ на Андійскомъ койсу. Отъ него до укрѣпленія **Веденъ** 67 в. черезъ Керкетскій перевалъ. Отъ Ведени почтов. сообшеніе на Грозный ($59^1/_4$ в.).

ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА ОТЪ ТИФЛИСА НА БАТУМЪ.

До Батума 327 верстъ. Два поѣзда ежедневно. Почтовый уходитъ вечеромъ и приходитъ въ Батумъ утромъ, пассажирскій уходитъ утромъ и приходитъ вечеромъ въ Батумъ.

Ст. **Авчалы.** Отсюда предпринимаютъ экскурсіи къ развалинамъ Зедазенскаго монастыря.

Ст. **Мцхетъ** (21 в. отъ Тифлиса). См. В.-Груз. дорога.

Ст. **Ксанка** (31 в.) Живописныя развалины замка. Въ 6 верстахъ (у вокзала взять лошадей) живописная **Мухранская** долина, полная виноградниковъ и орѣшинъ и красивая деревенька **Мухраны** въ 800 домовъ,

Ст. **Каспи** (46 в.) Поѣздка (10 в.) въ прекрасный монастырь **Самтависъ.**

г. Гори (71 в. отъ Тифлиса. 5,386 жителей).

Гостинницы сносныя, съ ресторанами.

Достопримѣчательности: Крѣпость Горисъ-Цихе. Церковь Богородицы. Армянскій соборъ. Темные ряды. Подъемъ на гору къ церкви св. Георгія и видъ оттуда. Поѣздки въ Уплисъ-Цихе, въ Атенское ущелье къ храму Сіона, на минеральныя воды.

Поѣздки по уговору съ фаэтонщиками, за конецъ въ городѣ 15 коп., за часъ 50 коп.

Горькія минеральныя воды въ 15 верстахъ отъ Гори. Фаэтоны по уговору. Около 3 руб. Источникъ съ щелочной-глауберовой водой въ 17,75° по Ц. Лечатся отъ полнокровія, застоя желчи, тучности и запоровъ.

Поѣздка въ Атенское ущелье, въ 8 верстахъ отъ Гори (въ фаэтонѣ или верхомъ). Осмотрѣть **Сіонскій храмъ** съ его фресками.

Поѣздка въ Уплисъ-Цихе, въ 8 верстахъ, ниже по Курѣ. Удивительный пещерный городъ. Верховыя лошади до селенія Уплисъ-Цихе и обратно по 2 руб. Въ селеніи взять проводника.

Поѣздки изъ Гори. До деревни **Урбниси** въ 12 в. (фаэтонъ и верхомъ). Старая церковь. До **Руиси**, селенія съ прелестной церковью. До станицы **Цхинквали** ежедневно ходятъ омнибусы, можно нанять фаэтонъ (39 верстъ). Изъ Цхинквали можно сдѣлать нѣсколько прелестныхъ прогулокъ: въ Никозію (въ фаэтонѣ), съ ея старыми церквами, въ Тиръ (верхомъ) и Саба-Цминда, съ ихъ часовнями и ледниками въ горахъ. До **Икорты** 22 версты. Прекрасная старинная церковь. До **Окхонскаго монастыря** (39 в.).

Ст. **Карели** (88 в. отъ Тифлиса). Прекрасныя развалины на вершинѣ горы.

Ст. Михайлово (113 в. отъ Тифлиса и 215 отъ Батума)

Хорошій ресторанъ на вокзалѣ.

Фаэтоны. До **Боржома** ($27^1/_2$ в.), за 5 руб. Восхитительная дорога одна изъ красивѣйшихъ на Кавказѣ, вдоль спускающейся изъ лощинъ горъ Малаго Кавказа—Куры. До **Сурама** 6 в. Развалины крѣпости. Здѣсь начинается Сурамскій перевалъ.

Жел. дороги: На **Боржомъ** 28 верстъ, боковая линія Закавказской жел. дороги, въ полтора часа. Нѣсколько поѣздовъ въ день. На **Сурамъ** (6 в.). Ежедневно по нѣсколько поѣздовъ.

Боржомъ и его минеральныя воды.

Жел. дор. до ст. Михайловской, связана съ кореспондирующими поѣздами на Тифлисъ и Батумъ.

Фаэтоны: Отъ вокзала до гостинницъ 50 коп., въ городѣ за конецъ 20 коп., на вокзалъ 40 коп., до воротъ Воронцова парка—30 к., до ресторана въ Воронц. паркѣ—40 к., за часъ—60 к., за часъ катанья—1 руб., въ имѣніе Вел. Князя—40 к.

Гостинницы: «Боржомъ» возлѣ Минер. водъ, Старо-Кавалерская, комнаты по 3 р. и 1 р. 50, съ очень хорошими ресторанами въ обѣихъ гостинницахъ. «Минер. воды», **Меблир. комн.** Марсель, Центральные номера у Ольгинскаго моста, Михайловскіе номера у воротъ Ремертовскаго парка. Масса дачъ, виллъ, комнатъ, сдаваемыхъ на мѣсяцъ и на сезонъ. Средняя цѣна комнатъ по 50 руб. въ мѣсяцъ. Дачи въ 300 р., 400 р. и дороже.

Парки. Минеральныхъ водъ, расположенъ въ ущельи Боржомки, самый живописный, полный чудныхъ прогулокъ. Здѣсь ежедневно играетъ въ Ротондѣ музыка. Здѣсь читальная, еженедѣльные балы для взрослыхъ и для дѣтей и хорошее зданіе

ваннъ. Оба источника: Екатерининскій и Евгеньевскій—соляно-желѣзистые (противъ золотухи, хроническихъ катарровъ, хроническихъ страданій почекъ, нервной слабости). Воды пьютъ дважды въ день. Ванны трехъ родовъ: или изъ воды температуры источника (30° по Ц.), или нагрѣтыя, или разбавленныя прѣсною водой. Въ Боржомѣ же пьютъ воду углекисло-желѣзисто-щелочнаго источника Цагверо, лежащаго въ 15 в. Ремертовскій паркъ, при сліяніи Куры и Боржомки, съ чудными видами на горы и долину Куры. Воронцовскій паркъ, на плоскогорьи, надъ Боржомомъ, между Боржомкой, Курой и Черной рѣчкой. Въ немъ ресторанъ. Дивный видъ на долину Ч. р. изъ Елизаветина глаза.

Сезонъ отъ 1-го Іюня по 10-е Сентября. Въ это время всѣ помѣщенія дорожаютъ. Каждый лечащійся обязанъ взять въ конторѣ водъ сезонный билетъ.

Почтовое сообщеніе. Ежедневно отходитъ почтовый фаэтонъ въ Абасъ-Туманъ, куда прибываетъ къ вечеру.

Поѣздки и прогулки. На той сторонѣ Куры паркъ и имѣніе В. Кн. Михаила Николаевича. (Надо получить въ конторѣ билетъ). Фаэтонъ туда 40 коп. Мѣстечко **Тба** въ 6 в. на Черной рѣчкѣ. Деревня **Даба,** съ монастыремъ и водопадомъ, по той же дорогѣ въ 11 верстахъ, въ 15 в. **Цагверо,** съ его минеральнымъ источникомъ, отсюда 3 в. до **Тимокубани** (монастыря св. Тимофея). Фаэтонъ отъ Боржома и обратно 7 руб. Поѣздка въ **Цхра-Цхаро** на альпійскую вышину, въ луга рододендроновъ, на высоту 8,800 футъ. Прогулка на два дня съ обязательной ночевкой въ казармѣ на перевалѣ, по моему, такъ интересна и удобна, дороги прекрасны, что особенно рекомендую. Фаэтонъ на два дня 10—15 руб. Вверхъ по Курѣ: фаэтонъ въ **Ликаны** (имѣніе В. К. Николая Михаиловича)—30 коп., до **Зеленаго Монастыря** и обратно—3 руб. (Одну версту надо пройти вдоль ручья до живописныхъ развалинъ по лѣсу). Къ **Табитскурскому** оз.—тоже 10 и 15 руб.

Ослики за 1 часъ—1 руб., за цѣлый день—5 руб.

ДОРОГА ДО АХАЛЦИХА И НА АБАСЪ-ТУМАНЪ.

Фаэтоны берутъ 20—25 руб. До Ахалциха отъ Боржома 46 в.

Ст. **Ацхуръ** (26 верстъ) прекрасныя развалины крѣпости и собора.

Г. **Ахалцихъ** (въ 46 верстахъ отъ Боржома).

Достопримѣчательности: Серебряныя издѣлія. Яблоки. Развалины крѣпости и новая крѣпость.

Фаэтоны. По городу конецъ 15 и 20, за часъ 60 коп.

Гостинницы: Лондонская. Сѣверные номера. Клубные номера. Центральныя номера противъ .городскаго сада. Всѣ гостинницы о. плохи.

Поѣздки. На **Абасъ-Туманъ** ежедневно отправляются омнибусы и фаэтоны (24 в.). Въ **Сафарскій монастырь**, съ его 12 руинами церквей, въ 7 верстахъ отъ Ахалциха. Полтора часа ѣзды верхомъ. **Уравельскія минеральныя воды** (17 в.). желѣзно-известковыя воды. Развалины 3-хъ монастырей **Зарзма** (надо ѣхать въ фаэтонѣ до Бенара, а оттуда верхомъ, всего 30 в.). До **Вардзіи** (40 в.). До Кэртвиса въ фаэтонѣ, а тамъ верхомъ. Пещерный городъ. До ущелія **Кумурдо** (10 в. дальше за Вардзіей). На **Ахалкалаки** нѣсколько дорогъ. Почтовый трактъ, въ 66 верстъ, идетъ дальше на Александрополь (94 в. отъ Ахалкалаки). Изъ Ахалкалакъ дороги идутъ на **Ардаганъ** (89 в.), а изъ Ардагана одна на **Батумъ** (162 в. отъ Ахалциха), другая къ Персидскимъ границамъ на **Ольты** (99 в.), третья на **Карсъ** (157 верстъ отъ Ахалциха).

Абасъ-Туманъ. (На вышинѣ 4176 ф.).

Великолѣпныя минеральныя воды, о. благоустроенныя д-ромъ Ремертомъ.

Гостинницы: Миракова (№ по 3 р., по 2 р., за постельное бѣлье отдѣльно), въ сезонъ отъ 15-го Іюня до Іюля, цѣны увеличиваются. Комната за мѣсяцъ 75 р. и 50 р., за сезонъ 200 руб. Обѣдъ въ 60 коп., мѣсячно обѣдъ—15 руб. О. хорошій ресторанъ. Минеральныя воды. Меблиров. комнаты Вейзе, у почты. Масса дачь и комнатъ во всѣхъ домахъ.

Рестораны: Въ ротондѣ, при г-цѣ Миракова, р. Гелазарова (въ поэтическомъ уголку лѣса, обѣды, завтраки, ужины), близь дворца.

Достопримѣчательности: Ремертовскій водопадъ въ паркѣ. Замокъ Тамары (дойти до кладбищенской церкви, перейти мостикъ черезъ рѣку и начнется «Георгіевская» дорога къ замку). Зданія ваннъ. Все положеніе мѣстечка. Ворота очарованья. Зекарскій перевалъ.

Фаэтоны. По мѣстечку 15 коп., до Воротъ Очарованья и обратно 2 руб., въ Кутаисъ черезъ Зекарскій перевалъ (92 в.), 25 руб., 30 и 40 руб. (въ сезонъ).

Ванны. Великолѣпныя зданія ваннъ со всѣми новѣйшими гидропатическими усовершенствованіями.

Минеральные источники. Богатырскій, Змѣиный и Золотушный, отъ 33° до 37° R. Зданіе ваннъ прекрасно устроено, съ европейскимъ комфортомъ, снабжено новѣйшими душами и приспособленіями. Есть читальня, помѣщающаяся въ красивой ро-

тондѣ, гдѣ публика ждетъ свой чередъ. Воды всѣхъ трехъ источниковъ—индифферентныя воды, помогающія отъ анеміи, разслабленныхъ нервовъ, женскихъ болѣзней. **Ванны:** изъ проточной воды—60 коп., изъ минер. воды—30, души и электр. ванны—1 р. 50. Въ отдѣленіи бѣдныхъ по 10 коп.

Почтовое сообщеніе: Ежедневные омнибусы въ Ахалцихъ (1 р. 75 коп. за мѣсто) и въ Боржомъ (4 р. 10 к. за мѣсто).

Фотографія. Виды Абастумана по 50 коп. у Капоянъ (вблизи гостинницы Миракова).

Телеграфъ на всѣхъ языкахъ.

Зекарскій перевалъ.

(92 в. до Кутаиса, за фаэтонъ 25 р. 30 или 40 руб., смотря по времени года и сезона). Восхитительная прогулка съ подъемомъ на **перевалъ въ 8 т. футъ** на 18-й верстѣ отъ Абасъ-Тумана. Спускъ въ долины Имеретіи. **Водопады и вѣчная зелень.** На 40-й в. **Коршевскія минеральныя воды.** Сѣрные ключи. Въ первобытномъ состояніи, но о. посѣщаемыя. **Термальная станція Зекаро-Абанова** около с. Керибетти. Б. село Багдадъ. **Аджаметскіе лѣса** на низинахъ, которые начинаются у **Богдада** въ 60 в. отъ А.-Тумана и въ 32 отъ Кутаиса.

За ст. **Михайловой** поѣздъ поднимается на Сурамскій перевалъ, проходитъ большой тунель и спускается по долинамъ къ

Ст. **Квирилы** (172 в. отъ Тифлиса).

Гостинница Франція.

Отъ Квирилы верховая дорога въ $101\frac{1}{2}$ версты ведетъ на селеніе Они и на Сатпкери (54 в.).

Ст. **Ріонъ** (200 в. отъ Тифлиса).

ВѢТВЬ Ж. ДОРОГИ НА ТКВИБУЛИ.

(49 в.). Въ 8-ми вер. отъ ст. Ріонъ.

Г. Кутаисъ (25648 жит.).

Гостинницы: Франція (комнаты по 3 р., 2 р., по 1 р. 50 к.), противъ нее: du Nord, Европа, Imperial, всѣ эти гост. съ ресторанами. Grand-Hôtel, Россія, Центральные номера (на базарѣ), Номера «Лондонъ» (тамъ-же).

Фаэтоны: За конецъ по городу 20 коп., къ Багратову храму и обратно—2 р., за часъ—60 к., кататься за 1 часъ 1 р. 20 к., за Ріонъ черезъ мостъ 25 коп., на вокзалъ 30 коп., на ферму Ріона—50 коп., туда и обратно 1 р., въ садъ Накашидзе—50 к., въ Гелатскій монастырь и Мотцаметти (4 лошади) туда и обратно—8—10 руб.

Достопримѣчательности: Развалины Багратова храма и остатки города Укимеріона. Развалины и остатки домовъ у водъ Ріона. Базаръ. Платанъ и арки во дворѣ гимназіи. Садъ Накашидзе. Ферма Ріона. Поѣздка и осмотръ Гелатскаго монастыря и м-ря Мотцаметти. Гротъ Язона. Поѣздка въ Тквибульскія копи по жел. дорогѣ.

Дальнія поѣздки. 1) Въ **Латалъ-Бечо,** (203 в., въ горы, къ истокамъ Ингура и Ценисъ-Цхали). Интересная страна Сванетія и любопытны сванетскіе аулы. 2) Въ **Мури,** черезъ городокъ **Хони** (до котораго 27 в. почтоваго тракту). До Мури 82 в. колесная дорога. Оттуда на вершины **Лагети** только ворхомъ. Лагети послѣднее селеніе Сванетіи. 3) До **Бетчо** (179½ в., только верхомъ). 4) До **Они** черезъ Тквибули, Никорсминду (съ епископальной церковью XI вѣка). Оттуда черезъ Сори въ Они (см. В. Осетинская дорога). 5) **Зекарскій перевалъ** (92 в.) въ Абасъ-Туманъ.

Гелатскій монастырь. (10 в. отъ Кутаиса). Фаэтонъ 8—10 р., верховая лошадь съ проводникомъ 3 руб. Соборъ Богородицы. (Фрески. Рисунки царей по стѣнамъ. Въ иконостасѣ: два рѣдкихъ образа Спасителя. Хахульская Б. Матерь, Гелатская Б. М., Ацхурская Б. М.), ризница, ц. св. Георгія, видъ съ галереи у старой трапезы на долину Красной рѣчки. Могила Давида и желѣзныя ворота изъ Дербента. М. **Мотцаметти** заслуживаетъ посѣщенія, а также и **гротъ Язона.**

Поѣздка въ Твибули. Ежедневно рабочіе и товарные поѣзда. По средамъ спеціальный поѣздъ для публики въ 7 ч. утра. Поѣздъ приходитъ обратно въ Кутаисъ поздно вечеромъ.

Развлеченія: Театръ. Концерты и танцы имеретинскихъ пѣвицъ.

ВОЕННО-ОСЕТИНСКАЯ ДОРОГА.

Отъ Кутаиса 220 верстъ до ст. Даръ-гохъ и тамъ жел. д. на Владикавказъ. До Они почтовая шоссейная дорога. Отъ почтовой станціи въ Кутаисѣ ежедневно отправляются по утрамъ почтов. линейки до ст. Тола на разстояніи 67 в. Почтовыхъ лошадей на всѣхъ станціяхъ очень мало и приходится по долгу ждать очереди. Дорога идетъ вдоль Ріона до самаго Они. Фаэтоны берутъ до Они (110 в.) 20—25 руб., до Уцеры 30 руб., Ст. **Намохвани** 20 в. За этой ст. три замѣчательные водопада. Ст. **Меквенъ,** до нее 14 в., 17 в. до **Алпана.** Узкія ущелья Ріона, руины замка, противъ Алпана с. Зогиши съ 13-ю мельницами на падающемъ въ пропасть ручьѣ. Подъемъ къ **Саирмэ.** Дивная верхняя долина Ріона. Ст. **Толъ.** О. живописная дорога до **Они** отъ послѣдней ст. **Цези).**

Они. Селеніе въ высокой горной мѣстности.

Почтовое сообщеніе: съ Кутаисомъ (110 в.), съ Уцерой (минер. в.), 12 в., и до Глольскаго поста (19 в. отъ Они за 1 р. 60 коп.).

Необходимо въ Кутаисѣ запастись пропускными билетами у мѣстнаго начальства, иначе не перебраться черезъ горы.

Минеральныя воды Уцеры.

Селеніе лежитъ совсѣмъ въ горной долинѣ Ріона и лѣтомъ бываетъ посѣщаемо массой больныхъ.

Гостинница Курдезіани (бываетъ открыта только лѣтомъ). Комнаты по 1 р. и по 2 р. въ день, въ мѣсяцъ около 50—60 р.

Ресторанъ тамъ-же.

Зданіе ваннъ вблизи гостинницы, ихъ питаетъ желѣзно-известковый нижній ключъ въ 11, 26°. Второй верхній ключъ противъ Уцеръ въ горахъ. Его воду пьютъ отъ водянки, нервныхъ страданій, хлороза.

Достопримѣчательности. Колоссальныя старыя липы около церкви и развалины замка на Ріонѣ, около 2-хъ в. выше.

Глоля. Деревня съ руинами крѣпости. Здѣсь можно получить арбу и верховыхъ лошадей, чтобы перебраться черезъ Мамисонскій перевалъ и доѣхать до аула Тиба. Цѣна по уговору около 5 руб. съ проводникомъ.

Около Глоли находится источникъ минеральной воды (щелочно-углекислая вода).

Отъ Глоли до источниковъ Ріона и до деревни Геды, 15 верстъ. Ихъ можно проѣхать только верхомъ.

При подъемѣ на перевалъ проѣзжаютъ деревни: Чіозу и Гурчави, расположенную высоко надъ 1-й казармой для ночлега путниковъ. Еще выше 2-я казарма около снѣжныхъ зубьевъ перевала. Тутъ живутъ сторожа. Можно получить самоваръ и примитивный ночлегъ на нарахъ. По ночамъ всюду въ домѣ морозъ.

Мамиссоновъ перевалъ. 9400 ф. надъ уровнемъ моря. Въ Августѣ, а иногда въ концѣ Іюля исправляютъ испорченную льдами, снѣгами и водой и очень опасную дорогу черезъ Мамиссонъ и тогда здѣсь можетъ проѣхать и арба и фаэтонъ, а въ остальное время приходится по снѣгамъ или ѣхать верхомъ, или идти пѣшкомъ, чтобы не провалиться въ набитыя снѣгомъ трещины и не оборваться съ крутиковъ.

Осетія. Рядъ нагорныхъ ауловъ (Кисатъ, Тли, Тибъ, въ 40 в. отъ верхней казармы, Зромагъ). Ущелье рѣки Ардона, его водопады. Касаринскіе пороги.

Урочище св. Николая («Цвали-фазъ»). Климатическая станція (44 в. до Алагира) отсюда дорога на **Цейскій ледникъ** (15 в.), его ледопады, и къ старой часовнѣ, полной древняго оружія.

Аулъ Нузалъ. Пещерныя жилища въ скалѣ надъ Ардономъ. Старинная курьезная церковь. Кладбище.

Казарма въ $3^{1}/_{2}$ в. отъ Нузала, еще ниже 2 в. дорога на **Садонскій серебряный рудникъ** (4 в. въ сторону), на высотѣ 4200 футъ.

Аулъ Мизуръ на недосягаемой высотѣ.

Почт. ст. **Гулакъ.** Здѣсь можно достать лошадей до Алагира, а также ѣдущимъ въ Осетію отсюда можно ѣхать на почтовыхъ въ Садонъ, Нузалъ и въ урочище св. Николая.

Аулъ Бизъ.

Аулъ Нижній Уналъ. (12 в. отъ Алагира).

Минер. воды въ долинѣ Ардона: на 48-й в. отъ Алагира желѣзистыя-углекислыя воды Суарскаго источника (9^{0} Ц.). Около аула Мизура богатый сѣрный источникъ впадаетъ въ Ардонъ. При выходѣ Ардона на низину—другой сѣрнистый источникъ.

Алагиръ.

Въ 20 в. отъ Н. Унала, въ 27 отъ Дар-гоха, жел. д. станціи, до аула Ардона 17 в.

Серебряный рудникъ.

Почтовое сообщеніе: на ст. Гулакъ (20 в. за 2 руб.), на ж. д. ст. Даргохъ 27 в.—3 руб., до Ардона 1 р. 50—17 в. оттуда на Владикавказъ.

Достопримѣчательности: Зданія рудниковъ ввидѣ крѣпости и соборъ съ удивительной стѣной вокругъ соборнаго сада.

Ст. **Самтреди** въ 29 в. отъ ст. Ріона, въ 37 в. отъ Кутаиса, и въ 239 в. отъ Тифлиса.

Главная ж. д. вѣтвь идетъ на Батумъ, а здѣсь отдѣляется вѣтвь на **Поти.**

Почтовое сообщеніе въ селеніе **Кони** (въ 18 в.), омнибусы и фаэтоны. Изъ Кони въ Кутаисъ (27 в.). Въ Кони церковь XI вѣка. Омнибусы и почт. с. съ Зугдиди (42 в.). Внутри омнибуса 2 р. 20, на козлахъ 1 р. 10 к.

Ж.-Д. ЛИНІЯ НА ПОТИ.

Ст. **Ново-Сенаки.**

Дорога и почтов. сообщеніе черезъ Хеты съ **Зугдиди** (42 в.) съ **Николакеви** (18 в.) съ его развалинами, съ **Мартвили** (35 в.).,

С. **Мартвили.** Соборъ X вѣка, съ колокольней, съ которой дивный видъ. Старая священная липа. Отсюда прямая почтов. дорога въ селеніе Кони, (12 в.), изъ котораго до Кутаиса (27 в.) почтов. трактъ. Изъ Мартвили прямой путь на Зугдиди по грунтовой дорогѣ (55 в.).

Г. **Зугдиди** (2500 жит.).

Гостинницы: Ново-Сенаки, Итальянскіе номера, Иберія.

Омнибусы ежедневно въ 2 ч. пополудни отходятъ изъ Зугдиди и въ Ново-Сенаки приходятъ въ 7 вечера. Почтов. дорога черезъ Илори и Очемчири идетъ на **Сухумъ** ($154^1/_4$ в.). Со второй станціи Окумъ ($33^1/_2$ в.), отъ Зугдиди, въ 10 в. лежатъ развалины церкви **Бедіа,** построенной Багратомъ въ X вѣкѣ. Отъ ст. Дагамикъ отходитъ дорога на **Мокви** (18 в.), гдѣ церковь X вѣка, построенная Львомъ III, королемъ Абхазіи. Отдѣльная дорога изъ Зугдиди на Анаклію (29 в.), почтовый трактъ. Дорога на сѣверъ изъ Зугдиди въ Джвари (29 в.).

Г. **Поти.**

Гостинницы: Кавказъ, Колхида и Франція.

Достопримѣчательности: Городской садъ и садъ Ресслера. Развалины турецкой крѣпости. Набережная. Озеро Палеостомъ.

ЖЕЛ.-ДОРОЖНАЯ ВѢТВЬ НА БАТУМЪ ОТЪ СТ. САМТРЕДИ (99 в.).

Ст. **Самтреди.** Въ продолженіи лѣта ежедневно омнибусы въ 7 часовъ утра отправляются въ Озургетъ и приходятъ туда въ 2 часа дня (51 в.).

Ст. **Санджевахо** (9 в. отъ Самтреди). Почтов. дорога на Озургетъ (42 в.).

Ст. **Нотанеби** (62 в. отъ Самтреди, 37 в. отъ Батума). До Озургетъ 18 в., срочный омнибусъ проѣзжаетъ въ 2 часа. Мѣсто внутри 90 коп., на козлахъ 45 коп.

Г. **Озургетъ.**

Главный городъ Гуріи.

Почтов. дороги. Въ 7 верстахъ **церковь Ликаури,** по той-

же дорогѣ еще на разстояніи 7 в. (верхомъ) **ц. Аджи.** Въ 5 в. отъ городка монастырь Чемокмеди. За Нотанеби, въ 15 в. отъ Озургета, церковь **Джумати,** почтов. дорога на **Ахалцихъ,** а черезъ него на **Ахалкалаки, Ардаганъ** и **Карсъ.**

Ст. и г. **Батумъ** (327 в. отъ Тифлиса).

Гостинницы: Франція, Европа, Центральная, Имперіаль, Берлинъ.

Меблиров. комнаты: Тифлисъ. Европейскія, Самсунъ, Центральные номера, Nord, всѣ по Кутаисской улицѣ.

Рестораны: Во всѣхъ главныхъ гостинницахъ, при меблир. к. «Тифлисъ».

Фаэтоны. Въ городѣ конецъ—25 к., до вокзала 40 к., за часъ 70 к., въ Ботаническій садъ 30 к., въ Артиллерійскій городокъ—60 к.

Дрожки. Конецъ въ городѣ—15, на вокзалъ 20, за часъ 35, въ Артел. городокъ 30 коп.

Желѣзн. дорога. На Тифлисъ и Баку.

Пароходы.

Крымско-Кавказское пароходство. Пароходы устроены великолѣпно, прекрасные обѣды, удобства—не оставляютъ желать ничего лучшаго. Круговые п.: по субботамъ, вторникамъ и понедѣльникамъ поздно ночью. Ускоренный рейсъ прямо въ Новороссійскъ, въ Ялту, въ Севастополь, Одессу—разъ въ недѣлю по воскресеньямъ. По четвергамъ прямой рейсъ на Новороссійскъ и по всѣмъ Крымскимъ пристанямъ. Товаро-пасс. пароходъ по вторникамъ. **Линія Анатолійская** по понед. отходятъ изъ Батума, идутъ черезъ Требизондъ, Орду, Самсунъ, Синопъ, Инеболи, Константинополь въ Одессу.

Достопримѣчательности. Приморскій бульваръ. Ботаническій садъ. Базаръ. Двѣ старыя мечети. Поѣздка въ Артвинъ и возвращеніе въ каюкъ (70 в. въ каждую сторону).

Фотографія Георги (виды Батума, Поти, Артвина, Сухума), Егоровой (на Маріинскомъ пр-тѣ, близь русской церкви).

Почтовыя дороги. Въ Артвинъ (70 в.), далѣе идетъ вьючная тропа на Арнадучъ (53 в.), изъ Арнадуча въ **Ардаганъ** (67 в. верхомъ), изъ Ардагана въ **Ахалцихъ** (89 в.), изъ Ардагана въ **Ольти** (95$^1/_2$ в.). Изъ Батума въ Кулю, высокую Аджарію (80 в.).

Кофейныя турецкія и греческія повсюду на набережной.

Иностранныя пароходныя К°. Австрійскій Ллойдъ, Messageries maritimes françaises. Compagnie Paquet: пароходы ходятъ между Батумомъ и Марселемъ. Греческое пароходство. Всѣ эти пароходы еженедѣльно разъ уходятъ изъ Батума и всѣ идутъ черезъ Константинополь заграницу, а греческіе разъ въ двѣ недѣли.

КРУГОВАЯ ЛИНІЯ НА НОВОРОССІЙСКЪ И ОДЕССУ ВДОЛЬ КАВКАЗСКАГО БЕРЕГА.

Поти (см. выше).

Пароходъ подходитъ къ дамбѣ. Отъ порта до города болѣе двухъ верстъ. Фаэтоны по 1 руб., линейки по 60 к.

Очемчири. Поселокъ, остающійся на берегу.

Г. Сухумъ (2523 жит.).

Гостинницы. Центральная и Франція (комнаты по 1 р. и по 2 р. за день, за мѣсяцъ—20 руб.). **Рестораны:** à la carte. Порціи кушаній по 20 коп. и 40 коп.

Меблированныя комнаты съ полнымъ пансіономъ по 35, 40 и 50 руб. въ мѣсяцъ. Комнаты на дачахъ въ туже цѣну.

Извозчики (линейки). Конецъ въ городѣ—10 коп., за часъ 30 коп., въ ближайшія дачи—25 коп., въ садъ Великаго Князя—40 коп., туда и обратно 1 руб., въ Дранды (монастырь)—2 руб., на Новый Аѳонъ—3 р. 50 к. и обратно 5 р. или 6 руб.

Сады: Воронцовскій городской и Ботаническій садъ. Скверы передъ соборомъ. Садикъ на набережной у городской пристани изъ экзотическихъ деревьевъ. Ноевы плантаціи на Приморскомъ шоссе. Садъ Великаго Князя Александра Михаиловича, бывшій Введенскаго. Сады на всѣхъ дачахъ. Бульвары павлоній, эквалиптовъ, южныхъ акацій.

Достопримѣчательности: Удивительная южная растительность, пышная и экзотическая. Развалины турецкой крѣпости. Набережная и пристань. Поѣздки: въ Драндскій монастырь (18 в.), въ Новый Афонъ (25 в.) и въ Гунайскую долину, съ ея гротами.

Немного южнѣе Сухума открывается Кадорская долина, по которой поднимается дорога къ долинѣ р. Тебердѣ, черезъ Клухорскій перевалъ и у подножій Эльбруса, пройдя къ с. Учькуланъ и Баталпашинскъ, подходитъ къ Невинномыской ж.-дорожной станціи.

Ново-Афонскій монастырь.

Пароходы останавливаются вдали отъ берега. Монахи выѣзжаютъ на своихъ лодкахъ на встрѣчу прибывшимъ.

Гостинница при монастырѣ. Монастырскія кельи, школа абхазскихъ мальчиковъ, ц. Покрова, трапезы. Еще выше новыя церкви, храмы и кельи. **Ц. Симона Канонита** въ 1-й верстѣ по шоссе, засаженному кипарисами. Фреска на скалѣ. Фонтанъ.

Орѣшина. Водопадъ р. Псыртсхи. Монастырское хозяйство. Прогулка на горы къ развалинамъ замка Трахеи. Пещеры Симона Канонита въ ущельи. По воскресеньямъ и праздникамъ здѣсь служатъ чинъ панагіи во время трапезы.

Поѣздка въ **Пицунду** не всегда возможна изъ за моря. Всѣ 40 верстъ надо ѣхать въ баркасѣ. Интересенъ храмъ VI вѣка, выстроенный Юстиніаномъ и теперь возстановленный.

Гудаутъ (7 миль отъ Нов. Аѳона).

Гагра. Гагринское ущелье отдѣляетъ Кутаисск. губ. отъ Кубанской области.

Мысъ Адлеръ (37 миль).

Сочи (15 миль отъ Адлера). Цвѣтущее мѣстечко, куда съѣзжаются больные жить и купаться въ морѣ. Здѣсь-же лечатся виноградомъ.

Гостинница Фронштейнъ (за комнату посуточно по 1 руб., помѣсячно 15 руб.). Много сдается комнатъ у мѣстныхъ учителей. Великолѣпный виноградъ и винодѣліе. Чайныя насажденія.

Туапсе (43 мили отъ Сочи).

Тоже купальное и климатическое мѣсто. Гостинница Джіованни. Также сдаются домики поселянъ. Все покрыто виноградомъ. Всѣ имѣнія въ виноградникахъ.

Джубги (20 миль отъ Туапсе). Красивое селеніе, купальное мѣсто.

Г. **Новороссійскъ** (см. въ началѣ).

МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ КАВКАЗА.

Очень многія воды Кавказа превосходятъ даже прославленные заграничные источники (Нарзанъ, Эссентуки № 17), очень многія не уступаютъ по своей силѣ и дѣйствію на организмъ такимъ водамъ какъ Виши, Ахенъ, Спа, Люшонъ, Креуцнахъ, Киссингенъ, Швальбахъ, Маріенбадъ, Ахенъ, Браталь и др. Въ очень многихъ мѣстахъ Кавказа (Абасъ-Туманъ, Желѣзноводскъ. Эссентуки, Боржомъ) устроены хорошія ванныя зданія, отвѣчающія европейскимъ требованіямъ, но все уже условія жизни таковы, что парализуютъ леченіе. Нѣтъ никакихъ удобствъ. нѣтъ никакого комфорта, развлеченій, порой нельзя достать самаго необходимаго и приходится вести съ собой подушки, постельное бѣлье, посуду и са-

моваръ. Большею частью всѣ воды въ самомъ дикомъ и первобытномъ состоянiи. Ванны выкопаны въ землѣ и выложены камнемъ, окружены заборчикомъ или шалашикомъ. Будь наши всѣ минеральныя группы благоустроены, какiя бы тысячи лечащихся поѣхали отовсюду, когда теперь на всѣ эти воды, не смотря на ихъ отдаленность, неустройство и прямо невозможныя условiя жизни, ежегодно лѣтомъ съѣзжаются тысячи и тысячи людей, жаждущихъ спасенiя и здоровья.

1) Химически-индиферентныя.

Ревматизмъ, ломота, женскiя болѣзни, худосочiе, золотуха, анемiя, нервныя болѣзни, кишечные катарры.

Абасъ-Туманскiя. 3 источника. Прекрасныя зданiя ваннъ. Дорогiя, но благоустроенныя воды 3500 ф. н. у. м., 100 в. отъ ст. Михайлова, по Закавк. ж. дорогѣ.

Варцихскiя воды. Въ Кутаисской губ., около Варциха.

Кальваджарскiя. Въ Закавказьѣ.

Отингофскiя. Батумская обл.

Рутиль-Годосскiя. Дагестанъ. 35°.

Тертерскiя. У оз. Гокчи. 43,7° Ц.

2) Щелочныя воды.

а) чисто-углекислыя воды.

Катарры желудка, кишекъ и мочеваго пузыря, камни, хроническiй ревматизмъ, нервные параличи, невралгiя. Половыя страданiя. Накожныя болѣзни.

Джамурскiя. 27,5° Ц. въ Горiйскомъ уѣздѣ.

Дюгунскiй, 18,75°, въ 20 верстахъ отъ Эривани.

Зорскiй, 15° Ц., верстахъ въ 50 отъ Идгиря у подножiй Арарата, въ Эриванской губ.

Имирлинскiй, 11,25°. Около Эчмiадзина.

Инджиръ-Су, Ленкоранскiй уѣздъ.

Св. Iоанна, Эривань, въ 3-хъ верстахъ отъ села Кулькъ. 15° Ц.

Казикопаранскiй, Эрив. губ., Сурмалинскiй уѣздъ.

Кармазанскiя воды, Терская обл., близь Михайловскихъ водъ, 46,25° Ц.

Нарзанъ въ **Кисловодскѣ.** 13,75° Ц. Въ группѣ минер. водъ. Самая благоустроенная и парадная изъ всѣхъ.

Кобинскiе источники. Терская обл. близь ст. Коби.

Колачинскiй. 13,75° Ц. Эрив. губ., Сурмалинскiй уѣздъ.

Синакскiе. С. Идгирь, 75 верстъ отъ Эривани. 13,75°—37,5° Ц.

Уцеры. На верховьяхъ Ріона. Въ 10 в. отъ селенія Они, почтовое сообщеніе. Ванны и воды. 2 ключа. Рачинскій уѣздъ. 19° по R. Сдаются домики, комнаты и есть гостинница.

Хомскіе. 16,25°. Ахалцихскій уѣздъ.

---

b) УГЛЕКИСЛЫЯ ЩЕЛОЧНЫЯ ВОДЫ.

Хроническіе катарры желудка и кишекъ, застои крови въ печени и брюшной полости, желчные камни, катарры легкихъ и бугорчатка, катарры половыхъ органовъ, камни, золотуха.

Айгриджакскія. Въ 40 в. отъ Ново-Баязета.

Алпанскіе. Лечхумскаго уѣзда, въ 60-ти версахъ отъ Кутаиса.

Арзни, въ 20 верстахъ отъ Эривани.

Безобдальскій источникъ. Эрив. губ., въ 9 верстахъ отъ ст. Б. Караклисъ.

Гамзачеманскій. 17.5° Ц. Въ 14 в. отъ Делижана по тракту на Александрополь.

Глольскій. 11,25° Ц. Отъ Они въ 20 верстахъ. Отъ Глоли въ 1 верстѣ.

Дарачичагскій. Около урочища Дарачичагъ, въ 50 в. отъ Ново-Баязета.

Елисуйско-Нухинскій, 37,5°. Въ Кахетіи, въ ущельи Елису, за источникомъ Кахъ. Громадное стеченіе больныхъ въ сезонѣ.

Цхалтубскій. Въ 12 в. отъ Кутаиса.

Чакіялись-Абано въ 20 в. отъ Кутаиса. Въ 30° Ц.

---

c) ЩЕЛОЧНО-СОЛЯНЫЯ ВОДЫ.

Катарры кишечнаго канала, дыхательныхъ и половыхъ органовъ, пнеумонія, золотуха.

Боржомскіе источники. 22,5—30°. Въ ущельи р. Боржомки. Ж. дорожная станція боковой вѣтви отъ ст. Михайловской Закавказской дороги. Большое благоустройство. Хорошія ванны, гостинницы. Въ сезонѣ, съ 1-го Іюня—10 Сент., о. дорого.

Эссентуки. № 17—11,8°, № 18—11,8° и № 6—13°—третья группа кавказскихъ минер. водъ. О. неустроенная, неудобная и страшно дорогая. Одна Кавалерская г-ца, доступная богачамъ.

Кармаданскіе, 35°—45°, близь Михайловскихъ сѣрныхъ водъ въ Терской области.

Кунахкентскія, 48,75° въ Бакинской губ.

Михайловскія воды, 28°. Терская обл., въ 60 в. отъ Владикавказа. О. посѣщаемыя больными.

Саджевахскія в. Близь ж. д. станціи въ Кутаисской губ., въ 10 в. отъ Орпири.

Слѣпцовскія в. Терская обл., 1/2 в. отъ Михайловск. водъ.
Халтанскія, 46,2°—48,1°. Около Шемахи. Въ 60 верстахъ.

d) Щелочно-глауберовыя воды.

Запоры, полнокровіе, застои желчи, пороки сердца, тучность.
Горійскій, 17,75° Ц. Въ 16 в. отъ Гори.
Эссентуки. № 4—9° Ц., №№ 20, 21—11,75° Ц. Третья группа кавказск. минер. водъ.

3) Горькія воды.

Тучность, запоры, общее полнокровіе и приливы, геморрой.
Ахалцихскій, 17,75°. Близь Ахалциха въ 17 верстахъ.
Терезіи-Маргариты. Терская обл., близь Пятигорска.

4) Соляныя воды.

Катарры зѣва, глотки, желудка и кишекъ, гортани и бронховъ, тучность, ломота, золотуха, хлорозъ и анемія.
Баба-Синакскія въ 20 в. отъ Сальянъ (Бак. г.).
Давалинскій ист. Въ 45 в. отъ Эривани.
Зромахскій въ Терской области.
Пескупскій, холодный, въ Кубанской области, въ 53 в. отъ Екатеринодара, ст. Ключевая.

Золотуха и англ. болѣзнь, хроническіе выпоты ж. полов. органовъ, груди, живота, подагра, хронич. сыпи, неврозы и анемія.
Петровскіе ист. Дагестанъ. Купанье въ соляныхъ и сѣрнистыхъ грязяхъ. Источники 30 и 37° Ц. Большой наплывъ публики. Воды на берегу Каспійскаго моря. Вблизи Петровска.
Тамбуканъ оз. около Пятигорска, въ 10 в.
Темрюкъ. Сообщеніе съ Екатеринодаромъ на пароходѣ по Кубани. Соленыя и нефтяныя грязи.
Царскіе колодцы. Кахетія. Отъ Тифлиса 100 верстъ, въ Сигнахскомъ уѣздѣ.
Ясамальскіе около Баку въ 2-хъ, 3-хъ верстахъ, у ст. Волчьи ворота, въ Ясамальской долинѣ.
Сальяны. Въ Бак. губ. Соляно-щелочныя грязи.
Каякентское соляное озеро Аджи, въ Дагестанѣ, около Дербента.
Баталпашинское соляное оз. въ 15 в. отъ г. Баталпашинска. Отъ Невинномыской ст. до г. 50 в.

5) Сѣрныя и сѣрнистыя воды.

а) горячія и теплыя.

Хронич. ревматизмы, ревмат. неврозы, хронич. отравленіе ртутью, хронич. воспаленіе матки, неправильности мѣсячныхъ, сифилисъ, золотуха, подагра, хрон. сыпи.

Апшеронскій, 24,5° Ц. На Апшеронск. полуостровѣ.

Атлыбуюнскія, 22,5° Ц. Дагестанъ, въ 25-ти верстахъ отъ Петровска.

Ахталинскія, 22,5°—25°. Тифл. губ. Близь Ахтальскихъ заводовъ въ 80 верстахъ.

Ахтинскіе, 48,8°—53,8° R. Дагестанъ. 150 в. отъ Дербента, въ 5 в. отъ Ахты.

Брагунскіе ключи (Теплицы св. Петра) 70 и 73° по R. Около Грознаго въ Терской области, въ 6 в. отъ с. Брагуны. Прекрасное леченье противъ ломоты и наружныхъ болѣзней.

Бумскій. Елизавет. губ., въ 80 в. отъ г. Нухи. 37,5°.

Гильярскій. Дагестанъ, у р. Самура.

Горячеводскіе источники (Теплицы св. Екатерины) отъ 23°—80°. Ихъ зовутъ «Старо-Юртовскія воды». Лѣтомъ бываетъ открыта больница. У многочисленныхъ ключей устроены ванныя. Въ 18¾ в. отъ Грознаго, въ ½ в. отъ Горячеводска, большой станицѣ, гдѣ живутъ больные.

Двалишвильскій. Кутаисская г., близь д. Сабека.

Зекарскій (Коршевскія воды) 36,25° по Ц. На 40 верстѣ отъ Кутаиса по тракту духанъ, отъ него 2 в. въ сторону до минер. водъ. Пользуются громадной популярностью во всѣхъ окрестностяхъ. Для больныхъ нѣтъ не только удобствъ, но какихъ бы-то ни было приспособленій.

Ибадѣевскія (Міанкупскія) 42,5°—50° Ц. Въ 12 в. отъ Ленкорани въ Талышскихъ горахъ. Въ примитивномъ состояніи.

Каракайтахскія (Каякентъ) горячія воды въ 45 верстахъ отъ Дербента, 32° R. Тутъ соляно-нефтяныя грязи и соляное озеро Аджи. Бываетъ до 4 т. лечащихся. Живутъ въ шалашахъ, палаткахъ, юртахъ.

Истисуйскія в. (Исти-Су). Село въ 48 в. отъ Грознаго, воды въ 5 в. отъ села. Нѣсколько источниковъ въ 65° по R, образуютъ горячую рѣку Исти-Су.

Кумогорскія въ 21 и 30° по Ц. Терская обл., въ 5 в. отъ Ростовско-Влад. ж. д.

Мамакай-Юртовскія воды **(Теплицы св. Павла)** въ 18 в. отъ Грознаго. Сѣрно-щелочные источники съ нефтью въ 59,7° по R.

Міатлинскія 38—68,1° по Ц. Дагестанъ, 3 в. отъ Чиръ-Юрта.

Нунисскій 31,25° по Ц. Кутаис. г. Около Шаропани.

Петровскіе ист. Дагестанъ, 31,37° по Ц. Въ 2 в. отъ Петровска.
Псекупскія сѣрнисто-щелочн. воды въ 30—52° по Ц. въ 53 в. отъ Екатеринодара въ поселкѣ: «Горячій ключъ».
Пятигорскіе ист., 27°—51,2°. Вторая группа кавк. минер. водъ. Масса неудобствъ. Ванны оставляютъ желать многаго. Дороговизна ужасная.
Рычальскія. Дагестанъ. Въ 2 в. отъ с. Цналъ, на р. Рыцалъ.
Талгинскія. Дагест. 30 в. отъ Т. Х. Шуры. 17,5°—37° по Ц.
Темиръ-Гоевскія, Дагестанъ. 45° по Ц.
Тилигинтаусскій ключъ. Дагестанъ. 37,5°.
Тифлисскія сѣрныя воды. Великолѣпныя восточныя бани выстроены надъ этими ключами въ 47° по Ц. или 37° по R.
Чаганскій въ 15 в. отъ Шемахи.
Сочи (Духовскій посадъ). Сѣрнисто-щелочный источникъ.
Слѣпцовскія воды въ 9 в. отъ Слѣпцовской ст. и ж. д. станціи 20° R.
Михайловскія въ 60° R. Въ 2 в. отъ станицы Михайловской, рядомъ съ предстоящими.
Елисуйскія сѣрно-щелочныя воды. 38°—42° Ц. Въ 11 верстахъ отъ с. Кахъ, въ ущельи р. Курмука—село Елису, а въ боковомъ ущельи въ 8 в. отъ села минер. воды. Каждое лѣто многія тысячи больныхъ пріѣзжаютъ сюда.

в) холодныя сѣрныя воды.

Абанскія. Тифл. губ., 20 в. отъ Гори.
Алагирскія. Терск. обл., въ 27 в. отъ ж. д. ст. Даргохъ.
Гвинскія. Кутаис. губ. 17,5° по Ц.
Званскія, 12,5° по Ц. Кутаис. г., въ 3-хъ в. отъ ж. д. станціи Бежетубань.
Изритскія. Кутаис. губ., на б. Сулори.
Ишкартинскія. Дагестанъ. 12 в. отъ Т. Х. Шуры. 10°.
Кончугаевскій ист. Дагестанъ. 25,5°.

6) Желѣзныя воды.

Чистая анемія, хлорозъ, язвы желудка, хрон. водянка, цынга, кровоточивость, нервныя страданія, невралгія.

а) чисто желѣзныя воды.

Айгриджакскія. 17,5° по Ц. Эрив. г., въ 10 верст. отъ Ново-Баязета.
Артвинскія. 18° по Ц. Отъ Батума въ 80 верст.
Баяндурскія. 17,5° по Ц. Эрив. губ., въ 10 в. отъ Александрополя.

Гамзачеманскія. 9° по Ц. Въ 14 в. отъ Делижана.
Гечикойскій ист. Ново-Баязет. у., Эрив. губ., 17,5° по Ц.
Дарачичагскій, 15,4° по Ц., въ урочищѣ Дарачичагъ, въ 8 в. отъ Ахты.
Дугюнскій. 18,75°. Въ 20 в. отъ Эривани.
Кулашскій. Кутаис. г. близь ст. Самтреди.
Лашкетскія. Кут. губ., у р. Цхенисъ-Цхали.
Лысогорскія. Углекисло-щелочныя воды на вышинѣ 5200 футъ (совсѣмъ зельтерская), въ 20 в. отъ Шуши.
Онскій. Кут. губ. 90 в. отъ Кутаиса. Около Они.
Хипеджскій. Дагестанъ.

в) Желѣзно-щелочныя воды.

Желѣзноводскіе ист. Изъ первой группы кавказск. мин. водъ. Есть великолѣпныя ванны Островскаго, но и масса неустройства.

с) Желѣзно-известковыя воды.

Гаджи-Самлакъ. 11,25—17,6° по Ц. 25 в. отъ Шуши.
Цатверо. Въ 15 в. отъ Боржома.
Уравельскій. 16,25° по Ц. Въ 17 в. отъ Ахалциха.
Утцерскій, въ 12 в. отъ Они. 11,26°.
Кодорскій. На берегу Чернаго моря въ Кут. губ.
Конхидальскій. Дагестанъ. Въ 6 в. отъ укр. Ботлихъ.
Легванскія. 20 в. отъ Кутаиса.
Окрибскія. 12 в. отъ г. Кутаиса.
Цаишьскія. 10 в. отъ г. Зугдиди.
Цхалтубскій. 12 в. отъ г. Кутаиса.
Чирь-Юртовскіе ист., Дагестанъ.

7) Известковыя воды.

Дарачичагскій. Въ урочищѣ Дарачичагъ.
Лысогорскій, 20 в. отъ Шуши.

8) Минеральныя грязи.

Пятигорскія
Тамбуканскія } глиноземъ, желѣзо, гипсъ, магнезія, сѣра, земли,
Въ Пятигорскѣ въ Ермоловскомъ зданіи—грязевыя ванны, съ грязью изъ Тамбуканскаго озера.
Бугарскія на б. Чернаго моря (Морская грязь).
Сальянскія. Соляно-щелочная грязь. Бак. губ.

Ахталинскія сѣрнистыя, щелочныя и соляныя грязи; въ Тифл. губ., у Ахтальскихъ заводовъ. Около 80 в. отъ Тифлиса.
Петровскія. Сѣрно-щелочныя. Въ 2-хъ верст. отъ Петровска.
Темрюкскія. Соляно-нефтяныя. За г. Екатеринодаромъ. Пароходное сообщеніе съ Екат. во время сезона.
Кайтахскія. Сѣрнистыя и соляно-нефтяныя. Дагестанъ, мѣстечко Каякентъ, 45 в. отъ Дербента.

9) Морскія купанія.

Новороссійскъ. Анапа. Джугби. Сочи. Туапсе. Сухумъ. Батумъ. Петровскъ. Дербентъ. Баку. Ленкорань.

2007042878